

Теодор Адорно

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ

АКАДЕМИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ

ТЕОДОР АДОРНО
Р. Невитт Сэнфорд
Эльза Френкель-Брюнsvик
Даниэл Дж. Левинсон

ИССЛЕДОВАНИЕ
АВТОРИТАРНОЙ
ЛИЧНОСТИ

Академия
исследований культуры
МОСКВА
2001

ББК 60.55
УДК 316
А 12

*Данное издание
осуществлено при поддержке Фонда «Прагматики культуры».
Фонд создан в интересах содействия деятельности
в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения
и духовного развития личности.*

А-12 Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. — М., Серебряные нити, 2001. — 416 с.

ISBN 5-94396-020-1

Т. Адорно (1903–1969) сразу же после окончания второй мировой войны становится руководителем крупного эмпирического исследования по изучению корней авторитаризма, проведенного в Западной Германии и США. Результаты исследования показали опасность дрейфа человеческого миропонимания в сторону укрепления пустого автоматизма сложившихся стереотипов, действующих по правилам, узаконенным лишь одной привычкой. Адорно выявил весьма симптоматичное для антидемократической структуры сочетание таких личностных черт, как конвенциальность, покорность власти, деструктивизм и цинизм.

Это исследование имело необычайно активный резонанс и в политических кругах, и в широком общественном мнении, а выпущенная на его основе коллективная монография, предлагаемая читателю в настоящем издании, была переведена почти на все европейские языки и переиздана миллионными тиражами, став первым социологическим бестселлером в послевоенном мире.

ББК 60.55

ISBN 5-94396-020-1

© Култыгин В. П., предисловие, 2001
© Серебряные нити, оригинал-макет, 2001
© Академия исследований культуры, 2001

Теодор Адорно и его концепция авторитарной личности

Беря в руки эту книгу, читатель знакомится с первой, изданной на русском языке, монографией одного из основоположников Франкфуртской школы — одной из ведущих школ в философии, социологии и других социальных наук двадцатого столетия. Для начала — несколько слов об этом крупнейшем и влиятельнейшем направлении современной мысли зародившемся в двадцатых-тридцатых годах в Германии, а сегодня плодотворно развивающемся не только в университете Франкфурта-на-Майне, но и в Сорбонском, Колумбийском, Оксфордском, Женевском и в других ведущих университетах Западной Европы и США.

Методологическим пафосом при возникновении Франкфуртской школы стали отвержение социологического позитивизма с его отделением ценностей от фактов, приверженность гуманизму — идее освобождения человечества от всех форм эксплуатации, доминирования или подавления, акцент на значимость человеческого начала в социальных отношениях. Еще одно широко распространенное название этого направления — критическая теория общества.

Институционально критическая теория зародилась в стенах Института социальных исследований, основанного во Франкфуртском университете в 1923 году по инициативе Феликса Вейля. Основными темами для и изучения первоначально были предрассудки, антисемитизм, авторитарно ориентированная личность, критика гегелевского понимания разума, взаимодействие инструментального знания и современного общества. Одной из центральных категорий теоретического анализа франкфуртцев была категория праксиса (эманципирующий интерес), которая впервые в гуманистическом ключе появляется в ранних рукописях Карла Маркса, найденных и заинтересованно осмысленных венгерским обществоведом Дьердем Лукачом.

Ища творческое вдохновение в марксизме и психоанализе Франкфуртская критическая теория всегда оставалась не зависимой от каких бы то ни было политических партий. Школа особенно громко заявила о себе с момента прихода к руководству Институтом социальных исследований Макса Хоркхаймера. Наряду с Хоркхаймером и Адорно классиками этого направления считаются также Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Юрген Хабермас. А на первом этапе в становлении школы активно участвовали также Лео Левенталь, Карл Корш, Вальтер Беньямин. Весной 1933 года, в связи с приходом Гитлера к власти, подавляющему большинству сотрудников Института пришлось эмигрировать. Институт, после открытия своих отделений в Париже, Лондоне и Женеве, был фундаментально воссоздан в Нью-Йорке на базе Колумбийского университета. Здесь в 1944 году Институтом были

проведены исследования по проблемам формирования и воспроизводства авторитарной личности, что позволило на американской почве продолжить качественные исследования, данные о которых были впервые опубликованы во Франкфурте в 1936 году. В 1950 году часть исследователей во главе с Хоркхаймером вернулись во Франкфурт, где получили дальнейшую известность благодаря работам, носящим критический характер по отношению к современной цивилизации и использовавшим философские и социологические способы интерпретации этой цивилизации. Нацеленность на изучение поведения привела их к конфронтации с представителями логического позитивизма.

Свой главный метод франкфуртцы назвали «имманентной критикой». В его основе лежат способы описания и оценки, восходящие к Марксу и Гегелю. Тематикой критической школы первоначально было изучение новых социальных тенденций — например, растущая роль государства в социальном планировании и контроле. Затем, после подъема фашизма, франкфуртцы сосредоточились на изучении новых форм и источников авторитаризма в культуре, идеологии, в процессах развития личности, на поиске новых сил, противостоящих авторитаризму. «Делая упор на значимость и относительную автономию культуры, сознания и активизма, — считают авторы четырехтомной американской «Энциклопедии социологии». — они разработали инновационную, гуманистическую и открытую версию марксизма, избегающего детерминизма и классового редукционизма» [*Encyclopaedia of Sociology*. V.1. — N.Y.: McMillan Publ. Co., 1992, p. 384].

В целом можно охарактеризовать Франкфуртскую школу как влиятельное течение гуманистической мысли, базирующую свою рефлексию на тезисе о предполагаемом существовании подлинной, аутентичной человеческой природы.

Какое же место занимают во Франкфуртской школе Теодор Адорно и его собственные авторские концепции? Прежде всего, он, наряду с Хоркхаймером, является соавтором основополагающего теоретико-методологического труда «критической теории» — «Диалектики просвещения», в которой заложены и раскрыты фундаментальные принципы анализа Франкфуртской школы. Адорно — главный теоретик франкфуртцев в области художественной культуры, особенно музыкальной, по проблемам эстетики.

Наконец, волею судеб, он сразу же после окончания второй мировой войны становится руководителем крупного эмпирического исследования по изучению корней авторитаризма, проведенного в Западной Германии и США. Это исследование имело необычайно активный резонанс и в политических кругах, и в широком общественном мнении, а выпущенная на его основе коллективная монография «Авторитарная личность», переведенная почти на все европейские языки и персизданная миллион-

ными тиражами, становится первым социологическим бестселлером в послевоенном мире.

В понятие авторитаризма Адорно вкладывал политический монополизм, существование в стране единственной или господствующей партии, отсутствие оппозиции, ограничение или же подавление политических свобод в обществе. Ведущим типом личности в таком обществе является авторитарная личность с присущими ей чертами социальным консерватизмом: потребностью в иерархии и уважением силы; с ригидностью, негибкостью установок; стереотипным стилем мышления; с более или менее стадной враждебностью и агрессивностью, иногда вплоть до садизма; с тревогой по отношению к другим и невозможностью устанавливать с ними доверительные отношения.

«Новая Энциклопедия Британика» характеризует Адорно как философа, известного в социологии, психологии и музыковедении, как одного из создателей Франкфуртской школы критической теории, внесшего важный интеллектуальный вклад в возрождение Германии после второй мировой войны.

Родившись 11 сентября 1903 года во Франкфурте-на-Майне, Теодор был единственным ребенком ассимилированного еврея, виноторговца Визенгрунда и его жены-католички Адорно, певицы с именем, происходящей из знатного корсиканского рода. Именно матери Теодор обязан формированию у него аристократической чувственности и страсти к музыке. В средней школе его другом был Зигфрид Кракауэр, написавший впоследствии ставшую популярной книгу «От Калигари до Гитлера». Целый год друзья все субботы после обеда посвящали чтению «Критики чистого разума» Канта. Уже в конце своей жизни Адорно вспоминал: «Я отдавал этому чтению преимущество перед школьными учителями». Его окончательно покоряет философия в 1923 году, когда он знакомится с Вальтером Бенямином. Но, тем не менее, на первых порах страсть к музыке была еще сильнее. Живя в родном Франкфурте, он изучает композицию и игру на фортепьяно у Эдуарда Юнга и Бернгарта Зсклеса, но, в поисках большего профессионализма в музыке, отправляется в Вену.

Здесь, погруженный в атмосферу артистической жизни, он становится учеником, а затем и другом Альбана Берга, Эдуарда Штойерманна, Рудольфа Колиша и Антона фон Веберна. Технику музыкальной композиции он изучал у Арнольда Шенберга и в 1928–1931 гг. активно сотрудничал в журнале «Anbruch», посвященном «радикальной» современной музыке. Уже в восемнадцать лет Адорно опубликовал две критические статьи о музыке. Большой резонанс получила его статья в журнале «Анбрух» в защиту атональной музыки Шенберга. Увлеченность музыкой сопровождалась неизменно постоянным интересом к философии, в частности, к эстетике. Большое влияние на него оказала работа Дьердя Лукача «Теория романа»(1920), доказывавшая, что прогресс в эстетике тесно связан с

историческими преобразованиями структуры переживаемого опыта. «Аналогичный случай», который он, как говорит, нашел в обеих дисциплинах, — это то, чего не хватает в современном искусстве и культуре в обществе, все более охваченном технологической рациональностью. Общество, которое позволяет себе изменить традиционным идеалам, увлеченное такой культурой, готово к погружению в тоталитарное варварство, нацистское или сталинистское. Свою первую работу на право преподавания (*Habilitationsschrift*) он посвятил Фрейдю, предприняв смелую попытку легитимизировать Фрейдов метод психоанализа опираясь на неокантиантскую концепцию Корнелиуса. В заключительной части работы содержалась марксистская критика идеологических функций нефрейдовых теорий бессознательного, что, как посчитали оценивающие эту работу профессора, было не совместимо с идеализмом всего остального анализа, и работа не была принята.

Начинал Адорно свою творческую деятельность в рамках Франкфуртской школы как теоретик музыки. Его первые статьи появились в знаменитом институтском журнале «*Zeitschrift für Sozialforschung und Sozialpolitik*» под псевдонимом Гектор Роттвейлер: «О джазе» (1932) и «О фетишизме в музыке и регрессии слушания» (1936). Его анализ музыки как буржуазного культурного явления вышел далеко за рамки критики ее идеологического содержания. Он настаивал на том, что буржуазные артисты и мыслители, несмотря на собственные политические взгляды, а часто и вопреки собственным намерениям, выражали в форме нерешенных напряжений в своих работах скрытую социальную критику и латентную утопическую перспективу. В этой связи важнейшей задачей критика-интерпретатора искусства является раскрытие и освещение именно этого момента в их творчестве.

В 1934 году в связи с шестидесятилетним юбилеем Шенберга Адорно опубликовал свое эссе «Диалектический композитор», в котором доказывал, что с помощью имманентной логики музыкального материала Шенберг диалектически отрицал и имманентно превзошел буржуазную тональность, а ставшая результатом этого атональная революция не только освободила музыку от ее идеологической социальной функции, но и предложила когнитивную модель для недоминирующих социальных структур.

Собственной целью Адорно считал достижение аналогичного результата в области философии и социологии. Он, в частности, избрал полем своего анализа критику феноменологии Гуссерля.

Как крупный теоретик Адорно начинает формироваться, начав сотрудничать с Максом Хоркхаймером. Они, наряду с Вальтером Бенямином, Бертольдом Брехтом, Эрнсом Блохом, Ласло Мохольт-Надем и Катариной Карплус (на которой Адорно женился в 1937 г.), становятся постоянными участниками левого литературного кружка в Берлине. Именно тогда он полностью принимает аргумент Вильгельма Райха о том, что социальная

структура отражена в структурах характера. Настольной книгой молодых немецких радикалов становится работа Д. Лукача «История и классовое сознание» (1923), в которой анализируются связи общественного сознания и структуры общества.

Один из его коллег и друзей В. Беньямин разрабатывает эзотерические когнитивные теории, которые Адорно стремится перевести в диалектический, материалистический метод экзегезиса. Термин «экзегеза» вошел в научный обиход в средние века и означал толкование, комментирование библейских или античных текстов. Адорно пишет диссертацию, посвященную Кьеркегору и защищенную в 1931 г., и применяя свой метод экзегезиса, отмечает решающее влияние философской ориентации на эстетику будущего. В работе о Кьеркегоре содержится скрытая критика работы Мартина Хайдеггера «Бытие и время» (1927), очень бурно обсуждавшейся тогда среди немецких обществоведов.

Вторая габилитационная работа анализировала феноменологическую концепцию Гуссерля как наиболее продвинутую форму буржуазного идеализма, своего рода теорию «развитого упадка». Тактика его изложения состояла в следующем: сосредоточиться на логических несоответствиях гуссерлианства с тем, чтобы то, что на первый взгляд кажется логическим противоречием, рассматривалось бы как рефлексия социального противоречия — не как философская ошибка, но как отражение материальной истины. Показывая, что социально конкретная, исторически специфичная реальность пронизала все предпосылки и категории Гуссерля: автономность разума, приоритет мысли, внеисторичную универсальность истины, Адорно надеялся показать ложность фундаментального идеалистического допущения о том, что такие категории не зависимы от истории и доказать, что диалектические, материалистические принципы (приоритет материи, необходимость логики противоречий) должны быть приняты взамен гуссерлианских.

Эта работа была поддержана Паулем Тиллихом и в 1931 году он принят преподавателем в университет. В том же году Хоркхаймер стал директором института социальных исследований. Первыми штатными сотрудниками при нем становятся Эрих Фромм, Лео Левенталь, Герберт Маркузе и Фридрих Поллок, а совместителями — Адорно и Беньямин.

По иронии судьбы в момент, когда перед Теодором открывалась университетская карьера, Гитлер пришел к власти в тот самый день, когда была опубликована его работа. Он потерял право на преподавание и вынужден был эмигрировать.

Сначала Адорно оказывается в Британии, где он преподает в Мертон-колледже Оксфордского университета — читает курс лекций по концепции Гуссерля, затем, после четырех лет пребывания в Великобритании, перебирается в США. Здесь Адорно стал руководителем музыкальных исследований в знаменитом Принстонском проекте «Office of Radio Research».

генеральным директором которого был Пауль Лазарсфельд. В это время Адорно разрабатывает и использует «социальную физиогномику» при анализе радиомызыки. «Социальная физиогномика» — это предложенный им метод специфической, оригинальной интерпретации антагонизмов социального целого по отдельным, частным деталям современного опыта. Вскоре, однако, становится очевидным, что критическая, теоретическая природа его подхода не совместима с маркетинговой концепцией исследования, ориентированного на сбор конкретных эмпирических данных, таких, например, как «что нравится и что не нравится» аудитории радиослушателей. Вот почему финансирование его работы закончилось в 1939 году.

Тогда Адорно перебирается к Макс Хоркхаймеру в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса (UCLA) в Беркли. Начинается период их самого тесного сотрудничества. Они приняли аргумент экономиста Фридриха Поллока о том, что в советской России сложился государственный капитализм, очень похожий на бюрократическую структуру интервенционистского государства, предложенную и реализуемую в США Франклином Рузвельтом в его знаменитом «Новом курсе», и доказывали, что любым подобным структурам внутренне присущ авторитаризм. Если на ранней стадии они рассматривали реификацию (овеществление) в качестве главного идеологического препятствия, стоящего перед критическим сознанием, а критический разум считали главным способом ее преодоления, то впоследствии, после мрачных лет Освенцима и Хиросимы, главным предметом их внимания стало пассивное подчинение власти, а сам разум начал оцениваться ими как форма доминации, господства. Их отношение к собственным интеллектуальным усилиям состояло в том, что это не столько предвосхищение социальной революции, но просто борьба за выживание критического сознания.

Новый пессимизм означал разрыв с радикально-либеральной традицией. Адорно и Хоркхаймер тесно сотрудничали, разрабатывая следствия (импликации) своей социальной теории. Они анализировали тоталитарные тенденции, общие для политических структур фашизма, позднего капитализма и государственного капитализма, а также когнитивные структуры авторитаризма, антисемитизма и культурного конформизма, которые, как они доказывали, своим результатом имеют «вымирание эго», бессилие субъекта в тотально «администрируемом мире». Именно на этой платформе родился главный методологический труд Франкфуртской школы — «Диалектика просвещения» (1947). В нем авторы изложили критическую историю разума как «диалектику просвещения», где просвещение понимается как процесс рационального овладения природой, восходящий к истокам городской цивилизации. Главный их тезис: разум, который должен был демифологизировать мир и освободить людей, сам превратился в миф. Не терпя ничего внешнего, что «не идентично» ему самому, он предоставил новое орудие не только для социального подавления, но и для господства

над природой, включая сюда и человеческое тело. Он легитимизировал, узаконил психологические, сексуальные и физические репрессии.

Будучи методом позитивистского исследования, без вопросов признающим эмпирические данные, но одновременно также и являясь основанием скорее для консенсуса, чем для критической политики, разум стал инструментом конформизма. И в этом смысле его идеологическая функция стала сравнима с функцией массовой культуры. «Диалектика просвещения» включала и теорию «культурной индустрии», доказывающую, что как удобство современная культура (равным образом и высокоинтеллектуальная, и популярная) замкнута в структурах доминанции и интернализировала авторитарные формы этих структур. Новые технологии средств массовой информации — это просвещение массового обмана: имея целью развлечь, они развивают покорность пассивной аудитории; имея целью поддерживать постоянную новизну, они поставляют повторы постоянно идентичного.

Феномен антисемитизма тесно связан как с подавляющим разумом, так и с массовой культурой, потому что он демонстрирует ту же нетерпимость и боязнь «неидентичного», ту же нехватку воображения, ту же неспособность к автономному, критически-когнитивному опыту.

Во второй половине 40-х гг. Адорно снова был вовлечен в проект, требующий перевода его метода в эмпирическое социальное исследование, — сам он эту задачу сравнивал с квадратурой круга. В рамках серии «Изучение предрассудков», издаваемой Хоркхаймером на деньги Американского еврейского комитета, он вместе с социальными психологами Невиттом Санфордом, Даниелем Левинсоном и Эльзой Френкель-Брунстик (The Berkeley Public Opinion Group) разрабатывал экспериментальный метод изучения антисемитизма. Результаты исследования и их интерпретация были опубликованы в знаменитом коллективном труде «Авторитарная личность» (1949), где Адорно был руководителем авторского коллектива и ответственным редактором. Книга вызвала много споров, в этой связи можно назвать, например, сборник «Исследования выборки и метода авторитарной личности», вышедший в 1954 г. в издательстве «Фри Пресс» под редакцией Ричарда Кристи и Марии Ягода.

Теоретическая база исследования вытекала из идей «Диалектики просвещения», определявшей, что антисемитизм, будучи ложно сориентированным протестом против экономической несправедливости, делавшим свerve козлами отлучения, является лишь одним из элементов «структуры авторитарного характера», а это, в свою очередь, имеет корни в объективных социальных условиях. Характеристики авторитарного типа включают пассивность, конформизм, ригидность (негибкость) мысли, склонность к стереотипам, отсутствие критической рефлексии, сексуальное подавление, страх и отвращение, вызываемое всем «не-идентичным». Исследовательская программа состояла в разработке вопросника, который обнаружит присут-

ствии этих черт, составляющих взаимосвязанную структуру. Оригинальное решение этой задачи было очень похоже на «социальную физиогномику» Адорно.

На основе частных ответов, в данном случае — ответов на поставленные вопросы — берклианская группа выводила общую структуру характера, одновременно раскрывая не демонстрируемые, но латентные, скрытые значения ответов. Варианты ответов оценивались по *F*-шкале, а кластеры ответов, набравшие на ней высокие баллы, расценивались как симптоматичные для «фашистских» тенденций. Антифашистская структура характера — критического, не-конформного, открытого, со значительно более разнообразными свойствами — имела тенденцию вообще не подпадать под типологизирующую процедуру. В качестве способа проверки количественных результатов *F*-шкалы проводились глубинные интервью с использованием контент-анализа. Адорно взял на себя задачу интерпретации этих интервью, используя плотный текстуальный анализ, типичный для его критических эссе.

В 1949 году город Франкфурт пригласил Хоркхаймера восстановить Институт социальных исследований при университете. Адорно возвращается в качестве со-директора ИСИ из США во Франкфурт. Это свое решение он объяснял как стратегическими мотивами, так и языковыми. Стратегия — это необходимость восстановления Института социальных исследований, а немецкий язык, по мнению Адорно, «имеет совершенно исключительную близость с философией, во всяком случае, с ее умопытельным аспектом». Здесь в 1953 году его избирают директором ИСИ, а в 1964 году председателем Германского социологического общества.

Разрабатываемая им в эти годы «критическая теория» сыграла важную роль в интеллектуальном восстановлении Германии, «предоставив студентам фрейд-марксистский контекст для анализа фашизма и критической переоценки традиции германского просвещения» [International Encyclopedia of the Social Sciences, V.18, N.Y.—L.: The Free Press, 1979, p.9].

Тот факт, что Франкфуртский институт социальных исследований был антисоветским, равно как и антифашистским, позволил ему процветать в климате «холодной войны». «Критическая теория» оставалась преданной демократическим идеалам. Однако она осуждала как псевдодемократию наложение эгалитарных форм на иерархичное, классово структурированное общество. Более того, благодаря главным образом американскому опыту Адорно, Институт сопротивлялся «маркетинговым» методам в социальных науках и англо-саксонскому эмпиризму в философии. А ведь и то, и другое было очень влиятельно в качестве интеллектуального аккомпанемента военной оккупации. Следовательно (в частности, благодаря критике массовой культуры), критическая теория противостояла также и гегемонии союзников.

Его немецкие периоды творчества были для него необычайно насыщенными и разнообразными по сферам приложения усилий. Широкий резонанс в Германии получила написанная им книга афоризмов «Минима моралиа» (1956). Как композитор он писал песни, произведения для квартета и оркестра. Он, в частности, был музыкальным советником Томаса Манна при написании последним «Доктора Фауста». В последние годы много его работ посвящено социально-критическому анализу различных интеллектуальных движений. Он работал необычайно разнообразно и плодотворно. Вот лишь некоторые из областей, в которых ему удалось внести заметный вклад: литература, музыка, теория познания, эстетика, социология, публицистика. Перечислим наиболее значительные из его книг второго немецкого периода: «Разыскания о Вагнере» (1952), «Диссонансы. Музыка в развороченном мире» (1956), «К метакритике познания» (1956), «Заметки о литературе. I, II, III» (1958, 1961, 1969), «Теория поверхностного образования» (1962), «Музыкальные моменты» (на франц. яз., 1964), «Аспекты гегелевской философии» (1957), «Введение в музыковедение» (1962), «Негативная диалектика» (1966), «Позитивистское течение в немецкой социологии» (1969), «Композиция фильма» (совм. с Ейслером, 1969). Уже после его смерти, в 1971 году вышло собрание его сочинений, насчитывающее двадцать томов.

Большой резонанс получила полемика между Франкфуртской школой и позитивистами, в которой приняли участие Теодор Адорно и Карл Поппер, Юрген Хабермас и Карл Альберт. В Германии она получила название «Positivismusstreit» (Позитивистский диспут) и стала заметным событием в интеллектуальной жизни Западной Европы. По сути она представляла собой противостояние либеральной и радикальной критики современного познания. Внешне в концепциях «критической теории» Адорно и «критического рационализма» Поппера было много общего: обе теории противостояли специализации и бюрократизации научного поиска, обе критиковали структуры закрытой мысли и тотальные системы, обе осуждали низведение разума до некритического социально-технологического института. Однако их реальное и серьезное различие лежало в политической сфере.

Поппер полагал, что что свободные, состязательные дебаты «сообщества ученых» возможны в западном обществе и приведут к теоретической когерентности, сплоченности. Адорно же считал, что такие дебаты неизбежно будут искажены господствующими экономическими и социальными структурами, в рамках которых они ведутся, а теоретическая когерентность при этом выполняет идеологическую функцию, маскируя социальные противоречия. Из-за того, что Адорно рассматривал социальное освобождение в качестве обязательного предварительного условия для разрешения теоретических противоречий, он полагал, что его позиция созвучна освободительным интересам эксплуатируемого класса. По

иронии судьбы Поппер, атакуя эзотерический язык и труднопонимаемое гегелевское наследие в «критической теории», рассматривал себя как защитника антиэлитарной, демократической позиции.

Для Адорно главная политическая проблема заключалась в том, что разум не применяется критически для оспаривания данной реальности. Вместо этого мысль или господствует над реальностью (идеализм), либо реальность господствует над мыслью (эмпиризм), а когда любой из полюсов берется в качестве философской первопричины, мысль входит в противоречие со статус-кво. Главная теоретическая проблема для него состоит в том, чтобы определить диалектический метод без идентификации, при которой напряжение между мыслью и реальностью остается не решенным.

Свой главный методологический труд, вышедший в 1966 г. он озаглавил «Негативная диалектика» для того, чтобы отличить свою концепцию от гегелевского идеализма. С другой стороны, это был метод доказательства, основанный на неидентичности понятий их объективному содержанию (например, разума — реальности) на нескольких уровнях:

1) объект не дотягивает до своего понятия («рациональное» общество на самом деле иррационально);

2) понятие оказывает насилие по отношению к идентифицируемому объекту (разум схватывает реальность, господствуя над ней);

3) только противоречивые понятия (правда — миф) могут определить объект (реальность), являющийся в действительности противоречивым.

Можно также сказать, что негативная диалектика — это метод экзегезиса, основанный на неидентичности между значением текста и намерением автора — когда тексты интерпретируются диалектически, не приводится очевидных аргументов против, таким образом субъективные, культурные, познавательные процедуры могут быть прочитаны как шифры объективной социальной тотальности.

Нерешаемая природа негативной диалектики запрещает «критической теории» становиться систематизированной социальной теорией. Адорно, например, не пытается примирить Фрейда и Маркса, поскольку он полагал, что такой синтез ослабит критический потенциал обоих. Вместо этого Адорно использует их теории контрапунктом — он интерпретирует психологические явления как отражение социально-экономической структуры, но в то же время анализирует социально-экономическую структуру в терминах ментальных явлений (культура, познание, структура характера), ее поддерживающих.

Те же уточненные методы он применял и при интерпретации явлений массовой культуры. Его критиковали, в частности Эдвард Шилз в статье «Дневные мечты и кошмары» [Daydreams and Nightmares // Sewanee Review, 1957, п.65, р.587–608], за неумение оценить демократические черты массовой культуры. Однако он воспринимал джаз или газетные гороскопы с той же философской серьезностью, как и текст Хайдеггера, и полагал, что

когда они читаются критически, они не менее способны осветить социальную истину.

Чтобы оценить марксистские компоненты творчества Адорно, необходимо понять, что для него диалектический материализм всегда был методом познания, диктуемым самим материалом, независимо ни от какой классовой точки зрения.

В конце 50-х годов его университетская деятельность во Франкфуртском университете имени Гете почти постоянно вовлекает его в конфликты, будоражащие политическую и культурную жизнь ФРГ: уже говорилось об острой перепалке с позитивизмом в обществоведении и полемике с Карлом Поппером: еще одна проблема его бурного реагирования — это реформа системы высшего образования в ФРГ. 1968 год застает его в схватках с движением немецкого студенческого протеста, которое откликнулось на известные майские события в Париже серией забастовок и демонстраций. Адорно же скептически отнесся к объективной возможности революции и поддерживал свой статус неучастия. Студенты часто ставили ему в упрек, что своей «критической теорией» он персонально заключает соглашение с существующим истеблишментом. Со своей стороны, Адорно без колебаний отвергает активизм фракции немецкой Новой Лево́й. Он убежден в необходимости структурной трансформации социальных отношений, но остается абсолютно убежденным в том, что подлинный революционный праксис должен быть праксисом ненасильственным.

Его внезапная смерть во время каникул от сердечного приступа 9 августа 1969 года оставила незавершенными две работы, которым он придавал важное значение: «Эстетическую теорию» и монографию о Бетховене.

Систематическое изложение теоретических концепций Адорно встречается как минимум с двумя трудностями. Одна состоит в том, что его деятельность не принадлежит исключительно к какой-либо одной области. Адорно — пианист, музыкант и композитор, может быть также равным образом назван философом, социологом, эстетиком и писателем. Другая сложность состоит в том, что, по его собственному утверждению, подлинная философия не поддается изложению, резюмированию, и это требует от толкователя постоянных объяснений и комментариев. Один из аналитиков его творчества Марк Хименес называет его способ изложения паратактическим: «расположение фрагментов его дискурса (рассуждения) умышленно отрывочно, организовано в форме созвездий вокруг центральной темы. Его философия изначально враждебна любой системе, наиболее адекватное выражение она находит в афоризме, либо во множестве моделей» [Jimenez M. Adorno // Dictionnaire des Philosophes. V.1 2me ed. — P.: PUF, 1984, p. 24].

В известной французской энциклопедии «La Grande Larousse» отмечается, что «критическая теория общества» Франкфуртской школы приняла у Адорно «намеренно пессимистические акценты радикального

отказа... Необходимо достичь определенного страдания в качестве философской категории, но он сохраняет ностальгию по «примирению» (реконсалиации). Его эстетика, которая не всегда избегает элитарности, отвергает индустрию культурного потребления (Kulturindustrie) и подчеркивает в искусстве функцию протеста, полного разрушения существующего порядка» [La Grande Larousse. V.1. P.:Larousse, 1995, p. 122]. А одна из посвященных его творчеству работ, вышедших в Лондоне, называется: «Меланхолическая наука. Введение в теорию Т. Адорно» [Rose G. The Melancholy Science. An Introduction to the Thought of T.W.Adorno. — L.: Basinsstoke, 1978].

проф. В.П. Култыгин, д. филос. н.

І. Введение

А. Проблема

Исследования, о которых здесь пойдет речь, были ориентированы на гипотезу, согласно которой политические, экономические и общественные убеждения индивида нередко образуют своего рода всеобъемлющий и когерентный образ мышления, стержнем которого является «склад ума» или «дух», а сам образ мышления является выражением скрытых черт индивидуальной структуры характера.

В центре интересов исследователей был *потенциально фашистский индивид* — индивид, чья структура делает его особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. Мы употребили слово «потенциальный» поскольку мы занимались не теми лицами, которые объявляли себя фашистами или принадлежали к известным фашистским организациям. Во времена, когда мы собирали основную часть нашего материала, фашизм только что потерпел поражение в войне, и, поэтому, мы не могли рассчитывать на то, чтобы наши испытуемые открыто идентифицировали себя с фашизмом. Однако было нетрудно обнаружить лиц, воззрения которых позволяли предположить, что они охотно приняли бы фашизм, если бы ему удалось превратиться в достаточно сильное и уважаемое движение.

Концентрируясь на потенциальных фашистах, мы ни в коей мере не считаем, что другие структуры характеров и идеологии менее интересны или поучительны как объекты изучения. Однако мы полагаем, что ни одно социально-политическое течение не представляет собой столь серьезной угрозы нашим традиционным ценностям и институтам, как фашизм, и, наконец, что с фашизмом легче бороться, познав психологические силы, способствующие ему. Если же нас спросят, почему мы, коль скоро мы хотим исследовать новые средства борьбы с фашизмом, не уделяем в равной мере внимание также и «потенциальному антифашисту», мы ответим, что безусловно изучаем главные черты, свойственные антифашистской оппозиции, однако, последние не укладываются в один определенный образ мышления. Центральное место среди результатов этого исследования принадлежит выводу, согласно которому лица, наиболее восприимчивые к фашистской пропаганде, имеют очень много общего. (Они проявляют многие характерные особенности, складывающиеся в единый синдром, при том что в рамках этой основной структуры наблюдаются типичные отклонения.) Лица, решительно отвергающие фашизм, в большей мере отличаются друг от друга. Задача диагностировать потенциальный фашизм и выявить его детерминанты потребовала специально разработанных для этой цели приемов, от которых нельзя было ожидать, чтобы они в той же степени годились для исследования иных образцов мышления. Несмотря на

это выявлено несколько типов структур характера, особо резистентных по отношению к антидемократическим идеям. О них будет сказано в дальнейших разделах.

Коль скоро существует потенциальный фашистский индивид, то что он представляет собой при ближайшем рассмотрении? Как возникает у него антидемократический образ мышления? Какие личностные факторы структурируют его мышление? Насколько широко такого рода индивиды распространены в нашем обществе? Каковы их детерминанты, каков процесс их развития?

Данное исследование должно помочь ответить на эти вопросы. Даже если наш постулат, согласно которому потенциальный антидемократический индивид представляет собой нечто цельное, выглядит достаточно приемлемой гипотезой, он должен впредь подвергаться проверке. В исследованиях, посвященных проблеме политических типов людей, следует различать две основные концепции: концепцию идеологии и концепцию человеческих потребностей, лежащих в основе идеологии. Хотя и то, и другое в индивиде следует рассматривать как единое целое, они могут быть исследованы в отдельности. Одни и те же идеологические тенденции у разных индивидов могут иметь различные причины, а одни и те же личные потребности могут находить выражение в различных идеологических тенденциях.

Термин «идеология» в этой книге употребляется в том значении, в котором он употребляется в современной литературе: он обозначает систему мнений, поведений и представлений о ценностях — образ мыслей о человеке и обществе. Мы можем говорить об идеологии индивида в целом или о его идеологии в различных областях социальной жизни: политике, экономике, религии, в вопросе о различных меньшинствах и др. Идеологии существуют независимо от отдельного человека (независимые идеологии определенных эпох являются результатом как исторических процессов, так и текущих социальных событий). В зависимости от индивидуальных потребностей и меры их удовлетворения или неудовлетворения, они имеют для отдельных индивидов различную притягательную силу.

Разумеется, есть люди, абсорбирующие идеи более чем от одной из существующих идеологических систем и синтезирующие их в образ мышления, являющийся в той или иной мере исключительно их собственным образом мышления. Однако, при изучении мнений, поведения и представлений о ценностях достаточно большого количества лиц, скорее всего, были бы выявлены общие для них образы мышления. Во многих случаях они, возможно, и отклонялись бы от наиболее популярных идеологий, но все они соответствовали бы вышеописанному понятию идеологии, а в каждом отдельном случае выявилось бы, что они выполняют функцию приспособления индивида к обществу.

В самом начале исследования относительно потенциального фашистского индивида исходным пунктом наших размышлений был антисемитизм.

Солидаризируясь с большинством обществоведов, авторы разделяют точку зрения, согласно которой антисемитизм в значительно большей степени базируется на субъективных факторах и общей ситуации, в которой находится антисемит, чем на подлинных свойствах евреев, и что детерминацию антисемитской установки следует искать прежде всего в личности ее носителя. Поскольку этот акцент на структуру характера с необходимостью выдвигает на первый план не социологические или исторические, а психологические подходы (хотя в конечном счете все эти три аспекта можно отграничить друг от друга только условно), мы не стремились объяснить существование антисемитских представлений причинами общественного характера. Более того, вопрос ставился следующим образом: «Каким образом получается так, что определенные люди принимают такого рода идеи, в то время как другие — нет?» И поскольку исследование с самого начала ориентировано на вышеупомянутую гипотезу, мы исходили из предположения, (1) что антисемитизм не есть особое или изолированное явление, а часть объемной идеологической системы, и (2) что восприимчивость индивида к такого рода идеологиям в первую очередь зависит от психологических потребностей

Что касается предварительных выводов и гипотез относительно антидемократических индивидов, то прежде чем их можно будет признать окончательными, они должны быть подвергнуты многочисленным и тщательным наблюдениям — во многих случаях с помощью количественного анализа. Чтобы с уверенностью можно было сказать что множество мнений, линий поведения и представлений о ценностях, демонстрируемых тем или иным индивидом действительно представляют собой консистентную структуру или организованное целое, необходимо самым интенсивным образом исследовать этого индивида. Известна лишь одна методика, позволяющая установить, образуют ли групповые мнения, типы поведения и представления о ценностях определенные образы мышления, из которых одни более распространены, чем другие. Она заключается в том, чтобы измерить определенное множество мыслительных содержаний в заранее определенных группах испытуемых, а затем с помощью стандартизованных статистических методов определить, какие из них соотносятся друг с другом.

Многим социопсихологам научное изучение идеологии, как она определена выше, представляется делом безнадежным. Измерение отдельной специфической, изолированной установки с необходимой точностью является продолжительной и мучительной процедурой для обоих — и объекта исследования, и самого исследователя. (Часто утверждают, что установка, если она не специфична и не изолирована, вообще не может быть корректно измерена.) Как же можно тогда вообще надеяться на то, что в рамках приемлемого времени можно охватить бесчисленные образы поведения и представления, которые в своей совокупности составляют идеологию? Ясно, что для этого необходим отбор. Исследователь должен ограни-

читься существенным, а что является существенным, можно определить лишь с позиций теории.

Теории, определяющие ход этого исследования, будут изложены позднее в соответствующем контексте. Теоретические размышления сопровождают нашу работу на всех ее стадиях, однако в ее начале должно быть изучение наиболее легко наблюдаемых и относительно специфических мнений, поведений и представлений о ценностях.

Мнения, поведения и представления о ценностях, как мы их понимаем, с большей или меньшей точностью поддаются описанию в словах. Но с психологической точки зрения они остаются «на поверхности». Однако степень откровенности каждого отдельного человека при ответах на аффективно заряженные вопросы (к примеру, относительно меньшинств или текущих политических событий) зависит от ситуации в каждом случае. В определенных случаях может возникнуть несоответствие между тем, что говорит и что «на самом деле думает» испытуемый. То, что он думает на самом деле, он, по-видимому, выскажет в доверительном разговоре с близкими друзьями. Все это, с психологической точки зрения лежащее относительно неглубоко от поверхности, психолог может непосредственно наблюдать, если он при этом использует адекватные методы. Именно это мы и пытались сделать.

Между тем у индивида могут быть и «тайные» мысли, которые он, если это возможно, ни при каких обстоятельствах не выдаст. Это могут быть и мысли, в которых он не желает признаться самому себе. Это могут быть мысли, о которых он не говорит вслух, поскольку они настолько смутные и неупорядоченные, что он не способен их выразить в словах. Найти доступ к этим скрытым тенденциям особенно важно, потому что, по-видимому, именно здесь находится потенциал для демократических или антидемократических идей и действий в решающих ситуациях.

То, что люди говорят, и в известной степени даже то, что они думают на самом деле, не в последнюю очередь зависит от духовного климата, в котором они живут. Если этот климат меняется, то один приспосабливается к нему быстрее, чем другой. Если заметно усилится антидемократическая пропаганда, то некоторые люди быстро воспримут ее и тут же передадут дальше, другие же — только если им покажется, что «этому верят все», третьи же не поддадутся и в этих условиях. Иными словами, индивиды очень различны в своей *предрасположенности* к антидемократической пропаганде, в своей готовности проявить антидемократические тенденции. Для того чтобы измерить фашистский потенциал в этой стране, представляется необходимым исследовать идеологию на этой «ступени готовности». В Германии до прихода Гитлера к власти наблюдалось меньше открытого антисемитизма, чем сейчас у нас. Являются ли его перспективы у нас, как хочется надеяться, более скромными, можно установить только путем интенсивных исследований, в ходе которых будет четко зафиксировано все

видимое и изучено то, что под этим видимым скрывается. Что касается соотношения идеологии и действия, то у людей, задающихся антидемократической пропагандой и открыто участвующих в нападениях на меньшинства, обычно предполагается конгруэнтность между действиями и мнениями, поведением и представлениями о ценностях. Порою, правда, утешает мысль о том, что иные из тех, кто высказывает антидемократические воззрения, не реализуют их, а, возможно даже, и не желают этого. И здесь снова возникает вопрос о потенциальности. Точно так же, как и открытое вербальное высказывание, откровенное действие в большой мере зависит от данной социально-экономической ситуации, однако различные индивиды сильно отличаются друг от друга своей готовностью к тому, чтобы дать втянуть себя в активные действия. Исследование этого потенциала является частью исследования общей идеологии индивида. Выводы относительно того, какие и какой интенсивности мнения, типы поведения и представления о ценностях могут подвигнуть индивида на действия, и какие личностные факторы способны удержать его от них, имеют большое практическое значение.

То что идеологически обусловленная готовность к восприятию, вербальная идеология и идеология, выражаемая в действиях, в основном относятся к одному и тому же типу, представляется несомненным. Интерпретация идеологии индивида в целом должна описать не только структуру каждого из этих уровней, но и структуру этих структур. Что индивид говорит в присутствии других, что он говорит, когда он чувствует себя огражденным от критики; что он думает, не желая сам себе признаться в этом, что он склонен думать и делать в случаях, когда он подвержен различным воздействиям — все эти феномены могут рассматриваться как части единой структуры. Она может быть не интегрирована, внутренне противоречива или консистентна, но она образует единство, поскольку ее составляющие связаны друг с другом определенным, имеющим психологический смысл, образом. Для понимания такой структуры необходим анализ всего характера. По нашей теории, характер — это более или менее устойчивая организация сил индивида, которые определяют его реакции в различных ситуациях и тем самым, в значительной мере — и его консистентное поведение, будь то в вербальной или физической форме. Сколь бы консистентным не было поведение, оно, однако, не тождественно структуре характера, характер стоит за поведением, находится в индивиде. Силы, относящиеся к характеру, не являются реакциями, а представляют собой *потенциал реакций*. Находит ли такой потенциал открытое проявление или нет, зависит не только от данной ситуации, но и от потенциалов поведения, образующих оппозицию по отношению к потенциалу реакций. Заторможенные силы характера относятся к более глубинному слою, чем те, которые непосредственно и консистентно манифестируются в поведении.

Что представляют собой силы, относящиеся к структуре характера и

процессы, которые они организуют? Наша теория относительно структуры характера тесно примыкает к воззрениям Фрейда, однако в процессе более или менее систематического описания аспектов структуры характера, в значительной мере доступных прямому наблюдению, мы действовали в первую очередь в традициях академической психологии. Силы характера — это в основном *потребности* (влечение, желания, эмоциональные импульсы), которые в части своих особенностей, своей интенсивности, по способу удовлетворения и направленности на объекты варьируются от одного индивида к другому, а по отношению к другим потребностям находятся в гармоничном или конфликтующем взаимодействии. Существуют примитивные эмоциональные потребности, существует потребность уйти от наказания и получить одобрение соответствующей группы людей, существует потребность сохранения гармонии и интеграции в собственном Я.

Поскольку, как мы видели, мнения, поведение и представления о ценностях зависят от человеческих потребностей, и поскольку характер в основном — это организация потребностей, он может рассматриваться как детерминанта идеологических предпочтений, однако не как окончательная *детерминанта*. Ни в коем случае не являясь чем-то с самого начала данным и фиксированным, реагирующим на окружающее, характер развивается под давлением условий окружающего мира и никогда не может быть изолирован от того общественного целого, в котором он существует. Согласно такой теории, чем раньше факторы окружающего мира начинают играть свою роль в становлении индивида, тем основательнее они формируют его характер. Развитие характера в решающей мере зависит от процесса воспитания ребенка, от его домашнего окружения, которое коренным образом определяется экономическими и социальными факторами. Каждая семья здесь следует привычкам своей социальной, этнической и религиозной группы. На отношение родителей к ребенку влияют помимо этого еще и экономические факторы. Поэтому масштабные изменения в социальных условиях и институтах непосредственно влияют на возникающие внутри данного общества виды структур характера.

Мы в нашем исследовании попытаемся установить, какого рода связи между идеологией и социологическими факторами, оказали влияние на развитие индивида вне зависимости от того, есть ли они или их больше нет в его теперешней жизни. Пытаясь объяснить эти связи, мы сможем выявить отношение между структурой характера и идеологией. При этом мы рассматриваем структуру характера как своего рода посредника при передаче воздействия социологических влияний на идеологию. Если структура характера прозрачна, то легче понять, каковы решающие факторы и как они работают.

Структура характера, хоть она и является продуктом предыдущих жизненных условий, сформировавшись, однако не является просто объектом условий нынешних. То, что сформировалось, является *структурой* в

индивиде и представляет собой нечто, что само способно к действиям по отношению к социальному окружению и к выбору среди многочисленных стимулов, исходящих от него. нечто, что, оставаясь подверженным модификациям, все же часто весьма резистентно по отношению к глубоким изменениям. Такая концепция помогает объяснить консистентное поведение в самых различных ситуациях и большую устойчивость идеологических тенденций перед лицом противоречащих им фактов и радикально изменившихся социальных условий. Она помогает объяснить тот факт, что люди в одинаковых социологических ситуациях имеют несовпадающие или даже противоположные мнения по общественным проблемам, а некоторые, чье отношение изменилось в результате психологических манипуляций, вновь обретают свою прежнюю самобытность, как только эти манипуляции прекращаются

Проникновение в структуру характера является лучшим аргументом против тенденции рассматривать константные черты индивида как «прирожденные», «основополагающие» или же «расово обусловленные». Утверждение национал-социалистов, что природные, биологические признаки определяют типы поведения людей, не стали бы столь успешным аполитичным трюком, если бы нацисты не имели возможности сослаться на столь многочисленные случаи относительно глубокой закоренелости человеческих поведений и если бы им решительно возразили те, кто искал им объяснение на иной, не биологической основе. Авторы, не обладающие концепцией структуры характера и исходящие из предпосылки о том, что человек неограниченно податлив и открыт для воздействия со стороны текущих социальных ситуаций, служат плохую службу для дела, когда они относят константные черты, которые они не могут объяснить, к таким явлениям как «растерянность», «психоз» и прочим бедам. Разумеется бывают основания для того, чтобы отнести к разряду «патологических» те типы поведения, которые не соответствуют обычным и вроде бы совершенно правомерным реакциям на ситуационные стимулы. Но в этом случае термин «патологический» используется в очень узком смысле, соответствующем лишь данному конкретному отклонению от усредненного, и, что хуже всего, он подводит к мысли о том, что все в структуре характера также подпадает под эту характеристику, в то время как на самом деле характер включает в себя переменные, широко распространенные среди населения и находящиеся по отношению друг к другу в закономерных отношениях. Структуры характеров, сбрасываемые со счетов как патологические, по причине того, что они не гармонируют с наиболее часто манифестируемыми чертами или преобладающими общественными идеалами, по ближайшему рассмотрению оказываются всего лишь преувеличениями того, что повсеместно встречается под поверхностью данного общества. То, что сегодня считается «патологическим», завтра, при иных социальных условиях, может стать доминирующей чертой

Поэтому очевидно, что методика, адекватная нашим проблемам, должна учитывать как закоренелость, так и податливость структур характера, она должна рассматривать и то, и другое не как в взаимоисключающие категории, а как крайние области одного и того же континуума, воплощающего свойства человека. Эта методика должна создать базу для понимания условий, способствующих развитию той или другой крайности. Структура характера — понятие, отвечающее за нечто относительно устойчивое. Но следует подчеркнуть еще раз, что она — скорее готовность к поведению, чем само поведение. И хотя она состоит из предрасположенностей к определенным типам поведения, реальное поведение всегда зависит от объективной ситуации. Изучение антидемократических тенденций и описание условий, при которых они находят свое выражение в индивиде, требует понимания всей совокупности общественных условий.

Как мы заметили, структура характера может быть таковой, что она делает индивида особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. Теперь следовало бы задать вопрос, при каких условиях такая пропаганда по своему тону и объему усиливается настолько и до такой степени начинает доминировать в прессе и радио, что способна подавить противоположные идеологические стимулы до такой степени, что то, что вчера еще было потенциалом, начинает активно манифестироваться сегодня. Ответ на это не следует искать ни в структуре характера отдельного человека, ни в психологии масс, а единственно в процессах, происходящих в самом обществе. Сегодня, кажется, уже стало ясно, что вопрос о том, будет ли антидемократическая пропаганда играть в нашей стране господствующую роль или нет, зависит в первую очередь от ситуации, в которой находятся могущественные экономические круги, от того, захотят они или нет, воспользоваться этим инструментом для того, чтобы сохранить свое могущество. Вопрос, по поводу которого подавляющее большинство народа вряд ли может что-нибудь сказать.

Это исследование ограничивается психологическим аспектом фашизма, которому до сих пор в общем и целом уделялось недостаточно внимания. Оно имеет своим объектом не продукт пропаганды. Наоборот, оно концентрируется на потребителе, для которого пропаганда замышляется, и поэтому должно учитывать не только психологическую структуру индивида, но и всю его объективную ситуацию. Оно исходит из предположения, что люди в общем склонны к тому, чтобы принимать те политические и социальные программы, которые, по их мнению, служат их собственным экономическим интересам. Каковы эти интересы, зависит в каждом отдельном случае от позиции индивида в обществе, определяемой в экономических и социологических категориях. Поэтому одной из важных задач являлось выявить, какие социальноэкономические факторы связаны с восприимчивостью к антидемократической пропаганде и какие — со способностью сопротивляться ей.

Одновременно также, однако, учитывалось, что экономические мотивы могут и не играть ту господствующую и решающую роль для индивида, которая им обычно приписывается. Если бы мнения определялись только экономическими интересами, то мнения лиц с одинаковым социологическим статусом должны были бы отличаться значительным сходством, а мнения различных социально-экономических групп соответственно отличаться. Однако наше исследование не дало убедительного подтверждения этому предположению. У лиц с одинаковым социоэкономическим статусом выявляются сходства лишь самого общего характера, а расхождения четко выражены; что касается расхождений между социально-экономическими группами, то они лишь редко бывают однозначны. Чтобы объяснить, почему лица с одинаковым социально-экономическим статусом столь часто привержены различным, а лица с различным статусом — одним и тем же идеологиям, нужно учитывать не только их чисто экономические, но и другие потребности.

Кроме того, все более и более становится ясным то, что люди часто ведут себя не соответственно своим материальным интересам, даже в тех случаях, когда осознают, в чем эти интересы заключаются. Неприятие служащими профсоюзных организаций имеет в своей основе отнюдь не ту точку зрения, что профсоюзы бесполезны в плане защиты экономических интересов. Склонность мелкого предпринимателя по многим экономическим и политическим вопросам становиться на сторону крупного предпринимателя не может быть объяснена его верой в то, что это поможет ему защитить свою экономическую независимость. Кажется, что в подобных случаях индивид не только игнорирует свои экономические интересы, но даже действует во вред им, идентифицируя себя с определенной группой, как будто его позицию определяют не столько рациональные соображения, исходящие из собственных интересов, сколько потребность поддержать именно данную группу и противоборствовать противоположным направлениям. Сегодня аналитики ощущают почти что облегчение, когда выясняется, что конфликт групп есть не более, чем столкновение экономических интересов, что обе стороны хотят всего лишь «вмазать хорошенько» противной стороне — и при этом ими не движут некоторые глубинные эмоциональные побуждения. Когда людям приходится давать оценку социальным явлениям, выявляются яркие черты иррационализма. Так, например, некий специалист может выступать против иммиграции еврейских беженцев из-за того, что они усиливают конкуренцию и соответственно уменьшают его доходы. Сколь антидемократической ни была бы такая позиция, она, по крайней мере, рациональна в определенном смысле этого слова. Но совершенно нелогичным будет, если этот человек начнет приписывать евреям все самое плохое на свете, как это делают в большинстве своем люди, которые по причинам деловой карьеры выступают против евреев, поддерживая различного рода мнения, многие

из которых противоречат друг другу. И столь же нелогично хвалить евреев по единому «доброму» клише. Несомненно, существует враждебность по отношению к группам, основанная на подлинных неудачах, вызванных членами той или иной группы: однако то обстоятельство, что предубеждение легко приобретает обобщающий характер, вряд ли можно объяснить только такими личными неудачами. материал нашего исследования подтверждает то, о чем уже было вскользь сказано: тот, кто проявляет враждебность к одному меньшинству, вероятно, питает ее и по отношению к большинству других. Для такого утверждения не может быть рационального основания; и что еще более удивительно, предубеждения против той или иной группы или, наоборот, абсолютно не критическая ее поддержка часто встречаются у тех, кто вообще не имеет опыта общения с ее членами. Объективная ситуация, в которой находится индивид, в данном случае никак не может считаться причиной столь иррациональной позиции; ее следует искать там, где психология уже нашла источник мечтаний, фантазий и неадекватных интерпретаций мира — в скрытых потребностях структуры характера.

В качестве еще одного аспекта ситуации индивида, способной определять его идеологическую восприимчивость, следует рассматривать его принадлежность к социальным группам — в плане профессии, проведения свободного времени, религиозной жизни и т.п. По историческим и социологическим причинам такие группы фаворизируют и распространяют — официально или неофициально — самые различные идеи. Очевидно, что люди вследствие своей потребности приспособляться, присоединяться и во что-то верить, с помощью таких средств, как подражание и подключение, перенимают в большей или меньшей мере некритично мнения, типы поведения и представления о ценностях, характерные для группы, членами которой они являются. В той мере, в которой господствующие в данной группе идеи, имеют имплицитно или эксплицитно антидемократический характер, каждый отдельный член этой группы становится подверженным воздействию пропаганды аналогичного направления. Соответственно, мы исследовали ряд групповых принадлежностей на предмет господствующего общего направления мышления и имеющихся отклонений. Разумеется, что корреляция между групповой принадлежностью и идеологией у разных индивидов имеет различные детерминанты. В некоторых случаях индивид, возможно, лишь повторяет взгляды, которые в его окружении рассматриваются как данности, и у него нет основания подвергать их сомнению; в других случаях он, возможно, выбрал для себя определенную группу, поскольку она представляет идеалы, которым он еще ранее симпатизировал. Несмотря на широко распространенную всеобщую культуру в современном обществе, индивид, достигший того возраста, в котором идеи для него начинают что-то значить и склонный при этом лишь к какому-то одному образу мыслей, представляет собой исключение. Как правило, он сделает

выбор, предположительно, соответствующий потребностям структуры своего характера. Даже среди индивидов, которые в период своего становления были подвержены одной единой твердой схеме политических, экономических, социальных и религиозных идей имеются и те, кто приспособляется, и те, кто восстает. Поэтому и возникает вопрос, а не обусловлены ли такие различия психологическими факторами. Следовательно, следует исходить из того, что образ поведения детерминирован как ситуативным, так и психологическими моментами, и для максимально точного прогноза необходимо тщательно взвесить роль того и другого.

Ситуативно обусловленные факторы и прежде всего такие, как экономический и принадлежность к социальным группам, подробно исследованы в последних работах, посвященных мнениям и поведению людей, в то время как психологические факторы, относящиеся к индивиду, пока еще не удостоены того внимания, которое они заслуживают. Кроме этого, есть еще одно основание для проведения данного исследования — необходимость сосредоточить внимание на структуре характера. Для того, чтобы быть успешным политическим движением, фашизму необходима опора в массах. Он должен обеспечить себе в массах не только боязливое подчинение, но также и активное сотрудничество со стороны значительного большинства народа. Поскольку уже в силу одной своей природы он действует в интересах немногих за счет большинства, он не может позволить себе объявить своей целью улучшение положения большинства в соответствии с его подлинными интересами. Поэтому он вынужден апеллировать в первую очередь не к рациональному самоидеалу, а к эмоциональным потребностям — часто к самым примитивным и иррациональным желаниям и опасениям. Аргумент о том, что фашистская пропаганда обманывает людей, обещая им изменить их судьбу к лучшему, влечет за собой вопрос: «А почему, собственно, люди так легко позволяют себя обманывать?» По-видимому, потому, что это соответствует структуре их характера; потому, что несбывшиеся желания и ожидания, страхи и беспокойства делают людей восприимчивыми по отношению к одним и резистентными по отношению к другим убеждениям. И чем больше уже имеющийся в народных массах антидемократический потенциал, тем легче задача фашистской пропаганды. Возможно, и верно то, что в Германии одни только экономические конфликты и потрясения были настолько сильны сами по себе, что сделали победу фашизма ранее или позднее неизбежной, но вожди национал-социализма вели себя отнюдь не в этом духе, они действовали так, как если бы было необходимо в каждый данный момент учитывать психологию народа, активизировать малейшую искорку его антидемократического потенциала, заключать с ним компромиссы и подавлять даже любой намек на сопротивление. Чтобы определить перспективы победы фашизма в США, очевидно, необходимо учитывать соответствующий потенциал в характере людей. В нем не только причины подверженности людей антиде-

мократической пропаганде, но и наиболее надежный источник сопротивления.

Авторы этой работы убеждены, что решать, перейдет ли эта страна под власть фашизма — дело народа. На основе же познания сути и масштабов антидемократического потенциала, надо думать, возникнут программы демократических акций: они не должны ограничиваться инструментарием для манипуляций людьми с целью воспитания их в духе демократического поведения; они должны иметь своей целью поддержание такого самосознания и такой воли к самоопределению, которые не оставят шансов для манипуляций. Есть одно объяснение идеологии, индивида, которое еще не учитывалось: она (идеология) может представлять собой картину мира, которую составляет себе одаренный разумом человек, понимающий роль детерминантов в вышеописанном смысле и наблюдающий за событиями. Будучи упомянута в самом конце раздела, эта концепция, однако, имеет решающее значение для достоверности анализа идеологии. Не будь этой концепции, мы должны были бы встать на достаточно широкопринятую в современном мире точку зрения, согласно которой нет основания утверждать, что одна идеология лучше другой, поскольку, мол, все идеологии и философии имеют иррациональное происхождение.

Однако рациональная система рационально мыслящего человека неотделима от структуры его характера. Даже и у такой системы есть мотивы. Решающее влияние на ее формирование оказывает прежде всего *тип характера*, из которого она возникает. Можно сказать, что зрелый характер (если позволительно употребить это выражение без последующих дефиниций) ближе к рациональной системе мышления, чем незрелый; однако зрелый характер не менее динамичен и не менее структурирован, а его описание не отличается от описания иного характера. Теоретически объективность и рациональность идеологии определяют прежде всего те переменные характера, которые составляют часть Я, ту часть структуры характера, которая оценивает реальность, интегрирует другие его части и наиболее сознательно реагирует.

Именно Я опознает иррациональные силы в характере и берет на себя ответственность за них. На этом базируется наше убеждение, что в основе поисков психологических детерминант идеологии лежит надежда на то, что люди могут стать разумнее. Разумеемся, мы не ждем, что вместе с этим исчезнут противоречия во мнениях. Мир достаточно комплексен и трудно познаваем; у людей много реальных интересов, входящих в конфликт с реальными интересами других людей. Существует множество принимаемых нашим Я различий между отдельными характерами, которые никогда не дадут стать скучными спорам по вопросам политики, экономики и религии. Познав психологические детерминанты идеологий, мы все еще не будем знать, какие из них являются подлинной идеологией, мы способны лишь устранить несколько препятствий с того пути, на котором мы ее ищем.

В. Методология

1. Общие характеристики

Решение вышесобозначенных проблем потребовало методов описания и измерения идеологических тенденций и методов выявления структуры характера, текущей ситуации и социального фона. Особые методологические требования возникали в связи с концепцией различных *слоев* в индивидуе: потребовались специальные приемы для наблюдения поверхностных мнений, поведений и представлений о ценностях, позволяющие вскрыть идеологические тенденции, появляющиеся на поверхности лишь в виде непрямых манифестаций, а также высветить силы характера, действующие в сфере несознательного. И поскольку нас прежде всего интересовали *структуры* динамически взаимосвязанных факторов, требующие изучения индивида в целом, мы считали наиболее подходящим методом интенсивные клинические исследования; их смысл и практическое значение, однако, нельзя было измерить до тех пор, пока не было известно, в какой мере они допускают обобщения. Так что, пришлось проводить как групповые, так и индивидуальные исследования и одновременно искать пути и средства, позволяющие интегрировать то и другое.

Отдельные испытуемые исследовались в специальных клиниках с помощью специальных клинических приемов на предмет выявления скрытых желаний, страхов и защитных механизмов, а группы — с помощью опросных листов. Мы не рассчитывали на столь полные и основательные клинические исследования, как они проводились ранее, особенно психоаналитиками, мы не ожидали также, что наши опросные листы получатся более точными, чем те, что используют в наши дни социальные психологи. Но мы надеялись, и это было необходимо для наших целей, что нам удастся таким образом упорядочить наш клинический материал, чтобы его можно было квантифицировать и спроецировать на групповые исследования, а также что опросные листы будут применимы для тех уровней реакций, которые обычно являются предметом лишь клинических исследований. Другими словами, мы попытались поставить на службу теорий и понятий новейшего динамического учения о характерах методы традиционной социальной психологии и при этом сделать доступными для статистических методов «глубинно-психологические» феномены, а также повысить психологическую осмысленность и рациональность сбора количественных данных о поведении и мнениях.

Для интегрирования клинических и групповых исследований, те и другие производились в тесной взаимосвязи. Когда в центре исследования был инвалид, задача состояла в том, чтобы детально описать его образ мышления, поведение и представления о ценностях, понять лежащие в их основе

динамические факторы и на этой базе предварительно сформулировать вопросы для исследования групп. Когда в центре исследования находилась группа, задачей было определить, какие мнения, поведения и представления о ценностях обычно сопутствуют друг другу и какие факторы в период развития индивидов и в текущей ситуации обычно связаны с отдельными идеологическими констелляциями; групповые исследования создавали базу для отбора отдельных лиц для интенсивных исследований; наибольшего внимания требовали те, которые могли рассматриваться в качестве образцов общераспространенных структур и у которых коррелирующие моменты, предположительно, находились в динамическом отношении друг к другу.

Для того, чтобы могли быть исследованы потенциально антидемократические индивиды, их следовало сначала идентифицировать. Поэтому мы начали с опросного листа, который нам анонимно заполнила большая группа лиц. Наряду с вопросами о прошлых и настоящих объективных жизненных обстоятельствах испытуемого, опросный лист содержал ряд антидемократических высказываний с просьбой выразить их приятие или неприятие. Определенное количество лиц, высказавших наибольшую степень приятия, и — после сопоставления — некоторые с наибольшей степенью неприятия, а также некоторые с нейтральными реакциями, затем подверглись изучению с помощью интервью и других клинических приемов, а опросный лист и вся процедура повторялась

Интервью частично служило для проверки адекватности опросного листа, а именно: опрос подтверждал, действительно ли лица с высшими антидемократическими показателями, согласно опросным листам, были идентичны с теми, кто наиболее темпераментно высказывал антидемократические чувства в личных беседах. Но прежде всего клинические исследования позволяли увидеть психологические факторы, лежащие за антидемократическими идеологиями, и подсказывали пути их исследования на большом материале. По мере того как накапливались знания тенденций, выражавшихся в предубеждениях, нам становились все понятнее и другие признаки и манифестации, по которым их можно было узнать. Отразить эти манифестации в опросных листах для последующих групповых исследований — было нашей следующей задачей. Мы находили все новые достоверные индикаторы центральных сил характера и все с большей степенью четкости могли определить их отношение к антидемократическим манифестациям.

2. Приемы исследования

Использованные в нашем исследовании вопросные листы и приемы клинического исследования можно кратко описать нижеследующим образом.

а) Метод исследования с помощью опросных листов. Опросные листы всегда раздавались в mimeографической форме и анонимно заполнялись группами подопытных лиц. Каждый опросный лист содержал (1) вопросы относительно личных данных, (2) шкалы мнений и установок, (3) «проективные» вопросы, рассчитанные на открытый ответ.

1. *Вопросы о личных данных* касались в основном бывшей и настоящей групповой принадлежности: религии и посещения церкви, партийных предпочтений, профессии, дохода и т.д. Предполагалось, что на эти вопросы давались правдивые ответы. При отборе вопросов мы вначале руководствовались гипотезами относительно социологических коррелятов идеологий; позднее мы все больше и больше опирались на опыт, полученный в общении с испытуемыми.

2. *Шкалы мнений и установок* с самого начала использовались для получения количественных оценок определенных, лежащих на поверхности идеологических тенденций — таких, как антисемитизм, этноцентризм, политико-экономический консерватизм. Позже мы разработали шкалу для измерения антидемократических тенденций в структуре характера.

Все шкалы состоят из ряда высказываний, на каждое из которых надо ответить, указав степень *согласия* или *несогласия*. Каждое высказывание имело своим предметом некоторое относительно специфическое мнение, поведение или представление о ценностях, и их включение в определенную шкалу базировалось на предположении, что все они вместе выражают одну из распространенных тенденций.

Такие тенденции мы трактовали очень широко как комплексные системы мышления относительно обширных областей социальной жизни. Чтобы можно было эмпирически дефинировать их, нужно было собрать ответы — по многим специфическим проблемам — в количестве, позволяющем «раскрыть» очерченную область, и доказать, что каждый из ответов имеет отношение к целому.

Эта методика является противоположностью по отношению к другим исследованиям мнений: в то время как последние интересуют распределение мнения по одной из специальных проблем, наше исследование имело своей задачей исследовать определенное мнение на предмет его отношения к другим мнениям и поведениям. Мы намеревались установить существование широких идеологических тенденций, создать инструментарий для их измерений и исследовать их распространенность среди достаточно многочисленных слоев населения.

Для каждой идеологической области сначала определялись более грубые признаки, а более тонкие и специфические следовали за этим. Для нас было важнее увидеть «общую картину», чтобы уже позже, возможно, дополнить ее побочными чертами, чем сосредоточиться на высокоточных измерениях мелких деталей в надежде на то, что они в конце концов суммируются в нечто знаменательное, и хотя этот приоритет широты и

полноты не позволял получить высшую степень точности при измерениях, оставалась возможность совершенствовать шкалу до тех пор, пока она не начинала отвечать общепринятым статистическим нормам.

Поскольку каждая шкала должна была покрывать широкую область, в то же время не вызывая раздражения у испытуемых своей чрезмерной длиной, все шкалы должны были быть построены очень практично. Задача, таким образом, заключалась в том, чтобы сформулировать высказывания, которые бы как можно полнее охватывали соответствующий многообразный предмет. Поскольку у каждой измеряемой тенденции мы предполагали многокомпонентность или многоаспектность, ни одно из высказываний не должно было появляться дважды, и более того, каждое высказывание должно было выражать другую черту, а где это возможно, то и несколько черт. В какой мере высказывания в рамках шкалы статистически «взаимосвязаны» и тем самым способны доказать, что измеряется одна и та же единая черта, зависит в первую очередь от внешней схожести высказываний — того, насколько все они говорят об одном и том же. От наших высказываний явно нельзя было ожидать такого рода связности; однако все же была необходима достаточная статистическая коррелятивность. Разумеется, каждая отдельная компонента данной системы может рассматриваться сама по себе как относительно общая тенденция, точное измерение которой потребовало бы применение бесчисленных специфических шкальных высказываний. Однако, как уже было сказано, мы жертвуем высокоспецифическими статистическими «чистыми» факторами ради того, чтобы попытаться получить достоверную характеристику одной отдельной системы в целом, которая могла бы быть соотнесена с другой системой в целом и таким образом был бы получен подход к главным тенденциям в индивиде.

На вопрос, почему мы, стремясь получить данные об интенсивности такой идеологии, как антисемитизм, в индивиде, после того как стал ясен смысл нашего предприятия, прямо, без обиняков, не спросили об этом, можно было бы ответить, что измеряемый феномен слишком комплексен, чтобы одного единственного ответа было достаточно для выявления существенных различий между индивидами. Кроме того, антисемитизм, этноцентризм, а также политико-экономический консерватизм или радикализм представляют собой темы, по которым люди не хотят открыто высказывать свое мнение. Поэтому даже на уровне поверхностной идеологии мы были вынуждены действовать до известной степени косвенным путем. Какую специфическую задачу выполнял опросный лист, испытуемые так и не узнали; им было известно лишь, что они участвуют в «опросе мнений по различным актуальным проблемам». Для того, чтобы укрепить их в этом мнении, вопросы из отдельных шкал были в опросном листе перемешаны. При этом, конечно, нельзя было обойти стороной вопросы относительно групп меньшинств, но в каждом отдельном случае

мы оставляли известный «выход из положения», то есть возможность согласиться с такими высказываниями и в то же время сохранить убежденность в собственной «непредвзятости» и «невраждебности к демократии».

Шкалы для измерения поверхностно-идеологических тенденций в общем соответствуют общепринятой социопсихологической практике исследований; однако исследование пошло по новому пути в том, что касается шкалы для измерений потенциальных антидемократических тенденций в структуре характера. Наш метод заключался в составлении шкалы с высказываниями, которые, согласно гипотезам и клиническому опыту, могут рассматриваться как «разоблачающие» относительно скрытые черты структуры характера и выявляющие *предрасположенность* (при наличии соответствующего повода) к спонтанному высказыванию фашистских идей или к их восприятию.

По своей форме высказывания этой шкалы не отличались от высказываний шкал, предназначенных для исследования поверхностной идеологии: они представляют собой непосредственное выражение мнений, поведений и представлений о ценностях относительно различных областей социальной жизни — однако таких областей, которые не затрагиваются в систематических описаниях политико-социальноэкономических точек зрения. Будучи всегда перемешаны с высказываниями других шкал, они в очень малой степени или вообще не дают понять испытуемым, какой вопрос на самом деле интересует исследователя. Высказывания составлены таким образом, что они могут служить инструментом рационализации иррационального. Вот, например, два высказывания из этой шкалы: а) «Сегодня, когда столь много различных людей постоянно находятся в пути, когда люди так свободно передвигаются среди друг друга, следует особо тщательно защищаться против инфекций и болезней» и б) «Гомосексуализм есть особо порочный вид проступков, который должен строго наказываться». Если лица, соглашающиеся с одним из этих высказываний, склонны также соглашаться и с другим, а лица, согласные и с тем и с другим, проявляют явную тенденцию к антидемократическим высказываниям, то есть, к примеру, придерживаются мнения, что члены той или иной группы меньшинств в принципе менее значимы, то это вряд ли можно объяснить с помощью сколько-нибудь очевидной логической взаимосвязи между высказываниями. Вместо этого придется представить себе некую более глубинную общую черту, находящую выражение во всех этих формах. Разумеется, у разных людей могут быть разные причины для одинаковых ответов по поводу высказываний, подобных приведенным нами выше; поскольку высказывания должны иметь как минимум определенный налет рационализма, следует учитывать возможность того, что ответы испытуемых продиктованы почти исключительно рациональным аспектом, а вовсе не какой-то скрытой эмоциональной предрасположенностью. По этой причине было необходимо включить в шкалу большое количество

высказываний и руководствоваться скорее общей тенденцией ответов, чем ответом на одно единственное высказывание. Для того, чтобы отнести испытуемого в его динамической структуре к потенциально антидемократическим индивидам, требовалось, чтобы он согласился со множеством таких шкальных высказываний.

Шкала разрабатывалась в два этапа. На первом подбирались и формулировались высказывания, которые без видимой связи с явно антидемократическими мнениями все-таки достаточно сильно с ними коррелировали; на втором этапе подбирались доказательства того, что эти «косвенные» шкальные высказывания, согласно клиническим исследованиям, действительно являются выражением антидемократического потенциала в структуре характера.

3. *Проективные вопросы*, как и большинство других проективных приемов, это двусмысленные и эмоционально окрашенные стимулы, созданные с целью обеспечить максимум вариаций в ответах, чтобы создать возможности выражения для относительно трудно поддающихся исследованию процессов в структуре характера. Они двусмысленны не по своей сути, а лишь постольку, поскольку ответы на них лежат скорее в эмоциональной плоскости, чем в плоскости фактов, а опрашиваемый не осознает их импликаций. Ответы всегда подлежат интерпретации, и их значение становится ясным лишь после того, как выявлены их смысловые отношения к другим психологическим данным испытуемых. Одним из проективных вопросов был: «Что вы предпримете, если бы вам осталось жить шесть месяцев, и вы имели бы возможность делать все, что пожелаете?» Ответы принимались не за чистую монету, а скорее за выражение представлений о ценностях, конфликтах и т.п. Мы ставили перед собой вопрос, не согласуются ли такие манифестации с теми, которые мы спровоцировали другими проективными вопросами, и данными в личностной шкале.

Многочисленные проективные вопросы сначала были испытаны в нашем исследовании, и восемь из них были отобраны для использования в большинстве крупных групп испытуемых: это были вопросы, которые в общем и целом давали широкую картину относительно тенденций характеров испытуемых и не более чем коррелировали с различными поверхностными идеологиями.

б) *Клинические приемы исследования*. 1. Интервью состояло из двух частей: идеологической и клинико-генетической. Идеологическая часть должна была побудить испытуемых к возможно более спонтанному и свободному разговору на общеидеологические темы — такие, как политика, религия, меньшинства, доход, профессия. Если опросный лист ограничивал испытуемых заданными темами и они могли высказываться только посредством прилагавшейся схемы оценок, то задача интервью состояла в том, чтобы узнать, какие темы испытуемые затронут сами и с какой эмоциональной интенсивностью будут спонтанно выражать свои

мысли. Как уже говорилось, этот материал подтвердил, что опросный лист в своих исправленных формах более или менее точно воспроизводил то, «что говорят люди», то есть занимающие их темы и спонтанные формы выражения, а также то, что он (опросный лист) может рассматриваться как адекватный индекс антидемократических тенденций. Интервью затрагивали, конечно же, гораздо больший круг тем, чем опросный лист и давали возможность выразить продуманные и дифференцированные мнения, поведения и представления о ценностях. Из записей интервью вычленилось то, что имело наибольшее общее значение, и обрабатывалось для включения в опросные листы. Сверх этого еще оставался материал для изучения отдельных случаев, количественных анализов и грубых качественных оценок самого материала интервью.

Задачей клинико-генетической части интервью было, во-первых, собрать о текущей ситуации опрашиваемого и о его прошлом больше данных, чем их можно извлечь из опросного листа, во-вторых, получить, возможно более свободное изложение чувств, убеждений, желаний и страхов в части, касающейся самого себя и текущей ситуации, а также на такие темы, как родители, братья и сестры, друзья, сексуальные отношения, и, в-третьих, выяснить представление опрашиваемого о его детстве и окружающих условиях в период его юности.

Интервью проводилось таким образом, чтобы его материал позволил сделать выводы относительно более глубинных слоев в структуре характера опрашиваемого. Позже будет подробнее описана техника интервью. Здесь же отметим лишь, что она соответствовала обычной схеме психиатрического интервью, базирующегося на динамической теории структуры характера. Работники, проводившие интервью, могли руководствоваться подробной схемой, которая несколько раз перерабатывалась в ходе наших исследований, поскольку практика подсказывала нам, какие вопросы наиболее эффективны, какие средства легче всего могли «спровоцировать» соответствующий материал.

Материал интервью использовался для оценки определенных общих и лежащих в границах теоретического пространства исследования переменных, которые не поддавались учету с помощью другой техники. Кроме того, он представлял основу изучения отдельных конкретных случаев, поскольку показывал соотношение между важными факторами, действующими в антидемократическом индивиде.

2. В ходе тематико-ассоциативного теста, широко известного проективного приема, испытуемому предлагалась серия картин с изображением драматических событий и предлагалось рассказать в каждом отдельном случае о своих действиях. Полученный материал, после соответствующей интерпретации, способен раскрыть значительную часть скрытых желаний, конфликтов и защитных механизмов испытуемых. В наших целях этот прием был слегка модифицирован, а материал был проанализирован

на предмет широко распространенных психологических переменных, которые без труда можно было соотнести с другими переменными нашего исследования. В плане изучения отдельных конкретных случаев материал — в данном случае в тесной взаимосвязи с результатами интервью — подвергался анализу специфических переменных характера.

Проблемы исследования, хотя и были разработаны применительно к различным аспектам изучения характера, были в то же время в действительности хорошо согласованы друг с другом. Все это давало возможность квантифицировать и интерпретировать в плане переменных, которые укладывались в единую теоретическую схему. Иногда измерение одной и той же переменной можно было проводить с помощью двух разных приемов, а иногда к различным переменным применялись различные приемы. В первом случае один прием подтверждал правильность другого; во втором случае адекватность приема определялась по тому, допускал ли он измерения, находившиеся в рациональном отношении ко всем другим. Пусть даже для обеспечения адекватности был необходим ряд повторений, для нас главным был возможно более подробный и широкий сбор данных.

Наши исходные теоретические позиции в каждом случае требовали либо разработки совершенно нового приема, либо модификации имеющегося применительно к специфике. В начале исследования имелась теоретическая концепция объекта измерения, а для первоначального варианта опросного листа и предварительной схемы интервью мы могли использовать ряд работ, о которых скажем позже. Отдельные приемы создавались в ходе исследования. Поскольку все они разрабатывались специально для данного исследования, их можно было сколько угодно изменять по мере накопления опыта: а поскольку исследование имело также еще цель — создать и опробовать подходящие инструменты для диагностирования потенциального фашизма, нам нужно было повторять один и тот же метод без модификаций только ради того, чтобы накопить сравнимые данные. Благодаря тесной взаимозависимости приемов можно было, например, данные, полученные с помощью одного из них использовать для усовершенствования другого.

Подобно тому, как на основе классических приемов удалось усовершенствовать различные части опросного листа, так и на основе собранных количественных результатов удалось определить, на чем должны концентрироваться интервью: подобно тому как анализ результатов, полученных на шкалах, указал на лежащие в их основе переменные, которые должны были быть выявлены с помощью проективных приемов, так и реакции на проективные приемы давали стимулы для введения новых шкальных высказываний.

Создание новых приемов выражалось как в расширениях так и сокращениях. Примером расширения было стремление к включению в вырисовывавшуюся картину все новых аспектов антидемократической

идеологии и стремление исследовать достаточное количество форм проявления потенциально антидемократического характера, чтобы яснее представить целое. Сокращения постоянно реализовались в количественных процедурах: по мере того как теоретическая концепция приобретала все большую ясность, становилось возможно демонстрировать те же важнейшие взаимосвязи с помощью все более экономных методов.

С. Сбор данных

1. Группы испытуемых

а) *Начало работы со студентами колледжа.* Наше решение начать нашу исследовательскую работу, которая вначале преследовала ограниченные цели и опиралась на весьма ограниченные средства со студентами колледжа, было обусловлено целым рядом причин практического характера: студенты были готовы к опросу как в групповом, так и в индивидуальном порядке; помимо того, что они были готовы к сотрудничеству, их было также легко заполучить для повторного теста. Были еще и другие соображения в пользу того, чтобы исследовать идеологию студентов колледжа. Во-первых, благодаря интеллектуальному и образовательному уровню здесь требовалось лишь относительно немного ограничений в отношении количества и видов затрагиваемых проблем, что очень важно, когда речь идет об исследованиях, делающих акцент на широту охвата и подробность; во-вторых, можно было с уверенностью предположить, что у студентов имелись мнения по большинству этих тем, что все испытуемые будут одинаково понимать термины, используемые в вопросах и что одинаковые ответы будут иметь одинаковое значение. В-третьих, сколь бы значительным не был контингент выбранной для анализа группы населения, надо было учитывать, что большинство обобщений в любом случае придется ограничить рамками различных, относительно гомогенных подгрупп всего контингента. Студенты колледжа в плане факторов, которые по нашим предположениям, влияют на формирование идеологии, являют собой относительно гомогенную группу и репрезентируют, как с точки зрения своего происхождения и воспитания, так и предполагаемой ведущей роли в обществе в будущем, один из важнейших секторов населения. В то же время исследование, обращенное исключительно к студентам колледжа как испытуемым, имело бы весьма ограниченное значение. Вопрос о том, для какой крупной группы населения является репрезентативным выборочное обследование одной студенческой группы одного государственного университета, релевантны ли результаты данного выборочного исследования для всех студентов университета, для студентов колледжа в общем, для молодых людей среднего класса — все это зависит от запланированного уровня обобщения. Обобщения относительно определенных мнений или

усредненные данные о согласии с тем или иным высказыванием, то есть та информация, которую обычно стремятся получить с помощью опросов. Наверяд ли было бы правомерно экстраполировать за пределы университета, в котором производился опрос. Совсем иными, чем в Калифорнии, могли бы быть результаты в университетах на востоке США или в вузах, получающих финансирование от частных лиц. Однако вопрос о распределении занимает нас в меньшей мере, чем вопрос о взаимосвязанности. Например, вопрос о том, сколько процентов испытуемых согласятся с утверждениями: «Профсоюзы стали слишком могущественны» и «В госучреждениях мало евреев» интересовал нас меньше, чем вопрос, а есть ли между этими двумя точками зрения вообще взаимосвязь или ее нет. Для работы, направленной на выявление организации мнений, поведений и представлений о ценностях индивида, исследование студентов было особенно выгодно на ранней стадии, когда задача заключалась в усовершенствовании приемов и получении картины общих взаимосвязей. Эта задача была легко осуществима, поскольку исследуемые факторы были в наличии и поскольку они достаточно сильно варьировали от одного индивида к другому. Границы контингента студентов колледжа проявились в том, что относительно высокий интеллект и образовательный уровень сократили в ней число крайне предубежденных лиц, и свели или почти что свели на нет то, чтобы в ней отсутствовали или почти отсутствовали некоторые факторы, которые предположительно способствовали бы предубеждениям.

Поэтому было необходимо опросить и другие группы. Как выяснилось, сила различных идеологических тенденций сильно варьировала от одной группы к другой, в то время как взаимосвязи, установленные в группе из колледжа, были очень близки к взаимосвязям, выявленным в других местах.

б) *Остальные слои населения из нашей выборочной пробы.* После того как новые, более значительные, денежные средства позволили расширить нам наше исследование, мы попытались привлечь в качестве испытуемых широкий спектр взрослых американцев; нам было важно провести выборочное обследование с возможно большим количеством принятых за релевантные для данного исследования социальных признаков, то есть обследование таких лиц, которые возможно больше отличались бы друг от друга в политическом, религиозном, профессиональном плане, в плане дохода и принадлежности к социальным группам. Ниже мы перечисляем все группы (студенты и другие), которые заполнили опросные листы.

Группы, сдавшие опросные листы^a

<i>1. Форма 78 (январь–май 1945)</i>	<i>Численность</i>
Калифорнийский университет, женский курс ораторского искусства	140
Калифорнийский университет, мужской курс ораторского искусства	52
Калифорнийский университет — обучение взрослых, класс	

психологии (женщины)	40
Работающие женщины (учителя, работники соцобеспечения, медсестры) (округ Сан-Франциско)	<u>63</u>
Всего	295
II. Форма 60 (лето 1945 г.)	
Орегонский университет — студентки	47
Орегонский и Калифорнийский университеты — студентки	54
Орегонский и Калифорнийский университеты — студенты	57
Орегонский общественный клуб (клубы Кайуанис, Лайонс, Ротари)	68
Орегонский общественный клуб — мужчины (только форма А ^b)	<u>60</u>
Всего	286

а) В большинстве случаев, каждая группа, получившая опросный лист (например, заключенные тюрьмы Сан-Квентин, пациенты психиатрической клиники) статистически обрабатывались отдельно. Однако, когда оказывалось, что некоторые группы слишком малы, они объединялись с другими группами из аналогичных социальных слоев. В этих случаях нами указывается сводная группа.

б) Форма А содержала шкалу измерения антидемократических тенденций в структуре характера и половину шкалы измерения политико-экономического консерватизма.

III. Форма 45 и 40 (ноябрь 1945 — июнь 1946)

А Форма 45

Калифорнийский университет — обучение взрослых, курс по обучению тестированию (женщины)	59
Пациенты психиатрической клиники (мужчины и женщины) (клиника Лэнгли Портера Калифорнийского университета)	121
Заключенные государственной тюрьмы Сан-Квентин	<u>110</u>
Всего	243

В Обе формы 45 и 40

Училище офицеров торгового флота Аламеда	343
Зарегистрированные на федеральной бирже труда бывшие участники войны (мужчины)	<u>106</u>
Всего	449

С. Форма 40

Рабочий класс — женщины:	
Профсоюзная школа в Калифорнии	19
Объединенный союз электриков (С.И.О.)	8
Служащие бюро	11
Рабочие порта и портовых складов (профсоюз I.L.W.U.) (новые члены)	10
Рабочие на федеральном жилищном объекте	<u>5</u>

Рабочий класс — мужчины:

53

Объединенный профсоюз электриков (C.I.O.)	12	
Профсоюзная школа в Калифорнии	15	
Рабочие порта и портовых складов (I.L.W.U.) (новые члены)	26	
Объединенная служба моряков	<u>8</u>	61
Средний класс — женщины:		
Ассоциация родители-учителя	46	
Профсоюзная школа в Калифорнии (средний слой)	11	
Пригородная церковно-приходская группа	29	
Объединенная церковно-приходская группа	15	
Лига женщин-избирательниц	17	
Женский клуб (высший слой среднего класса)	<u>36</u>	154
Средний слой — мужчины:		
Ассоциация родители-учителя	29	
Пригородная церковно-приходская группа	31	
Профсоюзная школа в Калифорнии (средний слой)	9	
	<u>69</u>	
Калифорнийский общественный клуб (мужчины):		
Клуб Кайуэнис	40	
Клуб Ротари	<u>23</u>	63
Университет им Дж. Вашингтона — студентки		
Мужчины из округа Лос-Анджелес (университетские курсы в Калифорнийском и Южно-Калифорнийском университетах, клубы, университетские курсы повышения квалификации, родители студентов, радиожурналисты)	117	132
Женщины из округа Лос-Анджелес (группы, аналогичные вышеуказанным)	<u>130</u>	
	Всего	779
	Общее число форм 45 и 40	1518
	Общее число всех форм	2099

Группа заполнивших опросные листы, в которую входил один из наших испытуемых, не имела для нас какого-либо особого значения, в том числе и в плане репрезентативности относительно других групповых принадлежностей; тех, кто имел для исследования существенное значение, мы определяли по опросным листам: с помощью опросных листов мы могли классифицировать испытуемых независимо от группы, в которой проводились интервью.

Для того чтобы обеспечить широкую шкалу мнений и поведений и адекватно учесть все факторы, которые, по нашим предположениям, определяют формирование идеологии, мы самое большое значение придавали составлению списка для выборочного обследования из лиц разных типов. Ни в коем случае испытуемые не определялись случайным образом из числа населения, не относящегося к студентам, их нельзя также рассматривать как репрезентативную группу, поскольку не проводилось анализа групп населения, в которых они живут. Прогресс нашей работы мы видели не в расширении базы исследований с целью получения обобщения, распространяющегося на многочисленные слои населения, а в более интенсивном изучении «ключевых групп», т.е. групп, имевших ключевое значение для решения нашей проблемы. Некоторые группы мы выбрали потому, что они, по причине своего социологического статуса, по-видимому, играли существенную роль в борьбе за введение социальной дискриминации (например, бывшие военнослужащие, общественные и женские клубы); другие группы были привлечены к интенсивным исследованиям, поскольку они репрезентировали экстремальные манифестации таких переменных характеров, которые рассматривались как особо важные для потенциального фашистского индивида (например, заключенные, психически больные).

За исключением некоторых ключевых групп, все испытуемые принадлежали почти исключительно к среднему социально-экономическому сословию. Довольно быстро выяснилось, что исследование нижних слоев общества потребовало бы иных инструментов и методов, чем те, которые были созданы для работы со студентами колледжа. Поэтому было лучше перенести эту задачу на более поздние сроки.

Группа с преобладанием меньшинств не рассматривались; если к опрашиваемым организациям принадлежали представители меньшинств, их опросные листы не анализировались. При этом мы не считали, что идеологические тенденции в группах меньшинств не существенны, однако их исследование имплицировало специфические проблемы, выходящие за рамки нашего исследования.

Подавляющее большинство опрошенных жило в районе Сан-Франциско Бэй. По поводу населения этого района следует сказать, что оно резко увеличилось перед началом второй мировой войны и в значительной части состояло из людей, приехавших сюда из различных регионов страны. Во время войны этот округ испытал быстрый экономический подъем и приток населения еще более усилился, так что среди наших испытуемых, по-видимому, было немало тех, кто происходил из других штатов.

Две крупные группы нам удалось обследовать в округе Лос-Анджелес, несколько мелких в штате Орегон и одну группу в Вашингтоне.

Для испытуемых, не имевших хотя бы среднего школьного образования, было трудно или же вообще невозможно правильно заполнить опросный

лист, т.е. они не могли понять вопросы в шкалах и инструкции для примечаний в формулярах. В среднем наши испытуемые имели двенадцать классов школы: выпускники колледжей и лица, не закончившие среднюю школу, были представлены в равных пропорциях. Важно знать, что среди подвергшихся выборочным испытаниям большинство составляли люди в возрасте между 25 и 35 годами.

Понятно, что в целом наши выборочные исследования не имели достаточной основы для того, чтобы претендовать на обобщения в масштабах всего населения США.

Их результаты могут распространяться на неевреев, белых, родившихся в стране и на американский средний класс. Там, где неоднократно выявлялись одинаковые взаимосвязи при исследовании различных групп (студентов колледжа, женских клубов, заключенных) вне сомнения допустимы обобщения. Большинство взаимосвязей, о которых мы расскажем в следующих разделах, могут выявиться и тогда, когда будут исследоваться слои населения, не затронутые нашими выборочными исследованиями. Помимо этого могут быть выявлены и другие взаимосвязи.

2. Распределение и сбор опросных листов

Прежде, чем приступить к раздаче опросных листов, мы как правило, прежде всего удостоверивались в желании руководителя группы сотрудничать с нами. Это не вызывало никаких трудностей, если он был либерально настроен, как, например, руководитель класса по обучению правильной речи, психолог в мореходном училище или президент общественного клуба. Руководителю группы объяснялись цель и способ исследования, и он брал на себя распространение проекта опросного листа среди членов группы. Если же руководитель группы был настроен консервативно, процедура становилась сложнее. Например, когда он узнавал, что исследование затрагивало вопросы социальной дискриминации, то заявлял, что «проблема очень важная», а затем следовала одна затяжка за другой, пока мы не теряли надежды вообще получить ответы от соответствующей группы. Кажется, среди таких лиц царило убеждение, что лучше «не будить спящих собак» и лучше вообще не касаться «расовой проблемы». Большого успеха с консервативными руководителями групп мы добивались, когда представляли наш проект как исследование общественного мнения, или «опрос службы Гэллапа», проводимый группой ученых университета, а затем уже полагались на то, что многообразие и относительная безобидность шкальных высказываний не вызовут ненужных подозрений.

Сбор опросных листов в студенческих группах как на регулярных занятиях, так и на каникулярных курсах или курсах для взрослых, обычно обеспечивал соответствующий преподаватель. В других случаях опросные

листы приходилось раздавать нашим сотрудникам, которые проводили инструктаж, они же помогали собирать опросные листы и при этом говорили об «исследовании общественного мнения», затрагивая собственно задачи исследования лишь в той мере, в которой это, по их мнению, не вызывало неприятия у слушателей.

При этом вне зависимости от того, считалась ли группа либеральной или нет, опросный лист представлялся ей всегда как средство изучения общественного мнения, а не как инструмент изучения предубеждений. Прилагавшиеся к нему инструкции выглядели так:

Изучение общественного мнения: руководство.

Мы пытаемся установить, что думает и испытывает общественность по ряду социальных вопросов.

Мы убеждены, что прилагаемый опрос Вас заинтересует. Вы найдете там множество социальных вопросов и проблем, о которых Вы уже размышляли, читали в газетах и журналах, слышали по радио.

Это не тест на интеллект и не информационный тест. Ответы не подразделяются на «правильные» и «неправильные». Самый лучший ответ — это *Ваше личное мнение*. Можете быть уверены, что каково бы ни было Ваше мнение по той или иной проблеме, найдете много людей, которые с Вами согласятся или будут придерживаться иной точки зрения. И это есть именно то, что мы хотим определить: насколько расходятся мнения общественности по всем этим общественно значимым темам.

Мы подчеркиваем, что заказчики этого опроса вовсе не обязательно поддерживают или отвергают предлагаемые Вам высказывания. Мы *пытались включить в опрос многие точки зрения*. Одни из них мы сами поддерживаем, а другие — нет. Вероятно, и Вы с некоторыми из них однозначно согласитесь, другие столь же однозначно отвергнете, а третьи и не поддержите и не отвергнете однозначно.

Мы отлично знаем, что сегодня каждый человек очень занят и не хотим занимать много Вашего времени. Вот все, о чем мы Вас просим:

а) Внимательно прочтите высказывания и пометьте их соответственно Вашей реакции. Нет необходимости долго задерживаться на каждом вопросе.

б) *Ответьте на каждый вопрос*

в) *Выразите Вашу личную точку зрения*. Не обесуждайте вопросы с другими до того, как Вы закончите.

д) В ограниченное время и на ограниченном пространстве будьте как можно откровенней, точнее и тщательней

Это исследование проводится так же, как опрос службы Гэллупа или выборы. Так же, как «избирателю» при тайном голосовании. Вам не нужно называть своего имени.

После раздачи опросных листов сотрудничество групп было великолепным. Не менее 90% присутствующих сдали заполненные листы. Конечно, некоторые члены группы отсутствовали в день раздачи листов; однако

поскольку об опросе заранее не объявлялось, нет основания предполагать, что ответы отсутствующих в целом были бы иными, чем у присутствовавших. Присутствующие, не сдавшие целиком заполненные опросные листы, либо вообще не проявляли желания сотрудничать, либо сдавали лишь частично заполненные листы. Можно предположить, что первые были настроены антидемократически, в значительной степени больше, чем группа в среднем, в то время как медлительность и небрежность вторых, по-видимому не имеет ничего общего с идеологией.

Один раз была предпринята попытка провести опрос по почте. Более 200 опросных листов с подробной инструкцией и письменной просьбой о сотрудничестве, а также сопроводительным письмом соответствующего начальника были разосланы по почте учителям и медсестрам. Мы получили лишь 20% разосланных опросных листов. На шкале измерения антидемократических тенденций в них превалировали отрицательные ответы.

3. Отбор испытуемых для интенсивных клинических исследований

За небольшими исключениями лица для интервью и тематического апперцепционного теста отбирались в отдельных группах из числа 25 процентов опрошенных с наиболее низким количеством очков на шкале этноцентризма: представлялось, что для первого этапа исследования эта шкала была наилучшим показателем антидемократических тенденций.

В тех случаях, когда группы регулярно собирались (а чаще всего это было именно так), опросные листы собирались именно при таких удобных случаях, подсчитывались очки и определялись лица, подходящие для интервью; а на следующей встрече мы уже заводили речь о продолжении сотрудничества. В некоторых, нечастых, случаях, когда было известно, что следующая встреча невозможна, просьба об интервью высказывалась уже при раздаче опросных листов и записывались адреса тех, кто изъявлял готовность. Чтобы замаскировать критерии отбора и цель клинического обследования, мы объявляли, что хотели бы продолжить подробную дискуссию об их убеждениях и идеях с частью опрашиваемых (приблизительно десятью процентами) и для этого приглашаем из группы для интервью лиц с различными реакциями в различных степенях их проявления.

Для участников интервью и групповых обследований была гарантирована анонимность, если того желал опрашиваемый. Поэтому он учитывался лишь с помощью даты рождения, которую он указывал в опросном листе. Однако это было невозможно в тех случаях, когда уже в опросных листах содержалась просьба дать согласие на интервью. Возможно, в этом причина довольно скудных ответов в таких случаях. Однако имелись и другие причины трудностей, с которыми мы столкнулись при

опросе этих групп: примечательно, что большинство тех, кто учитывался лишь по дате рождения, уже больше не заботились об анонимности, после того как достигалась договоренность.

Испытуемые получали три доллара за два или три часа клинических исследований. Предложение этих денег (чтобы стимулировать согласие на интервью) обосновывалось тем, что сотрудникам, проводившим исследование, неудобно безвозмездно занимать время испытуемых. И, действительно, это давало желаемый эффект: важнее для нас, однако было то, что это очень помогало нам отобрать подходящих испытуемых.

Большинство низкорасположенных на шкале этноцентризма (N)¹ и без того были согласны к сотрудничеству, поскольку для них был притягателен психологический аспект и они охотно готовы были потратить свое время ради «добраго дела», но многие из тех, кто занял на шкале высокое место (H), откровенно говорили, что решающим для них были деньги.

При отборе опрошенных главным для нас было обследовать как можно больше вариантов H и N . Это обеспечивалось уже тем, что мы приглашали по несколько человек из большинства участвовавших групп. Кроме того, внутри группы различия обеспечивались еще групповой принадлежностью и количеством очков на других шкалах. Однако репрезентативный выбор отдельных опрошенных групп относительно различных социально-статистических признаков не проводился. Вопрос о том, в какой степени проинтервьюированные H и N , репрезентативны в отношении тех, кто на шкале этноцентризма получил высокие или низкие баллы, будет рассмотрен в IX² главе.

Из тех, кто получил среднее количество баллов (M), пятьдесят процентов, чья сумма баллов находилась между верхней и нижней четвертью, опрашивались лишь очень немногие. Важным первым шагом к пониманию антидемократических тенденций было, по нашему убеждению, выявление факторов, наиболее четко ограничивающих крайности.

Чтобы провести корректное исследование двух групп, необходимо иметь в каждой из них как минимум 30–40 человек, а поскольку выяснилось, что мужчины и женщины ставили перед исследователями различные проблемы и, следовательно, для исследования женского контингента H в сравнении с женским контингентом N и мужского контингента H в сопоставлении с мужским контингентом N потребовалось 4 группы общей численностью в 150 человек. Провести еще и другие интервью было практически невозможно. Интенсивное изучение репрезентативного M (середины шкалы) должно стать основной задачей будущих исследований в русле концепции данной работы.

Поскольку M многочисленней обеих экстремальных групп, оценка их демократического и антидемократического потенциала особенно важна. Во время немногочисленных интервью с контингентом M и при просмотре множества их опросных листов не возникло впечатление, что они

индифферентны или неинформированы относительно тематики шкалы или что у них отсутствуют мотивация или черты характера, выявленные у обеих экстремальных групп. Короче говоря, они вовсе не совсем другие, чем эти группы; они проявляют те же элементы характера, но только в других структурах.

Примечания

¹ В последующем для обозначения лиц верхней части шкалы, т.е. тех, кто относится к верхней ее четверти, будет употребляться сокращение «Н», а для обозначения тех, кто относится к нижней части шкалы, т.е. ее нижней четверти, сокращение «N», а для обозначения опрошенных со средним количеством баллов, т.е. для двух средних четвертей, будет использоваться сокращение «М»

² T.W. Adorno, Else Frenkel-Brunswik, Daniel J. Levinson und R. Nevitt Sanford, *The Authoritarian Personality*, — в последствии обозначается сокращенно «A.P.» New York 1950, Kap. IV. «The Interviews as an Approach to the prejudiced Personality», с. 291 и далее.

II. Измерение антидемократических черт в структуре характера

А. Введение

На очередной стадии исследования, когда *A-S*-шкала (шкала антисемитизма) и *E*-шкала (шкала этноцентризма) уже были достаточно разработаны, постепенно стал возникать план создания шкалы, с помощью которой можно было бы измерять предубеждения, не открывая цели исследования и не называя прямо группу меньшинств. Представлялось, что такой инструмент, если он будет в значительной степени коррелировать с *A-S*- и *E*-шкалой, сможет их заменить. Он мог бы использоваться для исследований общественного мнения в группах, где слишком «щекотливые расовые вопросы» не позволяют применить шкалы *A-S* или *E*, например, в группах, где много представителей меньшинств. Он мог быть использован также и для измерения предубеждений среди самих представителей меньшинств. Прежде всего он мог бы быть более действенным как инструмент измерения предубеждений, поскольку позволяет обойти защитные механизмы, которые включаются у многих лиц, когда их спрашивают об их позиции «по расовым вопросам».

Ка жилось бы, в качестве индикатора предубеждений могла служить *PECS* шкала, но она явно недостаточно коррелировала со шкалами *A-S* и *E*. К тому же ее высказывания были явно идеологического характера и логически или чисто автоматически соотносимы с тематикой предрассудков. Нам же был нужен набор высказываний, каждое из которых коррелировало бы с *A-S* и *F*, но не затрагивало бы обычно обсуждаемые политические и социальные проблемы. В качестве базы у нас был уже собранный материал клинических исследований, который как нам представлялось, позволял выявить многочисленные связанные с предубеждениями тенденции в особенности там, где испытуемые рассказывают о себе, своей семье, сексуальных вопросах, моральных и личных представлениях о ценностях.

С этого момента стало формулироваться второе и главное предназначение новой шкалы. А не может ли такая шкала стать на психологическом уровне адекватным инструментом измерения антидемократических тенденций, заложенных в структуре характера? К тому времени, когда замышлялась такая шкала, уже стало ясно, что антисемитизм и этноцентризм являются не просто поверхностными мнениями, а общими тенденциями, которые как минимум частично происходят из структуры характера индивида. Так нельзя ли сконструировать шкалу, которая позволяла бы непосредственно проникнуть к этим скрытым, во многом неосознанным силам? Если да и если последующие клинические исследования подтвердят адекватность этой шкалы, то не будет ли с ее помощью легче учитывать

антидемократический потенциал, чем с помощью откровенно идеологических шкал? Эта перспектива была очень привлекательна, и опыт использования клинических приемов и других шкал говорили в пользу успеха этого замысла.

Наша попытка разъяснить взаимосвязь шкал *A-S* и *E*, выяснить причину взаимозависимости их различных шкальных высказываний, привела нас к концепции постоянных психических предрасположенностей в индивиде (стереотипность, конвенционализм, интерес к власти и т.д.). Аналогичные результаты дали и части интервью, посвященные идеологическим вопросам,¹ которые позволили выявить у каждого отдельного индивида предрасположенности, которые отражались в беседах как по различным идеологическим вопросам, так и по вопросам из различных других областей, которые нельзя было отнести к идеологии. А просмотр клинико-генетического материала вызвал впечатление, что эти предрасположенности можно объяснить скрытыми потребностями структур характеров. Итак, мы столкнулись с задачей сформулировать шкальные высказывания, которые, с одной стороны, отражали бы мнения и поведения, и внешне выглядели как обычные анкеты по изучению мнений и поведений, а, с другой стороны, на деле служили бы «разоблачению» латентных антидемократических тенденций в характере. Это была возможность перенести в групповые исследования выводы и гипотезы, полученные и выработанные в ходе клинических исследований, и проверить, можно ли в рамках группы исследовать черты, которые обычно относимы к индивидуальным и качественным признакам.

Эта вторая цель — квантификация антидемократических тенденций на уровне структуры характера — не отменяла цели первой: измерения антисемитизма и этноцентризма без упоминания меньшинств или актуальных политико-экономических проблем. Даже более, представлялось, что обе цели могут быть реализованы одновременно. Мы ожидали, что *A-S* и *E* будут коррелировать с новой шкалой, поскольку реакции на *A-S* и *E* в значительной мере находятся под влиянием тех скрытых тенденций, которые новым путем должна была выявить новая шкала. Такая корреляция, если бы она действительно проявилась, могла бы считаться доказательством того, что антисемитизм и этноцентризм не являются изолированными и специфическими установками, что они не есть поверхностные явления, а выражают устойчивые тенденции в индивиде. Однако все зависело от того, удастся ли уберечь шкалу от высказываний, которые столь часто или даже просто автоматически увязываются с антисемитизмом, что они могли бы рассматриваться как взгляды, отражающие именно эту политическую «линию». Во всяком случае казалось, что мнения и поведения из других областей, не относящихся, как обычно, к политике и экономике, в такой мере взаимосвязаны с антисемитизмом и этноцентризмом, что с их помощью лучше выявляются точки зрения предвзятых лиц. В знак того, что

этот новый инструмент предназначался для выявления профашистских склонностей в индивиде. он получил название *F*-шкалы.

По теоретическим соображениям, мы не ожидали, что корреляции *F* с *A-S* и *E* будут близки к совпадению. Мы надеялись, что шкала *F* поможет выявить нечто такое из антидемократического потенциала, что не проявляется при реакциях на высказывание однозначно враждебного содержания по отношению к меньшинствам. Во всяком случае, высказывания шкал *A-S* и *E* были сформулированы таким образом, что опрашиваемые могли высказывать свои предубеждения, чувствуя себя при этом, однако, демократами. Мы учитывали также, что нам могут встретиться лица с низким местом на шкалах *A-S* или *E*, которые, однако, во время интервью в непринужденной атмосфере с любезным интервьюером выскажут свои предубеждения. Мы могли также встретить испытуемых, которые не станут высказывать враждебность по отношению к меньшинствам, однако склонны по отношению к таким группам к шаблонному мышлению или же проявляют тенденцию моралистически отвергать других людей как этнические группы, что следовало рассматривать как восприимчивость к антидемократической пропаганде. Коль скоро *F*-шкала предназначалась быть инструментом для измерения антидемократического потенциала — будь то в форме отдельной вражды к чужеродным группам или нет, то она не могла полностью коррелировать с *A-S* или *E*. Скорее от нее можно было ожидать, что она поможет определить индивидов, которые в ходе клинических исследований проявили восприимчивость к антидемократической пропаганде. Даже если и не представлялось возможным, с помощью одной только шкалы *F* отобрать испытуемых для интервью в рамках этого исследования, все же баллы, набранные на этой шкале, могли быть соотнесены с признаками антидемократических черт характера, устанавливаемых с помощью других приемов. Такие черты, как нам казалось, имели место и в тех случаях, когда показатели *A-S* и *E* не были высокими.

Не следовало преувеличивать различие между потенциальным и манифестируемым. Если у индивида имелись эмоционально обусловленные антидемократические черты, то в общем их должны были спровоцировать как специально для этого сконструированные шкалы *A-S* и *E*, так и шкала *F* и другие не прямые методы.

Испытуемый с высоким баллом на шкале *F*, но не на *A-S* и *E* составил бы исключение, и потребовалось бы особое обоснование для объяснения факторов, сдерживающих его в выражении предубеждений по отношению к меньшинствам.

В. Конструкция шкалы фашизма (шкалы F)

1. Теоретические соображения

38 высказываний первоначального варианта шкалы *F* приведены в табл. 1. Они пронумерованы в том же порядке, в котором они расположены в форме № 78. Если учесть, что большая часть описанного в этой книге было нам либо уже известно, либо было предметом наших размышлений ещё до того, как мы начали работать над шкалой *F*, то станет понятно, что мы не пошли чисто эмпирическим путем. Мы не думали начинать с сотен более или менее случайно подобранных высказываний, чтобы затем методом проб и ошибок установить, какие из них соотносятся со шкалой *A-S* и шкалой *E*. Для каждого высказывания имелась одна или иногда несколько гипотез относительно его возможного отношения к предубеждениям.

Множество таких гипотез рождалось из уже проделанной исследовательской работы: для этого имелся следующий материал: результаты опросов по шкалам *A-S*, *E* и *PEC*, бесчисленное количество коррелятов шкалы *E*, полученное в результате обработки опросных листов или, иными словами, из ответов на статистические вопросы и короткие вопросы-тесты на такие темы, как религия, война, идеальное общество и т.п.; первые результаты проективных вопросов; и наконец — и это очень важно — материалы из интервью и тематического апперцепционного теста. Другими ценными источниками были исследовательские работы в смешанных областях, в которых авторы принимали участие незадолго до этого. Главным образом это были несколько исследований по структуре характера в плане отношения к войне и идеологии, выполненные в Калифорнийском университете², работа Института социальных исследований, а также анализ речей антисемитских агитаторов и исследование, посвященное антисемитски настроенным рабочим³, кроме того общая литература об антисемитизме и фашизме, включая эмпирические и теоретические изыскания.

Таблица 1

Шкала *F* — форма 78

2. Как бы по этому поводу не шутили люди, но ещё может оказаться, что астрология в состоянии многое объяснить.

3. Америка настолько удалилась от подлинно американского образа жизни, что он, вероятно, может быть восстановлен только путем принуждения.

6. Естественно и правомерно, что женщина подвержена большим ограничениям в некоторых вещах, где мужчина обладает большой свободой.

9. Слишком много людей ведут сегодня несестественный, изнеженный образ жизни, мы должны возвратиться к нашим старым основам, к более активной и энергичной жизни.

10. То, что Япония в день нападения на Пирл-Харбор, 7 декабря 1944 года, пережила землетрясение — более чем примечательное совпадение.

12. Современная церковь с её многочисленными предписаниями и её ханжеством не удовлетворяет глубоко религиозного человека; она оказывает влияние главным образом на наивных, неуверенных в себе и некритичных людей.

14. Справившись с немцами и японцами, мы должны сконцентрироваться на других врагах человеческого рода, например, таких, как крысы, змеи и насекомые.

17. Доверительность оборачивается неуважением.

19. На людях следует избегать вещей, которые кажутся другим неправильными, даже если ты сам знаешь, что на самом деле — это нормальные вещи.

20. Особая ценность прогрессивного воспитания состоит в большой свободе для ребенка в выражении тех естественных импульсов и желаний, которые в связанном условностями среднем сословии столь часто вызывают недовольство.

23. Воистину достоин презрения тот, кто не проявляет постоянно в отношении своих родителей любовь, благодарность и уважение.

24. Сегодня везде царит неуверенность; мы должны быть готовы к периоду постоянных перемен, постоянных конфликтов и переворогов.

28. Романы или истории, повествующие о мыслях и чувствах, интереснее, чем те, что рассказывают о поступках, любовных историях или приключениях.

30. Сообщения о зверствах в Европе сильно преувеличены в пропагандистских целях.

31. Гомосексуализм — вид проступков, свидетельствующий об особой испорченности, должен особо строго наказываться.

32. Чтобы научиться выполнять полезную работу, очень важно, чтобы наши учителя и начальники детально разъяснили нам, что надо делать и как при этом действовать.

35. Происходит столько вещей, явно противоречащих американскому духу, что бдительным гражданам самим придется заняться законностью, если этим не займется те, кто за это отвечает.

38. В колледжах слишком много значения придается интеллектуальным и георетическим темам и слишком мало — практическим вещам и простым жизненным добродетелям.

39. Каждый человек должен твердо верить в стоящую над ним сверхъестественную силу, которой он полностью подчинен и чьи решения он не ставит под сомнение.

42. Какой бы вид они не делали, но все мужчины интересуются женщинами только по одной причине.

43. Такие науки, как химия, физика и медицина значительно продвинули вперед человечество, но есть много важных вещей, которые человеческий ум никогда не постигнет.

46. Сексуальная распушенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать.

47. Тот, кто задел нашу честь, не должен оставаться безнаказанным.

50. Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети.

53. Есть вещи, которые слишком интимны или слишком личного характера для того, чтобы их можно было обсуждать даже с самыми близкими друзьями.

55. Хотя праздность и отличная вещь, но лишь хорошая и упорная работа делает жизнь интересной и чего-то стоящей.

56. После войны мы должны ожидать волну преступности; контроль над гангстерами и хулиганами когда-то станет одной из самых больших проблем общества.

58. Что человек делает, не столь уж важно, если он это делает хорошо.

59. Войны и конфликты будут всегда, поскольку таковы уж люди.

60. Какие из следующих свойств важнее всего для человека? *Отметьте три важнейших из них знаком X.*

художественные способности и чувствительность

любовь у окружающих, хороший характер

энергия, решительность и сила воли

великодушие, человеческая социальная позиция

ухоженность и хорошие манеры

деликатность и чуткость

умение делать дело, практическая хватка и бережливость

сила разума и серьезность

эмоциональная выразительность, теплота, контактность

дружелюбие и любовь к ближнему

65. Вполне возможно, что эта серия войн и конфликтов раз и навсегда будет остановлена землетрясением, наводнением или иной катастрофой, которая уничтожит мир.

66. Книги и фильмы должны обращаться не столько к грязным и безрадостным сторонам жизни, сколько сосредоточиться на развлекательных и возвышенных темах.

67. При внимательном рассмотрении выходит, что человеческая природа такова, что чем бы человек ни занимался, он всегда думает о собственной выгоде.

70. В намного большей степени, чем это осознают люди, наша жизнь определяется заговорами, которые тайно вынашиваются нашими политиками.

73. Сегодня, когда так много людей находятся в дороге и столь свободно передвигаются среди друг друга, необходимо особо тщательно защищаться от инфекций и болезней.

74. Если этой стране что-то и нужно, то не столько законы и учреждения, сколько мужественные, неукротимые и самоотверженные вожди, которым мог бы доверять народ.

75. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма; таких преступников надо публично бить плетью.

77. Ни один здоровый, нормальный, порядочный человек не способен даже подумать о том, чтобы оскорбить близкого друга или родственника.

Как уже было сказано, теоретическая ориентация с самого начала определяла интерпретацию материала; при разработке шкалы *F* она играла главенствующую роль. После того, как была сформулирована гипотеза о том, каким образом может выразиться во мнении или поведении тенденция, скрытая в структуре характера, которая, если не логически, то динамически связана с предубеждением, было уже не сложно подобрать основу для вопросов опросного листа: было уже нетрудно найти высказывания из газет, замечания, сделанные в интервью или в повседневных беседах. (Однако, как мы еще увидим, окончательная формулировка высказывания требовала большой тщательности и труда).

Относительно центральных черт характера, предположительно считавшихся ключевыми, мы, как уже было сказано, руководствовались главным образом результатами предшествующих исследований: это были черты, которые как гипотетические конструкции лучше всего объясняли консистентно ответов по прежним шкалам и при анализе клинического материала лучше всего подходили для объяснения причин отдельных случаев когерентности. Большинство таких черт было уже упомянуто, правда лишь в общем плане, когда это было необходимо для интерпретации полученных материалов. Например, констатацию того, что антисемит отрицательно относится к евреям за то, что они якобы не соблюдают законы общепринятой морали, мы пытались объяснить тем, что он особо прочно и бесповоротно связан с конвенциональными ценностями и что его антисемитизм базируется на этом общем предрасположении характера, которое одновременно проявлялось и другим образом — в общей тенденции смотреть свысока на мнимых нарушителей традиционных норм и наказывать их за это. Эта интерпретация была подтверждена результатами на шкалах *E* и *PEC'*, которые показали связь между шкальными высказываниями, выражавшими конвенционализм, и манифестируемыми формами предрассудка. Поэтому подчинение конвенциональным ценностям рассматривалось как одна из переменных в индивиде, которая могла быть установлена с помощью высказываний типа высказываний шкалы *F* и чья функциональная взаимозависимость с различными манифестациями предрассудка была доказуема. Аналогично и результаты шкалы *E* четко указывали на то, что в основе различного рода ответов, продиктованных предубеждениями должна лежать предрасположенность к глорификации, к раболепному, некритическому подчинению авторитетам собственной группы, к поискам и наказанию виновных среди членов других групп во имя какого-либо морального авторитета. Так что, авторитаризм приобрел масштабы переменной, заслуживающей отдельного исследования.

Аналогичным путем было введено и дефинировано несколько переменных, которые все вместе образовали основное содержание шкалы. Каждая рассматривалась как более или менее центральная черта в индивиде, которая в результате динамического процесса выражалась на поверхности

как в этноцентризме, так и в различных психически определенных мнениях и поведениях. Далее дается список этих переменных с краткими дефинициями:

а) *Конвенционализм*. Непоколебимая привязанность к конвенциональным ценностям среднего сословия.

б) *Авторитарное раболепие*. Некритическое подчинение идеализированным авторитетам собственной группы.

в) *Авторитарная агрессия*. Тенденция выискивать людей, не уважающих конвенциональные ценности, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их.

г) *Анти-интрацепция*. Неприятие всего субъективного, исполненного фантазии, чувствительного.

е) *Суеверность и стереотипизм*. Вера в мистическое предначертание собственной судьбы; предрасположенность к мышлению в жестких категориях.

ж) *Силовое мышление и культ силы*. Мышление в таких категориях, как господство-подчинение, сильный-слабый, вождь-последователи; идентификация себя с образами, воплощающими силу; выпячивание конвенционализированных атрибутов собственного Я; выставление напоказ силы и крепости.

з) *Деструктивность и цинизм*. Общая враждебность, очернение всего человеческого.

и) *Проективность*. Предрасположение верить в мрачные и опасные процессы, происходящие в мире; проекция неосознанных, инстинктивных импульсов на внешний мир.

й) *Сексуальность*. Чрезмерный интерес к сексуальным «пришествиям».

Эти переменные так взаимодополняют друг друга, что способны образовывать один единый синдром, единую более или менее устойчивую структуру в индивидуе, который сделает его восприимчивым к антидемократической пропаганде. Поэтому можно было бы сказать, что с помощью шкалы *F* предпринимается попытка измерить потенциально антидемократический характер. Это не означает, что она охватывает все черты этой структуры характера, она охватывает всего лишь фрагмент способов выражения, характерных для такой структуры. И действительно, в процессе работы обозначились многочисленные дополнительные черты этой структуры, а также вариации в рамках системы в целом, и мы сожалели, что не можем создать ещё одну вторую шкалу *F*, чтобы продолжить эти исследования. Мы подчеркиваем однако, что о структуре характера можно говорить только постольку, поскольку когерентность шкальных высказываний лучше объясняется на основе внутренней структуры, чем на основе внешних ассоциаций.

Рассматривая переменные более подробно, мы выдвигаем на первый

план их отношение к этноцентризму. В начале мы приведем для каждой из них шкалы, послужившие их индикаторами. Поскольку мы будем рассматривать переменные по порядку, то — как следствие нашего метода работы над созданием шкал — некоторые высказывания могут появиться под разными рубриками. Чтобы можно было покрыть обширную область, были необходимы особо результативные высказывания, то есть высказывания, наиболее тесно соотносящиеся с теорией, лежащей в основе исследования, что иногда позволяет одному шкальному высказыванию выражать два или даже более представлений. Следует также сказать, что отдельные переменные не всегда представлены одинаковым количеством высказываний, поскольку при разработке шкалы мы прежде всего думали о системе в целом, в которую вписывались переменные, роль некоторых из которых была более важной, чем роль других.

а) *Конвенционализм.*

12. Современная церковь с её многочисленными предписаниями и её ханжеством не удовлетворяет глубоко религиозного человека; она оказывает влияние главным образом на наивных, неуверенных в себе и некритичных людей.

19. На людях следует избегать вещей, которые кажутся другим неправильными, даже если ты сам знаешь, что на самом деле — это нормальные вещи.

38. В колледжах слишком много значения придается интеллектуальным и теоретическим темам и слишком мало — практическим вещам и простым жизненным добродетелям.

55. Хотя праздность и отличная вещь, но лишь хорошая и упорная работа делает жизнь интересной и чего-то стоящей.

58. *Что человек делает, не столь уж важно, если он это делает хорошо.*

60. *Какие из следующих свойств важнее всего для человека? Отметьте три важнейших из них знаком X.*

художественные способности и чувствительность
любовь у окружающих, хороший характер
энергия, решительность и сила воли
великодушие, человеческая социальная позиция
ухоженность и хорошие манеры
деликатность и чуткость
умение делать дело, практическая хватка и бережливость
сила разума и серьезность
эмоциональная выразительность, теплота, контактность
дружелюбие и любовь к ближнему

Согласно известной гипотезе, предрасположенность к фашизму характерна для среднего сословия и «обусловлена культурой»; соответственно, те, кто наиболее привержены ей, более всего являются носителями предрасположений. Чтобы собрать материал по этой гипотезе, в шкалу

включались высказывания, указывавшие на привязанность к конвенциональным нормам. Однако первые результаты показали, что это не так просто. Корреляция между конвенциональными представлениями о ценностях и предубеждениями представлялась позитивной, но не очень большой; если неконвенциональные личности обычно не имели предубеждений, то среди конвенциональных были как предубежденные, так и не предубежденные. Различие в группе конвенциональных личностей обуславливалось причиной происхождения конвенционализма, а, точнее говоря, структурой характера в целом, в которой он играл функциональную роль. Если подчинение конвенциональным ценностям было выражением полностью сформировавшейся совести, то между этими представлениями о ценностях и антидемократическим потенциалом вовсе необязательно существовала взаимосвязь. Те же самые нормы поведения, которые легко возмущают индивида по причине того, что в них он видит низкую мораль неасимилированных меньшинств или «низших классов», вызвали бы у него — будь они и в достаточной мере интернациональны — противодействие против насилия и преступлений, характерных для продвинутой стадии фашизма. Но там, где держаться конвенциональных норм понуждает давление общества, там, где конвенционализм зиждется на упорной привязанности индивида к нормам коллективной власти, с которой он идентифицирует себя в данный момент, — там мы имеем дело с антидемократической восприимчивостью. И только в этих случаях мы говорим об конвенционализме, отличая его от простого признания обычных ценностей. Конвенционалистический индивид способен с чистой совестью подчиниться диктату внешних сил и последовать за ними, куда бы они его не повели, и будет в состоянии заменить свой моральный кодекс совсем другим — подобно новообращенному, перешедшему от официального коммунизма к католицизму.

Ответы на высказывания из рубрики *конвенционализм* дают опрашиваемому возможность показать, относится ли его вера в конвенциональные ценности к вере вышеописанного типа, тупой и абсолютистской, или же нет. Если, например, высказывание «Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети» он оценит баллом +3, то это можно считать индигией. Однако для надежной оценки необходимо также учесть отношение индивида к высказываниям других категорий. Так, в частности, экстремальный конвенционализм соседствует с сильной тенденцией — стремлением наказать нарушителей принятых норм, что не соответствует конвенциональному представлению о ценностях, связанному с сентенцией «живи и давай жить другим». Иными словами, значение высокой суммы баллов по данной переменной, так же, как и в других случаях, выявляется лишь в широком контексте.

б) Авторитарное раболепие

20 Особая ценность прогрессивного воспитания состоит в большой свободе для ребенка в выражении тех естественных импульсов и желаний, которые в связанном условностями среднем сословии столь часто вызывают недовольство.

23. Воистину достоин презрения тот, кто не проявляет постоянно в отношении своих родителей любовь, благодарность и уважение.

32. Чтобы научиться выполнять полезную работу, очень важно, чтобы наши учителя и начальники детально разъяснили нам, что надо делать и как при этом действовать.

39. Каждый человек должен твердо верить в стоящую над ним сверхъестественную силу, которой он полностью подчинен и чьи решения он не ставит под сомнение.

43. Такие науки, как химия, физика и медицина значительно продвинули вперед человечество, но есть много важных вещей, которые человеческий ум никогда не постигнет.

50. Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети

74. Если этой стране что-то и нужно, то не столько законы и учреждения, сколько мужественные, неутомимые и самоотверженные вожди, которым мог бы доверять народ.

77. Ни один здоровый, нормальный, порядочный человек не способен даже подумать о том, чтобы оскорбить близкого друга или родственника.

Подчинение авторитету, желание иметь сильного вождя и принадлежать к государству и т.д. часто и, как нам кажется, по праву рассматриваются как важнейшие аспекты национал-социалистического кредо, так что при поисках коррелятов предубеждений необходимо учитывать такого рода проявления¹. Однако они столь часто связываются с антисемитизмом, что очень трудно сформулировать шкальные высказывания так, чтобы они, не проявляя логического отношения к предубежденности, могли бы вскрывать скрытую тенденцию, и мы не утверждаем, что нам это удалось. Нам в большинстве случаев удалось избежать прямых намеков на диктатуру и конкретных политиков: вместо этого мы сделали акцент на подчинение, уважение, бунтарство и отношение к авторитету. Авторитарное раболепие трактовалось как широко распространенная позиция, провоцируемая перед лицом целого ряда авторитетных фигур: родителей, старших, вождей, сверхъестественных сил и т.д.

Мы попытались так сформулировать шкальные высказывания, чтобы согласие с ними значило не просто реалистическое взвешенное уважение к подлинному авторитету, а чрезмерную, тотальную, эмоциональную потребность в подчинении, выражающуюся к примеру в согласии с такими высказываниями, как «Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети» или утверждение о том, что человек должен *не задавая вопросов*, подчиняться сверхъестественной силе и т.п. Как и в случае с конвенционализмом, здесь тоже принималось

во внимание, что раболепное подчинение внешним силам, возможно, обусловлено неудачей в формировании внутреннего авторитета, совести. Согласно другой гипотезе, авторитарное раболепное подчинение обычно является выходом, позволяющим управлять амбивалентными чувствами по отношению к лицам, обладающим властью: подсознательные враждебные и бунтарские импульсы, сдерживаемые чувством страха, приводят индивида к чрезмерному почтению, послушанию, к чрезмерной благодарности и т.п.

Авторитарное раболепие, несомненно, в значительной степени способствует образованию антидемократического потенциала, поскольку оно делает индивида доступным для манипуляций со стороны внешних сил. Непосредственное отношение авторитарного раболепия к этноцентризму было уже вскользь отмечено в предыдущих разделах⁷: индивид, которому приходится подавлять враждебные чувства по отношению к авторитетам своей группы — первоначально по отношению к родителям, видят «плохие» качества этих носителей власти — их воображаемую непорядочность, своекорыстие, их властолюбие — в группах чужаков затем, чтобы обвинить их в диктаторстве, плутократии, жажде власти. Но этот сдвиг негативных фантазий не является единственным средством преодоления подавленной враждебности; представляется, что часто она находит свое выражение в авторитарной агрессии.

е) *Авторитарная агрессия*

6. Естественно и правомерно, что женщина подвержена большим ограничениям в некоторых вещах, где мужчина обладает большей свободой.

23. Воистину достоин презрения тот, кто не проявляет постоянно в отношении своих родителей любовь, благодарность и уважение.

31. Гомосексуализм — вид проступков, свидетельствующий об особой испорченности, должен особо строго наказываться.

47. Тот, кто задел нашу честь, не должен оставаться безнаказанным

75. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма, таких преступников надо публично бить плетью.

Индивид, который вынужден жить, отказываясь от фундаментальных желаний, в системе строгого самоограничения, и который чувствует себя при этом обманутым, склонен не только к поискам объекта, за который он мог бы «дсржаться без вреда для себя», его особенно раздражает то, что другим удается «лучше устроиться». Поэтому переменную «авторитарная агрессия» можно обозначить как садистский компонент авторитаризма, в то время как «авторитарное раболепие» — как его мазохистский компонент. Конвенциональная личность, не способная по-настоящему критиковать избранный для себя авторитет, предположительно, будет испытывать желание осуждать, отвергать и наказывать тех, кто её не уважает. Поскольку

её эмоциональная жизнь, которую она считает «порядочной» и рассматривает как часть самого себя, вероятно, очень ограничена, её импульсы, особенно сексуальные и агрессивные, остающиеся чуждыми собственному Я, будут сильными и бурными. И так как в этих обстоятельствах индивид подвергается искушению множеством стимулов, способных вызвать у него страх (перед наказанием), то список отвергаемых им человеческих черт, поведенций индивидов и групп весьма велик. Мы уже вскользь говорили, что этот механизм лежит в основе этноцентрического неприятия таких групп, как зутсвитеры⁹, иностранцы и чужаки; мы предполагаем, что этот признак этноцентризма является всего лишь частью общей тенденции, выражающейся в стремлении к наказанию нарушителей конвенциональных норм, гомосексуалистов, сексуальных преступников, лиц с плохими нравами и т.п. Придя к убеждению, что есть люди, заслуживающие наказания, индивид находит отдушину, в которую он может направлять свои глубинные агрессивные импульсы и считать себя при этом вполне моральным человеком. И если внешние авторитеты или народные массы при этом еще высказывают одобрение этой агрессии, она может принять формы насилия.

Можно сказать, что в случае авторитарной агрессии, вначале возбуждаемый авторитетами собственной группы, она вытесняется и переадресуется группам чужаков. Если выражаться житейски, то этот механизм напоминает «поиски козла отпущения», однако в действительности он имеет иное происхождение. Согласно теории «козла отпущения» агрессия у индивида пробуждается разочарованием — обычно невозможностью удовлетворить экономические потребности; и если вследствие незнания или растерянности ему не удастся распознать истинные причины своих трудностей, он как бы начинает колотить вокруг себя, вымещая своё бешенство на всех попадающихся ему под руку беззащитных объектах. Конечно, такой механизм играет свою роль и в случае ненависти по отношению к меньшинствам, однако — и это надо подчеркнуть — согласно теории вытеснения, авторитарно настроенную личность заставляет направлять свою агрессию против чужих групп внутренняя необходимость. Она делает это не столько из-за незнания причин своего разочарования, сколько вследствие своей психической неспособности выступить против авторитетов своей группы. Если такая теория верна, то авторитарная агрессия и авторитарное раболепие сильно коррелируют друг с другом. Она смогла бы также объяснить, почему агрессия столь часто оправдывается моралистическими речами, почему агрессия может принимать столь резкие формы и утрачивать всякую связь с первоначальным стимулом.

Склонность осуждать других по моральным причинам может иметь ещё одно основание: авторитарная личность не только ощущает потребность осуждать моральную нечистоплотность, которую она видит у других, её тянет увидеть её вне зависимости от того, есть ли для этого основания или нет. Это тоже защитный механизм от собственных подавленных

стремлений: авторитарная личность как бы говорит сама себе: «Не я такой плохой, что заслуживаю наказание, это он». Другими словами, индивид *проецирует* свои собственные кажущиеся ему неприемлимыми импульсы на других, чтобы иметь возможность потом осудить их. Проективность как переменная будет более подробно рассмотрена позже.

И конвенционализм, и авторитарное раболепие, и авторитарная агрессия затрагивают моральную проблему: нормы поведения и отношения к властям, которые они нам предписывают, а также к тем, кто их нарушает и поэтому заслуживает наказания. Испытуемые с большим количеством баллов по одной из этих переменных, предположительно, займут высокое место и по двум другим, так как все три следует рассматривать как выражение одной и той же особой структуры характера. Её существенным признаком является недостаточная интеграция моральных законов, по которым живет индивид, с остальной структурой характера. Совесть или Сверх-Я недостаточно интегрированы в Самость или в Я, под которым мы здесь понимаем совокупность различных функций самоконтроля и самовыражения индивида. Это то Я, которое контролирует отношения между Самостью и внешним миром, между Самостью и глубинными слоями структуры характера: Я регулирует способом, позволяющим иметь удовлетворение без строгих наказаний со стороны Сверх-Я и пытающимся в целом привести действия индивида в гармонию с требованиями реальности. Функция Я заключается в том, чтобы поддерживать мир с собственной совестью и создать связь, позволяющую совести, эмоциональным импульсам и Самости сосуществовать в относительной гармонии. Если такой синтез не получается, то Я начинает играть роль более или менее чужеродного тела в структуре характера и создает уже упомянутые ригидные, автоматические аспекты, аспекты неуверенности.

Есть основания полагать, что неудачная интернализация Сверх-Я обусловлена слабостью Я, неспособностью Я произвести необходимый синтез, то есть интегрировать Сверх-Я с Я. Так ли это или нет, но кажется, что слабость Я сопутствует конвенционализму и авторитаризму. Она выражается в неспособности создать в структуре характера консистентную и устойчивую систему моральных ценностей и, по-видимому, именно эта ситуация вынуждает индивида искать организующую и координирующую силу вне себя самого. Там, где решения морального плана зависят от внешней силы, можно говорить об отчуждаемой совести.

Итак, хотя конвенционализм и авторитаризм могут рассматриваться как симптомы слабости Я, стоило поискать другие, более прямые пути определения этого признака характера и попытаться соотнести его с другими признаками. Представлялось, что слабость Я достаточно непосредственно манифестировалась в таких чертах, как сопротивление интрацепции, расположенность к суждению и стертости или в чрезмерном выпячивании Я и воображаемой собственной силы. К этому феномену относятся три следующие переменные.

д) Анти-интрацепция

28. Романы или истории, повествующие о мыслях и чувствах, интереснее, чем те, что рассказывают о поступках, любовных историях или приключениях.

38. В колледжах слишком много значения придается интеллектуальным и теоретическим темам и слишком мало — практическим вещам и простым жизненным добродетелям.

53. Есть вещи, которые слишком интимны или слишком личного характера для того, чтобы их можно было обсуждать даже с самыми близкими друзьями.

55. Хотя праздность и огличная вещь, но лишь хорошая и упорная работа делает жизнь интересной и чего-то стоящей.

58. Что человек делает, не столь уж важно, если он это делает хорошо.

66. Книги и фильмы должны обращаться не столько к грязным и безрадостным сторонам жизни, сколько сосредоточиться на развлека-тельных и возвышенных темах

Термин интрацепция создан Мюрреем⁷ и означает «доминантность чувств, фантазий, раздумий, желаний — субъективный образ воззрений, основывающийся прежде всего на воображаемом». Противоположность интрацепции — экстрацепция, «термин, обозначающий тенденцию руководствоваться конкретными однозначно воспринимаемыми, физическими условиями (реальными, объективными фактами)». Отношения интрацепции/экстрацепции к слабости Я и предубежденности, вероятно, в высшей степени комплексны и не могут быть рассмотрены нами детально. Однако представляется достаточно очевидным, что анти-интрацепция, позиция нетерпимости и неприятия субъективных, продиктованных впечатлениями порывов является знаком слабости Я. Крайне анти-интрацептивная личность не решается размышлять о человеческих феноменах, поскольку она боится додуматься до неправильных вещей: она боится подлинных чувств, поскольку тогда она могла бы потерять контроль над своими эмоциями. Не имея доступа к большей части своей внутренней жизни, она боится того, что может открыться в результате занятий самой собой или наблюдений над собой со стороны других. Поэтому она не уважает «любопытства», не хочет знать, что думают и чувствуют люди и отвергает ненужную «болтовню»; она всегда в делах и всецело отдается практическим занятиям; вместо того, чтобы заняться внутренними конфликтами, она обращает свои мысли к более приятным вещам. Важным программным пунктом национал-социалистов была, как известно, диффамация всего того, что было способно помочь индивиду познать самого себя и осознать свои проблемы. Они не только поспешили запретить «еврейский» психоанализ, но и любая психология, за исключением экзаменов и проверок на годность, при них подвергалась гонениям. Такая установка легко приводит к обесцениванию всего человеческого и переоценке вещного; в экстремальных случаях человеческие существа превращаются в легко манипу-

лируемые объекты, в то время как сами объекты, снабженные эмоциональной притягательной силой, окружены любовной заботой.

е) *Суеверие и стереотипизм.*

2. Как бы по этому поводу не шутили люди, но ещё может оказаться, что астрология в состоянии многое объяснить.

10. То, что Япония в день нападения на Пирл-Харбор, 7 декабря 1944 года, пережила землетрясение — более чем примечательное совпадение.

39. Каждый человек должен твердо верить в стоящую над ним сверхъестественную силу, которой он полностью подчинен и чьи решения он не ставит под сомнение.

43. Такие науки, как химия, физика и медицина значительно продвинули вперед человечество, но есть много важных вещей, которые человеческий ум никогда не постигнет.

65. Вполне возможно, что эта серия войн и конфликтов раз и навсегда будет остановлена землетрясением, наводнением или иной катастрофой, которая уничтожит мир.

Суеверие, вера в мистические или фантастические внешние детерминанты индивидуальной судьбы, и стереотипизм⁸, предрасположенность к мышлению в застывших категориях⁹, настолько часто упоминались в предшествующих разделах и столь очевидно находятся в связи с этноцентризмом, что нет необходимости говорить здесь о них подробнее. Однако возникает вопрос об отношениях между этими тенденциями и интеллектом. В общем суеверие и стереотипизм сопутствуют низкому интеллекту, однако низкий интеллект, как кажется, лишь слабо коррелирует с этноцентризмом¹⁰. У нас сложилось впечатление, что суеверие и стереотипизм включают в себя, помимо просто недостатка интеллекта в обычном смысле этого слова, ещё и определенные весьма родственные предубеждению мыслительные привычки, которые однако, по-видимому, не припятствуют мыслительной деятельности в экстрацептивной области. Эти предрасположенности могут как минимум частично трактоваться как манифестация слабого Я. Стереотипизм является одной из форм ограниченности, особенно в психологических и социальных вопросах. Можно предположить, что люди в современном обществе — даже в целом достаточно «умные» или «информированные» — потому хватаются за примитивные и упрощенные объяснения происходящего, что из размышлений исключаются необходимые для адекватной интерпретации мысли и наблюдения только потому, что они аффективно нагружены и способны вызвать страх; слабое Я не в состоянии включить их в свою мыслительную схему. Помимо этого, вероятно, те силы в более глубоких слоях структуры характера, которые не в состоянии интегрировать Я, проецируются на внешний мир и образуют таким образом источник причудливых представлений о поведении других людей, источник для объяснения событий естественными, природными причинами.

Суеверием называется тенденция у индивида приписывать собственную ответственность внешним, неподвластным собственному контролю силам; суеверие — это косвенное доказательство того, что индивид уже «сдал» свое собственное Я, что он отказался от мысли — самому определять свою судьбу, преодолевая внешние силы. Здесь, конечно, следует учитывать, что в современном индустриальном обществе индивид действительно все меньше и меньше может сам определять свою жизнь, так что шкальные высказывания, имеющие в виду внешнюю причинность, могут быть с легкостью интерпретированы и в реалистическом плане и поэтому ничего не смогут сказать о структуре характера. Поэтому надо было подобрать такие высказывания, которые выражали бы слабость Я нереалистическим способом и представляли бы судьбу индивида как зависимость от более или менее фантастических обстоятельств.

f) *Словое мышление и «крепость» (культ силы).*

9. Слишком много людей ведут сегодня неестественный, изнеженный образ жизни; мы должны возвратиться к нашим старым основам, к более активной и энергичной жизни.

35. Происходит столько вещей, явно противоречащих американскому духу, что бдительным гражданам самим придется заняться законностью, если этим не займется те, кто за это отвечает.

47. Тот, кто задел нашу честь, не должен оставаться безнаказанным

70. В намного большей степени, чем это осознают люди, наша жизнь определяется заговорами, которые тайно вынашиваются нашими политиками.

74. Если этой стране что-то и нужно, то не столько законы и учреждения, сколько мужественные, неутомимые и самоотверженные вожди, которым мог бы доверять народ.

Эта переменная затрагивает в первую очередь излишне сильный акцент на конвенционализированных свойствах Я. В основе её лежит гипотеза, согласно которой чрезмерное выпячивание своей крепости может отражать не только слабость Я, но также и тяжесть представляемого ему требования — приглушить некоторые влечения, отвергаемые обществом. Отношение Я и влечений, соответственно, как минимум столь же тесное, как между Я и совестью. Несмотря на это, то и другое допустимо анализировать отдельно друг от друга. Другие переменные шкалы F относятся к более глубоким пластам эмоциональной жизни индивида.

В тесном родстве с феноменом раздувания «культа силы» находится и так называемый «комплекс власти». Особо ярко он манифестируется в чрезмерном акцентировании мотивов власти в человеческих отношениях, в предрасположенности рассматривать их в таких категориях как слабый — сильный, превосходящий — уступающий, вождь — последователи, «молот — наковальня». При этом в каждом отдельном случае трудно определить, с какой из этих ролей идентифицирует себя носитель тенденции. Кажется,

что индивид хочет получить власть, удержать её, не потерять вновь и в то же время боится её захватить и реализовать. Кажется также, что он восхищается властью, принадлежащей другим, и готов ей подчиниться, но одновременно боится такой слабости. Те, от кого в этом спектре мы ожидали высокие баллы, охотно идентифицировали себя с «маленькими людьми» или со «средним человеком», не демонстрируя, однако, при этом скромности. Кажется, что они действительно считали себя сильными или верят в то, что смогут таковыми стать. Короче говоря, комплекс власти содержит моменты, которые необъединимы в существенном, иногда внешне перевешивает один признак, а иногда другой. Можно предположить, что и вождь и его последователи занимают на этой переменной высокий ранг, поскольку истинная роль индивида, кажется, для него менее важна, чем его заинтересованность в существовании отношения вождь — последователи вообще. Часто индивид устраивается так, что он имеет возможность отождествлять себя с фигурами власти и таким образом удовлетворять сразу две свои потребности: потребность власти и потребность подчинения. Подчиняясь власти, он полагает, что принимает в ней участие. Например, тот, кто говорит, что самое большое и внушающее ему благоговение событие, это возможность «пожать руку президенту», вероятно, находит удовлетворение не только в подчинении, но и в представлении, что что-то от власти большого человека перешло и к нему и сделало его более значительным, поскольку тот «пожал ему руку», «знает его» или поскольку сам он «был там». Приблизительно то же самое удовлетворение дает и роль «лейтенанта» или средняя позиция внутри четко структурированной иерархии, где всегда есть люди более высокие и более низкие по своему рангу.

Комплекс власти непосредственно связан с определенными аспектами этноцентризма. Индивид, воспринимающий все в таких категориях, как сильный — слабый, скорее всего перенесет эту схему и на соотношение собственной группы — чужая группа, то есть будет различать «вышестоящие» и «неполноценные» расы. А самый дешевый с психологической точки зрения трюк, позволяющий получить чувство превосходства, — это притязание на принадлежность к особой «расе».

г) *Деструктивность и цинизм.*

3. Америка настолько удалась от подлинно американского образа жизни, что он, вероятно, может быть восстановлен только путем принуждения.

9. Слишком много людей ведут сегодня неестественный, изнеженный образ жизни; мы должны возвратиться к нашим старым основам, к более активной и энергичной жизни.

14. Справившись с немцами и японцами, мы должны сконцентрироваться на других врагах человеческого рода, например, таких, как крысы, змеи и насекомые.

17. Доверительность оборачивается неуважением.
24. Сегодня везде царит неуверенность; мы должны быть готовы к периоду постоянных перемен, постоянных конфликтов и переворотов.
30. Сообщения о зверствах в Европе сильно преувеличены в пропагандистских целях.
35. Происходит столько вещей, явно прогиворечащих американскому духу, что бдительным гражданам самим придется заняться законностью, если этим не займутся те, кто за это отвечает.
42. Какой бы вид они не делали, но все мужчины интересуются женщинами только по одной причине.
56. После войны мы должны ожидать волну преступности, контроль над гангстерами и хулиганами когда-то станет одной из самых больших проблем общества.
59. Войны и конфликты будут всегда, поскольку таковы уж люди.
67. При внимательном рассмотрении выходит, что человеческая природа такова, что чем бы человек ни занимался, он всегда думает о собственной выгоде.

По нашей теории, антидемократический индивид носит в себе как следствие бесчисленных ограничений, налагаемых на него извне, сильные агрессивные импульсы. Отдушины для этой агрессии, как мы уже видели, он находит в вытеснении — переносе этой агрессии на группы чужаков, что приводит к моральному пренебрежению и авторитарной агрессии по отношению к ним. Безусловно для индивида это удобный искусственный прием, однако сильная подсознательная агрессия может выражаться и иными не морализирующими способами. Конечно, мы не предполагаем, что примитивные агрессивные импульсы у взрослых лишь редко получают совсем прямое выражение и по необходимости модифицируются или как минимум получают оправдание, чтобы стать приемлемыми для Я.

Соответственно, переменная деструктивность и цинизм относятся к рациональной, принятой собственным Я, не морализирующей агрессии. Согласно нашей теории, испытуемые могли демонстрировать эту тенденцию своим согласием с высказываниями, которые являлись по сути сверхагрессивными, однако, благодаря своей форме выражения не требовали моральной оценки. Это означает, что некоторые высказывания содержали в себе возможность морального оправдания агрессивности и были сформулированы таким образом, что сильная поддержка высказывания сигнализировала о готовности к тотальной агрессии даже по ничтожному поводу. Другие высказывания имели своим предметом презрение к людям; в основе их было теоретическое положение о том, что враждебность в данном случае до такой степени генерализирована и столь мало направлена на какой-либо определенный объект, что у индивида вообще не появляется необходимости чувствовать себя ответственным за агрессию. Далее мы исходили также из теоретического положения, согласно которому, агрессивность совершенно непринужденно проявляется лицами.

которые убеждены, что она свойственна каждому и поэтому, когда сами собирались проявить агрессию, были предрасположены считать, что это свойственно каждому, что это как бы в природе человека — использовать ближнего в своих целях и вести с ним войну. Понятно, что такого рода недифференцированная агрессия легко управляема с помощью пропаганды, направленной против меньшинств и других групп, преследование которых сулит политическую выгоду.

h) *Проективность*

46. Сексуальная распущенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать.

56. После войны мы должны ожидать волну преступности; контроль над гангстерами и хулиганами когда-то станет одной из самых больших проблем общества.

65. Вполне возможно, что эта серия войн и конфликтов раз и навсегда будет остановлена землетрясением, наводнением или иной катастрофой, которая уничтожит мир.

70. В намного большей степени, чем это осознают люди, наша жизнь определяется заговорами, которые тайно вынашиваются нашими политиками.

73. Сегодня, когда так много людей находятся в дороге и столь свободно передвигаются среди друг друга, необходимо особо тщательно защищаться от инфекций и болезней.

Механизм проективности уже затрагивался нами в связи с авторитарной агрессией: авторитарная личность имеет тенденцию проецировать свои подавленные импульсы на других людей затем, чтобы потом обвинить непосредственно их. Поэтому проецирование — это средство для того, чтобы держать «его» инстинкты далеко от собственного Я, и это может рассматриваться как несовершенство собственного Я, неспособного выполнять свои функции. В действительности, большинство высказываний шкалы *F* проективны в одном определенном смысле: они имплицитно предполагают, что суждения и интерпретации объективных ситуаций будут искажены подсознательными потребностями. Тенденция индивида к проецированию используется в данной группе высказываний как попытка найти доступ к более глубинным тенденциям в структуре характера. Коль скоро антидемократический индивид проявляет расположенность находить во внешнем мире движущие силы, которые он сам в себе подавляет, то для того чтобы узнать о них больше, необходимо рассмотреть хотя бы атрибуты, которые он, не задумываясь, и в противоречии с реальностью приписывает окружающему миру. Так, если кто-то утверждает, что другие люди замышляют против него зло, хотя этому и нет доказательств, то есть все основания предположить, что у него есть агрессивные интенции, которые

он пытается оправдать с помощью проекции. Показательный пример — отец Кафлин, именуемый антисемитизм «защитным механизмом» или, иными словами, самозащитой неевреев против якобы агрессивных происков евреев. Также представляется, что чем интенсивнее мышление индивида занято «злыми силами этого мира» (о чем можно судить по его склонности заниматься такими явлениями, как дикие эротические эксцессы, сговоры и заговоры, опасность природных катастроф, считая их реальностью), тем сильнее его собственные неосознанные сексуальные и деструктивные импульсы.

й) *Сексуальность*

31. Гомосексуализм — вид проступков, свидетельствующий об особой испорченности, должен особо строго наказываться.

42. Какой бы вид они ни делали, но все мужчины интересуются женщинами только по одной причине.

46. Сексуальная распущенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать.

75. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма; таких преступников надо публично бить плетью.

Интерес к сфере сексуального представлен на шкале *F* четырьмя высказываниями; и если два из них уже появлялись под рубрикой переменной *Авторитарная агрессия* и еще одно как отражение *Проективности*, то это свидетельствует лишь о тесной взаимосвязи всех переменных; они, вместе взятые, составляют единое целое, и одно и то же высказывание может относиться к двум или более аспектам этого целого. Как и любая другая переменная, переменная *Сексуальность* может анализироваться отдельно от других. Какая из переменных имеет основополагающее значение, должны выяснить клинические исследования. Противокатексис (репрессия, образование реакции, проекция) сексуальных желаний, как нам казалось, тоже был пригоден для специального исследования. Переменная *Сексуальность* понимается как сексуальность, чуждая собственному Я. В сильном желании наказать нарушителей сексуальной морали (гомосексуалистов, сексуальных преступников) может выражаться и вообще просто стремление наказывать тех, кто этого заслуживает, которое базируется на идентификации себя с собственной группой, которое, однако, также позволяет заключить, что собственные сексуальные импульсы индивида подавлены и существует опасность потери контроля над ними. Там, где охотно верят в «сексуальные оргии», вероятно, имеет место общая тенденция искажать реальность через проекцию; однако информация сексуального характера вряд ли бы подверглась провокации, не будь у индивида аналогичных неосознанных и очень активных импульсов. Три высказывания: о наказании гомосексуалистов, о

сексуальных преступниках и о якобы все больших сексуальных оргиях, способны поэтому кое-что сказать о силе сексуальных импульсов индивида.

2. Формулирование шкальных высказываний

Соображения, которыми мы руководствовались при описанном в предыдущих разделах формулировании шкальных высказываний, были для нас и основой при разработке шкалы *F*. Некоторые основные правила, уже бывшие частью нашего общего метода при разработке шкалы, имели для шкалы *F* особое значение. В первую очередь высказывания должны были быть по возможности максимально *косвенными*, то есть они не должны были прямо затрагивать тему предрассудков и должны были как можно лучше маскировать истинную цель. В этом случае высказывания № 2 (астрология) и № 65 (природные катастрофы) были предпочтительней высказываний № 74 (неутомимый вождь) и № 3 (восстановлен путем принуждения). В двух последних можно было усмотреть определенные аспекты явно фашистской идеологии. Однако высказывания относительно вождистских идей и представлений о силе, как уже говорилось выше, были неизбежны по теоретическим соображениям. Даже возникал вопрос, а не было бы в наших целях лучше сконструировать шкалу с возможно более косвенными или лишь частично прямыми высказываниями, которая коррелировала бы со шкалой *E*. Однако для первой попытки представлялось более целесообразным использовать оба вида высказываний.

Согласно второму правилу, в каждом высказывании должна была соблюдаться равная пропорция иррациональности и истинности. Разумеется, не годились слишком резкие высказывания, с которыми могли согласиться лишь немногие, или же настолько близкие к истине, что с ними согласился бы каждый. Они не могли помочь отличить человека предвзятого от непредвзятого и поэтому были бесполезны для наших целей. До определенной степени каждое высказывание должно было быть обращено к разуму, но при этом сформулировано так, чтобы рациональный аспект не играл решающей роли в выборе согласия или несогласия. Во многих случаях это было весьма тонким делом. Так, например, социальные историки могут заметить, что высказывание № 46 (сексуальные оргии), возможно, соответствует фактам; однако оно (поскольку большинство испытуемых скорее всего не могло его правильно оценить и должно было реагировать на него чисто эмоционально) рассматривалось нами как возможный индикатор спроецированной сексуальности. Поскольку каждое высказывание содержало момент объективной истины или рационального обоснования, отдельные реакции могли быть обусловлены только этим. Следовательно, от одного единственного высказывания нельзя было ожидать диагноза фашизма. Значимость одного отдельного высказывания для шкалы определялась главным образом его селективностью, а значение одной отдельной

реакции выводилось из совокупности всех ответов испытуемого. Если кто-то оценивал высказывание № 46 (сексуальные оргии) на +3, а высказывания № 31 (гомосексуальность) и № 75 (сексуальные преступления) на -3 или -2, то это давало основания считать испытуемого человеком опытным и рассудительным; однако же оценка +3 за высказывание № 46 в совокупности с поддержкой высказываний № 31 и № 75 могла рассматриваться как достаточно надежное свидетельство выраженного интереса к сфере сексуального.

И, наконец, каждое высказывание должно было способствовать структурному единству шкалы. Каждое высказывание должно было помочь в установлении различных черт характера, которые входили в общую систему, измеряемую шкалой. С одной стороны, мы считали само собой разумеющимся, что различные люди по различным причинам могут дать одинаковый ответ на высказывание — вне зависимости от его объективной истинности, с другой стороны, высказывание должно было обеспечивать для нас возможность интерпретировать каждый ответ в свете нашей основной теории уже после того, как в нашем распоряжении были результаты реакций на все другие высказывания.

С. Результаты по различным формам шкалы F

1. Статистические свойства первоначальной шкалы (форма 78)

Первоначальный вариант шкалы, состоявшей из 38 вышеприведенных высказываний, в качестве части опросного листа формы 78 был весной 1945 г. роздан в четырех группах испытуемых, описанных в главе III¹¹ и перечисленных там в соответствующей таблице.

Оценка с помощью баллов производилась по методу, использованному в отношении шкал *A-S*, *E* и *PEC*. За исключением негативных высказываний, оценка +3 считалась за 7, +2 за 6 баллов и так далее. Высказывания № 12, 20 и 28 считались негативными (они отражают непредвзятую точку зрения), и оценка +3 здесь, разумеется, принималась за 1 балл и так далее. Табл. 2 содержит коэффициенты надежности, средние баллы на каждое предложение и стандартную погрешность для этих четырех групп. Средняя надежность 0,74 обычно находится в рамках, считающихся адекватными для групповых сравнений, однако она слишком низка для по-настоящему точного инструмента измерения. Учитывая многообразис включенных в шкалу элементов, нельзя было рассчитывать на большую консистентность в отношении этой первоначальной формы шкалы, чем та, которая отражена в этой величине. Возникал вопрос, можно ли путем модификации шкалы достигнуть той степени надежности, которая присуща шкале *E*, или же мы

здесь, также как и в случае со шкалой *PEC*, имеем дело с такой сферой реакции, в которой нельзя ожидать более высокой консистентности ответов.

Следует упомянуть, что среди работающих женщин отмечалась заметно большая консистентность, чем в других группах; их коэффициент надежности 0,88 приближался к тому, что регулярно достигалось на шкале *E*. Поскольку женщины в среднем были значительно старше других опрашиваемых, то возможно, что большая надежность в их случае объясняется большей консистентностью их структуры характера.

Не нашлось, как нам кажется, объяснения для того случая, когда испытуемые мужчины из группы ораторского искусства показали низкий коэффициент надежности. Стандартная погрешность и диапазон вариативности были в этой группе необычайно низкими. Для удовлетворительного объяснения этого явления потребовались бы больший контингент опрашиваемых и усовершенствованная шкала.

Взгляд на табл. 2 показывает, что ни в одной группе нет крайне высоких или крайне низких показателей и полученные средние величины близки к нейтральному пункту. Относительно малый, по сравнению с другими шкалами, диапазон распределения, полученный здесь, возможно, является следствием недостаточной консистентности шкалы; если шкальные высказывания не выражают в действительности одну и ту же тенденцию, то вряд ли можно было ожидать, что в своем большинстве вызовут у одного и того же опрошенного консистентную поддержку или консистентное несогласие. С другой стороны, возможно, что наш контингент не имел в себе испытуемых, которые действительно занимали бы крайние позиции в отношении мыслительных схем, измерявшихся с помощью шкалы *F*.

Коэффициент корреляции между формой 78 шкалы *F* и шкалой *A-S* составил 0,53, а между шкалой *F* (форма 78) и шкалой *E* — 0,65.

Таблица 2.
Надежность шкалы *F* (форма 78)¹

Статистические свойства	Группа				В целом ²
	A	B	C	D	
Надежность	0.78	0.56	0.72	0.88	0.74
Средний показатель (для всех вопросов)	3.94	3.72	3.75	3.43	3.71
Средний показатель (нечетные номера вопросов)	3.80	3.59	3.60	3.22	3.55
Средний показатель (четные номера вопросов)	4.08	3.87	3.91	3.64	3.88
Стандартная погрешность (для всех вопросов)	0.71	0.57	0.70	0.86	0.71
Стандартная погрешность (для нечетных вопросов)	0.87	0.71	0.85	0.94	0.84

Стандартная погрешность (для четных вопросов)	0.69	0.65	0.76	0.84	0.74
N	140	52	40	63	295
Диапазон	2.12-5.26	2.55-4.87	2.39-5.05	1.68-5.63	1.68-5.63

¹ Эти данные базируются на следующих четырех группах:

Группа А: студентки курса ораторского искусства (Калифорнийского университета).

Группа В: студенты курса ораторского искусства (Калифорнийского университета).

Группа С: студентки курса психологии (Калифорнийского университета).

Группа D: работающие женщины.

² При определении общего среднего показателя для всех четырех групп средние групповые показатели не соизмерялись с N

2. Анализ высказываний и усовершенствование шкалы

Полученный в первых четырех группах испытуемых материал был использован для попытки усовершенствовать шкалу F — повысить степень её надежности и сократить её без потерь для диапазона и объяснительной силы. Как и в случае с другими шкалами, статистическая ценность высказывания определялась прежде всего индексом селективности. Поскольку шкала F должна была быть консистентна не только внутри себя, но и коррелировать с откровенной предубежденностью, при составлении каждого высказывания приходилось обращать внимание как на его отношение к шкале F в целом, так и на его способность разграничивать H и N на шкале $A-S$. Индекс селективности (TI) высказывания в смысле $A-S$ (TI_{A-S}) — это просто разница между средним показателем верхней $A-S$ -четверти и нижней $A-S$ -четверти высказывания. В табл. 3 приводится для каждого высказывания средний показатель, индекс селективности в части соотношения H и N на шкале F (TI_F), ранг TI , TI_{A-S} и его ранг и, наконец, ранг высказываний в плане $TI_{(A-S)} + TI_F$. Этот последний ранг может считаться индексом статистической «доброкачественности» высказывания в рамках нашего исследования.

Таблица 3

Средние показатели и разграничительная величина высказываний шкалы F (форма 78 ¹)						
№ Сокр. обознач.	Ср. пок.	TI_F^2	Ранг TI_F	TI_{A-S}^3	Ранг TI_{A-S}	Сумм. ранг $TI_F + TI_{A-S}$
2 (астрология)	2.60	1.74	(22)	1.24	(11)	(18)

Продолжение Таблицы 3

№ Сокр. обознач.	Ср пок.	Т _F ²	Ранг Т _F	Т _{Λ-S} ³	Ранг Т _{Λ-S}	Общий ранг Т _F ^{Λ-S}
3 (... восстановить принуждением)	3.04	1.98	(18)	1.05	(17)	(15)
6 (ограничения для женщины)	2.93	1.75	(21)	0.41	(32)	(26)
9 (более активная жизнь)	3.99	2.04	(15)	-0.08	(35)	(29)
10 (день Пирл-Хабор)	2.22	2.20	(9)	1.37	(6)	(8)
12 (современная церковь)	4.67	0.19	(38)	-1.18	(38)	(38)
14 (крысы... насекомые)	4.44	1.60	(26.5)	0.85	(24)	(23.5)
17 (доверительность)	3.33	1.86	(19)	1.56	(4)	(10)
19 (следует избегать)	3.63	0.76	(36)	0.70	(27)	(35)
20 (прогрессивное воспитание)	3.28	1.07	(33)	-0.25	(37)	(37)
23 (постоянная любовь)	3.62	2.61	(4)	1.17	(13)	(5)
24 (везде неуверенность)	5.01	0.79	(35)	0.88	(22)	(33)
28 (романы или истории)	3.02	1.29	(30)	0.76	(26)	(27)
30 (сообщения о зверствах)	4.20	0.43	(37)	0.66	(28)	(36)
31 (гомосексуалисты)	3.22	2.16	(10)	1.18	(12)	(13)
32 (очень важно, чтобы научиться)	3.31	1.67	(24)	1.10	(16)	(20)
35 (взять закон в свои руки)	2.50	1.42	(29)	0.62	(29.5)	(28)
38 (темы в колледжах)	3.91	1.20	(31)	1.14	(15)	(25)
39 (сверхъест. сила)	3.97	2.54	(6)	1.26	(9.5)	(4)
42 (интерес мужчин к женщинам)	2.06	1.05	(34)	0.59	(31)	(34)
43 (такие науки, как химия)	4.35	2.79	(3)	0.97	(18)	(6)
46 (сексуальные оргии)	3.64	2.11	(12.5)	0.93	(20)	(14)
47 (честь)	3.00	2.09	(14)	1.65	(3)	(7)
50 (полслушание и уважение)	3.72	3.09	(1)	1.55	(5)	(2)
53 (слишком интимные вещи)	4.82	1.99	(17)	-0.23	(36)	(32)
55 (праздность)	5.20	2.11	(12.5)	1.26	(9.5)	(11)
56 (волна преступности)	4.60	1.16	(32)	0.62	(29.5)	(31)
58 (что делает человек)	3.48	1.70	(23)	0.87	(23)	(22)
59 (войны будут всегда)	4.26	2.59	(5)	1.91	(2)	(3)
60 (важнейшие свойства)	4.17	1.60	(26.5)	0.31	(34)	(30)
65 (всемирная катастрофа)	2.58	1.55	(28)	0.90	(21)	(23.5)
66 (книги и фильмы)	4.10	2.48	(7)	0.38	(33)	(19)
67 (думает о собственной выгоде)	3.71	2.21	(8)	0.78	(25)	(17)
70 (заговоры политиков)	3.27	1.85	(20)	1.15	(14)	(16)
73 (инфекции и болезни)	4.79	2.02	(16)	1.34	(8)	(12)
74 (неутомимые вожди)	5.00	1.66	(25)	0.94	(19)	(21)
75 (сексуальные преступления)	3.26	2.81	(2)	2.07	(1)	(1)
77 (ни один нормальный человек)	4.12	2.12	(11)	1.36	(7)	(9)
	3.71	1.80	0.89			

¹ Эти данные базируются на следующих четырех группах:

Группа А: студентки курса ораторского искусства Калифорнийского университета (N = 140).

Группа *B*: студенты курса ораторского искусства Калифорнийского университета ($N = 52$).

Группа *C*: студентки курса психологии Калифорнийского университета ($N = 40$).

Группа *D*: работающие женщины ($N = 63$).

При определении общего среднего показателя для всех четырех групп средние групповые показатели не соизмерялись с V

² Селективная величина на шкале *F* базируется на разности между показателями верхней и нижней четверти распределения по шкале *F*

¹ Селективная величина по шкале *A-S* базируется на разности между верхней и нижней четвертью распределения на шкале *A-S*. Например, TI_{A-S} со значением 1,24 для высказывания № 2 показывает, что среднее арифметическое нижней четверти шкалы *A-S* было на 1,24 пункта ниже, чем среднее арифметическое верхней четверти шкалы *A-S*

⁴ Для каждого высказывания вычислялась сумма $TI_F + TI_{A-S}$. Общий ранг каждого отдельного высказывания определялся затем по рангу этой суммы в рамках распределения полученных таким образом 38-ми сумм.

Средний $TI_F = 1,80$ существенно ниже TI , вычисленного для шкалы *A-S* или *E*. Но как бы там ни было, он указывает на в целом удовлетворительную статистическую селективность относительно отдельных высказываний. 16 TI превышают 2, 18 находятся в пределах между 1 и 2 и только 4 ниже 1. Средние величины в общем достаточно удовлетворительны; в среднем они составляют 3,71 и находятся недалеко от нейтральной точки 4; лишь 9 средних величин находятся в весьма экстремальных пределах, то есть в пределах выше 5 или ниже 3. Как и ожидалось, лишь два высказывания, имеющие экстремальные средние показатели, находятся в пределах 2,0.

Индексы TI на шкале *A-S*, конечно, значительно ниже, однако представляется, что 17 высказываний весьма примечательно коррелируют со шкалой *A-S*, то есть их TI_{A-S} находится в пределах выше 1,0. Хотя, согласно нашему замыслу, вся лежащая в основе шкалы *F* идеологическая схема должна была коррелировать со шкалами *A-S* и *E*, это вовсе не означало, что с ними должно было коррелировать каждое отдельное высказывание шкалы *F*. В общем и целом высказывания, обладающие селективностью в отношении шкалы *F*, лучше всего селективируют и в смысле шкалы *A-S*, хотя также имеется несколько бросающихся в глаза исключений. Решение о том, включать ли высказывание в новый, доработанный опросный лист, определялось двумя главными моментами: индексом TI_F и общей теоретической концепцией, положенной в основу разработки шкалы; если они согласовались, то появлялась вероятность того, что высказывание будет включено в усовершенствованную шкалу, и эта вероятность была тем больше, чем выше был индекс TI_{A-S} .

Что же отличает статистически хорошие высказывания от плохих? Есть ли объяснения для этого различия, указывающие стратегию формули-

рования новых высказываний? Первое соображение касается новых групп высказываний, которые отражают переменные, заложенные в основу концепции шкалы *F*. Попадает ли большинство высказываний с высоким селективным индексом в основном под одну и ту же переменную? Не относятся ли некоторые из переменных к рассмотренной здесь общей системе? Три комплекса: сексуальность, авторитарная агрессия и авторитарное раболепие — имели среднюю селективность свыше 2,0, остальные — в границах 1,26–1,80. Наименее удовлетворительными были проективность (1,70), деструктивность и цинизм (1,56), а также конвенционализм (1,26). Однако каждый из этих секторов имеет по крайней мере одно высказывание с индексом *Tl* свыше 2,0. Поэтому на этой стадии работы представлялось целесообразным, вместо того чтобы отбраковывать переменные, посмотреть, каким образом можно усовершенствовать или заменить другими слабые высказывания, выявленные в рамках каждого комплекса.

Среди статистически наиболее удачных высказываний на первом месте высказывание 75 (о сексуальных преступлениях), то есть у него самая высокая сумма $\Pi_F + \Pi_{A-3}$. Оно более всего соответствует идеалу, которым руководствовались составители шкалы *F*. Оно демонстрирует не только широкое распределение ответов со средним показателем, весьма близким нейтральному пункту 4, оно, как нам кажется, успешно объединяет различные представления, которые, согласно теоретической концепции, играют решающую роль в таком явлении, как предубежденность: неосознанный интерес к примитивным аспектам сексуальности, готовность к тотальной психической агрессии, оправдание агрессивности ссылками на моральные ценности. Далее представлялось, что это высказывание достаточно свободно от всякой логической или автоматической взаимосвязи с откровенной предубежденностью. На втором месте высказывание № 50 (послушание и уважение). То, что это высказывание очень хорошо выполняет дифференцирующую функцию не удивляет, поскольку эта форма авторитаризма, как аспект фашистского мышления, хорошо известна. Идея связать авторитарную установку с воспитанием детей, как нам кажется, позволила внешне дистанцировать её от этноцентризма; но все равно это высказывание направлено на один из аспектов фашистской философии, который нельзя было оставить без внимания.

На третьем месте высказывание № 50 «Войны и конфликты будут всегда, таковы уж люди». Это высказывание из сектора *Деструктивность и цинизм* выражает различные, особенно важные в плане синдрома *F*, представления. Наряду с налетом откровенного антипацифизма, оно увязывает презрение к людям с утверждением идеи, что «переживет самый усердный», в качестве рационального оправдания агрессии. Занимающее следующее место высказывание № 39 (сверхъестественная сила), как нам кажется, выражает тенденцию приписывать ответственность внешним, недоступным собст-

венному контролю, силам, которые следует рассматривать как манифестацию слабости собственного Я. На основании отношения, существующего между верой в сверхъестественные силы и верой в могущественных людей из собственной группы, это высказывание было отнесено к разделу *Авторитарное раболепие*. Мы не ожидали, что религиозные восприятия и убеждения будут иметь значение для такого явления, как предубежденность: нам нужно было высказывание, которое было бы настолько экстремальным, что его поддержали бы далеко не все опрошенные, но в то же время чтобы оно настолько подчеркивало «тотальную преданность» и «нерассуждающее» послушание, что могло бы привлечь некритичных и раболепных испытуемых. Средний показатель 3,97 и T_1 , равный 2,54, показали, что эта цель в значительной мере была достигнута. Высказывание № 23 (постоянная любовь), занявшее пятое место, выражает крайний моральный конвенционализм и мышление в категориях собственной группы, в части касающейся семейных отношений, и попадает под две рубрики: *Авторитарное раболепие* и *Авторитарная агрессия*, поскольку оно выражает как преданность собственной группе, так и стремление наказывать («воистину достоин презрения тот...») тех, кто нарушает её нормы. Высказывание настолько гипертрофировано, настолько резко выражает «чрезмерный протест», что приходится спрашивать себя, а не прядется ли за энергичным согласием с ним вытесненное из сознания чувство ненависти к своим родителям и уважаемым людям.

Обо всех пяти высказываниях можно сказать, что все они на первый взгляд сильно отличаются друг от друга содержанием, что они затрагивают несколько аспектов наших теоретических предположений (были затронуты Сверх-Я, Я и Оно) и что все они, возможно, за исключением высказывания № 50, сформулированы очень косвенно в нашем понимании этого слова. Если рассматривать данные высказывания в порядке их селективности — (науки, как химия), (честь), (день Пирл-Харбора), (ни один нормальный человек), (доверительность), (праздность), (инфекции и болезнь) — то можно констатировать, что наиболее удачно с точки зрения теории и методики исследования сформулированные высказывания в общем наиболее эффективны и в статистическом смысле.

Что касается высказываний, которые оказались статистически слабыми, то, оглядываясь назад, в них легко обнаружить недостатки. Некоторые были неудачно сформулированы: в ряде случаев содержание было так неясно или настолько двусмысленно, что многие испытуемые явно воспринимали их не так, как планировалось. Это особенно относится к высказываниям 12 (современная церковь) и 20 (прогрессивное воспитание). Другие же, например, 20 (современное воспитание), 74 (неутомимые вожжи) и 56 (волна преступности) содержали слишком большой момент истины или же были слишком правомерны с позиций разгула, и поэтому получилось, что оба они были адресованы как *H*, так и *N*, что доказывается высокими средними

показателями. Опять же другие высказывания были настолько резкими или откровенно агрессивными, что большинство испытуемых из регистра *H* и *N* склонялись к тому, чтобы их отвергнуть. Высказывание 42 (мужчины только по одной причине...) и 35 (взять закон в свои руки) получили низкие средние показатели и низкий *Tl*.

3. Второй вариант шкалы *F* (форма 60)

При разработке нового опросного листа шкала *E* и шкала *PEC'* были столь сильно сокращены, что несмотря на то, что была оставлена достаточно длинная шкала *F* (34 высказывания), общее количество высказываний не превышало 60. Поскольку перед нами все ещё стояла задача создать надежную шкалу *F*, не теряя при этом широту охвата и объяснительную силу, нам на этой стадии работы представлялось целесообразным не прибегать к большим сокращениям.

Таблица 4

Шкала *F* Форма 60

а) *Конвенционализм*. Непоколебимая привязанность к конвенциональным ценностям среднего сословия.

1. Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети.

6. Тот, у кого плохие манеры, дурные привычки и плохое воспитание, не может ожидать, что его будут хорошо принимать и уважать порядочные люди

53. Главная беда сегодня в том, что люди слишком много говорят и слишком мало работают.

б) *Авторитарное раболепие*. Некритическое подчинение идеализированным авторитетам собственной группы.

1. Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети.

7. Науки продвинули человечество далеко вперед, но есть много важных вещей, которые человеческий дух никогда не достигнет

11. Каждый человек должен безгранично верить в сверхъестественную силу, решения которой он не ставит под сомнение.

23. У молодых людей бывают порой бунтарские идеи: но когда они взрослеют, они должны это преодолеть и успокоиться.

29. Ни один здоровый, нормальный, порядочный человек не способен даже подумать о том, чтобы оскорбить близкого друга или родственника.

32. Что прежде всего нужно этой стране, больше чем законы и политические программы, так это самоотверженные вожди, которым народ может доверять.

44. Чтобы делать хорошую работу, надо, чтобы наши начальники рассказали в деталях, что делать и с чего конкретно начинать.

с) *Авторитарная агрессия.* Тенденция выискивать людей, нарушающих конвенциональные нормы, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их.

6. Тот, у кого плохие манеры, дурные привычки и плохое воспитание, не может ожидать, что его будут хорошо принимать и уважать порядочные люди.

17 Тот, кто оскорбляет нашу честь, в любом случае должен быть наказан

19 Что больше всего нужно молодежи, — так это строгая дисциплина, твердая решимость и воля работать и бороться ради семьи и отечества.

22 В вопросе, кто должен иметь право высказывать свое мнение в правительстве, вся загвоздка в том, что слишком много людей глупы от природы или же полны сумасшедших идей.

34. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма; таких преступников надо публично бить плетью или наказывать ещё суровой.

39 Пожалуй, нет ничего более подлого, чем человек, не испытывающий большую любовь, благодарность и уважение к своим родителям

49. Большинство наших общественных проблем было бы решено, если бы мы избавились от асоциальных элементов, мошенников и слабоумных.

53. Главная беда сегодня в том, что люди слишком много говорят и слишком мало работают.

58 Гомосексуалисты — не что иное, как вырожденцы, и должны сурово наказываться.

д) *Анти-интраценция* Неприятие всего субъективного, исполненного фантазии, чувствительного.

16. Если у кого-то проблемы или заботы, то ему лучше об этом не думать, а заняться более приятными вещами.

30. Слабоумие иногда может быть результатом умственного перенапряжения.

45. Сегодня люди все больше вмешиваются в личные дела других, которым должно оставаться делами частными.

53. Главная беда сегодня в том, что люди слишком много говорят и слишком мало работают.

е) *Суеверность и стереотипизм* Вера в мистическое предначертание собственной судьбы: предрасположенность к мышлению в жестких категориях.

7 Навки продвинули человечество далеко вперед, но есть много важных вещей, которые человеческий дух никогда не постигнет.

11. Каждый человек должен безгранично верить в сверхъестественную силу, решения которой он не ставит под сомнение.

18. То, что Япония в день Пирл-Харбора, 7 декабря 1944 г., пережила землетрясение, больше, чем простое совпадение.

24. У некоторых людей врожденное стремление катиться вниз.

30. Слабоумие иногда может быть результатом умственного перенапряжения.

35. Людей можно подразделить на два класса, слабых и сильных.

40. Вероятно, в один прекрасный день выяснится, что астрология в состоянии многое объяснить.

46. Возможно, что войнам и социальным волнениям раз и навсегда положит конец землетрясение или наводнение, которое уничтожит мир.

50. Нельзя доверять тому, кто не может смотреть другому прямо в глаза

ф) *Сила и «крепость»* Гипертрофированное мышление в таких категориях, как господство-подчинение, сильный-слабый, вождь-последователь; идентификация себя с фигурами власти, выпячивание конвенционализированных атрибутов собственного Я; выставление напоказ силы и крепости.

2. Ни слабость, ни трудности не остановят нас, если у нас достаточно силы воли.

5. Каждый натуральный американец будет бороться, чтобы защитить свое имущество.

17. Тот, кто оскорбляет нашу честь, в любом случае должен быть наказан.

19. Что больше всего нужно молодежи, — так это строгая дисциплина, твердая решимость и воля работать и бороться ради семьи и отечества.

32. Что прежде всего нужно этой стране, больше чем законы и политические программы, так это самоотверженные вожди, которым народ может доверять.

35. Людей можно подразделить на два класса: слабых и сильных

57. Большинство людей не осознают, в какой мере наша жизнь определяется тайными заговорами политиков.

г) *Деструктивность и цинизм*. Обобщающая враждебность, очернение человеческого.

10. Всегда будут войны и конфликты, таковы уж люди.

25. Доверительность оборачивается неуважением.

41. Подлинно американский образ жизни настолько быстро исчезает, что, возможно, потребуются принуждение, чтобы сохранить его.

h) *Проективность* Предрасположение верить в нелепые и опасные процессы, происходящие в мире; проекция неосознанных эмоциональных импульсов вовне.

36. Сегодня, когда так много различных людей постоянно находятся в пути и так свободно передвигаются среди друг друга, необходимо особо тщательно защищаться от инфекций и болезней.

45. Сегодня люди все больше вмешиваются в личные дела других, которым должно оставаться делами частными.

46. Возможно, что войнам и социальным волнениям раз и навсегда положит конец землетрясение или наводнение, которое уничтожит мир.

52. Сексуальная распущенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать.

57. Большинство людей не осознают, в какой мере наша жизнь определяется тайными заговорами политиков

i) *Сексуальность*. Чрезмерный интерес к сексуальным «происшествиям».

34. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма: таких преступников надо публично бить плетью или наказывать ещё суровой.

52. Сексуальная распущенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех крутах, где этого меньше всего следовало ожидать.

58. Гомосексуалисты — не что иное, как вырожденцы, и должны сурово наказываться.

19 высказываний шкалы F (форма 78), пополнивших наивысшие ранги, были включены в новую шкалу без всяких изменений или лишь в слегка видоизмененной форме. Отбор, таким образом, производился в основном по показателю селективности высказывания. Как уже отмечалось, высказывания, наиболее эффективные в статистическом плане, были в общем и целом наилучшими и с теоретической точки зрения, так что мы, оставляя их, сохраняли первоначальное предназначение шкалы. Пять из этих высказываний были оставлены без изменений; остальные же, дабы избежать однотонности реакций и по возможности приблизить средние показатели к нейтральному пункту, были изменены в словесном выражении, но не по смыслу.

Эти 19 доказавших свою надежность высказываний теперь предстояло дополнить ещё 15-ю высказываниями, каждое из которых должно было отвечать требованиям, предъявляемым к хорошему высказыванию, а все они вместе взятые должны были покрывать намеченную область исследования. Здесь действовали уже не статистические, а иные критерии. Чтобы добиться максимальной косвенности, мы не ограничились только тем, что исключили слишком агрессивные высказывания (у всех у них помимо всего прочего были низкие показатели селективности). Так, несмотря на его относительно низкий показатель селективности (ранг 23,5) в слегка измененной форме было сохранено высказывание 65 (всемирная катастрофа), поскольку оно, отражая теоретически важный элемент, по своим внешним признакам навряд ли могло быть кем-то соотнесено с такими явлениями, как «расовая предубежденность» и фашизм. Ради сокращения общего числа высказываний было исключено высказывание № 67 (думают о своей выгоде), хотя показатель его селективности не был низким (ранг 21). Поводом для исключения данного высказывания была его большая схожесть с высокоселективным высказыванием № 59 (всегда будут войны). Чтобы максимально эффективно отразить в высказываниях множество различных представлений, они совмещались в одном высказывании (по два или более), например: «Каждый натуральный американец будет бороться, чтобы защитить свое имущество» или «...люди слишком много думают и слишком мало работают». С учетом этих критериев, а также объяснительной силы, влияния на структурное единство шкалы и наличия достаточно рационального обоснования высказываний, были

переработаны четыре высказывания шкалы *F* (форма 78), у которых ранг индекса *ТТ* был ниже 19, и заново создано ещё 11 высказываний с целью усовершенствования новой формы шкалы *F*. 34 высказывания, сгруппированные под рубриками переменных (которые по нашему мнению, в них отражены), представлены в табл. 4.

Надежность шкалы, средний показатель каждого высказывания, стандартная погрешность и границы варьирования показателей для каждой из пяти групп, представленных на шкале *F* (форма 60) показаны в табл. 5. По сравнению с формой 78 надежность новой формы шкалы значительно повысилась (0,87 против 0,74). Она настолько же высока, как и в сокращенном варианте шкалы *E* (0,87 против 0,86) и значительно выше, чем показатель 0,70 сокращенной шкалы *PEC'*. Средние показатели не так близки к нейтральному пункту как в форме 78 (средний показатель 3,5 против 3,7); однако диапазон и вариативность несколько выше¹².

Таблица 5

Надежность шкалы F (форма 60)¹

Стат. свойства	Группа					В целом ²
	I	II	III	IV	V	
Надежность	0.86	0.91	0.89	0.87	0.81	0.87
Средний показатель (по всем высказ-м)	3.32	3.39	3.82	3.74	3.25	3.50
Средний показатель (нечетных высказ-й)	3.41	3.42	4.09	3.78	3.19	3.58
Средний показатель (четных высказ-й)	3.24	3.36	3.56	3.73	3.28	3.43
Стандартная погрешность (для всех высказ-й)	0.86	0.96	0.93	0.81	0.71	0.85
Стандартная погрешность (для нечетных высказ-й)	0.97	1.03	0.99	0.77	0.83	0.92
Стандартная погрешность (для четных высказ-й)	0.75	0.96	0.97	0.93	0.76	0.87
N	47	54	57	68	60	286
Диапазон	1.00-5.50	1.24-5.50	1.82-4.38	2.24-5.62	1.97-5.35	1.82-5.62

¹ Эти данные базируются на следующих группах:

Группа I: студентки Орегонского университета.

Группа II: студентки Орегонского и Калифорнийского университетов.

Группа III: студенты Орегонского и Калифорнийского университетов.

Группа IV: мужчины из Орегонского общественного клуба.

Группа V: мужчины из Орегонского общественного клуба, получившие только часть А.

² При определении общего среднего показателя для всех пяти групп средние групповые показатели не соизмерялись с N.

Если мы посмотрим на селективность высказываний в табл. 6, то мы отметим существенный прогресс по сравнению с формой 78. Средний показатель селективности по шкале *F* теперь уже составляет 2.15 против 1.80, полученного по форме 78. Три показателя селективности превышают 3.0; 18 находятся в диапазоне между 2.0 и 3.0; 12 между 1.0 и 2.0; и только один показатель ниже 1.0. Средний показатель селективности для шкалы *E*, составляющий 1,53, значительно выше, чем показатель селективности по шкале *A-S'* (форма 78), составивший 0.89. 28 высказываний имеют средний показатель селективности по шкале *E*, превышающий 0.1: эти высказывания шкалы *F* сигнификативно соотносятся с этноцентризмом ($p = 0.05$). Каждая вошедшая в шкалу *F* переменная (конвенционализм, суеверие и т.д.) представлена высказываниями с удовлетворительной селективностью.

Таблица 6

Средние показатели и показатели селективности высказываний шкалы F (форма 60)¹

№ выск-я сокр. обозн.	Сред. пок-ь	PI ² _F		PI ³ _E		Общий ранг ⁴ PI _F + PI _E
		Ранг PI _F	Ранг PI _E			
1(послушание и уважение)	4.86	2.39	(14)	1.52	(17)	(13)
2 (сила воли)	4.44	2.50	(11)	1.46	(19)	(12)
5 (натуральный американец)	5.49	1.46	(29.5)	1.18	(25.5)	(27)
6 (плохие манеры)	5.30	1.80	(23)	1.56	(13.5)	(22)
7 (науки)	4.98	1.71	(24)	1.32	(23)	(25)
10 (войны и конфликты)	4.46	1.67	(26)	1.70	(10)	(21)
11(сверхъестест. сила)	3.60	2.91	(4)	1.38	(21)	(10)
12 (немцы и японцы)	3.71	3.16	(3)	2.83	(1)	(1)
16 (думать о более приятных вещах)	3.15	2.08	(20.5)	1.18	(25.5)	(23)
17 (честь)	3.14	2.46	(12)	2.34	(4)	(7)
18 (день Пирл-Харбор)	2.19	2.51	(10)	1.83	(9)	(9)
19(дисциплина и решимость)	3.68	3.17	(2)	2.28	(6.5)	(3)
22 (мнение в правительстве)	2.74	1.46	(29.5)	1.17	(27)	(28)
23 (бунтарские идеи)	4.30	2.70	(7)	2.29	(5)	(5)
24 (врожденное стремление)	2.87	2.60	(8)	2.28	(6.5)	(6)
25 (доверительность)	3.30	2.08	(20.5)	1.33	(22)	(20)
29 (ни один нормальный человек)	3.55	2.82	(6)	1.95	(8)	(8)
30 (слабоумие)	1.84	1.43	(32.5)	0.91	(30)	(30)

Продолжение Таблицы 6.

№ высказ-я сокр. обозн.	Сред. пок-ь	Π_F^2		Π_E^3		Общий ранг ⁴ $\Pi_F + \Pi_E$
		Ранг Π_F	Ранг Π_E			
32 (самоотверж. вожди)	4.49	2.42	(13)	1.43	(20)	(15)
34 (сексуальные преступления)	3.43	2.83	(5)	2.52	(3)	(4)
35 (два класса людей)	1.44	0.73	(34)	0.38	(34)	(34)
36 (инфекции и болезни)	4.80	1.68	(25)	1.03	(28)	(26)
39 (любовь к родителям)	3.16	3.28	(1)	2.56	(2)	(2)
40 (астрология)	2.56	2.15	(17)	1.66	(11)	(16)
41 (восстановить принуждением)	2.48	2.31	(15)	1.56	(13.5)	(14)
44 (точные указания начальства)	2.46	1.60	(27)	0.50	(33)	(33)
45 (вмешательство в частные дела)	3.48	2.52	(9)	1.56	(13.5)	(11)
46 (всемирная катастрофа)	2.15	1.43	(32.5)	0.94	(29)	(29)
49 (избавиться от асоциальных элементов)	2.74	2.12	(19)	1.56	(13.5)	(18)
50 (никому не доверять)	2.12	1.45	(31)	0.84	(31)	(31)
52 (сексуальная распущенность)	3.18	2.13	(18)	1.50	(18)	(19)
53 (люди слишком много говорят)	3.87	1.83	(22)	1.24	(24)	(24)
57 (заговоры политиков)	4.24	1.55	(28)	0.63	(32)	(32)
58 (гомосексуалисты)	2.29	2.20	(16)	1.54	(16)	(17)
Средн. показатель на одного опрошенного и одно высказывание	3.42	2.15		1.53		

¹ Эти данные базируются на следующих четырех группах.

Группа I: студентки Орегонского университета ($N = 47$).

Группа II: студентки Орегонского и Калифорнийского университетов ($N = 54$).

Группа III: студенты Орегонского и Калифорнийского университетов ($N = 57$).

Группа IV: мужчины из Орегонского общественного клуба ($N = 68$).

При вычислении общих средних показателей средние показатели отдельных групп не соизмерялись с N

² Π_F базируется на разности верхней и нижней четверти распределения на шкале F

³ Π_E базируется на разности между верхней и нижней четвертью распределения на шкале E , то есть индексе Π_E для предложения № 1,

составляющий 1,52, показывает, что среднее арифметическое нижней четверти шкалы *E* было на 1,52 пункта ниже среднего арифметического верхней четверти шкалы *E*

⁴ Для каждого высказывания вычислялась сумма $TI_F + TI_E$. Общий ранг каждого отдельного высказывания определялся рангом этой суммы в рамках распределения полученных таким образом 34-х сумм.

Корреляция между шкалой *F* (форма 60) и шкалой *E* в среднем составляет 0,69 и означает существенное улучшение по сравнению с результатами, полученными на шкале формы 78 (тогда шкала *F* имела показатель корреляции со шкалой *A-S* 0,53 и со шкалой *E* 0,65), хотя и эти результаты не настолько высоки, как это подразумевает цель исследования.

4. Третий вариант шкалы *F* (форма 45 и 40)

Хотя шкала *F* (форма 60) и могла рассматриваться как более или менее адекватный инструмент, но у неё были явные недостатки, которые мы надеялись устранить до того, как с помощью этой шкалы начнутся обследования большего количества групп. Шкала и в своем последнем виде все ещё содержала несколько высказываний, которые были статистически слишком слабы для того, чтобы они могли хоть сколь-нибудь ощутимо способствовать решению той задачи, для которой шкала была создана. Кроме того, было ещё два высказывания (12 и 18), от которых пришлось отказаться, несмотря на их высокий ранг (1 и 9), поскольку они на тот момент — ранней осенью 1945 года, после окончания войны — уже утратили актуальность. К тому же опыт показал, что для работы с сильно отличными друг от друга группами вне университетов желательны более короткие опросные листы. После того как другие шкалы были уже сокращены до абсолютного минимума, следовало сократить и шкалу *F*. Поскольку при этом не должна была снизиться её комплексность, и поскольку нам хотелось повысить её надежность и коррелятивность со шкалой *E*, требовалась большая тщательность. В конце концов мы решили оставить в шкале 30 высказываний.

В основном переработка свелась к исключению семи старых и включению трех новых высказываний. От двух высказываний мы отказались, поскольку, как уже говорилось, они уже утратили современность, пять были исключены из-за относительно низкой селективности и поскольку нам представлялось, что другие высказывания лучше выполняют их функцию: 44 (начальники дают точные указания, ранг 53), 50 (никому не доверять, ранг 31), 30 (слабоумие, ранг 30), 22 (не каждому давать высказываться в правительстве, ранг 28) и 5 (натуральные американцы, ранг 27). Несколько высказываний с низким рангом *TI* были оставлены после тщательной переработки: 35 (два класса людей, ранг 34), 57 (заговоры политиков, ранг 32) и 46 (всемирная катастрофа, ранг 29).

Одно из новых высказываний звучало так: «Бизнесмен и фабрикант намного важнее для общества, чем деятель искусства и профессор». Высказывание представляло собой слегка отредактированный вариант из шкалы *PEC* в её первоначальных формах, где оно проявило большую селективность в отношении *PEC* и *E*. Поскольку это высказывание хорошо выражает конвенционализм и анти-интрацепцию, нам представлялось, что оно хорошо дополнит шкалу *F*.

Ещё одно высказывание звучало так: «Было бы лучше всего вернуть к власти в Германии несколько довоенных авторитетов, чтобы поддержать порядок и избежать хаоса». В тот период, когда это высказывание формулировалось — в конце лета 1945 года — генерала Паттона обвиняли в том, что он на определенных этапах оккупации Германии использовал немецких национал-социалистов и известных крайне консервативных деятелей. Его критики утверждали, что это крайне плохие методы; его защитники ссылались на достигнутые полезные результаты и необходимость предотвратить хаос. Тема была актуальна, и высказывание давало спектру *H* возможность выразить свое восхищение военными властями и свою веру в порядок перед лицом хаоса. (То обстоятельство, что высказывание в последствие неудовлетворительно функционировало, по-видимому, объясняется его неудачной формулировкой: мы не решились прямо сказать, какие именно довоенные авторитеты должны быть использованы, и поэтому слово «довоенный» могло толковаться как «донацистский».)

Третье новое высказывание было: «Важные уроки для себя всегда приходится оплачивать страданиями». Здесь — как и при каждой переработке шкалы *F* — было велико искушение проверить новую гипотезу или, иными словами, собрать количественный материал по одному явлению, отмеченному в ходе клинических исследований относительно структуры потенциального фашизма. Высказывание было взято из редакционной статьи популярного иллюстрированного журнала, где оно употреблялось в политически реакционном контексте. Оно, как нам представлялось, было весьма пригодным для того, чтобы выявить садомазохистский аспект, который, по нашей гипотезе, играл главенствующую роль в структуре характера *H*: *H* думает, что он страдал и поэтому знает, в чем суть жизни; он также думает, что те, кому не удалось повысить свой статус, — люди лишённые привилегий, должны больше страдать, чтобы улучшить судьбу. Это высказывание не оправдало наших надежд и среди мужчин получило 29-е место (его показатель селективности, составивший 1,70, имел, однако, сигнификантность на уровне 5 %). Вероятно, многие испытуемые посчитали его неаргументированным (средний показатель был 2,54): с другой стороны, оно там, где находило отклик, возможно, импонировало разным людям по разным причинам: если у некоторых лиц из числа *H* оно затрагивало тайный садомазохистский комплекс, то, вероятно, и среди людей из сектора *N* затрагивало поверхностный мазохизм, а также импонировало людям, склонным к интрацепции.

Таблица 7

Переменные шкалы F: форма 45 и 40

а) *Конвенциализм*. Непокколебимая привязанность к конвенциональным ценностям среднего сословия.

1. Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети.

12. Тот, у кого плохие манеры, дурные привычки и плохое воспитание, навряд ли может ожидать, что он будет принят порядочными людьми.

37. Если люди будут меньше говорить и больше работать, у всех нас лучше пойдут дела.

41. Бизнесмен и фабрикант намного важнее для общества, чем деятель искусств и профессор.

б) *Авторитарное раболепие*. Некритическое подчинение идеализированным авторитетам собственной группы.

1. Послушание и уважение к авторитету — важнейшие добродетели, которым должны научиться дети.

4. Науки оправдывают себя, но есть много важных вещей, которые человеческий ум никогда не поймет.

8. Каждый человек должен твердо верить в сверхъестественную силу, решения которой он не ставит под сомнение.

21. У молодых людей бывают порой бунтарские идеи; но когда они взрывают, они должны это преодолеть и успокоиться.

23. Что прежде всего нужно этой стране, больше чем законы и программы, так это самоотверженные вожди, которым народ может доверять.

42. Ни один здоровый, нормальный, порядочный человек не способен даже подумать о том, чтобы оскорбить близкого друга или родственника.

44. Важные уроки для себя всегда приходится оплачивать страданиями.

с) *Авторитарная агрессия*. Тенденция выискивать людей, нарушающих конвенциональные нормы, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их.

12. Тот, у кого плохие манеры, дурные привычки и плохое воспитание, навряд ли может ожидать, что он будет принят порядочными людьми.

13. Что больше всего нужно молодежи. — так это строгая дисциплина, твердая решимость и воля работать и бороться ради семьи и отечества.

19. Тот, кто оскорбляет нашу честь, в любом случае должен быть наказан.

25. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма; таких преступников надо публично бить плетью или наказывать ещё суровой.

27. Пожалуй, нет ничего более подлого, чем человек, не испытывающий большую любовь, благодарность и уважение к своим родителям

34. Большинство наших общественных проблем было бы решено, если бы мы избавились от асоциальных элементов, мошенников и слабоумных.

37. Если люди будут меньше говорить и больше работать, у всех нас лучше пойдут дела.

39. Гомосексуалисты ничем не лучше, чем другие преступники, и должны строго наказываться.

д) *Анти-интраценция*. Неприятие всего субъективного, исполненного фантазии, чувствительного.

9. Если у кого-то проблемы или заботы, то ему лучше об этом не думать, а заняться более приятными вещами

31. Сегодня люди все больше вмешиваются в личные дела других, которым должно оставаться делами частными.

37. Если люди будут меньше говорить и больше работать, у всех нас лучше пойдут дела.

41. Бизнесмен и фабрикант намного важнее для общества, чем деятель искусств и профессор.

е) *Суеверность и стереотипизм*. Вера в мистическое предначертание собственной судьбы; предрасположенность к мышлению в жестких категориях.

4. Науки оправдывают себя, но есть много важных вещей, которые человеческий ум никогда не поймет.

8. Каждый человек должен твердо верить в сверхъестественную силу, решения которой он не ставит под сомнение.

16. У некоторых людей врожденное стремление катиться вниз.

26. Людей можно подразделить на два класса: слабых и сильных

29. Вероятно, однажды выяснится, что астрология в состоянии многое объяснить.

33. Войнам и социальным волнениям, вероятно, однажды положит конец землетрясение или наводнение, которое уничтожит мир.

ф) *Сила и «крепость»*. Гипертрофированное мышление в таких категориях, как господство-подчинение, сильный-слабый, вождь-последователи; идентификация себя с фигурами власти, выпячивание конвенционализированных атрибутов собственного Я; выставление напоказ силы и крепости.

2. Ни слабость, ни трудности не остановят нас, если у нас достаточно силы воли.

13. Что больше всего нужно молодежи, — так это строгая дисциплина, твердая решимость и воля работать и бороться ради семьи и отечества

16. У некоторых людей врожденное стремление катиться вниз

26. Людей можно подразделить на два класса: слабых и сильных.

29. Вероятно, однажды выяснится, что астрология в состоянии многое объяснить.

33. Войнам и социальным волнениям, вероятно, однажды положи г конец землетрясение или наводнение, которое уничтожит мир.

г) *Деструктивность и цинизм*. Обобщающая враждебность, очернение человеческого.

6. Всегда будут войны и конфликты, таковы уж люди.

43. Доверительность оборачивается неуважением.

h) *Проективность*. Предрасположение верить в нелепые и опасные

процессы, происходящие в мире: проекция неосознанных эмоциональных импульсов во вне.

18. Сегодня, когда так много различных людей постоянно находятся в пути и каждый с каждым встречается, нужно особо тщательно защищаться от инфекций и болезней

31. Сегодня люди все больше вмешиваются в личные дела других, которым должно оставаться делами частными.

35. Сексуальная распущенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать.

38. Большинство людей не осознают, в какой мере наша жизнь определяется тайно вынашиваемыми заговорами.

й) *Сексуальность*. Чрезмерный интерес к сексуальным «происшествиям».

25. Сексуальные преступления — такие, как изнасилование и насилие над детьми — заслуживают большего, чем просто тюрьма, таких преступников надо публично бить плетью или наказывать ещё суровей.

35. Сексуальная распущенность древних греков и римлян — детские шалости по сравнению с тем, что у нас творится сегодня даже в тех кругах, где этого меньше всего следовало ожидать.

39. Гомосексуалисты ничем не лучше, чем другие преступники, и должны строго наказываться

Надежность шкалы, средний показатель на одно высказывание, стандартная погрешность и диапазон вариативности для каждой из четырнадцати групп ($N = 1518$), полученные формой 40 и/или 45, приведены в табл. 8. Средний коэффициент надежности составляет 0,90, отдельные коэффициенты находятся в пределах между 0,81 и 0,97. По сравнению с формой 60, несколько улучшилась надежность (средн. $r = 0,87$), а по сравнению с первоначальной, 78-ой формой шкалы, она улучшилась даже весьма значительно (средн. $r = 0,74$). В целом шкала приобрела качество, отвечающее самым строгим требованиям. Надежность 0,90 может быть интерпретирована в том смысле, что шкала в состоянии с небольшой погрешностью распределить опрошенных по определенной (в данном случае — очень большой и комплексной) протяженности. Другими словами, полученные испытуемыми показатели надежны в том смысле, что случайные погрешности сведены к минимуму и при повторном применении шкалы в аналогичных политико-экономических условиях показатели останутся прежними или же будут незначительно отклоняться вверх и вниз. Полученная нами в данном случае степень надежности находится в границах, приемлемых для тестирования интеллекта.

Таблица 8

Надежность шкалы F (форма 40 и 45)

	N	Надеж- ность	Средн. пок-ь	Станд. погреш.	Диапазон
<i>Форма 40</i>					
Студентки унив. им. Дж. Вашингтона	132	0.84	3.51	0.90	1.2-5.4
Калифорн. Общест- венный клуб – муж.	63	0.94	4.08	1.03	1.8-7.0
Средний слой – мужчины	69	0.92	3.69	1.22	1.3-6.7
Средний слой – женщины	154	0.93	3.62	1.26	1.1-6.7
Рабочий класс – мужчины	61	0.88	4.19	1.18	1.8-6.9
Рабочий класс – женщины	53	0.97	3.86	1.67	1.3-6.6
Округ Лос-Анджелес – мужчины	117	0.92	3.68	1.17	1.1-6.0
Округ Лос-Анджелес - женщины	130	0.91	3.49	1.13	1.2-5.8
Средние показатели¹	779	0.91	3.76	1.20	1.3-6.4
<i>Форма 45</i>					
Курсы для обучения взрослых – женщины	59	0.89	3.62	0.99	1.3-5.9
Заклученные тюрьмы Сан-Квентин – мужчины	110	0.87	4.73	0.86	2.0-6.8
Психиатр клиника – женщины ²	71	0.94	3.69	1.30	1.0-6.3
Психиатр. клиника – мужчины ²	50	0.89	3.82	1.01	1.7-5.9
Средние показатели¹	290	0.90	3.96	1.04	1.5-6.2
<i>Форма 40 и форма 45</i>					
Бывшие военнослуж.	106	0.89	3.74	1.04	1.2-5.8
Морское училище – мужчины	343	0.81		4.06 0.77	1.6-6.1
Средние показатели¹	449	0.85		3.90 0.90	1.4-5.9
В целом	1518	0.90		3.84 1.10	1.4-6.3

¹ При расчете этих общих средних показателей отдельные средние показатели групп не соизмерялись с N

² Форма шкалы F, предъявлявшаяся испытуемым в психиатрической клинике, содержала только 28 высказываний.

Средние показатели, хотя и варьируют от группы к группе (к этому обстоятельству мы ещё вернемся), в целом весьма близки к нейтральному пункту. Как и предполагается, когда речь идет о шкале, используемой для исследования множества различных лиц, стандартная погрешность и вариативность более велики, чем в случае с предшествующими формами. Хотя кривые распределения нами и не строились, они — как показывают

диаграммы разброса — выглядели бы довольно нормально (симметрично, но несколько сглаженно).

а) *Внутренняя консистентность*. Селективность высказываний, как это видно из табл. 9, в среднем значительно выше (2,85), чем у формы 60 (2,15). Все высказывания характерно дифференцируются между верхней и нижней четвертями. Выяснилось также, что многие высказывания, взятые без всяких изменений из формы 60, здесь функционировали удовлетворительней, чем в старой форме опросного листа, что, вероятно, частично объясняется тем обстоятельством, что в различных группах, заполнивших формуляры 40 и 45, было больше испытуемых с экстремальными оценками, и частично общим улучшением качества шкалы: хорошее высказывание тем резче разграничивает верхнюю и нижнюю четверти, чем эффективнее вся шкала в целом способна охватить тех лиц, которые действительно занимают экстремальные позиции в отношении измеряемых тенденций.

То, что селективные величины у женщин в среднем несколько выше, чем у мужчин, явно связано с тем, что в числе мужчин было три достаточно специфичные группы: морское училище, заключенные тюрьмы Сан-Квентин и рабочие, — и во всех этих случаях надежность шкалы была относительно низкой (0,81–0,85). Поскольку образовательный уровень в этих группах был существенно ниже, чем у других испытуемых, то они, предположительно, не поняли некоторые из высказываний шкалы, и это, по-видимому, негативно сказалось на селективности и надежности. Кроме того эти группы дали самые высокие среди всех испытуемых средние величины, и это дает основание предполагать, что имело место слишком много случаев всеобщего согласия с некоторыми высказываниями. А это, как мы видели, имеет следствием слишком низкие селективные величины. Поэтому возникает вопрос, может быть дело не только в том, что мы столкнулись в этих группах с большим количеством экстремальных манифестаций потенциального фашизма, чем предполагали, но и с такими структурами профашистских черт характера, которые в недостаточной мере охвачены шкалой *F*. Ведь основная работа по конструированию и переработке шкалы *F* проводилась с группами лиц, в которых большинство относящихся к сектору *H* были людьми, выраженного конвенционального типа. Высказывания, наиболее пригодные для дифференциации внутри этих групп, возможно, были непригодны в качестве инструмента, который мог бы с высокой эффективностью быть применен в группах лиц с выраженной психопатической и криминальной склонностью. К этому вопросу мы еще вернемся позже.

Несмотря на явные различия в показателях селективности у женщин и мужчин, высказывания, хорошо функционирующие у одного пола, в целом пригодны для работы и с другим полом. Корреляция между рангами индексов *T* у мужчин и женщин составляет 0,84. Это позволяет использовать при определении общего ранга для каждого отдельного высказывания

Таблица 9

Средние селективные величины высказывания шкалы F (формы 40 и 45) ¹

Высказывание	Мужские группы				Женские группы				Мужчины и женщины вместе			
	Сред. показатель	Ранг	Станд. погрешность	Ранг	Сред. показатель	Ранг	Станд. погрешность	Ранг	Сред. показатель	Ранг	Станд. погрешность	Ранг
1 (послушание и уважение)	5 41	(1)	2 70	(15)	4 67	(4)	3 91	(4)	5 04	(2)	3 31	(6 5)
2 (сила воли)	5 16	(4)	2 48	(20 5)	4 94	(1)	2 67	(23)	5 05	(1)	2 58	(22)
4 (наука)	4 20	(15)	2 55	(16)	4 32	(6)	2 89	(19)	4 26	(11)	2 72	(17)
6 (войны и конфликты)	4 69	(7)	2 32	(22 5)	4 26	(8)	2 98	(16)	4 48	(6)	2 65	(19)
8 (сверхъестественная сила)	3 47	(22)	3 19	(5)	3 43	(18)	3 92	(3)	3 45	(20)	3 56	(4)
9 (более приятные вещи)	3 80	(18)	2 52	(19)	3 71	(15)	3 14	(12)	3 76	(17)	2 83	(16)
12 (плохие манеры)	5 22	(2)	1 77	(27)	4 80	(3)	2 60	(24)	5 01	(3 5)	2 19	(26 5)
13 (дисциплина и решимость)	4 59	(8)	3 60	(3)	4 03	(11)	4 03	(2)	4 31	(10)	3 82	(2)
16 (природное стремление)	3 75	(19)	2 54	(17 5)	3 25	(19)	2 47	(26)	3 50	(19)	2 51	(24)
18 (инфекции и болезнь)	4 53	(10)	2 82	(12)	4 13	(10)	3 52	(7)	4 33	(9)	3 17	(8 5)
19 (честь)	3 50	(21)	2 74	(14)	3 11	(25)	3 12	(13)	3 31	(22)	2 93	(14)
21 (бунтарские идеи)	4 71	(6)	3 04	(7)	4 14	(9)	3 72	(5)	4 43	(7)	3 38	(5)
22 (Германия)	4 26	(14)	1 98	(24)	3 74	(14)	2 40	(27)	4 00	(14 5)	2 19	(26 5)
23 (самоотверженные вожди)	5 18	(3)	2 32	(22 5)	4 84	(2)	2 87	(20)	5 01	(3 5)	2 60	(21)
25/24 (сексуальные преступления)	4 54	(9)	3 68	(2)	4 29	(7)	4 32	(1)	4 41	(8)	4 00	(1)
26 25 (сильные и слабые)	3 05	(26)	2 94	(9)	2 48	(29)	3 39	(8)	2 77	(26)	3 17	(8 5)

27 26 (постоянная любовь)	4 09	(16)	3 76	(1)	3 21	(20)	3 66	(6)	3 65	(18)	3 71	(3)
29 27 (астрология)	3 31	(24)	2 79	(13)	3 16	(22 5)	3 33	(10)	3 24	(24)	3 06	(11)
30 28 (восстановить принуждением)	2 92	(27)	2 54	(17 5)	2 47	(27 5)	2 73	(22)	2 70	(27)	2 64	(20)
31 29 (вмешательство)	4 34	(12)	2 98	(8)	3 66	(16)	3 02	(15)	4 00	(14 5)	3 00	(12)
33 30 (землетрясение)	2 58	(28)	1 76	(28)	2 59	(26)	2 19	(29)	2 59	(28)	1 98	(29)
34 31 (асоциальные элементы)	3 38	(23)	2 90	(10)	3 16	(22 5)	2 85	(21)	3 27	(23)	2 88	(15)
35 32 (сексуальная распущенность)	4 04	(17)	2 48	(20 5)	3 60	(17)	2 93	(17)	3 82	(16)	2 71	(18)
37 33 (меньше говорить)	4 88	(5)	2 84	(11)	4 59	(5)	3 10	(14)	4 74	(5)	2 97	(13)
38 34 (заговоры)	4 32	(13)	1 97	(26)	3 99	(12)	2 54	(25)	4 16	(12)	2 26	(25)
39 35 (гомосексуалисты)	3 10	(25)	3 25	(4)	2 67	(24)	3 36	(9)	2 89	(25)	3 31	(6 5)
41 36 (деятели искусств - бизнесмен)	2 36	(30)	1 58	(30)	1 88	(30)	1 88	(30)	2 12	(30)	1 73	(30)
42/37 (ни один нормальный человек)	4 42	(11)	3 13	(6)	3 85	(13)	3 18	(11)	4 14	(13)	3 16	(10)
43 38 (доверительность)	3 56	(20)	2 20	(25)	3 20	(21)	2 90	(18)	3 38	(21)	2 55	(23)
44 39 (страдания)	2 54	(29)	1 70	(29)	2 47	(27 5)	2 29	(28)	2 51	(29)	2 00	(28)
Среднее на испытуемого и высказывание	4 00		2 64		3 63		3 08		3 81		2 85	

¹ Эти данные базируются на всех 14-ти группах получивших формы 40 и 45 (см таблицу N 8)

средний для мужчин и женщин показатель селективности. Поскольку различия между мужчинами и женщинами в этом контексте, вероятно, такие же, как и различия между двумя группами одного пола в нашем контингенте испытуемых, следует предположить, что корреляция между рангами T_I двух таких групп также будет где-то в районе 0,84. Между высказываниями, лучше функционирующими у женщин, и высказываниями, лучше функционирующими у мужчин, по-видимому, нет общих или методически обусловленных различий.

То что средние показатели мужских групп в среднем несколько выше, чем у женских групп, вероятно, объясняется прежде всего вышеупомянутым составом трех мужских групп, давших особо высокие показатели. Если же сравнить мужчин и женщин, принадлежащих к одному и тому же социально-экономическому слою, то это не выявит сколь-нибудь существенных различий. Кроме того, обычно мужчины и женщины сильнее всего реагируют на одни и те же высказывания, а корреляция между средними рангами высказываний у мужчин и женщин составляет 0,95.

б) *Анализ корреляций*. В качестве части отдельного специального исследования формуляры со шкалами E , PEC и F (форма 40 и 45) были розданы 900 студентам, начинавшим учебу на отделении психологии Калифорнийского университета. Мы решили отделить материалы, полученные от этой новой группы колледжа, от других результатов нашего исследования, поскольку в нашем контингенте и без того уже преобладали молодые и относительно образованные люди. Однако 517 женщин из этой группы студентов-психологов стали единственной группой, в случае с которой мы подвергли наши шкалы анализу на предмет корреляции каждого высказывания с каждым высказыванием.¹³ результаты которого мы здесь вкратце излагаем

Каждое высказывание шкалы F коррелировалось с каждым другим высказыванием. Среднее арифметическое 435 коэффициентов составило 0,13, диапазон вариативности находился в пределах между 0,05 и 0,44¹⁴. Кроме того каждое высказывание коррелировалось с остальной частью шкалы, и при этом была выявлена средняя корреляция 0,35 и диапазон вариативности 0,15–0,52. Что касается шкалы E , то средняя корреляция «каждый с каждым» составила 0,42, а средняя корреляция «каждый с общим показателем» — 0,59. Однако шкала F значительно уступает в части одномерности шкале E , которая сравнима с признанными тестами на проверку интеллекта (в случае исследований Стэнфорда-Бине средняя корреляция «каждый с каждым» составила около 0,38, а средняя корреляция «каждый с общим показателем» — 0,61). Несмотря на недостаточное единообразие результатов все же правомерно говорить о некоторой структуре F и синдроме F , поскольку высказывания «взаимосвязаны» в том смысле, что каждое из них сигнификативно коррелирует со всей шкалой как целым. В этой связи надо вспомнить о той двойственной цели, которая имела в виду при

конструировании шкалы: а) исследовать широкую область различных реакций, относящихся к одному и тому синдрому и б) сконструировать инструмент, позволяющий уверенно предсказывать величины показателя *E*. Первая цель по большей части реализована, хотя было бы нелишним продолжить подбор новых высказываний, способных углубить характеристику синдрома *F*. То обстоятельство, что некоторые *F*-высказывания в среднем коррелируют со шкалой *E* в целом лишь на 0,25, говорит и о достижении второй цели. Об этом мы скажем буквально несколькими строками ниже

Доказательство того, что переменные или группы высказываний, лежащие в основе нашей теории, не являются выборками в статистическом смысле, содержится в материалах, полученных от вышеупомянутой группы из 517 женщин. Даже если высказывания всех групп из формы 45 коррелируют друг с другом (0,11 и 0,24), то высказывания каждой отдельной группы коррелируют друг с другом не лучше, чем с многочисленными высказываниями другой группы. Поэтому эти группы могут быть использованы только как априорный материал для дискуссий.

Д. Корреляция шкалы *F* со шкалами *E* и *PEC*

Корреляция шкалы *F* со шкалой *E* и шкалой *PEC*, установленные с помощью трех вариантов опросного листа на материале всех исследованных групп приведена в табл. 10. Важнейшим результатом, отраженным в ней является то, что с каждой новой модификацией шкалы корреляция между шкалой *E* и шкалой *F* повышалась и в результате поднялась на новую ступень (в среднем около 0,75 в формах 40 и 45), что уже с достаточной степенью точности позволяет предсказать показатели шкалы *E* с помощью данных, полученных на шкале *F*. Корреляция между шкалой *F* и шкалой *E* значительно варьирует от одной группы к другой, что, как нам представляется, взаимосвязано с надежностью самих шкал¹⁴. Так, например, в группе заключенных тюрьмы Сан-Квентин, где надежность шкалы *F* составила 0,87, а шкалы *E* — только 0,65, корреляция между двумя шкалами была самой низкой (0,59), в то время как в случае с женщинами — работницами, где надежность поднимается до 0,97¹⁶, корреляция достигает своего максимума — 0,87. Очевидно шкала *F* и шкала *E* действительно имели бы очень высокую корреляцию, если бы удалось повысить надежность обеих шкал (путем их пополнения определенным числом новых высказываний)¹⁷. Это однако не означает, что шкалы *E* и *F* во всех случаях измеряют одно и то же. Корреляция 0,775 означает, что около двух третей опрошенных как по одной, так и по другой шкале разместились в верхней четверти и что обратного практически нет, то есть случаев, в которых тот или иной испытуемый на одной шкале получил высокие, а на другой — низкие величины показателей. Если для надежного выявления крайних этноцентристов, то есть лиц,

разместившихся по шкале *F* в её верхней четверти, попытаться использовать только шкалу *F*, то можно просто взять лиц с экстремально высокими показателями на шкале *F* — возможно первый их десяток. Как мы уже говорили, вполне возможны расхождения между общими шкалами. Наверняка имеются индивиды, восприимчивые к фашистской пропаганде, являющиеся объектом шкалы *F*, которые однако по той или иной причине сдерживают свою враждебность по отношению к меньшинствам (опрошенные с высокими цифрами на шкале *F*, но низкими по шкале *E*). И, наверняка, найдутся и другие, которые достаточно легко следуют клише этноцентризма (возможно, в унисон со своим окружением) без того, однако, чтобы это было обусловлено глубинными чертами их структуры характера (испытываемые, имеющие высокие цифры на шкале *E*, но низкие — на шкале *F*). О таких «исключениях» мы поговорим подробнее ниже.

Таблица 10

*Корреляция шкалы F со шкалами A-S, E и PEC
в различных формах опросного листа.*

	N	F _{A-S}	F _E	F _{PEC}
<i>Группы, получившие форму 78</i>				
Курс ораторского искусства – женщины	140	0.55	0.58	0.52
Курс ораторского искусства – мужчины	52	0.52	0.56	0.45
Курс для взрослых – женщины	40	0.49	0.74	0.54
Работающие женщины	63	0.57	0.73	0.65
В целом ¹ по форме 78	295	0.53	0.65	0.54
<i>Группы, получившие форму 60</i>				
Студентки Орегонского университета	47		0.72	0.29
Студентки Орегонского и Калифорнийского университетов	54		0.78	0.49
Студенты Орегонского и Калифорнийского университетов	57		0.58	0.43
Орегонский общественный клуб – мужчины	68		0.69	0.29
Орегонский общественный клуб – женщины ²	60			0.22
В целом по форме 60	286		0.69	0.34
<i>Группы, получившие форму 45</i>				
Женщины с курсов по обучению тестированию	59		0.79	0.54
Заключенные тюрьмы Сан-Квентин	110		0.59	0.23
Женщины из психиатрической клиники	71		0.86	0.62 ³
Мужчины из психиатрической	50		0.76	0.57 ³

клиники				
Рабочие и работницы	50		0.85	0.70
Бывшие участники войны – мужчины	51		0.67	0.62 ⁴
Мужчины из морского училища	179		0.56	0.39 ⁴
В целом по форме 45	570		0.73	0.52
<i>Группы, получившие форму 40⁵</i>				
Студентки Университета им. Дж. Вашингтона	132		0.69	0.53
Калифорнийский общественный клуб – мужчины	63		0.80	0.59
Средний слой – мужчины	69		0.81	0.71
Рабочие	61		0.76	0.60
Средний слой – женщины	154		0.83	0.70
Работницы	53		0.87	0.72
Мужчины из округа Лос-Анджелес	117		0.82	0.58
Женщины из округа Лос-Анджелес	130		0.75	0.61
Бывшие участники войны – мужчины	55		0.72	0.62
Мужчины из морского училища	165		0.62	0.39
В целом по форме 40	999		0.77	0.61
В целом по всем формам	2150	0.53	0.73	0.52

¹ При вычислении общих и средних показателей отдельные группы не соизмерялись с N .

² Эта группа из Орегонского мужского клуба получила сокращенный опросный лист, включивший лишь шкалу F и половину шкалы PEC .

³ Вследствие обмена форм корреляции шкалы F и шкалы PEC в группе пациентов психиатрической клиники, результаты базируются в женской части группы на количестве 45, а в мужской части группы на количестве 29.

⁴ Эти корреляции шкалы F и шкалы PEC базируются на обеих формах — 40 и 45. Поскольку представлялось маловероятным, что разница в пять высказываний может повлиять на корреляцию F и PEC , данные, полученные с помощью этих форм, были объединены, чтобы они опирались на большее число обследованных случаев. N составляет: для бывших участников войны (мужчин) — 106, а для мужчин из морского училища — 343.

⁵ Как уже упоминалось, в форме 40 использовалась только часть A шкалы E , содержащая 10 высказываний.

Как мы видим, в случае с группами, получившими форму 40, корреляция между F и E в среднем незначительно выше, чем в случае с группами, получившими форму 45. Это означает, что шкала F лучше коррелирует с частью A шкалы E , чем со всей этой шкалой в целом, и что корреляция с частью B этой шкалы была бы ещё ниже. В нескольких группах, получивших форму 45, в дополнение к корреляции шкалы E со шкалой F были вычислены также корреляции частей A и B (шкала E) со шкалой F . Результаты представлены в табл. 11. В каждой группе корреляция E_A с F значительно выше, чем корреляция E_B с F , а корреляция $E_A + E_B$ везде приблизительно

одинакова. Напомним, что часть *A* шкалы *E* отражает ещё очень общий тип этноцентризма и не содержит высказывания *A-S*, в то время как часть *B* содержит четыре высказывания *A-S* и одно высказывание, касающееся негров. Случайно это высказывание о неграх оказалось довольно слабым в статистическом плане (у мужчин ранг 5, у женщин ранг 10), но это не является достаточным объяснением более высокой корреляции E_A с *F*. Скорее всего, пожалуй, синдром *F* более тесно связан с общим этноцентризмом, нежели с антисемитизмом. Это согласуется с уже упоминавшимся наблюдением, согласно которому шкала *F* в форме 78 сильнее коррелирует со шкалой *E*, чем со шкалой *A-S*. Даже если антисемитизм и следует рассматривать в первую очередь как аспект общего этноцентризма, то все равно не может быть сомнений, что у него есть свои специфические признаки. Некоторые из этих признаков мы опишем в главе XVI¹⁸.

Таблица 11

Корреляция шкалы F с каждой половиной шкалы E и со шкалой E в целом.

Группа	N	Корреляция		
		$E_A \cdot F$	$E_B \cdot F$	$E_A + E_B \cdot F$
Заключенные тюрьмы Сан-Квентин	110	0.56	0.45	0.59
Бывшие участники войны	51	0.66	0.61	0.67
Мужчины из морского училища	179	0.61	0.40	0.56
Женщины с курса по обучению тестированию (университетская группа повышения квалификации)	59	0.77	0.66	0.79
<i>Средний показатель</i>		0.65	0.53	0.65

Синдром *F* менее тесно связан с политико-экономическим консерватизмом; формы 45 и 40 показали здесь среднюю корреляцию порядка 0,57. Согласно нашей интерпретации высокие показатели на шкале *PEC* могут быть результатом природного консерватизма или же псевдоконсерватизма; последний наиболее сильно выражает те тенденции характера, которые являются предметом измерения для шкалы *F*. Корреляция шкал *E* и *PEC* приблизительно та же, что и шкал *F* и *PEC*. Общий этноцентризм, как его измеряют наши шкалы, по-видимому, является главным образом выражением структур характера, охваченных шкалой *F*: политико-экономический консерватизм, даже если он и имеет то же самое происхождение, возможно, в большей степени, чем *E*, зависим от той ситуации, в которой находится индивид.

Е. Различия в средних показателях по шкале *F* у различных групп

Обратимся теперь к средним показателям у различных групп по шкале *F*, представленных в табл. 12. Однако сначала мы должны вспомнить о том, что, как уже упоминалось в I-й главе (раздел С), мы не можем делать обобщения, исходя из средних показателей, полученных в ходе данного исследования, как бы они нас на это не искушали, поскольку при отборе групп мы не учитывали в какой степени они репрезентировали большой слой населения (Для надежной оценки фашистского потенциала в различных слоях населения было бы необходимо масштабное изучение населения, и шкала *F*, по нашему мнению, стоила бы того, чтобы ее использовать в ходе такого изучения — хотя ее и пришлось бы несколько модифицировать, чтобы сделать приемлемой для групп с низким образовательным уровнем.) Мы еще раз подчеркиваем, что группа, члены которой получили и заполнили опросный лист, не обязательно должна быть релевантной для данного исследования. Средние показатели групп в этом случае мало отличаются друг от друга, однако вариативность в рамках одной группы весьма существенна. Лишь изредка расхождения между двумя группами превышает величину стандартной погрешности. По нашему мнению, большие различия в средних показателях *F* между группами должны быть только там, где групповая принадлежность является психологически значимой, что, как нам кажется, не имело места в отношении большинства наших групп. (Изучение показателей *F* в соотношении с факторами групповой принадлежности, как она представлена на странице 1 опросного листа: доход, религиозная принадлежность и т. д., пожалуй было бы полезным. В связи с высокой корреляцией *F* и *E* следует ожидать результатов, в целом сходных с результатами, выявленными при помощи шкалы *E*; но в то же время расхождения были бы особо показательными.) Тем не менее, существуют важные социологические и психологические различия между этими группами — некоторые из них даже именовались «ключевыми» группами. — если шкала *F* обладает релевантностью, то следует ожидать различия в средних показателях, которые становятся понятными в свете нашей теории.

Среди всех четырнадцати групп, получивших форму 40/45, наивысший средний показатель дали заключенные тюрьмы Сан-Квентин: 4.73. Этот средний показатель существенно отличается ($S.R. = 3.2$) от среднего показателя группы мужчин-рабочих, который составил 4.19. Различия между группой из Сан-Квентина и мужской группой с самыми низкими показателями (мужчины из округа Лос-Анджелес: $M = 3.68$) особенно бросается в глаза ($S.R. = 7.8$). Если учесть все то, что было написано о большом родстве преступности и фашизма, то эти результаты не должны показаться удивительными²⁰

Таблица 12

Средние показатели групп, получивших опросные листы различных форм по шкале F

Группа	N	Средний показатель	Станд погрешность
<i>Форма 78</i>			
Курс ораторского искусства – женщины	140	3.94	0.71
Курс ораторского искусства – мужчины	52	3.72	0.57
Курс для взрослых – женщины	40	3.75	0.70
Работающие женщины	63	3.43	0.86
Общий средний показатель – форма 78	295	3.71	0.71
<i>Форма 60</i>			
Студентки Орегонского университета	47	3.32	0.86
Студентки Орегонского и Калифорнийского университетов	54	3.39	0.96
Студенты Орегонского и Калифорнийского университетов	57	3.82	0.93
Орегонский общественный клуб – мужчины	68	3.74	0.81
Орегонский общественный клуб – мужчины (только форма A)	60	3.25	0.71
Общий средний показатель – форма 60	286	3.50	0.85
<i>Форма 45</i>			
Женщины с курсов по обучению тестированию	59	3.62	0.99
Заключенные тюрьмы Сан-Квентин - мужчины	110	4.73	0.86
Женщины из психиатрической клиники	71	3.69	1.30
Мужчины из психиатрической клиники	50	3.82	1.01
Общий средний показатель – форма 45	290	3.96	1.04
<i>Форма 40</i>			
Студентки Университета им. Дж. Вашингтона	132	3.51	0.90
Калифорнийский общественный клуб – мужчины	63	4.08	1.03
Средний слой - женщины	154	3.62	1.26

Средний слой – мужчины	69	3.69	1.22
Рабочий класс - женщины	53	3.86	1.67
Рабочий класс - мужчины	61	4.19	1.18
Женщины из округа Лос-Анджелес	130	3.49	1.13
Мужчины из округа Лос-Анджелес	117	3.68	1.17
Общий средний показатель – форма 40	779	3.76	1.20
<i>Форма 40 и 45</i>			
Бывшие участники войны	106	3.74	1.04
Мужчины из морского училища	343	4.06	0.77
Общий средний показатель – форма 40 и 45	449	3.90	0.90
Общий средний показатель по четырем формам (78, 60, 45, 40)	2099	3.78	

Средние показатели мужчин из общественных клубов и группы рабочих по шкале *F* лишь не существенно отклоняются друг от друга. Это может быть неожиданным лишь для тех, кто привык объяснять все важные различия в социальном поведении лишь социальной и экономической принадлежностью людей, кто видит в рабочих главных носителей либеральных идей. Конечно же, им в данных экономических и социальных условиях выпадает решающая роль в борьбе против растущей концентрации экономической власти, когда они действуют в собственных интересах, однако было бы слишком легкомысленным недооценивать восприимчивость к фашистским идеям и в рабочих массах. С этой точки зрения нет основания для предположения, что авторитарные структуры, которыми мы здесь занимаемся, менее развиты в среде рабочего класса, чем в других слоях населения. На аргумент, что мол наш рабочий контингент, возможно, необыкновенно реакционен, можно ответить так: приблизительно половина этого контингента взята нами из воинственно-либерального «Объединенного союза электриков» (С. I. O.) и из учебных классов Калифорнийской профсоюзной школы, а также, что нет оснований считать мужчин из благотворительной организации торгового флота или новых членов Профсоюза почтовых и складских работников (I. L. W. U.), составивших остальную часть контингента, более консервативными, чем рабочий класс вообще. По этому поводу следует еще сказать, что заключенные тюрьмы Сан-Квентин, давшие крайне высокие показатели, по большей части относятся к рабочему классу, и с достаточным основанием можно предположить, что их взгляды определяются их происхождением, также как и тем обстоятельством, что они находятся в заключении.

По всей видимости различия между изученными группами в большей мере, чем социально-групповой принадлежностью, определяется их

контактами с либеральными организациями и влиянием либеральных идей. Этим бы мы объяснили относительно низкие показатели у мужчин из среднего слоя (3,69) и у мужчин из округа Лос-Анджелес (3,68), которые весьма существенно отличаются от показателей мужчин из общественных клубов (4,08). Поскольку экономический и профессиональный статус групп приблизительно одинаков, различия в средних показателях по шкале *F*, вероятно, определяются тем же фактором, который, к примеру, одних побуждает участвовать в собрании Объединения родителей и учителей (РТА) или Любительской лиги пресвитерианцев или заниматься на вечерних курсах профсоюзной школы, в то время как в других — принять участие в ленче, устроенным их общественным клубом. Здесь мы видим, прежде всего, одну психологическую проблему: различия определяются тем, что мы пока что будем именовать степенью предрасположенности к либерализму или прогрессивной гуманной позицией. Как известно, мужская группа из округа Лос-Анджелес состояла главным образом из студентов и жителей киноцентров. Их социальный статус был, наверняка, не ниже, чем у мужчин из общественного клуба округа Сан-Франциско, но они жили в более либеральном окружении. Группа из морского училища, состоявшая в основном из бывших рабочих и представителей нижних слоев общества, стремящихся повысить свой статус, по своему среднему показателю (4,96) сравнима с группой рабочих, в то время как мужчины из психиатрической клиники ($M = 3,82$) и бывшие участники войны ($M = 3,74$), по-видимому, более гетерогенные в отношении социального статуса и либеральных привязанностей, заняли место посередине.

Мы уже указывали на то, что более высокий средний по сравнению с женщинами показатель у мужчин в первую очередь обусловлен тем, что в наш контингент попали вышеупомянутые группы мужчин с очень высокими результатами. Наши материалы свидетельствуют о том, что при равном социальном происхождении показатели у мужчин не отклоняются сколь-нибудь существенно от средних показателей у женщин. Так, в случае с группами рабочих и работниц *critical ratio* составляет 1,22, в то время как мужчины и женщины из психиатрической клиники, из округа Лос-Анджелес, а также из групп, представляющих средний слой населения, показали лишь незначительные расхождения. Как бы то ни было, но мужчины дали несколько более высокий показатель, так что при несколько большем контингенте это различие могло бы приобрести значимость.

В женских группах есть только одно различие, про которое можно сказать, что оно почти значимо, — различие между работницами ($M = 3,86$) с одной стороны и студентками Университета им. Дж. Вашингтона, а также женщинами из округа Лос-Анджелес ($M = 3,49$) — с другой. Если это в действительности является различием, то к нему подходит то же самое объяснение, что и в случае с мужчинами: две последние из названных женских групп имели больший контакт с либеральными кругами.

Интересным является сравнение средних показателей, полученных отдельными группами на шкале *F* со средними показателями тех же групп по шкале *E*. В целом группы с наивысшими показателями на шкале *F* имеют и самый высокий показатель на шкале *E*. Примечательное расхождение выявилось в случае с женской группой из Университета им. Дж. Вашингтона, которая дала на *E* ($M = 4.04$) относительно более высокий показатель, чем на *F* ($M = 3.51$), и в случае с рабочими, результат которых на *F* ($M = 4.19$) был несколько выше, чем на *E* ($M = 3.92$). Что касается названной женской группы, то представляется, что речь идет о регионально обусловленном различии; наблюдатели установили, что люди на востоке США более склонны к предубежденности, чем на Западе. Возможно, и эти студентки под влиянием взглядов господствующих в их окружении проявляют тенденцию к этноцентризму, хотя их группа и относительно либеральна. Последнее подтверждается тем фактом, что корреляция между *F* и *E* в этой группе была одной из самых низких.

Единственная из всех групп группа рабочих на шкале *E* имела более низкую среднюю величину, чем на шкале *F*; возможно, это результат просветительской работы, направленной против расовой дискриминации, которую успешно проводят «либеральные» профсоюзы. Большинство опрошенных рабочих являются их членами. Однако очевидно, что эта просветительная работа не продвинулась настолько, чтобы модифицировать стереотипы поведения, которые все указывают на авторитаризм, и в этой группе более выражены, чем в большинстве других. Можно предположить, что результаты в этой группе были бы такими же, что и в других, если бы не упомянутая просветительная работа или если бы вместо нее велась пропаганда противоположного направления.

Нередко высказывается мнение, что рабочие довольно несдержанно выражают свои предубеждения и корни этих предубеждений не очень глубоки, в то время как люди из среднего класса более сдержаны в выражении предубеждений, которые, однако, имеют более глубокие корни. То, что в нашем материале нет подтверждения этим утверждениям, возможно, обусловлено тем, что наши шкальные высказывания сформулированы в очень сдержанной форме, то есть таким образом, чтобы псевдодемократический индивид мог согласиться с ними и в то же время сохранить иллюзию того, что он свободен от предубеждений.

Г. Заключительное замечание²¹

Попытка создать шкалу для измерения предубеждений, которая ничем не выдает своего предназначения и не упоминает о национальных меньшинствах, как нам кажется, удалась достаточно удовлетворительно. Корреляция между шкалой *F* и шкалой *E*, составившая 0,75, означает, что

показатели первой с достаточной точностью способны предсказать показатели второй. То, достигли ли мы нашей второй цели — создать в образе шкалы *F* инструмент для определения подверженности индивида фашизму, обусловленной структурой его характера, следует еще доказать.

Здесь было непосредственно использовано определенное число переменных из областей, которые обычно не затрагиваются в исследованиях, посвященных проблемам политики, экономики и социальной идеологии, оказалось, что они образуют один синдром и существенным образом коррелируют с антидемократическими тенденциями в областях, охваченных шкалами *A-S*, *E* и *PEC*.¹ Этим результатом как минимум значительно расширяется концепция относительно потенциальной фашистской структуры мышления и подкрепляется гипотеза о центральных предрасположенностях характера, позволяющих возникнуть этой структуре. Однако еще предстоит доказать, что переменные шкалы *F* в действительности представляют собой психологические переменные. Если они являются таковыми, то соответственным образом проявят себя в рамках специально разработанной для изучения структуры характера методики, представляющей индивиду возможность для спонтанного выражения. И если наша центральная гипотеза была верна, то клинические исследования о которых мы расскажем позже, должны были не только верифицировать результаты этой части исследования, но и способствовать лучшему пониманию потенциально фашистской мыслительной структуры, а также того как она возникает в индивиде.

Примечания

¹ Сравните: Кар II The contrasting Ideologies of two College Men. A preliminary View, p 31 и далее.

² Conrad, H S., and Sanford, R N. Scales for the measurement of war-optimism. I. Military optimism. II. Optimism on the consequences of the war, in The Journal of Psychology 16, 1943, p 285-311.

Те же Some specific war attitudes of college students, in The Journal of Psychology 17, 1944, p 153-186.

Sanford, R N., American conscience and the coming peace, in Journal of Abnormal and Social Psychology 38, 1943 p 158-165.

Он же и Conrad H S., High and low morale as exemplified in two cases, in Character and Personality 13, 1944, p 207-227.

Он же и Franek, K., Psychological determinants of optimism regarding the consequences of the war, in The Journal of Psychology 22, 1946, p 207-235.

Sanford R N and Conrad H S., Some personality correlates of morale, in Journal of Abnormal and Social Psychology 38, 1943 p 3-20.

³ Adorno, T W. Anti-Semitism and fascist propaganda in Simmel, E. ed. Anti-Semitism. A Social Disease. New York, International Universities Press, 1946.

Он же, тл VII.

Institute of Social Research, Horkheimer, M., ed. Studien über Autorität und Familie, Paris, 1936.

Тот же институт, Studies in Philosophy and Social Science Vol IX, New York, 1941.

Тот же институт, *Studies in Anti-Semitism A Report to the American Jewish Committee* (4 Bde. August 1944, неопубликовано)

Тот же институт, *Anti-Semitism within American Labor, A Report to the Jewish Labor Committee* (4 тома, Mai 1945, неопубликовано)

⁴ Сравните Fromm E., *Escape from Freedom* New York 1941, Erikson, E.H., *Hitler's imagery and German youth*, in *Psychiatry* 5, 1942, p. 475 и далее, Maslov, A.H., *The authoritarian character structure*, in *The Journal of Social Psychology* 18, 1943, p. 401 и далее, Christolm G.B., *The reestablishment of peacetime society*, in *Psychiatry* 9, 1946, p. 3 и далее, und Reich, W., *The Mass Psychology of Fascism*, Orgone Institute Press, New York 1946 deren Überlegungen zum Autoritarismus die unseren folgen

⁵ Сравните гл IV V и VI

⁶ «Зоосвитеры» — молодые парни, отличающиеся особо броской одеждой, например очень узкими брюками

⁷ Munnay H.A. et al *Explorations in Personality* Oxford University Press, New York 1938

⁸ Хотя в форму 78 и не были включены высказывания, относящиеся непосредственно к стереотипам, они были включены в последующие формы шкалы, поэтому представляется правомерным именно здесь ввести это понятие в наши рассуждения

⁹ См главы III, IV, V и VI

¹⁰ См глава VIII с 280 и далее

¹¹ См *The study of anti-semitic ideology*, с 57 и далее

¹² Здесь следует отметить, что в случае со студентками Орегонского университета форма 60 опросного листа раздавалась двумя частями часть 4 содержала шкалу F и половину шкалы PEC, а часть B, rozdанная днем позже. — шкалу F и вторую половину шкалы PEC Этот прием был направлен на то, чтобы установить, не повлияет ли отрицательно на ответы по одной шкале одновременное предъявление на одном и том же опросном листе высказываний из других шкал Очевидно этот необычный прием не имел значения Если сравнить результаты орегонской группы студенток (1), орегонской и калифорнийской группы студентов (2) — группы достаточно сложней с первой из названных — то станет ясно, что различия в надежности, среднем показателе и стандартной погрешности незначительны То же самое относится к шкале E и PEC, как это показывают табл 14 и 5 Средний показатель мужской группы из Орегонского обществнного клуба (V), получившей лишь часть A формы 60, несколько ниже, чем средний показатель других групп того же клуба Однако это различие не может быть объяснено отличием вопросных листов Более важным представляется то обстоятельство, что группа V в отличие от других групп получила опросные листы после прослушания доклада на тему «Что делать с Германией» и была как минимум имплицитная взаимосвязь между содержанием дискуссии и шкалой F Один из испытуемых почувствовав эту взаимосвязь, сказал одному из сотрудников исследовательской группы «Вам следовало бы раздать опросные листы перед докладом»

¹³ Мы смогли провести эти анализы благодаря финансовой поддержке Social Science Research Council

¹⁴ Z(r) Фишера мы использовали для вычисления средней корреляции

¹⁵ Эта корреляция между E и F, по-видимому, не взаимосвязана с различным временем предъявления этих шкал опрашиваемым или с заменой высказываний одной шкалы высказываниями другой Корреляция полученная в случае со студентками Орегонского университета, которым форма 60 предъявлялась двумя частями, не только сходна с корреляцией полученной в студенток Орегонского и Калифорнийского университетов с помощью формы 60, но и в основном та же, что и средняя корреляция EF для всех групп

¹⁶ Надежность части A шкалы G, которая была предъявлена этим группам в качестве части формы 40 не вычислялась

¹⁷ Коэффициент корреляции который мог бы выявиться теоретически, если бы две

шкалы обладали полной надежностью или, иначе говоря, если бы полученная средняя корреляция была подвергнута уменьшающей корректуре (*correction for attenuation*), составляет приблизительно 0,9. Это свидетельствует о примечательном совпадении, но и в то же время не о полном сходстве того, что измеряется обеими шкалами.

¹⁸ См.: главу III.

¹⁵ *Critical ratio* - (англ.) критический коэффициент.

²⁰ Подробнее см.: глава XXI, с. 817 и далее.

²¹ Раздел F английской главы, посвященный реакциям на шкалу F двух испытуемых, с которыми проводились по этому поводу клинические интервью, здесь опущен. Сравните также: глава II, с. 31 и далее, «*The contrasting ideologies of two college men: A preliminary view*»

III. Предубеждение в материалах интервью

А. Предисловие

Наша работа выстроилась на специфическом исследовании антисемитизма. Однако, по мере продвижения вперед центр ее тяжести постепенно смещался. В итоге это привело к тому, что нашу основную задачу мы видели не в том, чтобы анализировать антисемитизм или какое-либо другое предубеждение по отношению к меньшинствам как социально-психологический феномен *per se* (сам по себе). Наша задача в большей степени заключалась в том, чтобы исследовать враждебные по отношению к меньшинствам предубеждения в их отношении к более глобальным идеологическим и характерологическим конфигурациям. Таким образом, антисемитизм постепенно почти полностью исчез из наших опросных листов и стал в схеме интервью одной из многих других тем.

Ниже приводится перечень вопросов, задаваемых в интервью, которые относятся к теме антисемитизма. Интервьюируемым их задавали не в полном объеме, не всегда мы также обращали внимание на идентичность формулировок. Однако, во всех случаях большинство из предусмотренных тем нашло свое отражение в вопросах.

Перечень вопросов об евреях

Считаете ли вы, что существует еврейская проблема? Если да, то в каком смысле? Задумываетесь ли вы об этом?

Были ли у вас контакты с евреями? Какого рода? Вспоминаете ли вы в этой связи какие-либо фамилии либо другие подробности?

Если нет, то на чем основываются ваши взгляды?

Приобрели ли вы в отношениях с евреями какой-либо опыт противоположного содержания (либо вы слышали об этом)?

Если да, то изменило бы данное обстоятельство ваше мнение? Если нет, то почему?

Вы смогли бы узнать еврея среди не евреев? Каким образом?

Что вам известно о религии евреев?

Имеются ли христиане, столь же плохие как евреи? Сколь высоко их число в процентном отношении по отношению к плохим евреям?

Каково отношение евреев к труду? Как обстоят дела с пресловутой еврейской деловитостью?

Правда ли, что евреи имеют значительное влияние в кинематографе, на радио, в литературе и университетах?

Если да, то что в этом особенно плохого? Что следует предпринять против этого?

Действительно ли евреи оказывают большое влияние на торговлю,

политику, профсоюзы и т.п.?

Если да, то какого рода это влияние? Следует ли что-либо предпринять, чтобы ослабить это влияние?

Какое зло причинили нацисты немецким евреям? Что вы об этом думаете? Имеется ли здесь такая проблема? Что бы вы сделали, чтобы решить ее?

Что, вы, прежде всего, вменяете им в вину? Они агрессивны? Имеют дурные манеры? Они держат в своих руках банки? Занимаются торговлей на черном рынке? Занимаются мошенничеством? Они — убийцы Христа? Имеют между собой слишком прочные контакты? Они — коммунисты? Коррупционеры? Нечистоплотны? Занимаются подлогом? Эксплуататоры? Скрывают свое происхождение? Чересчур интеллектуальны? Интернационалисты? Запрудили собой некоторые профессии? Они ленивы? Сосредоточили в своих руках кинопроизводство? Алчны? Шумны? Умеют приспособиться? Самонадеянны? Слишком сексуальны? Ищут привилегий? Склонны? Держат нашу страну в руках? Слишком изощренные? Нарушают отношения с соседями? Имеют слишком много магазинов? Они недисциплинированы? Аморальны по отношению к неевреям? Выходцы из низов? Избегают тяжелого физического труда? Международные заговорщики?

Вы выступаете за социальную дискриминацию или за особое законодательство?

К еврею нужно относиться как к индивиду или как к члену группы?

Как согласуются ваши предложения с правами Конституции?

Вы против личных контактов с отдельными евреями?

Вы рассматриваете евреев в большей степени как символ неприятностей или как угрозу? Вы могли бы представить себе, что выходите замуж за еврея (женись на еврейке)?

Вам приятно дискутировать по еврейской проблеме?

Что бы вы сделали, если бы были евреем?

Сможет ли еврей стать когда-либо истинным американцем?

С помощью дополнительных материалов интервью мы больше узнаем о доминирующих формах открытого антисемитизма, чем о его внутренней динамике. Детально разработанные вопросы оказались во всяком случае полезными для понимания связанного с предрассудками психологического конфликта¹

Следующее важное наблюдение касается реакций интервьюируемых на предлагаемый им перечень дурных свойств евреев. В большинстве ответов интервьюируемые одобряли весь список, то есть имело место небольшое число различий. Лица, наделенные высокой степенью предубеждений, склонны принять любой упрек по отношению к евреям, если им не нужно высказывать от своего имени упрек по отношению к евреям, а можно принять его как общепринятый факт. Это можно интерпретировать по-разному — либо как симптом «внутренней consistency» антисемитской идеологии, либо как выражение духовной закоснелости интервьюируемых с высоким количеством баллов, независимо от того факта, что сам метод и

постановка вопросов с несколькими заранее заданными вариантами ответов — может провоцировать на автоматические реакции. Если даже в самих анкетах явственно наблюдалось наличие антисемитской идеологии, то и это было едва ли достаточным объяснением того, что все предубеждения принимались списком. По-видимому, речь идет в этом случае об антисемитизме, однако, поначалу остается неясным, вызвано ли данное впечатление ментальностью интервьюируемых *H*, либо недостатками наших методов опроса. Предположительно, самые крайние антисемитские высказывания действуют когда они произносятся таким образом, что не воспринимаются больше как хула, а как нечто, что можно логически объяснить, подобно антидоту (противоядию), успокаивающему свое сверх-Я и стимулирующему самого себя к имитации подражанию там, где «собственная» реакция опрашиваемого будет менее экстремальной. Это рассуждение может также прояснить тот феномен, что немецкий народ в целом принял радикальные антисемитские методы, хотя, вероятно, каждый в отдельности был не более антисемитом, чем наши наделенные предубеждениями интервьюируемые.

Из нашей гипотезы можно извлечь прагматический вывод о том, что следует всемерно избегать псевдорациональных дискуссий об антисемитизме. Антисемитские высказывания, основывающиеся на фактах, следует опровергать, либо объяснять психодинамику, связанную с формированием антисемитизма. Однако, не следует останавливаться на «еврейской проблеме». Тот, кто в наши дни — после уничтожения народов в Европе — говорит о «еврейской проблеме», (даже если это происходит в мягкой форме) способствует оправданию того, что сделали национал-социалисты.

Следует подчеркнуть, что здесь на первый план выходит *субъективная* точка зрения. Выбор наших примеров исключил исследование роли, которую играет «объект», в нашем случае евреи, в формировании предрассудков. Мы ни в коем случае не отрицаем, что в этом известная роль принадлежит также и «объекту», однако, наш интерес сосредоточен прежде всего на реакциях, направленных против евреев, а не на причины этих реакций. В «объекте» — и именно на основе нашей исходной гипотезы о том, что антисемитские предрассудки имеют мало общего с теми свойствами против которых они направлены². Наше внимание сконцентрировано на четко выраженном типе *H* среди опрашиваемых.

Концепция данной главы исходит из общего предположения, что вражда (по большей части неосознанная), которая коренится в несостоятельности и подавлении, и в социальном плане отрывается от собственного объекта требует замснителя объекта (эрзац-объекта), с помощью которого она обретает реалистичный аспект для субъекта, который должен избегать радикальных выражений нарушенного контакта с реальностью, то есть психоза. Для того чтобы соответствовать своей функции, этот объект неосознанной воли к разрушению, который однако ни в коей мере не следует понимать

поверхностно, как «козла отпущения», должен выполнять определенные условия. Он должен быть достаточно конкретным, однако не слишком конкретным, чтобы не быть разрушенным собственной реальностью. Он должен быть исторически подкрепленным и выступать как неоспоримый элемент традиции. Он должен быть дефинированным в застывших и хорошо известных стереотипах и, наконец, он должен обладать признаками или по меньшей мере быть воспринимаемым и понятым как признак, препятствующий деструктивным тенденциям индивидов с предубеждениями.

Некоторые из этих черт, как например, гипертрофированное групповое мышление, поддерживают рационализацию, другие, как невращения или мазохизм, придают деструктивности психологически адекватный импульс.

Нсопроверяемым является то, что все эти условия в высшей степени наполнены феноменом «еврей». Это не означает, что евреи должны навлекать на себя ненависть, или что неотвратимая историческая необходимость делает их в большей степени, чем других, идеальной целью социальной агрессивности. Достаточно того, что они могут выполнять эту функцию в психике многих индивидов.

Проблему «самобытности» еврейского феномена, а следовательно, и антисемитизма можно объяснить лишь с помощью экскурса в теорию, которая выходит за рамки данного исследования. Подобная теория не стала бы перечислять многообразие «факторов», либо выбирать специфический фактор в качестве повода, скорее здесь разрабатывались бы закрытые рамки, в которых все элементы крепко связаны между собой, что привело бы ни к чему иному, как к теории современного общества как целостности.

Сначала мы попытаемся определить «функциональный» характер антисемитизма, то есть, его относительную независимость от объекта. Затем мы изложим проблему *сui bono**: антисемитизм как средство не требующее затрат сил для ориентации в холодном, отчужденном и во многом непонятном мире. Как и при анализе политической и экономической идеологии³ здесь также обнаружится, что эта «ориентация» достигается с помощью стереотипов. Пропась между такой стереотипностью, с одной стороны, с фактическим опытом и все еще признанными демократическими ценностями, с другой стороны, ведет к конфликтной ситуации, которая явственно обнаруживается в ряде интервью. Затем мы исследуем то, что является разрешением этого конфликта: выросший в недрах американской цивилизации антисемитизм, связанный с неосознанными или непонятными желаниями наделенного предрассудками индивида, проявляется в экстремальных случаях сильнее, чем совесть или официальные демократические ценности. Это приводит к доказательству деструктивного характера антисемитских реакций. В качестве остатков конфликта часто остаются следы симпатии или чаще «признания» известных еврейских свойств, которые, однако, при более внимательном рассмотрении также содержат негативные элементы.

* *Sui bono* — (лат.) Кому на пользу? В чьих интересах?

Далее следуют некоторые специфические наблюдения о структуре антиеврейских предубеждений. При этом, в центре внимания находятся различия, узнаваемые антисемитизмом с помощью социальной идентификации антисемита. Обзор антисемитской динамики мы дополним некоторыми замечаниями о поведении не обладающего предубеждениями индивида.

В заключении речь пойдет о более общем социальном значении антисемитизма: т.е. отрицании принципов американской демократии.

В. «Функциональный» характер антисемитизма

Динамика психических процессов, требующая «антисемитского вентилия» — является в сущности, как нам кажется, амбивалентностью авторитарных и мятежных склонностей, частично уже описанных в других главах этой книги. Здесь мы ограничимся разбором отдельных нетипичных, однако, конкретных примеров того, что антисемитизм не так сильно зависит от природы объекта, как от психических потребностей и влечений субъекта.

В отдельных случаях «функциональный» характер предубеждений обнаруживается явственно. Здесь речь идет об индивидуумах, которые являются предвзятыми по своей природе, для которых в конце концов не важно, на какую группу направлены их предубеждения. Ограничимся двумя примерами. 5051, с высоким числом пунктов на всех шкалах, является предводителем бойскаутов. Он обнаруживает, хотя и подсознательно, сильно выраженные склонности к фашизму. Будучи антисемитом, он пытается смягчить свои предубеждения с помощью определенных полурациональных модификаций.

Он объясняет:

Иногда считают, что в своей массе евреи более ловкие бизнесмены, чем белые. Однако, я этому не верю, мне ненавистна эта мысль. Евреям следовало бы научиться воспитывать худших представителей своей нации в совместной трудовой деятельности для их лучшей адаптации. Армяне, в действительности, в гораздо большей степени, чем евреи, занимаются сомнительным бизнесом. Но армяне далеко не такие громкие и заметные. Подчеркиваю, я был знаком с некоторыми евреями, которых считаю во всех отношениях себе равными и чрезвычайно высоко их ценю.

Это напоминает известную историю Э. По о двойном убийстве на Рю Морг, где прохожие ложно истолковали дикие крики драгуна, как слова из различных иностранных языков, совершенно им незнакомые. Вдобавок ко всему, драгун — оказался иностранцем. Первичная враждебная реакция направлена на чужих самих по себе, воспринимаемых как что-то «нечистое». Лишь позднее инфантильный страх неизвестности «наполняется» представлениями об определенной группе, стереотипной и подходящей для этой цели. Любимым эрзацем «черного человека» являются евреи.

Однако, перенос подсознательного страха на особый объект, вторичный сам по себе, всегда содержит нечто случайное. Так, наличие новых факторов может, хотя бы отчасти, оттянуть агрессивность от евреев и перевести ее в социальном плане на другие группы.

Нашему предводителю бойскаутов 5051 в значительной степени свойственны псевдодемократическая идеология и псевдоустремление активно содействовать претворению в жизнь американских идеалов, как он их понимает. Себя он воспринимает не как консервативно мыслящего индивида, а как «преимущественно либерала»: привлекая в своих рассуждениях третью группу, он тем самым ослабляет свой антисемитизм и вражду по отношению к неграм. Для доказательства своей непредвзятости он упоминает армян, однако использует формулировки, которые позволяют легко пользоваться обычными антисемитскими стереотипами. Даже когда он снимает с евреев упрек относительно их «хитрости», это является в действительности лишь средством прославления своей собственной группы: мысль, что «мы менее ловкие, чем они» вызывает его ненависть. Если антисемитизм по отношению к выбору объекта на более поверхностном уровне является функциональным, то его более глубинные детерминанты представляются гораздо устойчивее.

Экстремальный случай, если так можно выразиться, в отношении «подвижного» предрассудка представляет собой M1225a из морского училища. И хотя его опросный лист показывает лишь средние пункты, интервью с ним обнаруживает четко выраженные черты «манипулируемого» антисемита, о меньшинствах он высказывается следующим образом:

(Каково ваше отношение к проблеме расовых меньшинств?) Я абсолютно уверен, что такая проблема существует. По-видимому, здесь я буду предвзят. Как и в отношении негритянской проблемы. Они могли бы быть более человечными. Тогда бы это не было такой проблемой.

Его агрессивность поглощена неграми, и таким идиосинкразическим способом, какой можно наблюдать только у очень экстремистски настроенных антисемитов, вся агрессивность которых направлена на евреев.

Я никогда бы не служил во флоте вместе с неграми. Меня оскорбляет уже их запах. Конечно, и китайцы говорят, что мы пахнем овчиной.

Следует упомянуть, что другая опрашиваемая, будучи сама негритянской, жаловалась на запах от евреев. Наш интервьюируемый ограничивается рассуждениями о неграх, хотя и сомнительным образом.

(Как обстоят дела с еврейской проблемой?) Я не думаю, что здесь существует какая-то значительная проблема. Они слишком хитры, чтобы

иметь проблемы. Они хорошие бизнесмены. *(О их большом влиянии?)* Думаю, что они имеют огромное влияние. *(В каких сферах?)* Возможно, в кинопроизводстве. *(Злоупотребляют они этим влиянием?)* Ну, чересчур часто слышишь — помогите евреям. Но никогда не услышишь, что нужно помочь представителям других рас или национальностей. *(Злоупотребляют ли они своим влиянием в кинематографе?)* Если это и имеет место, то делается это таким образом, что не вызывает раздражения.

Также и здесь дескриптивно сохраняется антисемитское клише, в то время как перенос ненависти на негров модифицирует оценки. Примечательна при этом искаженная трактовка слова «проблема». Отрицая существование «еврейской проблемы», интервьюируемый сознательно становится здесь на сторону индивидов, лишенных предубеждений, но интегрируя выражение как «иметь трудности» и считая евреев «чересчур хитрыми», он, сам того не ведая, обнаруживает свое негативное отношение. Согласно «теории проницливости», его проеврейские высказывания получают рационалистическое звучание, которое свидетельствует об амбивалентности опрашиваемого: вся расовая ненависть — это «зависть», однако, он почти не сомневается, что у него имеются основания для такой зависти. Так, например, он принимает миф об евреях, которые контролируют немецкую промышленность.

Данное интервью указывает направление дифференциации нашего представления об этноцентризме. Даже при высокой степени корреляции между антисемизмом и враждой в отношении к неграм (факт в одинаковой мере выявляемый в наших интервью и в ответах на наши анкеты) нельзя сказать, что предрассудки представляют собой единственную компактную массу. Готовность признавать враждебные высказывания по отношению к национальным меньшинствам можно рассматривать как более или менее единую черту. Однако, когда (например, в интервью) интервьюируемым предоставляется возможность спонтанно высказывать свое мнение, то нередко какое-либо национальное меньшинство, в большей мере чем другие, выступает в качестве объекта особой ненависти. Этот феномен можно объяснить, сравнив его с манией преследования, которая, как уже неоднократно отмечалось, обнаруживает много свойственных антисемитизму структурных черт.

Если параноик охвачен общей ненавистью, то он склоняется к тому, чтобы произвольно «выхватить» своего врага, нарушить покой определенных индивидов, возбуждающих его внимание: он, как бы влюбляется в негативном смысле.

Подобное характерно и для потенциального фашиста. Как скоро он развил определенный и конкретный антикатексис, необходимый для формирования социальной псевдореальности, он может зафиксировать агрессивность, обычно не привязанную к определенному объекту, и оставить в покое другие объекты возможного исследования. Несомненно,

эти процессы легче наблюдать в ходе интервью, чем на основе анкет, которые оставляют интервьюируемому мало возможностей для свободного «самовыражения».

Следует также добавить, что опрашиваемые в нашей подборке находят множество других эрзац-объектов для евреев, как например, мексиканцев или греков. Последние, как и армяне, щедро наделяются свойствами, обычно ассоциируемыми с евреями.

Достоинством упоминания представляется другой аспект «функционального характера антисемитизма: мы часто встречали представителей других меньшинств с четко выраженными «конформистскими» тенденциями, реакции которых носили выраженный антисемитский характер. В различных группах «чужих» не было и следа солидарности; более того, правилом становилось — «свалить груз» на других; бросить тень на другие группы для того, чтобы представить свой социальный статус в более привлекательном свете. Например, 5023, психоневротик, страдающий фобией страха: по рождению мексиканец:

Будучи американцем мексиканского происхождения он идентифицировал себя с «белым» и считает, что «мы лучше, чем они». Особенно он не любит негров, а евреев еще в большей степени. Он полагает, что все они одинаковы и не хочет иметь с ними ничего общего. Поскольку он полон противоречий, не удивительно, что опрашиваемый мог бы жениться на еврейке, если бы по-настоящему ее любил. С другой стороны, он держал бы негров и евреев под контролем и определил бы им «надлежащее место».

5068 представляет собой, по мнению интервьюера, довольно распространенный тип переселенца в Америку во втором поколении, считающего себя итало-американцем. Его предубеждения имеют фашистскую политическую ориентацию, окрашены параноидными фантазиями:

Он итальянского происхождения и был натурализован во время первой мировой войны. Он чрезвычайно гордится своим происхождением, а в первые годы деятельности Муссолини долгое время активно сотрудничал с итально-американскими организациями. До сих пор он уверен, что война с Италией была большим несчастьем. В отношении других меньшинств он довольно предвзят. По его ощущению, мексиканцы очень похожи на итальянцев, и все было бы в порядке, если бы они были лучше воспитаны. Однако, в настоящее время, по его мнению, им еще не хватает хорошего воспитания. Он считает, что к японцам в Калифорнии относились более чем нормально, и что тем японцам, поведение которых не вызывает сомнений, следует разрешить постепенно возвращаться на родину. Ситуацию в отношении негров он считает напряженной. По его словам, необходимо принять соответствующие законы, касающиеся в первую очередь смешанных браков, а также провести «демаркационную цветную линию», где можно жить. Вопреки тому что говорят, негры на юге самые

«счастливые». Неприятности, связанные с евреями, происходят от того, что все они коммунисты и по этой причине представляют опасность. Его личное отношение к ним было всегда хорошим. В деловой сфере они, по его выражению, «мошенники» и держатся друг за друга. Для разрешения этой проблемы, как он полагает, «евреи должны воспитывать себя сами».

То, как сильно евреи сплочены, свидетельствует, что в действительности у них больше предубеждений по отношению к неевреям, чем у неевреев к ним. Этот тезис он иллюстрирует длинной историей об одном знакомом (детали ее я не запомнил), который, женившись на еврейке, жил в еврейской семье и не имел права есть вместе с другими из той же посуды.

Упомянем далее 5052, антисемита с ярко выраженными гомосексуальными наклонностями, испано-негритянского происхождения. Он — владелец ночного клуба, и интервьюер выражает свое впечатление о нем в замечании, что хотел бы сказать этот человек: «Я — не негр, я — владелец ночного клуба». Здесь мы встречаем случай, когда социальная идентификация парии формирует его предубеждения.

В заключение, в качестве курьеза упомянем интервью с турком, которое, впрочем, в силу его более высокого интеллектуального уровня, мы не включили в текст. Он позволял себе сильные антисемитские выпады до тех пор пока в конце интервью не выяснилось, что он сам еврей. Весь комплекс антисемитизма в группах меньшинств и среди самих евреев представляет собой серьезную проблему и заслуживает специального исследования. Даже беглого взгляда на материал достаточно, чтобы укрепиться в предположении, что социально угнетенные чаще склонны переносить давление на других, чем связывать себя со страдающими соплеменниками.

С. Воображаемый враг

Наши примеры, касающиеся «функционального» характера антисемитизма и относительной легкости, с которой предубеждение переходит с одного объекта на другой, показывают: предубеждение, в соответствии со своим содержанием, лишь поверхностно затрагивает специфическую природу объекта. Можно предположить, что данная гипотеза связана с такими каноническими категориями, как стереотипность, неспособность обретения опыта, проекция и фантазии о могуществе. Это подтверждается высказываниями, которые либо откровенно противоречивы, либо не согласуются с фактами, либо имеют явный воображаемый характер. Поскольку обычные «противоречия» антисемита часто объясняются тем, что они затрагивают различное отношение к действительности и различные стимулирующие структуры, которые еще согласуются с его целостным мировоззрением, то ниже мы займемся преимущественно доказательством конструкции фантазий. Они так широко известны в обыденной жизни, что их значение для антисемитизма не нуждается в дальнейшем комментарии,

в нашем исследовании они лишь освещаются. Можно сказать, что такие фантазии возникают тогда, когда стереотипы полностью отрываются от действительности и начинают «дику блуждать». Если «освобожденные» стереотипы вынуждены вновь вступить в соприкосновение с действительностью, то появляются бессмысленные искажения.

В собранных нами примерах о стереотипных фантазиях речь преимущественно идет о представлениях об эксцессивном могуществе, приписываемом произвольно найденному врагу. Несоответствие между относительной социальной слабостью объекта и его кажущимся мрачным всевластием само по себе является доказательством того, что здесь действуют проективные механизмы.

Сначала приведем несколько примеров, иллюстрирующих omnipotentные фантазии, которые одновременно абстрактно проецируются на всю чужую группу, а затем покажем, каким образом использование таких идей ведет к реальному опыту находящемуся на грани параноидных фобий.

5054. женщина средних лет с довольно высокими баллами на всех шкалах, очень занята собой и характеризуется как «авторитарный тип». Она объясняет, что всегда стремилась «видеть также и другую сторону» и «даже преодолеть предубеждения обеих сторон». Свою терпимость она мотивирует конфликтом с супругом, которого называет ярым врагом евреев, ненавидящим их всех без исключения, в то время как она сама готова делать исключения. Суть ее отношения зафиксирована следующим образом:

Она считает, что не является сторонницей расовой теории, однако думает, что евреи не могут сильно измениться, наоборот, они станут еще «более агрессивными». Она уверена также, что «в конце концов они завладеют страной, хотим мы этого или нет».

Распространенный стереотип о чрезмерном влиянии евреев на политику и экономику раздувается до утверждения об угрожающем мировом господстве. Легко догадаться, что те меры предотвращения, которые имеет в виду данная категория интервьюируемых, не менее тоталитарны, чем идеи об их преследовании, хотя они и не осмеливаются пояснить их более подробно.

Аналогичной является точка зрения интервьюируемой 5061a, выбранная для иллюстрации «смешанного» типа. Она показывает средние баллы на шкале *E*, низкие на шкалах *F* и *PEC*, однако, согласно результатам интервью, относится к выраженному этноцентрическому типу. Живость фантазий по отношению к всемогущим евреям касается в ее высказываниях эквивалентной интенсивности ее чувства мести.

«Мое отношение к евреям нельзя было назвать приятным». На просьбу выразиться точнее, она не смогла привести конкретные примеры. Однако

евреев она характеризует так: «Они ведут себя таким образом, как будто хотят каждого задеть, они агрессивны, держатся вместе, жадны до денег». «Практически, евреи завоевывают страну. Они проникают повсюду. Нет, они не отличаются особой ловкостью, однако делают все, чтобы доминировать. Все они одинаковы». На вопрос, не думает ли она, что у евреев, как и у других народов, есть различия, она ответила так: «Нет, не думаю. Я полагаю, есть нечто, что заставляет их держаться всем вместе и пытаться заполучить все в свои руки. Среди евреев у меня есть друзья, и я пыталась не относиться к ним враждебно, однако раньше или позже они оказывались агрессивными и неприятными... Думаю, что в процентном отношении число очень плохих евреев гораздо больше, чем плохих неевреев... У моего мужа такая же точка зрения на эту проблему. Впрочем, я не захожу так далеко, как он. Многие в Гитлере ему не нравятся, однако он считает, что Гитлер хорошо поработал с евреями. Мы, по его мнению, слишком далеко зайдём в нашей стране, поэтому нужно что-то предпринимать».

Иногда четко проступает проективный аспект фантазий об еврейском господстве. Те, чьи полуосознанные желания заключаются в надежде на устранение демократии и господство силы, называют его антидемократическим и полагают, единственный его шанс состоит в соблюдении демократических прав. 5018, бывший сержант морской артиллерии, 32 лет, с высокими баллами на всех шкалах, наделен некоторыми параноидными чертами. Он знает, что «евреев нельзя считать расой, однако все они одинаковы. У них слишком много власти, но в этом я вижу нашу вину». Далее он поясняет:

Он расправился бы с евреями, изгнав их из сферы деловой жизни. Он полагает, что все чувствующие так же как и он, в деловой практике могли бы конкурировать с евреями и, возможно, исключить их влияние, но при этом добавляет: «Лучше было бы отправить их в Палестину, чтобы они там обольванивали друг друга. У меня есть некоторый опыт общения с ними. Некоторые из них были хорошими солдатами, но не очень многие». Опрашиваемый отмечает, что проблемы не решить вялыми демократическими методами, так как «евреи не будут участвовать в демократии».

Отрицательный отзыв о дряблых демократических методах имплицитно проясняет антидемократические чувства этого опрашиваемого: упрек в отсутствии демократической кооперации евреев является, по-видимому, рационализированием.

Следует хотя бы упомянуть еще один аспект нереалистичного представления о евреях. Это утверждение о том, что евреи «повсюду». Иногда идея о всевластии евреев заменяется идеей о их присутствии всюду, возможно это связано с тем, что в действительности нельзя утверждать о каком-то «господстве евреев», так что преследуемому бредовыми идеями индивиду

приходится искать другой «вентиль» в идее опасной таинственной вездесущности. Этот аспект связан с другим психологическим моментом. Индивид с максимально предвзятыми предубеждениями пронизан идеей абсолютной правоты своей группы: он не терпит ничего, что «строго не вписывается» в эту идею и проецирует ее на евреев. Поскольку представители группы *H* очевидно не терпят никаких «пришельцев», то это тотальное присутствие они видят в тех, кого ненавидят и кого считают вправе вытравить из памяти, так как, по их мнению, другим способом «от них не отделаться». Нижеприведенный пример, где идея о вездесущности евреев переносится на личный опыт, свидетельствует о близости к бредовой мании.

6070. сорокалетняя женщина со средними баллами по шкале *E*, отзывается об евреях особенно резко.

Я не люблю евреев. Еврей — это всегда нытик. Они захватывают здесь у нас власть. Они агрессивны. В них сосредоточены все пороки. Прошлым летом я встретила знаменитого музыканта *X*, и хотя я его еще не знала как следует, он попросил меня подписать поручительство, для того чтобы его семья смогла приехать сюда. В конце концов я ему в этом начисто отказала и объяснила, что не желаю больше видеть у нас в стране евреев. Рузвельт первым начал принимать евреев в правительство, и в этом основная причина наших сегодняшних трудностей. Евреи добились, чтобы при зачислении на воинскую службу с ними обращались по-особому. Я за идеальную дискриминацию евреев на американский лад, но не так, как это осуществил Гитлер. Каждому и известно, что за коммунистами стоят евреи. Этот *X* почти заморочил мне голову. Я сделала ошибку, пригласив его в качестве гостя в свой клуб. Он явился с десятью другими евреями, которые вообще не были приглашены. Везде с ними одни неприятности. Если куда-нибудь проникнет один из них, он приведет за собою двоих, а эти двое еще двоих.

Эта цитата не только примечательна как иллюстрация тезиса «еврейповсюду». Здесь выражение слабости евреев — их «постоянное нытье» — переиначивается в их неотвязность. Беженец, вынужденный покинуть свою родину, предстает как незванный гость, стремящийся рассеяться по всему свету, и недалеким от истины будет предположение, что данное представление коренится в самом факте преследования. Кроме того, это высказывание порождает амбивалентность крайнего антисемита, так называемую «негативную влюбленность». Опрашиваемая, несомненно привлеченная громким именем знаменитого музыканта, пригласила его в свой клуб, однако использовала контакт, после того как он был установлен, лишь для того, чтобы персонифицировать свою агрессивность.

Еще один пример взаимодействия семипсихотической идиосинкразии с дикими антисемитскими фантазиями представляет 5004, двадцатишестилетняя женщина с высокими показателями на шкале *F* и средневисокими на шкалах *E* и *PEC*. На вопрос о религии евреев она дает ответ,

разделяющий древнее представление о «зловещем». «Я знаю очень немного, но я бы побоялась зайти в синагогу». Это высказывание следует оценивать в контексте с нижеприведенными словами о национал-социалистических зверствах:

У меня нет особых сожалений по поводу того, как немцы поступали с евреями. Думаю, евреи сделали бы тоже самое со мной.

Фантазии о преследовании, т.е. то, что евреи могли бы ей причинить, превращается в аутентично-параноидную манеру как оправдание национал-социалистического геноцида.

Наши последние примеры относятся к искажениям, возникающим тогда, когда опыт рассматривается через призму застывших клише. М732с, бывший участник войны, с высокими баллами на всех шкалах, относится к данному типу с искаженным опытом в отношении как негров, так и евреев:

Совсем не видно, чтобы негр ездил на обычном автомобиле — это либо паккард, либо кадиллак ... и то, как они одеты, всегда бросается в глаза. У них тенденция — обращать на себя внимание. Так как негр чувствует, что его не воспринимают всерьез, он стремится, чтобы на него обращали внимание. И даже если он не может себе этого позволить, он купит себе дорогой автомобиль, просто, чтобы задаваться. Опрашиваемый упоминает, что самая умная студентка в его классе была негритянка и интерпретирует ее успехи как выражение сверхкомпенсации того, что, как ему кажется, имитирует ее врожденный комплекс неполноценности, связанный с негритянским происхождением.

Утверждение об отношении негров к кадиллаку говорит само за себя. Замечание о студентке в персонализированной форме показывает аспект неизбежности, присущий враждебной стереотипности. Для человека с предвзятой точкой зрения негр является «тупым существом»; если же ему встречается особенно трудолюбивый негр, то это свойство приписывается сверхкомпенсации, т.е. исключению, подтверждающему правило. Безразлично, что представляет собой негр или что он делает, в любом случае отношение к нему будет негативным.

По еврейской проблеме опрашиваемый высказывается следующим образом:

«В общем и целом они умелые и хитрые коммерсанты — и это почти все, что я могу о них сказать. Они — белые, это одно дело... Конечно, им присущ еврейский инстинкт, всегда... Я слышал, они инстинктивно чувствуют бизнес... Мне кажется, евреи более подобострастны, например, еврей-парикмахер обязательно каким-либо способом усадит клиента за свой стул». Опрашиваемый рисует здесь фантастическую картину о

свойственном евреям мистическом влиянии... «Они необыкновенно хитрые торговцы, и почти нет шансов конкурировать с ними.»

По-видимому, эта история о парикмахере является регрессией на ранее инфантильное мышление.

F359. 48-летняя женщина-бухгалтер, занимает руководящую должность в правительственном ведомстве. Хотя, по мнению интервьюера, она является культурной и образованной женщиной, она не может удержаться от параноидных историй, как только речь заходит о практической сфере расовых отношений, которая одновременно служит и ареной для банальностей. (По баллам она занимает место в верхней четверти на шкале E, однако имеет низкое число баллов на шкалах F и PEC). Ее искаженные представления касаются как негров, так и евреев.

Опрашиваемая считает это очень серьезной проблемой и полагает, что ситуация будет ухудшаться и дальше. Негры будут более испорченными. Она стала свидетелем волнений в Вашингтоне, там стреляли. Она видела, как разбивали стекла в трамваях: когда один белый хотел войти в купе для негров, началась стрельба. Белый вынужден был лечь на пол. Вечерами она не решалась выйти на улицу. Однажды, во время негритянской процессии, кое-кто из них пытался вытолкнуть ее с тротуара. Когда она попросила не толкать ее, они нахально на нее посмотрели, ей даже пришла мысль – они поднимут шум. Сопровождающий ее сказал: «Давай уйдем в сторону, а не то мы спровоцируем потасовку». Ее знакомая рассказала, что попросила домработницу поработать во вторник, девушка не согласилась, заявив при этом: «Это день голкотни, когда мы выталкиваем белых с тротуара». Другая подруга из Лос-Анджелеса сказала, чтобы она не позволяла своей горничной пользоваться пылесосом, а не то она будет работать с ним с таким остервенением, как будто хочет разорвать ковер в ключья. Однажды она застала свою девушку за таким занятием: таковыряла что-то напильником в пылесосе. Она спросила девушку о том, что это значит. И услышала в ответ: «О, я хотела только его отремонтировать». Они хотят отомстить белым. Нельзя давать им равные права, к этому они еще не готовы; сначала нам нужно их воспитать. Опрашиваемая не хотела бы сидеть рядом с негром в театре или в ресторане. Она рассказала случай с одним продавцом, который обращаясь к чернокожему управдому, назвал его «Мистер». 'Этого нельзя делать, потом они скажут: «Мы такие же хорошие, как и белые». (Результат?) «Думаю, будут беспорядки.» Она считает, что могут возникнуть волнения и пролиться кровь. (Евреи?) «Думаю, они тоже виноваты. В своих коммерческих делах они просто не могут быть честными, они должны быть хитрыми, честность в деловых вопросах не имеет для них никакого значения» (Каков ваш личный опыт?) Она рассказала случай, происшедший с ее другом. Он увлекался фотографией и покупал несколько подержанных фотоаппаратов у ростовщика. Однажды, когда он был там, подошла женщина с искусственным зубным протезом. Ей сказали, что протез не представляет особой

ценности (хотя в его состав входило золото). В конце концов, еврей дал ей за протез несколько долларов. Как только она ушла, он заявил стоящему рядом мужчине «Она и не знала, что внутри там платина?» Другими словами, протез стоил намного больше того, что дал женщине. Ее же знакомого провести не удалось, так как он знал евреев и обнаружил их обман.

В качестве наиболее целесообразного средства для улучшения интеркультурных отношений часто предлагается усилить личные контакты между различными группами. В то время как ценность таких встреч в конкретных случаях антисемитизмом не должна оспариваться, примеры данного раздела говорят об известных модификациях, по меньшей мере там, где предубеждения принимают крайние формы. Не существует разрыва в чистом виде между стереотипом и опытом. Стереотип является искусственным приемом для удобства классификации вещей. Но так как эта тенденция «питается» из скрытых источников бессознательного, то искажения, следствием которых она является, нельзя просто исправить с помощью взгляда в действительность. Сам опыт в большей степени сформирован стереотипом. Индивиды, высказывания которых о проблеме меньшинств здесь приводились, имеют одну решающую, присущую всем им особенность. Даже если познакомить их с представителями групп меньшинств, наиболее удаленных от стереотипов, они будут рассматривать их через призму стереотипов и не признают их, так как эта тенденция встречается не только у лиц, которые действительно «имеют склонность к фантазиям» (весь еврейский комплекс представляет собой скорее своего рода признанную свободную зону узаконенных психотических искажений), не следует ограничивать это неумение приобрести опыт лишь индивидами описанного здесь типа, ее можно наблюдать и в менее четко выраженных случаях. Это следует предусмотреть в интересах взвешенных контрамер. Оптимизм по отношению к благотворному действию личных контактов не уместен. Стереотипы невозможно «скорректировать» опытом. Сначала нужно восстановить способность обретения опыта с тем, чтобы воспрепятствовать развитию представлений, которые в буквальном, клиническом смысле являются «злокачественными».

Д. Антисемитизм — к чему?

Основополагающая гипотеза психоанализа звучит следующим образом: симптомы приобретают смысл лишь тогда, когда они выполняют особую функцию в психическом хозяйстве индивида. В соответствии с данной гипотезой, их как правило нужно рассматривать, как эрзац-удовлетворение вытесненных инстинктов или как защитные механизмы от них. Предшествующие рассуждения вскрыли иррациональный аспект антисемитских

установок и мнений. Так как их содержание не согласуется с реальностью, мы назовем их «симптомами». Однако, речь идет о симптомах, которые едва ли можно объяснить на основе механизмов невроза, а антисемит как таковой, будучи потенциальным фашистом, конечно же не является психопатом. Окончательное теоретическое объяснение полностью иррационального симптома, не нарушающего однако «нормальности» тех, у кого он обнаруживается, выходит за рамки данного исследования. Однако мы считаем себя вправе поставить вопрос: *cui bono?* Каким целям служит антисемитское мышление в жизни индивидуума? Окончательный ответ на этот вопрос можно найти лишь исследовав стереотипы с их причинами, возникновением и укоренением. Направление для такого ответа мы наметили в предшествующих главах.⁴ Здесь мы ограничимся исследованием относительно поверхностного пласта «я» и зададим вопрос: «Что “дает” антисемитизм субъекту внутри конкретной структуры его опыта?».

В определенном смысле, антисемитские предрассудки, без сомнения, обладают рациональной функцией. Они могут возникнуть на конкретной основе из зависти экономического характера или из желания обогатиться за счет лишения прав более зажиточного меньшинства. Рациональным можно также назвать и поведение тех, кто стремится к фашисткой диктатуре и рассматривает предрассудки как общую платформу, хотя в данном случае вопрос о рациональном подходе усложняется, так как такая диктатура, по-видимому, не служит интересам индивида, а коллективное автоматическое принятие заранее готовой формулы нельзя назвать рациональным. Однако в данный момент нас занимает другой аспект. Какое преимущество получают «разумные» в остальном индивиды, когда они становятся приверженцами идей, не имеющих реального базиса, и которые обычно связывают с ложной адаптацией?

Для того чтобы дать предварительный ответ на этот вопрос, мы рассмотрим результат опроса респондентов по шкале *PEC* — это полная неосведомленность и растерянность опрашиваемых в случаях, когда затрагиваются социальные темы, выходящие за пределы их непосредственного опыта. Объективизация социальных процессов, в действительности подчиняющихся надындивидуальным законам, по-видимому, ведет к духовному отчуждению индивида от общества, воспринимаемому отдельной личностью, как дезориентация, и сопровождается страхом и неуверенностью. Политические стереотипы и персонализацию логично интерпретировать, как средство преодоления этого неприятного состояния, шаблонные представления о политике и бюрократе, как ориентировочные маркеры и проекции вызванных дезориентацией страхов. Сходные функции, по-видимому, выполняет и «иррациональное» клише евреев. Для индивидов с крайней степенью предубеждений они максимально стереотипны и одновременно в большей степени, чем какое-либо другое пугало, персонифицированы, так как определяются не профессией или социальной

ролью, а экзистенцией как таковой. По этим, а также историческим причинам, они значительно более приспособлены взять на себя функцию «черного человека», чем бюрократы или политики, которые, впрочем, часто образуют лишь напрямую ощутимый эрзац собственного объекта ненависти, которым являются евреи. По-видимому, необычность евреев становится самой сподручной формулой для того, чтобы справиться с отчуждением общества. Приписывая евреям вину за все существующие беды, можно как бы с помощью прожектора, позволяющего быстро и всесторонне ориентироваться, объяснить темные стороны действительности. Чем меньше антиеврейские фантазии соответствуют реальному опыту, чем больше они сохраняются, так сказать, «в чистом виде» от загрязнения действительностью, тем меньше они подвергаются помехам, вызванным диалектикой опыта, которая в большей степени затрудняется закоснелостью стереотипов. Антисемитизм является универсальным средством, способствующим приобретению интеллектуального равновесия, антикатексиса и структурированию стремлений к переменам.

Теоретики-антисемиты и агитаторы от Чемберлена до Розенберга и Гитлера всегда утверждали, что существование евреев является «ключом» ко всему. Психологические импликации этого представления вытекают из разговоров с индивидами, склонными к фашизму. Их более или менее скрытые намеки часто выдают своего рода темную гордость, они говорят как посвященные, как будто бы они угадали доселе неотгаданную человеческую загадку (при этом безразлично, как часто эта загадка уже высказывалась). Они буквально поднимают палец, иногда с улыбкой снисходительного превосходства: на все у них готов ответ, а перед своими собеседниками они предстают в образе совершенно уверенных индивидов, оборвавших все контакты, которые могли бы вынудить их к изменению своих взглядов. Возможно, это тот тип уверенности, который завораживает людей, чувствующих себя неуверенно. Именно благодаря своей некомпетентности, растерянности или полуосведомленности, антисемит часто приобретает репутацию мудреца с глубокими знаниями. Чем примитивнее его грубые штампы вследствие их стереотипности, тем больший отклик они находят, так как сложное сводят к элементарному, не принимая при этом во внимание, какова логика этой редукции. Однако обретенное таким способом превосходство не ограничивается интеллектуальным уровнем. Поскольку клише, как правило, позволяют считать свою группу хорошей, а чужую плохой, то ориентированная на антисемитизм схема дает эмоциональное, нарциссическое удовлетворение, имеющее тенденцию к уничтожению барьеров рациональной самокритики.

Именно эти психологические инструменты постоянно используют агитаторы-фашисты. Вероятно, они не прибегали бы к ним, если бы читатели и слушатели не были восприимчивы к ложной ориентации. Нашей задачей является доказательство такой восприимчивости у индивидов.

которых ни в коей мере нельзя причислить к явным сторонникам фашистов. Мы ограничимся тремя центральными пунктами псевдознания, с помощью которых антисемитизм привлекает своих сторонников — во-первых, это идея о том, что евреи представляют собой «проблему», во-вторых, заявление, что все они «одинаковы», и, в-третьих, утверждение, что всех без исключения евреев следует считать таковыми.

Аргумент, что евреи или негры представляют собой «проблему», регулярно выявляется в наших интервью с людьми, наделенными предрассудками. Приведем вырванный наугад пример и кратко поясним теоретические импликация этого аргумента.

Например, 105. студент изучающий юриспруденцию на вопрос «Что вы думаете о других группах?» дает такой ответ:

Евреи, это проблема цекотливая — ну, конечно, не вся раса: в них совмещается разное, хорошее и плохое. Но плохого в них больше, чем хорошего

Слово «проблема», почерпнутое из научной сферы, опрашиваемый использует для создания впечатления убедительного и ответственного размышления. Тот, кто указывает на «проблему», имплицитно обозначает личную дистанцию от сомнительной темы, придает своим рассуждениям своего рода объективный характер. Это является превосходной рациональной мотивацией предубеждений, так как создается впечатление, что собственная точка зрения носит не субъективный характер, а является результатом напряженных раздумий и зрелого опыта. Прибегая к такой уловке опрашиваемый стремится в ходе интервью к сохранению дискурсивной аргументации. Квазиэмпирически он подтверждает, что должен сказать и готов признать исключения, однако различия и исключения остаются на самой поверхности. Как только признается существование «еврейской проблемы», можно считать, что антисемитизм добился первой победы. Это становится возможным в связи с двусмысленной природой самого понятия (Problem), которое может обозначать предмет нейтрального анализа, а также предполагает и нечто негативное, что связано с нетерминологическим употреблением слова «проблематичный» для обозначения сомнительного дела. Без сомнения, отношение между евреями и неевреями представляет собой проблему в объективном смысле слова; если же речь идет о «еврейской проблеме», то акцент слегка смещается. В то время как сохраняется видимость объективности, на задний план молчаливо отходит тот факт, что проблему представляют сами «евреи», а именно проблему для остальных. Лишь один шаг отделяет эту точку зрения от взгляда, что данную проблему (в соответствии с ее собственными специфическими требованиями, то есть проблематичной природой евреев) нужно решать, и что само собой разумеется, ее решение выйдет за демократические рамки.

Кроме того, «проблема» требует решения, и пока на самих евреев навешивается ярлык этой проблемы, они становятся объектами, и не только для «судей» с их большей проникающей способностью, но также и для исполнителей акции. Еще не видя в них субъектов, с ними обращаются, как с элементами математического уравнения. В конечном счёте призыв к «решению еврейской проблемы» означает унижение евреев, превращая их в легко манипулируемый материал.

Представление о «проблеме», глубоко внедрившееся в общественное сознание благодаря националистической пропаганде и националистическому примеру, присутствует также и в интервью Н. однако в них оно как правило принимает форму протеста. Мыслящие непредвзято индивиды пытаются восстановить объективный, «социологический» смысл выражения, при этом они в целом настаивают на том, что так называемая «еврейская проблема» в действительности является проблемой неевреев. Однако уже само употребление слова даже непредвзятыми индивидами показывает известную амбивалентность или даже индифферентность, как, например, в случае 5047 с низкой *E*, однако с высокими *F* и *PEC* по ценностной шкале:

«Да, я считаю, что существует так называемая проблема евреев и проблема негров. Однако я полагаю, в сущности это проблема большинства». Опрашиваемый считает, что для необразованной массы необходимо обратить внимание на улучшение воспитания и экономических отношений для того, чтобы не возникло необходимости искать козла отпущения. В целом его понимание представляется адекватным предмету; об антисемитизме и дискриминации негров он отзывается отдельно. Однако то, каким образом он анализировал проблему, а также присущая ему тенденция рассматривать ее чисто академически, позволяют предположить, что он не полностью убежден в правильности своих высказываний и всего лишь пользовался вербальными клише.

Уже само выражение «проблема» как бы внушает наивное представление о само собой разумеющейся справедливости, которая в сферах, где точка зрения определяется лишь особенностями случая, идет по пути демократического компромисса.

Тот, кто говорит о «проблеме», испытывает сильное искушение сказать, что каждая проблема имеет две стороны, и вывести из этого, что поскольку евреев искореняли, то, по-видимому, они сделали что-то неверное. Эта конформистская «разумность» с легкостью дает импульс к защите различных видов иррационального.

Констатация того, что все евреи одинаковы, не только устраняет все препятствующие факторы, но при помощи грубого обобщения придает думающему подобным образом индивиду прекрасный флер личности, которая все видит и не дает себя сбить с толку незначительными деталями.

Одновременно, идея о том, что евреи все одинаковы, рационализирует взгляд на частный случай до обобщения, которое опять-таки можно решить с помощью общих мер, которые будут тем рациональнее, поскольку не требуют исключений. Приведем лишь один пример, один случай, в котором еще обнаруживаются следы «лучшего знания», хотя представление о том, что евреи — все одинаковы, ведет к самым диким фантазиям. *F116* со средним числом баллов по шкале *F*, когда речь заходит об еврейском вопросе, говорит следующее:

(Евреи?) Здесь меня действительно одолевают сильные чувства. Гордости они во мне не вызывают. Не думаю, что быть таким предвзятым — это хорошо, но тут ничего не поделаешь. *(Что Вам не нравится в евреях?)* Все, я просто не могу найти для них хотя бы одно доброе слово. *(Исключения?)* Нет мне не встретился ни один, который представлял бы исключение. Я всегда надеялся встретить хотя бы одного. Нехорошо испытывать такие чувства, какие испытываю я. Мне хотелось бы быть как можно более приятным и порядочным, но всегда все кончается одним и тем же, они обманывают и стремятся извлечь пользу для себя. *(Возможно ли, что вы знакомы с некоторыми евреями и они вам симпатичны, однако, вы не знаете, что они евреи?)* Нет, я не думаю, чтобы кто-нибудь из евреев смог это скрыть. Я всегда это определяю. *(Как они выглядят?)* Привлекательно, хорошо одеваются. Как будто точно знают, что им нужно. *(Как хорошо вы знали евреев?)* В детстве я не был знаком ни с одним из них. Действительно, я не знал никого из них вплоть до приезда во Фриско, десять лет назад. Он был нашим домовладельцем. Это было отвратительно. Я имел прекрасную квартиру в Денвере и я очень неохотно покидал ее. А здесь я был заточен в безобразной квартире и он делал все, чтобы мне стало еще хуже. Если квартплату нужно было оплатить в воскресенье, то он появлялся в этот день рано утром. С этих пор я могу спеть про них песню. У меня были начальники — евреи. В банках — евреи. Они повсюду, всегда с деньгами.

Мой сосед — еврей. Я решил оставаться с ним вежливым. В конце концов, сейчас я не могу переехать, и мне нужно сохранять хорошие отношения с соседями. Они пользуются моей косилкой для газонов. Когда они ее просят, то говорят, что во время войны косилки нельзя купить. Но конечно, косилки стоят денег. На прошлой неделе у нас была вечеринка, а они вызвали полицию. На другой день я ей позвонил, так как подозревал именно ее. Она сказала, что это действительно они вызвали полицию, и я спросил, не лучше ли было бы сначала поговорить со мной. Она сказала, что какой-то мужчина запел во дворе и разбудил ее грудного ребенка, и она так рассердилась, что вызвала полицию. Я спросил, не забыла ли она, как ее ребенок, целых три месяца, после того как она привезла его из клиники, громко ревел. После этого она заискивает передо мной, а мне это еще более неприятно.

Нередко субъекты *H* подают себя как «более осведомленные», они осознают, что им не следует так думать, однако остаются в тисках своих

предубеждений, которые явно сильнее морального и рационального противовеса, имеющегося в их распоряжении. Помимо этого феномена едва ли имеется какой-либо аспект обсуждаемого здесь антисемитского синдрома, который нельзя было бы осветить с помощью этих слов «абсолютной» тоталитарной антисемитки. Она ничего не упускает. Ее ненасытность обнаруживает сильную энергию либидо, направленную на еврейский комплекс. Освобождение от комплекса антисемитизма означает для нее исполнение желаний как в отношении агрессивности, так и стремления к духовному превосходству, что и показывает ее участие в данном исследовании в «интересах науки».

В ее личном отношении есть что-то от чувства пагубного превосходства тех, кто считает, что осведомлен обо всех возможных мрачных тайнах.

Наиболее характерное ее отношение — пессимизм. Многие высказывания она делает с поникшим взором, пожимая плечами и со вздохом.

Концепт «человека с чутьем на евреев», который, как показали результаты другого исследования, оказался наиболее дискриминируемым, мы использовали здесь в качестве дополнения. Однако, без сомнения, экстремистски настроенные антисемиты, как правило, необоснованно полагают, что могут определить еврея с первого взгляда. Это является наглядным выражением «механизма ориентаций», который мы определили в качестве существенного признака в образе мыслей индивидов с предубеждениями. Одновременно можно достаточно часто наблюдать, что реальное, трудно-обозримое многообразие евреев чрезвычайно расшатывает критерий их идентификации. Однако оно не мешает «индивидам с чутьем» решительно утверждать свои способности. Для иллюстрации этого структурного типа достаточно одного примера. Его следует привести в силу присущего ему странного сочетания фантазии и точного наблюдения.

5039, двадцатисемилетний студент университета из Южной Калифорнии, участник войны с высокими баллами на шкале *K*, говорит:

Да, мне кажется, я могу их определить... конечно, не всегда получается, я знаю. Но обычно у них совсем другие черты лица: носы большего размера и другая, более узкая форма лица, другая походка... Но чаще всего они слишком много говорят, и ведут себя по-другому. Почти всегда на вопрос они отвечают вопросом (приводит примеры из школьных лет); они чаще критикуют, говорят слегка напыщенно и в общем, агрессивнее — во всяком случае я замечаю это сразу же...

Е. Два типа евреев

Описанные выше стереотипы интерпретировались как средство псевдо-ориентации в отчужденном мире и одновременно как прием освоения

этого мира с помощью способности полно и точно классифицировать его негативные аспекты. «Проблематизированное» отношение приводит наполненного завистью и злобой индивида к позиции тех, кто рационально мыслит и различает утверждение о том, что евреи одинаковы, переводит проблему в сферу обдуманного и абсолютного знания, где нет больше так называемых «лазеек». Мнимая способность безошибочно идентифицировать еврея приводит, в конце концов, к притязаниям быть судьей в вещах, где приговор едва ли может быть окончательным. Наряду с этим есть еще один стереотип для «ориентации», заслуживающий более пристального внимания, так как он позволяет с большей точностью определить «топографическую» функцию и очень часто проходит в материалах опросов. Он преподносит «псевдорациональный» элемент в антисемитских предубеждениях более четко, чем рассуждения о «еврейской проблеме» — мы имеем в виду распространенное деление евреев на две группы — хороших и плохих. Чаще всего оно выражается в противопоставлении «белых» евреев и «кайков» (Kikes)⁴ Можно возразить — это деление объективно обосновано в связи с различной степенью ассимиляции евреев и поэтому не может рассматриваться как знак субъективного отношения. Мы можем показать, что это возражение не объективно, и в большей степени мы имеем здесь дело с типом поведения, независимого от структуры групп меньшинств, на которую оно направлено.

В предыдущих главах было установлено, что для ментального индивида с предубеждениями характерно мышление в застывшем контакте между своей и чужой группами. С помощью рассматриваемого нами в данный момент клише эта дихотомия проецируется на группу чужих или, в крайнем случае, на определенную группу. Вероятнее всего, данная тенденция частично связана с автоматизмом черно-белого мышления, которое имеет свойство «делить все на две части». Но это связано также с желанием сохранить видимость объективности при враждебном отношении, а, может быть, даже с тайными оговорами наделенного предубеждением человека, который не хочет полностью подчиниться образу мыслей, которые продолжает считать «запретными». Этот стереотип «двух типов» можно, таким образом, рассматривать как компромисс между антагонистическими тенденциями, свойственными индивиду с предубеждениями. Это дает основание предположить, что индивиды, осознающие это различие, в своих предубеждениях редко доходят до экстремальной черты. С точки зрения нашей «теории ориентации» нам следовало бы ожидать, что представление о «двух типах» является крайним средством для преодоления пропасти между общей стереотипностью и личным опытом. В этом случае «хорошими» представителями в группе чужих были те, кого субъект знает лично, а к «плохим», напротив, относились такие, по отношению к которым он в социальном плане более дистанцирован, то есть речь идет о дифференциации, которая явно связана с различиями между ассимилированными

и неассимилированными частями группы чужих. И это до известной степени подтверждается, хотя видно, что представление о «двух типах» во многих отношениях имеет такой неопределенный и абстрактный характер, что даже не совпадает с разделением на знакомых и незнакомых. Данное представление не может служить средством преодоления стереотипности, так как само по себе оно абсолютно стереотипно.

5007 (с высокими баллами на всех шкалах) замечает:

Большинство евреев, которых я знал, были белыми, и это очень приятные люди; евреи агрессивны, держатся друг за друга, наводнили собой все окрестности и интересуются только денежными вопросами. Во всяком случае — «не белые евреи». Я имею двойной опыт. Некоторые евреи относятся к очень приятным и образованным людям, из тех, кого я знал. Опыт общения с другими менее утешителен. В общем мне кажется, в свободных профессиях евреи на месте, а в сферах деловой жизни у меня против них есть много возражений.

Здесь становится ясным, как универсальная стереотипность, обозначенная списком «неприятных свойств евреев», вступает в конфликт со стереотипом дихотомии, более гуманной в этом случае. Она конкретизируется противопоставлением известный-неизвестный, однако усложняется при помощи второго различия — дифференциации между евреями — представителями свободных профессий (предположительно с более высоким уровнем образования и более высокой моралью) — и «торговцами», которым приписываются нечистоплотность в денежно-деловой сфере и мошенничество.

Классическая форма представления о «двух типах» скорее обнаруживается у уже упомянутого руководителя бойскаутов 5051, включающего в свои рассуждения также армян:

Возьмите, например, евреев. Во всех расах есть хорошие и плохие люди. Это мы знаем, и мы знаем также, что евреи — это не раса, а религиозное сообщество; однако сложность в том, что есть два типа евреев. Это — белые евреи и «кайки». Любимая моя теория, заключается в том, что белые евреи также ненавидят «кайков», как и мы. Я даже знал одного хорошего еврея — владельца магазина, который вышвырнул на улицу несколько «кайков», и объяснил это тем, что не хочет иметь с ними ничего общего.

Исследования об антисемитизме среди евреев, вероятнее всего, подтвердило бы эту его «любимую» идею. По меньшей мере, евреи, длительное время живущие в Германии, дискриминировали беженцев и эмигрантов с Востока. Утешение для себя они часто находили в мысли о том, что политика национал-социалистов направлена исключительно против евреев с Востока. Разграничение такого рода способствует, по всей видимости, ступенчатому

преследованию евреев (группа за группой) — с помощью приятной рационализации, что убрать нужно лишь тех, кто и так не свой. Это есть структурный элемент антисемитского преследования, когда вначале в этот процесс втягиваются лишь отдельные группы, затем он расширяется, и так без конца. Это и есть тот механизм, который с помощью клише о «двух типах евреев» приобретает свой угрожающий аспект. Различие между «белыми» евреями и «кайками», само по себе произвольное и несправедливое, обращено, в конце концов, также и против так называемых «белых» — «кайков» завтрашнего дня.

На примере *M1222m*, курсанта матросского училища, с высокими баллами по всем шкалам, видно, что различие связано не с объектом. Он дифференцирует евреев так, как это делают другие жители южных штатов в отношении негров. Здесь, по всей видимости, происходит разрыв между общими расовыми предрассудками и относительно свободным личным отношением и опытом.

(Еврейская проблема?) Отнюдь не такая напряженная. Я нахожу с ними общий язык. Евреи на Юге отличаются от евреев на Севере. Они не такие алчные. *(Возможно ли замужество дочери с евреем?)* О'кей, без проблем. В Гальвестоне есть множество еврейских семей. В Техасе нет предрассудков против евреев.

Такие исключения личного характера в высказываниях об евреях иногда выражаются следующим образом. Например, у *5003*, автора радиопередач, с легким антисемитским уклоном:

Об евреях он ничего не знает («Некоторые из моих лучших друзей — евреи»). Очевидно, клише о «некоторых из моих лучших друзей» приятным образом объединяет заслуги «человеческого интереса» — предположительно, личный опыт — с покорностью своему сверх-Я, серьезно не препятствуя при этом скрытой вражде.

Иногда уступки в отношении знакомых объясняются с помощью рассеянных в тексте замечаний расового характера, так что они получают слегка параноидный оттенок. Примером служит *F109*, девушка с высокими баллами на всех шкалах:

Отец ее — шотландско-ирландского, а мать — английско-ирландского происхождения. Сама она не идентифицирует себя с ними. «У меня старое чувство неприязни к евреям, некоторая антипатия к неграм. Евреи держатся вместе, корыстны, надувают других. Евреи делают большой бизнес. Кажется, что скоро они будут управлять страной. Я знаю несколько человек еврейского происхождения, которые действительно замечательные люди, но они не чистокровные евреи. У евреев — крупные носы, изящное телосложение, это маленькие хитрые люди. У женщин — темные волосы, темные глаза. Разговаривают они довольно громко».

Эта студентка, для которой наиболее важным является идея «воспитания», относится к категории людей со следами нечистой совести.

Она знает, что ее отношение отличается предвзятостью. Она считает, что сама нуждается в поучениях, и что ей самой следовало бы работать с представителями других рас.

Внутренняя слабость клише о «моем лучшем друге», хотя и стимулирующего человеческого опыт, но не претворяющего его в жизни, становится наглядной в следующей цитате, где линия между другом и «кайком» проходит таким образом, что и друг больше не признается в полной мере.

(Евреи?) Между евреями и не евреями существует разница. У меня очень славная подруга — еврейка. В наших отношениях это не играет ни малейшей роли, даже не смотря на то, что она состоит в объединении евреев *(Вам было бы приятно видеть ее в вашем объединении?)* Ну... (пауза)... думаю, я ничего не имела бы против. *(Допустили бы вы всех девушек-евреек?)* Нет, один еврей — о`кей, но если целая куча.. *(Что тогда произойдет?)* Они везде суют свой нос и хотят все держать под контролем — ради своих интересов они будут все заодно. Кайки такие же нечестные, как и были, когда приехали в страну. Их можно увидеть на Филморстрит в Сан-Франциско. С кайками я не общаюсь. Видимо, это связано с отношением к ним в нашей семье. Отец их терпеть не может — даже не знаю, почему. *(Нацисты?)* В этом не было необходимости — они имеют право на жизнь — нет причины убирать их, пока они не нарушают прав других. Я знала массу евреев в университете, с другими они почти не общались. Не думай же, что я просто болтаю. Я бы симпатизировала евреям, если бы у них не было типичных признаков — типичный нос, рот, голос. Присутствие еврея создает ощущение напряженности. Этот скрежещущий голос, длинный, острый нос. Я не могла бы назвать здесь антисемитские группы, но думаю, они есть.

Особого внимания заслуживает утверждение этой девушки — интервьюер характеризует ее как «чрезвычайно скованную» — что присутствие евреев создает атмосферу напряженности. Есть основания предположить, что это ощущение довольно распространено, и его едва ли можно приписать подавленному чувству вины или «чужеродности». Необходимо более детально исследовать конкретные формы проявления этой «чужеродности» в социальном контексте.

Отважмся на гипотезу, что причиной является некоторое беспокойство и неуверенность самих евреев в обществе не евреев, а также в известной степени и исторически обоснованное их противоборство против «стимулирующего» общения и невинной самозабывчивости с ее тенденцией наслаждаться мгновением. Поскольку речь здесь может идти о конкретном,

благоприятствующем формированию антисемитизма и независимом от традиционных стереотипов факторе, следует проанализировать этот комплекс в будущих исследованиях особенно тщательно.

Для иллюстрации нашего утверждения о том, что представление о «двух типах» евреев не связано с объектом, а в большей степени обусловлено структурой психики индивида, ограничимся двумя примерами: 5013 с высокими баллами на всех шкалах

испытывает по отношению к мексиканцам, японцам и неграм подобные чувства, как и по отношению к евреям. Во всех случаях он представляет своего рода дуалистическую теорию: есть хорошие японцы, которым можно позволить вернуться в Калифорнию, и плохие, которым следовало бы запретить это сделать. Мексиканцев, как и негров следует также разделять на две категории. Когда ей заметили, что людей ее круга следует также делить на хороших и плохих, она согласилась с этой точкой зрения, но возразила — линия раздела между хорошими и плохими в этом случае будет не такая резкая. Проблему негров она считает более серьезной, но поясняет, что в больнице, а она учится на медсестру, общается с цветными сестрами и врачами. Затем она рассказала длинную историю об одной негритянке, которая за ней ухаживала и сказала ей, что негры сами виноваты в таком к ним отношении, так как стремились к равноправию с белыми. Она полагает, что это была умная негритянка и соглашается с ее мнением.

Жители южных штатов часто применяют формулу о «двух типах» в отношении к неграм: негры с Юга заслуживают их одобрение, те же, что переселились на Север, подвергаются осуждению, так как требовали равноправия, на которое не имели права. Поскольку в глазах белых негры на юге более покорные и представляют собой более благоприятный объект для эксплуатации, это отношение с присущим ему рациональным обоснованием патриархального и феодального толка можно назвать полуреалистическим. Однако конструкция «двух типов негров» часто приобретает совсем иное значение, как например в случае с F340 (женщина с высокими баллами на шкалах F и PEC и средними на шкале E).

Негры сразу же становятся наглыми. Приходят на биржу труда и заявляют — и эта и та работа им не подходит. На бирже есть и другие — очень милые и интеллигентные. У нас тоже ведь есть люди приятные, а есть и плохие. Негры, которые постоянно живут в Окленде — эти в порядке. Но и они не знают, что делать с теми, которые приехали с Юга. Эти носят с собой ножи: если что не по ним, они быстро разделяются и вспорят тебе живот.

Здесь идея о «двух типах» очевидно переходит в манию преследования.

Ф: Дилемма антисемита

Если антисемитизм является «симптомом», выполняющим в психике субъекта «экономическую» функцию, то можно предположить, что данный симптом не природного происхождения, а сформировался на основе конфликта. Его иррациональность возникла именно благодаря психическим силам, принуждающим индивидуума по крайней мере в некоторых сферах отказаться от принципа реальности. Предубеждения можно рассматривать как результат конфликта, однако здесь нас меньше заботят клинические доказательства детерминант конфликта, чем следы конфликта в самом явлении антисемитизма. Некоторые доказательства к этому пункту мы уже приводили выше. Представление «проблемы» и дихотомия, приложимая к группе чужих, представляют собой своего рода компромисс между собственными влечениями и враждебными стереотипами, с одной стороны, а также требованиями совести и весом конкретного опыта, с другой. Интервьюируемые, «обсуждающие» проблему евреев, обычно стремятся по меньшей мере в формальном плане сохранять известные пропорции, хотя содержание их рациональных рассуждений ничтожно, а сама мнимая благоразумность искажена инстинктивным началом, которое следовало бы контролировать.

Как правило, сами *H* обозначают конфликт такой фразой: «Мне не следовало бы, но ...», которая является результатом примечательного сдвига. Как мы уже отмечали, антисемит разрывается между негативным стереотипом и личным опытом,⁹ который находится в противоречии к этому стереотипу. Как только он начинает анализировать свое поведение, то отношение между стереотипом и опытом меняются и он рассматривает терпимость как всеобщий закон, как стереотип, и персонализирует стереотип собственной вражды, представляя ее как неизбежный результат опыта или идиосинкразию, которая оказывается сильнее, чем он есть на самом деле. Частичное объяснение этому мы находим в официальной демократической идеологии, которая считает предубеждения чем-то неверным, частично в сверх-Я, которое будучи психическим агентом общества в индивидууме, приобретает обычно некую универсальность, которая легко представляется субъекту, гонимому между его желаниями и удовлетворением инстинктов, как «застывший закон». Однако это едва ли дает исчерпывающее объяснение. Противоречие между стереотипом и опытом ставится на службу предвзятости. Обладающий предвзятостью индивид испытывает неясное чувство, что содержание стереотипа является воображением, а истиной становится собственный опыт, однако движимый глубинными психологическими причинами он держится за стереотип. Этого он добивается, превращая клише в выражение личного своеобразия, а антистереотипные элементы, напротив, превращая в абстрактные обязательства, причем потаенные убеждения помогают ему осознать, что

мнимые клише терпимости в общественной реальности совсем не так сильны, как он себе это представляет. На самом деле он хорошо понимает, что протестуя по якобы сугубо личным мотивам против таких ключевых понятий, как демократия или равенство, он, в действительности, движется в мощном общественном течении. Но тем не менее, одновременно, он хочет иметь репутацию искреннего и независимо действующего человека, не поддающегося влиянию чужого мнения. Помимо этого он ссылается на то, что собственные чувства всегда сильнее, чем все конвенции, что он просто должен им следовать, и что его предрассудки одновременно являются фатальностью, бороться с которой бесполезно. По-видимому, в этой форме конфликтная ситуация антисемита часто рационализируется в пользу предубеждения.

Объективно она манифестируется в характерном противоречии: противоречии между общим требованием непредвзятости, с одной стороны, и предубеждением в высказываниях, с другой стороны, в случаях, когда нужно отвечать на специальные вопросы.

5056, 29-летняя домохозяйка с высокими баллами на всех шкалах утверждает.

что ни она, ни ее муж не питают особых антипатий по отношению к какой-либо группе. (Это объяснение интересно, если противопоставится высокому числу баллов по шкале *E* и следующему высказыванию). «Негры должны оставаться с себе равными. Я не хотела бы, чтобы моя племянница вышла замуж за негра, не хочу я иметь и негров-соседей.» Для интервьюируемой негритянский вопрос является «вероятно самой серьезной проблемой меньшинств». Она предпочитает «методы юга», по ее мнению, большинство негров живут там счастливо. Собственно, они должны были бы иметь свое государство. Это не означает, что мы не должны больше обращать на них внимание. Раздельное государство было бы не плохой идеей, так как, хотя мы и будем управлять ими, они, тем не менее, смогут иметь там собственную администрацию.

Существующий конфликт едва ли можно выразить более аутентично, чем в противоречии последнего предложения. В отношении евреев опрашиваемая пытается высказать непредвзятую точку зрения:

интересно наблюдать, как энергично она выступает против смешения проблемы негров и евреев, когда в интервью они не расчлняются. «Я охотнее бы общалась с евреями, — в самом деле, у меня среди них есть друзья. Некоторые из них — бесстыдны, но и среди не евреев ведь тоже есть такие».

Но когда речь заходит о ее «личном» отношении, она подчиняется стереотипу и разрешает конфликт его пассивным приемом, фактически приводящим к одобрению антисемитизма.

Отвечая на вопрос о внешнем облике евреев, она сначала упоминает «еврейский нос». Кроме того, она считает, что евреи имеют целый ряд только им присущих черт характера, которые всегда остаются неизменными «Они постоянно хотят спорить, некоторые из них жадны (хотя есть и другие, некоторые великодушны); в разговорах они чрезмерно жестикулируют и их речи драматичны.» Она полагает, что антипатия к евреям усиливается, однако возражает против этой тенденции. «Мне кажется, мы несколько эгоистичны, действуя подобным образом, именно в том, в чем упрекаем евреев». Она не хочет слышать о наказаниях евреев, однако она не стала бы и защищать их в спорах. По-видимому, это является как функцией ее антипатии к аргументации, так и равнодушия к вопросу об антисемитизме вообще.

Субъективное отражение конфликта между стереотипом и опытом эксплицируется в высказываниях M1230a, (со средним числом баллов).

(Что вы думаете о проблеме расовых меньшинств?) Да, для прибывающих иностранцев это не простое дело. Здесь ведь просто какая-то плавильня. Не слишком ли многим дали возможность въехать в страну? А потом еще и проблема негров... Я пытаюсь быть либералом, но ведь я вырос в южных штатах. Не думаю, что когда-нибудь я соглашусь на то, чтобы предоставить неграм равные во всех отношениях права. Но эти иностранцы, к ним питают естественную антипатию. Однако все мы были когда-то иностранцами...

Дилемма антисемита резюмируется в следующих словах студентки 5005, с высоким числом баллов на шкалах F и E и низким на шкале PEC.

Думаю, в отношении евреев не должно быть никакой проблемы. Нельзя никого дискредитировать, а нужно оценивать людей по их личным заслугам. Мне не нравится, что говорят о какой-то проблеме Несомненно, я против предрешений. Евреи агрессивны, у них дурные манеры, держатся они всегда вместе, они интеллектуальны, чистоплотны, заполнили собой окрестности, производят много шума и слишком сексуальны... Однако, я признаю, что мое мнение не подкрепляется достаточно большим собственным опытом, однако я слышу об этом каждый божий день. В школе у нас мало учеников-евреев, и то, что я дружу с девушкой, об этом я уже говорила.

Здесь противоречие между суждением и опытом представляет интерес тем, что предрешение можно объяснить лишь сильными психическими импульсами.

G: Обвиняющий в роли судьи

С идеологической точки зрения, в конфликте антисемита заложены обычные культурно «апробированные» стереотипы предрешения в споре

с официально доминирующими масштабами демократии и принципом о равенстве людей. С психологической точки зрения это, с одной стороны, некие подсознательные или подавленные влечения Оно, а с другой стороны сверх-Я, либо его более или менее выраженный конвенциональный суррогат. На основании представленного здесь материала едва ли можно предсказать или даже дать удовлетворительное объяснение тому, как разрешается конфликт в каждом конкретном случае, хотя все говорит о постоянно усиливающихся предубеждениях, как только они вообще могут в какой-либо форме внедряться в манифестированный образ мышления. Кроме того, в этих случаях мы можем ожидать такого исхода конфликта, в котором речь идет о потенциально фашистской структуре характера. Если конфликт в индивидууме направляется против евреев, то эта точка зрения почти всегда приобретает рационально-морализаторский характер. Похоже, что внутренние силы предубеждения, преодолев противоборствующие устремления, празднуют победу тем, что подчиняют себе противоборствующую энергию. Сверх-Я становится рупором Оно — впрочем, эта динамическая констелляция не совсем чужда психоанализу. Выраженные в антисемитизме влечения мы можем обозначить словом «обвинитель», а совесть словом «судья» в индивидууме, и можем сказать, что они связаны друг с другом. В полном предубеждений характере пародии евреи должны увидеть судебное разбирательство. Отчасти это психологически объясняет, почему столь малы их шансы успешно защищаться от надлежных предубеждениями индивидуумов. Этой схеме и следовала судебная практика Третьего рейха. У евреев никогда не было возможности защищать себя, ни в частных процессах, ни в целом. Позднее будет видно, что отчуждение сверх-Я с помощью фашистского характера, связанное с бессознательным чувством вины, которое любой ценой нужно заставить замолчать, в значительной степени способствует трансформации и «культурной дискриминации» в ненасытимую вражду, питаемую разрушительными инстинктами.

Существует однозначная улика, объясняющая, что сверх-Я подчинено антисемитской идеологии — это утверждение того, что за все, что пришлось пережить евреям, в особенности за национал-социалистический геноцид, ответственность несут не убийцы, а жертвы. Антисемит пользуется клише, которое, вероятно, делает эту мысль раз и навсегда приемлемой: мысль о том, что «евреи сами навлекли на себя то», что «это» также стало возможным. M107, молодой человек (ответил на все вопросы с +3 или -3) является удачным примером, иллюстрирующим рациональный подход, подчиненный сомнительной логике, заключенной в поговорке «нет дыма без огня»:

Я никогда не мог понять, почему Гитлер так бесчеловечно к ним относился. Видимо, на это имелись какие-то причины, которые подтолкнули его на это. Некоторые говорят, ему было необходимо утвердить свой

авторитет, но я в этом сомневаюсь. Предполагаю, что евреи во многом этому способствовали сами.

О том, как моралистическая конструкция вины евреев ведет к полной подмене жертвы и убийцы убедительно иллюстрирует 5064 (руководитель группы бойскаутов, по профессии мясник. Высокое число баллов по шкале *E* и *F*, при низком их числе на шкале *PEC*). Официально вменяя немцам жестокость, он делает неожиданное предложение:

Ни один американец не может одобрить то, что нацисты причинили евреям. Я действительно считаю, что евреи предпримут что-либо еще до того, как здесь произойдет что-то подобное. Решение кроется в воспитании, в особенности, когда это касается меньшинств.

По-видимому, этот тип духовной перверсии использует идею из фонда традиционной либеральной мудрости: помоги себе сам, тогда тебе поможет и Бог. Евреи в опасности, и они сами должны позаботиться о себе. В культурной атмосфере, где успех стал главным масштабом всех ценностей, критическая ситуация евреев превратилась в аргумент против них самих. Близость этого отношения к идее «Нет сочувствия бедным», изложенной в главе о *PEC*, нельзя проигнорировать. Близким к этому является образ мыслей другого руководителя группы бойскаутов, 55-летнего, родившегося в Австралии, 5044, с высокими показателями на всех шкалах:

Евреи, а не кто-то другой должны что-то предпринять. Ведь не кому-то, а им самим, грозят серьезные трудности. Они должны наступать на пятки другим. Пока евреи провоцируют отношение к себе, политика национал-социалистов, направленная на их искоренение, будет либо оправдана, либо, несмотря на все доказательства противоположного, будет рассматриваться как преувеличение со стороны самих евреев.

Еще один пример. *H, M359*, начальник цеха фабрики кожевенных изделий, один из тех, у кого «много добрых друзей среди евреев». Несмотря на высокие баллы на шкале *E* и *PEC*, хотя и более низкие на шкале *F*, в интервью он говорит:

(*О мерах по отношению к евреям со стороны фашистов?*) Невозможно убедить меня в том, что эти меры были направлены лишь на евреев. Мне представляется, что это пропаганда самих евреев, чтобы, преувеличивая свои страдания, вызвать сочувствие и получить поддержку, хотя политику нацистов по отношению к другим народам я не одобряю.

В его псевдорациональных высказываниях о Палестине проявляется жестокость, сосуществующая с полуапологетическим отношением к националистам. Внешне он хотел бы «дать евреям шанс», однако в то же

время не признает за ними право на успех в будущем, указывая на якобы их неизменно дурную предрасположенность.

(Решение проблемы?) Было бы глупым отправить их в Палестину, так как это не рационально. Хорошо, если у них будет своя собственная страна, однако достаточно большая, чтобы им можно было продолжать заниматься бизнесом, но это не принесет им счастья. Евреи счастливы только тогда, когда могут заставить работать на себя других.

Разъяснения, что евреи сами во всем виноваты, привлекаются для рационального обоснования деструктивных желаний, которые иначе бы цензура Я не пропустила. Некоторые из опрошиваемых представляют это утверждение в качестве факта. Например, 5012a, 21 года, бывший унтер-офицер военно-морского флота с высокими баллами на всех шкалах.

Не могу иметь с ними ничего общего. Они вызывают раздражение, но угрозы не представляют. Получают они то, что заслуживают своим поведением.

F103 (относящаяся к группе H и перешедшая из сферы образования в области социального обеспечения в сферу архитектуры по интерьеру) выпускает кога из мешка:

Я не упрекаю нацистов за то, как они обошлись с евреями. Знаю, это звучит жутковато, но если евреи вели себя там так же как здесь, то нацистов я не осуждаю. Ничего плохого евреи мне не сделали, но как они себя ведут. Никогда не помогают ближнему — это их кредо.

Здесь отношение между желанием гибели и рационально-морализаторским объяснением принимает ужасающие формы. Хотя опрошиваемая и подчеркивает иррациональность своего отношения, однако это не мешает ей рационализировать врожденную, по ее мнению, порочность евреев. Признание того, что у нее не было отрицательного опыта в общении с евреями, высветляет важный аспект антисемитского экстремизма — фантастическую диспропорцию между «виной» евреев, даже если она наблюдается глазами антисемита, и провозглашаемым приговором. Мы уже упоминали, какую роль играет жажда возмездия у наделенных предубеждением индивидов. Люди часто жалуются, что никогда не получают того, что им причитается, их эксплуатирует каждый. Чувство, что ты обманут, сочетается с сильным желанием обладать и присваивать. Поэтому, когда опрошиваемые говорят о «справедливости» по отношению к евреям, то при этом в действительности они выражают свое пожелание той несправедливости, где обмен эквивалентами заменяется распределением на основе неожиданных и иррациональных силовых отношений. В негативном смысле

это обращается против евреев: им следовало бы получить значительно более суровое наказание, чем они «заслуживают». Обычно, даже очень агрессивному человеку не придет в голову мысль приговорить кого-либо к смерти за плохое поведение или даже за обман. Однако, если речь заходит о евреях, то, видимо, переход от обвинений, которые не только не обоснованы, но даже если бы и имели под собой реальную почву, и тогда были бы несущественны, к строгому наказанию происходит без помех. В этом проявляется одна из зловещих черт потенциального фашистского характера.

Логическое свойство стереотипа — обстоятельство, что ими все суммируется и не допускается никакого отклонения, не только благоприятствует определенным требованиям для лиц с предубеждениями, оно также является непосредственным выражением психической склонности, которую в целом, вероятнее всего, можно понять лишь в связи с теорией паранойи и параноидной «системы», которой постоянно свойственна тенденция, впитывать в себя всю информацию и не относиться терпимо ко всему, что не покрывается формулой субъекта. Индивид с крайней тенденцией к предубеждениям склонен к «психическому тоталитаризму», являющемуся своего рода микроскопическим образом тоталитарного государства, к которому, он стремится. Ничто не может оставаться незадействованным, все должно быть подчинено идеалу—Я в застывшей и гипостатической группе своих. Группа чужих, то есть избранный враг, представляет собой вечный вызов. Пока что-то в нем самом остается не таким, фашистский характер испытывает угрозу, независимо от того, каким бы слабым не был другой. Кажется, что антисемит не может спокойно заснуть, не трансформируя весь мир в параметры параноидной системы, идеями которой он одержим. Национал-социалисты далеко вышли за рамки своей антисемитской программы. Это механизм полного несоответствия между «виной» и «наказанием»: экстремистский антисемит просто не может остановиться. Останавливаясь на присущей ему архаичной логике, которая в большей степени тяготеет к ассоциативным переходам, чем к дискурсивным заключениям, он от относительно сдержанных обвинений доходит до самых диких выводов, которые, в конце концов, выливаются в провозглашение смертного приговора тем, кого он в буквальном смысле слова «не может терпеть». Этот механизм встречается нами в материалах интервью в других исследованиях, где опрошиваемые часто «вступали в разговор» об антисемитизме. Схема наших интервью была слишком стандартна для того, чтобы понять этот феномен. Однако в отдельных случаях мы получили утвердительное доказательство крайнего несоответствия между виной и наказанием. Здесь «отчуждение» сверх-Я с помощью антисемитского морализаторства, требующего наказания, раскрывается во всей своей полноте. Оно отбрасывает последнее препятствие на пути к психическому тоталитаризму. Ничто не сдерживает ассоциативное крещендо деструктивных идей. Ненависть порождается и усили-

вается почти автоматическим и насильственным способом, абсолютно чуждым Я и безотносительно к эмпирическому объекту. С социологической точки зрения несоответствие между виной и наказанием показывает, что для экстремистского антисемитизма идея рационального закона стала несостоятельной, сколько бы он не говорил о порядке и формалистических изощрениях. Он готов пожертвовать своей идеологией равных прав, добившись себе возможности отхватить львиную долю. С психологической точки зрения представление о извечной вине евреев можно понять как проекцию собственного вытесненного комплекса вины антисемита. С идеологической точки зрения оно является сопутствующим явлением, рационализацией в строгом смысле слова. В экстремальном случае основной задачей является желание устранить объект ненависти. Лишь после этого антисемит ищет причины, согласно которым евреи «должны» быть уничтожены, и эти причины никогда не являются достаточными для того, чтобы в полной мере оправдать фантазии, направленные на их искоренение. Однако и это не ведет к «излечению» антисемита после того, как ему уже удалось однажды достичь отчуждения совести. Несответствие между виной и наказанием скорее принуждает его подчиниться своей ненависти для того, чтобы доказать себе и другим, что он «должен» быть правым. Это является конечной функцией таких представлений, как сформулированных в формуле «евреи сами навлекают это на себя», либо обобщения «в этом что-то есть». Экстремистский антисемит заставляет замолчать остатки голоса совести за счет экстремальности своей позиции. Очевидно, терроризируя других, он должен терроризировать и себя. Этот псевдосудебный процесс рационализации, осуществляемый индивидом с предвзятым взглядом в отношении евреев, иногда приводит к их своеобразной защите. Однако он сильно напоминает практику судов национал-социализма: допускается он лишь для удовлетворения формалистического и выхолощенного желания легальности, пустой оболочки отчужденной совести. Защита всегда должна быть бессильной; даже то доброе, что говорится о евреях, звучит как язвительный и лживый вариант стандартных обвинений. Так, например, частые ссылки на мистическую и складную семейную жизнь евреев, которые, хоть и в достаточно прозрачной форме, но скрывают в себе обвинения в их заговорческой солидарности. Они сопровождаются лицемерными заверениями, что эти черты евреев достойны зависти, однако по сути эти слова означают, что в жизни антисемиту гораздо хуже, так как благородство натуры не позволяет ему использовать свое преимущество. Другим наблюдаемым нами в интервью типом защиты евреев является утверждение, что они так умны, столь хитрее не евреев, поэтому и достойны восхищения. Лежащий в основе этого механизм включает в себя две системы ценностей, которые в современной культуре утверждаются параллельно. На одной стороне расположены «идеалы» великодушия, самоотверженности, справедливости и любви, которым воздается словом; на

другой стороне – такие критерии как успех, результат, социальный престиж, с которыми нужно считаться в практической жизни. Обе эти системы ценностей используются в отношении евреев как бы наоборот: евреев хвалят, поскольку они мнимо или на самом деле живут по масштабам, на которые антисемит ориентируется в действительности. одновременно они подвергаются проклятию, так как нарушают моральный кодекс, от которого он с успехом освободился. К фразеологии совести прибегают с тем, чтобы потребовать возврата морального кредита, предоставленного «избранному врагу» для того, чтобы успокоить собственную совесть. Воздаваемая евреям хвала служит еще и подкреплением доказательства их заранее установленной вины.

Следующий пример. 5039 (27-летний студент с высокими баллами по шкале *E* и средними по шкалам *PEC'* и *F*), наряду с другими свойствами предубежденного типа мышления иллюстрирует вышесказанное: опрашиваемый характеризуется интервьюером как «довольно эгоцентричный тип»:

В знак протеста против наставлений отца он отошел от церкви, однако в значительной мере еще продолжает причислять себя к христианам, противопоставляя их евреям. Он объясняет это тем фактом, что рос единственным христианином в окружении евреев, где давали чувствовать свое аутсайдерство. Он видит очень большое различие в религиозном воспитании христиан по сравнению с воспитанием евреев, на котором в значительной степени и лежит ответственность за несовместимость этих двух религиозных групп. Он объясняет это так: в христианской религии подчеркивается пацифистская идея «подставь другую щеку», которая приводит к формированию покорности и неуверенности среди молодежи, в то время как религия евреев, основываясь на идее: «ваши отцы страдали, теперь пришел ваш черед показать, кто вы есть», стимулирует к агрессивности и достижению успеха. В связи с этим он полагает, что истинно благочестивый христианин всегда будет «вытеснен» честолюбивым евреем... По-видимому, он не осознал, что делал обобщения на основе своего особого опыта и контакта с окружением.

О том, что объективность рефлексии о так называемом реалистичном воспитании, стимулируемым религией евреев, всего лишь притворство, а реальность является только предлогом для безграничной вражды, свидетельствуют ответ этого студента на вопрос о преступлениях Гитлера:

Думаю, будь я в то время в Германии, я сделал бы то же самое. .
Предполагаю, что и сам смог бы стать нацистом. Дисциплину считаю полезной вещью...

В то время как опрашиваемый открыто демонстрирует свою враждебность и ограничивается воображаемыми недостатками не евреев в

соперничестве с евреями. Иногда с видом ложной скромности преподносится идея о хитрости. Например, в случае с *M104* (бывший студент технического университета, сменившего его на факультет правоведения).

Говорят, нашей страной правят капиталисты-евреи, в их руках сконцентрирована вся власть. Если это так, то это значит, что наши люди недостаточно хитры. Если наши люди знают, как устраивают свои дела евреи и не могут делать так же, то это даст евреям большие власти. Если им известно, как устраиваются евреи, то они должны сами делать то же самое». Он «не признает», что другие не так хитры как евреи. Однако это следовало бы признать, так как евреи-капиталисты управляют этой страной и если они хитрее нас, то и пусть управляют ею.

Однако в самом великодушии заключительной части этого высказывания имплицитно нечто мрачное. Достаточно незначительного перемещения акцентов, чтобы трансформировать его в мысль о том, что благодаря своему пагубному уму евреи управляют страной «и нам нужно от них избавиться». Это возможно лишь насильственным способом, так как их хитрость делает легальные меры недейственными. Мысль, что идея о достигаемом хитростью всемогущества евреев является ничем иным, как проекцией, с особой точностью выраженной в случае с *F105* (женщина с высокими баллами на всех шкалах). Вследствие перенесенного в детстве паралича она стала инвалидом. Она завершает представление о хитрости евреев (о евреях, «которые прибрали к рукам деловую жизнь страны») предсказанием кровавого восстания против евреев, предсказанием, которое представляет собой лишь слегка завуалированную проекцию собственной жажды антиеврейских погромов:

Белые решили, что мы то, что нужно — в сравнении с черными и желтыми. Я думаю, что после окончания войны произойдет восстание евреев. Против них я собственно ничего не имею. Те из них, с кем я соприкасалась, были очень приятны. Конечно, я встречалась и с такими, терпеть которых было невыносимо. (*Что в них было вам неприятно?*) Очень громкие и любят, чтобы на них обращали внимание. Всегда стремятся быть впереди. Я слышала, как они предавали друзей и т.п. Однако, прежде чем поверить, я должна сама в этом убедиться. (*О восстании?*) Думаю, здесь произойдет кровопролитие. (*Вы считаете это оправданным?*) Без сомнения они захватят здесь власть в деловой сфере. Не считаю правильной поддержку беженцев в том виде, в каком ее им здесь оказывают. Думаю, им самим следовало бы позаботиться о своих делах.

Примечательно, что опрашиваемая не говорит честно о том, чья собственно кровь прольется. Она обвиняет не существующих евреев-зачинщиков в желаемых ею беспорядках, однако оставляет открытой проблему, не сами ли евреи станут жертвами восстания. Но это не все. У крайних антисемитов

идея о «пролитой крови», по-видимому, становится самоцельной. В глубине сознания они уже не делают отчетливого различия между субъектом и объектом. Скрытый здесь инстинкт разрушения в равной мере относится как к врагу, так и к собственной персоне: деструктивность, поистине, тоталитарна.

В качестве резюме, касающегося структуры антисемитского экстремизма, о котором речь шла в данном разделе, приведем довольно подробные высказывания единственного опрошиваемого, который открыто признает идею геноцида. 5006 — студент, медик-стоматолог, с высокими баллами на всех шкалах, страдает дальтонизмом и психогенной импотенцией, вызванной по мнению интервьюера сильно развитым эдиповым комплексом. Его сильное желание искоренить евреев является предположительно следствием тяжелых травм в раннем детстве — проекциями страха собственной кастрации. Чувство неосознанной слабости, по-видимому, сопровождает его гипертрофированную идентификацию с группой своих: он не хочет знать ничего иного, вероятнее всего потому, что считает это опасным.

Он — коренной американец, его дед приехал сюда в четырехлетнем возрасте. Никогда не был за пределами страны и не желал бы куда-нибудь поехать. Один раз был в Тихуане и «этого хватит» очень гордится тем, что американец.

По его мнению, потенциальная сила является характерным признаком меньшинств: «Сложности с евреями происходят от того, что они слишком сильны». Сила групп выражается, по его мнению, в символах потенции, т.е. плодородия и богатства:

Конечно, проблема здесь существует. Негры размножаются с такой скоростью, что скоро заселят весь мир, а евреи получают все деньги.

О причине своего антисемитизма он говорит следующее:

У меня никогда не было положительного опыта общения с евреями. (Однако, во втором интервью он смягчает это высказывание — он вспомнил, что однажды в колледже его как спортсмена прихватили с собой на личной яхте в Каталину «очень приягные евреи».) Они постоянно пытались обмануть его и его семью, беспринципны во всем. Он рассказал длинную историю, которую я не смог записать полностью, историю о меховом пальто, которое он хотел купить к рождеству своей матери. Продавец-еврей неверно прочел чек и назвал цену на 100 долларов ниже правильной. Они оформили покупку, и после того, как продавец заметил ошибку, он настоял на том, чтобы взять пальто. С удовлетворением он заявил: «В этом случае я обманул еврея чисто по-еврейски».

Его ссылки на отрицательный опыт общения с евреями остаются довольно расплывчатыми, исключая случай, когда он обманул еврея «по-еврейски», и являются дальнейшим доказательством проективного характера темы «хитрость». Исключение составляет случай с богатым евреем, владельцем яхты, он свидетельствует о путанице в антисемитских взглядах студента, обуславливающей формирование его классового сознания. Национал-социалистам также требовалось какое-то время для того, чтобы убедить себя, своих сторонников и наиболее состоятельные группы евреев, что и они (последние) должны разделить участь бедных скототорговцев и иммигрантов с Востока.

Принципы индивидуализма он сам себе объясняет следующим образом:

К ним следует относиться как к индивидам, однако, в конечном счете все они одинаковы.

Конечно, «каждый может определить еврея». Различия между группой своих и группой чужих получают почти метафизический смысл: воображаемая возможность исчезновения этой дихотомии исключается:

Я не мог бы быть евреем.

К проблеме соотношения вины, наказания и их следствиям, он находит не имеющую себе равных формулировку:

Я думаю, все, что Гитлер сделал с евреями, было вполне нормальным. Когда у меня были сложности с конкурентами, я часто думал: «вот сюда бы Гитлера». Нет, я не за легализацию дискриминационных мер. Думаю, что придет время, когда мы должны будем уничтожить этих ублюдков.

Н: Неприспособившийся буржуа

Анализ привел нас к крайнему выводу в отношении антисемитизма – неприкрытому желанию искоренения евреев. Сверх-Я экстремиста становится безудержной, агрессивной инстанцией. Мы видим, что эти выводы завершают присущую антисемиту иррациональность, устанавливая абсолютную диспропорцию между «виной» и наказанием избранной жертвы. Однако антисемитизм не исчерпывается старой формулой, сформулированной Лессингом в «Натане Мудром»: «Ничего не делайте, еврей будет уничтожен огнем». Еврей будет уничтожен огнем в любом случае, независимо от обстоятельств и оттого, что бы ни говорили в его пользу. Иррациональный и безжалостный, неограниченный во времени вердикт поддерживается с помощью небольшого числа предъявляемых евреям стерео-

типных обвинений, которые, поскольку они глубоко иррациональны, создают видимость оправдания для вынесения смертного приговора. Так как сущность евреев изображается как безнадежно скверная, испорченная с самого рождения, то ничего не сможет измениться и примирения не произойдет. Чем неизменнее выступают негативные свойства евреев, тем отчетливее становится единственный путь «решения» проблемы: искоренение тех, кто не хочет исправляться. Эта схема квазиестественной неисправимости для антисемита гораздо важнее, чем содержание его стандартных упреков, которые часто довольно безобидны и не имеют отношения к выводам, к которым они побуждают тех, кто ненавидит. Эти упреки так широко известны и распространены, что излишне приводить дополнительные доказательства их частотности и интенсивности, однако стоит разобраться в некоторых аспектах, которые выявились в материале интервью и высветили этот феномен.

Представляется полезным исследовать упреки с социологической точки зрения. Группа опрашиваемых состояла преимущественно из представителей среднего класса, сан-квентинская группа была единственным примечательным исключением. Принадлежность ее представителей к люмпен-пролетариату, а также их опыт пребывания в тюрьмах со свойственным ему акцентом «официального» морального кодекса не дает возможности противопоставить эту группу другим группам опрашиваемых в аспекте их отождествления с рабочим классом. Здесь, у нас такое отождествление в целом даже среди рабочих не очень типично. Общий характер принадлежности наших опрашиваемых к среднему классу специфическим образом окрасил основные обвинения против евреев. Если наша основная гипотеза о глубоком проективном характере антисемитизма оказывается правильной, тогда в социальном аспекте евреев следует упрекать за те свойства, которые касаются уязвимых моментов в классовом отождествлении различных групп с антиеврейскими предубеждениями, как бы зыбко это не было с социологической точки зрения. Для истинного пролетария еврей — это, в первую очередь, буржуа. По-видимому, рабочий видит в нем прежде всего посредника из сферы обращения, исполнителя капиталистических тенденций. Еврей, по их мнению, — это тот, кто представляет «финансовую сферу».

Несколько иное представление, по-видимому, проявляется у антисемитов, принадлежащих к среднему классу. В известной степени этот класс испытывает такую же угрозу своему экономическому существованию, как и евреи. Представители среднего класса сами вынуждены обороняться и отчаянно борются за сохранение своего статуса. Поэтому их точка зрения является полной противоположностью тому, что высказывают рабочие, а именно, что еврей не истинные буржуа, что они в действительности не относятся к этому классу.

Когда представители среднего класса наделяют еврея признаками неудавшегося отождествления с этим слоем, субъективно они, по-видимому, поднимают статус своей группы, существованию которого угрожают процессы, не связанные со взаимоотношениями между своей и чужой группой. Антисемит — представитель среднего класса, вероятнее всего, будет рассматривать еврея как неприспособившегося буржуа, как потерпевшего фиаско, который не в состоянии жить по меркам современной американской цивилизации, как устаревший, неудобный пережиток прошлого. Действительно, слово «неприспособившийся» (*misfit*) использовали в интервью некоторые из опрашиваемых с предубежденным отношением к евреям. Чем меньше евреи удостоверяют себя как законные представители среднего класса, тем легче можно исключить их из группы, которая в вакууме монополизации и без того склоняется к арьергарду. Если захватнический комплекс, который рассматривается в главе, повествующей о политике и экономике, действительно относится к общей идеологической схеме, то для потенциально-фашистского мышления еврей становится узурпатором *par excellence**. Он — уличный торговец, нахально выступающий в маске respectable буржуа или делового человека.

Характерные антисемитские замечания в материалах интервью идут в этом направлении, хотя в них имеют место и мотивы «пролетарского» антисемитизма, как например, идея об еврее-эксплуататоре, или об евреях, уклоняющихся от тяжелого физического труда. Различие между пролетарским и буржуазным антисемитизмом не следует преувеличивать. Нередко черты, которые рабочие приписывают евреям, содержат аспект «неприспособившегося буржуа». То, что рабочему кажется симптомом эксплуатации, для среднего класса может легко превратиться в упрек в бесчестии, в вопиющее нарушение буржуазной морали, к важнейшим принципам которой относится хвала честному труду. Рассматриваемые здесь клише не связаны с классовыми барьерами, изменяется лишь их функция и результатом этого становится перестановка акцентов.

В представлениях «неприспособившихся буржуа» отчетливо выделяются три группы мотивов: слабость евреев и корреляты их психики; отождествление евреев со средним классом как сверхкомпенсация, которая в значительной степени не имела места; глубокая нелояльность евреев по отношению к классу, к отождествлению, с которым они напрасно стремятся — нелояльность, которая воспринимается как выражение неудавшихся попыток их отождествления и их природы, т.е. природы изолированной, нежеланной и закрытой группы. Первые два упрека нуждаются в известном объективном обосновании. Имеется достаточно доказательств мазохизма евреев — например, новейшие исследования Антона Лурье, — и основ мазохизма в психологии религии. Напротив, третий упрек, по-видимому,

**Par excellence* — (*фр.*) по преимуществу, в особенности.

является преимущественно проективным и представляет собой одно из основных рациональных толкований желания «освободиться от всей этой банды».

Идея о слабости евреев обобщенно представлена в высказываниях *F114*, медсестры, частично еврейского происхождения, с высоким числом баллов на всех шкалах:

У меня есть кузен. Он любил меня и хотел на мне жениться. По происхождению он больше еврей, чем я. Я его любила, но не хотела выходить за него замуж. Я объяснила ему причину — ведь он же еврей. Сейчас он женат на не еврейке, у них двое детей. Он большой антисемит, чем я. Это относится ко многим евреям — как будто они парализованы или горбаты. Это вызывает у них ненависть или досаду.

Возможно, типичным является то, что часто откровенно в таком роде о слабостях евреев высказываются сами евреи, или, в более позитивном ключе, интервьюируемые с низким количеством баллов. Опрашиваемые с предвзятой точкой зрения, чья ненависть вызвана слабостью, в большей степени склонны к тому, чтобы подчеркнуть сильную сторону евреев, которые «приобретают чрезмерное влияние» и «обладают всем». Примером такого отношения *N* к слабостям евреев является высказывание *5055*. в остальном очень либерально настроенного 73-летнего старика с низким числом баллов на всех шкалах. Он находит,

что философия самозащиты евреев привела к такой ситуации, которая вызывает вражду других людей.

У экстремистски настроенных людей знание о слабостях евреев иногда приводит к отождествлению: они сознательно сами принимают на себя роль евреев, чтобы противостоять своим враждебно настроенным к евреям знакомым, может быть и неосознанно, для того чтобы искупить грех антисемитизма, так как по меньшей мере в символическом плане подвергаются тем же унижениям, которым, как им известно, подвергаются и евреи. Иллюстрацией этого может служить точка зрения 20-летнего, несколько невзрачного декоратора интерьеров, *5028*. Он открыто выступит против отца, однако сильно связан с матерью.

Опрашиваемый и его сестра сходятся в том, что оба в восторге от евреев. Он рассказал о шутке, которую они разыграли с одним из родственников их отца, который как отец тоже ярый антисемит. Родственника они уверили в том, что его прадед по материнской линии был евреем. Опрашиваемый пояснил, что многие члены его семьи по материнской линии «выглядят немного по-еврейски, так как у них длинные носы». Кузен по отцовской линии, которому они это рассказали, от одной

мысли «чуть было не совершил самоубийство». Опрашиваемый спонтанно заметил, что возможно одной из причин его симпатии к евреям является то, что он «никогда не знал таких евреев, к которым имел бы претензии».

У лиц с предубеждениями в отношении евреев изображение их недостатков, поскольку оно связано с рационализацией их сильных сторон, иногда переходит в особую тональность, которая выделяется благодаря своей созвучности стандартной теме американских агитаторов профашистского направления. Это — образ еврея-беженца, который одновременно силен («отнимает работу у наших американских парней») и слаб («грязный отверженный»). С полным основанием можно поверить, что второй мотив является решающим. *MIOSH* замечает:

В нашу страну приезжает масса еврейских эмигрантов. Здесь им удобно жить, и они берут в свои руки бразды правления. Даже с каждым из них в отдельности нельзя общаться, а многие вообще страшно грязны, хотя и зарабатывают много денег.

Агрессивность по отношению к беженцам проявляется даже и в тех случаях, когда в остальном, по мнению опрашиваемого, антисемитизм слабо выражен. *5036*, музыкант из джаз-оркестра, получающий в данное время пособие по безработице, показал высокие баллы по шкалам *E* и *F*, однако более низкие по шкале *PEC*.

Хотя он и отрицает антагонизм любого типа по отношению к группам чужих, имплицитно этот антагонизм лежит на поверхности. Он чрезвычайно горяч в убеждении, что беженцам не следует предоставлять гражданство и что их нужно отправлять домой, если позволяют время и условия.

Психическое определение ненависти, которую этот опрашиваемый питает к приехавшим в страну конкурентам, позволяет на основе его признания с уверенностью заключить, что

без сомнения евреи обладают музыкальным талантом.

Этому противопоставляется лишь неопределенное стандартное обвинение:

«Но они держатся все вместе и такие агрессивные и громкие, что иногда становится невозможным их вынести». По его утверждению, в некоторых случаях агрессивность и эгоистические требования евреев-музыкантов привели к развалу маленьких эстрадных коллективов, которые он хотел создать. Получив более выгодные предложения, они сразу же покидали его коллектив. «А так как я старался здесь не отставать, я вынужден был два раза терпеть фиаско». С другой стороны, он говорит, что некоторые евреи без сомнения очень культурные люди.

Беженцев, как и объективно слабых, постоянно обвиняют в барских замашках и стремлении к власти. Если упрек в агрессивности и имеет основание в определенных институционализированных реакциях евреев, как например, в их привычке «выступать за отстаивание своих интересов», то данное клише одновременно помогает смягчить недовольство антисемитов в связи с нарушением демократического права на получение политического убежища, поскольку не они сами не соблюдают законы гостеприимства, а еврей-беженцы. 5043. домохозяйка средних лет с очень высоким числом баллов на всех шкалах, объясняет:

евреи ведут себя громко и часто бывают агрессивны. (Здесь в качестве примера она рассказывает, как женщины-беженки на рынке, расталкивая толпу, протискиваются вперед.) Она делает различия между «беженцами» и прочими евреями и приходит к выводу, что «тот тип, который обитает по соседству от нас», держится всегда обособленно, друг с другом заодно, ведет себя не интеллигентно, и, вообще, они нежеланные гости.

Характерным признаком антисемитского мышления, которое проявляется в стереотипе об агрессивности евреев, и которое нуждается в более детальном исследовании, является смешение обвинений по поводу грубых агрессивных действий с гипотезами преимущественно о психологической природе. Так, например, идея о «еврейской крови», страхе «запятнания расы» — причем «кровь» здесь следует понимать только в метафорическом смысле — вплоть до истерии по поводу «отравления кровью доноров-евреев». Сформировались также и представления об агрессивности евреев, которые в очередях расталкивают остальных локтями, до их якобы безжалостности в деловых отношениях. Это позволяет сделать вывод о регрессивной «мифической» черте, присущей антисемитизму. Духовные диспозиции переводятся в физическую реальность, с одной стороны, чтобы ослабить страх перед непостижимой «чужой ментальностью», и, во-вторых, чтобы придать проецируемому черты реальности. Вероятно, этот вторичный перенос объяснит, почему все без исключения антисемиты упорно утверждают, что евреев можно узнать по особым физическим признакам. 5067 (статная женщина с выраженными чертами материнства, выглядит на свои 48 лет) выбрана в качестве примера для иллюстрации смешанного случая с высокими баллами по шкале *F* и *PEC*. Она совершенно не делает различия между физическим и психическим аспектами «агрессивности» евреев:

Не люблю их brutальную агрессивность в деловых отношениях. Это даже нечто большее, чем агрессивность. Они всегда оттесняют людей в сторону. Когда во время войны приходилось выстаивать в бесконечных очередях, столько раз я наблюдала, что именно евреи начинали толкаться. У меня настоящее отвращение к евреям.

В других случаях к идее об агрессивности прибегают для того, чтобы истолковать ее исключительно в социальном смысле как «настырность»: иногда становится возможным бегло взглянуть на механизм, скрытый за этими стандартными упреками. Возможно, он связан со все пронизывающим чувством социальной изолированности, которая сверхкомпенсируется повышенной социальной активностью представителей среднего класса. На этом эмоциональном фоне евреи воспринимаются как классические представители сферы обращения, возможно, им даже завидуют, так как они не изолированы друг от друга, а наоборот, повсюду имеют «связи». Эта идея тесно связана с родственной клановостью, которая также имплицитно представляет о своего рода сообщности, из которой представители истинной группы своих считают себя якобы вытесненными. Последняя из интервьюируемых находит такие слова:

Представляется, что они всех знают, держат все нити в своих руках. Это похоже на клан, где связи теснее, чем у представителей любой другой стороны. Повсюду у них друзья, которые умеют все правильно сделать

В завершении — в нашем материале имеются примеры, вытекающие из стереотипа об агрессивности на основе вытесненной сексуальности, Распространено мнение, что евреи не затронуты масштабами пуританской морали.

Если «пышные трапезы» евреев еще не подвергаются критике, то приписываемая им необузданность, а значит и отгалицированная чувственность в сексуальной сфере встречают нетерпимое отношение. Представление об этой точке зрения дает интервью *F118*, 42-летней медсестры из сферы социального обеспечения, ненависть которой к чужим группам направлена скорее на рабочие организации, чем на меньшинства (имеет средние баллы на *A-S* и высокие на шкале *PEC* и *F*).

Она не могла бы и вообразить, что выйдет замуж за еврея. Далее она рассказала, что в действительности у нее была возможность выйти-таки за еврея замуж. Однажды вернувшись на лето из Нью-Йорка домой, она познакомилась с очень интеллигентным адвокатом, который работал в одном бюро с ее братом. У него было отменное образование и он владел несколькими иностранными языками. Они неоднократно встречались, и она в течение трех недель часто его видела, вплоть до того дня, когда он сказал ей: «Есть нечто, что мне хотелось бы рассказать Вам о себе. Вы не познакомились с моей семьей, это и не входило в мои планы. Однако тут есть одна деталь, о которой я хотел бы вас спросить, а именно, не будете ли Вы возражать выйти замуж за еврея?» Она сказала, что у нее возникло такое чувство, будто ей нанесли тяжелый удар. Он не был похож на еврея, и имя у него было также не еврейское, он даже пел вместе со всеми в детском хоре, так что она даже не могла и предположить, что он мог быть евреем. Она просто сидела, не произнеся ни слова — это и было ответом.

К этой информации она еще добавила, что дела его ухудшились, так как все девушки из пансионата прознали, что он еврей, это стало известно также и на работе и плохо для него обернулось. Через десять лет она увидела его снова, и заметила, что он больше стал похож на еврея, при этом она добавила, что это было скорее связано с тем, что она знала о его еврейском происхождении. Даже сами мысли, что, выйдя за него замуж ей пришлось бы рожать детей-евреев, кажется ей невероятной.

Примечательно, что сопротивление этой женщины не было связано с чертами характера ее знакомого, а единственно с его происхождением. Можно предположить, что этот стереотип оживил в сознании старые детские табу, направленные против сексуальности, и что лишь позже они стали направлены в сторону евреев как индивидов. Первоначальное притяжение становится причиной более позднего неприятия.

Тесная связь между общей идеей о клановой приверженности евреев и упреках в их агрессивности отчетливо проявляется в нижеприведенных примерах. Здесь достаточно констатировать, что приверженность клану появляется как оправдание для того, чтобы исключить агрессивного пришельца, так как он навсегда останется евреем, желающим омрачить жизнь тех, к признанию которых он стремится. Одновременно эта идея завершает образ сообщества евреев, как душевного, имеющего характер семьи, архаичного образования в рамках чужой группы, которая, по-видимому, кажется запрещенной для тех, кто прочно сформировался в традициях американской цивилизации и подчиняется правилам технологической рациональности.

Скрытая притягательная сила еврейского «клана» проявляется в высказываниях M102 (у опрашиваемой высокие баллы по всем шкалам):

Еврейские дети, которых я знала в школе, были сыновьями и дочерьми известных еврейских предпринимателей, и они держались вместе. Трудно сказать, как это можно изменить. По-видимому, их совсем не интересует, что думают другие люди. Это их естественная черта характера. Было бы неверным попытаться вытеснить их из деловой жизни, так как некоторые из них самые хитрые бизнесмены в нашей стране. Большинство из них недавно приехали из Германии, и я предполагаю, что скоро они вернуться назад. Кое-кто из этих людей чрезвычайно ловок, держатся они все в кулаке, всегда преуспевают в коммерции, преумножая свои капиталы. Немцам в Германии евреи-бизнесмены будут необходимы, они соберут все свои деньги и будут делать бизнес там (*Что вы думаете о женщинах-еврейках?*) Некоторые из них очень привлекательны, другие замкнуты в своем кругу. Они в подчинении у мужчин, что связано с их верой

Более патриархальная структура еврейской семьи, будь это в действительности, либо в воображении, в известном смысле, по-видимому, обладает сексуальным притяжением. Принято считать, что еврейские женщины

«выполняют все желания мужчин, то есть то, что не ожидают от американских девушек нееврейского происхождения». Однако, с другой стороны, в американской культуре представление о сексуальном удовлетворении скорее уменьшает социальную значимость женщины, обещающей дать удовлетворение. И здесь также признание преимущества евреев оборачивается своей противоположностью.

То, как представление о тесной сплоченности семьи может принять черты одержимости, отягощенной чувством сильной вражды, показывает F113 (привлекательная, немного неврастеничная 26-летняя женщина с высокими баллами на шкале E, и несколько более низкими на шкалах F и PE^(C)). Ее возмущение вызывают еврейские фамилии, а также и те, кто стремится их изменить. О своих знакомых-евреях она говорит с особым акцентом, они «занимают ряд смешных домов», поскольку богаты, но пользуются несколько дурной славой. Некоторые из ее наблюдений о семейной жизни евреев, в которых есть доля правды, тесно связаны с параноидальными представлениями об эгоизме, определяющем такое поведение евреев и с его жесткой оценкой, определяемой как «вина»:

Самый неприятный опыт от общения с ними я получила, работая несколько лет тому назад телефонисткой на Гавайях. Мне приходилось прослушивать все телефонные разговоры с Нью-Йорком, поэтому я слышала тысячи бесед. Девяносто процентов из них приходилось на богатых евреев, которые звонили домой. Единственно хорошее, что я могу о них сказать, это их верность семье. Однако в этом проявляется их эгоизм: деньги за телефонные разговоры и время, затраченное на чисто личные разговоры. (*А деловые переговоры?*) Я работала преимущественно в ночное время. Но другие девушки рассказывали, что это были те же люди, которые днем вели деловые переговоры по телефону (*Как вы определяли, что это были евреи?*) По голосам и по содержанию разговоров. Эгоистичные. (*Могли быть при этом евреи, которых вы не опознали?*) Не думаю. Постепенно начинаешь различать евреев по голосу.

I: Наблюдения над категорией с низким числом баллов

В этой главе мы сконцентрируемся на исследовании форм проявления антисемитизма и возникающих между ними структурных связей. Мы не затронули детальной дискуссии об отношении не антисемитов и «анти-антисемитов» к проблеме меньшинств. Очевидно, легче, перспективнее анализировать наиболее специфические мнения и точки зрения, чем исследовать их отсутствие. Мы смогли, как нам кажется, нарисовать в исследовании в известной степени целостную картину в отношении типа N, охватывающую поверхностную идеологическую структуру и характерологические детерминанты. Однако полное равнодушие категории N к так называемым расовым вопросам ограничивает возможности сбора мате-

риала к данной проблеме. Помимо этого прагматический аспект нашего исследования естественным образом принуждает нас больше внимания уделять анализу зоны опасности, а не областям, которые, т.к. они являются потенциальными для фашизма, можно оставить без внимания. В целом точка зрения категории *H* будет достаточной для того, чтобы *e contrario* определить точку зрения категории *N*, которая во многом полемически противопоставляется распространенным в этой культурной среде антисемитским представлениям.

Можно, однако, позволить себе сделать несколько замечаний о *N*, и не только для завершения общей картины, но и потому, что представители этой категории в своих ответах на вопрос о проблемах меньшинств выходят за рамки простого отрицания точки зрения лиц с предубеждением и проливают свет на нефашистский характер их мнений.

Общей характеристикой категории *N* в их отношении к евреям является подчеркнутая рациональность, проявляемая в двояком смысле. С одной стороны, общая, столь характерная для *N* склонность к интроспекции в особенности проявляется там, где речь идет о расовых проблемах, с помощью саморефлексии: в антисемитизме они видят проблему антисемитов, а не евреев. С другой стороны, они рассматривают расовые вопросы и вопросы, касающиеся особенностей меньшинств, с точки зрения исторической и социологической перспектив, так что каждый становится доступным рациональному истолкованию и модификации, а не гипостазирован иррациональным образом.

Примером, иллюстрирующим саморефлексию в расовых вопросах, может служить *M910*, университетский священник с низкими балами на всех шкалах. Он обладает выраженной склонностью к интеллектуальной деятельности и, подобно большинству *N*, обнаруживает тенденцию к нерешительности, сомнениям и дифференциации собственного мнения. Предубеждениям он предается с прямотошеством, хотя и в несколько простоватой манере.

(Что на ваш взгляд является причиной предубеждений?) По всей вероятности, наиболее главными причинами являются неуверенность и страх неуверенности, которые свойственны самим индивидам. Люди из моего окружения, которые громче всех говорили о евреях, это те, которые присвоили себе собственность, оставленную японцами... и они опасаются их возвращения... еще они боятся в них конкурентов, так как они упорнее в работе... *(Вы предполагаете, что речь идет преимущественно о производственном конфликте?)* Нет, не полностью производственным, и я не думаю, что его удастся решить экономически... Все люди так или иначе чувствуют себя неуверенно. Это может быть достаточно скрыто; возможно, они и не осознают этого, и японцы тут также не при чем, но на них и вымещают недовольство. Люди ведь странные существа (смеется), и они жестоки. *(Что нужно сделать для того, чтобы побороть предубеждения?)* Думаю,

есть кое-что — это своего рода контроль, то есть нужно выявить факты, это могло бы помочь: однако таким образом проблему не решить... Ну, например, нет необходимости разделять донорскую кровь негров и белых людей по разным пробиркам: а ведь масса людей считает японцев предателями и верит, что это свойство наследуется... Конечно, многие просто несут вздор.

M203 (учитель с либеральными взглядами) дает точное объяснение роли динамических факторов по отношению к якобы врожденным свойствам. Он преподает английскую словесность в одном из колледжей и имеет низкие баллы на всех шкалах. Его жизненные воззрения носят позитивный характер, он имеет большой интерес к проблемам семантики, но не считает ее средством от всех болезней. Его отношение к проблеме меньшинств, сконцентрировано в оценке японцев:

Если нацистам удалось изменить немцев в течение одного поколения, то и японцев можно за время жизни одного или двух поколений сделать демократами. Каждый может стать кем угодно при соответствующих обстоятельствах.

Когда речь заходит об антисемитизме, он в качестве объяснения выбирает исторический фактор: имена, навязанные евреям со злым умыслом. Произвольный выбор именно этого специфического фактора объясняется, возможно, его приверженностью к семантике:

С антисемитизмом все обстоит несколько иначе. Семитов не так просто определить. Думаю, что это связано прежде всего с их именами. Например, по вашему имени я мог бы сказать, что вы еврей, хотя по внешности я бы этого не определил, не так ли? (Да) (*Опрашиваемый высказывается очень откровенно. Единственным признаком, выдающим его смущение, было то, что он избегал употреблять слово «еврей», предпочитая ему вначале слово «семит». Позже однако, он спокойно произносил также и слово «еврей».*)

Примечательным является его готовность подчеркнуть еврейское происхождение интервьюера. Для него слово «еврей» не содержит ничего магического так же, как и быть евреем — для него не позор. Поэтому и непринужденный тон в его разговоре с собеседником, к которому это слово относится. Однако трудно представить, чтобы N мимоходом обсуждал происхождение интервьюера, если бы не считал, что должен защищать себя или желал обидеть другого: «Вы ведь сам еврей, не так ли?»

Рациональность непредвзято думающего интервьюируемого выражается прежде всего в отказе от употребления оскорбительных для меньшинств клише. Часто отказ этот проявляется сознательно и отчетливо: понятие индивидуальности принимается со всей серьезностью. Еще раз сошлемся

на М910. В его высказываниях явственно проступает чувство пропорциональности, даже в случаях, когда он отказывается от использования клише: не оспаривая существования физических признаков расы, он, однако, считает его несущественным:

Итак, я не дал бы склонить себя к высказываниям о каких-либо людях, как о группе. Японцы, которых я знал, были мне очень симпатичны. Конечно, среди японцев есть и не такие приятные люди... *(Вы считаете, что каждая расовая группа имеет какие-то особые характерные различительные признаки?)* Конечно же, нет. Есть признаки биологические, например, высота спинки носа или цвет кожи.

Близким по содержанию к этому высказыванию является интервью 5030, 33-летнего выпускника Стэнфорда, который четыре года прослужил в войсках военно-морского флота и получил звание лейтенанта. Имеет низкие баллы на всех шкалах. Интервьюер характеризует его как очень умного и благополучного человека:

Для негров, евреев и всех групп меньшинств настало тяжелое время. Думаю, многие не любят их за их психические свойства. В действительности это дурно. Многие не хотят признавать, что немало негров — это интеллигентные, способные и даже в чем-то превосходящие их люди. Обстоятельства не дали им возможности реализовать себя в полной мере как расу. У меня сложилось и хорошее и плохое мнение о представителях этих групп в результате общения с ними, однако я никогда не рассматривал их в связи с принадлежностью к определенной расе или религии. Я всегда воспринимал их как индивидов. Вчера у меня было приятное событие. В одном из моих классов учится девушка, негритянка-полукровка. Очень способная, отличница, уверен — самая интеллигентная в классе. Нередко у меня возникала мысль пообщаться с ней в неофициальной обстановке, однако ни разу не представилось подходящего случая. Вчера же, поколебавшись, я пригласил ее на чашку кофе. То, как она приняла приглашение, было приятнее его самого, и мы прекрасно провели время. Думаю, что причина моих колебаний кроется лишь в страхе, а что могут подумать об этом другие. Мне приходилось как-то снимать одну комнату с евреем, и он был лучшим из всех, с кем мне случалось проживать вместе.

Крайний случай сознательно антистереотипной точки зрения представляет 5046, 40-летняя секретарша с одной киностудии, активно участвующая в рабочем движении, с низкими баллами на всех шкалах. Даже если некоторые из ее формулировок и указывают на «ticket N»⁷, следует иметь в виду, что неприятие стереотипов оберегает ее от автоматического формирования проеврейских клише. Она не является «приверженцем евреев», однако представляется искренней, оценивая людей как индивидов. В самом деле, она недавно разорвала отношения с одним евреем:

Когда интервьюируемой задавали вопросы по еврейской проблеме, сразу стало очевидным, что она «знает на все ответ». Она заявила: «Да, проблема существует... но я думаю, что не следует называть ее проблемой евреев. В действительности, это — проблема христиан. вопрос наставления не евреев, которые практикуют антисемитизм». Получив список с перечнем характерных признаков, она рассмеялась и сказала: «Нельзя обобщать... этими клише пользуются антисемиты, чтобы возложить на евреев вину за определенные ошибки... Я считаю, что не следует таким образом наклеивать ярлык на какую-либо группу... это опасно, особенно в отношении евреев, так как нужно оценивать индивида на основе его личных качеств». В ответах на следующие вопросы также не чувствовалось никакого намека на антисемитизм. Ее ответы являлись стабильным, почти воинственным выступлением против антисемитизма. Она считает, что антисемитизм является одним из опаснейших направлений в этой стране, и что единственным выходом из положения может быть всестороннее просвещение на основе либеральных принципов и увеличение числа смешанных браков. Она с оптимизмом реагирует на процесс ассимиляции, хотя рост антисемитизма за прошедшие годы вызывает у нее беспокойство. Против расовой теории Гитлера и преследований евреев, в каких бы формах они не проявлялись, нужно вести борьбу по всем фронтам. Она сказала: «Я знала некоторых евреев, которые мне решительно не нравились, некоторые из них отличались агрессивностью, но я никогда бы не обобщала основываясь на этом, что все евреи агрессивны... Если бы нам удалось убедить людей в том, что агрессивность некоторых связана с их неуверенностью в себе, и что евреи не агрессивны, лишь поскольку они евреи»

Как уже подробно излагалось в главах, посвященных анализу специфики материала интервью, рациональность представлений группы *N*, их неприятие проективных функций и автоматизированных оценок не всегда свидетельствуют об их бесчувственности и безразличии. Хотя они и более рациональны, чем группа *H*, так как их мнения и оценки менее зависят от вытесненных бессознательных факторов, однако в то же время в позитивном контексте и его выражении они менее скованы. Это относится не только к общей предрасположенности их психики, но также к особой точке зрения в отношении меньшинств. Предвзято настроенный индивид относится к евреям как к «объекту», в действительности же он их ненавидит. Непредвзято настроенный выражает им симпатию, даже если он претендует на объективность оценок. Связующим звеном между симпатией и рациональностью оценок становится идея справедливости, которая проявилась у некоторых индивидов спонтанно, почти инстинктивно. Группа *N* считает расовую дискриминацию нарушением основного принципа равенства людей. Основываясь на идее прав человека представители этой группы склонны идентифицировать себя с теми, кто подвергается дискриминации, поскольку апеллируют к своему спонтанному чувству солидарности к притесненным.

Далее следует несколько примеров, иллюстрирующих эту специфическую констелляцию. *M113* относится к «религиозной части в группе *N*», с достаточно высокими баллами по шкалам *F* и еще более высокими на шкале *PEC*.

(О проблеме меньшинств?) Недавно, в одном из разговоров я высказал мысль, что демократия по своей сути является уважением групп меньшинств. *(Расплывчатая, неточно сформулированная мысль.)* К ним относится так же плохо как и к большинству меньшинств.

Подобным образом проявляется у *M320* (студент, изучающий ландшафтную архитектуру с низкими баллами на всех шкалах) протест против несправедливого отношения как «рациональное выражение» эмоциональной идентификации.

Сам я за негров. Думаю, что я поддерживаю любое несправедливо дискриминируемое меньшинство. *(Что вы думаете об еврейской проблеме?)* Вообще не понимаю, почему она должна стать проблемой? Думаю, евреям следовало бы жить в Европе и заниматься там своим делом и т.п., точно также, как и другим людям.

F129, чрезмерно чувствительная молодая женщина с низкими баллами на всех шкалах, которую, по словам интервьюера выводит из равновесия и даже провоцирует к слезам любая тревожная тема, включая расовые предубеждения.

(А что вы испытываете по отношению к евреям?) Абсолютно ничего. Но отношение к ним других людей меня глубоко оскорбляет. В любой национальности есть и хорошие и плохие. Однако, я склонна быть более терпимой к недостаткам людей, которых погоянно преследуют и критикуют. *(Могли бы вы выйти замуж за еврея?)* Несомненно, если бы я влюбилась. *(Как вы думаете, за что преследуют евреев?)* Этого я не знаю, но может быть потому, что некоторые люди должны ненавидеть.

Эти симптомы говорят о том, что аффектированное чувство справедливости класса *N* не относится только к поверхностной идеологии и не является средством нарциссического удовлетворения собственного чувства гуманности, оно представляет собой реальный базис структуры характера, лишь позднее зафиксированный в псевдотеоретической форме. Симпатия к попираемым приводит к действию, к попытке коррекции конкретных, личных ситуаций, которые воспринимаются как общая несправедливость. Наглядным примером этого является *5030* с низкими баллами на шкале *E* и *PEC* и более высокими на шкале *F*. Это молодая женщина с приятной внешностью, наделенная фантазией, по словам интервьюера она выражается очень понятным языком, обладает большим обаянием и юмором.

Изучает журналистику и заявляет, что собственно ее мечтой является «творческая работа».

Помню, что когда я училась в старших классах колледжа, у нас был лишь один единственный юноша-еврей. Мы постоянно устраивали вечеринки и другие мероприятия, а его обходили стороной. Сначала я вообще не понимала почему? Он был приятный, свежий, с хорошей внешностью. Но его игнорировали, так как он был евреем. И я поставила себе цель завязать с ним дружеские контакты, и не только для того, чтобы приглашать его на вечеринки. Я и относилась к нему по особенному. Действительно, просто надо было задавать тон. И другие также изменили свое отношение к нему, и тогда он тоже стал как все. Мне всегда было трудно выносить, когда кто-то вел себя подло по отношению к другому. То же самое было и на судоверфи. Я всегда стремилась знакомиться с неграми и евреями. В разговорах со мной они были очень откровенны, и я, конечно же, была в курсе их проблем. Если бы я смогла, то написала бы об этом книгу. Не прямо касающуюся расовых предрассудков, а например, интересные истории о неграх. Ведь у многих об этом неверные представления. Иногда мне кажется, это просто безнадежно.

Общее отношение представителей группы *N* к евреям явно проявляется и в их оценке так называемых еврейских качеств. Группа *H* (об этом мы уже писали выше см. стр. III и ниже) видит в евреях нечто совсем другое: даже для характеристики якобы «непосредственных» событий бытового плана в качестве системы отношений выступает организация их психики. Нечто подобное, хотя и в противоположном смысле наблюдается и у индивидов, лишенных предрассудков. Однако многообразие и неопределенность объективных «чисто еврейских свойств» рассматриваемых в комплексе, не в меньшей степени отражаются в точке зрения группы *N*, чем в различных проекциях группы *H*. Можно считать, среди лишенных предрассудков индивидов существует в целом симпатия, однако нет единодушия. Иногда они пытаются толковать еврейские свойства, иногда они просто отрицают их существование, а порой они оценивают их положительно и чрезмерно ими восхищаются.

M202 пытается объяснить широко распространенное представление о сплоченности евреев. Ему 35 лет, по специальности он инженер-конструктор. Имеет очень низкие баллы на шкале *E*, однако на шкалах *PEC'* и *F* имеет некоторые отклонения от типичных баллов группы *N*. По оценке интервьюера он «консерватор, но не фашист».

На вопрос, как бы он охарактеризовал евреев, он отвечает, что они представляют собой тесно сплоченную семью с определенными врожденными свойствами, как и другие расовые группы. Например, считается, что немцы — «всегда правы», англичане — здесь интервьюер его прервала и заметила, что хотела бы знать, что он думает о евреях. Он ответил, что

т.к. евреев не принимали ни в каких кругах, они сплотились в единую крепкую семью. Причина в том, что они обладают определенными свойствами. На замечание, выразаться точнее, он заметил, что они проявляют тенденцию к изощренному занятию бизнесом. Конечно, за это он их не осуждает, так как, пожалуй, и сам делал бы то же самое, если бы ему представилась такая возможность, и будь он для этого достаточно хитрым.

В этом случае желание «объяснить», часто являющееся инструментом рационализации, становится посредником между терпимостью, с одной стороны, и мощным, враждебным по отношению к меньшинствам клише с другой, присутствующим подспудно. На самом деле, за извинениями перед евреями следует довольно недружелюбная по отношению к ним история о мнимом заговоре трех евреев, которые предлагали на торгах большие партии металлолома. Предположение, что попытки «объяснить» иногда маскируют амбивалентность, подтверждает М310. Он является руководителем отдела одного из рекламных агентств и имеет низкие баллы на всех шкалах. Тем не менее, в основе его «теоретизирования» лежит стереотип об алчности евреев:

(Характерные черты евреев?) Да, думаю это верно, что евреи как группа, больше заинтересованы в деньгах... Возможно потому, что их так долго преследовали. В финансовой сфере они чувствуют себя безопасно. Эта безопасность побуждает их использовать деньги в качестве защиты. Я также думаю, что евреи лучше других умеют делать деньги, так как в Средневековье они были вынуждены заниматься ростовщичеством и так далее.

Опрашиваемые с самыми низкими баллами нередко склонны просто к отрицанию наличия каких-либо характерных для евреев свойств, иногда об этом говорится с такой резкостью, которая скорее связана с давлением собственной совести, чем с объективной оценкой меньшинств. Без сомнения, к этому могут добавляться «невротические черты», часто обнаруживаемые у индивидов с непредвзятой точкой зрения. Познание проекционного механизма и стереотипов, то есть субъективных факторов, порождающих антисемитизм, является медиумом, с помощью которого эти индивиды пытаются найти аргументы для отражения особых свойств евреев.

М112, 18 лет, спокойный, сдержанный ученик старших классов, обладает хорошими манерами (с низкими баллами на всех шкалах), соглашается с теорией «зависти»:

(Евреи?) Никакой воспитательной программы в этом случае. Люди просто предвзято мыслят. Они всего лишь хотят держать евреев подальше от хороших должностей и т.д. Сочиняют при этом безумные истории, например, что у евреев слишком много денег, что вся страна в их руках и т.п., их нужно лишь до этого не допускать. *(Есть ли у вас контакты?)*

Негров в нашей школе нет. Евреи такие же как и все. Я никогда бы не догадался, если бы они мне об этом сами не рассказали.

5041, 59-летняя домохозяйка, по образованию пианистка, с низкими баллами; отрицание специфических еврейских черт она связывает с их прошлым и неприятием неприязненных обобщений:

Я думаю, проблема евреев существует — но мне не кажется, что они не такие, как все... что им от рождения свойственно что-то такое, что их отличает, или, что к ним нужно как-то иначе относиться... для их преследования ищемся исторические причины... в этом нет их вины. Ни одну из этих черт нельзя применить к евреям как группе. Еврей — не раса... Эти характеристики, по-видимому, могут относиться к некоторым индивидам как христианам, так и евреям... есть люди агрессивные, но они не агрессивны, только потому что они евреи... Обычно есть что-то, что другим не нравится... Ну, например, что они ведут себя интеллигентнее, что некоторым из них сопутствует успех, другие превосходят окружение, что вызывает злобу, и потом их называют агрессивными...

Высшая степень отрицания наблюдается у «непринужденного» N, M1206a из группы студентов мореходного училища. Он «в высокой степени интроверт и подавляет в себе желание дурно отзываться о других индивидах или группах, даже опираясь на принципы, которые коренятся в реальности». У него низкие баллы на всех шкалах:

(Характерные черты негров?) Думаю, ничего подобного не существует. У них те же свойства, что и у белых. Мне кажется, что ни одна нация не обладает какими-то особыми свойствами...

Иногда сильные эмоции, скрывающиеся за отрицанием еврейских свойств, находят в известной степени иррациональное выражение. F125 (низкие баллы на шкалах E и F, невысокие на шкалах PEC) — студентка, в будущем хотела бы преподавать в театральном вузе. «Фильмы считает стереотипными». Наше исследование вызвало ее возмущение:

Я пришла в ярость от некоторых вопросов в предложенных вами опросных листах, особенно это касается вопроса об еврейской атмосфере. Ирландцы и другие национальные группы придают месту, где они проживают, особую атмосферу, и лишь еврейская атмосфера осуждается как нечто негативное. Я не нахожу, что образ жизни евреев чем-то отличается от других.

Если обладающие предубеждением опрашиваемые, исходя из конформистских причин или стремясь заслужить «социальное одобрение» часто подчеркивают, что практически каждый является антисемитом, то

некоторые *N* заходят так далеко, что не только отрицают само существование еврейских свойств, но даже само понятие антисемитизма. Примером этого может служить несколько растерянный *M115*, которого можно считать типичным консервативным представителем идеи братства. У него низкие баллы на шкале *F*, средние — на шкале *E* и высокие на шкале *PEC*:

(Что вы думаете об еврейской проблеме?) В настоящее время здесь в США не так много травли. Ее вообще не должно быть. Единственной причиной преследования евреев является то, что они, насколько я могу видеть, умнее других.

Для иллюстрации оценки специфических свойств и других национальных меньшинств ограничимся двумя примерами, которые помогут объяснить некоторые существенные моменты. *F128*, 17-летняя девушка с низкими баллами на шкалах *F* и *PEC* и более высокими на шкале *E*. Изучает социальные вопросы, интересуется проблемами детского социального обеспечения, однако «не стремится работать в этой области».

Я думаю, что я получила лучшее воспитание, чем многие другие. Насколько я могу вспомнить, мы нанимали негров для работы по дому. Я была знакома с разными типами людей — многие из них были очень эксцентричные — в музыке, искусстве. Из моих первых друзей лучшими были еврейские ребята. Не знаю, почему некоторые так ненавидят негров и евреев. По-видимому, евреев они побаиваются, так как многие евреи умнее их самих.

Интересным в данном высказывании является слово «эксцентричный». Оно означает то, что отличает эту группу от других, что с точки зрения конформистского сознания имеет отклонение от нормы, однако одновременно выражает индивидуальность, развитие человеческих признаков, которые, если можно так выразиться, не получили соответствующего оформления в условиях современной цивилизации с ее социальной механизацией. Этот опрашиваемый представляет себе именно эту «необычность» меньшинств, связанную со стереотипным единообразием современного высокоразвитого общества, как человеческое начало, которое отсутствует у «правильных людей». То, что евреи не дали полностью раствориться себя в американской культурной среде, опрашиваемый причисляет к их заслугам, считает триумфом автономии и сопротивления нивелирующему давлению «плавильного котла».

5050, комментатор радио с прогрессивными политическими взглядами и низкими баллами на всех трех шкалах, отрицает наличие отличительных еврейских признаков. Однако он подчеркивает при этом тот аспект, на который редко обращается внимание — терпеливое отношение меньшинств к преследованиям. Его одобрение впрочем содержит немного критики.

которая, так как в ней в имплицированном виде присутствует понятие трусости, могла бы обозначить элемент скрытой неприязни. Меньшинства он осуждает по политическим соображениям, так как они, по его мнению, не достаточно энергичны по отношению к американской реакции:

Он постоянно пытается доказать, что так называемые «еврейские свойства» на самом деле не существуют, и что люди так как их описывает Бадд Шульберг в «What Makes Sammy Run» часто могут попадаться и среди не евреев, и действительно встречаются там. «Меня восхищают также негры и евреи с их великим терпением, с которым они переносят дискриминацию... Если бы я был на их месте, я начал бы яростную борьбу против притеснителей.» Ему представляется, что многие евреи и негры слишком апатичны и охотно передоверили бы другим вести такую борьбу... Он полагает, что если бы евреи были более бдительными, то можно было бы остановить Гитлера, либо, по крайней мере, воспрепятствовать совершению мерзких преступлений. Он постоянно повторяет, что всякую форму дискриминации можно и должно устранить с помощью прямых политических акций.

Следует упомянуть и последнюю характерную черту, свойственную взглядам людей, лишенных предрассудков по отношению к меньшинствам — это отсутствие какого бы то ни было фанатизма. И не только потому, что непредвзято мыслящие люди сознательно отрицают идеи о неисправимой и скверной человеческой природе или врожденных свойствах характера, но и на более глубинном уровне они также свободны от деструктивных маний и фантазий о наказании. Они в большей степени рассматривают вещи с исторической и социологической точек зрения, не гипостазировавшее существующее, как нечто окончательно данное. Это обнаруживается также и в их представлении о взаимоотношениях между большинством и меньшинством в будущем. 5008 (с низкими баллами на шкале *E*, средними на *F* и высокими на *PEC'*) — женщина средних лет; в прошлом — писательница, работавшая под псевдонимом, затем продавец в книжном магазине, в настоящее время — секретарь на радио. Как и другие представители группы *N*, она отклоняет стереотипы и видит решение проблемы антисемитизма, как не наивно это звучит, в установлении личных контактов.

По отношению к интеллигентным эмигрантам и беженцам, приехавшим сюда за последнее время, она питает дружеские чувства, однако полагает, что многие из них нежелательны. В отношении негров она говорит — что, будучи республиканкой, считает, что их положение можно было бы значительно улучшить, при этом, по ее мнению, это проблема сложная. Об евреях она высказывается следующим образом: «До того как я пошла работать, по-видимому, я испытывала в некоторой степени антиеврейские чувства». Но так как ей приходилось работать с евреями и для них, она находит их привлекательными, интеллигентными и интересными людьми.

Антисемитизм она считает проблемой, требующей скорейшего разрешения. Она полагает, что если бы как можно большее число «антисемитов общалось с евреями, так как я», то антисемитизма можно было бы избежать. Согласно ее точке зрения социэкономическая дискриминация должна быть запрещена. Когда ее внимание было обращено на то, что это скорее соответствует политическим установкам Нового курса, она просто сказала: «Ну, по-видимому, не все так плохо».

Однако такая позиция с ее акцентами на человеческой спонтанности и свободе действий, а не на застывших, авторитарных законах природы не приводит к «официальному оптимизму». Способность непредвзято мыслящих индивидов чувствовать страдания людей, сопереживание обостряет в них осознание опасности расистских преследований. Именно представитель группы *H* должен был бы сказать: «это не может здесь произойти», и таким образом он как бы уходит от «объективного» хода истории, с которым он, собственно говоря, себя и идентифицирует. Представитель группы *N* однако знает, что «это может произойти» и хочет что-либо предпринять, чтобы это не произошло.

5058 (с низкими баллами на всех шкалах) — 29 лет, бывший участник войны, представитель высшего слоя среднего класса, сам причисляет себя прежде всего к «либералам» и «интеллектуалам»:

Он много размышляет о проблеме меньшинств в этой стране. «Я очень много об этом говорю и надеюсь при этом разрушить предубеждения других и побудить их к терпимости. Действительно, я так занят этим делом, что мне впору поселится уже в Pershing Square. Попытка совершить небольшой крестовый поход в морских вооруженных силах не привела к успеху». Опрашиваемый настроен чрезвычайно пессимистично по отношению к возможности решения проблемы меньшинств, что в значительной степени связано с тем, что ему не удалось изменить взгляды людей, с которыми он вел дискуссии на эту тему. Он считает, что антипатия к евреям растет, так как в последнее время слышал много разговоров об этом. «Конечно, возможно, это связано с тем, что я в большей степени с этим сталкивался — во время службы на флоте, и затем на моей теперешней работе.» Он не считает, что евреи в этой стране имеют слишком большое влияние, не думает также, что евреи представляют собой политическую силу в Америке. Он уверен, что они вынесли свою долю военных тягот. На вопрос об «отличительных еврейских чертах», он не смог дать ответа, так как это словосочетание ему ни о чем не говорит. «Евреи настолько друг от друга отличаются, что нельзя говорить о каких-либо сугубо еврейских свойствах.»

Ж: Заключительные замечания

Нередко утверждалось, что антисемитизм является оплотом антидемократических сил. Высказывание это звучит немного устаревшим и апо-

литичным: испытывающее непосредственную угрозу своему существованию меньшинство поспешно пытается завоевать помощь большинства утверждением, что сегодня на первом плане стоят собственно интересы его группы, а не интересы большинства. Однако, если вернуться к исследуемому в этой и других главах материалу, то явственно прослеживается связь между антисемитизмом и антидемократическими эмоциями. Разумеется, не все те, кто хотел бы сейчас искоренения евреев в дальнейшем, как это иногда утверждается, хотел бы сделать нечто подобное с ирландцами или протестантами. Однако, ограничение прав человека, кульминацией которого становится идея особого отношения к евреям, в конечном итоге логически приводит к устранению демократических форм управления, а вследствие этого также и ликвидации легальной защиты индивида. Нередко у опрашиваемых группы *N* оно осознанно связывается с антидемократическими идеями. Эту главу мы завершаем двумя примерами, иллюстрирующими то, что можно обозначить как неотвратимое антидемократическое следствие антисемитизма. *M106* несмотря на высокие баллы на шкалах *E*, *F* и *PEC* претендует быть демократом; однако не трудно догадаться, что у него на уме:

«План Гитлера... да, Гитлер немного перегнул палку. Однако известное оправдание у него есть – некоторые плохие, но конечно не все. Но Гитлер руководствовался идеей, что одно гнилое яблоко в корзине может испортить все остальные». Опрашиваемый не одобряет жестокие преследования евреев. «Если бы Гитлер обращался с евреями как с нацменьшинством, если бы он их изолировал и дал им особые законы, по которым они могли бы жить, то сейчас у него было бы меньше головной боли. (В этой стране сейчас та же проблема?) Та же самая, но решается она намного лучше, так как мы страна демократическая».

В то время как предложение об изоляции меньшинства противоречит основным принципам «демократического государства», которым опрашиваемый гордится, метафора о гнилом яблоке вызывает представление о порочном семени, к которому с пугающей последовательностью примыкает потенциальное желание об эффективном средстве для уничтожения этих бацилл.

Убедительным представляется извращенное представление так называемого демократа *5019*, двадцатилетнего рабочего с высокими баллами на всех шкалах. Прежде всего его отличает слепое и авторитарное приятие своей скромной жизненной позиции. Тем не менее он «не переносит людей трусливых» и «восхищается настоящими вождями»:

Опрашиваемый считает, что «законы демократии должны благоприятствовать существованию белых людей, а не евреев». Но «евреев он открыто не преследовал бы так, как обращались с ними согласно программе Гитлера».

Более умеренная точка зрения, изложенная во втором предложении, снимается убедительностью первого.

Примечания

¹ Эти проблемы рассматриваются в главе 5 А.Р., *Politico-Economic Ideology and Group Memberships in Relation to Ethnocentrism*, стр. 151 и ниже, как «псевдодемократизм».

² Данная гипотеза подтверждается в гл. 3 А.Р., *The Study of anti-semitic Ideology*.

³ См. в главе 5 А.Р., *Politico-Economic Ideology and Group Memberships in Relation to Ethnocentrism*, стр. 151 и ниже.

⁴ См. А.Р., Part II, *Personality as revealed through clinical Interviews*, стр. 291 и ниже.

⁵ Кайки (Kikes) являются отрицательным, уничижительным обозначением евреев, соответствующим названию «восточные евреи» в Германии.

⁶ Доказательством, подтверждающим эту гипотезу, является привычка опрашиваемого разграничивать евреев, которых он знает, на хороших и всех остальных, которые являются кайками. В некоторых случаях это противоречие конкретизируется и одновременно объясняется этиологически. Здесь мы сошлемся на случай 5057, когда опрашиваемый сам считает свои предубеждения результатом затаенной обиды, возникшей в детстве как переживания от контактов с евреем продавцом-сладостей.

⁷ См. «Закоснелый, свободный от предрассудков индивид» в гл. 6, «Типы и синдромы», стр. 265 и ниже.

IV. Политика и экономика по материалам интервью

А. Введение

Результаты анкет по проблемам идеологии в политике и экономике проанализированы в главе V.¹ Таким образом, предметом нашего исследования являются материалы интервью по данным темам. В первую очередь нам казалось необходимым конкретизировать полученные данные. Во время изучения в главе V ответов опрошенных на политические и экономические вопросы, с которыми они сталкиваются ежедневно, мы пытались выяснить, что опрошенные «думают на самом деле»: одновременно нужно было установить, можем ли мы вообще признать достоверными мнения, выраженные большинством опрошенных самостоятельно и спонтанно. Качественные результаты исследований в силу совпадения интерпретаций с установленными ранее фактами доказывают больше, чем некие бесспорные «доказательства» того, что у опрошенных преобладает тот или иной идеологический механизм.

Мы сопоставим также наши интерпретации идеологических представлений с результатами исследований, не ограничиваясь при этом пределами высказываний, ибо они кажутся достаточно поверхностными. Наша цель — это не подведение итогов на основе количественных данных, но, как указано выше — стремление установить связи между идеологией и психическими детерминантами.

Мы не утверждаем, что психическое является причиной, а идеология следствием, но постараемся рассмотреть их в теснейшей связи, исходя из того, что иррациональность также присуща идеологии, как внешнему поведению человека — бессознательные конфликты в психике. При изучении материалов интервью особое внимание было уделено этой иррациональности, а также тем высказываниям, которые каким-то образом свидетельствуют о динамике структуры характера. Составление таких конфигураций, где присутствуют и динамическая мотивация, и идеологическая рациональность, кажется нам оптимальным путем для доказательства следующих положений. Представленный выше материал², по крайней мере, позволяет рассматривать структуру характера как один из детерминантов идеологии.

Но сфера, которой мы занимаемся, не допускает упрощенного толкования категорий психологии. Наше определение «потенциально фашистского характера» базируется в основном на отличиях между *H* и *N*; если эти различия имеют место в большинстве аспектов политико-экономической идеологии и в глубинном смысле соответствуют всем аспектам идеологии, то должна существовать еще одна детерминанта, стирающая различия

между *H* и *N* и делающая невозможным однозначное толкование в категориях психологии.

Это и есть наша общая культурная атмосфера и, прежде всего, влияние идеологии на формирование общественного мнения. Если наш культурный климат под давлением социального контроля и концентрации технологий стандартизован в невиданных масштабах, то мы должны допустить, что мышление индивидуумов отражает не только структуру характера, но и эту стандартизацию. Структура характера обусловлена этим в гораздо большей степени, чем это может себе представить наивный наблюдатель. Другими словами, мы должны принимать во внимание, что у интервьюируемых есть некая идеологическая «общая схема», которая, ни в коем случае не являясь индифферентной к дихотомии *H* и *N*, все же нарушает границу между ними. Наши данные вполне подтверждают, что такая «общая схема» существует на самом деле.

Основным в этой главе является вопрос, нет ли в этой идеологической «общей схеме», даже по сравнению с восприимчивостью нашего *H* к фашистской пропаганде, опасности массового присоединения к антидемократическим движениям, получившим однажды мощный импульс.

Значение этого диагноза, который должны подтвердить наши материалы, очевидно: из него следует, что такой общий потенциал не может быть преодолен только воспитательными мерами на психологическом уровне. Наряду с этим требуются решительные изменения культурного климата. Этот аспект методологически важен для нашей работы, так как он несколько смягчает противопоставление *H* и *N*, которое при абсолютизации может привести к «психологической пристрастности», пренебрегающей действующими в нашем обществе объективными и надындивидуальными силами.

Употребление понятия «общая схема» в сфере идеологии на первый взгляд может показаться парадоксальным. Но благодаря ему можно провести относительно понятное, простое, хотя и несколько грубое деление на прогрессивные и реакционные убеждения, ибо здесь обозначились наиболее характерные различия. Однако факты этого не подтверждают, скорее трудно удержаться от впечатления, что в интервью на политико-экономические темы сходства между *H* и *N* гораздо больше, чем в более отвлеченных областях. Существуют, разумеется, темы совершенно однозначные, вроде некоторых одиозных антисемитских представлений, рассмотренных в предыдущих главах. Даже без научного исследования можно сделать вывод, что *H* по большей части против, а *N* за Рузвельта, что *H* отдадут предпочтение «жесткой» внешней политике, а *N* — сторонники взаимопонимания, и что *H* с возмущением отвергают коммунизм, а *N* склоняются к дискуссии по существу. Но есть и множество «более формальных» элементов политической идеологии, которыми пронизана «общая схема» и которые способствуют реакционным и потенциально фашистским убеждениям. К ним относятся, как будет показано ниже, всеобщая

неосведомленность и путаница в политических вопросах, привычка «навешивать ярлыки» и «персонализация», недовольство профсоюзами, протест против государственного вмешательства в экономику и ограничения доходов, и многое другое. Существование такой «общей схемы» в политике не является неожиданностью, если рассматривать проблему во всех взаимосвязях. Фактически о наличии этой проблемы свидетельствуют наши количественные результаты. Используя одну только шкалу *PEC'*, мы не могли ожидать тесной корреляции между политической идеологией и антисемитизмом. Дэниэл Дж. Левинсон привел доказательства, что корреляция по *PEC'* между антисемитизмом и этноцентризмом никогда не была очень высокой.³ Были опрошенные с высокими показателями по *PEC'*, но низкими по *E*, а другие — с высокими по *E*, но средними или низкими по *PEC'*. Это означает, что мы не можем, особенно в данной области, определить *H* и *N* четкими категориями.

Посмотрим, подтверждают ли интервью эти положения: что в качественном отношении означает снижение критериев различия, а также, можем ли мы и каким образом установить значимые величины различия.

Если признак по шкале *E* статистически различает высокие и низкие показатели так, что «высокие» показатели становятся еще выше, и это наблюдается у всех интервьюируемых, то надо сделать вывод, что признак присущ нашей культуре в целом. В этой главе мы уделим особое внимание таким наиболее ярким признакам. То, что речь идет о потенциально фашистских признаках, находит свое подтверждение в том, что они «совпадают» статистически, психологически и по другим параметрам со значением высокой шкалы, если же они встречаются довольно часто в интервью по шкале *N*, то мы должны сделать вывод, что живем в потенциально фашистские времена.

Если опрашиваемый имеет низкие показатели по всем шкалам, но все же обнаруживает потенциально фашистские черты, можно предположить, что шкалы и другие методики не раскрывают общей картины, что потенциальный фашизм по этому признаку является гипотетическим, поскольку речь идет о статистическом доказательстве. Следовательно, надо еще эмпирически установить, соответствует ли это тому, что мы знаем об опрошенном на самом деле. Наше исследование должно по возможности внести ясность в эту методологическую проблему.

Конечно, общая схема, которая должна дифференцировать разницу между *H* и *N*, требует более тонких критериев и нюансов, чем та, которая применяется до сих пор. Но в этой главе мы будем касаться данной проблемы лишь изредка. Иногда *H* и *N* выражают похожие политико-экономические взгляды, но отличаются друг от друга в деталях, так же, как они иногда различаются во внешних проявлениях, но обнаруживают сходство по существу.

Политическая и экономическая конъюнктура подвержена быстрым

изменениям. Особенно это стало заметно в последние годы. Когда собирался наш материал — преимущественно в 1945 году — Россия была нашим союзником, но в настоящее время напряженные, возникшее между Америкой и Советским Союзом, затмевает все остальное. После таких перемен адекватное изложение политической идеологии становится трудным и ненадежным. Таким образом, антирусские настроения, неизменно присутствующие в 1945 году в общей — по большей части субъективно обусловленной — реакционной позиции, в настоящее время гораздо более «реалистичны» или в большей степени попадают в «общую схему» и по существу указывают на меньшие различия между *H* и *N*, чем прежде. Более того, типичный *N* в настоящее время занимает более однозначную позицию по отношению к России. Конечно, наша интерпретация должна исходить из ситуации 1945 года, чтобы дать адекватную картину связи между идеологией и личностными факторами. Но здесь следует подчеркнуть, что шкала *PEC* и результаты интервью по ней зависят от внешних условий больше, чем другие шкалы. Поэтому мы никак не ожидали высокой корреляции между шкалами *PEC*, *E* и *F*, так как вполне возможно, что направление некоторых поверхностных связей изменилось при новых политических обстоятельствах. Идеология реагирует на новую политическую динамику так чутко, что, возможно, к моменту публикации следует модифицировать некоторые выводы в конце данной главы. Но все-таки можно утверждать, что общие формулировки, приводимые ниже, соответствуют происходящим событиям.

В этой главе мы занимаемся прежде всего формальными элементами политической и экономической идеологии, а затем некоторыми специфическими вопросами политики. В обеих частях рассматривается соотношение общей схемы культуры и психологической дифференциации, но основные положения общей схемы изложены в первой части.

В. Формальные элементы политического мышления

1. Незнание и непонимание⁴

При оценке материалов, содержащих политические высказывания, следует принимать во внимание широко распространенные среди наших респондентов незнание и путаницу в политических вопросах. Это незнание способно превзойти даже представления скептиков. Если люди не знают, о чем говорят, то понятие «мнение» — основа в изучении идеологии — теряет свое значение. При этом материалы интервью не становятся бессмысленными, только их оценка должна быть изложена не только в объективных категориях, а с учетом социо-психологической структуры респондентов. Другими словами, материал сам по себе требует такого

анализа личности, который соответствовал бы общей стратегии нашего исследования. В рамках этого анализа должна быть переоценена идеология опрошенных.

Неосведомленность и путаница в понятиях характерны для политических высказываний и *H* и *N*, тем не менее, их нельзя признать нейтральными при восприятии фашистской пропаганды. Возникает впечатление, что путаница и незнание чаще встречаются у *H*, чем у *N*, и этот факт вполне соответствует предыдущему наблюдению, что *H* вообще является «противником интеллектуалов». Да еще их официальный оптимизм исключает такой критический анализ существующего порядка, на котором основана рациональная политическая оценка. Человек, который идентифицирует себя с миром априори, не испытывает особого стремления осмыслить и провести различия между сущностью и внешними проявлениями. Склонность *H* к практической жизни и его интуитивная дистанция ко всему, что выходит за рамки его достаточно ограниченной деятельности, является еще одним фактором, способствующим отсутствию интереса к политике, и объясняет недостаточные познания в ней. Как бы то ни было, можно предположить, что само по себе незнание способствует общей реакционной тенденции. Это мнение, основанное на исследованиях, проведенных в отсталых сельских районах, кратко и четко выражено старыми социал-демократами. антисемитизм — это «социализм дураков». Все теперешние фашистские движения, включая деятельность американских демагогов, рассчитаны на невежд; они сознательно подают факты таким образом, чтобы найти поддержку только у тех, кто с ними незнаком. В сложном современном обществе, насыщенном проблемами, незнание ведет к состоянию неуверенности и беспокойства, которое служит идеальной почвой для реакционных массовых движений современного типа. Такие движения обычно носят популистский, «народный» и откровенно антиинтеллектуальный характер. Неслучайно, что во все времена фашизм не смог разработать связной социальной теории, а к теоретическому мышлению и знанию относится с презрением, как к свидетельству «утраты юрней». Такое незнание, обнаруженное в наших интервью, представляется особенно зловещим в группах с относительно высоким уровнем образования, независимо от того, имеют ли они высокие или низкие показатели по шкалам. С одной стороны, техническое образование и стремление к «реалистической заботе о себе», а с другой — упорное нежелание осмыслить действительность, становятся тем климатом, в котором расцветают фашистские движения. Там, где преобладает подобное мировоззрение, в кризисных ситуациях особенно легко усваиваются идеологические формулы, недавно еще свойственные экстремизму.

Иногда опрошенные признают свое незнание: например, их высказывания выдают очевидный недостаток информации; бывает, что респонденты признают свою неосведомленность или отсутствие интереса к политике.

Такое отношение особенно характерно для женщин, которые часто сопровождают его самообвинениями.

Очень трудно отличить простое незнание фактов от путаницы и смешения понятий у тех, кто не имея достаточного навыка мышления, находятся под постоянным влиянием средств массовой информации и пропаганды и не знают, как они должны оценивать факты. Кажется, что путаница в понятиях — следствие незнания: как будто те, кто не знают, чувствуют себя обязанными иметь политические убеждения. Однако, имея смутные представления об основах демократии, мыслят искаженно и зачастую впадают в прямое заблуждение.

Следующие цитаты выбраны наугад, чтобы наглядно показать, что за редким исключением, где присутствует осознанный или высказанный интерес к политике, данное явление распространено почти повсеместно.

Примером незнания, скрывающегося за высокопарными фразами, являются высказывания *M117, N* из группы на курсах при университете. Это моряк, закончивший среднюю школу, который немало читал, но в то же время о многом имеет смутное представление.

(Политическая ситуация в Америке?) Наша политическая система имеет хорошую основу, так как большинство людей политикой не интересуется или в ней разбирается, поэтому по большей части политические решения у нас диктуются капиталистической системой.

Для этого человека вопрос о том, есть ли в Америке капитализм или нет, является просто вопросом «образования».

«Путаник», «одуроченный» — бывший участник войны, *M732c, H* со средним образованием: его фразы вначале построены так, что он кажется хорошо осведомленным о современном положении вещей, но он редко их заканчивает.

(Что он думает о современных политических направлениях?) Я бы сказал, что мы в очень прискорбной ситуации. Хуже, чем два года назад — ну, ситуация с Россией в Иране — а эти забастовки, возникающие всюду — нужно очень большое искусство политиков, чтобы поддерживать в мире порядок.

Его высказывания постоянно сопровождаются оговорками:

Мне кажется, что они (профсоюзы) делают какие-то успехи, но в некоторых отношениях этого не скажешь. Я думаю, что все, в конце концов, переменится к лучшему. Но вообще-то я считаю, что они не должны вмешиваться в политику... Я не совсем хорошо разбираюсь.

На вопрос о самых больших опасностях современной формы правления он отвечает:

Ну, что тут сказать... да, есть опасность новой войны. Ведь США такой громадный плавильный котел... Я думаю, здесь есть масса людей, которые не желают Гитлеру смерти и настроены прогермански — и может быть одна из этих мелких групп найдет поддержку.

Заклоченный тюрьмы Сан-Квентин, *M621a*, с низкими показателями по *E* и *PEC*, и средними по шкале *F*, относится к России как к наибольшей опасности. На вопрос, что нужно делать, он отвечает:

Нужно бы ограничить политические партии двумя группами, а всех этих социалистов и коммунистов, и прочих — запретить.

(*Что делать с социалистами и коммунистами?*) Ну, пусть они продолжают верить в свои идеалы... и на выборах они могут получить голоса, но им нельзя давать власть. (*Вы хотите сказать, что они не имеют права выдвигать кандидатов?*) Нет, если у них нет большинства.

Примером самых крайних, экстремистских взглядов является *F121*, которая «никогда не училась хорошо в школе» и, по-видимому, почти не имеет общего образования.

Нет интереса, нет информации. Одобряет Рузвельта и считает, что он помог пережить войну. На вопрос анкеты о политических партиях написала: «Не знаю этих партий».

A5016, домохозяйка со средним образованием, имеющая высокие показатели по *F* и *E*, и средние по *PEC*, которую интервьюер определяет как «умеренно интеллигентную», говорит:

Я слышала, что и социалисты, и коммунисты плохие.

Напротив, *5052*, негр, занятый в сфере увеселительных заведений, с высокими показателями по *F* и *PEC* и со средними по *E*, имеет собственное мнение о коммунизме и, по-видимому, питает некоторую симпатию к самим коммунистам; но его мнение тоже озадачивает:

Те, кто занят в сфере развлечений, которые коммунисты, все хорошие ребята.

Из дальнейших вопросов выясняется, что, по его мнению, коммунизм — нечто вроде общественного клуба, который проводит собрания и собирает деньги на разные достойные дела.

Несколько выпадает из общего ряда позиция *5035*, девушки по вызову с умеренно низкими показателями, которая, прежде чем заняться проституцией, закончила Калифорнийский университет. Она проявляет большой интерес к действиям профсоюзов: из-за занятий проституцией потеряла

прежнюю работу учителя танцев. Она отказалась отвечать на вопросы о политических партиях, объяснив это следующим образом:

У меня довольно смутные представления о политике, я много говорю об этом со своими клиентами, а они все придерживаются разных взглядов. А с экономикой мне было трудно справиться в колледже.

Однако в практических вопросах ее взгляды весьма либеральны и даже радикальны.

Отрицательная критическая самооценка, вызванная незнанием политической конъюнктуры, встречается преимущественно среди женщин-респондентов со средними и низкими показателями; это логично и соответствует в общем их интровертной и самокритичной позиции.

Таким примером является *F128*, семнадцатилетняя девушка, по образованию социальный работник; средние показатели по *E* и *F*, но высокие по шкале *PEC*:

В этом отношении мне несколько стыдно. Я не люблю, когда ничего не знаю о чем-либо, но, честно говоря, я вообще ничего не знаю о политике. Конечно, я за Рузвельта, но не думаю, что это мое осознанное мнение. Об этих вещах говорят мама и Джим, но все же больше о своей социальной работе. Я решила впредь больше читать и думать об этом, потому что считаю, что все интеллигентные люди должны думать об этом.

Следует упомянуть и о *F517, N*. Ей 20 лет, она студентка первого курса, занимается музыкой. Она сожалеет о своей неосведомленности и несамостоятельности. Но в целом ее взгляды, в особенности на проблемы меньшинств, все же показывают достаточную ясность мысли и искренность; она не просто перенимает взгляды своих родителей.

Я не так много об этом знаю. Я чувствую, что завишу от других — мои взгляды от моего отца. Он твердолобый республиканец. Рузвельт ему не нравится, но я думаю, что он (Рузвельт) сделал кое-что хорошее (например, для улучшения положения бедных).

В рамках нашего исследования невозможно прокомментировать политическое невежество, представляющее собой полную противоположность уровню информации по другим вопросам и высокой рациональности, с которой большинство респондентов принимает решения и добивается поставленных целей в личной жизни. Истинной причиной этого незнания вполне может быть сложность, непонятность социальных, экономических и политических отношений для тех, у кого нет доступа к знаниям, информации и теоретическому мышлению.

Наша социальная система в современной фазе и объективно, и авто-

матически стремится «задерживать занавес», так что наивным людям не видно, что происходит. Эти объективные условия усложняются еще и мощными экономическими и социальными силами, которые сознательно или инерционно держат людей в неведении. Сам факт, что наша общественная система вынуждена, так сказать, обороняться, и капитализм, вместо того чтобы развиваться как прежде и предоставлять людям все новые возможности, теперь с трудом удерживает позиции, блокируя критические высказывания, которые сто лет назад считались «прогрессивными», а сегодня их воспринимают как потенциально опасные. Все это способствует одностороннему представлению фактов, манипулированию информацией, определенным смещениям акцентов, что препятствует всеобщему просвещению, которое в ином случае могло бы получить очень значительное ускорение благодаря техническому прогрессу в средствах связи. Как это уже было в период перехода от феодализма к буржуазному обществу, слишком большое знание содержит налет разрушения. Эта тенденция встречается на своем пути с «авторитарной» ментальностью значительной части общества. Превращение нашей динамичной социальной системы в статичную, которая сражается за свою неизменность, отражается на взглядах и мнениях всех тех, кто в силу возникших интересов и психологических мотивов идентифицируют себя с существующей системой. Чтобы не разрушить модель самоидентификации, они бессознательно не хотят знать слишком много, готовы воспринимать поверхностную или искаженную информацию, лишь бы она поддерживала тот мир, в котором они живут. Было бы заблуждением приписать общее состояние незнания или смещения понятий в политике врожденной глупости или мифологической «незрелости» людей. Глупость может быть основана скорее на психическом вытеснении, чем на дефектах мыслительной способности. Только так может быть объяснен низкий уровень политической компетенции даже среди респондентов в группе колледжа. Они считают, что думать и даже учиться трудно, опасаются неверных мыслей и обучения неправильным вещам. Этот страх, связанный, возможно, с отказом отца говорить ребенку больше, чем он предположительно может понять, постоянно поддерживается системой образования. Этот страх стремится не принимать все якобы «спекулятивное» или то, что невозможно доказать цифрами, фактами или явными результатами.

Разрыв между недостаточным навыком политического мышления и волной политических новостей, захлестывающей население и при этом предполагающей наличие такого навыка, этот разрыв — лишь один из многих аспектов общей ситуации. Что касается специфических интересов нашего исследования, то нужно выделить два аспекта политического незнания: во-первых, в настоящее время быть «разумным» значит прежде всего думать о себе, о своих интересах и, повторяя за Вебленом, осуждать «праздное любопытство». Экономические и политические вопросы в

настоящее время играют в частной жизни скрытую роль, населению кажется, что они его мало касаются, а с другой стороны, оно не может оказывать влияния на эти вопросы.

Во-вторых, другой аспект незнания в большей степени связан с психологией. Политические новости и комментарии, как и другая информация в прессе, по радио и т.п. занимают наше свободное время и в определенной степени относятся к области «развлечений». В равной степени и к политике относятся, как к фильмам или спорту, а не как к процессу, в который вовлечен каждый. Исходя из такой системы связей, политика должна «приносить разочарование». Людям со стандартными установками и ценностями, внушенными индустрией культуры, политика должна представляться сухой, холодной или просто скучной. Этому способствует и бытующее в американской традиции представление, что политика — это грязное занятие, и уважающие себя люди должны иметь с ней как можно меньше общего. Разочарование в политике как форме досуга, который себя сразу же не оправдывает, порождает равнодушие, и можно предположить, что преобладает не только незнание фактов, но и незнание как протест против напрасной и обременительной траты времени. Многократно отмеченная у женщин привычка пропускать в газетах разделы политики, содержащие соответствующую информацию, и сразу переходить к колонкам сплетен, детективных историй, страниц для женщин и т.п., весьма вероятно является крайним проявлением общей тенденции.

Таким образом, в заключение можно сказать, что политическое незнание (или политическая неграмотность) в основном определяется тем, что знание в политике, как правило, непригодно для достижения индивидуальных целей, а с другой стороны, не помогает личности уйти от действительности

2. «Навешивание ярлыков» и персонификация в политике

Незнание и смешение понятий сопутствуют тому, что можно назвать недостатком политического опыта. Поскольку в глазах индивидуума вся политико-экономическая сфера является чем-то совершенно «далеким»: ее невозможно конкретно ощутить или оказать на нее влияние, но, тем не менее, с ней необходимо справляться каким-то косвенным, отчужденным образом.

Но как бы ни были далеки политика и экономика от индивидуальной жизни и поведения, они решительно вмешиваются в судьбу каждого индивидуума. В период тотальной войны и всепроникающей социальной организации даже самый наивный человек осознает давление политико-экономической системы. В первую очередь это относится, конечно, ко времени войны, когда от политических сил, казалось бы, далеких, в буквальном

смысле зависит жизнь и смерть каждого человека. Весьма ощутимы в личной жизни каждого и такие проблемы, как роль профсоюзов в американской экономике, забастовки, превращение свободного предпринимательства в монопольную экономику, вопросы государственного контроля.

Все это, на фоне незнания и путаницы в понятиях, порождает на уровне «я» неуверенность и страх, связанные с детскими страхами. Индивидуум видит перед собой проблемы, которых не понимает, и должен вырабатывать определенные приемы, пусть неудобные и даже ложные, все же помогающие ему найти путь во тьме.⁵ Такая помощь в ориентации выполняет двойную функцию: во-первых, создает для индивидуума вид знания или псевдознания, что позволяет ему занять позицию, которую от него ожидают, хотя, может быть, он на это не способен. Во-вторых, подобная поддержка психологически смягчает чувство страха и неопределенности и создает иллюзию интеллектуальной безопасности, некоторой опоры, пусть даже сам человек ощущает ущербность своих взглядов.

Парадоксальная сама по себе задача понять «непонятное» ведет к парадоксальному решению, то есть к тупику, в который многие попадают. Индивидуум стремится использовать два средства, противоречащие друг другу: стереотипизацию и персонификацию, то есть повторение инфантильных образцов. В предыдущей главе мы подробно обсуждали специфическое воздействие стереотипов и предрассудков; желательнее рассмотреть также идеологические стереотипы и их противоположность — персонификацию, в связи с фундаментальными принципами, давно известными в психологии. Такие четкие дихотомии, как «добро и зло», «мы и другие», «я и мир», могут быть прослежены до самого начала нашего развития. С помощью этого грубого структурирования и духовной антиципации легче справиться с хаотичной действительностью. Ведь даже стереотипы ребенка отмечены его опытом и страхами. Они отражают «хаотичную» природу действительности и столкновение с неудержимыми фантазиями раннего детства. Наши стереотипы — это одновременно и наши инструменты, и травмы, как, например, «черный человек».

Но психологическая двойственность присуща и стереотипам — в них есть и полезная, и тормозящая сила: эта двойственность постоянно стимулирует противоположную тенденцию. Мы пытаемся с помощью ритуалов смягчить нечто застывшее, сделать его более человеческим, знакомым, частью самого себя. Ребенок, который боится «черного человека», в то же время пытается каждого незнакомого назвать «дядя». Конечно, обе модели поведения являются средствами приспособления, но их травматический элемент всегда препятствует познанию реальности. Становясь чертами характера, эти механизмы все более приводят к иррациональности. Неясный и непонятный для большинства людей характер современной политической и экономической ситуации дает идеальную возможность возврата на ступень инфантильной стереотипии и персонификации.

Политическая рационализация, за которую хватаются неверно информированные и запутавшиеся, есть не что иное, как вынужденный возврат к иррациональным механизмам, которые индивидуум так и не преодолел в процессе роста. В этом мы видим важнейшую связь между мнениями и психологическими детерминантами.

Опять-таки образование стереотипов помогает незнающему найти организацию в том, что вначале кажется хаотичным: чем менее он способен к реальному процессу познания, тем упрямее он цепляется за определенные схемы, так как вера в них избавляет от необходимости углубляться в суть дела. Там, где жесткая, принудительная природа стереотипа разрушает природу «проб и ошибок», наступает оглушение. Образование стереотипов становится — если употребить термин Дж. Ф. Брауна — стереопатией. В сфере политики это тот случай, когда блок незнания и недостаточное восприятие объективного материала препятствует любому реальному опыту. Кроме того, индустриальная стандартизация бесчисленных явлений современной жизни существенно способствует стереотипному мышлению.

Чем больше стереотипов содержит сама жизнь, тем больше стереопат чувствует свою правоту, ибо тип его мышления получает реальное подтверждение. Современные средства массовой информации, подобные промышленному производству, распространяют целую систему стереотипов, которые позволяют индивидууму ощущать себя информированным и «посвященным». Поэтому практически нельзя избежать стереотипного мышления в вопросах политики.

Как ребенку, так и взрослому, приходится платить за удобство стереотипов очень высокую цену. Стереотип как средство перевода реальности в анкету, где много вариантов ответов, которые суммируются и оцениваются знаками плюс и минус, в сущности, оставляет мир таким же далеким, абстрактным, «неиспытанным», как и прежде. Кроме того, страхи индивидуума, которые порождаются отчужденностью политической реальности, нельзя устранить полностью с помощью этого приема, который сам отражает непрерывный угрожающий процесс, происходящий в реальном мире. Да еще и сама *стереотипизация* требует своей полной противоположности — *персонализации*. Это термин имеет в данном случае точное значение: так называется тенденция обозначать и связывать объективные социальные и политические процессы, политические программы, внутреннюю и внешнюю напряженность с какой-либо личностью, которая идентифицируется с данным случаем. Это делается вместо того, чтобы заниматься безличной интеллектуальной работой, в соответствии с абстрактным характером социальных процессов.

Стереотипия и персонализация не отражают реальности в достаточной степени. Их интерпретация может рассматриваться как первый шаг к пониманию комплекса «психотического» мышления, которое, как нам представляется, есть существенный признак фашистской менталь-

ности. Но очевидно также, что субъективный отказ понимать реальность обоснован не только и не столько психической динамикой индивидуума; отчасти его можно отнести к самой реальности, к связям или их отсутствию между реальностью и индивидуумом.

Стереотипы не совпадают с реальностью, поскольку уходят от конкретного и довольствуются предвзятыми, застывшими и однозначными представлениями, которым индивидуум склонен приписывать почти магическую силу. И наоборот, персонализация избегает абстрактности реального, то есть уходит от «овеществления» социальной реальности, которая определяется отношением к собственности и где человек является только придатком. Стереотипы и персонализация — это два несовпадающих элемента мира, «непережитого на собственном опыте», несоединимые элементы, которые, вместе с тем, невозможно дополнить.

а) *Примеры политического мышления «навешивания ярлыков».* Мы ограничимся несколькими примерами политических стереотипов.

М359 с университетских курсов по тестированию — заведующий отделом на фирме кожаных товаров. У него высокие показатели по *E* и *PEC*, средние по *F*, для него характерны авторитарные представления. Он несколько отличается от типичной ментальности всех *H* благодаря определенной фантазии и склонности к рассуждениям. Тем более поражает та часть его интервью, где речь идет о политике: она в высшей степени абстрактна и полна клише. С одной стороны, этого респондента никак не причислишь к фанатикам, но по его высказываниям видно, что за ними скрывается незнание, и как клише, взятые из жаргона передовиц бульварной прессы, способствуют тому, что он впитывает реакционные идеи. Чтобы наглядно показать этот процесс, мы приведем его высказывания без сокращений. Они также представляют пример того, как разные темы, которыми мы подробно займемся позже, образуют единую идеологию, как только человек попадает под обаяние политического полужизания:

(Политические тенденции?) Я не очень доволен видимой стороной вещей, слишком много политики вместо создания равенства и справедливости для всех людей. Партия у власти контролирует всю страну, перспективы не слишком благоприятные. Во времена Рузвельта народ был готов все вопросы устройства нашей жизни передать правительству. Он ничего не хотел сам решать.

(Основная проблема?) Проблема только в том, как вернуть наших солдат к гражданской жизни: как им создать достойные условия — вот главная проблема. Если сейчас же за это не взяться, может возникнуть серьезная опасность. Надо решительнее планировать для солдат.

(Что могло бы помочь?) «Правительство из народа и для народа» Ингервьюируемый подчеркивает, что обычный средний человек должен быть солдатом.

(Профсоюзы?) «Я ими недоволен. Общая картина весьма безрадостна.

В теории они прекрасны, я совсем не хочу их отменять, но у них слишком сильная тенденция уравнивать всех и все. любой труд, любые усилия одинаковой оплатой. Другой их недостаток — не вполне демократическая позиция членов профсоюзов, которыми командует меньшинство...» Интервьюируемый подчеркивает, что на людей оказывают давление, чтобы они вступали в профсоюзы, но не для того, чтобы они в чем-то участвовали. В результате — невежественное профсоюзное руководство. Он считает, что необходимо изменить правила выборов для членов профсоюзов, ввести регулярную смену руководства и требовать от функционеров более высокой компетенции. Их он пренебрежительно сравнивает с экономической верхушкой.

(*Государственный контроль?*) «Сильна тенденция всех уравнивать; человеку не дают возможности выдвинуться.» Он подчеркивает серость, заурядность правительственных чиновников: зарплаты человеку не хватает, чтобы прилично одеться, у него нет стимулов и т.д.

(*Опасность для нынешнего правительства?*) В настоящее время самая большая опасность для нашего правительства, а это относится и к профсоюзной организации и вообще к жизни — наверное, равнодушие. Многие люди предоставляют другим делать все необходимое, так что дела идут так, как это устанавливает несколько корыстолюбивых эгоистов.

Респондент маневрирует в заданном направлении, причем перескакивает от весьма абстрактной идеи «равенства и справедливости для всех людей» к такому же формальному осуждению «руководства страной партией, стоящей у власти», а именно партией Нового курса. Неясное клише о всеобъемлющей демократии он использует против любого по существу демократического содержания. Тем не менее, нельзя не отметить, что некоторые его замечания по адресу профсоюзов — здесь у него есть опыт — справедливы.

M1225a является хорошим примером стереотипов в политике и их тесной связи с незнанием у лиц, которые в остальном придерживаются умеренных взглядов. У него средние показатели, 18 месяцев он прослужил на флоте и очень интересуется машиностроением. Для него профсоюзы представляют одну из важнейших проблем. Характеризуя их, интервьюируемый совершенно некритически использует три ходовых клише — социальная опасность, государственное вмешательство и роскошная жизнь профсоюзных лидеров. При этом он просто повторяет устойчивые формулировки, не ломая себе голову над их связью и совместимостью:

Во-первых, у них слишком много власти — социалистическое крыло и правительство пересекаются ... вроде впадают в другую крайность. Оценка правительства... (тут у него, кажется, довольно смутные представления). Профсоюзы... форма социализма. Я знаю, я в некоторых состоял. Они вдруг приезжают, называют тебя другом и опять отъезжают в кэдиллаке... В девяти из десяти случаев лидеры профсоюзов ничего не понимают в своей отрасли. Непыльная работа..

Большинство других ответов находятся примерно на уровне общих схем реакционного мышления: обычная формулировка — «я в это не верю», но сама проблема не обсуждается. Это могут пояснить следующие высказывания:

(Ограничение доходов до 25 тысяч долларов?) Я этого совсем не одобряю. (Самая большая опасность современной формы правления?) Я думаю, она в самом правительстве. У него слишком много власти. (Что можно сделать?) Сначала нужно решить уйму других проблем. Товары должны вернуться на свободный рынок. (Что вы думаете о конфликте между Россией, с одной стороны, и Англией и нашей страной, с другой стороны?) Я не очень интересуюсь Россией и не особенно Англией.

В этом случае клише применены с намерением скрыть недостаток информации. Получается так, что каждый вопрос, на который интервьюируемый не знает конкретного ответа, просто вынуждает прибегать его к бесчисленным готовым клише. Приводя их, он как бы доказывает, что думает самостоятельно и имеет собственное мнение. Но на самом деле здесь ничего нет, кроме окостенелых схем из «да» и «нет». Интервьюируемый знает, как должен реагировать на определенные вопросы человек с собственным политическим кругозором, но сам не вникает в эти проблемы. Поэтому к своим оценкам он прибавляет те или иные пустые фразы.

F139 относится к типу, который в главе «Типы и синдромы» характеризуется как «устойчивый N». Ее отличает страстное отвращение к алкоголю, которое можно рассматривать как скрытую черту, характерную для N. Алкогольные напитки являются для нее, так сказать, еврейми. Себя она считает христианской социалисткой, но большинство проблем склонна решать, не прибегая к дискуссии, и излагает то, что должен думать религиозный социалист.

Разрыв между ее представлениями и существом происходящего обнаруживается в следующем высказывании:

Литвинов — государственный деятель, который мне нравится больше всех на свете. Я считаю, что самая замечательная речь за последнее время та, что он произнес на Женевской конференции, когда выступал за коллективную безопасность. Мы были так рады, когда увидели, что рассеялся туман неизвестности и недоверия, которым был окружен Советский Союз во время войны. Хотя ситуация все еще не прояснилась. У нас в стране много фашистов, которые сбросили бы Рузвельта, если бы смогли.

В ответ на проблему неприменения силы в международных отношениях у нее есть готовая общезвестная формулировка:

Конечно, я интернационалистка. Как же иначе я могла быть настоящей христианкой? И я всегда была пацифисткой. Войны совершенно не нужны. И эта тоже. Ее можно было бы избежать, если бы все демократические народы осознали вовремя свои собственные интересы и предприняли бы верные шаги. Но они этого не сделали. А теперь мы спрашиваем себя: была ли победа над фашистами в интересах народов? Очевидно, нет. И так как мы стоим перед очевидным репением и не можем его избежать, то должны полностью поддерживать эту войну.

Интервьюируемая является показательным примером связи стереотипов и персонализации. Ее политические убеждения должны были бы ее побудить к объективным социально-экономическим рассуждениям, но вместо этого она думает совершенно готовыми формулами — о своих «любимцах», известных и популярных людях, ставшими общественными явлениями — «стереотипами человека».

На второе место я ставлю, если можно так выразиться, нашего собственного президента, а точнее, миссис Рузвельт. Я думаю, без нее ничего бы не было. Собственно говоря, это она сделала его таким, какой он есть. Я думаю, у Рузвельтов есть настоящий интерес к людям, к их благоденствию. Но что-то в них мне мешает, особенно в госпоже Рузвельт — это алкоголь. Она не против алкоголя, а я считаю, что она должна знать, насколько мы как нация были бы лучше без него.

Далее она обнаруживает важный признак политического стереотипа, присущего *N*: разновидность автоматической веры в победу прогресса, в противоположность частому среди *N* высказыванию о скорой гибели, которая якобы нам всем предстоит. Подобные мысли преобладают среди политических высказываний *M359*.

Стоит только оглянуться, чтобы стать оптимистом. Я не была бы истинной христианкой, если бы не верила, что продолжится прогресс человечества. К настоящему времени мы намного ушли вперед, чем были сто лет назад. Социальное законодательство, которое раньше было мечтой, теперь уже реальность.

б) Примеры персонализации. Тенденция к персонализации поддерживается американской традицией персональной демократии. Это находит свое яркое выражение в тех полномочиях, которые конституция передает исполнительной власти; эту тенденцию поддерживает тот аспект традиционного американского либерализма, который рассматривает конкурентную борьбу как соревнование между людьми, когда лучшие имеют приоритет.

Причина и следствие почти меняются местами: в то время как в рыночной экономике «лучшим» считается тот, кто успешно выдерживает конкуренцию, люди думают, что успех выпадает на долю лучшего. С этим

совпадает и чрезвычайно персонифицированная политическая пропаганда, в особенности в выборных кампаниях, в которых объективные проблемы обычно вытесняются из поля зрения с помощью прославления кандидатов, зачастую за такие качества, которые слабо связаны с их будущими обязанностями. Идеал демократии, при которой народ непосредственно имеет право голоса, в условиях современного массового общества часто фальсифицируется в сторону такой идеологии, которая маскирует приоритет объективного социального развития совершенно специфически, с помощью могущественных партийных механизмов.

Материал о персонализации очень велик, но в то же время однообразен. Поэтому вполне достаточно нескольких примеров.

M116, N, отдает предпочтение Уоллесу перед Дьюи, потому что

Уоллес как человек лучше, а я обычно голосую за лучшего.

Персонализация здесь тем более удивительна, что оба этих политика объективно отличаются друг от друга противоположными точками зрения, а респондент, как и большинство населения, вряд ли в состоянии судить о них «как о людях».

M102, H, почти дословно повторяет *M116*:

Запишите, что я демократ, но я никогда сильно не интересовался партиями. Я голосую не за партии, а за самого достойного.

Ложная вера в политические теории не является средством против персонализации. *M117*, в дальнейшем *N*, называет себя «научным социалистом» и возлагает большие надежды на социальную психологию. Тем не менее, на вопрос об американских партиях он отвечает следующее:

Я ничего об этом не знаю. Меня интересует только человек и его качества, а к какой он партии относится, меня не волнует (*Кто вам нравится?*) Рузвельт один из великих. Я тогда был не за него, но его выбрали, и я допускаю, что я ошибался. Он проделал огромную работу. Он принял близко к сердцу процветание страны. Трумэн пока тоже хороший. Сенаторы и конгрессмены среднего качества. Дьюи выдающийся деятель, я думаю, у него есть перспективы. Он кажется серьезным и честным человеком и интересуется нашей страной. Он хорошо работал окружным прокурором.

Другие аспекты персонификации мы рассмотрим, когда будем анализировать отношение наших интервьюируемых к Рузвельту. Здесь мы ограничимся указанием двух качеств, весьма характерных в комплексе персонификации: они все время повторяются в мнениях *H* о Дьюи: это порядочность и искренность.

F114, *H*, знает, что Дьюи «силен, молод, смел, честен. У него могут быть ошибки, но эти ошибки идут на пользу. Я считаю, он молод и силен.»

Очевидно, такая оценка совпадает с покорным восхищением силой, которое играет большую роль у всех *H*.° На основе кампании, проводимой бывшим прокурором против политического рэкета и коррупции, они делают вывод о его честности. Так как он уволил мошенников, по утверждению пропаганды, то должен быть честным. Как нам представляется, честность является основным способом рационализации мстительности.

С точки зрения психологии, образ Дьюи является проекцией чувства вины сверх-Я в проецируемой вовне устойчивой форме. Восхваляется порядочность Дьюи, постоянно подчеркивается его молодость и сила — все это связано со схемой «сильного мужчины».

F117, другая *H* из группы работающих женщин, имеет высшие показатели по *A-S* и крайне консервативна по всем параметрам. В оценке Дьюи она также прибегает к методу персонализации; слегка изменяя тон, она все же применяет аналогичную схему:

она считает, что Дьюи лучше, чем Рузвельт, знает цену деньгам, потому что происходит из небогатой семьи

В этом примере наряду с похвалой, адресованной честному человеку, просматривается потребность в наказании, связанная с отвращением к комфортабельной жизни, ненависти к «снобистским высшим классам», которые наслаждаются такими вещами, которых не может себе позволить обычный человек. А Дьюи, напротив, представляет собой символ отказа от роскоши, и бессознательно от него ожидают, что в этом он сохранит постоянство. По мнению *H*, Дьюи выступает за такие отношения, когда каждый «знает, сколько стоит доллар». Когда возможный президент находится в ореоле власти, с его личностью идентифицируется умеренность и скромность, присущая средним слоям

Наверно неслучайно, что именно женщины находят под сильным очарованием его «честности». Они воспринимают жизнь с точки зрения потребителей. Поскольку им не хочется быть обманутыми, то уже сама декларация честности имеет для них определенную притягательную силу.

Различия между *H* и *N* по поводу персонализации мы можем сформулировать только предварительно; наши впечатления трудно зафиксировать, но они совпадают с результатами наших клинических исследований.

Наиболее часто встречающимся элементом, характерным для *N*, является доверие, представление об официальных лицах, как о хороших, доброжелательных отцах, заботящихся о благе каждого или об «обиженных», и это представление возникает благодаря беспрепятственному позитивному переносу, основанному на отношении к родителям. Это наблюдение можно сделать более наглядным, исследуя отношение наших

респондентов к Рузвельту. Напротив, качество, которое наиболее высоко ценят *H*, это сила. Социальную власть и господство, центр их собственной идентификации, они преобразуют в качество, врожденное у определенных индивидуумов, с помощью механизма персонализации, и тем самым лишают существующую власть образа строгого отца, чье «превосходство» они осознают.

Наконец, следует упомянуть о последнем аспекте персонализации. Знать что-нибудь о конкретной личности значит казаться «информированным», и тогда необязательно на самом деле вникать в суть дела: легче говорить о людях, чем о проблемах, пока определенные имена носят знаковый характер. Неточная, неправильная персонализация является, следовательно, идеальным образчиком поведения для полубразованного человека, примером, который расположен где-то посередине между полным незнанием и тем сортом «знания», которому так способствуют масс-медиа и индустрия культуры.

Подведем итоги: общественные процессы становятся все более анонимными и «непрозрачными». Благодаря этому индивидууму все труднее видеть точки соприкосновения личного жизненного опыта с объективными изменениями в обществе. Социальное отчуждение скрыто за поверхностным явлением, которое на первый план выдвигает свою полную противоположность: персонализация политических позиций и привычного поведения компенсирует дегуманизацию социальной сферы, что и является причиной большинства жалоб и нареканий. Несмотря на то, что индивидуальная самобытность играет все меньшую роль в нашей политической и социальной организации, люди все крепче цепляются за идею, что все дело в человеке, и, в мнимом всемогуществе известных личностей, ищут компенсацию собственного социального бессилия.

3. Поверхностная идеология и истинное мнение

Отчуждение между политической сферой и реальным жизненным опытом, который индивидуум стремится преодолеть с помощью психически обусловленных вспомогательных конструкций — стереотипов и персонализации — во многих случаях ведет к разрыву между выраженными и истинными мыслями интервьюируемого по вопросам политики и экономики. Его «официальная» идеология соответствует тому, что, как он полагает, он должен думать, а его истинные взгляды всегда выражают личные потребности и психологические нужды. «Официальная идеология» относится к области нематериальной и отчужденной политики, а «истинные мнения» — к его личной сфере: противоречия между ними обнаруживают их несовместимость.

Поскольку эта формальная структура политического мышления очень тесно связана с ключевым феноменом предрасположенности к фашизму,

а именно с псевдоконсерватизмом, то здесь уместно привести несколько примеров.

F116, женщина со многими предубеждениями, посещает популярные лекции в университете, вследствие некоторых расхождений в показателях представляет хороший пример конфликта между поверхностной идеологией и истинным мнением: по шкалам *E* и *F* она находится посередине, а по *PEC* имеет низкие показатели. Без сомнения, в ее случае решающие детерминанты являются потенциально фашистскими, о чем свидетельствуют ее глубокие расовые предубеждения против негров и евреев. В других политических вопросах картина в высшей степени амбивалентна. Сама причисляет себя к демократам, но голосовала за Уилки, а потом за Дьюи. Она «не была против Рузвельта», но ее замечание, что «незаменимых людей нет» лишь слегка маскирует ее неприязненное отношение. Она

знала, за что выступал Гувер, и от него толку мало. Но это не значит, что я должна почитать Рузвельта. Он был хорошим человеком, но когда я слышала, как люди плачут и переживают его смерть, мне было просто противно. Как будто он был незаменимым.

Она сбивает с толку своими восторженными прорусскими высказываниями, ярко выраженной антифашистской позицией по вопросам международной политики.

Да, я очень восхищаюсь Россией. Может, об этом и не надо говорить вслух, но это так. Я думаю, они там действительно пытаются что-то сделать для народа. Конечно, было много крови и страданий, но подумайте, против чего они должны были бороться. Мой муж прямо расстраивается из-за этого. Он говорит, что мне надо ехать в Россию, если я уж так сильно за коммунизм. Он говорит, что восхищаться коммунизмом значит хотеть изменений, и он считает, что я совсем не права, когда говорю, что хочу перемен, ведь у нас всего достаточно, мы довольны и дела идут хорошо. А я ему говорю, что это очень эгоистично и что при царизме многие думали так же, но когда ситуация так ухудшилась, что произошла революция, их уничтожили. (*Американские коммунисты?*) Ну, тут я ничего не могу сказать, я собственно ничего о них не знаю.

Я не говорю, что не нахожу недостатков в Соединенных Штатах. Я думаю, у нас куча ошибок. Мы теперь так говорим, будто всегда ненавидели войну и пытались ее остановить. Эта неправда. Была возможность остановить войну, если бы этого захотели. Я помню, как Муссолини двинулся в Эфиопию. Я все думаю, что это, собственно, и было начало войны. А мы не были заинтересованы остановить это. Мой муж не выносит, когда я крикую Соединенные Штаты.»

Манера постоянно повторять, что она расходится во мнениях с мужем, имеет с ним «политические разногласия» и «ужасные споры», позволяет

предположить, что ее «прогрессивные» политические взгляды в сфере, не предполагающей ярко выраженных эмоций, являются рационализацией (оправданием) сильного отвращения к человеку, о котором она говорит: «Я не думаю, что мы можем жить только для самих себя». Можно предположить, что она хочет, чтобы он злился на нее, когда она выступает за Россию. В ее случае сознательность и разумность поверхностного мнения обусловлены сильной, вытесненной иррациональностью:

Интервьюеру не удалось узнать что-нибудь существенное о ее личной жизни. Вопросы, которые касались ее более глубоких чувств, она обходит. Разговоры о муже остаются на поверхностном уровне.

Однако когда разговор заходит на политические темы, по каким-либо причинам, не затронутых в интервью, и если они действительно имеют для нее большое значение, то она забывает о рациональности и дает волю своей мстительности. При этом она ощущает, что совесть у нее нечиста, как говорилось в приведенном ранее ее высказывании⁷, и она «не слишком гордится своими антисемитскими взглядами».

M320 посещает популярные лекции при университете. *N*, нерешительный, колеблющийся, оправдывающийся, застенчивый, неагрессивный. Выраженные им политические взгляды либеральны и лишены предубеждений. Но ему нелегко последовательно придерживаться своих либеральных взглядов, так как в определенных политических вопросах его побуждения расходятся со словами.

Он начинает с замечания, характерного для *N*:

Боюсь, что могу сказать о политике и правительстве не так много, как надо, но я думаю, что сейчас больше либеральных людей, чем некоторое время назад. Может быть, многим нравятся изменения, происходящие в Англии — я не знаю.

Прежде всего он осторожно отвергает забастовки:

Не знаю, не могу я считать, что это просто прямое требование, и не принимать во внимание фирму со всеми ее обязательствами и всем этим. Я не так много об этом читал... но...на большом предприятии... возможно, оно может с этим справиться, ладно, но в мелких фирмах...и если они победят, даже если нет разрушительных (последствий)... что мелкие предприятия должны будут закрыться...повышение цен так или иначе к этому приведет. Думаю, на самом деле мне не нравятся забастовки, но я вижу все это...

Затем он более решительно отвергает забастовки, начиная с довольно демократичной формулы: «надо собраться вместе»:

Им нужно собраться, обсудить и провести повышение на 20–30 %, и они, может быть, поделятся... а эти забастовки... они всегда плохо заканчиваются... потому что, когда забастовка урегулирована... они же должны прийти к какому-то общему соглашению... но оно вынужденное, и рабочие находятся под давлением... Я знаю, что человеческая натура такая, а не иная, но..

Последнее, довольно путанное высказывание совпадает со стереотипом мышления, присущим *N*, о врожденной порочности человеческой природы.⁸

После такого поворота респондент высказывается с обычным для *N* осуждением государственного контроля и т.п., и заканчивает неоднозначным заявлением по поводу часовой оплаты:

Ну, такие вещи, я думаю, если — я думаю, они необходимы — я допускаю, что я, может быть, идеалист — я не думаю, что нужен закон о минимальной оплате, потому что считаю, что работодатель должен платить работнику столько, чтобы он на это мог жить, а если он не может платить, ну, тогда тому не надо там работать; но если хозяин не может платить, то он должен закрыть предприятие. .

О желании прогрессивно мыслить свидетельствует скорее общая тенденция, чем конкретные высказывания. Когда поднимаются конкретные вопросы, в мыслях происходит переворот. «Политические инстинкты» этого человека, если можно так выразиться, противоречат его официальной прогрессивности. Чтобы обнаружить разницу политических потенциалов, лучше заняться исследованием скрытых психологических импульсов, а не официальной идеологии.

Подобную картину можно наблюдать у *M118*, из группы, которая посещает популярные лекции по психологии при университете. Он член демократической партии, имеет средние показатели по *A-S*, низкие по *F*, и от низких и до средних по *E*. Интервьюер считает его «потенциальным *N*», но определенные, обусловленные структурой характера факторы мешают ему сохранять последовательность. Такое специфическое явление можно объяснить конфликтом между различными уровнями сознания. Когда речь идет о «больших» и относительно абстрактных вопросах политики, он занимает «прогрессивную» позицию.

Есть тенденция к социализму, не знаю, какого типа. Противостояние рабочих и предпринимателей, вероятно, регулируется правительством. Правительство будет прекрасно сохранять равновесие сил в конфликтах между рабочими и хозяевами. Основная тяжесть здесь касается свободного предпринимательства, но часто упирается в монополии. Крупные концерны выжимают маленьких людей, пока уже больше не могут. Пропасть между богатыми и бедными слишком велика. Одни работают до изнеможения, другие стоят в сторонке — так не будет порядка. Поэтому правительство

должно больше влиять на экономику, независимо от того, называть это социализмом или нет.

Интервьюер случайно ехал вместе с респондентом из Беркли в Сан-Франциско и продолжил беседу в непринужденной, неофициальной форме: при этом он затронул тему профсоюзов, и в связи с этим мы получили классический пример резкого расхождения официальной идеологии и политического мышления, которое непосредственно выражает собственные интересы:

Он считает, что КПШ (Конгресс производственных профсоюзов) лучше, чем АФТ (Американская федерация труда), и что профсоюзы должны еще больше распространять свои функции на слои занятых в политике, образовании и в верхах управленческой деятельности: но сам не хочет вступать в Федеральный союз рабочих, который кажется ему сомнительным, так как этот профсоюз недостаточно думает о проблемах слоев с высокими доходами и слишком заинтересован в том, чтобы заработная плата более бедных групп была не ниже определенного минимума. Ему хотелось бы, чтобы профсоюзы больше заботились о возможности повышения оплаты труда и выработке критериев для продвижения людей.

Канадец *M934*, с курса ораторского искусства, имеет средние показатели, изучает теологию, чтобы стать священником. О себе говорит, что стоит «очень далеко на левом крыле», но тут же добавляет:

...я думаю всегда практически, и я не стал бы голосовать за социалистов... особенно, если подумать, что они установят.

По его мнению, социализм нельзя создать на практике. Он еще годится в качестве идеи, так сказать, стимулирующего средства, но упаси Боже, осуществить сго на деле.

Я бы проголосовал за них, ...но только, чтобы поддержать социалистическую оппозицию... помешать теперешнему правительству слишком уклоняться вправо... но я не верю, что у них достаточно опыта, чтобы... осуществить на деле свою политическую программу. и я считаю, их программу надо переделать.

Интервьюируемый очень хвалит британское правительство лейбористов, но как раз за то, что оно не стало проводить социалистическую программу и интерпретирует такую умеренность как признак «политического опыта».

Да... я уж думал, они готовы к тому... они не пытаются одним махом изменить общественный строй... я думаю, это доказательство их зрелости.

Этот респондент хочет создать себе престижный образ левого интеллектуала, но в реальной жизни явно опасается конкретного осуществления идей, с которыми выражает теоретическое согласие.

Едва ли случайно, что в этих примерах демонстрируемая идеология всегда прогрессивна, а реальные взгляды ей противоположны. Это совпадает с устойчивой демократической традицией в данной стране, которая требует признания демократических идей. В то время как выражение противоположных взглядов в некотором смысле неудобно. Сейчас потенциал фашизма проявляется в основном в защите традиционных идей, неважно, называются они либеральными или консервативными; напротив, «политический инстинкт», который в значительной степени основан на бессознательных импульсах, совсем другого рода. Мы рассмотрим это подробно в следующем разделе.

4. Псевдоконсерватизм

Анализ результатов опроса по взглядам⁹ в экономике и политике позволил провести различие между респондентами, имеющими одновременно высокие показатели по шкале *PEC* и низкие по *F*, и теми, кто имеет высокие показатели по обоим шкалам. Это различие мы выразим в терминах «истинное» и «псевдоконсерватизм». Первые поддерживают не только капитализм в его либеральной, индивидуалистической форме, но и те принципы традиционного американизма, которые решительно отвергают всякое угнетение и по-настоящему демократичны, как это показывает неприятие различных предубеждений против меньшинств. Материалы наших интервью дают возможность провести это различие более четко и более конкретно. Прежде чем мы займемся более подробно псевдоконсервативной идеологией, хотелось бы обратить внимание, что наше представление о таком образе мышления совпадает с общей тенденцией наших результатов в области психологии. А именно, мы проверим тезис, что потенциально фашистский характер в специфическом смысле, приданном этому понятию в наших исследованиях, не только поверхностно, но и по своей природе является скорее псевдо-, чем истинно консервативным. Соответствующая псевдоконсерватизму психическая структура подвержена условностям и авторитарному подчинению в сфере сознательного, что сопровождается склонностью к насилию, анархистскими импульсами и хаотичной деструктивностью в сфере бессознательного. Эти противоположные тенденции особенно видны в той части исследования, где дистанция между полюсами сознательного и бессознательного наиболее велика, где сопоставляются результаты теста на тематическую апперцепцию (Thematic Apperception Test)¹⁰ и клиническая часть интервью. Такие черты, как авторитарная агрессивность и мстительность, можно рассматривать как промежуточные между этими антагонистическими тенденциями

предубежденной личности. Идеология, определяемая психологическими детерминантами, относится к рационализации, а рационализация «запретных» побуждений, таких как стремление к разрушению, никогда не бывает полностью успешной. Если рационализация и ограничивает подлежащие табу импульсы, то она их все же не гасит без остатка, а выражает эти импульсы в «допустимом», модифицированном, косвенном виде, соответствующем требованиям общества, которые готово принять Я. Следовательно, самая поверхностная идеология псевдоконсерваторов ни в коей мере однозначно не консервативна, как они хотят нам внушить. Это не просто реакция, направленная против скрытого бунтарства, скорее она косвенно допускает те же деструктивные тенденции, постоянно довлеющие над индивидуумом из-за жесткой идентификации с проявляющимся сверх-Я. Это проявление неконсервативного элемента облегчается определенными сверхиндивидуальными изменениями современной идеологии, в которой традиционные ценности, как, например, неотчуждаемые права человека, подвергаются редко выраженной, но, тем не менее, жесткой атаке возрастающих сил подавления, которые вытесняют все, что считают слабым. Мы должны принять за основу, что те тенденции развития, которые более или менее стремятся к фашистскому, государственно-капиталистическому строю, проявляют скрытые идеологические тенденции к насилию и дискриминации. Все фашистские движения официально обслуживаются традиционными идеями и ценностями, но на самом деле придают им совершенно другое, антигуманное значение. Псевдоконсервативный синдром, который образовался, вероятно, за последние четыре столетия, вряд ли потому является таким типично современным феноменом, что прибавился какой-то новый психологический элемент. Объективные социальные условия способствовали тому, что такой структуре характера стало легче открыто выражать свои взгляды. Это один из неутешительных результатов наших исследований, и следует честно признать, что процесс общественного одобрения псевдоконсерватизма зашел уже довольно далеко и, несомненно, приобрел массовый характер. Во взглядах некоторых типичных *H* представления политически консервативные, а также традиционно либеральные часто получают нейтральную окраску и служат исключительно прикрытием репрессивных, переходящих в деструктивные, стремлений. Псевдоконсерватор — это человек, который во имя традиционно американских ценностей и институтов, защищая их от более или менее мнимых угроз, сознательно и бессознательно стремится с ними покончить.

Описание интервью респондента *M109*, *H*, офицера-охранника с полуфашистскими взглядами, раскрывает схему псевдоконсерватизма:

В анкете на вопрос, какую партию он выбирал, он отвечает — «республиканскую», а потом зачеркивает это. Он одобряет демократов, выступающих против Нового курса и республиканцев типа Уилки и

отвергает демократов, если они за Новый курс, а также традиционных республиканцев. Объяснение этому находим в том месте интервью, где он говорит, что партия ничего не значит, а все зависит от кандидата.¹¹

Когда у него спрашивают, что он понимает под республиканцем типа Уилки, он отвечает, что Уилки поддерживают те же, что и Дьюи. Воротилы экономики оказывали покровительство обоим, Уилки и Дьюи.

Показатель 67 по шкале *РЕС* средний. Перепроверка отдельных показателей шкалы указывает, что он не является настоящим консерватором в смысле ярко выраженного индивидуализма. Тем не менее, он дает положительный ответ на большинство вопросов *РЕС*, достигает показателя плюс 3 на вопрос «Ребенок должен научиться знать цену доллару?» и на вопросы о Моргане и Форде, но большинство других ответов отмечены показателями плюс 1 или плюс 2. Но, следует упомянуть, он не согласен, что депрессии похожи на головную боль, что бизнесмены важнее, чем артисты и профессора, он считает, что правительство должно каждому гарантировать доход, акционерные общества и богачи должны платить более высокие налоги, и что общественное здравоохранение — хорошая вещь. На последнем вопросе он доходит до плюс 3. Из этого явствует, что он приветствует решение некоторых социальных задач с помощью правительства, но считает, что контроль должен находиться в надежных руках. Интервью показывает это еще яснее. До того, как он пришел шесть с половиной лет назад в полицию, он работал в сфере больничного страхования. Он говорит, что сначала вел борьбу с Американской медицинской ассоциацией, которая не помогала страхованию больных, но позже посчитал, что умнее бросить эту работу, так как в недалеком будущем появится государственное здравоохранение.

Свою точку зрения на медицинское страхование он резюмирует следующим образом:

Мне нравится его массовый характер, но я думаю, что частная экономика сделала бы это лучше, чем правительство. Врачи испортили все дело, а политики сделали бы его еще хуже. Народу нужно что-то подобное, и я в теории за это, если к этому умело подойти.

По этим высказываниям интервьюеру стало понятно, что у респондента есть некоторая система коллективистских ценностей, но контроль он хотел бы видеть в руках группы, с которой может себя идентифицировать. Вряд ли это отвергаемые им профсоюзы, но наверняка это группы вроде Форда и Моргана.

В этом случае решающее значение имеет то, что у него, несмотря на реакционные в целом взгляды и преклонение перед властью, очевидные из других разделов интервью, просматривается склонность к социализму. Однако здесь не имеется в виду социализм, обобществляющий средства производства, а скорее явное, хотя и не совсем четкое желание заменить систему свободного предпринимательства и конкуренции государственно-

капиталистической интеграцией, передать контроль и организацию общественной жизни самой мощной экономической группе, представителям тяжелой промышленности, да так, чтобы им не могли воспрепятствовать ни демократическое многообразие мнений, ни группы, которые обязаны своей властью только формальной демократии, но за которыми не стоит «легитимная» и реальная экономическая власть.

Такие «социалистические», или скорее псевдосоциалистические, собственно говоря, антилиберальные элементы псевдоконсерватизма служат для того, чтобы завуалировать антидемократические стремления. Согласно такому образу мыслей, формальная демократия слишком далека от «народа», народ только в том случае получит свои права, если на смену «негодным» демократическим методам придет некая пока неопределенная сила, система сильной руки.

M651A, также Н. убийца, отбывающий срок в тюрьме Сан-Квентин, является хорошим примером псевдодемократизма, своего рода особой разновидности псевдоконсерватизма.

(Что вы думаете о современном политическом развитии?) У нас в Калифорнии губернатором стал прокурор... этого не записывайте. Это ведь называют демократией.. демократия — это наилучшая форма правления. но (не годится)...

Он резко критикует президента Рузвельта и особенно Национальную администрацию по восстановлению (National Recovery Administration), из-за которой, как он говорит, его отец потерял работу; но похоже, что этот вопрос он представляет себе не совсем ясно:

«Демократия — это хорошо, если ее правильно применять. Я считаю, что в этой стране у некоторых немногих людей слишком много денег. Я не верю в коммунизм, но здесь так много маленьких людей, которые никогда ничего не добьются...»

Респондент рассказывает, что его бабушка получает пенсию всего 30 долларов в месяц, на которые, он говорит, она прожить не может.. В этом отношении закон следует изменить. Он подчеркивает, что обеспечение по старости необходимо распространить и на лиц, которые слишком стары, чтобы получить пользу от современных законов.¹²

Здесь мы имеем дело с очень важной динамикой. Нельзя не признать, что формальная демократия в рамках существующей системы экономики не в состоянии постоянно гарантировать удовлетворение самых элементарных потребностей большинства населения, и в то же время демократическая форма правления представлена таким образом, будто она, употребляя излюбленное выражение наших респондентов, настолько приближается к идеальному обществу, насколько это вообще возможно. У

тех, кто не в состоянии осознать экономические причины этого противоречия, возникает протест, обращенный против самой демократической формы государства. Так как оно не исполняет своих обещаний, это воспринимается как надувательство, и люди готовы променять его на систему, которая отвергает принципы человеческого достоинства и справедливости, но от которой они смутно ожидают какой-то гарантии для своей жизни, надеясь на лучшее планирование и организацию. Даже самое радикальное понятие американской демократической традиции — идея революции — используется в псевдоконсервативном политическом мышлении, но в опошленном виде. Это лишь неопределенное представление насильственного переворота, без конкретных целей для народа, переворота, который с революцией связывает только аспект внезапного и сильного перелома, но в остальном выглядит скорее как административное действие. Призыв, который был так популярен после поездки принца Уэльского в бедствующие области Северной Англии, был полон бунтарства, ненависти, но оказался совершенно бессильным: «Надо что-то делать с этим». Это выражение дословно встречается в интервью *F105*, *Н*, 37-летней домашней хозяйки, инвалида, подверженной фрустрации с сильными параноидными чертами. Она все время голосовала за Рузвельта, потому что «решила быть именно демократкой». На вопрос «Почему?», она продолжает:

Я не знаю. Во-первых, я против капитализма, а республиканцы за него. Демократы пытались помочь рабочим проявить себя. Мой отец много лет голосовал за Томаса. Он думает, что мир постепенно к этому придет. Но он никогда не делал из этого проблемы. *(Являются ли ваши идеалы отражением этой позиции?)* О, может быть, но я этого не сознаю. Я проголосовала, как только смогла. *(Как вы думаете, что будет после войны?)* Может быть, снова придут республиканцы. Я думаю, американское общество очень изменчиво. Возможно, я тоже изменюсь. Мир находится в таком хаотическом состоянии, с этим надо что-то делать. В будущем мы должны научиться жить друг с другом, всем миром.

Но то, что мнимая прогрессивность нашей респондентки обманчива, выявляется в разделе о меньшинствах, где она выступает как воинствующая антисемитка. Чтобы оценить значение смутного стремления этой женщины к радикальным переменам, ему нужно противопоставить точку зрения другого псевдоконсерватора, убежденного антисемита *M661A*, который отбывает наказание в Сан-Квентине за разбойное нападение. Как говорит интервьюер, этот респондент разыгрывает из себя пресыщенного «избыточным опытом» декадента, и отсюда выводит ложноаристократическую идеологию как предлог для насильственного подавления слабых. Политикой он интересуется очень мало, «только я думаю, что мы держим путь к коммунизму, который я абсолютно отвергаю». На вопрос о причине он признается:

Прежде всего я никогда не прошу русским революцию... Я считаю их убийцами, и не политическими убийцами. Я и Россию не простил, как не простил Францию за ее революцию. или Мексику, и я думаю, что счастливее всех мы были при Гувере, и мы должны были его оставить. Я считаю, при нем у меня было бы больше денег, и я не признаю налога на наследство. Если я в поте лица заработаю 100 тысяч долларов, то я должен иметь право оставить их, кому захочу. Я бы сказал, что не верю, что все люди созданы свободными и равными.

В то время как он из чистого индивидуализма еще соглашается с традиционной критикой государственного вмешательства, он приветствовал бы государственный контроль, если тот будет в сильных руках. Здесь мнение заключенного полностью совпадает с мнением упомянутого выше офицера-охранника М 109 (стр. 186):

(Какого я мнения о государственном контроле в экономике?)
Наполовину я за это. Конечно, кто-то должен за этим стоять... Я верю в государственный контроль, потому что он действует. В демократию я на самом деле не верю; если мы знаем, что кто-то есть у руля, то не может быть революции и тому подобных вещей. Но я мало читал о политике, и не думаю, что могу сказать много.

То, что за политическими взглядами *М661А* на самом деле скрыта мысль о «достойных людях», показывает его объяснение, почему он отвергает все революции:

Они разрушают существующий порядок... и всегда их делают люди, у которых никогда ничего не было... я ни разу не видел коммуниста, который происходил бы из приличного общества. Я прочитал книгу Джорджа Бернарда Шоу (о социализме).

Можно выделить два типа псевдоконсерваторов: те, которые как бы верят в демократию, а на самом деле настроены антидемократически, и те, которые сами называют себя консерваторами, но втайне стремятся к разрушению. Тем не менее, эта дифференциация несколько рационалистична, а что касается психологических мотиваций и реальных политических выводов, то они не вполне исчерпывающи. В крайнем случае она может соответствовать неполной рационализации; ядро явления в обоих случаях одно и то же. Только что цитированный *661А* относится к группе псевдоконсерваторов в узком смысле слова, как и *М105*, студент-юрист с высокими показателями по всем шкалам, который подчеркивает свое консервативное воспитание и в то же время неприкрыто признается в симпатиях к фашистам:

Конечно, мои республиканские убеждения я перенял от родителей, Но в последнее время я много читал, и я согласен с ними. Мы семья

консерваторов. Мы не хотим иметь с социализмом ничего общего. Отец жалует, что в 1932 году голосовал за Рузвельта. Отец писал сенатору Рейнолдсу в Южную Каролину о националистической партии. Она вовсе не представляет «лучшую Америку», он не стала по-настоящему изоляционистской. но мы думаем, что наша страна предана и продана.

В главах по клиническим аспектам¹³ исследуется связь между фиксацией отца и авторитарными политическими убеждениями; здесь они четко прослеживаются. Респондент использует формулу, которую применяли фашисты накануне поражения Германии, цепляясь за свою антиутопию.

Америка сражается в этой войне, но не будет мира, если выиграем войну. Я не знаю, что я могу от этого получить

Яркий пример псевдодемократизма в узком смысле мы видим в начале раздела о политике в интервью с *M108*, отъявленным фашистом, имеющим высокие показатели; он изучает токсикологию насекомых и представлен в главе «Типы и синдромы» как носитель крайне «манипулятивного» синдрома. Он отвергает Рузвельта, Новый курс и практически любую социальную гуманитарную идею, но одновременно он говорит, что ощущает себя «чем-то вроде социалиста».

Именно по такому образцу национал-социалисты отвергали Веймарскую республику во имя власти, не подлежащей демократическому контролю, провозглашали неприкосновенность частной собственности и в то же время внедряли в свой партийный жаргон слово «социалистический». Само собой понятно, что эта разновидность «социализма», которая реально сводится к ограничению личных свобод во имя расплывчатой общности, превосходно уживается со стремлением к авторитарному господству, как его выражают те, кто называет себя консерваторами. Эта очевидная несовместимость частных интересов (того, кто должен «что-то от этого получить») и объективной политической логики (неизбежность победы союзников) правдами и неправдами ставится на службу профашистскому послевоенному пораженчеству. Неважно, как будет дальше, но демократия должна быть побеждена. С точки зрения психологии, здесь используется деструктивное клише «грозящей гибели».

Пораженчество характерно для другой черты псевдоконсервативного политического мышления: сочувствия к врагам-фашистам, к гитлеровской Германии. Эта черта может быть оправдана как принцип гуманного великодушия и просто как демократическое стремление дать каждому справедливый шанс. Это психология пятой колонны, из которой в предвоенное время гитлеровская пропаганда извлекала в демократических странах довольно большую выгоду, и которая ни в коем случае не искоренена до сих пор.

M106, студент колледжа, имеющий высокие показатели по всем шкалам

и довольно разумный во многих отношениях, на первый взгляд относится к Германии критически, но затем все же склонен занять апологетическую позицию, когда, говоря высоким слогом, прослеживает следы немецкого фашизма вплоть до необъяснимых исторических корней, которые, по большей части, фашистская пропаганда выдумала сама:

Немцы всегда были агрессивны, они любили парады, и у них всегда была большая армия. Они должны были заключить после прошлой войны несправедливый мир. Версальский договор был однозначно направлен против них, и так как дела у них шли плохо, они с готовностью прислушались к молодому человеку, каким был Гитлер, когда он появился. Если бы удалось заключить более справедливый мир, сейчас не было бы трудностей. А Гитлер появился с обещаниями, и люди были готовы присоединиться к нему. У них была ужасная безработица, инфляция и все такое подобное.

Легенда о «несправедливом» Версальском договоре должна была поддерживаться в странах за пределами Германии с помощью сильных психологических источников — бессознательного чувства вины по отношению к общеизвестному символу доблести, иначе эта легенда не смогла бы пережить гитлеровскую войну. То, что установка респондента в вопросе о Гитлере реально выражает сочувствие, подтверждается следующим высказыванием (приводившимся в предыдущей главе) о политике Гитлера, направленной на истребление евреев:

Ну да, Гитлер с этими делами немного далеко зашел. Но было какое-то оправдание — некоторые же плохие, но не все. Но Гитлер проводил идею, что одно гнилое яблоко портит всю корзину.

Сам же респондент сохраняет маску демократа и воздерживается от открытого проявления фашизма. На вопрос о еврейх, живущих в этой стране, он отвечает:

И тут такая же проблема, но подход к ней гораздо лучше, потому что мы демократическая страна.

Даже если псевдоконсерватизм по своей природе и преобладает у *H*, он никак не может отсутствовать и у *N*. Это особенно верно по отношению к позиции, апологетичной по отношению к национал-социалистам. Так, *F133*, молодая студентка, изучающая математику, которая, несмотря на высокие показатели по шкале *F*, достаточно непредубежденна, сама себя называет «скорее консерватором». Ее «официальная» идеология направлена против ханжества. Но когда заходит разговор об ее ирландском происхождении, обнаруживает неприязнь к англичанам и высказывает пронемецкие взгляды,

которые, как это и соответствует показателям по шкале *F*, гораздо больше, чем просто намеки на скрытые фашистские наклонности:

У меня предубеждение против Англии. Англия подло обошлась с ирландцами. В Англии говорят, что нацисты шлохие, а Россия хорошая, но я думаю, что это Англия плохая. Она поработает народы по всему свету, и у них нет ни капли справедливости: и я против России. Это правда, что они заботятся о народе, но в общем делают это неправильно, и такое правительство еще хуже, чем наше. (*Что вы думаете о национал-социалистах?*) Немцы все потеряли; у них все просто безнадежно. Я не верю в раздел Германии, только чтобы Россию и Англию сделать еще богаче. Неправда, что Германия начала войну — для этого нужны два народа. Нечестно всю вину взваливать на одну нацию. Немцы будут еще сильнее чувствовать преследование и еще сильнее бороться. Нужно предоставить немцев самим себе. Слишком много говорят о том, как жестоки нацисты. У немцев не было справедливого мира. Мы не можем установить собственный фашистский режим, чтобы управлять немцами. Русские развяжут новую войну. Просто в Германии разруха слишком велика. Я очень пессимистически настроена, потому что люди считают, что каждый, кто повержен, плох, а хорош тот, кто сильнее, и сильные перемалывают слабых, и хотя это так, но это несправедливо.

В конце она несколько изменяет свои взгляды, когда требует «справедливости» как меры ответственности за войны и протестует против того, что «поднимается слишком много шума» по поводу национал-социалистских зверств.

Экскурс о значении псевдоконсерватизма

Употребление термина «псевдоконсервативный», который часто можно заменить на псевдолиберальный или псевдопрогрессивный, требует краткого теоретического исследования того, что люди понимают под «псевдо», и вообще, в какой степени возможно употребление понятия истинной, или подлинной политической идеологии. Все эти термины следует употреблять с величайшей осторожностью и ни в коем случае не злоупотреблять ими. Различие между псевдо- и истинными политическими взглядами проводится прежде всего затем, чтобы избежать опасности слишком упрощенного подхода, идентификации предубежденных и потенциально фашистских взглядов с реакционным мышлением. Без сомнения, стало очевидным, что фашизм в плане эффективной организации и технологического уровня, имеет много «прогрессивных» черт. Кроме того, задолго до наших исследований было известно, что широко распространенная идея «следовать американскому образу жизни» таит в себе деструктивные тенденции, насилие и агрессию, которые присущи как открытым политическим проявлениям, так и чертам характера. Но тут следует еще раз подчеркнуть, что понятие «истинности» взглядов или образа действий в противовес

понятию «наигранности» так же проблематично, как и подлинность понятия «нормальности». Является ли человек в политических взглядах истинным или псевдоконсерватором, можно выяснить только в критических ситуациях, когда он должен принять решение, как поступить. Поскольку это различие относится к психическим детерминантам, следует принять ее относительность. Так как наши побуждения пронизаны всевозможными идентификациями, то нельзя отделить «истинное» от «имитации». Было бы нелепо назвать неистинными черты характера человека, которые прямо зависят от его идентификации с отцом. Идея абсолютного индивидуума самого по себе, который полностью идентифицируется с собой и только с самим собой, является пустой абстракцией. Не существует психологической границы между истинным и «воспринятым», и отношения между ними не могут рассматриваться как нечто статичное. Псевдоконсерватор сегодня, возможно, является истинным консерватором завтрашнего дня.

В свете этих рассуждений методологически важно сформулировать точное различие между понятиями «истинное» и «псевдоконсерватизм». Проще всего, конечно, определить оба понятия операционно, в терминах отношений кластеров в анкете и интервью. Тогда вряд ли можно назвать псевдоконсерваторами тех, кто демонстрирует явные противоречия между приятием всех видов традиционных ценностей (и вовсе не только в политической сфере) и одновременно одобрением более деструктивных кластеров, таких, как цинизм, карательность и крайний антисемитизм. Однако эта процедура несколько произвольна и механистична. В лучшем случае она определяет термины, но никак не помогает понять их возникновение. Поэтому точнее провести различие на основе психологической гипотезы. Помочь может гипотеза, которая исходит из различия между успешной и неудачной идентификацией. Подразумевается, что «истинные» консерваторы — это те, которым всегда или, по крайней мере, иногда удается успешно отождествить себя с авторитарными образцами и которые, в общем, преодолели свои эмоциональные конфликты, избегая выраженной амбивалентности и противоположных деструктивных тенденций. Напротив, признаки «псевдо» были характерны для тех, чья идентификация с авторитетом удалась только на поверхности. Они вынуждены постоянно преувеличивать, утрировать, чтобы убедить себя и других, что они (цитируя противника революций из Сан-Квентина) «относятся к приличным слоям общества». Та слепая энергия, с которой они утверждают общепринятые ценности, постоянно угрожает разрушить эти самые ценности и превратиться в их противоположность. Так, их «фанатичное» рвение защитить Господа и Отечество заставляет их присоединиться к экстремистской деятельности и выражать сочувствие к врагам собственной страны.

Но и это различие может претендовать лишь на ограниченную достоверность и подвержено психологической динамике. По Фрейду нам

известно, что идентификация с отцом весьма ненадежна, и даже в «бесспорных» случаях, когда она явно налицо, может разрушиться под давлением ситуации, которое заменяет отцовское сверх-Я на коллективный авторитет фашистского толка.

И все же, со всеми оговорками, это различие между «псевдо» и «истинной» идеологией имеет некоторое обоснование в современных условиях. Мы считаем допустимым противопоставить псевдоконсерваторов, которых мы обсуждали до сих пор, «истинным» консерваторам из выборки в Лос-Анджелесе, охватывающей целый ряд лиц, реально или по их мнению относящихся к высшим слоям общества.

F5008 имеет низкие показатели по *E*, средние по *F* и высокие по *PEC*. Она коренная американка, потомок Джефферсона по прямой линии. Однако она явно не придает большого значения своему происхождению и не подчеркивает свою принадлежность к «приличному» обществу. Определенно без предрассудков. Ее тест на тематическую апперцепцию (Т.А.Т.)¹⁴ обнаруживает следы несколько невротического сверхоптимизма, возможно реактивного происхождения. Можно предположить, что «истинные» еще сохранившиеся консерваторы все больше обнаруживают свою бессовестность, ибо во влиятельных консервативных слоях американского общества наблюдается стремительно растущая тенденция к травле рабочих и расовой ненависти. Чем сильнее эта тенденция, тем в большей степени «истинные» консерваторы вынуждены уверять в своих демократических идеалах, даже если они плохо уживаются с их воспитанием и структурой психики. Это наблюдение в обобщенном виде означает, что «истинные» консерваторы все сильнее подталкиваются современной социальной динамикой в лагерь либералов: это же наблюдение одновременно может пояснить, почему среди *H* так редко встречаются примеры истинного консерватизма.

Если верно предположение, что псевдоконсерватизм основан — в психологическом аспекте — на неполной идентификации, то непонятно, почему он связан с тем, что играет также значительную роль с традицией: идентифицировать себя с высшими социальными группами. Неудачная идентификация во многих случаях похожа на несостоявшуюся идентификацию с отцом. Люди, у которых эта неудача не перешла в реальный антагонизм с властью, кто принимает авторитаризм, но неглубоко, скорее всего идентифицируют себя с высшими социальными группами. Это согласуется с тем, что фашистское движение в Германии в значительной степени привлекало выбитых из колеи представителей среднего класса: тех, кто утратил экономическую основу и не готов признать свой деклассированный статус; тех, кто не видит для себя никаких шансов, кроме присоединения к мощному движению, которое обещает работу и, в конечном счете, победоносную войну. Социо-экономический аспект псевдоконсерватизма зачастую трудно отделить от психологического аспекта. Для

будущего фашиста его социальная идентификация так же случайна, как и идентификация с отцом. Социальная причина явления состоит, возможно, в том, что все труднее добиться подъема средствами «нормальной» экономической конкуренции, поэтому люди, которые хотят его «осуществить» — что возвращает их снова к психологической ситуации — вынуждены искать другие пути, чтобы попасть в правящую группу. Они должны стремиться к чему-то вроде «кооптации», вроде того, как люди стремятся попасть в престижный клуб. Снобизм, который так резко, возможно по причине проекции, осуждается фашистами, демократизировался и является частью их собственного ментального облика: кто хочет сделать карьеру, должен скорее опираться на чувство локтя, чем на свои способности к бизнесу или профессиональные качества. Идентификация с высшими группами — это предварительное условие для попытки забраться наверх, по крайней мере, так это кажется аутсайдеру. В то же время «истинно» консервативная группа испытывает от этого аллергию. Однако человек, который часто, в соответствии с идеологией старого Горацио Элджера, развивает свою «идущую вверх социальную мобильность», извлекает из нее, по крайней мере, нарциссическое удовлетворение и внутренне отчетливо предвидит статус, который, в конце концов, надеется занять в реальности.

Можно процитировать два примера, характерных для лиц с высокими показателями, взятыми из выборки в Лос-Анджелесе. 5006, очень высокие показатели по всем шкалам, один из немногих наших интервьюируемых, признавший, что готов убивать евреев.¹⁵ Его дед был дантистом, а отец не смог им стать, и он страстно стремится вернуть социальный статус деда. Что касается проблемы неудачной идентификации, то здесь существенно, что образ отца заменяется образом деда, то есть идеей «памяти о лучших временах», доброй семейной традиции, нарушенной недавними экономическими сдвигами, сыгравшими большую роль для предфашистского, постинфляционного поколения в Германии.

5013, также имеющий очень высокие показатели по всем шкалам, называет своего отца хиропрактика — доктором — обычай, широко распространенный среди самих хиропрактиков. Если пример Германии и учит чему-нибудь, и если наше понятие полуэрудиции верно, то можно ожидать, что фашистская платформа имеет большую привлекательность для неакадемических «ученых» и «докторов».¹⁶

5. Комплекс узурпатора

Цель, к которой полуосознанно стремится псевдоконсервативная ментальность — установить диктатуру экономически сильнейших групп. Она должна быть достигнута посредством массового движения, которое обещает безопасность и привилегии так называемому «маленькому человеку», то

есть растерявшимися членам среднего и ниже-среднего класса, цепляющимся за свой статус и кажущуюся независимость, если они объединятся с нужными людьми в нужное время. Это стремление проявляется посредством псевдоконсервативной идеологии в ее зеркальном отражении. Правительство, состоящее из избранных представителей, обвиняется в отступничестве от демократии. Рузвельт и Новый курс в особенности подвергались упрекам в стремлении к диктатуре и узурпаторстве. Таким образом, псевдоконсерваторы обвиняют прогрессистов как раз за то, что они хотели бы сами совершить: они используют свои обвинения как предлог «для разгона негодяев». Они призывают к защите демократии от ее «извращений», а сами, атакуя эти «извращения», стремятся окончательно ее уничтожить. Псевдоконсервативная идеология совпадает полностью с проекцией в психике.

Можно задать вопрос, отчего же люди, так любящие власть, если они действительно считают политику Рузвельта жесткой диктатурой, не одобряют и не поддерживают ее. Для этого есть несколько объяснений. Во-первых, социальные типы — представители псевдоконсерватизма, не относят себя к тем, кто извлек выгоды из Нового курса. Новый курс для них — это правительство безработных; и даже если они получают пособие по безработице, все равно это их возмущает, так как демонстрирует им то, чего они никак не хотят признать: их принадлежность к среднему классу утратила экономическое обоснование. Во-вторых, для них администрация Рузвельта никогда не была достаточно сильной. Они хорошо понимают, какое сильное противодействие оказывают Новому курсу Конгресс и Верховный суд; им известно, или так кажется, на какие уступки должен пойти Рузвельт: он должен обеспечить высокие должности тем, кто находится в оппозиции к его курсу, например, Джесси Джонсу. Они кричат «диктатор», ибо хорошо поняли, что Новый курс — это вовсе не диктатура, и, как авторитарный образец, он соответствует их идеологии. И, наконец, их идея сильного человека, не важно, в каких терминах она выражена, связана с образом реальной силы: поддержкой наиболее мощных промышленных групп. Для них прогрессисты в правительстве — настоящие узурпаторы, и не столько потому, что они незаконно присвоили себе права, несовместимые с американской демократией, сколько потому, что они заняли положение во власти, предназначенное для «достойных людей».

У псевдоконсерваторов есть вполне определенное чувство «легитимности»: к легитимным руководителям относятся те, кто действительно управляет производством, а не те, кто обязаны своей эфемерной властью формальным политическим процессам. На этот мотив, играющий существенную роль в предыстории германского фашизма, нужно обратить более серьезное внимание, поскольку он не совсем противоречит социальной реальности. Пока демократия остается действительно формальной системой политического управления, которая осуществила при Рузвельте

вторжение в экономическое поле. но не затронула экономические основы, то бесспорно, что жизнь людей зависит от экономической организации страны и. в конечном счете, скорее от тех, кто управляет американской промышленностью. а не от тех, кто стал избранником народа.

Псевдоконсерваторы чувствуют ложность идеи демократического управления «от имени народа». Они сознают, что их судьба не зависит от похода к избирательным урнам. Однако их протест направлен не против опасного противоречия между экономическим неравенством и формальным политическим равенством, а против демократической формы как таковой. Не попытавшись дать этой форме демократии адекватное содержание, они хотят разрушить ее как таковую и привести к прямому управлению тех, кого они считают наиболее сильными.

Основу идеи диктатуры, которая состоит в том, что демократия нереальна при существующих условиях, можно подтвердить двумя цитатами опрошенных со средними показателями. *M1223h*, указав, что демократы становятся коммунистами, а профсоюзы нужно обуздать, замечает: «Народ не управляет страной».

M1225a высказывается о демократии осторожно: «Предполагается, что это должно быть правительство народных представителей».

На вопрос, существует ли она в стране, он отвечает коротко: «Нет», но тут же поясняет довольно стандартным: «У нас ее столько, сколько возможно»

Точно также *M1223h* смягчает свою критику замечанием: «Америка все еще демократическая страна, но слишком быстро уходит от демократии»

Противоречивые высказывания этих двух людей показывают, что их сбивает с толку антагонизм между формальной политической демократией и реальным социальным контролем. Они понимают, что видят этот антагонизм. Однако им не хватает смелости объяснить его, и они отказываются от своих мнений, чтобы не выглядеть «нереалистичными». Конформизм действует как тормоз в их политическом мышлении.

Приведем два примера настоящих фантазий на тему узурпации.

M208, имеющий средние показатели по *E* и *F*, высокие по *PEC*, настаивает, по словам интервьюера,

что президент Рузвельт потерял на выборах несколько тысяч голосов согласно тем подсчетам, которые он сделал со своим отцом на основе сообщений по радио, отсюда можно сделать вывод, что официальные подсчеты были некорректны.

Хотя этот человек «против правительственной неразберихи и некомпетентности, за инициативу и соревнование», он пока испытывает безграничное доверие к социальному контролю со стороны соответствующих организаций:

«Наилучшими организациями для граждан, нужными для того, чтобы оказать влияние в своем округе, являются местные торговые палаты. Улучшая свой город, вы делаете его привлекательным и способствуете его процветанию.» Он сказал, что вступил в торговую палату Сан-Франциско и что эта организация рассылает открытки всем жителям города, чтобы увеличить количество своих членов.

M656. Н. приговоренный к сроку за грабеж и подлог, был проинтервьюирован вскоре после смерти Рузвельта. Когда его спросили, что он считает сейчас самой большой опасностью для страны, сказал:

Правительство, которое у нас было и привело к войне, нацистская диктатура.

M109. Н. вышеупомянутый студент-токсиколог, убежден, что Рузвельт только претворял идеи Гувера. Это мнение нередко встречается среди предубежденных респондентов, рассматривающих Новый курс как узурпацию, или даже «воровство» идей у оппонента. На дальнейшие расспросы о Рузвельте он сказал:

он узурпировал власть, чтобы сделать необходимое — он взял власти больше, чем нужно, и у него были подозрительные дела с Черчиллем и Сталиным, о которых мы ничего не знаем.

В результате представление об узурпаторе совпадает с понятием заговорщика, который занимается «секретными» делами в ущерб своей стране.

Постоянство и настойчивость, с которой высказывается идея узурпатора, а также абсурдный характер многих утверждений, подтверждает, что мы неслучайно назвали это «комплексом», поскольку идея эта основана на широкой и устойчивой психологической конфигурации. Насколько нам известно, в психологической литературе этому комплексу не уделяли никакого внимания, хотя связанные с ним конфликты необычайно распространены в западно-европейской драматургии. Отсюда следует предположить, что у данного комплекса на уровне динамики инстинктов имеются глубокие корни. Достаточно вспомнить самые знаменитые трагедии Шекспира: «Гамлет», «Король Лир», «Макбет», «Юлий Цезарь» и «Ричард III» — так или иначе они связаны с идеей узурпации. Тема узурпатора проходит красной нитью через все драмы Шиллера — от Франца Моора в «Разбойниках» до «Димитрия». Этому легко найти объяснение на социо-психологическом уровне, то есть на уровне достаточно поверхностном и абстрактном. Власть и привилегии, требующие жертв от всех, кто не пользуется ее преимуществами, возбуждают к себе отвращение и глубоко ранят стремление к равенству и справедливости, возникшее с развитием нашей культуры. В глубине души все считают любые привилегии

незаконными. Однако каждый испытывает постоянное давление, вынуждающее его приспособиться к окружающему миру, к системе властных отношений. Процесс происходит на протяжении веков, и его результаты повлияли на структуру современной личности, стали ее неотъемлемой частью. Это значит, что люди научились подавлять свое отвращение к привилегиям, привыкли считать законным то, что раньше считалось беззаконием. Но поскольку привилегии неотделимы от людских страданий, то никогда с ними никто полностью не смирится. Поэтому к ним наблюдается исключительно амбивалентное отношение. И если их принимают сознательно, то отвергают бессознательно. Таким образом, возникает эмоциональный компромисс между вынужденным признанием власти и ее неприятием. Неприятие переносится с «легитимных» представителей власти на тех, кто хочет отнять власть у них же, кто в своих целях отождествляет себя с властью, но нарушает при этом кодекс существующих властных отношений. В этом случае идеальным объектом такого переноса становится узурпатор: его можно обвинить в «жажде власти», сохраняя при этом позитивное отношение к существующей власти. И все же в глубине души с этим уживается симпатия к узурпатору. Именно этот конфликт между такой симпатией и вытесненной агрессивностью является драматическим.

Вместе с тем, есть основания думать, что все эти рассуждения недостаточны для объяснения комплекса узурпатора. Наверняка здесь участвуют глубинные архаические механизмы. Как правило, комплекс узурпатора связан с проблемой семьи. Узурпатор называет себя членом семьи, к которой не принадлежит или, как минимум, претендует на права другой семьи. Можно отметить, что комплекс узурпатора является составной частью мифа об Эдипе, ведь он считает себя настоящим сыном приемных родителей, и эта ошибка ведет к трагическим последствиям. Со всеми оговорками можно выдвинуть гипотезу о том, что связано это с нередким наблюдением: люди боятся узнать, что на самом деле они неродные дети своих родителей. Этот страх основан на смутном ощущении, что семья, существующая в нашей цивилизации, не «дана от природы», что наше биологическое происхождение не совпадает с институтом брака и моногамии, короче, детей «привосит аист». Мы чувствуем, что у цивилизации ненадежный кров, что дом семьи стоит на шатком фундаменте. Мы переносим эту неуверенность на узурпатора, имеющего образ неродного сына, который психологически становится ритуальной «жертвой», а его гибель бессознательно приносит нам покой и уверенность. Очень может быть, что наше стремление «найти узурпатора» глубочайшим образом коренится в психологической природе.

6. Ф. Д. Рузвельт

Средоточием комплекса узурпатора стал Рузвельт: само его имя провоцирует глубокие различия между высокими и низкими показателями в материалах интервью на политико-экономические темы. Как мы и предполагали, все суждения о покойном президенте носят личностный характер. Связанные с ним политические вопросы проявляются исключительно как свойства самой личности. Его критикуют или хвалят, потому что он таков сам по себе, а не потому, что он отстаивает те или иные идеи. Самое ужасное обвинение — поджигатель войны: часто оно принимает форму поиска вымышленных заговоров, что весьма характерно для комплекса узурпатора

M664c, Н. отбывающий за подлог годичный срок в тюрьме Сан-Квентин, признается, что раньше был сторонником Рузвельта.

Черт возьми, на тех (выборах) я был целиком и полностью за Рузвельта, у нас была жуткая депрессия, и одну вещь он сделал для страны — он с ней справился... Но война была не нужна. (*Как мы в нее вступили?*) Это началось с того, что послали оружие в Японию, а потом помогали Англии...

Идея «красного» Рузвельта характерна для того же рода возражений и параноидных преувеличений политических антипатий. Но хотя гораздо более распространены среди респондентов с высокими показателями по *E* и *PEC*, иногда их можно обнаружить и у представителей с низкими показателями. Отметим мнение *F140*, молодой сотрудницы детсада (низкие показатели по *E*, но высокие по *A-S* и *PEC*). Вначале ссылается на отца.

(*Ваш отец против Рузвельта?*) О, конечно. Он совершенно с ним не согласен. Это все коммунизм, говорит он. (*А что вы об этом думаете?*) Ну, я не знаю. Мне кажется, он прав. Он вроде должен знать. Он может думать только о политике.

Иногда подозрение в том, что Рузвельт был другом России и поджигателем войны, основывается на представлениях о законности, на мнении, что Рузвельт во время войны нелегально покидал страну.

F101, женщина, у которой высокие показатели по всем шкалам, несколько заторможенная студентка колледжа, отмечает, что ее отец «явный противник Рузвельта». На вопрос «почему?» она ответила:

Президент не имеет права покидать страну, не получив согласия Конгресса. А он ездит, когда ему вздумается. Это уже немного поддиктаторски.

Говоря о внутренней политике, *F359*, бухгалтер в государственном учреждении, уже упоминавшийся выше, весьма четко и определенно указывает

на противоречие, которое характеризует антирузвельтовские настроения.

Интервьюеруемой не нравится Рузвельт из-за WPA (Помощь безработным). Эта организация создает класс лентяев, которым лучше получать 20 долларов в неделю и не работать. Ей кажется, что Рузвельт не закончил то, что наметил — поднять уровень жизни беднейших классов.

Представления о коммунисте, интернационалисте и поджигателе войны близки к тем, что уже приводились выше — снобистским представлениям. Точно так же, как фашистский агитатор, упрямо смешивает радикалов и банкиров, говоря, что банкиры финансируют революцию, а радикалы жаждут прибыли, так и здесь противоположные идеи ультралевых и личности, ставящей себя вне общества, объединяются антирузвельтовскими настроениями. Можно предположить, что эти крайности сходятся: разочарованные представители среднего класса негодуют против тех, кто представляет идею счастья — независимо от того, хотят ли они счастья для других или для себя. Понять эту иррациональность можно скорее на уровне личности, чем идеологии.

M1223h из морского училища, имеющий средние показатели по шкалам *E* и *PEC*, но высокие по *F*. Рузвельта не любит: «Один из десяти тысяч наверху, захватил слишком много власти». То же говорит имеющая высокие показатели замужняя женщина *F117*, 37 лет, работает в министерстве здравоохранения; она считает,

что Рузвельт не знает, как обращаться с деньгами; он уже родился богатым. Теперь он их разбрасывает — «миллионы туда, миллионы сюда»

Это совершенно противоположно тому, за что респонденты одобряют Дьюи: его более скромное происхождение как будто должно гарантировать экономность.

«Демократические одежды» псевдоконсерватора — это убеждение в том, что нельзя одобрить заботу о народе: тот, кто заботится о народе, сам не происходит из народа, и поэтому в определенной степени не имеет права действовать от его имени, следовательно, он — узурпатор. Можно подумать, что истинные выходцы из народа должны сами умирать с голоду.

Мнение, что покойный президент был слишком стар и болен, да и Новый курс был преждевременным, занимает основное место среди аргументов против Рузвельта. Сбылись мрачные пророчества о его смерти. Однако здесь можно предложить психологическое объяснение: страх чьей-либо смерти часто является причиной того, что ее желают. Кроме того, представление о его преклонном возрасте связано с комплексом незаконности: он должен уступить дорогу другим — молодому поколению, «свежей крови».

Это похоже на то, как германские нацисты с презрением относились к престарелым руководителям Веймарской республики, а итальянские

фашисты превозносили идею молодости. Наконец, наши клинические исследования могут пролить некоторый свет на все, что связано с возрастом и болезнью президента. Они свидетельствуют о том, что наши респонденты с высокими показателями склонны считать превосходными качествами физическое здоровье и энергию своих родителей, в особенности, матерей.¹⁷ Это связано с общей «конкретизацией» ценностей, невосприимчивостью предубежденных лиц, которые постоянно боятся болезней. Если есть некоторая взаимосвязь между некоторыми синдромами высоких показателей *H* и психотической предрасположенностью, то можно подумать о непропорциональной роли, которую играет забота о своем здоровье у многих шизофреников. Этот феномен связан с механизмом деперсонализации,¹⁸ представляющий крайнюю степень отчуждения эго от Оно у субъектов с высокими показателями *H*. Напомним, какую большую роль сыграли в фашистской идеологии такие идеи, как физическое здоровье, чистота крови, сифилисофобия.

Примером этого может служить *M104. H*, раньше он учился на инженера, а теперь изучает право:

опрошенный голосовал за Дьюи. Политика Нового курса в целом усарела, стала застойной и себя изжила. Он считает, что Рузвельт сделал несколько хороших вещей, некоторые из его экспериментов были прекрасным средством от депрессии, но сейчас настало время смены партии, время нового президента, молодой крови.

Как обычно, у этого аргумента есть и «рациональный аспект» — правительство Рузвельта было у власти дольше, чем любое другое правительство в американской истории. Однако жалобы на то, что оно управляло «слишком долго», высказывались только ради «смены караула», а не во имя конкретных прогрессивных идей, которых ждут от молодых людей.

Неприязнь к старикам имеет психологический аспект, возможно, связанный с антисемитизмом. Можно предположить, что некоторые респонденты переносят свою враждебность к отцу на всех пожилых в целом, как будто на стариках стоит клеймо смерти. В соответствии с этим образ еврея представляется в виде старика, тем самым высвобождая подавленную враждебность по отношению к отцу. Неслучайно иудаизм воспринимается как религия отца, а христианство — как религия сына. Наиболее распространенный стереотип еврея — обитатель восточного гетто, бородатый старик в поношенной одежде.

У враждебности к старикам, кроме психологического аспекта, есть также социологический мотив: старики, которые не могут работать — люди бесполезные и ненужные. Но эта идея, подобно другим, непосредственно не связана с личностью Рузвельта; скорее, это результат перенесенной против него агрессивности. Именно так осознается универсально амбивалентная роль президента как фигуры отца.

У тех, кто одобряет Рузвельта, есть два основных четких мотива, почти прямо противоположных мотивам противников Рузвельта. Человек, «который слишком много думает о себе и стремится к власти диктатора», получает одобрение как сильная личность: левака и инициатора Нового курса любят как друга бедных и несчастных.

M711, интервьюер на госслужбе, *N* с типичными чертами мягкости и нерешительности также обнаруживает в своих взглядах мотив «сильной личности».

(*Рузвельт?*) Это может быть единственный человек в стране, который оказался в состоянии квалифицированно справиться с этой задачей (войной)... Я бы сказал, что его умение ладить с людьми способствовало объединению нашей страны.

Молодая женщина, *F126*, с низкими показателями по шкале *A-S* и *E*, средними по *F* и высокими по *PEC*. Она изучает журналистику, а также интересуется литературным творчеством. Она утверждает,

что ее зять находит много тем для критики, и, конечно, их много. «Но я думаю, что президент за бедных, а я всегда была за бедных.»

Имеющий высокие показатели *M102*, студент-сейсмолог, который пошел в колледж, потому что не хотел, чтобы «его принимали просто за электрика», высоко оценивает талант Рузвельта:

Ну, если какой-то другой кандидат мог сравниться с Рузвельтом, я бы выбрал его. Но никто не мог сравниться с его способностями.

M106, также *H*, который стремится к социальной мобильности, настроен прорузвельтовски по противоположным причинам, чем группа критиков, хотя и он не лишен комплекса «дряклости».

Рузвельт проделал великолепную работу, но сейчас нам нужен молодой. Рузвельт стабилизировал национальную валюту, справился с безработицей, достиг больших успехов во внешней политике. Он нормальный человек, любит рыбалку и хороший отдых — все это мне нравится. Миссис Рузвельт также ведет активную политическую и общественную жизнь.

То, что этот респондент, полный предрассудков и одержимый идеей власти, отвергающий евреев, якобы стремящихся к власти, расходится в этом вопросе с общей позицией всех *H*, отчасти объясняется тем, что он «сам перенес детский паралич, и поэтому понятно, что сделал Рузвельт».

Можно прийти к выводу, если одного и того же политика они одобряют как «обычного человека», а другие клеймят как «высочку», то эти суждения

отражают скорее субъективные оценки, чем объективные факты.

Пrestиж президента США, несомненные успехи Рузвельта и, кроме того, его огромное воздействие в качестве символической фигуры отца на уровне бессознательного, приводят к тому, что псевдоконсерваторы не могут в полной мере использовать комплекс узурпатора, смягчая его некоторым комплексом вины и допуская только слабые нападки.

7. Бюрократы и политики

Однако никакой пощады не заслужили те лица, с которыми Рузвельт должен был разделить свою власть. Все они оказались узурпаторами, ничего не знающими о народе паразитами, которых надо заменить «достойными людьми». В наших интервью можно найти всевозможные высказывания, направленные против бюрократов и политиков. Большинство, но отнюдь не все из них принадлежат людям с высокими показателями *H*. Их можно рассматривать как образчики политической идеологии, которая не определяется четкими границами между правыми и левыми.

В рамках данного исследования мы не можем установить, как велико в Америке недоверие к профессиональным политикам. Нельзя отрицать, что чрезвычайно разбухший бюрократический аппарат, разросшийся во время войны, избавленный от критики, приобрел отталкивающие черты, и этот механизм стал сам по себе все укрепляться и развиваться. Но при тщательном анализе этих распространенных критических высказываний обнаруживается очень мало точных наблюдений, настоящих доказательств некомпетентности бюрократических учреждений. Невозможно избавиться от впечатления, что с помощью некоторой части прессы и некоторых радиокомментаторов слово «бюрократ» стало магическим: это «козел отпущения», которого без разбора обвиняют во всех бедах и который чем-то напоминает антисемитский образ еврея, причем часто их объединяют и смешивают. Во всяком случае, частота и интенсивность антибюрократических инвектив выходит за рамки любого возможного опыта. Неприятие, вытекающее из «отчуждения» политической сферы в целом, которое мы обсуждали в начале этой главы, направляется против тех, кто ее представляет. Бюрократ — это олицетворение непонятной политики, персонафикация обезличенного мира.

Поразительные примеры такого отношения со стороны *H* представляет собой среди других опрошенных *M359*, менеджер кожевенной фабрики, убежденный антисемит.¹⁹

Иногда выпады против политиков заканчиваются тавтологией: политика слишком «политична».

M1230a — молодой сварщик, который хочет стать инженером, у него высокие показатели по *E* и низкие по *F* и *PEC*.

(Что вы думаете о современных политических тенденциях?) Ну, они очень разные. Мы обсуждаем их подолгу, и многое не нравится. Администрация слишком погрязла в политике... Умение управлять совершенно потеряно... Нельзя верить тому, что читаешь в газетах. Мы их читаем, главным образом, чтобы посмеяться...

Этот пассаж характеризует отчуждение от политики, которое выражает себя в полном, но не вполне оправданном недоверии к любым новостям, процеженным через фильтр контролируемых средств коммуникации. Это недоверие, однако, направлено в сторону «козла отпущения» — бюрократа и политика, обычно атакуемого той же прессой, которую опрошенный читает, чтобы посмеяться.

F120, H, проводит различия между Рузвельтом и бюрократией.²⁰

(Рузвельт и Новый курс?) Я восхищалась им и на самом деле голосовала за него, хотя и не одобряю многое в Новом курсе. Все эти бюрократы... Я не возражаю против расходов, если они идут на помощь людям. Но я терпеть не могу ненужной возни и, особенно, дорогих контор, где сидят бездельники, бюрократы.

M1214b, имеющий средние показатели, курсант морского училища, аполитичный в традиционном смысле и еще не определивший своих взглядов:

«Нет у меня никакого уважения к политикам: кучка болтунов. Они пытаются все выведать у народа и на этом выдвигаться.» *(Это прямо противоположно обычному аргументу, согласно которому политики слишком независимы. Это несоответствие может указывать на осознание слабости представителей формальной демократии.)* «Это не искренние слуги общества. Рузвельт, Линкольн, Джефферсон и Брайан — исключения. Вильсон тоже казался серьезным.» К Гардингу и Кулиджу опрошенный относится без уважения.

Наконец, пример одного *N. M112*, спрошенный о политике, просто сказал:

Мне она не нравится, мы можем без нее обойтись. Не думаю, что люди должны быть просто политиками. У них должна быть обычная жизнь, только они должны выполнять свои обязанности. Не надо учиться политике, нужно знать, чего хотят люди и делать это, а не стремиться к собственной выгоде и контролировать все и всех.

Тон этого обвинения значительно отличается от фразеологии *H*. Этот человек действительно озабочен тем, что бюрократия может стать самоцелью вместо того, чтобы в демократической форме выражать волю народа.

Мотивация критиков *N*, направленная на бюрократов и политиков, имеет серьезные отличия, но феноменологически (по существу) она так сильно напоминает критику *H*, что возникает опасение, что многие аполитичные *N* в критической ситуации могут примкнуть к фашистскому движению.

8. Нет рая на земле

Вершина политического мышления *H* проявляется в их отношении к последней политической проблеме — концепции «идеального общества». Их взгляды охватывают не только способы его построения, но и конечную цель этого общества. Мышление, являющееся предметом нашего анализа, не утопическое и, по правде говоря, не может быть таковым потому, что нужно быть «реалистами». Однако под реализмом не принято подразумевать необходимость судить о вещах на основании их объективного понимания. Он есть постулат, суть которого сводится к тому, что изначально признается подавляющее превосходство бытия над индивидом и направленностью его сознания: к отставиванию его приспособленческой позиции, выражающейся в отказе от какого-либо реального прогресса; к отказу от того, что называют фантазиями и классифицируют как придаток социального механизма. В общественном мнении этот постулат отражается, поскольку изначально из политики исключается любая мысль о возможности существования идеального общества.

Об этом антиутопическом комплексе охотнее говорят в своих интервью представители *N*, а представители *H* более сдержанны в своих оценках. Возможно, это связано с тем, что *N* более склонны признаваться в своих собственных опасениях и в меньшей мере руководствуются «официальным оптимизмом». То, что точки зрения *H* и *N* касательно идеального общества здесь расходятся, кажется подтверждает исследование «Психологические детерминанты оптимизма касательно последствий войны», проведенное Занфордом, Конрадом и Франком²¹. Официальный оптимизм, или так называемый «keep smiling», связан со скрытым презрением к природе человека. Он выражается в кластере цинизма на шкале *F*, что делает более наглядным это расхождение во взглядах *H* и *N*. С другой стороны, *N* охотнее выставляют напоказ минусы в целом и особенно свои, так как они меньше подвержены влиянию принятой общественной точки зрения, что все «превосходно». Но они в принципе больше верят во врожденные возможности человека. Кратко можно было бы так сформулировать различия психической динамики: *H* отвергают утопию, так как их, в конце концов, пугает реализация этой идеи. Антиутопические высказывания *N* являются продуктом отрицания официальной идеологии о «благословенной Богом земле». Они настроены скептически потому, что всерьез намерены осуществить эту утопическую идею. Именно поэтому само бытие, в котором они видят

под давлением господствующих отношений угрозу человеку, на силы которого они полагаются в глубине души, еще не является объектом их критики.

M345 — это *H* из университетской группы повышения квалификации. У него высокий балл по *E* и *PEC*, однако низкий по *F*. На вопрос, что он думает об идеальном обществе, он отвечает:

Я не верю, что такое вообще возможно сделать без глобальных изменений, включая людей. Всегда будут очень богатые и очень бедные.

Этот ответ во многих отношениях справедлив. Отрицание идеального общества базируется на обязательном условии изменения всего. Вероятно, это представляется *H* неприемлемым. Изменение всего будет означать разрушение основ бытия. Лучше уж пусть мир останется таким несовершенным, какой он есть. Аргумент — «прежде чем изменять мир, надо изменить сначала людей» — является давнишним оружием против сторонников утопии. Это ведет к порочному кругу, так как при имеющихся внешних условиях подобное изменение внутренней структуры невозможно, и те, которые приводят этот аргумент, не используют его возможности, а следуя схеме цинизма, описанной нами в главе о *F*-шкале, приписывают вечную и внутреннюю испорченность человеческой природе. Но богатство и бедность — явные продукты социальных условий, в то же время *H* воспринимает их как ипостась, как будто они есть врожденные и природные свойства. Тем самым общество оправдывается, и одновременно укрепляется представление, что оно неизменно. Отсюда и отрицание утопии. Мы отважимся выдвинуть гипотезу, что краткое замечание этого испытуемого представляет собой новый образец мышления, который чрезвычайно распространен, но лишь немногие решаются говорить так лаконично и открыто, как *M345*.

Уже упомянутый *M105*, который как никто из опрошенных по своим высказываниям является сторонником открытого фашизма. Его убеждение, что врожденные качества исключают возможность создания идеального общественного строя, находится в непосредственной взаимосвязи с острой проблемой отмены войн.

Конечно, мне больше всего нравится Америка. Вопрос, стоит ли она того, чтобы мы отменили войну ради мировой торговли. Японцы производят дешевый товар и сильно сбивают нам цену. То, чего я боюсь, так это общепринятой системы одалживания на время и сдачи в аренду. Если мы торгуем с другими странами, то это должно приносить наличные деньги. Мировая торговля не сможет препятствовать развязыванию войны. И когда-нибудь инстинкт убивать возьмет верх.

Примечательным в этом высказывании является так называемый «инстинкт убивать», который, вероятно, никогда не исчезнет, который каким-то

сверхъестественным образом сочетается с экономическими выгодами, наличием, с вопросом, надо ли подавлять в себе его? Между прочим, речь идет о том самом мужчине, который высказывается против теперешней войны, так как «не знает, что он будет иметь с этого».

Противоречивой является также позиция F340 со средним баллом, секретаря, находящегося на государственной службе. Структура ее характера, как и ее высказанные ранее политические убеждения, имеет сходство с типом Н. К такому заключению можно прийти, прочитав ее опросный лист. Официально она хотела бы быть «идеалисткой». По своим специфическим реакциям она очарована «реализмом», культом бытия.

Мне не нравится внешняя политика, проводимая нами в этом регионе. Она не достаточно последовательна и идеалистична. (*Что больше всего Вам не нравится?*) Ничего неопределенного: создается впечатление, что у нас вообще нет никакой внешней политики (*Какой должна быть по Вашему мнению внешняя политика?*) Я хотела бы осуществить четыре свободы согласно Уставу Организации Объединенных Наций, которые уже реализованы в других странах. Потом следует трезво оглашать себе отчет в том, что мы должны стараться быть идеалистами, т.е. постепенно воплощать в жизнь наши идеалы.

В этом высказывании есть что-то патетическое. И утверждение, что нужно быть «реалистами», чтобы наконец воплотить в жизнь идеалы, попадает в самую точку. Однако оно звучит несколько абстрактно, без специфического представления, как достичь этого. Будет ли правда превращаться в ложь, которая только констатирует, что «ничего нельзя поделать», в то время как совестливый индивид хочет быть только счастливым, если это, конечно, возможно.

Психологи утверждают, что антиутопическая схема политического мышления пронизана садомазохистскими стремлениями. Они проявляются очень отчетливо в точке зрения M622A, Н. заключенного из тюрьмы Сан-Квентин, который олицетворяет собой синдром «хулигана», исследованный нами в главе «Типы и синдромы». На вопрос «Как выглядит идеальное общество?» он отвечает: «Это когда достаточно работы для каждого и нет забастовок».

Для этого наивного мужчины, который, конечно, относит себя к самым бедным слоям, картина существующего общественного порядка настолько незыблема, что он даже не может представить себе социальную систему, в которой благодаря рациональной организации каждый сможет работать меньше. Его идеал, чтобы каждый мог работать, не включает в себе не только удовлетворение элементарных потребностей, но и усилий, от которых сегодня можно было бы легко отказаться. Мысль о том, что нам нужно строгое общество, овладела им настолько, что утопия вместо общества, где не нужно будет бастовать, может быть только одной, при которой забастовки не будут больше допускаться.

Случается также, что происходит обратное искажение всеобщего отрицания утопизма, когда, например, опрашиваемые говорят об Америке.

...я считаю, что Америка отчасти потому стала самой выдающейся страной в мире, что наши мечты здесь еще сбываются.

Конечно, здесь в первую очередь речь идет о мечте, измеряемой в центах и долларах, которые может заработать любой человек. Однако нельзя забывать, что среди идеологических основ американского либерализма также присутствует элемент утопии, который при определенных условиях прорывается и преодолевает евангелие мнимого реализма.

Очевидно, антиутопист чувствует себя в своем «реализме» неуютно и старается найти выход, приписывая реальности, с которой он себя настойчиво идентифицирует — своей стране — некоторые утопические свойства, которые для него в другой ситуации не представляют никаких ценностей.

Только убийца из Сан-Квентина, *M628B*, с баллом между низким и средним, в ожидании исполнения смертного приговора кратко говорит:

Эта страна воспитывает людей, но на так называемый американский манер... Я верю, что Америка — самая лучшая страна. Возможно, в материальном отношении... я бы не стал оценивать свою жизнь по критериям материализма...

Фаталистское смирение, напоминающее случай с *M619*, является основной мыслью этого высказывания. Сами *N*, не являющиеся антиутопистами, вряд ли смогут воспринимать утопию иначе, чем фаталистски, будто нечто предшествовавшее, раз и навсегда определенное; то, на что можно «взглянуть», вместо того, чтобы об этом поразмыслить и самому реализовать. *M711* говорит:

(*Что есть идеальное общество?*) Это достаточно трудный вопрос. Не оно ли основывается на четырех свободах?

9. Нет жалости к бедным

Следовало ожидать, что мышление, которое все критикует, по крайней мере на политическом и социальном уровне будет по возможности оказывать помощь страдающим и поддерживать их. Но сострадание Шопенгауэра чуждо философии антиутопических пессимистов. Для всей структуры, исследуемой нами, характерна одна особенность, которая всегда и везде обращает на себя внимание: все интервьюируемые не испытывают никакого сострадания к бедным, ни у себя в стране ни еще где-нибудь в мире. Точно ограниченная *H* кажется ему признаком, который однозначно различает *H* и *N* в их политических воззрениях. Нам необходимо выделить

здесь взаимосвязи между несколькими, измеренными на *PEC*-шкале, идеями и определенными, охваченными посредством *F*-шкалы, позициями. Отмена пособия по безработице, отказ от государственного вмешательства в «свободную» игру спроса и предложения на рынке рабочей силы, дух поговорки «Кто не работает, тот не ест» и другие подобные высказывания являются традиционными чертами яркого экономического индивидуализма. Их представители настроены очень решительно и видят угрозу, исходящую от социализма, либерализму. Все эти идеи имеют оттенок необходимости наказания и авторитарной агрессии, которые делают их идеальным убежищем типичных физических сил прогресса пристрастного характера. Сюда относится, например, убеждение, что люди не работают, если их не заставят работать. — аргументы, связанные непосредственно с презиранием природы человека и цинизмом. Проекционный механицизм также задействован в этой игре: то, что он не принимает в самом себе, т.е. пассивность и корыстолюбие, потенциально профашистски настроенный человек в том упрекает бедных, которым нужна помощь.

Пример *M664C*, заключенного из тюрьмы в Сан-Квентин, у которого необыкновенно высокий балл по *F*-шкале, характеризует психологический аспект этой идеологии и это абсолютно очевидно. «Главную проблему» Америки он видит в проведении кампаний по всему миру в поддержку голодающих. Его точка зрения вскрывает также тесную взаимосвязь между комплексом «Нет жалости к бедным» и фатализмом.

Боже, мы разорили другие страны и теперь вынуждены кормить их... я думаю, что нам следовало бы заставить их голодать, особенно этих япошек. Счастье, что в этой войне все мои родственники уцелели: я бы тогда пошел на войну и убил бы несколько узкоглазых... Нам предстоит пережить новую депрессию и через несколько лет еще одну войну.

Не против японцев, а против безработных направлены аффекты *M658*, другого заключенного с более высоким баллом. В этом высказывании проявляются уже некоторые черты психопата.

Я считаю, что любой должен получить свой шанс. Не должно быть безработицы. Единственная причина, почему у них нет работы, это потому что они ленивы, как я.

Это высказывание, прозвучавшее в одном из наших опросов, можно рассматривать как истинный пример садомазохистского мышления. Так как он презирает самого себя, этот мужчина хочет, чтобы другим было так же плохо, как и ему самому. Наказание этой его склонности, очевидно, будет проекцией собственного чувства вины.

Женщины подвержены этому комплексу реже; им легче компенсировать его социальной заботой и благотворительностью, что, как уже

упоминалось ранее, в любом случае будет аргументом *Н*. Следующие замечания характерны для женщины, уничтожающей того, кому она якобы хочет помочь, но в действительности ни в коем случае не собирающейся этого делать. Она лишь хочет почувствовать собственную значимость.

F359 — *Н*, у которой обычное мышление сочетает в себе некоторые параноидные представления о неграх:

Женщина считает, что государство или общественные учреждения должны заботиться о самых бедных гражданах. Люди, живущие в одной общине, должны собраться и, например, организовать подростковый клуб, или танцевальные вечера, которые будут проходить каждую неделю и, соответственно, попеременно у каждого дома. Каждый должен внести свой посильный вклад в это; провести маленькое собрание, когда речь идет о самых бедных слоях населения; государство должно предоставлять денежные средства на проведение всех этих мероприятий. Можно было бы также обращаться к общественным спонсорам (для оплаты аренды помещений).

Такое безразличие к судьбе бедных с одновременным преклонением перед состоятельными и удачливыми людьми проливает свет на возможное отношение *Н* к будущим жертвам фашизма в критических ситуациях. Тот, кто унижает и без того уже обиженных, будет, вероятно, вести себя таким же образом, когда встанет вопрос о «ликвидации» группы иностранцев. Конечно, эта точка зрения основывается на очень сильных социологических мотивах: социальные тенденции роста, идентификация со следующим, принятым в иерархической структуре общества классом, к которому хотелось бы принадлежать; принятие общих правил ведения конкурентной борьбы, как критерия оценки человека и его желаний, сдерживающих потенциальную угрозу, исходящую от люмпенов. Однако социологические мотивы неразрывно связаны с ранее описанными психологическими механизмами. Вырисовываются следующие специфические инфантильные предположения: для детей идентифицировать себя с бедными представляется как что-то заманчивое; мир бедных кажется им во многих отношениях свободнее, чем их собственный, с другой стороны, они ощущают некое сходство между статусом ребенка в обществе взрослых и статусом бедных в обществе богачей. Ради «социального подъема», а также — даже если дети и бедные — ради принципа реальности, допускающего сострадание, но только как идеологию или «благотворительную деятельность, а не в своих спонтанных манифестациях, эта идентификация вытесняется на более ранней ступени. «Наказание», которому они подверглись за свою жалость, они проецируют на угнетенных, рассматривая бедность как «продукт труда самих бедных». Кроме того, по такому же сценарию разворачиваются события и при антисемитизме.

10. Воспитание вместо изменения общества

Дополнением к комплексу «Нет жалости к бедным» является завышенная оценка воспитания народа в ответах на вопросы политического характера. Частое возвращение к этой теме является тем более знаменательным, что они вообще не входили в число определенных нами вопросов. Никто не будет оспаривать целесообразность политического образования, однако идеал этого воспитания, очевидно, способствует в многочисленных случаях рационализации общественных привилегий. Тот, кто не хочет признаться себе в своих антидемократических симпатиях, склонен утверждать, что демократии удалось бы установить порядок в обществе, если бы только народ был лучше воспитан или, другими словами, «созрел» для нее. Подобное условие само собой исключило бы те самые политические шаги, в основе которых лежат экономические вопросы, ведущие к стремительным изменениям отношений в обществе. Об этом, конечно, не говорят во всеуслышание. Однако, если, как это однажды случилось, человек с ярко выраженными фашистскими взглядами выступает за отмену избирательного ценза на юге и предлагает заменить его на «тест интеллекта», становится ясно чего в конце концов он добивается. Сарафанное радио довольно часто можно встретить среди необразованных людей вероятно потому, что воспитание в американской идеологии стало почти панацеей; в рамках нашего исследования мы не можем более подробнее говорить об их причинах. Никто из опрошиваемых даже не потрудился классифицировать это мистическое «воспитание», идет ли здесь речь об общем образовательном уровне или это касается специфического политического образования и как вообще надо воспитывать?

Комплекс воспитания не ограничивается опрошиваемыми с высоким или средним баллом, но встречается у них чаще, чем среди *N*. Приведем несколько примеров:

(Что такое идеальное общество?) Потребуется несколько поколений, чтобы вывести всех людей на одинаковый образовательный уровень... хотя, чтобы не было таких больших классовых различий... мне кажется, что у нас всегда общество будет делиться на классы... некий стимул, чтобы выбиться «наверх».

Очевидно, здесь педагогическая мысль исползуется антиутопистами как уловка, чтобы препятствовать любым изменениям и в то же время выгладеть достаточно прогрессивными. Примечательно также и то, что подчеркивается необходимость длительного воспитательного процесса и при этом высказывается мысль, что всегда будут существовать некоторые различия между классами общества.

Похожую точку зрения имеет канадец *M934* со средним баллом. По его

мнению, идея воспитания является своеобразным «тормозом», но на этот раз рабочего движения.

Современное рабочее движение связано с воспитанием масс. Я не верю, что рабочие сегодня готовы оказывать большее влияние.

Здесь было бы уместно упомянуть, что в масштабе, в котором стандартизируется производственный процесс, необходимость специального образования замалчивается. Технологический прогресс ведет к некоему просвещению трудящихся. Постулат воспитания теряет свое былое значение. Однако наши респонденты цепляются за него, словно за какой-то фетиш, обладающий магической силой.

Для *F104, H*, изучающей испанский язык и интересующейся профессией коммерсанта, не существует границы между республиканцами, в ее собственной группе, и демократами, в группе, в которой она воспитывалась.

Демократы, с которыми я познакомилась, являются в общей массе необразованными людьми, которые действительно не знают, что собственно происходит. Нынешнее правительство все забросило.

Так интерпретирует воспитывающая идеология тот факт, что партия демократов больше делает для низших слоев населения, чем партия республиканцев.

У *N* в времена происходит соединение идеи воспитания с традиционно социалистическим желанием просвещения. Повторяясь, отметим еще раз, что они все время жалуются на летаргию и недостаточный политический интерес у масс, что регулярно подтверждают опрашиваемые. В этой связи хотелось бы еще раз вспомнить о фразерском высказывании *M117*, моряка:

Наша политическая система имеет хороший фундамент. Большинство людей ничем не интересуются или не в состоянии понять политику, а именно, что капиталистическая система определяет большую часть политики США.

Комплекс воспитания возвращает нас снова к исходным нашего анализа: к невежеству и смятению, которые туманят политическое мышление большинства респондентов. Возможно, что сознание как-то отражается в комплексе воспитания, что собственно не знаешь, когда обсуждаешь политику, о чем говоришь — только слишком часто следуешь самобичеванию *N*, что слишком мало знаешь, хвалишь воспитание. Эта расплывчатая идея о воспитании сфокусирована на искоренении невежества, и при этом поверхностно, направляет весь комплекс работы в отдельную область культурной жизни и избавляется тем самым от напряжения политического мышления. Кроме того, она довольно часто имеет цель спроецировать

свое невежество на других, чтобы самому выглядеть информированным.

Последнее наблюдение имеет, на наш взгляд, большое значение. «Хвалебной песне» воспитанию, которую выделяет *H*, противостоит всеми избитая фраза, что евреи «слишком умны», чтобы выполнять тяжелую физическую работу. Собственно причиной комплекса воспитания может быть смутное сознание того, что наша культура изолирует толпу, живущую в своем мире и по своим правилам, от ее действительного участия в удовлетворении социальных потребностей. В то время как пустая болтовня о воспитании является выражением тоски по состоянию, в котором юлить долго нельзя, потому что надо быть «практичным», весь гнев проецируется через собственное неудавшееся воспитание на выбранного врага, о котором думаешь, что он имеет то, в чем ты должен себе отказывать.

С. Несколько политико-экономических тем

В соответствии с общими методами этого исследования наши размышления сформулированы больше в субъективных, чем объективных категориях; это значит, что нас мало интересовала точка зрения интервьюируемых по конкретным политическим проблемам, скорее, мы хотели определить образ их политического мышления. Само собой разумеется, что наш разговор затрагивал многочисленные политические темы, например, оценку политики, проводимой Рузвельтом, проблему «бюрократии» в государственном аппарате, «идеальное общество» и так далее. Однако, не удалось четко разделить субъективные и объективные политические проблемы. И в самом конце нам останется только обсудить позицию наших респондентов по еще не затронутым в наших интервью политическим темам, путь даже некоторые из них, особенно, вопросы о бюрократии и государственном контроле над экономикой, уже прозвучали.

1. Профсоюзы

Актуальная политико-экономическая тематика, по нашим прогнозам, не должна была вызвать интерес у *H* и *N*. Но она, к нашему удивлению, заняла в интервью особое место. Отметка на шкале «Профсоюзы должны быть сильнее и иметь больше влияния» была достигнута, хотя и с индексом 3,16 у мужчин и 3,49 у женщин (формы 40–45). Однако в протоколах исследования было зафиксировано достаточно простых формул, например, отождествление *N* = пропрофсоюз, а *H* = антипрофсоюз. Немного критики можно найти везде и всегда хватает ярко выраженных *N*, которые по вопросу профсоюзов имеют другое мнение. Недвусмысленно голосует за профсоюзы небольшое число политически подкованных и совершенно решительных левых. В остальном наблюдается сильная сдержанность касательно высказывания своего мнения о деятельности профсоюзов. Это заметно во

всех примерах. *H* и *N* различаются больше по форме своих оговорок, чем в простом «за» или «против». Реакции членов профсоюза, а также лиц, не являющихся его членами, присущи элементы критики.

Нужно было ожидать несовпадения вопросов анкет с ответами, поскольку сам вопросник требует некоторых пояснений. Поэтому, чтобы получить более достоверную информацию, чем из вопросника, было разрешено уточнять свою позицию. Так как организации рабочих и проблема «closed shop»* довольно сильно влияют на жизнь большинства граждан, фактор «отчуждения» и сопровождающее его невежество и смятение здесь не играют такой большой роли, как там, где в далеком Вашингтоне подвергаются обсуждению абсолютно «все ведомства». Поэтому надо серьезно воспринимать критиков профсоюзов и их позиция не должна автоматически отождествляться с реакционным настроением общества. Здесь больше, чем где-либо у нее есть возможности осуществиться. Здесь жалобы звучат гораздо рациональнее и в них больше здравого человеческого разума, чем в скрытой враждебности по отношению к политикам или евреям. Рабочие организации должны в большей или меньшей степени быть приспособлены к отношениям, господствующим в экономической жизни, которая контролируется большими группами интересов и, вследствие этого, имеет ярко выраженную тенденцию к «монополизации». Это ведет к возникновению неприятностей у большого количества людей, сталкивающихся в своем бизнесе с властью, которая вмешивается в то, что они всегда считали и продолжают считать своим индивидуальным правом свободной конкуренции. Им приходится отдавать, помимо товарной стоимости рабочей силы, еще и определенный процент с прибыли, который требует уплатить профсоюз. И это они считают оброком, которым их обложила эта властная организация. Однако примечательным, если не шокирующим является тот факт, что по меньшей мере *H* отрицают монополизацию труда, но не ее модель, промышленную монополию. Население более тесно контактирует с организациями рабочих, чем со своим руководством. Задачей профсоюзов на местах является проведение переговоров с администрацией предприятий по вопросу повышения тарифных ставок, заработной платы, тарифов оплаты сверхурочных и улучшения условий труда. Но Детройту, где производят «профсоюзные» автомобили и который сам определяет их стоимость, до этого еще далеко. Конечно, здесь задействованы также мотивы социальной идентификации.

Монополизация труда касается также и самих рабочих: они несколько побаиваются больших организаций, на деятельность которых они сами не могут повлиять, но в то же время чувствуют себя безопаснее под их опекой и считают, что если их не примут в члены профсоюза, они будут безнадежными «аутсайдерами». Если суть критики заключается только в

* Closed shop — (англ.) предприятие, принимающее на работу только членов профсоюза

таком опыте, то возможность принятия необдуманных решений сводится к нулю.

Частичная оценка критики профсоюзов представляет собой опасный перевес сил в сторону фашизма в этой стране. Пока существует целый ряд серьезных аргументов против деятельности профсоюзов, они могут быть использованы в качестве детонатора для начала кампании по ликвидации профсоюзов, на место которых придут корпорации, подконтрольные правительству. Это является одной из самых высших экономических целей фашистов. Никакой анализ фашистского потенциала не может претендовать на законность, пока он не будет считаться алломератом рациональной критики и иррациональной ненависти по отношению к организациям рабочего класса.

Несколько характерных реакций наших участников опроса по меньшей мере могут очертить контуры этой проблемы. Мы начнем с позиции, которая наиболее распространена среди *N*: одобрение профсоюзов в той или иной форме. При этом особо учитывается мнение «прогрессивных» личностей при составлении общего прогноза.

M310 с ярко выраженными либеральными, прогрессивными взглядами из университетской группы повышения классификации говорит о «так называемой системе свободного предпринимательства, которая в действительности является монополизмом». На вопрос о 30-процентном увеличении заработной платы, выдвигаемый профсоюзом, он отвечает:

Итак, я не люблю, когда кто-то определяет размер своих требований самовольно. Поэтому я понимаю требования по заработной плате, к примеру, для рабочих автомобильных заводов. С другой стороны, забастовки рабочих хлебопекарен в Сан-Франциско, причиной которых является минимальная заработная плата, которую они давно уже перешагнули: они думают о будущем... я за профсоюзы, но мне кажется, что надо четко представлять себе, что они в некоторых случаях защищают эгоистичные интересы отдельных групп... в профсоюзе, как инструменте для проведения реформ я разочаровался. Их единственное стремление — более высокая заработная плата для ограниченного круга лиц. Особенно это заметно на примере АФТ (Американской Федерации Труда).

За этой точкой зрения стоит смутное представление о том, что современное рабочее движение не столько стремится к созданию более лучшей структуры профсоюза, сколько заботится о сохранении определенных преимуществ и привилегий в уже имеющейся профсоюзной структуре. Совершенно противоположное мнение высказывает *H*. Он считает, что профсоюзы слишком политизированы и это вскрыется совсем скоро.

M112, студент 1 курса, предчувствует опасность, что неповоротливые гигантские профсоюзы станут антидемократичными. Он отрицает монополизацию профсоюзов, так как он полагает, что развитие общества можно

остановить, если произойдет дробление высокоцентрализованных единиц на более мелкие.

Я против больших организаций. Деятельность профсоюзов и предприятий должна быть ограничена территориально, и эта территория должна быть маленькой. Вот император, это было бы не так плохо. Концерн «Стандард Ойл» или «Дойчише И.Г.Фарбен» — это не очень хорошо.

M620 — заключенный с низким баллом. Его позиция характерна для тех, кому не нравится вмешательство профсоюзов в производственный процесс:

(Что Вы думаете о современных политических тенденциях?) «Ну, я уверен в том, что рабочий класс должен позаботиться о чувстве ответственности... Знаете, для меня любой контракт — что-то святое.»
Опрашиваемый против забастовок, особенно забастовок между конкурирующими профсоюзами, причина которых — раздел сфер влияния. (Как Вы относитесь к требованию повысить заработную плату на 30%?) Я думаю, что если профсоюзы готовы работать в этом направлении, то они их добьются. А если они не готовы выполнить свои обязательства, то они полностью неоправданны. *(А как Вы представляете себе забастовку на «Дженерал Моторс»?)* Она должна быть как можно скорей урегулирована: не одним, так другим способом. Я считаю, что оба, профсоюзы и работодатели, пренебрегают простыми людьми... Мне несколько грустно от этого. Я считаю, что рабочему классу надо больше иметь чувства ответственности.

M711, *N* из группы ветеранов, принимает власть профсоюзов за фашистскую угрозу и делает Гитлера через квапроекцию заступником профсоюзов:

(Что Вы думаете о профсоюзах?) Я не знаю, честно говоря, ничего об этом. Теоретически я их поддерживаю. *(Как Вы относитесь к требованию повысить заработную плату на 30%?)* Ну, я их не одобряю... Мне кажется, что выдвигать подобные требования нужно пропорционально изменению прожиточного минимума. *(Как Вы представляете себе это?)* Собственно говоря, я об этом никогда не задумывался... Повышение заработной платы на 30% — ерунда, если не произошло увеличения прожиточного минимума. *(Что Вы думаете о требованиях профсоюза «Дженерал Моторс» по вопросам повышения зарплаты при постоянных ценах?)* Да... но я считаю, что необходима стабилизация зарплаты и цен... *(Наш сотрудник читает предложение, в котором речь идет о том, чтобы расширить полномочия профсоюзов; смысл его — профсоюзам больше власти и он подчеркивает это, затем он говорит, что опрашиваемый не полностью разделяет эту точку зрения и просит его пояснить свою позицию.)* Ну, если я с этим не полностью согласен, я полагаю, что возможно, если бы у профсоюзов было больше власти, то это могло бы привести к созданию фашистского

государства... В конце концов Гитлер в самом начале использовал профсоюзы, увеличивал их численность и укреплял их. Разве я не прав? Я знаю, что наши профсоюзы в Сан-Франциско не имеют, между нами говоря, совсем никакого влияния, хотя они представляют собой маленькое государство. С другой стороны, есть и такие, которые работают на всеобщее благо. Конечно, я не разделяю точку зрения тех (позиция нескольких наших сенаторов), которые считают, что их деятельность должна контролироваться.

F340 уже нами упоминалась. Она проходит курс «Технология тестов» в университете и имеет средний балл по *E*, низкий по *F* и высокий по *PES*. Она различает профсоюзные «плюсы» и зло, которое связано с ними. Это зло проявляется в отдельных личностях, о которых она говорит, что они якобы «сами капиталисты».

(Что Вы думаете о деятельности профсоюзных организаций?) Я считаю, что они необходимы. Теоретически они приносят пользу, а на практике... я познакомилась с несколькими профсоюзными боссами из этого округа, это была моя ошибка, я сильно разочаровалась в профсоюзе. *(Насколько?)* Да, если когда-то и были «капиталисты», то они были ими в любом отношении; так, как они руководят своей организацией — это словно бизнес, который может принести все, что захочешь. *(Что, по Вашему мнению, можно предпринять?)* Ну, об их делишках надо всенародно заявить, тщательно проверять отчеты по их коммерческой деятельности, снять с них запрет секретности. *(Вы полагаете, что государство должно вмешаться?)* Да, я думаю, что было бы лучше, если бы все это пропустили через «прессу». Тогда бы они поняли, что должны быть более открытыми и справедливыми.

Хотя реакция нашей участницы опроса не была оценена в количественном отношении, после тщательной обработки результатов опроса сложилось впечатление, что по меньшей мере не все ярко выраженные реакционеры (средний показатель) разделяют эту точку зрения: профсоюзы надо принять, как неизбежное зло.

И только совсем незначительное число опрошиваемых полностью одобряет деятельность профсоюзов. Авторами следующих двух примеров, само собой разумеется, являются — заключенные тюрьмы в Сан-Квентин.

M628B — убийца:

(Что Вы думаете о профсоюзах?) Я решительно поддерживаю эти «closed shop». Мне не никакого дела до частного предпринимательства в той форме, в которой оно существует сейчас у нас. Если бы оно было тем, что о нем говорят на каждом шагу, я был бы за него... Я не думаю, что конституция... но ведь мы живем не по ней... Эта болтовня о тяжелом труде, мой мальчик, когда-нибудь станет одним из острейших вопросов нашего общества. Она ласкает слух... но если основной массе населения

отказывают в праве на жилье и возможности купить одежду, то это уже преступление, скажу я Вам...

М619. осужденный за половые преступления, и у которого психиатр констатировал «шизофрению». несколько критично настроен по отношению к рабочему классу: он считает, что сила профсоюза постепенно, но уверенно, усиливается. Свою неквалифицированную позицию он основывает на какой-то пустой, неопределенной идее прогресса.

(Что Вы думаете о современных профсоюзных боссах?) АФТ (Американская Федерация Труда) — это, как мне кажется, очень хорошо. КПО (Конгресс Промышленных организаций) раньше мне не нравился, но со временем люди меняются и начинают смотреть на вещи иначе. Я хотел бы сказать, что им удалось исправить ошибки, сделанные на стадии своего становления... Конечно, в самом начале профсоюзы выступали достаточно дерзко, но, может быть, цель тогда оправдывала средства, которые они использовали.

Здесь необходимо отметить еще одну причину критики деятельности профсоюзов, а именно то, что профсоюзы не должны заниматься политикой. Она не имеет ничего общего с профсоюзами, с их опытом, на который претендуют многие, и является чистой идеологией и, по всей видимости, лишена веры. Профсоюзы же по американской традиции представляют собой инструмент «торга» для достижения более высокой заработной платы, который не должен вмешиваться в другие проблемные вопросы. Вытесняется недовольство, вызванное спорами по вопросам повышения заработной платы и забастовками, и происходит рационализация путем идентификации организованного рабочего класса и коммунизма. Так как американские профсоюзы в меньшей степени занимаются политическими вопросами и вопросами формирования классового сознания, чем профсоюзы в других странах, это возражение надо оценивать по другим критериям, чем до сих пор. Оно фактически является выражением реакционного мышления. Однако эта реакционная идеология по данному вопросу базируется на сформулированных ранее положениях, что она беспрепятственно проникает в сознание человека, формирует его убеждения, о которых он даже не подозревает.

М621. осужденный за кражу, имеет очень низкие показатели по *E* и *F*, но очень высокий балл по *PEC*'.

Я восхищаюсь профсоюзами, но им не следует заниматься подстрекательством (*Очевидно, подразумевается их политическая деятельность.*) Они должны не столько заниматься денежными вопросами, сколько помогать людям. Они, как и мы все, должны стремиться удержать цены на низком уровне... Политика не входит в компетенцию профсоюзов.

М627, другой заключенный из тюрьмы в Сан-Квентин, с низким баллом по *Е* и *РЕС*, но с высоким по *F*. Он психопатический алкоголик и, видимо, осужден за половые преступления легкой степени.

(Что Вы думаете о политическом исполнительном комитете КПО?)

Ну, им надо перестать заниматься политикой. Вообще все подобные организации должны держаться подальше от политики. Мое мнение — рабочий класс и политика несовместимы друг с другом. *(Вы считаете, что это надо запретить?)* Совершенно верно.

В заключение еще один пример *Н* из Сан-Квентин. Опрашиваемый ни в коем случае не мыслит экстремами. *М656А*:

(Политический исполнительный комитет?) Мне хотелось бы сказать, что им самим не следует заниматься политикой; они должны это делать через своих представителей... но, в целом не должны вмешиваться в политику. *(Почему нет?)* Если они станут этим заниматься, то будут претендовать на то, что по закону является компетенцией законодательных органов... Я, например, думаю, что политика — это не бизнес, а эти Ваши профсоюзы занимаются ничем иным, как бизнесом.

То, что материал, полученный в результате опроса, содержит довольно много враждебных высказываний в отношении рабочих организаций, неудивительно. Они встречаются не только у *Н*, но и участников опроса со средним баллом.

Мы снова ограничимся несколькими примерами, которые нам помогут понять точку зрения тех, кто достаточно резко высказывается по этому вопросу.

М202 — инженер-конструктор, у которого в общей сложности низкие показатели, но он тем не менее подчеркнуто идентифицирует себя с предпринимателями. Наш сотрудник характеризует его, как уже говорилось ранее, как «человека, который имеет взгляды консерватора, но не фашиста». Однако, его выпады против рабочего класса следует расценивать как нечто оптимистичное. Его случай не может не заинтриговать нас. Поэтому мы приводим ниже все его доводы против профсоюза:

По окончании дискуссии о его работе был задан вопрос, что он думает о рабочих организациях? Он ответил: «Я удручен из-за этих профсоюзов. Тут Вы попали по адресу!» В 1935 году поступил на фирму штрейкбрехером и стал выполнять работу химика. Тогда — во времена депрессии — он уехал из Калифорнии. Он не питал никаких враждебных чувств к профсоюзам, он хотел лишь одного — получить работу. Он полагал, что у каждого есть право работать, если он этого действительно хочет, и не думал занять место другого. Он остался работать на фирме после прекращения забастовки. Самого себя он считает «человеком фирмы», соглашающимся

с политикой фирмы. Если он на кого-то работает, то он на 100% защищает их интересы, в противном случае он уходит. Что касается профсоюзов, то у него есть два вопроса, по которым он с ними не может согласиться: (1) их тактика, с которой согласны работники, проработавшие на фирме много лет, и которую не признают только что пришедшие на фирму в надежде получить более лучшую работу, чем у них была раньше, и сотрудники, проработавшие на фирме меньший срок, чем первые; (2) их закрытость, или так называемый «closed shop». Он считает, что человеку должно быть разрешено «получать удовлетворение от своего труда». Если люди знают, что у них гарантированное рабочее место, даже если они работают не с полной отдачей, тогда оно не будет стимулировать их работать лучше. Например, он берет на работу двух профсоюзных организаторов, потом смотрит, как они работают, ему их работа не нравится и он их увольняет. А профсоюз требует, чтобы он их взял обратно; говорит ему, что он должен это сделать и, что в противном случае у него вообще никто работать не будет. Если кто-то видит, что сосед работает спустя рукава и получает за это столько же, сколько и он, то у него нет никакого стимула работать лучше и он начинает работать так же медленно, как и его сосед. Профсоюзы не должны зажимать того, кто не хочет быть его членом. Наш сотрудник подчеркивает еще раз, что главная цель «closed shop» — выторговать тарифы заработной платы. На это участник опроса ответил, что если бы сама группа этих людей объединилась и обратилась к руководству с просьбой повысить заработную плату квалифицированным работникам или улучшить условия труда, или разработать более эффективные производственные методы, то тогда бы было все в порядке. Если фирма не готова платить за квалифицированную работу, то и не стоит там работать. Обобщая все сказанное, можно заключить, что позиция этого участника опроса основывается на его интуиции, что профсоюзы не только не способствуют напряженной работе, напротив, они ей всячески вредят.

Этот случай иллюстрирует человека, который, хотя и без политических предрассудков, зная по собственному опыту, стал ярким противником рабочих организаций. Он, здесь надо особо подчеркнуть, хотя и называет себя «человеком фирмы», ни в коем случае не является сторонником предпринимателей. Он считает, что бедность можно устранить, изменяя нашу социальную систему, и выступает во многих отношениях за установление контроля со стороны правительства над деятельностью предпринимателей. Суммарно его точку зрения можно охарактеризовать как конфликт между очень прогрессивными общими идеями и прочными реакционными импульсами, т.е. ситуацию, потенциально опасную, играющую на руку некоторым «либералам». Противоречия в высказываниях этого человека касаются меньше психологических факторов и вызваны его профессиональной позицией. Его реакционные черты — продукт технологической иерархии, принятой на фирме, где он работает. Она вынуждает его следить за «производительностью». Он считает, что вмешательство профсоюза скорее снизит ее, чем повысит. В этом отношении его

позиция не так последовательна, как это может показаться на первый взгляд. Скорее можно сказать, что его взгляды по общим вопросам сталкиваются с его отношением к технологической продуктивности, так как среди существующих производственных отношений эти два вида продуктивности ни в коем случае не взаимодействуют друг с другом объективно.

F316A, N, 22 года, имеет такую же позицию. За время ее работы в качестве химика в одной нефтедобывающей компании у нее накопилась злость на эти профсоюзы, которая сформировала ее отрицательное отношение к ним:

Девушка считает, что рабочие из-за многочисленных забастовок оказались в очень затруднительном положении и что промышленность якобы парализована. Гигантские профсоюзы выдвигают слишком много требований. (*Что Вы думаете о профсоюзе на Вашем предприятии?*) Профсоюз (C.I.O.) недемократичен потому, что начальники отделов и их заместители принимают все решения и лишь потом сообщают об этом работникам предприятия на собраниях. А они даже не являются членами профсоюза. (*У Вас на предприятии, вероятно, есть также свой фирменный профсоюз, не так ли?*) Вы имеете в виду A.I.S. (Объединение ученых-промышленников)? Это вообще не фирменный профсоюз (довольно сердито). Это плохая уловка C.I.O., или больше того — вообще не уловка, а хитрость: жаловаться такому фирменному профсоюзу, так как он не зарегистрирован в W.P.B. (Военно-промышленный Совет) и таким образом не может вести переговоры по вопросам увеличения заработной платы и представлять интересы работников предприятия. Они считали, что если у них получится затянуть регистрацию на год или два, то надобность в нем сама собой отпадет. Если он не может представлять никаких требований по зарплате, он не может также заключать никаких контрактов для рабочих, он может только сообщать компании о желаниях рабочих. Хотя A.I.S. представлена у нас только одной региональной группой, я не верю в то, что она контролируется фирмой, даже если бы у меня были доказательства этого. (*Ассистентам платят также хорошо, как и химикам-стажерам?*) Да, когда химик-стажер получал всего 170 долларов в месяц, а C.I.O. повысило зарплату ассистентам лаборатории до 180 долларов, фирма вынуждена была платить химикам-стажерам 200 долларов в месяц. C.I.O. жалуется на то, что это ее заслуга, а химики-стажеры не хотят становиться ее членами. (*Повышение зарплаты: это ведь неплохо?*) Да, но все равно мне бы хотелось знать, что могло сделать A.I.S., если бы оно было разрешено; может быть оно вообще ничего бы не сделало.

Ключевой темой враждебной для профсоюзов идеологии Н — это шантаж. Они расценивают давление со стороны организованных рабочих как незаконное и сравнивают его с организованным преступной группировкой диктатом и заговором, которые и без того являются их излюбленными аргументами. У них, чьи нравоучения всячески подчеркиваются в этом исследовании, понятие свободной конкуренции ассоциируется с моралью. И любой фактор, вносящий в экономическую жизнь квазивнеэкономичес-

кий элемент, для них аномален. Такие подозрения, впрочем, у них возникают не только на примере промышленных монополий и их ценовой политики, но и, якобы, монополистской структуры профсоюзов. Здесь также поднимается вопрос «легитимности» — идентификации с сильным. Промышленные корпорации — за такое мышление (продукт «естественного» развития), рабочие организации — сбор людей, которые хотят иметь больше, чем у них есть.

В психологическом аспекте эта идея «шантажа со стороны рабочих» кажется имеет ту же самую природу, что и сложившийся стереотип о взаимосвязи евреев. Ее причина заключается в неудавшейся интернализации идентификации с отеческим авторитетом эдипова комплекса. По нашей гипотезе тип *H* испытывает страх, прежде всего, перед отцом, которого он пытается привлечь на свою сторону, чтобы разделить с ним власть. «Гангстеры» — это те, кто рискует вызвать гнев отца и тем самым разбудить страх быть кастрированным у индивида, выдвигая большие требования, хотя индивид сам не меньше их желает этого. Освободиться от этого страха, отражающего чувство собственной вины, индивид может только посредством проекции. Так как *H* постоянно делает различия между собственной и чужой группой, он тот, который хочет сделать других «чужой группой» и постоянно готов классифицировать именно ее как закрытую в себе собственную группу. Чем больше он сам на основании его «статуса» будет склонен обходить претензии «нормальными» путями свободной конкуренции, тем больше он будет винить тех, кого он считает слабыми по тому же вопросу. Рабочие станут «вымогателями», преступниками, как только они создадут свою организацию. Они будут как нищий, кусающий собаку, виновниками. Любая реальность, попадающая в эту схему, поддается на эти психологические тенденции как магнит. Рабочие организации редко бывают удачным объектом.

M352, старший рабочий смены, называющий себя «первым человеком», с высоким баллом по всем показателям.

Значит, профсоюзы не признаются в «Стандард Ойл». Я никогда не был членом профсоюза. При помощи профсоюзов можно было бы эффективнее воздействовать, но многие профсоюзы занимаются сегодня политическим шантажом. Политический исполнительный комитет С.И.О. особенно... Профсоюзам надо меньше заниматься политикой. Они не должны быть политизированы. А.Ф.Л. сегодня занимается шантажом и делает на этом деньги. Профсоюзные лидеры держатся за свои кресла до самой смерти, не отдавая кому-либо отчет по своим денежным махинациям. И с этим надо что-то делать. Но если региональные организации управляют более или менее прилично — хорошо. Но это пока у руля стоит консерватор. Стоит прийти либералу к власти, он сразу начинает использовать свое первое оружие — забастовки и так далее.

Здесь, впрочем, как и во многих случаях, предметом критики являются размеры профсоюзных объединений, которые связываются с романтической идеей о том, что чисто местным и менее структурированным организациям автоматически отдается предпочтение.

M658, упомянутый ранее участник опроса из тюрьмы в Сан-Квентин, идет в своих рассуждениях дальше и советует распустить профсоюзы:

(Современные политические тенденции?) О, я считаю, что нами будут в скором времени управлять эти идиоты из скандальных рабочих профсоюзов... Посмотрите на всех этих пустозвонов... не имеющих ни малейшего представления ни о чем, которые даже гвоздя забить не могут... и они хотят взять бразды правления в свои руки, несколько сотен тысяч и только потому, что они объединились. *(Что можно сделать?)* Их нужно образумить, нужно показать, кто они на самом деле есть. Лицензии у них надо отобрать. *(Что Вы имеете в виду?)* Ну, у каждого профсоюза должно быть разрешение. Их нужно аннулировать. Если будет необходимо, отменить и их собрания. *(Что Вы думаете о забастовках?)* Это как раз то, что я имею в виду... они приносят вред нашей стране. *(Какой, по-вашему, должна быть реакция на забастовки?)* Не брать забастовщиков больше на работу или штрафовать. Но я также против плохих условий труда. Я считаю, что надо бросать работу, если в неделю тебе платят 150 долларов, оставаться, во всяком случае, глупо. Это — причина инфляции. *(До этого, когда речь шла о профессиональном образовании и доходе, собеседник заметил, что наш сотрудник не успевал записывать, что он сам об этом думал: может быть подкупить примерно 500 долларов, работая в театре или еще где-то сродни ему, чтобы потом некоторое время отдохнуть. Следует отметить крайне завышенные представления этого участника опроса о зарплате во время ведения боевых действий.)*

Некоторые враждебные высказывания в отношении профсоюзов мы встретили в группе опрашиваемых из Лос-Анджелеса. *5014*, двадцатилетний молодой человек с высоким баллом по *E* и *PEC*, но со средним по *F*, вероятно, участник боевых действий, является противником профсоюзов и имеет несколько специфическую точку зрения.

На вопрос, что он думает о профсоюзах, он отвечает: «Я против них». Он не видит никакой разницы между *A.F.L.* и *C.I.O.*, но придерживается мнения, что «они зря свою кровь проливали, в то время, когда можно, как рабочие дома бастовать и получать хорошие деньги»

Здесь сразу бросается в глаза контрастность: враждебность и полное невежество.

5031 и *5032* — супружеская пара с довольно высоким доходом. У обоих высокий балл по *PEC*, низкий по *F* и низкий, до среднего, по *E*. Настойчивое неприятие деятельности профсоюзов связано с чувством отвращения к

человеческой природе. На их взгляд, профсоюзы — это просто контора, где собрались одни дармоеды, чтобы не работать.

Оба настроены против рабочих организаций. Он, разговаривая на эту тему, начинает горячиться. Признавая необходимость поддержания уровня благополучия, он считает, что ему придется заплатить большую цену за эти требования рабочих. Он считает эти требования неразумными и утверждает, что после минутного успеха рабочих, не удалось бы найти столяра или жестянщика даже на день, «даже если бы их требования были выполнены». Оба утверждают, что не питают никаких враждебных чувств по отношению к различным национальным меньшинствам. Однако они подняли вопрос о целесообразности ходить детям евреев в школу, где учится их сын.

F5043 — домохозяйка средних лет с чрезвычайно высокими показателями. Она принадлежит к категории потенциальных фашистов, у которых на все одно объяснение: «халтурная работа». Она ведет себя как настоящая «воительница», которая сначала организует безнадежный кризис, а потом обвиняет в этом рабочих.

«Ничего подобного, как сейчас, со мной никогда еще не происходило», — жалуется она, отвечая на вопрос о положении рабочего класса. «За что воевали наши ребята? И вот они вернулись назад и видят, что ничего нет ... даже места, где они могли бы жить... и все из-за этих забастовок.» Она обвиняет рабочих в кризисе современного общества и досадует на рост и силу рабочих организаций. Она также полагает, что бывших солдат и рабочих разделяет пропасть непонимания и боится внутренних трудностей. Бастующих рабочих она также обвиняет в росте безработицы и настроена очень пессимистически в отношении возможности полной занятости. Однако она не разделяет точку зрения, что правительство очень уж сильно вмешивается в эти дела и имеет достаточно смутное представление о роли крупных предприятий и свободной экономики. Она, вероятно, является непримиримой противницей профсоюзов и забастовок, не имея каких-либо твердых убеждений по другим вопросам. «Это просто ужасно», — повторяет она и считает, что дилетантам в политике делать нечего и «профсоюзам не стоит заниматься политическими вопросами.»

В то время как обычной реакцией *N* было «Да, но...», они склонны считать, что деятельность профсоюзов в принципе законна, но при этом они говорят, что «она заходит чересчур далеко», так как они получают больше, чем у них есть. Типичный *N* сваливает без какого-либо разбора на них всю ответственность за якобы из-за их деятельности критическую социальную ситуацию, стандартизацию жизни (*5001* и *5003*) и обвиняет их в диктаторстве. Оппозиция *N* не ограничивается выражением недовольства конкретными условиями, в которых они, вероятно, пострадали. Принцип их реакционной программы автоматически включает в себя антисемитизм.

чувство ненависти по отношению к другим странам. Новому курсу и все выраженные в любой форме враждебные выпады, которые фашистская и профашистская пропаганда насаждает в наивном американском обществе.

2. Экономика и государство

Как это можно было предвидеть, общие идеологические представления о государственном вмешательстве в экономику и деятельности профсоюзов практически совпадают. Среднестатистическое мнение, если так можно выразиться, отражает необходимость в соответствующем обязательном государственном контроле, прежде всего, в условиях военных действий, но видит в нем главное противоречие принципам экономического либерализма. Контроль со стороны государства все еще попадает в разряд необходимого зла. Особенно для *H* он является еще одним аспектом комплекса вопросов об узурпации и диктаторском беспределе, ставящим под сомнение права трудящихся, работающих в поте лица. Однако необходимо констатировать, что по вопросу государственного контроля нет четкого различия между *H* и *N*, напротив, оно касается больше того, как это будет происходить и затрагивает весь комплекс подобных вопросов, по которому обе группы высказывают свои критические замечания.

Приведенные ниже примеры содержат частично положительную оценку такого государственного вмешательства, высказанную специально отобранной группой опрашиваемых со средним и высоким баллом.

F340A, молодая служащая из университетской группы повышения квалификации, со средним баллом по *E*, однако высоким по *F* и *PEC*. Она выделяется некоторой духовной справедливостью, стремлением учитывать мнение и другой стороны. Это та самая «антипараноидная» черта американского мышления, относящаяся, между прочим, к тем субъективным факторам, которые являются самой лучшей вакцинацией от фашизма.

На государственный контроль экономики она не возлагает больших надежд. Может быть это получилось бы, если бы государство взяло на себя расходы по содержанию транспорта, снабжению газом, водой, электроэнергией. (Почему?) Может быть, правительству удалось бы удешевить их. Однако правительство не совсем уверено в том, что у него это получится. Во всяком случае, при забастовках, когда все останавливается, правительство могло бы нормализовать работу. «Если правительство отдаст какое-либо распоряжение, оно выполняется.»

Одобрение государственного вмешательства может быть истолковано двояко: как нарушение принципов либерализма оно отвергается, а как средство контроля за деятельностью профсоюзов — приветствуется. Необходимо вспомнить о том, что национал-социалисты постоянно жаловались на Веймарскую Республику, но позднее, придя к власти, они снова стали

внедрять в Германии на примере социалистических правительств то, что называется государственным контролем.

M109 — лицо, назначенное для оказания помощи условно осужденному. *H*, вспоминает об одном *F340A*, когда его заступничество за государственный контроль исходит под воздействием скорее авторитарных тенденций без ограничения анархии свободной конкуренции и использования рационального планирования в интересах всех. (См. цитату на стр. 186 и 190).

Среди участников опроса, которые высказывались категорически против государственного контроля, есть как *H*, так и *N*. По понятным причинам *N* здесь снова привлекает наше внимание.

M711, уже упомянутый «непринужденный» *N*, является противником государственного контроля просто потому, что видит в нем удобную возможность для становления фашизма. Он еще не осознает прогрессивность такого государственного контроля на примере Рузвельта:

(Контроль со стороны правительства?) Нет, это в конце концов приведет к фашистскому государству. Более мягкий контроль принес бы больше пользы

Несмотря на свои, скорее левые, взгляды, этот человек несколько растерян. Причиной этого могут быть последствия псевдопрогрессивных лозунгов фашистской пропаганды, жертвой которой он стал. Это тот самый человек, который оправдывает свое отрицательное отношение к деятельности профсоюзов ложным доводом, что Гитлер их якобы поддерживал.

M204, другой *N*, молодой мужчина из психиатрической клиники, больной фобией, считает себя социалистом и находит Новый курс слишком консервативным, однако заявляет:

«Государство не должно контролировать все». Он предлагает систему, принятую в скандинавских странах: полная занятость населения, рабочее правительство, товарищества. «Я считаю, что мы также должны развиваться в этом направлении. Правительственный контроль можно использовать по-разному. Вместо этого мы должны получить свободу личности и научиться воздействовать на нее путем ее воспитания.»

Обобщая полученные данные по вопросу необходимости государственного контроля мы можем заключить, что критика *N* основывается на традиционной идее свободы, страхе перед отменой демократических институтов и заменой индивидуализма авторитаризмом. Именно поэтому идея перехода к плановой экономике не одобряется большинством. Но есть возможность радикального изменения всей системы традиционных ценностей американского демократизма и либерализма и без изменения сознания индивида, если их защита в рамках современного общества так наивна. Во времена, когда «яркий индивидуализм» действительно привел бы к всеох-

ватывающей системе социального контроля, всех убедят те идеалы, которые связаны с некритическим индивидуалистским понятием свободы, не упоминая о том, что это будет на руку сильным мира сего.

Возражения *H* против государственного контроля можно преодолеть совершенно другим образом. Профсоюзы, Новый курс, государственный контроль для них — одно и то же: господство тех, которые не должны иметь власть. Здесь затаенная враждебность против государственного контроля соединяется с комплексом «Нет жалости к бедным».

«Хулиган» из Сан-Квентина. *M664b* говорит:

(‘Современные политические тенденции?’) Да, я считаю, что то, как сейчас идут дела, не принесет пользы для страны. *(Как это?)* Я считаю, что каждый должен зарабатывать себе на хлеб, а не ждать, что государство о нем позаботится. Я не верю этим Новым курсам, и о рабочих правительствах я также невысокого мнения... Кто не получает никакой прибыли от своего бизнеса, должен закрыть его...

M651a, убийца из Сан-Квентина, приговоренный к пожизненному заключению, отрицает вмешательство государства в экономику. Его точка зрения — точка зрения коммерсанта «со здравым умом».

(Что Вы думаете о государственном контроле над экономикой?) Нет, я сторонник свободного предпринимательства. Я считаю, что экономика должна быть в состоянии саморегулироваться, за исключением кризисных периодов, когда цены бешеные... А свободная конкуренция обеспечивает низкие цены...

Надо отметить, что само отношение *H* к государственному управлению и проклинаемому Новому курсу одинаково. Здесь их реакция не так агрессивна, как по отношению к профсоюзам. Это, вероятно, можно объяснить их тайной страстью к авторитаризму, которая внушает им некоторое уважение перед любым правительством, даже если оно представляет отличную от их точку зрения, заставляет их смотреть другими глазами на необходимость государственного контроля. Многие из участников нашего опроса выросли во время войны или сразу после нее, когда, очевидно, нельзя было ничего достичь без сильного государственного контроля. И на этот факт они ссылаются, чтобы изменить свою непримиримую позицию. Так как ситуация тех лет сформировала сознание людей, которое теперь в значительной мере определяет их позицию, можно было бы предположить, что данная картина сильно изменится при проведении современного опроса.

В этой связи заслуживает особого внимания точка зрения участников нашего опроса по вопросу монополизма. Монополия, с одной стороны, является следствием свободного предпринимательства, воплощением яркого индивидуализма, с другой — ведет к установлению своего контроля,

который исключит конкуренцию, что может не произойти, если государство будет контролировать экономику. Может быть, именно поэтому до сих пор не сложилось «общественного мнения» о монополизме. Причиной этому может быть особенность людей, которая заключается в том, что они гораздо реже ощущают безликую, но объективно существующую власть больших концернов, чем официальные легальные мероприятия государства. Несколько примеров тем не менее наглядно показывают, как отражается проблема структурированного супербизнеса в сознании нескольких наших участников опроса.

M115 — студент с обычными, а не фашистскими взглядами, является членом студенческой корпорации. У него низкий балл по *E* и *F*, однако высокий по *PEC*. Он отвергает эти «марксистские догмы», однако придерживается мнения, что:

Крупные предприятия должны контролироваться государством, так как становятся чересчур огромными. В некоторых областях таких как транспорт, электричество и других подобных, по его мнению, необходимо иметь одну крупную организацию. Главное, чтобы можно было препятствовать росту монополий и ограничивать их прибыли.

Это неразрешенное противоречие между различными антисоциалистическими и в равной степени высказанными антимонополистическими взглядами этого мужчины характерно для общей массы населения. На практике же это сводится скорее к искусственному «блокированию» тенденций, ведущих к экономическому росту, чем к ясно очерченной экономической концепции. Европейцы со средним достатком, в конечном счете ратующие за фашизм, были также частыми противниками крупных предприятий.

M118, *N* из университетской группы повышения квалификации, знает эту проблему. Однако, находясь под сильным влиянием сторонников общепринятой точки зрения по вопросу экономики, он не может обобщить свою аргументацию.

Сейчас оказывается давление на свободное предпринимательство, но это зачастую заканчивается монополизмом, когда большие концерны выжимают из людей все соки. Огромна пропасть между богатством и бедностью. Одни люди безропотно работают, другие за их счет богатеют. Именно поэтому правительство должно иметь больше возможностей воздействовать на экономику. При этом не надо бояться прихода к социализму.

Тот же самый мужчина упрекает Уоллеса в «непрактичности». Навязывается предположение о том, что монополизм используется в качестве неопределенной негативной фразы. Однако лишь небольшая группа

участников опроса действительно ощущает вмешательство монополизма в их жизнь. В частности, вопрос профсоюзов занимает в их общей идеологии одно из первых мест.

3. Одиночка и политические будни

До начала этого раздела было установлено, что неосведомленность и замешательство в политических вопросах и пропасть между поверхностной идеологией и конкретными реакциями объясняется отчасти тем, что большинству американцев, занятых решением своих не менее важных проблем, политика кажется чем-то отдаленным. Сейчас мы хотим еще раз напомнить читателю о нескольких политических и экономических темах (будь то их настоящая или мнимая позиция), затронутых участниками нашего опроса. Таким образом мы попытаемся выяснить, могла ли быть другой их реакция по вопросу «большой политики».

Но сначала нам надо понять, что следует понимать под «мнимой позицией». В нашей анкете есть один вопрос об ограничении дохода 25000\$. Он не является острой политической проблемой и, соответственно, нельзя было ожидать непосредственной личной заинтересованности в ограничении своего дохода этой суммой. Ответы на эти вопросы, заслуживающие глубокого анализа, имеют скорее оттенок американской мечты, чем личной политической позиции. Совсем немногие из опрошенных были готовы признать такое ограничение своего дохода. Однако они согласились, и это было их последней уступкой, что на такую сумму можно прожить. В остальном же господствовало мнение, что в свободной стране любой может зарабатывать столько, сколько он сможет, хотя сегодня возможностей зарабатывать так много стало гораздо меньше. Утопия Америки заключается скорее в утопии мальчика-чистильщика обуви, который приносит ее королю железных дорог, чем в утопии мира без бедности. У мечты неограниченного счастья есть свое убежище, так хочется сказать, единственное, находящееся в несколько инфантильной фантазии бесконечного богатства, что одиночка может накапливать. Само собой разумеется, что такая мечта благоприятствует статусу-кво: идентификации индивида с крупными промышленными магнатами, одним из которых он может стать сам, помогает увековечивать власть больших предприятий.

К тем, кто открыто высказывался за ограничение дохода, относится М664С, занимавшийся подделкой чеков, из Сан-Квентина, Н, питающий ненависть ко всему и который богатых терпеть не может.

(Что Вы думаете об ограничении годового дохода 25000\$?) Что? Да к черту все это, совсем обалдели! Им еще больше подавай? Это ведь и так громадные деньги.

Показной радикализм этого мужчины можно оценить правильно лишь в том случае, если принять во внимание, что он есть тот самый человек, движимый мыслью помочь голодающим странам. Поэтому мысль зарабатывать еще больше приводит его в бешенство. Господствующее среди наших респондентов мнение зарабатывать больше 25000\$ обобщает в своем живом протесте *M621A* из Сан-Квентина. У него низкий балл по *E* и *F*, но высокий по *PEC*.

Они не должны этого делать. Если кто-то так много работает, то он должен иметь столько же много власти.

Следующие темы характерны для упомянутой ранее тенденции, наблюдаемой среди участников нашего опроса, статья «рациональнее» и «прогрессивнее», как только придет время институтов или мероприятий якобы «социалистической» природы, от которых одиночка ждет непосредственной пользы. Это можно наблюдать на примерах ОРА (Ведомство по контролю за уровнем цен) и страховании на случай болезни.

Наш опрос показал, что ОРА также является «бюрократически» государственным ведомством контроля, хотя оно и находит одобрение у большинства опрошиваемых. Ниже приведены примеры, полученные без всякой систематизации:

Еще раз *M621A*.

(ОРА?) Я считаю, что они сделали для нас что-то хорошее. Может быть, это их заслуга в том, что жилищный вопрос стал быстро решаться в Сан-Диего. (Он считает, что ОРА мог бы решить жилищную проблему)

Одним из немногих исключений является состоятельная супружеская пара из Лос-Анджелеса, *5031* и *5032*, которая «негодует по поводу Нового курса», его «надоедания, всех этих приоритетов и этого проклятого бюрократизма, который является продуктом деятельности ОРА». Большинство других положительно относятся к ОРА, несмотря на его некоторую предвзятость. Пример уже цитированного *N* из Сан-Квентина, *M627*:

Да, это хорошее дело, если ОРА контролирует этот черный рынок.

Очень хорошо заметна эта предвзятость на примере *N* из Сан-Квентина, *M658*. Это человек, который хочет ликвидировать профсоюзы.

Было бы хорошо, если бы у ОРА под его бархатными перчатками были железные руки. Они бы штрафовали людей от 100\$, если последние зарабатывают 100000\$.

Явление всеобщего признания ОРА больше представляет интерес, как структура, которая на протяжении многих лет подвергалась постоянным нападениям со стороны прессы. Однако эти преимущества, в частности, касательно жилищной проблемы, так бросаются в глаза, что оттесняют на задний план идеологические выдумки прессы. И потребовать в Вашингтоне распустить ОРА из-за «проклятого бюрократизма» означало бы, что у человека, выдвинувшего это требование, «поехала крыша».

Такая же ситуация и со страхованием на случай болезни. *H* и *N* убеждены в его полезности. *M656A*. *H* из группы респондентов из Сан-Квентина, осужденный за убийство второй степени, до этого полагал, что едва ли можно прожить на 25000\$ в год, однако нужно иметь право, по его мнению, зарабатывать столько, сколько человек в состоянии заработать. Он, которого определенно нельзя назвать социалистом, на вопрос о государственном страховании на случай болезни, отвечает: «Я за это».

M711, упомянутый «непринужденный» *N*, говорит с энтузиазмом:

Государственное страхование на случай болезни? Без какого-либо ограничения да ... важно, как почти любое другое мероприятие идеального общества.

Наконец, мы обращаемся к экономическому сектору, который имеет большое значение для процесса становления фашизма — к налогам. Они, вероятно, та тема, которая рассеивает накопившуюся злость на социальный порядок. У *H* эта злоба никогда не направлена открыто на фундамент общества. Несмотря на это все же видны нарождающиеся признаки насилия. Мужчина, бьющий кулаком по столу и негодующий по поводу больших налогов, является «потенциальным кандидатом» в диктаторы. Налоги вызывают не только ассоциацию с якобы расточительными демократическими правительствами, плодящими дармоедов и бюрократов, они являются своего рода признаком, по которому народ узнает (говоря словами наших респондентов), что этот мир в действительности ему не принадлежит. Здесь они непосредственно ощущают себя бесполезными жертвами. Так, например, один из участников нашего опроса жаловался, что не понимает, какая ему от войны польза? Непрямые преимущества, которые хочет получить одиночка после уплаты налогов, остаются непонятными для него. Он только понимает, что должен платить, не получая ничего взамен, что противоречит принципу товарообмена, на котором строятся либеральные идеи о свободном рынке. Однако факт, что сам налоговый комплекс во времена бума, как и в годы проведения нашего опроса, так сильно обостряется, что кажется, подтверждает нашу гипотезу: он питается как из скрытых источников в характерной для них структуре, так и из поверхностного возмущения против изъятия значительной части дохода, без какой-либо видимой для одиночки пользы. Гнев на налоговую

систему сродни взрыву иррациональной ненависти, направленного против нерационального налогообложения индивида обществом. Национал-социалисты умели извлекать выгоду из этого комплекса «деньги налогоплательщика». В первые годы своего господства они зашли так далеко, что пропаганда Геринга стала гарантировать налоговую амнистию. Потом, когда налоги выросли и стали ее последним спасательным средством, пропаганда мастерски замаскировала их под подавание, добровольные пожертвования и что-то подобное. национал-социалисты стали собирать огромные денежные суммы и действовать по принципу «Лучше тайные угрозы, чем официальное легальное налогообложение».

Ниже приведены несколько примеров против антиналогового комплекса. *M105* — *H.* ярый антисемит. член одной экстремистской организации, говорит:

«Это деньги налогоплательщика, которые они кладут на счета банков в Южной Америке, другие страны посчитают нас идиотами.

M345, инженер по телеизмерительным приборам из университетской группы повышения квалификации, со средним баллом по *E*, низким по *F*, но высоким по *PEC* думает:

(Как Вы относитесь к государственному контролю экономики?)

Сейчас мы дошли до точки, когда слишком много предъявляют требований к деньгам, полученным от налогов, и времени гражданина.

Также комплекс «деньги налогоплательщика» не ограничивается *H.* *M116*, один из наших *N*, и как конформист и традиционный консерватор представляет собой особый случай. Он борется с этим предрассудком и настоятельно идентифицирует себя со своим отцом, признает его республиканскую точку зрения:

. даже если коммерсанты не хотят платить налоги.

В случае нового экономического кризиса, когда безработица приведет к повышению налогообложения частных лиц, чей доход упал, этот комплекс будет иметь, без всякого сомнения, очень важное значение. При этом правительство, оказавшееся в подобной ситуации и не предпринявшее никаких попыток увеличить сбор налогов, вынуждено будет уйти в отставку, а то, которое сделает шаги в этом направлении, неминуемо будет причислено к группе врагов, от которых оно, по всей вероятности, получит поддержку.

4. Внешняя политика и Россия

Недостаточная информированность наших респондентов заметна еще больше в других областях, а именно в области внешней политики. Довольно неопределенные и туманные представления о международных конфликтах, смешанные с обрывочной информацией по отдельным вопросам, которые хорошо знакомы нашим собеседникам или случайно привлекшие их интерес, скорее правило, чем исключение из него. Согласие по всем вопросам представляет собой смесь разочарования, страха и неопределенного чувства досады. Символично короткое высказывание *F340B*, нашего собеседника со средним баллом: «Похоже, что у нас вообще нет никакой внешней политики».

Это высказывание можно назвать эхом газетных публикаций. Данная тема довольно часто встречалась в газетных заголовках у Вальтера Липпмана или Дороти Томсон в то время, когда проводилось это исследование. Они обостряют чувство неуверенности и недостаточной информированности многих респондентов и приводят к созданию критического превосходства. Международные отношения, один из разделов политики, меньше всего интересуют участников нашего опроса.

Сразу бросается в глаза отсутствие образного мышления, неспособность трезво рассуждать при разговоре по вопросам внешней политики.

На этот раз мы рассмотрим позицию *M711*, одного «непринужденного» *N*:

(Главная проблема нашей страны?) Трудно сказать... Может быть для нас самым важным является то, как мы справимся с остатком этого мира. . . Я несколько взволнован положением наших дел в Китае. Если мы действительно поборники четырех свобод, то тогда я считаю, что мы недостаточно последовательны в наших отношениях с Китаем и Индонезией.

Эта точка зрения, по-видимому, есть результат постоянного чтения газет. Но она едва ли отражает его собственную позицию. Однако она остается, и это следует отметить внутри антиимпериалистической системы соотносительных понятий *N*.

Символ политического неудобства — это атомная бомба, внушающая страх всем. По отношению к атомной бомбе очевидно можно отличить *H* от *N*. Как и ожидалось, *H* выступают, по своим психологическим мотивам, за абсолютное сохранение тайны. Здесь, как впрочем и везде, они хотят «сохранить то, что у нас есть».

M662A. «Хулиган», *H*, из Сан-Квентина, говорит:

(Угрозы современной форме правления?) Атомная бомба. Если она есть у других стран, то она может быть использована против нас. Поэтому нам

надо следить за русскими... Я за Россию, но ... я думаю, что рано или поздно, а война с ней будет.

Этот мужчина фаталист в отношении возможности войны, которая уничтожит всех. Его позиция во многом объясняется данными клинических заключений о психологической пассивности мужского H^{22} .

Позиция N заключается в решительном отвергании атомной бомбы или оповещении широкой общественности:

$M627$ — алкоголик и половой извращенец с низким баллом по E и PEC , но высоким по F высказывает свое мнение:

(Главная проблема Америки?) Да, я думаю, что это атомная бомба. (Решение?)... Ну, ее надо запретить и заморозить «атомные деньги», а потом посмотреть, как использовать это оружие, можно использовать его в мирных целях.

$F515$ — «сторонница либерализма от рождения», о которой речь шла в разделе о «Типах и синдромах»,²³ выступает за международный контроль над атомным оружием:

Труман не хочет раскрыть тайну атомной бомбы, но я думаю, что ему все же надо это сделать. Она ведь и так уже наполовину известна.

Хотя войны боятся в общем-то все, позиция H позволяет предположить, что он, считающий войну неизбежной, в глубине души радуется ей. Как это можно заметить на примере 5003 , одного H — в высшей степени невротичного автора радиопрограмм из Лос-Анджелеса:

Что касается баланса сил в мире, он старается из всего извлечь выгоду. «А почему в будущем не должно быть войн? Мы — животные, у нас даже инстинкты — звериные. и Дарвин доказал это. Идет естественный отбор и выживет сильнейший. Я охотно поверил бы в то, что в глубине души люди братья, но все-таки сильнейший побеждает.»

Вопросы типа: «Почему не должно быть больше войн?», приводят в конце концов, несмотря на все разговоры, к тому, что он соглашается с тем, что в глубине души мы не питаем никаких враждебных чувств друг к другу. Частое цитирование Дарвина, преследующее цель оправдать жестокую агрессивность, характерно для фашистского потенциала в американском «натурализме», который якобы ассоциируется с прогрессивными идеалами и просвещением.

У 5009 возникают другие ассоциации с верой в предстоящую войну. Ему 32 года, он работает старшим преподавателем в одном провинциальном калифорнийском городке и имеет высокий балл по всем показателям:

Он не верит в существование мира без войны и предполагает возникновение войны, в первую очередь с Россией. «США всегда противились диктатуре.»

С убеждением, что война неизбежна, он олицетворяет собой циничное поведение, связанное с презрением к людям, столь характерным для *H*. Однако он оправдывает милитаристскую политику демократическим идеалом — обязательным противостоянием диктатуре.

Третий аспект одобрения идеи развязывания войны представлен точкой зрения *5031*, ранее упомянутого богатого владельца строительной фирмы. Он считает, что

сейчас, вероятно, благоприятный момент рассмотреть вопрос войны с Россией и уделить ее.

Здесь характерный для *H* цинизм принимает иную форму: презиранье человека, завышенная рассудительность и скрытая деструкция вперемешку. В то время, когда признание тех или иных общепризнанных гуманных норм сдерживает подобные побуждения личной морали, в международной политике они получают ускорение, в котором, вероятно, понятию коллективного сверх-*Я* уделяется меньше внимания, чем во влиятельной надинтернациональной контрольной инстанции.

К тому же утверждение, что нельзя якобы предотвратить войны, — по мнению этого мужчины, другое развитие событий можно было бы ожидать лишь в том случае, если бы во главе ООН стоял военный — он связывает с административной, квазитехнической идеей — как можно быстрее «уделать» и покончить с Россией. Война и мир становятся здесь вопросами технологического характера. Политические последствия этого мышления очевидны.

Как и в беседе на другие политические темы, отношение к России, положительное оно или отрицательное, не позволяет установить четкую границу между *H* и *N*. Однако есть что-то вроде «Псевдо-*N*» отношения, которое выражается у *H* в преклонении перед силой, и может быть положительным лишь в том случае, если речь пойдет о военных успехах русских. Оно превращается во враждебность, когда русских называют потенциально опасными. Именно такую точку зрения имеет *M621*, заключенный из Сан-Квентина, с низким баллом по *E* и *F*, но очень высоким по *PEC*. Он говорит о своих антирусских настроениях следующим образом:

(Самая большая проблема нашей страны в настоящее время?) Я думаю, что это Россия... (Он боится, что рано или поздно будет война между Россией и США из-за атомной бомбы.) Россия претендует на несколько районов в Китае, также как и США и Англия. (Что Вам больше всего не нравится в России?) Ну, она немножко агрессивно настроена.

Конечно, они произвели на свет несколько великих вещей. Пятилетка, их образование и воспитание находятся на высоком уровне. (*Что Вам нравится в России?*) У нее невероятно много сил, чтобы пережить трудные времена. (*Возражения?*) У меня много знакомых русских. Мне они не нравятся, они такие высокомерные. (*В чем это выражается?*) Они всегда хотят навязать Вам свое мнение... (*Наш собеседник познакомился с русскими челноками в Шанхае.*) Они всерьез считают, что могут надуть другого. Они не очень аккуратны. До этого я никак не представлял себе русских.»

Позиция этого мужчины по так называемому русскому вопросу близка определенным антисемитским стереотипам. Однако он ничего не имеет против евреев, ведь его жена — еврейка. Поэтому в данном случае антипатия может быть направлена на что-то другое.

Тем не менее существует также «врожденная» неприязнь N к России, которая строится на антипатии тоталитаризма. M204, пациент психиатрической клиники, страдающий фобией, являющийся умеренным социалистом и воинствующим пацифистом с низким баллом по всем показателям, — подходящий пример.

Он несколько скептически настроен в отношении Советского Союза. Причиной этого является его неприятие тамошних тоталитарных методов. Но он проявляет неподдельный интерес к «советским экспериментам».

В качестве другого примера мы хотели бы описать случай M310, менеджера из рекламного агентства, сторонника либерализма из университетской группы повышения квалификации с необычно низким для этой группы людей баллом. Он подвергает критике формальный демократизм, но несмотря на это не приемлет также русской олигархической формы правления:

(*Что для Вас значит демократия?*) Правление народа, для народа и самим народом, правление большинства, которое хочет добиться лучшей жизни для народа. Вероятно, есть различия между нацистской Германией и Советской Россией. Оно заключается в том, что может быть в России есть демократия. Я не считаю, что это непременно должна быть наша избирательная система, хотя я за нее (демократические выборы)... (*Вы настроены критически по отношению к России?*) Мне не нравится концентрация власти в одних руках.

Временами подобная критика N производит впечатление, как будто они не признают американских коммунистов, так как те безоговорочно поддерживают политику русских.

M203, учитель с «либеральными, но не радикальными взглядами» и низким баллом по всем показателям:

Хорошо иметь умное, либеральное руководство. Оно лучше, по крайней мере, чем радикальное. Да, было бы не плохо. (*Пример?*) Ну, американские коммунисты не очень умны, они слишком радикальны и подвержены сильному влиянию России. Рузвельт, например, был не такой упрямый и жил своим умом.

Этот мужчина — убежденный антифашист, «который приход Бильбо в конгресс воспринял бы как позор».

Что касается прорусских настроений среди наших *N*, то здесь нельзя упустить, что в них есть что-то механическое. Здесь отчетливо проявляются стереотипы мышления *N*. На примере *M713A* мы можем еще раз подтвердить сказанное. Это молодой парень, участник войны. Он изучает садовую архитектуру и имеет низкий балл по всем показателям.

(*Что Вы думаете о Советской России?*) Это просто один большой эксперимент... Мне кажется, что если ее оставят в покое, то через несколько лет она станет великой державой. (*Вы одобряете методы коммунистов?*) Нет, мне не нравится, как они достигают своих целей. Они выбрали несколько насильственный путь, хотя я знаю причину этого принятия решения... Я считаю, что мы постепенно шаг за шагом тоже должны внедрять у себя их методы... Если бы у нас наступил коммунизм, то все было бы как в казарме... Это может занять сотни лет, но постепенно придем к нему.

Еще стоит под вопросом возможность сочетания постепенного прогрессивного развития с теорией диалектического материализма, которая официально принята в России или она просто является воплощением глупости в «самом большом эксперименте», проводимом когда-либо на земле. Известно, что идея социалистического «эксперимента» была заимствована из жаргонной лексики буржуазии с «разумным человеческим мышлением» и служит для замены традиционного социалистического понятия классовой борьбы фикцией совместного, единодушно одобренного риска. Она призывает осуществить попытку перехода к социализму при готовности современного общества в своем большинстве, несмотря на соотношение форм собственности. Такие представления несовместимы по меньшей мере с социалистической теорией, к которой, судя по всему, обнаруживают склонность наши респонденты. В любом случае он не углубляется, точно так же как и остальные участники опроса, в само марксистское учение или специфику проблем русских, а довольствуется суммарной положительной точкой зрения.

Кроме того, есть еще и идея «великой власти». То, что она не является исключением среди опрошенных *N*, или, говоря другими словами, их положительное отношение к России связано с успехами русских на полях сражений и на мировой арене, а не с ее политическим устройством,

подтверждает позиция *M619*, заключенного из Сан-Квентина с низким баллом по *E* и *F*, но высоким по *PEC*, который не верит в возможность существования утопии:

Россия, без сомнения, является в настоящее время самой великой нацией во всем мире. Русские за последние несколько лет так укрепили свою власть и добились стольких успехов, как ни в какой другой стране.

Таким образом, мы можем заключить, что для большинства американцев само существование СССР является источником чувства постоянного неудобства. То, что появится и прочно установится новая власть, которая отменит свободное предпринимательство, сильно ослабило бы веру в либеральную экономику и политические институты либерализма, как «естественную» вечную форму правления, исключаящую любую другую рациональную форму организации общества, на их взгляд угрожает основным культурным принципам их страны, американскому стилю жизни. С другой стороны, успехи русских, тем более их военные успехи, задевают их американское чувство собственного достоинства и убеждение, что качество и стоимость работы определяются конечным результатом. Они подвергают сомнению американские ценности и подрывают в высшей степени либеральную идею. *H* и *N* расходятся в методах разрешения этого внутреннего противоречия. По мнению *H*, с СССР, чья система соотносительных понятий не совпадает с американской, надо покончить, олицетворив его с «самым страшным врагом», т.е. в психологическом смысле «врагом» всех остальных. Сам факт, что Россия достигла некоторых успехов, они используют в своих фантазиях: часто о силе русских говорят, как о «мировом господстве евреев». Для *N* Россия менее враждебна, что без всякого сомнения имеет свою причину. Но они делают попытки, правда не как *H*, подчинить это чувство «врага», стараясь судить объективно, при чем они строят свое понимание на дистанцировании и превосходстве. Когда их симпатии к России становятся откровенными, они имплицитно воплощают русские феномены в идеи. При этом они представляют Россию зачастую несколько проще и «демократичнее», чем она есть на самом деле, как своего рода приключения первопроходцев, что напоминает об их собственных традициях. Однако часто отсутствуют признаки некоторой внутренней дистанции. Симпатия *N* к России кажется неестественной или вследствие механического принятия внешней «бирки» или идентификации, которая едва ли основывается на непосредственном чувстве, что это «мое» дело, а больше на теоретическом мышлении и моральных рефлексиях. Их суждение о России выражается в нерешительности, благосклонном выжидании, в словах «давай посмотрим», «как они это сделают», которые подчеркивают их рационализм и возможность, под предлогом рационализации, изменять свое отношение к России, если к этому будет вынуждать давление общественного мнения.

5. Коммунизм

Комплекс русских ассоциируется у наших респондентов с комплексом коммунизма. И встречается все чаще, несмотря на то, что коммунизм перестал существовать в общественном сознании как совершенно новая форма организации общества, которая строится на ломке всей прежней экономической системы. Он просто связан с русским правительством и влиянием русских в мировой политике. В наших примерах едва упоминалась фундаментальная проблема огосударствления средств производства как часть коммунистической программы. Это отрицательный и в отношении исторической динамики, которой было подчинено понятие коммунизма в те времена, сигникативный результат.

H кажется, что от старого представления осталось лишь одна живая характерная деталь, а именно: «чучело» коммунизма. Чем больше это последнее понятие теряет свое специфическое содержание, тем больше оно подходит для ловушки на все мыслимые враждебные проекции тех, кто вследствие своего инфантильного уровня вспоминает о внешней форме сил зла в *Comic Strips**. Практически все характерные для *H* мыслительные процессы содержат элементы фантазии. Расплывчатость понятия «коммунизма», которая наделяет его неизвестной и непостоянной силой, усиливает негативные аффекты, которые он вызывает.

Очень ярко выражает свои чувства борец против вредных насекомых, *M108*. Он смотрит на проблему коммунизма этноцентристски:

(*Почему Вы против коммунизма?*) Ну, это что-то чужое, социализм — ОК — уважение человека-социалиста, а коммунизм из враждебной страны... ему нет здесь применения.

F111 — молодая девушка с высоким баллом по *E*, средним по *F* и низким по *PEC*. Она хочет стать дипломатом, так как «настроена против Англии и России». Ее представления коммунизма — это просто повторение чьих-то слов:

(*Враждебные политические группы?*) Фашисты и коммунисты. Мне противны фашистские идеи тоталитаризма и централизация коммунистов. В России никто ничем не владеет, все принадлежит народу. Они практикуют насилие.

В случае с этой женщиной политическая диктатура превращается в кошмар экономического сверхиндивидуализма, как будто Сталин претендует на ее пишущую машинку.

**Comic Strips* — (англ.) страничка юмора в газете, журнале.

С такой же иррациональной интерпретацией другой *H*, *M664B*, необразованный и менее культурный половой извращенец из Сан-Квентина, с высоким баллом по всем показателям ассоциирует коммунизм с военной угрозой:

Если сила рабочего класса усилится, то у нас будет, как в России. А это приводит к войнам.

Полная нерациональность (для замены слова «идиотизм») в конце концов рисует нам три примера неиссякаемых источников психики человека, с которых начинается формирование фашистских взглядов и на которых строится фашистская пропаганда. Она обобщает все, что более или менее связано с мнимым коммунизмом, не потрудясь даже обсудить конкретные политические или экономические вопросы.

Когда представитель этой точки зрения начинает излагать свои аргументы, то они ограничиваются (об этом свидетельствуют последние примеры) лишь поверхностной, хотя не совсем ошибочной идентификацией коммунизма с фашизмом, переносящей ненависть с поверженного к следующему врагу.

N в этом отношении более восприимчивы. Вот мнение *M910*, студенческого пастора:

(Что Вы думаете о русском правительстве?) Я считаю, что вряд ли есть разница между фашизмом и коммунизмом, который практикуется в России. Конституция 1936 года — чудесный документ. Я считаю, что она на 500 лет прогрессивней нашей, так как в ней гарантируются социальные права вместо личных, но если у человека нет никаких прав, кроме прав члена коммунистической партии... Я считаю, что это в самом деле покапиталистически... *(Какие у Вас есть аргументы против России?)* Ну, Россия же вставляла палки в колеса, когда она использовала свое право вето в ООН... Россия делала все, что хотела. Мы считаем, что у нас руководство, но мы не обманываем самих себя... *(Наш собеседник протестует очень агрессивно против закулисной политики дипломатов.)*

Менее мыслящие *H* в высшей мере считают коммунизм не достаточно индивидуалистским. Они говорят избитыми фразами, которые отличаются от их веры в духовную независимость. Мы цитируем в качестве примера *F106*, молоденькую учительницу риторики с высоким баллом:

(Враждебные политические группы?) У коммунистов есть несколько хороших идей, но я о них не очень высокого мнения. Они навязывают индивидууму мнение большинства, тем самым лишая его права судить о вещах по-своему.

Иногда идентификация коммунизма с фашизмом сопровождается параноидальным извращением, которое напоминает «способы сионизма». М345 — техник по радарному оборудованию:

(Что Вы о думаете политическом рабочем комитете профсоюзов?)

У меня не было никогда точной информации касательно деятельности С.И.О. ... но ... С.И.О. становится, судя по всему, международным объединением. У нее все для этого есть не потому, что она организация рабочих, а лишь в сравнении с остальными. *(Наш собеседник сравнивает коммунизм с Гитлером в «Майн Кампф», где последний подробно описывает свои цели и пути их достижения, что он потом и сделал.)* С.И.О. следует линии, провозглашенной политикой Коминтерна. Я не уверен в успехе коммунистов. Их цель — установление жесткого контроля собственной группой.

Смешивание коминтернов, С.И.О. и «Майн Кампф» — благодатная почва для создания паники, на смену которой придет диктатура. Однако это настроение ни в коем случае не является правилом. Довольно часто сталкиваешься с методом, когда проблема коммунизма становится предметом торга, сохраняющего видимость дистанцированной объективности и, в то же время, позволяющего добродушный отказ. Он напоминает об истории с мальчиком, которому предложили пищу плохого качества и спросили, нравится ли она ему, на что тот ответил: «Прекрасно, когда я буду большим». Коммунизм хорош для остальных, особенно для «тех врагов», которые его так или иначе импортировали. Эту технику используют как Н, так и N. 5008 — либерал из семьи Джефферсонов:

Коммунисты могут что-то там творить в России, здесь у них ничего не выйдет.

M115 — студент с низким баллом. В его аргументации чувствуется презрение по отношению к беднякам. Он человек, который ничего не хочет знать об «этом марксистском хламе».

... но в таких бедных странах, как России, Германии и так далее... коммунизм там необходим, хотя и в несколько измененной форме. Но только не в Америке. У нас уже есть много всего и это оттого что мы самая развитая страна.

Он не думает о том, что коллективистскую экономику намного легче внедрить в жизнь в странах с высоким уровнем производства и стабильной экономической системой. Коммунизм для него просто увеличение материальных производительных сил посредством эффективной организации. Складывается впечатление, что он боится перепроизводства, будто это

понятие еще имеет значение при такой экономической форме, которая больше не зависит от неопределенности рынка.

Даже экстремальный *N* из морской школы, *M1206a*, верящий во всеобщее превращение Америки в социалистическую страну, считает:

У России великолепная система управления (в масштабах России), хотя я не считаю, что нужно ее использовать в нашей стране... хотя нам следовало бы ее изучить и почерпнуть из нее новые идеи для улучшения нашей страны.

Здесь обоснование ослабляется задумчивостью нашего респондента. Оно подтверждается его точкой зрения по вопросу коммунистической партии в Америке:

«Итак, я не слишком много знаю об этом. Я думаю, что если кто-то хочет быть коммунистом, то это не только его право, но и обязанность... стараться убедить остальных людей в преимуществах...» *Участник нашего опроса рьяно протестует против красной пропаганды...* «Я считаю, что Россия когда-нибудь станет самой демократичной страной в мире... иногда была чересчур жестокой, но...»

Временами подобная аргументация связана с убеждением, что социализм по своим чисто экономическим причинам нельзя «построить в жизнь», по причинам, коренящимся в своем большинстве в той системе прибылей, которая при социализме будет заменена на другую экономическую структуру, соответствующую потребностям населения. *F359*, цитированная ранее *N²⁴*, работает бухгалтером в одной из государственных организаций:

Она считает, что коммунизм для России в самый раз, но он не для нас, хотя тенденция развития в этом направлении, кажется, наблюдается. Она выступает за частную собственность и свободное предпринимательство, которое считает более эффективными формами. Она еще до конца не осознала, надо ли контроль общественных объектов, как, например, водного хозяйства и подобных, передавать государству. Ей кажется, что если они будут в частной собственности, то будут работать лучше и затраты будут ниже.

В другом таком же интервью наш собеседник, *M107*, студент-медик с высоким баллом по *E* и средним по *F* и *PEC*, говорил снисходительным тоном и недвусмысленно:

Мы можем сотрудничать с Россией; если русские хотят коммунизма, не надо отнимать его у них.

Такой либералистский подход к происходящему, который приносил хорошие плоды гитлеровскому режиму на протяжении всего правления Чемберлена и его политики невмешательства, не такой уж терпимый, как кажется. Часто он скрывает убеждение, что в политике нет объективной правды, что каждая страна, а также каждый индивид ведет себя так, как ему это удобно, что все подчинено только цели и успеху. Точно такое же определение прагматизации политики дают и фашистские философы.

Очевидно, связь между антикоммунизмом и фашистским потенциалом, определяемую по нашей системе шкал, нельзя упростить. Одно из наших ранних исследований показало высокое соотношение между антисемитизмом и антикоммунизмом²⁵, однако, по всей вероятности, в настоящее время оно по крайней мере внешне меньше. Раньше использовались все местные механизмы пропаганды для интенсификации антикоммунистических настроений с целью создания нерациональной «паники». Осталось не много людей, за исключением «идейных», которые смогли противостоять непрерывному идеологическому нажиму в течение длительного времени. Одновременно за последние два или три года все больше людей, как того требует «хороший тон», открыто выступают против антисемитизма, если считать многочисленные газетные публикации, книги и фильмы, выходящие большими тиражами, симптомами этой болезни общества. Вряд ли подобные колебания приведут к структурному изменению ее особенностей. Если они, конечно, были бы определены, то демонстрировали бы экстремальное значение политической пропаганды. Пропаганда, если она направлена на антидемократический потенциал народа, существенно определяет выбор социальных объектов психологической агрессивности.

Примечания

¹ Ср.: А.Р., гл. 5, *Politico-Economic Ideology and Group Memberships in Relation to Ethnocentrism*, стр. 151 и ниже.

² Ср.: А.Р. Part II, *Personality as revealed through Clinical Interviews*, и Part III, *Personality as revealed through Projective Material*.

³ А.Р., гл. 5, стр. 151 и ниже.

⁴ Лишь после окончания данной работы автор этой главы познакомился с фундаментальным сочинением Р.Х. Гундлаха *Confusion among undergraduates in political and economic ideas*, в *Journal of Abnormal and Social Psychology* 32, 1937, стр. 357–367.

⁵ Ср. наши теоретические размышления, касающиеся образного ряда евреев. См. стр. 118 и ниже.

⁶ Ср. выше стр. 62.

⁷ См. выше стр. 122.

⁸ Ср. гл. 2.

⁹ А.Р., гл. 5, *Politico-Economic Ideology and Group Memberships in Relation to Ethnocentrism*, стр. 151 и ниже.

¹⁰ См. А.Р., гл. 14 стр. 489 и ниже.

¹¹ Персонализация получает, как свидетельствуют эти фразы предложения, явный фашистский потенциал. Она повышает ценность индивида по отношению к той объективной, анонимной системе контроля и равновесия в рамках демократического господства. В современной ситуации за занесением перед «великим человеком» таится готовность следовать за фюрером.

¹² Этот случай отображается детально в А.Р., *Criminality and antidemocratic Trends. A study of Prison Inmates*, в подзаголовке «Ronald»

¹³ А.Р., стр. 291 и ниже

¹⁴ Thematic Apperception Test, см. А.Р., стр. 489 и ниже

¹⁵ Ср. его интервью выше, стр. 139

¹⁶ Роль которую играла сомнительная псевдомедицина в национал-социалистической Германии с социологической точки зрения связана с подъемом деклассированных интеллектуалов при национал-социализме, с психологической точки зрения она находится в связи с параноидными чертами национал-социалистической идеологии и параноидным характером многих нацистских вождей. Существует прямая связь между доктриной «чистоты крови» и восхвалением различных средств для гигиены тела. Первой академической кафедрой, основанной Гитлером, стала кафедра лечения натуральными средствами. Его личным врачом был гиммлеровский хиромант-хиропрактик, а Рудольф Гесс способствовал развитию всевозможных хиромантных методов лечения. Подобные тенденции можно наблюдать у американских экстремистов. Один из наших, отечественных фанатиков агитаторов связывает травлю евреев с кампанией за здоровое питание, за здоровый образ жизни. Кампания направлена против приема деликатесов, на которых ставится клеймо «пища евреев» и которые считаются нездоровой пищей. Представление приверженцев фашистской идеологии о еврейской кухне требует дополнительного, обстоятельного исследования.

¹⁷ А.Р., гл. 10, стр. 340 и ниже

¹⁸ Ср. Фенихель Отто, *The Psychoanalytic Theory of Neurosis*, New York 1945

¹⁹ Ср. выше стр. 174

²⁰ Эти наблюдения совпадают с опытом в национал-социалистической Германии, где повсюду шепотом передавались шутки и анекдоты всех видов о партийных иерархах, не затрагивавшие, однако, персону Гитлера. Часто можно было слышать замечания типа «Фюрер об этом ничего не знает», даже в случаях, когда речь шла о концентрационных лагерях.

²¹ Sanford, Conrad, Franck, *Psychological Determinants of optimism regarding the consequences of the war* в соответствующем месте стр. 207 и ниже

²² Сравни цитируемую книгу А.Р., стр. 575

²³ Ср. гл. 6, стр. 308

²⁴ См. выше стр. 116 и 201

²⁵ Ср. Levinson, D. J., Sanford, R. N., *A scale for the measurement of anti-Semitism*, in: *The Journal of Psychology* 17, 1944 стр. 339-370

V. Религиозные представления по материалам интервью

A. Введение

Связь между религией и предрассудками играла в этом исследовании относительно второстепенную роль, так как наша выборка не охватывала ни ярко выраженные религиозные группы, не составлялась в районах, где религиозная идеология имеет особую социальную значимость, как, например, в «библейском поясе» и в городах с однородным населением ирландцев-католиков. Если бы к подобным регионам применялись методы данного исследования, то, без сомнения, религиозный фактор был бы гораздо более очевиден.

Кроме того, есть и более фундаментальное уточнение. Религия в мышлении большинства людей не является, как прежде, определяющим фактором. Представляется, что она достаточно редко определяет социальные взгляды людей и их поступки. По крайней мере, на это указывают полученные результаты. Результаты статистических исследований, приведенные в главе VI, не слишком нас удивляют¹, а собранный материал не вполне достаточен, хотя часть вопросов интервью и посвящена исключительно религии. Повидимому, вследствие религиозной индифферентности вся эта идеологическая сфера несколько отступает на задний план: она, без сомнения, менее эмоциональна, чем большинство других исследуемых нами идеологических сфер, а традиционное отождествление религиозного «фанатизма» и фанатичных предрассудков больше не соответствует действительности.

Но есть достаточная причина, чтобы тщательно проанализировать наши результаты в сфере религии, как бы скудны они ни казались, поскольку значительное участие бывших и действующих священников в распространении фашистской пропаганды в США, непрерывное использование религии в качестве средства пропаганды позволяет сделать вывод, что общая склонность к религиозной индифферентности ни в какой мере не вызвала разрыва между религиозными убеждениями и нашей основной проблемой. Даже если религия давно избегает откровенного фанатизма, направленного против тех, кто не является ее приверженцем, все же можно предположить, что на глубинном и бессознательном уровне дают о себе знать и религиозное наследие, и древние верования и идентификация с определенными понятиями.

В разработке данной темы мы исходим из следующих теоретических рассуждений, обуславливающих всю нашу систему определения отношений.

Вначале мы думали, что связи и отношения между религиозной идеологией и этноцентризмом должны быть комплексными. С одной

стороны, существует противоречие между предрассудками и христианским учением о всеобщей любви, идеей «христианского гуманизма» — несомненно, важнейшими историческими предпосылками признания того, что «перед лицом Бога» меньшинство имеет равные права с большинством. Христианская релятивизация естественного, подчеркнутое выделение «духовного» препятствуют любым тенденциям оправдывать «расовые предрассудки» и оценивать людей по их происхождению.

С другой стороны, христианство как религия «сына» содержит в себе антагонизм по отношению к религии «отца» и к их нынешним свидетелям — евреям. Этот антагонизм, продолжающийся еще со времен Павла, усугубляется еще и тем, что евреи придерживаются собственной религиозной культуры и отвергают религию «сына», а также тем фактом, что Новый Завет возлагает на них вину в смерти Христа. Великие теологи, от Тертуллиана и Августина до Кьеркегора, постоянно обращали внимание на то, что принятие христианства самими христианами содержит весьма двусмысленный элемент — доктрину Бога, становящегося человеком, то есть, конечного бесконечного. Пока этот элемент бессознательно ставится в центр христианской концепции, это будет способствовать росту враждебности по отношению к группе «чужих». Как уже указал Сэмюэл², «слабые» христиане полны неприязни по отношению к евреям, которые откровенно отвергают религию «сына»: а сами же по причине парадоксальной, иррациональной природы своей веры замечают у себя следы некоторого негативного восприятия, в котором не смеют себе признаться и поэтому должны подвергнуть это строгому табу для других.

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что многие распространенные оправдания антисемитизма возникли на основе христианства или, по крайней мере, смешаны с его мотивами. Борьбу с евреями можно уподобить борьбе Спасителя с христианским дьяволом. То, что представление о евреях в большой степени является секуляризацией средневековых идей нечистой силы (сатаны), подробно описал Джошуа Тречтенберг³. Фантастические образы еврейских банкиров и ростовщиков имеют свои библейские архетипы в истории Иисуса, изгоняющего торгующих из храма; представление о еврейских мудрецах как о софистах соответствует христианскому осуждению фариссеев. Еврей — предатель Иуда, не только предает своего учителя, но и своих товарищей, которые приняли его. Эти мотивы усиливаются бессознательными побуждениями, выраженными в представлениях о распятии и кровавой жертве. Если эти побуждения с большим или меньшим успехом вытесняются «христианским гуманизмом», то все же нужно принимать во внимание их скрытые психологические корни⁴.

Оценивая влияние таких религиозных элементов на возникновение или напротив, на запрет предрассудков, следует принимать во внимание положение христианства в современный период: ему угрожает «индифферентность» (равнодушие), которое зачастую практически полностью обес-

смысливает его. Процесс просвещения и успехи естественных наук очень глубоко коснулись христианской религии: «магические» элементы христианства и христианская вера в библейские истории как в реальные факты были поколеблены самым серьезным образом. Но это все же не означает конца христианской религии. Отступив в своих важнейших притязаниях, она сохранила по крайней мере часть своих социальных функций, приобретенных в течение веков, и тем самым достаточно сильно *нейтрализовалась*. Внешняя оболочка христианского учения, прежде всего его социальный авторитет и некоторые другие содержательные элементы, остались в прежнем виде и используются случайным образом как «культурное достояние», например, патриотизм или традиционное искусство.

Примером нейтрализации религиозных убеждений могут служить высказывания *M109, H*, католика, регулярно посещающего церковь. В анкете он заявил, что рассматривает религию как

чрезвычайно важный элемент нашего существования, который, пожалуй, занимает 2–5 процентов нашего свободного времени.

Причисление религии, которая первоначально считалась важнейшей сферой жизни, к «досугу», включение в распорядок дня, где ей отведено определенное время в процентах, символизирует радикальные изменения, происшедшие в отношении к религии.

Вряд ли можно признать, что нейтрализованные пережитки христианства, отраженные в словах *M109*, по-прежнему основаны на глубокой вере и существенном личном опыте; вряд ли они позволяют определить индивидуальное поведение, отличное от того, что можно ожидать по общепринятым меркам цивилизации.

Тем не менее, некоторые формальные элементы христианства — устойчивая антитеза добра и зла, идеалы аскетизма, ценность неустанных трудов и стремлений человека все еще оказывают значительное воздействие. Оторванные от своего происхождения, лишенные специфического содержания, эти элементы христианства легко становятся застывшими формулами и принимают просто непримиримые формы, проявляющиеся у лиц, подверженных предрассудкам и предубеждениям.

Распад позитивной религии и сохранение ее в качестве необязательной идеологической оболочки основывается на общественных процессах. В то время как религия утрачивала свое сокровенное право на истину, она все более становилась «общественным цементом»: чем нужнее этот цемент для сохранения статус-кво и чем уязвимее становится заключенная в нем истина, тем настойчивей защищается его авторитет и тем отчетливее проявляются его негативные и деструктивные свойства.

Трансформация религии в плот социальный конформизм уподобляет ее большинству других конформистских тенденций. Придерживаясь в таких

условиях христианства, можно легко злоупотребить этой верой: в противоположность покорности, крайней конформности и лояльности в группе единомышленников возникает идейная направленность, в которой скрыта ненависть к неверующим, инакомыслящим, евреям. Принадлежность к вероисповеданию приобретает форму агрессивной фатальности, подобную чувству принадлежности к особой нации; она имеет тенденцию превращаться в довольно абстрактные отношения собственной группы и группы чужаков, подобно модели, разработанной при исследовании этноцентризма⁴.

Эти теоретические положения не должны рассматриваться в качестве гипотезы, доказательствами которой становится наше исследование: это скорее фон, на котором с большой долей вероятности можно проинтерпретировать наши наблюдения.

В. Общие наблюдения

Материалы интервью укрепили наше мнение, возникшее на основе анализа результатов анкет: чем традиционнее религия, тем в большей степени она совпадает со взглядами этноцентричного индивидуума. Этот вывод объясняет следующая выдержка из интервью *F5054*, женщины с высокими показателями по шкале *E*:

как кажется, она восприняла целый ряд весьма догматических моральных представлений; в результате она смотрит «в особенности на молодежь, называющую себя атеистами», как не относящуюся к тому кругу, к которому она хотела бы принадлежать. Она по секрету сообщила, что для нее потому так важно уехать из Вествуда, поскольку она хочет, чтобы ее младшая дочь не поддавалась влиянию соседского юноши, по видимому, атеиста, которому его отец внушил, что «религия — сплошная чепуха». Она очень обеспокоена тем, что ее старшая дочь «просто не хочет ходить в церковь».

Из этого следует, что она полностью согласна с организованной религией и склонна к конформистскому мышлению в религиозных вопросах. Христианская этика и ее учение о морали воспринимаются как абсолют; отклонения нужно не поощрять, а наказывать.

Это заявление указывает на связь между традиционной религиозной косностью и почти полным отсутствием так называемой личной «пережитой веры».

То же самое относится и к *5057, H*, который тяготеет к церкви, хотя сам «не верит в Бога как личность».

По его мнению, большинство направлений в протестантизме — это одно и то же. Он выбрал христианский сайентизм, поскольку это «более

умеренная религия, чем большинство других». Когда респондент жил у бабушки с дедом, он ходил в воскресную школу тамошней общины церкви объединения, которая ему нравилась. По его мнению, эта община представляет собой смягченную форму сайентологии. К христианскому сайентизму он примкнул, когда женился, так как его жена и вся ее семья принадлежали к этой церкви.

«Религия не должна заходить далеко и вмешиваться в важные дела повседневной жизни. Но религия все-таки должна удерживать человека от разных пороков, вроде пьянства, азартных игр, других излишеств».

F103, молодая женщина с высокими показателями, говорит: «Мои родители разрешали нам принимать решения самостоятельно, но в церковь мы должны были ходить». Здесь отсутствует всякий интерес к содержательной стороне религии: церковь посещается, «потому что так положено» и хочется, чтобы родители были довольны. В качестве последнего примера упомянем *F104*, еще одну женщину с предубеждениями, которая утверждает: «Я не знала никого, кто не был бы религиозен. Только одного молодого человека, он колебался, но все-таки был весьма предрасположен». По-видимому, посещение церкви должно показать, что человек в норме, или, по крайней мере, его можно считать правильным человеком.

Эти примеры объясняют нам, почему лица или группы, которые в глубине души «серьезно воспринимают» религию, склонны отвергать этноцентризм, что мы и наблюдаем в Германии, где такие «радикальные христианские движения», как, например, руководимое теологом-диалектиком Карлом Бартом, мужественно сопротивлялись национал-социализму, но предпочли остаться вне теологической «элиты». Тот факт, что человек в религиозно «нейтрализованной» среде серьезно обдумывает смысл религии, доказывает его независимость. Она вполне может привести к оппозиции против «приличных» людей, для которых «второй натурой» стала привычка посещать церковь, и в то же время воспринимается само собой разумеющееся, что евреи не допускаются в их клуб. Более того, упор на специфическое содержание религии, а не различия между принадлежащими и не принадлежащими к христианской вере выдвигают естественным образом на первый план мотивы любви и сострадания, которые совершенно стираются традиционными религиозными стереотипами мышления. Чем более конкретно и «гуманно» отношение индивидуума к религии, тем гуманнее он становится по отношению к тем, «кто этого не разделяет»: их страдания напоминают религиозному субъективисту об идее мученичества, неразрывно связанного в его сознании с образом Христа.

Короче говоря, как отметил сто лет назад Кьеркегор, приверженцы «официального христианства», вероятно, склоняются к этноцентризму, и отдельные религиозные группы не хотят отвергать его официально; напротив, «радикальные» христиане настроены думать и действовать по-другому.

Все же нельзя не заметить, что крайний религиозный субъективизм, который, с одной стороны, резко противопоставляет религиозный «опыт» «объективированной» церкви, может в определенных условиях соединяться с потенциальной фашистской ментальностью. Религиозный субъективизм, отвергающий все обязательные принципы, подготавливает духовную почву для других авторитарных притязаний. Сектантский дух индивидуумов, который они доводят до крайности, также может порой привести к определенному сходству с той агрессивной, защищающей приоритет собственной группы атмосферой, охватывающей все окружающее, и к тем скрытым анархистским тенденциям, которые характерны для потенциального фашизма. Этот аспект религиозного субъективизма играет важную роль в психологии агитаторов фашизма, преследующих свои цели под маской религиозности⁹.

Среди тех, кто отвергает религию, следует определить ряд важных различий. Как показывают результаты статистики, люди неверующие и настроенные антирелигиозно, не должны быть автоматически уравниены как респонденты с низкими показателями. Наверняка есть среди них «агностики» или «атеисты», имеющие во всех отношениях прогрессивные взгляды; это касается и проблемы меньшинств. Фактическое значение этой «прогрессивности» может, тем не менее, в значительной степени варьироваться. Конечно, люди с прогрессивными взглядами, настроенные антирелигиозно, в современных условиях однозначно отвергают предрассудки: но когда речь идет о восприимчивости к фашистской пропаганде, решающим фактором является лишь то, мыслят ли они стереотипами, некритично придерживаясь атеизма, терпимости и т.д., не задумываясь о причинах, или же их отношение к религии является следствием самостоятельного мышления.

Исходя из этого, можно выявить важный критерий восприимчивости, зависящий от того, отвергает ли человек религию как традиционного союзника подавления и реакции (в этом случае вероятно, что он относительно свободен от предрассудков) или же он переходит к циничному утилитаризму и отвергает все, что не осязаемо, «нереалистично». В этом случае вероятно, что у него есть предубеждения и предрассудки. Существует также нерелигиозный тип фашиста, полностью лишенный религиозных иллюзий, который становится законченным циником и толкует о законах природы, естественном отборе и о праве сильнейшего. Как раз из таких личностей отбираются истинные приверженцы нового язычества — радикального фашизма. Хорошим примером является 5064, руководитель бойскаутов, имеющий высокие показатели, упомянутый в главе III⁷. В вопросах веры он считает себя сторонником «поклонения природе», очень увлекается (вероятно, из-за скрытой гомосексуальности) спортом и походной жизнью. Этот респондент — отличный пример синдрома, в котором соединяются языческий пантеизм, «вера во власть», коллективный идеал

вождя и общая этноцентрическая и псевдоконсервативная идеология.

Эти общие взгляды на отношение религии и предрассудков, характерные для настоящего времени, должны подготовить понимание следующих специфических наблюдений.

С. Специфические выводы

1. Функции религии у людей с предрассудками и без них

Наша гипотеза о «нейтрализованной» религии подтверждается характерной чертой, которую мы довольно часто встречаем в материалах интервью. Это стремление рассматривать религию как средство, а не самоцель, то есть одобрять и принимать ради ее ценности для достижения целей, которые нельзя достигнуть другими средствами, а не ради ее объективной истины. Этой точке зрения соответствует общая тенденция к подчинению и отказу от собственного мнения, что очень характерно для ментальности сторонников фашистских движений. Они принимают и разделяют идеологию не потому, что понимают ее или верят в ее истинность, но из-за возможности ее непосредственного применения или же вследствие произвольных решений. Здесь и кроется один из корней того упорного, последовательного и манипулятивного иррационализма национал-социалистов, который Гитлер выразил в словах: «Можно умереть только за ту идею, которую не понимаешь». По внутренней логике это равносильно презрению к истине как таковой. Мировоззрение выбирается как товар на рынке: потому что его необычайно умело расхвалили, а не потому, что он хорош. По отношению к сфере религии такая позиция должна породить амбивалентность, так как религия претендует на то, чтобы быть абсолютной истиной. Если же она признается и принимается по другим причинам, то тогда это притязание отрицается и религия по сути отвергается, несмотря на ее внешнее признание. Поэтому упорное утверждение религиозных ценностей из-за их «выгоды» должно неизбежно работать против них.

И те, кто не имеет предрассудков, и те, кто их имеет, обычно подчиняют религию внешним целям. Кажется, что в этом плане их невозможно различить, но они явно различны по своим целям и по тем способам, с помощью которых они ставят религию себе на службу.

Но люди, имеющие предрассудки, чаще, чем те, кто их не имеет, используют религиозные идеи ради непосредственной практической выгоды, а также для того, чтобы манипулировать другими людьми. Примером, когда формализованная религия используется для поддержания социального статуса и общественных отношений, может служить *F201*, молодая женщина с ярко выраженными предубеждениями, которая выражает свою заинтересованность в «стабильном обществе» с четко очерченными классовыми границами:

В женской школе, в которую я ходила, я стала членом епископальной церкви. Там было очень хорошо. Мои друзья тоже туда ходят. Она дает больше философии, чем христианский сайентизм, и она повышает уровень. Философия епископальной церкви в целом соответствует всем протестантским церквям. Она принята в высших классах и предоставляет им религию или приближается к ним.

Этноцентристы зачастую принимают религию за некое практическое вспомогательное средство для гигиены души. Характерно высказывание F109:

Я не понимаю религии. Она для меня как сказка. Я не знаю, верю ли в Бога. Он должен быть, но в это трудно поверить. Религия дает нечто такое, чего можно придерживаться, согласно чему можно организовать свою жизнь.

Если религия еще и употребляется как нечто, «чего можно придерживаться», то этим потребностям также может удовлетворять все, что для индивидуума представляет абсолютный авторитет, в том числе и фашистское государство. Весьма вероятно, что фашизм играл для немецких женщин как раз такую роль, которая раньше отводилась вере и позитивной религии. В психологическом плане фашистская иерархия функционирует в широком смысле как секуляризованная замена церковной иерархии. В конце концов, национал-социализм получил распространение из Южной Германии, где очень сильна римско-католическая традиция.

В религиозных взглядах M118, человека с предрассудками и умеренно высокими показателями, ясно виден элемент произвольного; он смешивает религию с псевдонаучными объяснениями, которые лишают его веру всяческой силы.

Я готов поверить в существование Бога, в нечто, что я во всяком случае не могу объяснить. Разве Дарвин не говорил, что первоначально мир состоял только из клубящихся газов?

Ну, так кто же это создал? Откуда они возникли? Это, конечно, имеет мало общего с церковным ритуалом. (*Перед этим он заявлял, что церковь имеет «весьма важное значение»*).

Здесь нет логической связи между аргументами и тем фактом, что человек придерживается позитивного христианства. Посредством такой софистики его последующие высказывания обнажают аспект неискренности традиционной религии, который так легко приводит к коварному пренебрежению официально признанными ценностями. M118 продолжает:

Я верю в силу молитвы, даже если она состоит только в том, чтобы удовлетворить молящегося. Я не знаю, есть ли прямая связь, но молитва

помогает человеку, и я за это. Это также возможность самосозерцания, возможность остановиться и поразмышлять о себе⁸.

Признание религии с позиции целесообразности является, вероятно, в меньшей степени выражением желаний и потребностей индивидуума, чем его уверенность в том, что религия хороша для тех, кого она способна удовлетворить, то есть, может быть, использована для манипулирования. Рекомендую религию другим, человек с легкостью становится ее «защитником», не ощущая потребности идентифицироваться с ней. Циничная теория европейских политиков девятнадцатого века о том, что религия — это лекарство для масс, кажется в известной мере демократичной. Ее разделяет большая часть этих самых масс, которые все же для себя, как для личностей, втайне делают оговорки. Подобным оценкам религии соответствует зачастую принятая в национал-социалистской Германии привычка говорить о партии в третьем лице множественного числа (они) и, таким образом, в частной жизни отделять себя от господствующей идеологии. Фашистская личность, по-видимому, только тогда может справиться с жизнью, если она расщепляется на разные уровни, некоторые из них подчинены официальной доктрине, но другие, наследие старого сверх-Я, способствуют сохранению внутреннего равновесия и своей индивидуальности. Такие расщепления Я проявляются в неконтролируемых ассоциациях наивных и необразованных людей, как, например, у М629, мужчины со средними показателями, приговоренного к пожизненному заключению в тюрьме Сан-Квентин. Он высказывает паразитическую мысль:

Лично я думаю, что у меня есть религия, которая, насколько я знаю, еще ни в одной книге не была изложена. Я считаю, что религия имеет ценность для людей, которые в это верят. Я думаю, что те, кто ею пользуются, употребляют ее как средство ухода от реальности.

Этот человек провел девятнадцать месяцев в камере смертников, так что отсутствие логики, с которым он делает из религии успокоительное средство, объясняется этим обстоятельством без дальнейшей психологической интерпретации.

Даже люди с более развитым интеллектом бывают подвержены этому конфликту. Примером служит 5059, женщина с умеренно высокими показателями, отвергающая атеизм, поскольку «атеистические похороны слишком бездушны». Она категорически отрицает всякие противоречия между наукой и религией и называет подобные идеи «злонамеренными выдумками». По-видимому, она проецирует свое недовольство конфликтом на тех, кто о нем говорит. Это похоже на мышление национал-социалистов, которые возлагают ответственность за социальные просчеты на критиков общественного строя.

Люди без предубеждений также часто признают религию не за присущую ей истину, а потому что видят в ней средство для достижения целей. Примером такого «практического» восприятия религии является *F126*. Она изучает журналистику, и у нее были очень низкие показатели по шкалам *A-S* и *E*. Вот отрывок из ее интервью:

Родственники посещали церковь только от случая к случаю. Она сама ходит редко, но все же у нее большое уважение к религии, и она считает, что религия могла бы развиваться в нечто, что дало бы людям недостающее доверие и взаимопонимание. «Я не знаю, чего еще должны придерживаться люди, какой жизненной цели. Кажется, им нужно что-то, во что нужно верить. Я думаю, некоторые любят своих ближних и без религии, но не очень многие.»

Эти высказывания в какой-то степени напоминают уже описанные выше, но все же у нас сложилось впечатление, что такое «практическое» отношение к религии у людей с низкими показателями *N* обычно отличается от восприятия людей с высокими показателями *N* по содержанию и по контексту. А именно, эта молодая женщина считает, что религия — это хорошо для людей, она дает им «что-то, чего они могут придерживаться», однако, она должна служить гуманным и идеальным целям — «способствовать взаимопониманию» — а не просто преуспеянию в жизни и делах. Как предубежденные, так и не склонные к предрассудкам предполагают, что религия способствует душевному здоровью. Очень характерно, что с высокими показателями *N* приписывают религию другим, более слабым и уязвимым, сами же обращаются к ней только во время острых внешних кризисов; в то же время лица с низкими показателями *N* склонны видеть в религии более глубокую внутреннюю структуру, средство для борьбы с ненавистью, страхом, решения внутренних конфликтов и т.п. Мы почти никогда не встречали такого *N*, который воспринимал бы религию, главным образом, с внешнепрактической точки зрения, как средство достичь успеха, положения и власти или только для того, чтобы соответствовать традиционным ценностям.

2. Вера в Бога, но не в бессмертие

Нейтрализация религии идет рука об руку с ее расщеплением. Точно так же, как подчеркивание практического использования религии непрерывно подвергается процессу отбора и приспособления. Материалы интервью свидетельствуют, что стремление к избирательной вере является отличительной чертой предубежденных респондентов. Почти без исключения они все верят в Бога, но не в бессмертие. Приведем два примера. Интервьюер пишет о *5009*, верующем баптисте:

он считает себя глубоко религиозным, верит в Бога, но, будучи образованным человеком, иногда сомневается в жизни после смерти.

А вот что написано про 5002:

по-прежнему является «христианином», верит в Бога, хотел бы верить в жизнь после смерти, но сомневается и думает, что подлинное религиозное возрождение или новый религиозный миф принесет в мир добро.

Особенно распространены заявления о том, что респонденты считают себя людьми религиозными, приверженцами церкви, но несогласными с ее «некоторыми учениями», связанными иногда с чудесами, а иногда с бессмертием. Этот взгляд соответствует той важной глубинной структуре, элементы которой мы установили с помощью психологического анализа. Абстрактная идея Бога сформировалась на основе идеи отца, в то время как общая деструктивность осознавалась как реакция, отвергавшая надежду личности, выразившуюся догмой бессмертия. Респондентам, придерживающимся такой точки зрения, нужен Бог как выражение абсолютной власти, которой они могут поклоняться, но индивидуальное должно исчезнуть полностью.

Понятие Бога, на котором основан этот образ мыслей — это понятие абсолютного наказания. Поэтому неудивительно, что религиозные чувства этого типа очень характерны для *H*, отбывающих срок наказания в тюрьме.

M627, осужденный на пожизненное заключение за изнасилование, «имеет проблемы с религией» и не верит, что «должен быть определенный способ богослужения». Но он верит, невзирая на оттенок религиозного бунтарства,

что у каждого человека должен быть свой путь богослужения, если он верит в силу, которая выше человека.

Эта сила имеет форму внешней власти, но остается совершенно абстрактным, чисто проективным представлением о власти как таковой.

Ну, я слышал, как многие парни говорят о тех силах, в которые они верят.. и я пытался найти эти силы в себе и не смог.. читал самые разные религиозные книги... но все это туманно.

Ту же мысль выражает *M656A*, отбывающий срок за подлог:

Ну, я не тот человек, который может много говорить о религии, потому что я не так много знаю о ней. Я верю в Библию. Я верю, что есть нечто больше и сильнее любого на земле... Я не часто хожу в церковь, но... пытаюсь жить правильно.

Для этого человека все специфически религиозное содержание не имеет большого значения по сравнению с идеей силы и жесткими моральными стереотипами добра и зла.

Католическая религия, например, так же хороша, как и та, в которую я верю. Все они основаны на том же укладе жизни, верном или неверном. Я из тех, кто не верит в одну определенную религию.

Этот «абстрактный авторитаризм» в религиозных вопросах легко превращается в цинизм и открытое презрение к тому, во что верил раньше. *M664C* так ответил на вопрос о своих религиозных взглядах:

О, я на это мало обращаю внимания... Я верю в Бога и всю эту чепуху, но это...

Выбор слова «чепуха» опровергает его собственное заявление.

В таких случаях есть один эффект нейтрализации — мало остается от Бога, разве что одна божба.

На нигилистический аспект такой конфигурации указывает случай с убийцей *M651*.

То, что мне нравится в ней, это факт, что она делает людей счастливее, хотя меня это не касается... видишь столько лицемерия...

На вопрос, что важнее всего в религии, он сказал:

Вера, я думаю, что вера — это все. Это всць, которая объединяет нас.

Когда интервьюер захотел узнать о собственных религиозных чувствах респондента, он ответил:

...я верю, что когда умрешь, то это все... Жизнь коротка, а вечность будет всегда. Как может Бог послать тебя в ад навечно только на основе краткого жизнеописания.. Это, по-моему, немилосердно и несправедливо.

Приведенный материал указывает на связи между абстрактной верой в силу и отрицанием более конкретных и личных аспектов религии, особенно, идеи вечной жизни, и слегка завуалированной склонности к насилию. Но поскольку насилие запрещено, в особенности в тюрьме, оно проецируется на Божество. Кроме того, нельзя забывать, что совершенно абстрактную идею всемогущего Божества, которая господствовала в восемнадцатом веке, легче всего объединить с «научным духом», чем доктрину бессмертной души — с ее коннотациями «чудесного». Процесс демифологизации ликвидирует следы анимизма раньше и более радикально, чем психологическая идея Абсолюта.

Следует заметить, однако, что как раз противоположную тенденцию можно наблюдать среди приверженцев астрологии и спиритуализма. Они часто верят в бессмертные души, но категорически отрицают существование Бога, отчасти из некоторого пантеизма, который в конечном счете приводит к возвеличению природы. Таким образом, интервью *M651*, в противоположность его прежнему признанию в религиозности по внешним причинам, заканчивается заявлением,

что он верит в астрологию, потому что не верит в Бога.

Стоит задуматься над тем, что далекие последствия такого отношения могут иметь зловещий характер.

3. Нерелигиозные и лишенные преубеждений

Различие между нерелигиозными и религиозными *N* может соответствовать различию между рациональными и эмоциональными детерминантами свободы от предрассудков. *M203* — представитель первого типа. Его можно назвать «истинным либералом» с несколько абстрактным, рационалистичным образом мышления. Его антирелигиозные взгляды основаны не столько на политических убеждениях, сколько на позитивистских воззрениях. Он отвергает религию на «логической основе», но проводит различие между «христианской этикой», которую он считает близкой своим прогрессивным взглядам и так называемой «организованной религией». Изначально его антирелигиозные взгляды могли возникнуть из бунта против условностей: «Я ходил в церковь, потому что от меня этого ждали».

Этот бунт он не вполне четко связывает с чисто логической природой, что объясняется бессознательным чувством вины. (Его равнодушие и апатия предполагает невротическое происхождение, возможно, беспокойство по отношению к объектам). Свою рациональную критику религии он формулирует следующим образом:

Но я всегда относился к ней довольно скептически; я считаю ее в чем-то лживой, бездушной, нетерпимой, можно сказать, снобистской и ханжеской. Она насилует всю христианскую этику.

Религия оценивается им как гуманизирующий фактор (христианская этика) и как репрессивное средство. Нет сомнения, что это противоречие коренится в двойственной функции религии на протяжении истории, и поэтому не следует ограничивать только субъективными факторами.

Термин «лицемерный», используемый *M203*, встречается довольно часто в интервью *N*, а иногда и в интервью *H* по отношению к организации церкви и по контрасту к «истинно» религиозным ценностям. Он выражает

историческое освобождение религиозного опыта от института религии. Ненависть к лицемерию, однако, может иметь два направления: либо это тяга к просвещению, либо это оправдание цинизма и презрения к человеку. Кажется, что использование слов «ханжа» или «сноб» включает все больше коннотаций, связанных с завистью или обидой. Он обличает тех, кто «считает себя чем-то лучше», чтобы прославить посредственных, чтобы обычное и якобы естественное считалось нормой⁹. Зачастую борьба с ложью предшествует разрушительным мотивам, которые оправдываются «ханжеством» и «чванством» других.

Этот феномен можно понять на фоне демократизирующейся культуры. Обвинение религии в «ханжестве», критика, которая в Европе исходит от ограниченных интеллектуальных слоев, связанных с метафизической философией, в Америке также широко распространена, как сама христианская религия. Противоречивое отношение к религии частично объясняется и христианским наследием, и «духом науки». Наличие обеих культурных причин способствует непоследовательному отношению к религии, и объяснение этого не нуждается в обязательном привлечении психической структуры индивидуума.

То, что Америка, при всем ее интересе к науке — это страна с устойчивым религиозным климатом, может помочь объяснить более общую особенность нерелигиозных респондентов с низкими показателями: их действительное или мнимое «негативное» обращение. Так, например, 5028 и 5058, подобно M203, сообщают, что «порвали» с религией. В американской культуре редко кто «рождается» нерелигиозным: там становятся нерелигиозными в результате конфликтов, пережитых в детстве или во взрослом состоянии, и эти изменения благоприятствуют неконформистским симпатиям, которые в свою очередь приходят в противоречие с предрассудками.

Осознанная нерелигиозность в данной культурной ситуации предполагает определенную силу эго. В качестве примера приведем M202, «консерватора», но не фашиста, имеющего чрезвычайно низкие показатели по шкале E.

В детстве интервьюируемый был очень религиозным. Он ходил в церковь со своей семьей каждое воскресенье и готов был молиться о чем угодно «на коленях прямо на улице». В 19 лет с ним произошла перемена. Его стали раздражать сплетни в церкви. Он слышал, как люди осуждали тех, кто не участвовал «в их треклятом бизнесе». И эти люди приходили в церковь исповедоваться, а потом снова начинали творить зло. Такого противоречия в поступках он понять не мог.

В этом случае антирелигиозные взгляды со всей очевидностью возникли из неприятия вмешательства в индивидуальную свободу, и это, следует отметить, в не меньшей степени элемент американской идеологии, чем

само христианство. Здесь, как и во многих других случаях, индивидуальная и психологическая амбивалентность человека по отношению к религии отражает объективный антагонизм в нашей культуре.

М310, истинный либерал, дает другой пример мятежных антирелигиозных взглядов. Будчи сыном религиозных родителей, он отрицает христианскую традицию вообще. На открытый конфликт с родителями он не пошел, хотя отношения с ними стали очень холодными. По всей вероятности, свой бунт против семьи он перенес на их религию, стараясь избежать осложнений более личного характера. Достаточно часто мы наблюдаем, что сильные идеологические симпатии или антипатии можно объяснить таким замещением семейных конфликтов, то есть средством, которое позволяет индивидууму выражать свои враждебные чувства на уровне рационализации и таким образом избавиться от необходимости глубокого эмоционального переживания и которое одновременно позволяет юноше остаться под семейным кровом. Возможно, в некоторых отношениях, удобнее нападать на безличного отца, чем на отца родного. Нужно подчеркнуть, однако, что термин «рационализация» не подразумевает, что утверждение неверно. Рационализация — это не психологический аспект мышления, и сама по себе не определяет истинность или ложность. Решение по существу зависит целиком от объективных свойств идеи, которой завершается процесс рационализации.

Контраст этим нерелигиозным и лишенным предрассудкам людям представляют лица, легко меняющие убеждения, такие как *М711*. Его негативное отношение к религии отмечено не столько неприятием, сколько равнодушием, которое сочетается с элементами юмористической рефлексии. Этот опрошенный довольно открыто признает свою неосведомленность в религиозных вопросах, но так, что эта внешняя слабость выражает скорее скрытую силу характера.

Такие, как он, скорее могут позволить себе признать интеллектуальные несоответствия, потому что они обычно находят убежище в своем собственном характере и глубине своего опыта, чем в четких, продуманных и рациональных убеждениях. Говоря о своих взглядах на религию, он отметил:

На самом деле их у меня нет (смеется). В большей или меньшей степени, но они отсутствуют. Что касается организованной религии, я не очень тут разбираюсь (смеется).

Ему не нужно отрицать религию, он не испытывает ее чар: нет здесь и следов амбивалентности, поэтому нет и ненависти, скорее мы видим гуманное понимание и объективность. В качестве религиозной идеи он воспринял терпимость, которую демонстрирует характерным и нетрадиционным способом, выбирая отрицательные формулировки вместо высокопарных «идеалов». «Мне кажется, я знаю, что такое нетерпимость.» Но он

не использует это знание для самовосхваления, скорее он склонен применять свою религиозную эмансипацию к факторам внешним и случайным.

Если бы я остался в Денвере, я бы, наверное, ходил в церковь. Я не знаю. Я не думаю об этом, я не испытываю особой нужды в организованной религии.

Любопытно, что интервьюируемый говорит о молитве. Он признает психологическую действенность молитвы, но знает, что этот «терапевтический» аспект религии несовместим с самой религией. Он считает, что молитва — это вроде самовнушения, с помощью которого можно «достичь результатов», но «я, конечно, не верю, что есть некто, кто их воспринимает».

Респондент делает странное, но неожиданно глубокое заявление:

Мое религиозное любопытство было недолгим. Возможно, как раз в это время (смеется) я занялся фотографией.

Правильную оценку этого высказывания можно дать только с помощью категорий психоанализа. Связь между ранним интересом к религии, который сменился интересом к фотографии, объясняется любопытством, желанием «видеть» вещи сублимацией вуйеризма. По-видимому, фотографирование каким-то инфантильным образом связано со стремлением к «миру образов», которое коренится в некоторых религиозных течениях и в то же время находится под строгим религиозным запретом как в иудаизме, так и в протестантизме. Может быть, это подтверждается тем, что респондента во время его религиозной фазы привлекла теософия, религиозный способ мышления, который обещает «поднять занавес».

Следует отметить, что отношение интервьюируемого к атеизму не более «радикально», чем его отрицание религии¹⁰. Он говорит:

Ну, я не думаю об атеизме больше, чем обо всем остальном. На самом деле, я говорил кое с кем, кто считал себя атеистами, они даже не думали соглашаться. Может, я и атеист (смеется)... Это уже буквоедство. Профессиональные атеисты... производят впечатление, что они хотят сенсации. Как будто Дон-Кихот воюет с мельницами.

Это может указывать на подозрительное отношение раскрепощенной личности к «ярлыкам», на то, что знает, как любая жесткая формула вырождается просто в пропаганду¹¹.

Респондент точно почувствовал то, что сто лет назад сформулировал Бодлер в своем дневнике: атеизм выходит из употребления в мире, объективный дух которого по существу арелигиозен. Значение атеизма претерпевает исторические изменения. То, что было мощным импульсом для эпохи Просвещения восемнадцатого века, сегодня может оказаться симптомом

провинциального сектантства или даже параноидальной системы. Полубезумные национал-социалисты вроде Матильды Людендорф боролись не столько с евреями и масонами, но и с католицизмом, как с заговором ультрамонтанов* против Германии, трансформируя традицию «культур-кампа» Бисмарка в разновидность мании преследования.

4. Религиозные и лишенные предубеждений

Примером религиозного и лишенного предубеждений типа является F132, молодая женщина, которая выросла в Индии, где ее родители служили миссионерами. В результате «личного опыта совместной жизни с индусами» ее позитивное христианство соединилось с совершенно конкретной идеей терпимости («равные права для всех»). К вопросам расового взаимопонимания она относится с неподдельным интересом, однако ее церковные связи делают для нее невозможными политические выводы из идеи толерантности:

Ганди мне не нравится. Я не люблю радикалов. Он слишком способствовал беспорядкам и разъединению страны.

Ее отношения с церковью объясняют элементы ее религиозного традиционализма, обычно связанного с этноцентризмом. Несмотря на всю близость к церкви и теологической доктрине, ее религиозные взгляды имеют практическую окраску.

Она (религия) значит очень много. Она делает человека счастливее, более довольным и умиротворенным. Ты знаешь, где находишься и что надо делать — пример, которому надо следовать. Это надежда на жизнь после смерти. Да, я верю в бессмертие¹²

Из-за того, что девушка получила воспитание в колониальной стране и благодаря смешению «официальной» религиозности с более непосредственным гуманным христианством она представляет не вполне типичный пример. Ее необычные взгляды основаны, на первый взгляд, на понимании внутригрупповых и межгрупповых связей. Однако этот пример подтверждает до некоторой степени гипотезу о том, что только представители полностью осознанного и отчетливо выраженного христианства могут быть свободными от этноцентризма. В любом случае, то, что религиозные и лишенные предубеждений редко встречаются в нашей выборке, заслуживает внимания. Как говорилось выше, возможно, это зависит от самой выборки, однако эта редкая встречаемость имеет и более фундаментальные причины. Тенденция нашего общества к разделению на «прогрессивный» лагерь и лагерь

*Сторонники абсолютного авторитета римского папы.

«статус-кво» может сопровождаться стремлением всех людей, приверженных к религии как к состоянию «статус-кво», принять другие стороны этой идеологии, связанные с этноцентризмом. Справедливо ли это или религия может создать эффективные условия для противостояния предрассудкам, можно установить только на основе более широкого исследования.

Примечания

¹ A.P. (The Authoritarian Personality), стр. 208 и далее: Ethnocentrism in Relation to some religious Attitudes and Practices.

² Samuel M., The Great Hated, New York 1940.

³ Trachtenberg J., The Devil and the Jews, New Haven 1943.

⁴ Теоретический анализ отношений между христианством и антисемитизмом см. Max Horkheimer und Theodor W. Adorno, Dialektik der Aufklarung, Amsterdam 1947, 2.Aufl. Frankfurt 1969.

⁵ A.P. (The Authoritarian Personality), Гл. IV, V и VI.

⁶ О взаимном влиянии Возрождения, религиозного субъективизма и фашистской пропаганды см. глава VII «Психологическая техника в выступлениях по радио Мартина Лютера Томаса».

⁷ См. выше, стр. 132.

⁸ Подобную, так сказать, доморощенную психологию можно найти и у людей, лишенных предрассудков. Типичным для людей с предубеждениями остается, тем не менее, неразрешимое противоречие между объективной критикой религии и положительным отношением к ней с чисто субъективных позиций. Для такой ментальности в целом характерно то, что при определенных противоречиях они остаются нерешенными, происходит отказ от желания осмыслить их. Это говорит как о духовном поражении, так и об авторитарной покорности. Такой механизм, произвольно отключающий процессы по приказу Я, зачастую истолковывается как «глупость».

⁹ См. раздел «Ф.Д. Рузвельт» в главе IV, стр. 201 и далее.

¹⁰ «Свободный от предрассудков» редко бывает радикальным в каком-либо отношении. Это, однако, не делает его «склонным к компромиссам». Он всегда осознает нетождественность между понятием и реальностью. Он в сущности нетоталитарен. Это лежит в основе его специфической идеи терпимости.

¹¹ Дополнительный материал по этому респонденту мы приводим в главе VI «Типы и синдромы».

¹² Было бы интересно проанализировать изменение значения, которое претерпело слово «вера». Оно наглядно демонстрирует нейтрализацию религиозного смысла. Раньше идея веры была прочно связана с религиозной догмой, в наши дни она практически приложима ко всем сферам, в которых человек стремится иметь право обладания своим взглядом (так как каждый имеет право иметь свое мнение), не подчиняя его какому-либо критерию объективной истины. Со времени секуляризации «веры» ее содержание становится предметом произвола: она отдаёт предпочтения для обозначения того или иного предмета потребления и имеет мало общего с идеей истины. («Я не верю в парковку», сказала девушка наделенная конвенциональными предрассудками в своем интервью.) Это употребление слова вера почти совпадает с затасканным выражением «I like it», которое в наши дни почти полностью потеряло свой первоначальный смысл.

VI. Типы и синдромы

А. Исходные данные

Едва ли какое-либо другое понятие американской психологии подвергалось такой решительной и сильной критике, как типология. Поскольку «каждое учение о типах является наполовину ничем иным как точкой зрения на проблему индивидуальности»¹, оно подвержено ожесточенным нападкам с двух сторон, так как все учения никогда не охватывают специфического и так как их обобщения статистически не действительны и даже не годятся как эвристический инструмент. С точки зрения общей динамической характерологии высказывается мнение, что типологии имеют обыкновение классифицировать и превращать весьма гибкие черты в статичные, как бы биологические характеристики, и наоборот, почти не учитывать влияние исторических и социальных факторов. Статистика настойчиво указывает на недостаточность биполярных типологий. В отношении эвристической ценности высказывается возражение, что типы наслаиваются друг на друга и поэтому необходимо делить смешанные типы, которые на практике опять опровергают первоначальные конструкции. Причиной всех возражений, является нежелание применять застывшие понятия по отношению к якобы изменяющейся реальности психической жизни. Современные психологические типологии, в противоположность старой схеме темпераментов, вышли из психиатрии, из терапевтической необходимости классифицировать душевные болезни для облегчения их диагноза и прогнозов. Креплин и Ломброзо — отцы психиатрической типологии. Так как точная классификация психических болезней между тем полностью была оставлена, кажется, исчезает и основа для типологической классификации «нормального человека» которая основывалась на первой классификации психических болезней. Ее заклеили как остаток «таксономической фазы теории поведения», формулировка которой «имела тенденцию остаться описательной, статичной и стерильной»². Но если даже психических больных, психологическая динамика которых во многом заменена застывшими шаблонами, трудно разделить на типы, как же тогда могут быть успешными такие методы, как знаменитый метод Кречмера. *Raison d'être** которого была стандартная классификация маниакальной депрессии и помешательства. Состояние споров о типологии на данный момент Аннэ Анастаси³ резюмировала следующим образом:

Теории типов критиковались всеми, так как они пытаются классифицировать индивидов по резко ограниченным категориям. Такой подход

¹*Raison d'être* — (*фр*) букв «смысл существования», разумное основание, смысл

включает мультимодальное разделение характерных черт, которое, например, предполагает, что интроверты будут располагаться на одном конце шкалы, а экстраверты на другом, между ними обозначится ясно видимая разделительная точка. Действительно же исследования показывают унимодальное распределение всех черт, которое очень похоже на нормальную кривую в виде колокола.

Часто также трудно отнести определенного индивида к тому или иному типу. Типологи, сталкиваясь с этой трудностью, неоднократно предполагали промежуточные или смешанные типы, чтобы восполнить пробел между крайностями. Так, Юнг стал инициатором создания амбивертного типа, который не обнаруживает в преобладающей мере ни интровертных, ни экстравертных тенденций. Наблюдения, однако, как кажется, показывают, что амбивертная категория — самая большая и что чистые, однозначно определяемые интроверты и экстраверты встречаются сравнительно редко. Читателя, например, отсылают к кривой распределения, которую создал Гейдбредер... Следует вспомнить о том, что большинство показателей находилось посередине и что если дело касалось предельных показателей интроверсии или экстраверсии, то количество случаев уменьшалось. Кривая показывала не четкие коренные изменения, а только постепенные переходы от середины к обоим предельным показателям. Как было указано во II главе, можно то же самое сказать о всех других поддающихся измерению чертах индивида, идет ли речь об общественных, эмоциональных, интеллектуальных или физических чертах.

Ясно, что теории типов, поскольку они подразумевают классификацию индивидов по ясно ограниченными друг от друга группам, перед лицом большого количества исследований с неоспоримыми результатами несостоятельны. Но не все системы исходят из этой предпосылки: она характерна скорее для более популярных версий и разработок теорий типов, чем для первоначальной концепции. Разумеется, психологи, занимающиеся типологией, часто пытались распределить индивидов по категориям, однако это не было неотъемлемой составной частью их теорий; их понятия при случае достаточно широко модифицировались, чтобы добиться нормального распределения черт.

Итак, хотя и признается возможность удовлетворительных категоризаций, «номиналистический» отказ от типологических классификаций несмотря на их научную и прагматическую необходимость, утвердился в такой степени, что стал почти табу. Это табу тесно связано со все еще высказываемым многочисленными психиатрами мнением, что психические заболевания по существу не объяснимы. Если, чтобы продолжить спор предположить, что психоаналитическая теория действительно смогла составить некоторое число чисто динамических схем психозов, которые объясняют последние в психической жизни индивида, несмотря на иррациональность и разложение психотического характера, то проблема типологии была бы определена по-новому.

Нет сомнения, что в критике психологических типов выражается

истинный гуманный импульс. Он направлен против такого включения индивидов в заранее установленные классы, которое в нацистской Германии в наибольшей степени проявилось в присвоении живым человеческим существам ярлыков и которое несмотря на специфические качества людей в конце концов решало жить им или умереть. Этот мотив особенно подчеркивает Альпорт⁴, в то время как Бодер в своем подробном исследовании «Нацистская наука» обнаружил корреляции психологических схем «за» и «против», репрессивную функцию таких категорий как, например, «противотипы» Йенша (Jaensch) и произвольную манипуляцию эмпирическими показателями⁵. Авторы исследований, касающихся изучения предрассудка, должны быть особенно осмотрительными, если речь идет о проблемах типологии. Подчеркнуто говоря: заостренность, которая наблюдается в конструировании типов, уже сама по себе является знаком «стереопатической» ментальности, относящейся к основным элементам потенциального фашистского характера. Здесь нам стоит только процитировать упомянутого полного предрассудков исследователя ирландского происхождения, который без долгих рассуждений объясняет свои личные черты национальным происхождением. «Противотип» Йенша является, например, почти классическим случаем проекции, механизм которой был установлен в структуре характера нашего *H*, и которая у Йенша проникла как раз в науку, ставящую задачей критический анализ этого механизма. Весьма нединамичная, «антисоциологическая» и якобы биологическая природа таких классификаций, как у Йенша, прямо противоположна теории, представленной в нашей работе и ее эмпирическим результатам⁶.

Однако все эти возражения не могут окончательно решить проблему типологии. Не все типологии являются изобретениями, чтобы разделить мир на овец и козлий. Некоторые авторы отражают определенный, только с трудом систематизируемый опыт ученых, которые, выражаясь доступно, на что-то натолкнулись. Это Кречмер, Юнг и прежде всего Фрейд, который вообще подчеркивал психологическую динамику, что освобождает его от подозрения в простом «биологизме» и стереотипном мышлении. Он еще в 1931 году⁷ довольно решительно выступил с публикацией типологии, ничуть не беспокоясь о методологических трудностях, которые он, конечно, осознавал. Фрейд с кажущейся наивностью даже сконструировал из основных типов «смешанные типы».

Он в чрезмерно большой степени руководствовался конкретным пониманием вещей, у него была слишком тесная связь с его научными объектами, чтобы тратить свою энергию на тип методологических рефлексий, которые могли бы оказаться объектами саботажа организованной науки против продуктивного мышления. Это не должно означать, что его типологию можно принять такой, какая она есть. Она уязвима не только по отношению к обычным антитипологическим аргументам, о которых мы упоминали в начале этой главы; как указал Отто Фенихель, она

проблематична также с точки зрения ортодоксальной психоаналитической теории. Однако важно то, что Фрейд считал такую классификацию стоящей усилий. Уже чтение сравнительно легкого и убедительного обобщения различных видов биполярных типологий в книге Дональда У. Маккинона «Структура личности»⁸ оставляет впечатление, что не все типологии произвольны, что они не обязательно не учитывают многогранность человека, а стоят также на почве психологической реальности.

Однако причиной длительной достоверности типологического метода является не статически биологическая, а наоборот ее, динамическая и социальная противоположность. То, что человеческое общество до сих пор было разделено на классы, повлияло не только на внешние отношения людей: знаки социального подчинения остались также в психике каждого человека. Как и в какой степени иерархические социальные порядки пронизывают мышление индивида, его установки и поведение. Это прежде всего проследил Дюркгейм. Люди в такой степени образуют психологические «классы», в какой они созданы изменчивыми общественными процессами, и это относится, по всей видимости, в еще большей степени к нашей собственной стандартизированной массовой культуре, чем к прошлому времени. Психологически относительная ригидность наших *H* и некоторых *N* отражает растущую ригидность, в соответствии с которой наше общество распадается на два более или менее отчетливо противостоящих друг другу лагеря. Индивидуализм, который противится нечеловеческой классификации, в конце концов может стать простой идеологической вуалью в таком обществе, которое на самом деле бесчеловечно и которое проявляет свое внутреннее насилие в классифицировании, классифицируя других людей. Другими словами, критика типологии не должна упускать из виду то, что большое число людей не является индивидами в смысле традиционной философии XIX века или даже никогда таковыми не были. Мышление «ярлыками» возможно только потому, что существование тех, которые ему поддаются, в значительной степени определено «ярлыком» — стандартизированными, непроницаемыми и могущественными общественными процессами, которые оставляют индивиду очень мало свободы для действий и проявления истинной индивидуальности. При таком рассмотрении для проблемы типологии возникает другая исходная точка. Так как мир, в котором мы живем, нормирован и «производит типизированных» людей, у нас возникает повод искать психологические типы. Только в том случае, если в современном человеке мы обнаруживаем клишеобразные черты, а не при отрицании их существования, можно противостоять пагубной тенденции к всеобъемлющей классификации и упорядочению.

Конструкция психологических типов имплицитно не только произвольную насильственную попытку привнести «порядок» в запутанное многообразие человеческого характера. Она является средством категоризовать это разнообразие соответственно его структуре, изучить его лучше.

Радикальный отказ от всех обобщений и даже таких, которые опираются на убедительные данные, не привел бы к проникновению в сущность человеческого индивида, а дал бы в лучшем случае неясное, ничего не говорящее описание психологических «фактов»: каждый шаг, преодолевающий эти факты и нацеленный на психологический смысл — как Фрейд определил это в своем основном тезисе, «что все наши переживания имеют смысл». — неизбежно приведет к обобщениям, которые возвышаются над якобы единственным в своем роде «случаем», и часто эти обобщения включают в себя некоторые регулярно повторяющиеся синдромы, которые достаточно близки понятию «тип». Даже вышедшие из явно индивидуализированных исследований такие понятия как оральность и принудительный характер, только тогда имеют смысл, если они имплицитно предполагают, что обозначенные таким образом и обнаруженные в индивидуальной динамике отдельного лица структуры входят в основные конstellации, что их можно рассматривать как представителей, независимо от того, на каких единственных в своем роде наблюдениях они основываются. Так как в каждом случае психологической терапии присутствует типологический момент, было бы неправильно исключать типологию как таковую. Методологическая «чистота» означала бы в этом случае отказ от понятийного медиума или теоретического осознания данного материала и заканчивалась бы иррациональностью, которая также совершенна, как произвольные классификации «классифицирующих» школ.

В связи с этим исследованием к аналогичному заключению приводит совершенно другое размышление: для науки необходимо найти «оружие» против потенциальной угрозы фашистской ментальности. Вопрос стоит так, насколько возможна успешная борьба с опасностью фашизма психологическими средствами. Психологически лечить предвзятых индивидов проблематично, так как они многочисленны и ни в коем случае не больны в обычном смысле слова. Они, как мы видели, по крайней мере часто, лучше приспособлены, чем непредвзятые индивиды. Но так как современный фашизм нельзя себе представить без массовой базы, т.е. без опоры на массы, внутренняя структура его предполагаемых сторонников имеет решающее значение, и средства защиты, которые не учитывают субъективную сторону проблемы, не были бы по-настоящему «реалистичными». Учитывая размеры распространения фашистского потенциала среди современных масс, становится ясным, что психологические контрмеры только тогда имеют перспективу на успех, если они дифференцированы на специфические группы. Общими мерами можно было бы оперировать только в плоскости расплывчатого сообщества, так что они, по всей видимости, провалились бы. Одним из практических результатов данного исследования можно считать то, что подобная дифференциация должна обязательно следовать психологическим директивам, так как определенные основные варианты фашистского характера относительно

не зависимы от явных социальных различий. Психологические меры против предубеждения могут быть направлены только на определенные психологические типы. Мы сделали бы фетиш из методологической критики типологии и помешали бы любой попытке психологической борьбы с предубежденными лицами, если бы исключили некоторое число резких и экстремальных различительных признаков как например, между психологической структурой обычного антисемита и садомазохистского «хулигана», так как ни один из этих типов никогда в чистом виде не был выражен в отдельном индивидуе.

В широких кругах признана возможность сконструировать совершенно различные группы психологических типов. В результате предыдущих объяснений мы строим нашу собственную попытку, опираясь на три следующих главных критерия:

а) Мы не хотим сортировать человеческие существа ни на группы, как это хорошо делает статистик, ни на обычные идеальные типы, которые должны быть дополнены смешанными случаями. Наши типы оправданы только в том случае, если нам удастся для обозначения каждого типа выделить некоторое число черт и диспозиций и связать их друг с другом, что покажет в смысловом отношении их единство. Мы считаем научно самыми продуктивными те типы, которые соединяют разрозненные черты в целесообразную последовательность и делают видимыми корреляции элементов, которые взаимосвязаны по психологической интерпретации в соответствии с присущей им динамикой их «внутренней» логики. Не должно допускаться лишь суммирование и механическое объединение через один тип.

Самым главным критерием для данного постулата является то, что даже так называемые отклонения, если их противопоставить «истинным» типам, кажутся больше не случайными, а создаются как имеющие структурный смысл. При генетическом рассмотрении смысловая связь каждого типа показала бы, что большинство черт могут быть выведены из определенных основных форм психологических конфликтов и их разрешений.

б) Наша типология должна быть потому критической, поскольку она понимает типизацию самих людей как социальную функцию. Чем более застывшим является тип, тем более глубокое клеймо на него наложило общество. Соответственно этому такие черты как ригидность и стереотипность мышления характерны для людей с предрассудками. В этом состоит решающий принцип всей нашей типологии; она разделяет людей в первую очередь по тому признаку, являются ли они внутренне нормированными и думают нормами, или выступают истинными индивидами и сопротивляются стандартизации в области человеческого опыта. Отдельные типы будут представлять собой специфические конфигурации внутри этого двойного деления. Их разделяет «prima facie»* на исследуемые лица с

*Prima facie — (*лат.*) с первого взгляда, по первому впечатлению.

высокими показателями и на тех, кто имеет низкие показатели: при ближайшем рассмотрении их также обнаруживают и *N*: чем сильнее их типизируют, тем отчетливее они произвольно проявляют фашистский потенциал.⁵

с) Типы должны быть сконструированы так, чтобы они были продуктивны в прагматическом аспекте. Это означает, что они должны быть переносимы в относительно жесткие механизмы, которые так построены, что различия индивидуальной природы играли бы только второстепенную роль. Это приводит к некоторой сознательно созданной «поверхностной типизации», похожей на ситуацию в клинике, где не могут начать терапию пациента, прежде чем не разделят пациентов на маниакально-депрессивных шизофреников и параноиков и т.д., хотя точно известно, что эти различия исчезают при более глубоком рассмотрении. Здесь мы однако хотели бы позволить себе высказать гипотезу, что если бы только удалось проникнуть достаточно глубоко, то в конце классификации опять появилась бы универсальная «сырая» структура: фундаментальная либидная констелляция. Может быть, здесь можно было бы привести аналогию из истории архитектуры. Традиционное грубое деление на романский и готический стили основывается на характеристиках круглого и острого свода. Однако оно оказалось недостаточным, так как оба признака накладываются друг на друга, и между обоими типами имелись более глубокие отличия в конструкции. В конце концов пришли к определениям, которые оказались слишком сложными для констатации того, является ли здание романским или готическим, хотя его общая структура едва ли вызывает у наблюдателя сомнение относительно его эпохи. А в конце пришли к необходимости вновь вернуться к первичной и наивной классификации. Сделать подобное рекомендуется и для решения нашей проблемы. Такой поверхностный вопрос, как «Какие виды личностей Вы находите среди предвзятых?», более соответствует типологическим потребностям, чем попытке определить типы на первый взгляд, приблизительно по различным фиксациям в предгенитальных и генитальных фазах развития и т.п. Этого недопустимого упрощения, вероятно, можно достичь путем вовлечения социологических критериев в такие психологические конструкции, как групповая принадлежность, идентификация среди подопытных лиц, а также общественные цели, установки и образцы поведения. Задача соотнести психологические критерии типов с социологическими облегчается благодаря констатации, которую мы делаем в ходе наших исследований, того, что между некоторым числом «клинических» категорий, как например, рабская любовь к строгому отцу и некоторым социальным типом поведения существует тесная взаимосвязь (нечто вроде веры в авторитет ради авторитета). Следовательно, мы для гипотетических целей типологии можем «перевести» некоторые наши основополагающие психологические понятия на язык социологии, который в некоторой степени им родственен.

Эти соображения должны быть дополнены еще одним условием, которое предписывает природа нашего исследования. Наша типология, или скорее схема синдромов должна быть устроена так, чтобы как можно «натуральнее» подходить к эмпирическим данным. Мы не должны забывать, что наш материал существует не в пустом пространстве, а заранее определен структурно инструментами, прежде всего анкетами и схемами интервью. Так как наши гипотезы были сформулированы в соответствии с психоаналитической теорией, то синдромы сильно ориентированы на психологические понятия. Само собой разумеется, этот эксперимент имеет тесные границы, так как мы не «анализируем» интервьюируемых лиц. Вместо последних динамических моделей глубинной психологии наша характеристика должна концентрироваться на чертах, которые оказались значительными с точки зрения психоаналитики.

Чтобы приблизить следующий типологический проект к адекватным перспективам, мы вспомним о том, что (как это было приведено в главе о *F*-шкале) все группы, из которых была составлена эта шкала, относятся к одному единственному «общему» синдрому.¹⁰ Выдающимся результатом нашего исследования является то, что «высшая точка» в принципе является синдромом, который приподнимается над многообразием «более низких» синдромов. Он существует приблизительно как потенциальный фашистский характер, который сам в себе образует «структурное единство». Другими словами, такие черты как конвенционализм, подчиненность авторитетам, агрессия, склонность к протекции, манипуляции и т.п., как правило, идут рука об руку. Поэтому, «субсиндромы», которые мы здесь описываем, не должны изолировать какую-либо из этих черт; их нужно понимать вместе внутри общей соотносительной системы *H*. То, что их отличает друг от друга, это не их исключительность, а подчеркивание того или иного признака, той или иной динамики, выбранной для характеристики. Однако нам кажется, что легче можно воспринимать особые контуры, выступающие в общей структуре, одновременно они в такой степени «динамически» связаны друг с другом благодаря потенциально фашистской общей структуре, что можно было бы без труда разработать переход с одного контура на другой, если анализировать усиление или ослабление какого-то специфического фактора. Такая динамическая интерпретация служит лучшему достижению цели, т.е. дает лучшее понимание основополагающих процессов, что обычно происходит случайно через «смешанные типы» статических типологий. Между тем, это исследование не могло бы занимать теорией и эмпирическим обоснованием динамических отношений между синдромами.

Принцип, по которому распределены синдромы, — это их «типичная сущность» в смысле ригидности, недостатка катексиса и стереопатии. Это не обязательно означает, что расположение синдромов представляет собой динамическую «измерительную шкалу». Оно направлено на потенциал и

на возможность контрмер — в принципе на проблему «общей высоты» по сравнению с «глубиной», но не на открытый предрассудок. Таким образом, мы увидим, что опрошенный, который привлекался как пример психологически относительно безвредного синдрома в нижней части нашей схемы, обладает чрезвычайно сильными открытыми предрассудками против меньшинства.

Прагматические требования и представления о том, что лица типа *H* в общем сильнее «типизированы», чем лица типа *N*, концентрируют наш интерес на лицах с предрассудками. Несмотря на это, мы считаем необходимым сконструировать синдромы лиц типа *N*. Хотя общее направление нашего исследования ведет нас к несколько одностороннему подчеркиванию психологических детерминант, однако мы не должны забывать, что предрассудок ни в коем случае не является психологически «субъективным» феноменом. Как мы изложили в IV главе, на идеологию и ментальность лиц *H* в большой степени влияет объективный дух нашего общества. Хотя различные индивиды по-разному, соответственно своей психической структуре, реагируют на современные культурные стимулы предрассудка, однако, если мы хотим понять поведение индивида или психических групп, нельзя обойти объективный элемент предрассудка. Поэтому недостаточно спросить: «почему тот или иной индивид является этноцентрическим?», это должно означать, «почему он положительно реагирует на присутствующие стимулы, на которые, однако, другой реагирует негативно?». Потенциально фашистский характер нужно рассматривать как продукт взаимодействия между культурным климатом предрассудка и «психологическими» реакциями на этот климат. Он состоит не только из грубых внешних факторов, таких как экономические и социальные условия, но также и из мнений, идей, мировоззрения и поведения, которые выступают как присущие индивиду, но не возникают из его автономного мышления и независимого психологического развития, а лишь сводятся к его принадлежности к нашей культуре. Эти объективные шаблоны так глубоко проникающи в своем влиянии, что в такой же степени сложно объяснить, почему один сопротивляется им, а другой их принимает. Другими словами, тип *N* является в такой же степени психологической проблемой, как и тип *H*, и только когда их поймешь, можно составить картину об объективном механизме предрассудка. Поэтому нельзя обойтись без конструкции синдромов *N*. Само собой разумеется, что при выборе обращалось внимание на как можно большее соответствие его общим принципам нашей классификации. Однако не должно удивлять, если их отношения между собой более свободны, чем отношения синдрома *H*.

Наши синдромы развивались ступенчато. Они восходят к типологии антисемитов, разработанной и опубликованной Институтом социальных исследований¹¹, которая в данном исследовании была модифицирована и распространена на лиц типа *N*. В своей новой форме, которая придает

больше значения психологическим аспектам, она была применена прежде всего к Лос-Анджелес-Семпл, в проводившихся здесь интервью попытались насколько возможно обнаружить связь между результатами исследуемых случаев и гипотетическими типами. Синдромы, которые мы описываем, являются результатом модификации этого проекта на основе наших эмпирических показателей и последовательной теоретической критики. Однако их следует рассматривать как предварительные, как промежуточную ступень между теорией и эмпирическим материалом. Для дальнейших исследований их необходимо заново определить в смысле количественно определяемых критериев. Но мы вправе представить их сейчас, так как они могут служить указателями для будущих исследований. Мы поясним каждый синдром, описывая характерный случай, главным образом на основе протокола интервью отобранного подопытного лица.

В. Синдром лиц с предрассудками

Перед детальным рассмотрением мы дадим краткую характеристику различных типов. Поверхностное неприязненное чувство легко распознать по оправданным и неоправданным социальным страхам. Наша конструкция, однако, ничего не говорит о психологических фиксациях и о механизмах защиты, которые лежат в основе схемы мнений. У конвенционального типа бросается в глаза, как и ожидалось, признание конвенциональных ценностей. Его сверх-Я никогда не было крепким, и оно находится под влиянием его воплощающих инстанций. Его самый ярко выраженный мотив — это боязнь быть «не как все». Над авторитарным типом господствует сверх-Я, и ему приходится непрерывно бороться против сильных и в высшей степени амбивалентных тенденций Оно. Его преследует страх быть слабым. У хулигана победили вытесненные тенденции среднего человека, хотя и в искаженной деструктивной форме. «Фантазер», а также манипулятор, как кажется, разрешили Эдипов комплекс, уйдя как Нарцисс, в самих себя. Однако их отношение к внешнему миру варьируется. «Фантазеры» в большой степени заменили реальность миром фантазии. Их главным признаком поэтому является проективность, самая большая забота — не дать запачкать свой внутренний мир из-за соприкосновения с ужасной действительностью: их мучают строгие табу относительно «скрытых безумств», как их называет Фрейд. Манипулятивный тип избегает психоза, низводя действительность к простому объекту действия, однако он не способен к позитивному катексису. Его склонность к насилию еще сильнее, чем у авторитарного и, кажется, совершенно чужда Я. Он не достиг трансформации внешней силы принуждения в сверх-Я. Полное подавление всякого желания любви — его главный механизм защиты. В нашем примере, по-видимому, наиболее часто представлены конвенциональный и авторитарный типы.

1. Поверхностное неприязненное чувство

Этот феномен не относится к тому же самому логическому уровню как различные «типы» *H* и *N*, которые будут охарактеризованы далее. Это не психологический тип в собственном смысле слова, а в большей степени сгусток более рациональных, будь то осознанных или предвосхищаемых манифестаций предрассудка, поскольку их следует отличать от глубоко лежащих неосознанных форм. Мы можем сказать, что есть ряд лиц, которых можно объединить более или менее рациональными мотивациями, в то время как для всех других «высоких» синдромов характерным является отсутствие рациональных мотиваций, или они так искажены, что в их случае они должны считаться лишь голыми «рационализациями». Однако это не означает, что те *H*, чьи высказывания, полные предрассудков, показывают сами по себе некую рациональность, изъяты из психологического механизма фашистского характера. Так, опрашиваемое нами лицо, которое мы приводим как пример, занимает высокое положение не только на *F*-шкале, но также и на всех других шкалах; у него весьма предубежденное мировоззрение, которое мы рассматриваем как доказательство того, что внешне скрытые характерные тенденции являются решающими детерминантами. Однако феномен «поверхностного неприязненного чувства», хотя он и подпитывается в принципе более глубокими движущими силами, не должен полностью игнорироваться в нашем исследовании, так как он представляет собой социологический аспект нашей проблемы, значение которого для фашистского потенциала невозможно недооценить, если мы сконцентрируемся исключительно на психологическом описании и этиологии.

Под этим типом подразумеваются люди, которые перенимают извне как стереотипы, так и готовые формулы, чтобы рационализировать собственные трудности и преодолеть их психологически или практически. Хотя структура их характера является бесспорной, как и структура характера *H*, предрассудочное клише однако, кажется, не слишком занято либидинозностью; в общем он находится на некоторой рациональной и псевдорациональной ступени. Опыт и предрассудок расходятся не полностью: часто они ярко выражено противостоят друг другу. Опрашиваемые лица в состоянии обосновать относительно полно свой предрассудок и им доступна рациональная аргументация. Сюда относится недовольный, мрачный глава семьи, который рад, если он может свалить на кого-то другого вину за свою собственную экономическую несостоятельность, и который счастлив, если он получает материальную выгоду от дискриминации меньшинства: либо лица, потенциально или на самом деле побежденные в конкурентной борьбе, например, мелкие розничные торговцы, которые чувствуют угрозу со стороны филиалов предприятий, которые, по их мнению, находятся в руках евреев. Сюда относятся, вероятно, негры-антисемиты в Гарлеме, которые должны платить завышенную арендную плату еврейским

сборщикам. Примеры этому найдутся во всех секторах экономической жизни, и там, где чувствуется давление процесса концентрации, люди не понимают его механизма, но тем не менее сохраняют свою собственную экономическую функцию.

5043 — домохозяйка, с чрезвычайно высокими показателями по всей шкале, «часто беседует с соседями о евреях», является «очень приветливой» госпожой средних лет, «находит радость в невинной болтовне». Она очень уважает науки и проявляет серьезный, хотя и сдержанный интерес к живописи. Она боится экономической конкуренции со стороны «zootsuiters»¹² и, «как показывает интервью», имеет подобную сильную установку против негров. «В молодости она пережила экономический и общественный упадок своей семьи. Ее отец был богатым владельцем ранчо».

Когда она в 1927 г. вышла замуж, ее муж хорошо зарабатывал будучи маклером на бирже. После краха биржи и последующей депрессии ей пришлось переживать экономические трудности, и в конце концов она была вынуждена переехать к своей состоятельной свекрови. Эта ситуация оказалась чревата некоторыми конфликтами, но однако она была освобождена от собственной ответственности. В общем, как кажется, она считает себя принадлежащей к высшему слою среднего сословия, но пытается найти среднюю позицию между верхним классом, к которому она раньше принадлежала, и ее сегодняшней уже не такой твердой принадлежностью к среднему сословию. Потеря имущества и статуса, по всей вероятности, были для нее очень болезненными, хотя она в этом и не признается. Ее сильное предубеждение против евреев, которые проникают в ее ближайшее соседское окружение, является результатом страха «скатиться еще ниже» по социальной лестнице.

Постоянно высокие показатели этого опрашиваемого лица интервьюирующий объясняет не активной фашистской склонностью, которая и не проявляется в интервью, а ее «в основном не критическим отношением» (в анкете она со всем «вполне согласна»). Характерным в этом случае является то, что нет серьезных семейных конфликтов.

Ее никогда строго не наказывали, напротив, оба родителя были склонны к тому, чтобы выполнять все ее желания, так как она очевидно была любимым ребенком... Никогда не было серьезных трений, и еще сегодня существуют очень тесные отношения между братьями и сестрами и остальными членами семьи.

Она была отобрана как представительница «поверхностного неприязненного чувства» по причине ее позиции в расовых вопросах. Она проявляет «очень сильное предубеждение против всех меньшинств» и «видит в евреях проблему»; ее стереотипы «держатся почти в рамках традиционных схем», которые она механически переняла извне. Однако она не верит,

что все евреи непременно имеют все еврейские признаки. Также она не думает, что они отличаются своим внешним видом или какими-либо другими особыми признаками, кроме тех, что они очень шумят и часто агрессивны.

Последняя фраза отчетливо показывает, что она не приписывает евреям черт, которые она осуждает как врожденные или естественные. Она свободна от застывших проекций и деструктивной воли наказывать.

Путем ассимиляции и воспитания можно, по ее мнению, со временем решить проблему евреев.

Предметом ее агрессии являются, очевидно, те, которые, как она опасается, «могут у нее что-то забрать». Будь то нечто материальное или общественное; однако она не видит в евреях «противоположность».

Открытую враждебность она показывает в отношении к евреям, которые переехали и поселились с ней по соседству, а также к тем, которые, по ее мнению, «держат в руках индустрию кино». Она, как кажется, обеспокоена тем, что их влияние возрастает, и поэтому она очень возмущена «инфильтрацией» евреев из Европы.

Она проявляет уже упомянутую способность выделить различие между заимствованными стереотипами и конкретным опытом, поэтому не исключено ослабление ее предубеждения. В случае фашистской волны она, однако, по мнению интервьюирующего, «развила бы большую враждебность и приняла бы фашистскую идеологию»:

Ее опыт по отношению к евреям ограничивается более или менее не личными отношениями, кроме одного или двух близких знакомых, которых она описывает как «благородных людей».

Если в популярной теории о «козле отпущения» есть что-то от правды, то она имеет силу в отношении подобных людей. Ее «слепые пятна» можно объяснить, по крайней мере частично, ее узким, мелкобуржуазным кругозором. В ее поле зрения появляются евреи как исполнители тенденций, которые действительно свойственны общему экономическому процессу, но в которых она их обвиняет. Чтобы держать свое Я в равновесии, они непременно должны найти виновного «в своем затруднительном социальном положении», так как иначе справедливость мировой системы была бы поколеблена. Вероятно, в принципе они искали бы вину в самих себе и у себя, и рассматривали себя как «неудачников». Внешне евреи освобождают их от чувства вины; антисемитизм дает им удовлетворение «быть хорошими», не допускать ошибок и иметь возможность свалить груз на видимое и сильно персонифицированное существо. Этот механизм был

институционализирован. Лица, как в нашем случае под номером 5043, вероятно, никогда не имели отрицательного опыта при общении с евреями, но они перенимают суждения других, так как извлекают из этого пользу.

2. Конвенциональный синдром

Этот синдром олицетворяет стереотип, который хотя и несет отпечаток внешнего мира, но интегрирован в структуру характера как существенная составная часть общего конформизма. Женщины подчеркивают ценность чистоты и женственности, мужчинам прежде всего важно быть «настоящим» мужчиной. Согласие с господствующими воззрениями здесь важнее, чем собственное недовольство. Мышление движется в застывших категориях групп «своих» и «чужих». Предрассудок не выполняет решающей функции в психологическом бюджете отдельного индивида; он лишь облегчает идентификацию с группой, к которой он относится или к которой он хотел бы принадлежать. Конвенциональные типы более полны предрассудками в собственном смысле слова; они перенимают привычные предрассудки других, не перепроверив их. Их предрассудок является «само собой разумеющимся», вероятно, они предвосхищают его, даже не осознавая этого. Только в определенных условиях он будет четко сформулирован. Между предрассудком и опытом имеется некое противоречие; их предрассудок не рационален, поскольку он имеет мало общего с собственными заботами. Кроме того, по крайней мере внешне, он выражается не особенно открыто, так как вследствие безоговорочного признания ценностей цивилизации и «приличия» сильные импульсы отсутствуют.

Хотя этот синдром включает в себя «хорошо воспитанного» антисемита, он ни в коем случае не ограничивается высшими слоями общества.

Для того чтобы подтвердить это утверждение и в качестве примера синдрома в целом, цитируем высказывания опрашиваемого лица под номером 5057, тридцатилетнего сварщика «с чрезвычайно приятными манерами», случай которого интерпретирующий обобщает следующим образом:

Он воплощает поведение, которое довольно часто встречается среди квалифицированных рабочих. Он не злобив, и не желает использовать других. Он в манере, свойственной конвенциональному антисемиту, лишь отражает предрассудки своей группы

Он вроде бы и принимает свою собственную ситуацию, однако на самом деле он занят решением вопроса собственного статуса, что следует из описания его отношения к своей профессии:

Опрошенному нравится его работа. Он не высказывает никаких возражений против своей работы в настоящее время. С самого начала

становится ясно, что он рассматривает себя как квалифицированного рабочего и видит в сварке возможность для творческой и конструктивной деятельности. Он сделал лишь одно ограничение, а именно, что сварка, конечно, не относится к профессиям служащих; это грязная работа и не совсем безопасная. Его удовлетворение данной работой далее подтверждается заявлением в анкете, что он даже при свободном выборе профессии предпочел бы эту работу, но только, может быть, на более высокой ступени — в качестве инженера-сварщика.

Свои профессиональные прогнозы он оценивает оптимистично и в то же время реалистично, и не обнаруживает никакой неуверенности. Его конвенционализм направлен против «крайностей» вообще. Так,

он выбрал христианскую религию, так как она «является более умеренной, чем большинство других. Религия должна удерживать людей от всех излишеств, таких как пьянство, азартные игры или другие распутства» Он никогда не отрекался от того, чему учил его дед, и никогда ему на ум не приходили сомнения в религии

Типичными для общего мировоззрения данного опрашиваемого являются следующие данные из его анкеты:

На проективный вопрос, «Какие настроения или чувства являются для вас самыми неприятными и мешают вам больше всего?» он упоминает: «Беспорядок дома или в моем ближайшем окружении» и «разрушение собственности». Ему трудно подавить желание сказать «людям, где у них беспорядок». В качестве ответа на вопрос, «Что может свести человека с ума?», он говорит, «Заботы — человек должен уметь владеть духом и телом»

Будучи в общем умеренным, по-видимому, «великодушным» и широко мыслящим, он занимает место в верхней части на *E*-шкале. Его враждебность по отношению к меньшинствам выражается в разделении людей на свою и чужую группы: «соприкосновения» с чужой группой он не имеет или не хочет иметь, но проецирует на них собственную схему поведения и подчеркивает ее «связь». Эта враждебность подавляется его общим конформизмом и выражением уважения к «нашей государственной форме». В его убежденности, что свойства чужой группы неизменны, проявляется некоторая ригидность его конвенционализма. Если он встречает людей, которые отклоняются от схемы, он испытывает неудобства и, по-видимому, попадает в конфликтные ситуации, которые скорее повышают его враждебность, чем снижают. По отношению к неграм его предубеждение увеличивается до горячности: вероятно, здесь особенно ясна разделительная линия между своей и чужой группами. Ниже приводим его замечания по отношению к другим меньшинствам:

Самой большой проблемой меньшинств, по мнению опрошенного, являются сейчас американцы японского происхождения, «так как они возвращаются». Он считает, что их нужно во всем ограничивать, а их родителей — депортировать. Что же касается их качеств, то он говорит: «У меня не было никаких личных контактов, кроме как в школе, где они старались быть хорошими учениками. Лично у меня нет к ним никакой неприязни».

Когда его спросили о «еврейской проблеме», он заявил: «Конечно, они держатся вместе. Они взаимно поддерживают друг друга в большей степени, чем протестанты». Он, однако, не хочет, чтобы их преследовали, только потому, что они евреи. Еврей имеет такое же право на свободу в США, как и любой другой. После этого следует высказывание: «Меня раздражает, что они приезжают сюда в таком большом количестве. Я за то, чтобы больше не принимать еврейских переселенцев».

Его неприязнь к евреям основана прежде всего на их отличии, их своеобразии — они не совпадают с его обычным идеалом собственной группы. Но он дифференцирует евреев по степени их ассимиляции:

Опрашиваемый может определить евреев по их вьющимся волосам, ярко выраженным чертам лица, большому носу, иногда по толстым губам. О «еврейских признаках» он говорит, что есть различные типы евреев, так же как есть различные признаки не евреев. Он говорил о евреях¹³, как о евреях из Океанского парка, и о «лучших» евреях из Беверли Хиллз.

По поводу отношения между стереотипом и опытом:

«С ними у меня всегда были очень хорошие личные отношения. Когда я руководил бензоколонкой в Беверли Хиллз, то достаточно часто имел с ними дело, но не могу вспомнить никаких неприятных случаев с ними. Весь мой опыт действительно был скорее приятным.» Далее опрошенный рассказывает свой случай с евреем-владельцем гастронома в Океанском парке. Ему тогда было 8–10 лет, и он продавал в этом районе газеты. Как-то он зашел в этот магазин, чтобы продать владельцу журнал. Ожидая, пока владелец обратит на него внимание, он увидел великолепный кофейный пирог, который он охотно бы съел. Мужчина купил журнал и заметил жадущий взгляд мальчика. Вероятно он подумал, что у мальчика нет достаточно денег, чтобы купить пирог, и он вынул его из витрины, положил в пакет и отдал мальчику. Из рассказа ясно, что этот жест одновременно и унизил и обрадовал мальчика. Он вспоминает о том, как смутился, так как мужчина, вероятно подумал, что он «беден и голоден».

Он считает, что есть «хорошие» и «плохие» евреи, в такой же мере как есть «хорошие» и «плохие» не евреи. Однако евреи как целое никогда не изменяются, так как они «тесно держатся друг друга и придерживаются своих религиозных идеалов. Но они могли бы по крайней мере улучшить мнение людей о себе, если бы они не были такими жадными... Он позволил бы тем, кто уже в стране, остаться здесь, но при этом он добавляет, что

«конечно, евреям нужно позволить возвратиться в Палестину». Далее он говорит: «Я бы не опечалился, если бы они ушли», систему квот в школе он одобряет, но предлагает также и альтернативу: «создать отдельные школы для евреев».

3. Авторитарный синдром

Этот синдром ближе всего к общей картине *H*, как это проявляется повсюду в нашем исследовании. Он следует за «классической» психоаналитической моделью, которая разрешает эдипов комплекс садомазохистским путем и которую Эрих Фромм назвал «садомазохистским характером»¹⁴. По теории Хоркхаймера в той же самой работе для сборника «Авторитет и семья» внешняя общественная репрессия идет рука об руку с внутренним вытеснением чувственных импульсов. Чтобы достичь «интернализации» общественного принуждения, которое всегда требует от индивида больше, чем ему дает, его поведение по отношению к авторитету и его психологической инстанции, сверх-Я, принимает иррациональные черты. Индивид только тогда может осуществить собственное социальное приспособление, если ему по душе послушание и подчинение; садомазохистская структура желаний является поэтому и тем и другим, и условием и результатом общественного приспособления. В нашей общественной форме находят удовлетворение как садистские, так и мазохистские склонности. При специфическом решении комплекса Эдипа, которое определяет структуру описанного здесь синдрома, такие виды удовлетворения превращаются в черты характера. Любовь матери в ее первоначальной форме попадает под строгое табу; вытекающая отсюда ненависть к отцу преобразуется путем образования реакции в любовь. Эта трансформация вызывает особый вид сверх-Я. Никогда полностью не удается выполнить труднейшую задачу индивида в его раннем развитии, а именно, превратить ненависть в любовь. В психодинамике «авторитарного» характера частично абсорбируется ранняя агрессивность, преобразуясь в мазохизм, частично она остается в виде садизма, который ищет питательную среду в тех, с которыми индивид себя не идентифицирует, т.е. в чужой группе. Часто еврей становится заменой ненавистному отцу и в воображении приобретает свойства, которые вызвали сопротивление по отношению к отцу: трезвость, холодность, желание господствовать, и даже свойства сексуального соперника. Амбивалентность обширна: она проявляется прежде всего в одновременно слепой вере в авторитет и готовности нападать на то, что кажется слабым и в общественном отношении приемлемо в качестве «жертвы». Стереотипия при этом синдроме является не только средством социальной идентификации, но имеет и настоящую «экономическую функцию» в собственной психике индивида: она помогает направить в соответствующее русло его либидную энергию в соответствии с требованиями усиленного сверх-Я.

Так, в конце концов сама стереотипность в большой степени приобретает черты либидности и преобладает во внутреннем бюджете индивида. Он развивает частично весьма сильные насильственные черты, которые восходят к анально-садистской фазе развития. С точки зрения социологии, этот синдром в Европе был более типичен для нижней прослойки среднего сословия; в Америке его можно ожидать у людей, реальный статус которых отклоняется от желаемого. Здесь «авторитарный» синдром четко противопоставлен «конвенциональному», для которого характерным является социальная неудовлетворенность и отсутствие таких конфликтов; однако, в отношении конформизма у этих синдромов много общего.

Интервью M352 начинается следующим образом:

(Чем довольны?) Ну, я первый человек — бригадир смены, мы работаем по сменам... *(опрашиваемый подчеркивает свое «руководящее» положение)* маленькие отделы, 5 человек в каждом отделе — пять человек в смене — меня лично это удовлетворяет... что 5 человек работают для меня, они приходят ко мне, просят моего совета в делах, которые касаются нашего производства, и что последнее решение за мной. Факт, что последнее решение зависит от меня, и я это делаю, и сознание, что я это делаю правильно, дает мне личное удовлетворение. То, что я зарабатываю себе на жизнь, не дает мне удовлетворения. Это те вещи, о которых я упомянул, чтобы знать, что я кому-то угождаю, дает мне также удовлетворение.

Отрицание материального удовлетворения, знак рестриктивного сверх-Я, является не менее типичным, чем двойное удовлетворение повелевать другими и самому при этом угождать шефу. Его амбиции относительно повышения общественного положения выражаются в неприкрытой идентификации себя с теми, кто превосходит его по авторитету и рангу.

(Что бы было, если бы Вы имели больше денег?) Это подняло бы наш уровень жизни, позволило приобрести автомобиль. Мы могли бы переехать в более уважаемый жилой район, имели бы деловые и личные отношения с людьми, стоящими на более высокой ступени общественной лестницы, за исключением некоторых хороших друзей, с которыми всегда дружишь. И мы, конечно, встречались бы с людьми, которые на ступеньку выше нас по воспитанию и имеют больше опыта. И если туда попадешь и имеешь связи с такими людьми... тогда тебя самого поднимают на более высокую ступеньку...

Его религиозные убеждения носят слегка принудительный характер и проявляют более сильную потребность в наказании:

Я верю, именно так, как это написано в Библии, что есть Бог — мир не изменился и ему нужен был спаситель, и он был рожден, жил, умер, опять воскрес и однажды опять придет, а человек, который жил по своей христианской вере, будет жить вечно — а другие погибнут.

Очевидная ригидность совести проявляет, однако, сильные следы амбивалентности: что запрещено, может быть принято, если это не приводит к социальному конфликту. Слишком застывшее сверх-Я не только действительно не интегрировано, но и остается снаружи.

Нарушение супружеской верности, пока оно не раскрыто, нормально, если же оно обнаруживается, тогда это непорядок, но так как это делают очень многие уважаемые люди, то это, по всей видимости, нормально.

Практически идентично поверхностному сверх-Я, идеалу-Я, как это первоначально называлось у Фрейда, его понятие Бога, которое несет в себе все черты сильного, но «готового помочь» отца:

Ну, если смотреть глубже, то каждый имеет особые представления: может быть, он называет его Богом или нет, в любом случае это идеал, по которому они живут и на который они хотят быть похожими... Язычники и все другие люди имеют какой-то вид религии, в которую они верят, что она что-то для них делает, что она может им помочь.

Что сообщает этот опрошенный о своем детстве, подтверждает генетическое отношение между «авторитарным» синдромом и садомазохистским решением комплекса Эдипа:

Да, мой отец был очень строгим человеком. Он не был благочестив, но был строг в воспитании нас, детей. Его слово было законом, и если его не слушались, то следовало наказание. Когда мне было 12 лет, отец бил меня практически каждый день, потому что я брал инструменты из ящика и не клал их на место... Наконец он дал мне понять, что эти вещи стоят денег и я должен научиться убирать их на место...

(Он объяснил, что его каждый день били из-за его невнимательности, как заявил ему отец, и что он через несколько недель вообще не касался инструмента, так как «я вообще просто не мог все инструменты снова собрать»)... Но, знаете ли Вы, я никогда не обвинял моего отца в этом — я сам был виноват. Он давал свои распоряжения, и если я им не следовал, то я был наказан, но никогда в гнев. Мой отец был хорошим человеком — в этом нет сомнений. Он всегда интересовался тем, что мы делали... Мой отец был очень компанейским человеком. Он практически каждый день куда-то уходил из дома. Он всегда работал в каком-либо комитете — очень общительный человек, всем он нравился... Он о нас заботился. У нас всегда было все необходимое, но не было ненужной роскоши. Он не любил необычных вещей. Отец считал, что это роскошь, он считал их ненужными... Да, он был довольно строгим. *(К кому из родителей Вы были ближе?)* Я думаю, к моему отцу. Хотя он меня бил до полусмерти, я с ним обо всем мог поговорить... *(Опрошенный подчеркивает, что его отец был честен по отношению к каждому человеку и также и по отношению к нему.)*

Этот опрошенный был сломлен отцом, который слишком старался «подчинить его себе», и именно этот факт определяет его антисемитизм. Он, наряду с восхищением грубым насилием, обвиняет евреев в беспощадности в практической жизни.

Евреи, кажется, извлекают выгоду из современного положения. Теперь они собираются привозить этих евреев из Европы; они, кажется, держатся все вместе, и они могут, по-видимому, накапливать капитал. Они являются своеобразным народом — бессовестным, кроме денежных дел. (Опрошенный имеет в виду здесь, очевидно, бессовестность в денежных делах, хотя, наверное, и в других делах.) Если мешаешь им делать деньги, то будешь приперт к стене.

Здесь неизменность, с которой рассматриваются евреи, и которая выступает уже при «конвенциональном» синдроме, выражена почти абсолютно и исключительно с жадной мщеницей:

Для меня еврей такой же чужак, такого же сорта, как например, филиппинец. На них обращаешь внимание. Они празднуют свои все эти разные праздники, которые мне совершенно чужды, и которых они придерживаются... Они никогда не станут настоящими американцами... *(Как было бы, если бы против евреев было меньше предубеждений?)* Я не знаю, я ничего не могу поделать. Я думаю, евреи должны быть такими, какие они есть — они не могут измениться — нечто вроде инстинкта, который никогда не исчезнет. Они всегда останутся насквозь еврейскими. *(Что следовало бы предпринять?)* Они в состоянии захватить власть — ну, так мы должны их остановить... может быть, нужно было бы издать законы, которые бы им в этом помешали.

Также и здесь центральное место занимает авторитарная идея: евреи являются угрозой, узурпаторами «власти».

Следующая последняя характеристика авторитарного синдрома — психологический эквивалент способа мышления «никакого сострадания к бедным», который рассматривается в IV главе. «Авторитарный», отождествляющий себя с властью, одновременно отвергает все, что находится «внизу». Даже там, где социальные условия можно признать причиной бедственного положения какой-либо группы, он прибегает к трюку и фальсифицирует ситуацию, превращая ее в нечто заслуживающее наказания: это сопровождается моралистическими язвительными речами, знаками категоричного подавления собственных инстинктов.

Далее интервьюированный подчеркнул, что негры и белые должны быть разделены, чтобы они обязательно имели шансы и «чтобы не обходить проблему», как он выразился. Он указал на то, что среди негров распространены венерические болезни, что идет от низкой морали, и, когда

его спросили о других причинах, он это объяснил «неудовлетворительными условиями жизни» и попытался объяснить, что ему удалось с трудом, что же он имеет в виду. Условия приводят к недостаточной сдержанности и уважению частной сферы жизни — все они так стеснены — и «теряют чувство дистанции», которая должна быть между людьми» и т. д.

Настоятельное подчеркивание «дистанции», боязнь «близкого физического контакта» можно интерпретировать в смысле нашего тезиса, что при этом синдроме разделение между своей и чужой группой поглощает огромное количество духовной энергии. Для индивидов этого типа идентификация с семьей и в последующем со всей своей группой является необходимым механизмом, чтобы возложить на себя авторитарную дисциплину и избежать искушения из-за «выброса гнева», который из-за присущей им амбивалентности постоянно находит у них новую нишу.

4. Бунтовщик и психопат

Решение эдипова комплекса, характерное для «авторитарного синдрома» не является единственным, что благоприятствует структуре характера *H*. Вместо того чтобы идентифицировать себя с отцовским авторитетом, индивид может «взбунтоваться» против него. В определенных случаях тогда исчезают садомазохистские тенденции. Однако так же возможен бунт, при котором авторитарная структура в основном остается не затронутой.¹⁵ Так, например, ненавистный отцовский авторитет может быть устранен уже тем, что его место занял другой; этот процесс облегчается благодаря «поверхностной» структуре сверх-Я, которая свойственна всем предубежденным. Или мазохистский перенос на авторитет удерживается в области бессознательного, а оппозиция имеет место на демонстративном уровне. Это может привести к иррациональной и слепой ненависти против «любого» авторитета, смешанной с сильными деструктивными акцентами, спаренной с тайной готовностью к «капитуляции» и способной объединиться с ненавистными «более сильными личностями». Эту реакцию сложно отличить от настоящей неавторитарной; по причине чисто психологических критериев дифференциация почти невозможна. Здесь, как и в других случаях, важно только социальное и политическое поведение, по которому определяется, действительно ли человек независим или его зависимость заменена на негативный перенос.

У типа, который мы называем «бунтовщиком», негативный перенос зависимости связан со стремлением, по-псевдореволюционному выступать против тех, которые в его глазах являются слабыми. Большую роль играл этот синдром в национал-социалистической Германии: Рэм, который в своей автобиографии назвал себя «государственным преступником и предателем», является отличным примером этого. Здесь мы также встречаем

«кондотьера», которого мы включаем сюда в соответствии с типологией, разработанной Институтом социальных исследований в 1939 году, и который был описан следующим образом:

Этот тип появился в связи с растущей неуверенностью в послевоенные годы. Он убежден, что главное — это не жизнь, а шанс. Он нигилист, но не из-за деструктивного стремления к разрушению, а потому, что жизнь отдельного человека ему безразлична. Масса современных безработных — один из источников, из которых выходит данный тип. Он отличается от прежних безработных тем, что его контакт с областью производства, если он вообще существует, является спорадическим. Такие безработные индивиды уже не могут рассчитывать на то, что рынок работы будет регулярно давать им работу. С молодых лет они старались работать там, где можно было бы что-то получить. Они склонны к тому, чтобы ненавидеть евреев, потому что те, по их мнению, слишком осторожны и слабы физически. С другой стороны, будучи безработными и лишенными экономических корней, они необычайно восприимчивы к любой пропаганде и поэтому готовы следовать за любым фюрером. Другой источник — на противоположном полюсе общества: это группа опасных профессий, авантюристы в колониях, гонщики, летчики-асы. Они являются прирожденными предводителями, вождями для первой группы. Их идеал, по существу, героический, который более чувствителен по отношению к «разлагающему» критическому интеллекту евреев. Более того, они сами в глубине сердца не убеждены в этом идеале, который они воздвигли лишь для того, чтобы рационализировать свой опасный образ жизни.¹⁶

К характерным симптомам этого синдрома относится прежде всего склонность к «терпимым» эксцессам: от незнающего меры пьянства и неприкрытой гомосексуальности, которая выдается за восхищение молодостью, до готовности к насильственным актам вроде пугча. Интервьюируемые данного типа менее застенчивы, чем ортодоксальные «авторитеты».

Крайним представителем данного синдрома является «хулиган», по терминологии психиатрии «психопат». Его сверх-Я кажется совершенно нежизнеспособным в результате последствий эдипова комплекса. Он его разрешает посредством регрессии omnipотенциальных фантазий раннего детства. Среди всех испытуемых лиц — эти являются самыми «инфантильными»; их развитие полностью потерпело крах, цивилизация не смогла их сформировать ни в малейшей степени. Они асоциальны. Незамаскированно, безрассудно проявляются и разрушительные инстинкты. Физическая сила и крепкое здоровье, а также способность переносить трудности являются преобладающими факторами. Расплывчата разграничительная линия с преступниками. Их желание мучить направлено грубо и садистски на каждую беспомощную жертву: это желание неспецифично и почти не несет следов «предрассудка». Здесь мы встречаем бродяг и задира, уличных хулиганов и палачей, и всех тех, «кто разделяет грязную работу» фашистского движения.

В своем подробном исследовании случая «Беспричинный бунтовщик»¹⁷ Роберт М. Линднер предлагает динамическую интерпретацию «хулигана», в которой он дает определение родства этого типа с «бунтовщиком» и с «авторитарным». Линднер говорит:

Психопат — это не только преступник, он врожденный фашист. Он — лишенный наследства, обманутый противник.. агрессивность которого может быть мобилизована в тот момент, когда ему предлагает хорошо нацеленный и призывающий к фрустрации лозунг тот фюрер, под мишурной вывеской которого законом становится разнузданность: скрытые и примитивные желания становятся дешево приобретенным добродетельным честолюбием, а рассматриваемые всегда как заслуживающие наказания инстинктивные реакции становятся на повестку дня.

Психопат описывается как «бунтовщик», как религиозный фанатик, нарушающий господствующие нормы и законы, главный признак которого — нежелание ждать, и который не в состоянии отложить наслаждение удовлетворением. Его неспособность дает возможность сделать вывод, что несмотря на сдерживаемую «потребность что-то значить», наряду с неудавшимся образованием сверх-Я, не состоялось также и становление Я. О мазохистском компоненте мы процитируем еще раз Линднера:

То, что психопата мучает чувство вины и что он в прямом смысле слова ищет наказание, автор наблюдал бесчисленное количество раз. Это необычное обстоятельство лучше всего объясняется ситуацией с Эдипом. Так как ему отрезан путь к удовлетворительной постэдиповой адаптации и его непрерывно преследуют фантазии об инице и отцеубийстве, он может уменьшить чувство возрастающей вины только через наказание. «Я согрешил против отца и должен быть “наказан”», это — невысказанный мотив психопатического поведения, и по этой причине психопаты часто совершают преступления, которые никогда не мотивируются желанием обогащения. Они женятся на проститутках или, если речь идет о женщинах, продают свои прелести в попытке наказать себя. Что такие действия являются видом «невротической прибыли», также нужно принять во внимание. Тот факт, что наказания ищут, получают и на него дается согласие, это еще не все: они получают через наказание непосредственно нарциссическую «прибыль» в качестве суррогата первоначального желания. Все это, конечно, происходит в подсознании и не может быть прямо доказано, но всегда может быть воспринято.

Среди подопытных из Сан-Квентина есть примеры бунтаря-психопата. В первую очередь мы имеем в виду *M658*, психопата Флойда, и *M662A*, хулигана Юджина, которые подробно описаны в последующей главе¹⁸. Если там черты, которые мы здесь исследуем, проявляются не так отчетливо, то следует напомнить, что в исследовании случая из Сан-Квентина нас

интересовали не столько психологические подгруппы среди *H* и *N*, сколько наши общие переменные. Кроме того, необходимо учитывать ситуацию заключенного; она не дает проявиться решающим чертам психопата. В конце концов он не психопатичен, а ведет себя в определенном смысле весьма «реалистично».

Более того, он, «который живет моментом» и которому не хватает идентичности Я, способен успешно приспособливаться к данной ситуации: в интервью он не будет проявлять непосредственно поведение, которое выявило бы его «хулиганство». Более того, об этом можно сделать вывод по косвенным, главным образом, определенным языковым привычкам, как например, из многократно повторяемого упоминания физической силы. Два интервью из Сан-Квентина следует читать с учетом таких показателей. Нельзя сомневаться в том, что синдром «хулигана» очень широко распространен, особенно на периферии общества, и что он имеет большое значение для чрезвычайно зловещего аспекта фашистского потенциала.

5. «Фантазер»

«Авторитарный» синдром можно определить как фрустрацию в широком смысле слова, поскольку интросекция отеческого дисциплинирования означает постоянное подавление Оно. Но, как кажется, имеется структура, при которой фрустрация выполняет совершенно специфическую функцию. Она встречается у лиц, которым не удалось приспособиться к своему окружению, освоить «принцип реальности» и которые, так сказать, не в состоянии компенсировать удовлетворение отказом. Их внутренняя жизнь определяется неудачами из-за собственной несостоятельности, которые возложило на них окружение в детстве и в последующей жизни. Эти люди были загнаны в изоляцию. Они вынуждены создать свой внутренний, часто граничащий с манией, иллюзорный мир, который они эмфатически противопоставляют реальности. Они могут существовать только, если сами себя возвышают и страстно отвергают внешний мир. Их «душа» становится их драгоценнейшим достоянием. Одновременно, они очень проецивны и недоверчивы. Нельзя не заметить родство с психозом; они параноидны. Для них жизненно важен предрассудок: он их средство избежать острой формы психического заболевания посредством коллективизации. С его помощью они конструируют псевдореальность, против которой они могут направить свою агрессивность, не нарушая открыто «принцип реальности». Стереотипность имеет решающее значение: она выполняет функцию, так сказать, социального подтверждения ее проективных формул и поэтому институционализована в такой степени, которая часто приближается к религиозной вере. Этот синдром встречается у женщин и пожилых мужчин, изоляция которых из-за их исключения из процесса продуктивного хозяйствования усиливается еще в большей

степени. Сюда относятся лица, входящие в организацию вдов военных и, даже во времена затихающей расовой пропаганды, неутомимые сторонники агитаторов. Выражение «фанатичные приверженцы», которым часто злоупотребляют, имеет здесь определенное оправдание: обязательность этих людей достигла стадии фанатизма. Чтобы взаимно подтверждать друг перед другом свою псевдореальность, они объединяются в секты, которые часто пропагандируют (в соответствии со своим проективным понятием вечно вредного жида, который разрушает чистоту естества) что-то из «природы» в качестве универсального средства. Идеи конспирации играют при этом большую роль: они, не колеблясь, обвиняют евреев в стремлении к мировому господству и свято верят в существование сионских мудрецов. Незавершенное образование, магическая вера в естественные науки, которая делает их идеальными сторонниками расовых теорий. — все это является характерными социальными признаками. Их едва ли можно найти выше определенного уровня образования, а также среди рабочих. *F124*

— это женщина, лет пятидесяти, высокая, крепкого телосложения, с резкими чертами лица, серо-голубыми глазами навыкате, острым носом, тонкими прямыми губами. Ее поведение должно производить впечатление.

В этом стремлении произвести впечатление лежат патологические чувства внутреннего превосходства, как будто она принадлежит к тайному ордену, но окружена людьми, чьи имена она не хочет называть, так как из этого можно сделать слишком вульгарные и рискованные выводы и они могли бы быть распространены далес:

Ее коллеги ей безразличны. Некоторые из них имеют всевозможные академические титулы, но у них отсутствует здравый смысл. Имена она не хотела бы называть, но она все-таки хочет рассказать, что там происходит. Многие целый день ничего другого не делают, как только болтают друг с другом. Она не может заставить себя сказать своим коллегам больше чем пару слов. Она говорит о них только с презрением, чувствует себя благородной, что превосходит их... Они ее вообще не знают — действительно не знают — этим она хочет намекнуть на то, что она нечто совершенно особенное, что она могла бы показать им свой талант, но не хочет.

Ей важен ее внутренний ранг и, насколько возможно, внешний статус, выражающийся в чрезмерном подчеркивании «связей», знакомств, из чего можно заключить о наличии мании связей.

Она была гувернанткой у президента X и у сыновей президента Y, сначала у старшего, потом у младшего. С миссис Y она говорила по телефону, когда та была как раз в Белом доме и когда родился 3-й ребенок.

Ее сестра работала у С, который впоследствии был губернатором штата на юго-западе.

Для ее «внутреннего» псевдомира, ее полуобразования и псевдонинтелигентности характерно следующее высказывание:

Она очень много читает — только «хорошие книги», посещала в своем родном городе в Техасе до седьмого класса школу. Она рисует и пишет, училась играть на инструменте. Но картину, которую нарисовала в школе, никому не показывала. Она изобразила две горы, между ними солнце, освещающее долину, в которой как раз поднимался туман. Это так ей «пришло», хотя она этому никогда не училась. Это было действительно красиво. Она пишет также рассказы. Когда умер ее муж, она начала писать, вместо того чтобы, как это делают другие женщины, бегать за мужчинами. Одна из ее историй была фантазией о Мэри Пикфорд. Это была бы как раз роль для нее, но, конечно, она никогда никому ее не показывала. Она назвала ее «Маленькая Мей и О' Джун»; ей это пришло в голову во время пикника со своими детьми. Любовная история о маленькой Мэй (девочке) и О' Джун (мальчике). По ее словам, ее дочь также очень одаренная. Один художник... который рисовал техасский василек — «государственный символ», вы знаете, видел работу ее дочери и сказал: «Это у Вас маленький гений». Он хотел давать дочери уроки, но та от них отказалась и сказала: «Нет, мама, он испортит мой стиль; я знаю, что я должна рисовать, что я хочу рисовать».

В расовых вопросах ее ненависть проявляет параноидную тенденцию, которую не остановить — в принципе она проявляет желание осуждать каждую группу, которая приходит ей в голову, и лишь, колеблясь, она ограничивается своими предпочтительными врагами.

Она считает, что «япошки, евреи и негры должны исчезнуть, уйти туда, откуда пришли»... «Конечно, итальянцы также должны возвратиться туда, где их родина, в Италию, но, в конце концов, есть три главные группы, которым здесь не место, это — япошки, евреи и негры».

Ее антисемитизм несет явные черты проекции, фальшивой мистификации «крови» и сексуальной зависти. Следующий пассаж откровенно проявляет ее установку:

«Евреи чувствуют свое превосходство по отношению к не евреям. Они не хотят запятнать свою кровь, смешиваясь с не евреями. Они хотят нас обескровить в финансовом отношении и использовать наших женщин в качестве любовниц, но жениться на них они не будут. А своих собственных женщин они хотят оставить девственницами. Семья Y много общалась с евреями. Я не знаю, было ли это из-за денег или и за еще чего-то. Поэтому во второй раз я не стала выбирать Y. Я видела слишком много жирных евреек и евреев с крючковатыми носами в их доме. Конечно, я также слышала,

что мать президента Рузвельта также была еврейского происхождения». Она ушла из семьи В, так как они были евреями. У них был дом как дворец, им хотелось, чтобы я осталась. Они говорили: «Мы знали, что это было бы слишком хорошо, чтобы осуществиться»... когда она ушла.

Бросается в глаза сходство взглядов этой испытуемой с определенными сумасшедшими религиозными движениями, которые основываются на желании услышать «внутренние голоса», дающие и моральное подтверждение, и мрачные советы.

Католики относились к ней превосходно, и она ими восхищалась, но в их церковь она не пошла бы. Что-то в ней говорит «нет». (*Отказ она выражает жестами.*) У нее индивидуальная религия. Однажды, когда она гуляла ранним утром и подняла руки и лицо к небу, они стали мокрыми... (*Это она рассматривает как сверхъестественное событие.*)

6. «Манипулятивный тип»

Потенциально самый опасный синдром «манипулятивного» характеризует экстремальная стереотипия; застывшие понятия становятся вместо средств целью, и весь мир поделен на пустые, схематичные, административные поля. Почти полностью отсутствуют катексис объекта и эмоциональные связи. Если синдром «фантазера» имеет что-то от паранойи, то синдром «манипулятивного» — от шизофрении. Однако в этом случае результатом разрыва между внутренним и внешним миром является не обычная «интроверсия», а скорее, наоборот, вид насильственного сверхреализма, который рассматривает всё и каждого как объект, которым нужно владеть, манипулировать и который нужно понять соответственно своим собственным теоретическим и практическим шаблонам. Всё техническое, все предметы, которые могут быть использованы в качестве «орудий», нагружены либидо. Главное, чтобы «что-то делалось», а побочным является, что делается. Бесчисленные примеры этой структуры находятся среди деловых людей, и во все увеличивающемся количестве также среди стремящихся вверх менеджеров и технологов, которые занимают срединное положение между старым типом делового человека и типом рабочего-аристократа. В качестве символа для многих представителей этого синдрома среди антисемитских-фашистских политиков может служить Гиммлер. Трезвый ум и почти полное отсутствие аффектов делают их теми, кто не знает пощады. Так как они всё видят глазами организатора, то они предрасположены к тотальным решениям. Их цель — скорее конструирование газовых камер, чем погром. Им не обязательно ненавидеть евреев, они расправляются со своими жертвами административным путем, не входя с ними лично в контакт. Их антисемитизм опредмечен, это — продукт на экспорт: он должен «работать». Их цинизм почти завершен:

«Еврейский вопрос решается строго легальным образом», — гласит версия беспощадного погрома. Евреи их раздражают, так как их мнимый индивидуализм бросает вызов их стереотипам, и они чувствуют у евреев невротическое подчеркивание как раз человеческих отношений, которых у них самих нет. Противопоставление своей и чужой групп становится принципом, по которому они абстрактно делят весь мир. В Америке этот синдром, само собой разумеется, представлен только в рудиментарной стадии.

Для психологического объяснения данного типа у нас недостаточно материала. Однако необходимо иметь в виду, что насильственность — психологический эквивалент того, что общественная теория называет опредмечиванием. Насильственные черты и садизм молодого человека, которого мы выбрали в качестве примера «манипулятивного» типа, нельзя не заметить. Он почти соответствует классическому понятию Фрейда об «анальном» характере и напоминает в этом отношении «авторитарный» синдром, но отличается от него смещением экстремального нарциссизма с некоей пустотой и поверхностностью. Это противоречит одно другому только на первый взгляд, так как все, что образует эмоциональное и интеллектуальное богатство человека, зависит от интенсивности его объектных замещений. Примечателен в нашем случае интерес к сексуальному, который почти доходит до одержимости, от которой, однако, отстал действительный опыт. Представьте себе очень стеснительного молодого человека, обеспокоенного мастурбацией, который собирает насекомых, в то время как другие юноши играют в баскетбол. В его прегенитальной фазе, наверняка, были раньше глубокие душевные травмы. *M108*:

он хочет изучать средства борьбы с насекомыми и хотел бы работать в крупной фирме, вроде «Стандард Ойл» или в университете, но, вероятно, не на частном предприятии. В колледже он начал изучать химию, но в третьем семестре спросил себя, подходит ли это ему. В институте он интересовался учением о насекомых, а потом встретил в одной студенческой организации товарища, который также изучал энтомологию, с ним он беседовал о возможностях соединить химию и энтомологию. Молодой человек считал, что это очень хорошая область работы и здесь нужно вести дальнейшие исследования. Затем он установил, что токсикология насекомых охватывала все его интересы, что предмет не был так перенасыщен, что предоставлялись хорошие возможности для заработка, и что не было такого большого наплыва желающих, как в химии и в технических дисциплинах.

Выбор профессии этим человеком, рассматриваемый сам по себе, может показаться случайным, но в контексте всего интервью он, однако, получает некоторое значение. Как установил Лёвенталь, фашистские ораторы имели обыкновение сравнивать своих врагов с «вредными насекомыми»¹⁹. Возможно, насекомые, которые одновременно «отворачи-

тельны» и слабы, вызывают интерес этого молодого человека к энтомологии, так как он видит в них идеальный объект для своих желаний к манипуляциям²⁰.

Он сам подчеркивает манипулятивный аспект выбора своей профессии:

На вопрос, что он еще ожидает от своей профессии помимо финансовой стороны, он сказал, что надеется участвовать в организации данной работы вообще. всей отрасли науки в целом. Нет никакого учебника, информация нигде не обобщена, и он надеется внести свой вклад в собирание материала.

Ему настолько важно, чтобы «что-то делалось», что он, хотя и с деструктивными нотками, хвалит личности, к которым он в другом случае испытывал бы отвращение. Сюда относится его высказывание о Рузвельте, которое частично было приведено в главе IV.

Когда его спросили о хороших сторонах Рузвельта, он сказал: «Ну, во время первого периода своей деятельности он у нас сначала навел порядок. Некоторые люди, правда, говорят, что он лишь провел в жизнь идеи Гувера. Он действительно сделал хорошую работу, которая была крайне необходима. Он забрал себе власть, которая была необходима, если он хотел что-то осуществить. он захватил больше власти, чем многие другие». На вопрос, была ли политика Рузвельта хорошей или плохой, он ответил: «Во всяком случае что-то было сделано».

Точно так, как национал-социалистический теоретик Карл Шмитт определил суть политики, его политические представления определены отношением друг-враг. Манья организывать, связанная с идефиксом желания господствовать над природой, кажется безграничной:

Всегда будут войны. *(Можно ли вообще избежать войны?)* Нет. Не общие цели, а общие враги объединяют друзей. Может быть, если будут открыты новые планы и туда можно будет поехать и там обосноваться, тогда можно было бы на некоторое время избежать войн, но на земле всегда будут войны.

По-настоящему тоталитарные и деструктивные импликации этого мышления друг-враг проявляются в его замечаниях о неграх:

(Что Вы можете сделать для негров?) Ничего. Это два мира. Я не за смешение рас, так как это создало бы неполноценную расу. Негры не достигли необходимой стадии развития, как и кавказцы. Их жизнь — это имитация других рас. *(Он за разделение рас, но это невозможно.)* Нет, если не хочешь применять методы Гитлера. Имеются только две возможности справиться с этой проблемой — методы Гитлера или смешение рас. *(Смешение рас — это единственный ответ, и это уже имеет место,*

насколько он об этом читал. Но он против этого.) Это не очень хорошо для рас.

Логика, подобная этой, допускает только один вывод: негры должны быть уничтожены. Будущих объектов своих манипуляций он рассматривает совершенно без эмоций и безучастно. Его антисемизм виден отчетливо, он даже не утверждает, что

евреев можно узнать по внешности: они точно такие же как и все другие.

Его манипулятивное и патологически безразличное отношение проявляется еще и в отношении смешанных браков:

Он сказал, что если бы он жил в Германии или Англии как американский предприниматель, то женился бы в первую очередь на американке, и только если бы это было невозможно, то на немке или англичанке.

Люди с «темной кожей», такие, как греки и евреи, не имеют никаких шансов работать в его опытной лаборатории. Он хотя и ничего не имеет против своего испанского деверя, однако свое одобрение им выражает фразой, что «его нельзя отличить от белого».

Церковь он признает с манипулятивным намерением:

Ну вот, люди хотят церковь; она имеет смысл, для некоторых людей она устанавливает правила, для других опять в ней нет необходимости. Общее социальное чувство долга сделало бы то же самое.

Его личные метафизические взгляды натуралистичны, с сильным нигилистическим уклоном:

Свою собственную веру он называет механической — нет сверхъестественного существа, которое занималось бы нами, людьми; все восходит к физическим законам. Люди и вся жизнь — только случайность, но неизбежная случайность.

Затем он попытался объяснить, что в начале мира возникла какая-то материя (и это произошло почти случайно), что началась жизнь и что она продолжалась.

О его эмоциональной структуре:

Его мать — «просто мама». К своему отцу и к его убеждениям, кажется, у него есть некоторое уважение, но он не чувствует ни к кому настоящей симпатии. В детстве у него была масса друзей, но конкретно он не мог назвать ни одного близкого друга. Ребенком он много читал. Он не дрался много, не больше, чем другие мальчики. В настоящее время у него нет ни

одного близкого друга. Самые лучшие друзья у него были, когда он учился в 10 и 11 классах, с некоторыми из них связь сохранилась до сих пор. *(Насколько важны друзья?)* Да, в молодые годы они особенно важны, но и в последующие годы жизнь без друзей не доставляет настоящей радости. Я не жду от моих друзей, что они придут и помогут мне продвинуться. *(В этом возрасте действительно они не очень нужны, но в возрасте опрашиваемого это было бы, вероятно, очень важно иметь друзей.)*

Следует также упомянуть, что лояльность является единственным моральным свойством, которое в его глазах имеет большее значение: может быть, она должна компенсировать его эмоциональную бедность. Лояльность означает для него, вероятно, полную и безусловную идентификацию человека с группой, к которой он принадлежит случайно, полное слияние со своей группой и отказ от всех индивидуальных особенностей для блага «целого». Еврейских беженцев М108 упрекает в том, что они не были «лояльны по отношению к Германии».

С. Синдромы свободных от предрассудков

Следующие схематичные наблюдения должны служить ориентиром среди синдромов *N*. Закостенелого *N* характеризуют сильные тенденции сверх-Я и насильственные черты. Отцовский авторитет и его общественные заместители однако часто вытесняются какой-либо коллективной картиной, которая, по-видимому, приняла архаическую форму братской орды Фрейда. Поступки против действительной или мнимой братской любви находятся под строгим табу. Протестующий *N* имеет много общего с «авторитарным» *N*; самым важным отличием является далеко идущая сублимация идей отца, которая, сопровождаемая скрытой враждой против него, ведет «протестующего» к сознательному отказу от гетерономного авторитета вместо его признания. Решающим признаком является оппозиция против всего, что вызывает впечатление тирании. Под импульсивным *N* понимаются лица, у которых сильные импульсы Оно никогда не интегрировались с Я и сверх-Я. Находясь в постоянной опасности, что их либидная энергия их одолеет, они по-своему так близки к психозу, как и «фантазеры» или «манипулятивные» *N*. У непринужденных Оно, кажется, мало подавлено, а скорее сублимировано до сочувствия. Сверх-Я развито очень хорошо, но, наоборот, отстают направленные вовне функции в остальном выраженном Я. Эти опрашиваемые иногда почти невротически нерешительны. Боязнь «обидеть кого-то или что-то» является одной из их главных черт. Тип естественного либерала можно понимать как то, что Фрейд считал идеальным равновесием между сверх-Я, Я и Оно.

В нашем примере широко представлены «протестующие» и «непринужденные». Однако, так как *N*, как мы еще раз подчеркиваем, в общем меньше «типизирован», чем *H*, мы будем избегать обобщений.

1. «Закостенелый» свободный от предрассудков

Мы начинаем с синдрома *N*, который имеет больше всего общего с общей структурой *H*, и подключаем дальнейшие синдромы в соответствии с их более солидным и длительным «отсутствием предрассудков». Синдром, который первым привлекает наше внимание, бросается в глаза из-за чрезвычайно стереотипных черт, т.е. из-за структуры, при которой отсутствие предрассудка базируется не на конкретном опыте, и которая интегрирована не в структуре характера, а выводится из общих внешних идеологических форм. Сюда относятся опрашиваемые, чья свобода от предрассудков, какой консистенции она ни была бы в качестве поверхностной идеологии, по отношению к структуре характера должна считаться случайной. Однако мы встречаем также лиц, ригидность которых имеет едва ли меньше отношения к структуре их характера, как это имеет место у определенных синдромов *H*. Последний тип *N*, без сомнения, склоняется в своем отношении к тоталитаризму; но случайностью является до некоторой степени специальный вид идеологической формулы жизни, с которой он соприкасается. Нам встретилось несколько опрашиваемых, которые долгое время отождествляли себя с прогрессивным движением, таким как, борьба за права меньшинств, лиц, у которых такие идеи имеют насильственные черты, даже параноидные, маниакальные представления, и которые в отношении некоторых наших переменных показывали особенно ригидность и «тоталитаризм» мышления. Их почти невозможно было отличить от некоторых экстремальных *H*. Всех представителей данного синдрома можно в одном или другом отношении рассматривать как противоположный тип синдрому *H*, «поверхностный рессентимент» (тайная вражда). Момент случайности в их мировоззрении делает их предрасположенными в критической ситуации к «перемене фронта», как это наблюдалось при национал-социалистическом режиме у определенных радикалов. Часто их можно распознать по отсутствию интереса к вопросам меньшинств как таковых, так как их сопротивление направляется против предрассудка как основы в фашистской программе; однако иногда, они видят только проблемы меньшинств. Клише и фразы они применяют едва ли в меньшей степени, чем их политический противник. Некоторые склоняются к тому, чтобы недооценивать проблему расовой дискриминации, просто объявляя ее побочным явлением классовой борьбы, из чего можно было бы сделать вывод о наличии у них самих подавленных предрассудков. Представителей данного синдрома можно найти, например, среди молодых «прогрессивных» людей, особенно студентов, личное развитие которых не шло в ногу с принятой ими идеологией. Лучше всего этот синдром можно распознать по склонности выводить точку зрения на вопрос меньшинств из общих формул, вместо того чтобы ее выражать спонтанно. Часто приводятся также ценностные суждения, которые не могут

F139 — учитель теологии.

Последние 10 лет она считает себя очень прогрессивной, хотя для чтения у нее очень мало времени. Ее муж достаточно читает и постоянно информирует ее и держит в курсе дел, вступая с ней в дискуссии. «Среди всех государственных мужей я выше всего ценю Литвинова. Я считаю, что он произнес самую драматическую речь нашего времени, когда на Женевской конференции требовал коллективной безопасности. Мы были очень рады, что наконец-то рассеялся туман незнания и недоверия, который окружал Советский Союз во время войны. Конечно, еще не все выяснено. В нашей собственной стране есть много фашистов, которые боролись бы против России, если бы могли».

Ее пустые слова, полные энтузиазма в адрес Литвинова, уже упоминались в главе IV, в которой исследовалось стереотипное политическое мышление. То же самое, кажется, действительно и для ее утверждения, что она интернационалистка. Следующий ее риторический вопрос: «Разве я не истинная христианка?», типичен для дедуктивного мышления закоренелого *N*. Как к вопросам меньшинств, так, кажется, она подходит и ко всем другим проблемам.

Она считает, что все люди равны, и здесь она тоже думает, что это единственно возможная точка зрения для истинного христианина

В отношении несколько общей фразы «все люди равны» следует заметить, что кто свободен от стереотипности, тот скорее признал бы различия и судил бы о них позитивно. Возможно, она считает их «равными в глазах Бога» и выводит свою терпимость из этого распространенного мнения.

Насколько поверхностна ее прогрессивность, показало ее весьма агрессивное отношение к алкоголизму²¹, который она называет одной из своих самых любимых тем и имеющий для нее почти то же значение, что и определенные параноидные идеи «фантазера» среди *H*. В этой связи стоит вспомнить, что тесная связь между прогибационизмом (сухим законом) и предубежденным мышлением была доказана Альфредом Мак Ли. Действительно, у нас много доказательств того, что эта закоренелая *N* имеет нечто большее, чем налет ментальности *H*. Например, она считает свой статус весьма высоким, как это видно из одного замечания о ее дочери:

Я также очень озабочена по поводу ее школы (*называет школу*). Приток людей с более низким образованием и уровнем, чем наш, конечно, повлиял также и на школу.

Она также лелеет деструктивные фантазии, которые слегка вуалирует моральными рассуждениями:

Также и с курением, хотя я в действительности этим не очень обеспокоена. Никто из наших двух семей никогда не курил и не пил. за одним исключением. Сестра моего мужа курила. Сейчас она умерла.

Она рационализирует свою потребность наказания:

Если бы я завтра могла бы ввести сухой закон, я бы это сделала. Я считаю, нужно запретить все, что не делает человека лучше, что делает его хуже. Многие люди говорят, что если что-то запрещают, люди делают это тайно. Но, посмотрите, как обстоят дела с убийством, воровством и наркотиками? Это все запрещено, однако некоторые люди идут на преступление, и мы не думаем о том, чтобы отменить запрет.

И в конце опроса появляется официальный оптимизм, характерная реакция против скрытого деструктивизма:

Если бы не существовали всегда вера и надежда на то, что все идет вперед, тогда наша христианская вера ничего не значила бы, не правда ли?

При изменившихся условиях, по-видимому, она будет готова присоединиться к субверсивному движению, пока она считает себя «христианкой» и «прогрессивно мыслящей».

2. «Протестующий» свободный от предрассудка²²

Этот синдром в некотором отношении противоположен «авторитарному» *N*. Его причины более психического характера, чем рационального, он восходит к специфическому разрешению эдипова комплекса, которое оставляет в соответствующем индивиде неизгладимые впечатления. Они противятся отцовскому авторитету, однако одновременно глубоко запечатались в себе образ отца. Можно сказать, что у них так сильно сверх-Я, что оно обращается против собственного «образа», отца и всех других внешних авторитетов. Они руководствуются полностью своей совестью, являющейся, вероятно, во многих случаях секуляризацией религиозного авторитета, которая, однако, полностью автономна и не зависима от внешних законов. Они «протестуют» из-за чисто моральных причин против социального гнета или, по крайней мере, против его некоторых экстремальных манифестаций, таких как расовые предрассудки.²²

Большинство «невротических» *N*, которые доминируют в нашем примере, проявляют синдром протеста. Они большей частью робки, сдержанны и неуверены, мучают себя всякими выдуманскими сомнениями и угрызениями совести. Иногда в них развиваются некоторые насильственные черты, и их реакция на предрассудок оставляет к тому же впечатление, как будто она им навязана несгибаемым сверх-Я. Часто они

чувствуют себя виноватыми и рассматривают априори евреев как «жертву», как специфически иных, чем они сами. В их симпатиях и идентификациях может присутствовать момент стереотипии. Они руководствуются желанием исправить несправедливость по отношению меньшинства; одновременно их пленяют действительные или воображаемые способности евреев, которые кажутся им родственными по желанию «отгородиться» от реальности. Хотя они думают не авторитарно, они часто чрезмерно напряжены и поэтому не способны действовать так энергично, как диктует им совесть. Они так «стеснительны» или даже психически «парализованы», будто им хорошо удалось осознать свою совесть. Их вечное чувство вины заставляет верить, что каждый «виновен» Ненависть дискриминацию. Иногда они едва ли в состоянии выступить против нее. С точки зрения социологии, они, как кажется, в большинстве являются выходцами из среднего сословия, но их групповую принадлежность едва ли можно определить точно. Тем не менее, наш материал разрешает утверждать, что этот синдром встречается у людей, которые пережили трудные семейные конфликты, как например, развод родителей.

F127 чрезвычайно красива, конвенциональный тип «кампус гёл» [девушка из университета] Она очень хрупка, блондинка, со светлой кожей и голубыми глазами, носит изящный пуловер «слоппи Джо», блузку, показывающую ее хорошие вкусы, короткую юбку и носочки бобби. На ней значок студенческого союза. Она очень приветлива и заинтересована, кажется, что разговор с ней доставляет ей радость, однако пока ингервью не продвинулось далеко, она сообщает о себе лишь скудные сведения. Потом вдруг она решила сообщить важный факт для ее теперешней жизни — развод родителей, о котором она обычно умалчивает, и с этого момента она, очевидно, уже свободно говорит о своих чувствах.

Она проявляет характерную для невротиков склонность быть занятой только собой, что является проявлением слабости. У нее нечто вроде магической веры в психологию, и она ожидает, по всей видимости, что психологи знают о ней больше, чем она сама:

Больше всего она хотела бы стать психиатром. (*Почему?*) Так как психиатры больше знают о людях. Каждый рассказывает мне о своих заботах. Я ничего не знаю, что принесло бы в большей степени удовлетворение, чем возможность помогать людям в решении их проблем. Но у меня не хватает ума и терпения, чтобы стать психиатром. Это только так, идея

По отношению к отцу она настроена враждебно:

Отец адвокат. Сейчас он в армии и где-то в Тихом океане является командиром негритянского батальона (*Что он думает об этом?*) Я вообще не знаю, что он думает

Ее позиция в общественных вопросах является смесью конформистской «корректности», подчеркнуто и открыто высказываемой потребности удовольствия, выраженной почти так, как будто ее совесть приказывает ей развлекаться и склоняет замыкаться в себе. Ее безразличие по отношению к ее «статусу», хотя, возможно, и не совсем искреннее, удивительно:

(Особые интересы?) О, все, что нравится, а также и серьезные вещи. Я люблю читать и дискутировать. Люблю встречаться с умными людьми. Но я не выношу тех, кто пристает. Я люблю танцевать, хорошо одеваться, выхожу в общество. В спорте мои успехи не особенно хороши, но я занимаюсь им. Я играю в теннис и плаваю. Я — член студенческого общества, у нас много дел из-за войны, например, уход за солдатами. *(Она называет общество)* *(У него ведь хорошее название, не так ли?)* Да, так говорят. Но я не верю, что оно представляет собой нечто особенное.

Следы страха и чувства справедливости характеризуют ее размышления по социальным вопросам:

(Что Вы думаете о бедности?) Я не люблю об этом говорить. Я думаю, что ее не должно быть. *(Кто виноват в этом?)* О, я не думаю, что бедные люди сами в этом виноваты. Я не знаю, но следовало бы подумать, какой найти путь, чтобы у каждого всего было достаточно.

Благодаря чувству страха она лучше осознает потенциальный фашизм, чем большинство других N:

Это было бы ужасно, если бы у нас был фашизм. Конечно, фашисты есть. И они хотели бы, чтобы у нас было то же самое. Многим еврейским парням трудно — в армии и на медицинском факультете. Это несправедливо. *(Почему такая дискриминация?)* Я не знаю, наверное, сказывается влияние нацистов. Нет, это имеет более ранние причины. Я предполагаю, всегда существуют люди с такими представлениями, как у нацистов.

Ее возмущает прежде всего «нечестность». Необычно мнение, что всегда будут люди с представлениями, как у фашистов. Высокоразвитое чувство ответственности, по-видимому, делает ее более рассудительной в социальных вопросах, чем чисто интеллектуальное знание. С точки зрения психологии полное отсутствие предрассудков в ее случае становится лучше всего понятным как функция сверх-Я, так как эта девушка рассказывает об одном неприятном инциденте, который в других случаях привел бы к возникновению предрассудков: в возрасте 4-х лет она была похищена негром:

Он не сделал мне больно. Я думаю, я даже не испугалась.

К клинической подоплеке ее позиции относятся следующие данные:

Я опасаясь, что я очень похожа на отца, а это нехорошо. Он очень нетерпелив, властен и думает только о себе. Мы плохо ладили. Он предпочитал мою сестру, потому что она ему льстила. Но мы обе от него страдали. Когда я употребляла против сестры ругательства, как это обычно делают дети, когда спорят, он меня бил и сильно. Это всегда печалило мать. Поэтому она сама нас мало наказывала, так как всегда это делал отец, и большей частью ни за что. Меня часто били. Об этом я вспоминаю больше, чем о чем-то другом. (*Верите ли Вы, что Ваш отец и Ваша мать любили друг друга?*) Нет, может быть в начале. Но моя мать не могла переносить, что он с нами так обращался. Она развелась с ним. (*Она разволновалась и ее глаза при этих словах наполнились слезами. На замечание интервьюирующего, что она не указала на развод родителей, она ответила: «Я не намеревалась говорить это. Я почти никогда это не говорю».*)

Показатели сильной привязанности к матери могли бы объяснить невротические черты:

Я бы не хотела, чтобы моя мама когда-либо вновь вышла замуж. (*Почему?*) Я не знаю. Ей это не нужно. У нее могут быть друзья. Она очень привлекательна, и у нее много друзей, но я не смогла бы это выдержать, если бы она еще раз вышла замуж. (*Вы думаете, что она все-таки это сделала бы?*) Нет, нет, если я этого не хочу.

Кроме того, в сексуальном отношении есть затруднения, которые вероятно, основываются на переживаниях в связи с распавшимся браком родителей:

(*Друзья?*) О, я не придаю этому серьезного значения. и я также не хочу, чтобы они придавали этому серьезное значение. Конечно, я чуть-чуть флиртую, но не так, чтобы они думали, что меня легко завоевать. Я не люблю также парней, которые доступны.

Ее объяснение, что она не хочет связывать себя, так как боится обручения с военным, по-видимому, является рационализацией.

3. «Импульсивный» свободный от предрассудков

Случай «импульсивного» N описали Френкель-Брюнsvик и Сенфорд²⁴ следующим образом:

Самый замечательный патологический случай среди наших N показал структуру, которая в высшей степени отличалась от той, которую мы рассматривали как самую типичную для не имеющих предрассудков.

Девушка была явно одержима влечением. Ее Я было тесно связано с ее Оно, так что ей казалось, что эксцессы любого вида ей разрешены. Свою любовь к евреям она обосновывает почти теми же аргументами, которые приводят типы *H* в отношении своей ненависти.

Можно предположить, что этот случай — это синдром особого рода и в некотором отношении является противотипом психопатического *H*. Он проявляется у совершенно приспособившихся опрашиваемых лиц, у которых весьма сильное Оно, но которые относительно свободны от деструктивных импульсов: у людей, которые в результате их собственной либидиной склонности симпатизируют всему, что они считают угнетенным; которые далее так интенсивно реагируют на стимулы, что отношение собственная группа — чужая группа для них не имеет никакого значения. Наоборот, ее притягивает все, что «не такое» и что обещает новый вид удовлетворения. Поскольку они не лишены деструктивных моментов, то кажется, что последние направлены против собственной персоны, а не против других. Этот синдром простирается от либертинистов, через «одержимых» разного толка и лиц определенных асоциальных характеров, таких как проститутки и не применяющие грубую силу преступники, до некоторых психопатов. В этой связи также стоит упомянуть, что в Германии среди актеров было мало нацистов, так же как и среди артистов цирка и бродяг — людей, которых нацисты угоняли в концлагеря. Нелегко распознать более скрытые психические причины этого синдрома. Я и сверх-Я — оба кажутся ослабленными и делают этих лиц немного лабильными в политических вопросах, а также других областях. Наверняка, они не думают стереотипными понятиями, однако вызывает сомнение, в какой степени они вообще способны образовывать понятия.

Наш пример, *F205*, был взят из группы нервной клиники:

Она привлекательная молодая студентка с приятным обхождением, которую, очевидно, серьезно вывели из равновесия и которая сильно страдает из-за психических колебаний и напряженности. Она не может сконцентрироваться на учебе, у нее нет цели в жизни. Иногда она становится чрезвычайно взволнованной, плачет, «сбита с толку» и жалуется, что ей недостаточно быстро помогают. Терапевт считает, что она не выдержит более основательного лечения, и что терапия прежде всего должна поддержать ее слабое Я, так как существует опасность внезапного психоза, и имеются шизофренические тенденции.

Она противится предрассудкам и эмфатически выступает за «смешение рас», что можно толковать как выражение ее собственной тяги к промискуитету [связь с несколькими партнерами]. По ее мнению, не должно быть никаких «ограничений»:

(*Предрассудки?*) Если бы расы смешивались, был бы обмен культурами.

что могло бы интернационализировать культуру. Я считаю, повсюду должна быть единая система воспитания. Может быть, это не практично, но было бы возможно привлечь селекцию — это дало бы накопление хороших свойств. А душевнобольных можно было бы стерилизовать. (*Она приводит пример учения о наследственности, о котором слышала.*) Мне кажется, улучшения не будут идти достаточно быстрыми темпами. Все общество больно и несчастно.

Последнее суждение показывает, что ее собственное недомогание благодаря интуиции делает ее способной к достаточно радикальной и консистентной критике общества. Ее ясный взгляд, а также любовь ко всему, что является «иным», выступает еще отчетливее в ее позиции по отношению к проблеме меньшинств:

Угнетение меньшинств — предрассудок, оно получило ужасный размах. Боятся меньшинств по незнанию. Я за то, чтобы все группы ассимилировались — во всем мире. Воспитание во всем мире должно быть единым. Меньшинства сами держатся в стороне. Это порочный круг. Общество превращает их в изговы, и они адекватно реагируют. *Они отличаются?* *Интервьюирующий настоятельно пытается заставить эту респондентку назвать различия между группами, но она подчеркивает:* Все различия, которые имеются, основаны на условиях, среди которых вырастают люди, и на эмоциональных реакциях (на дискриминации). (*Евреи?*) Я не вижу, почему они как группа должны быть другими. У меня среди друзей есть евреи... Может быть, они более восприимчивы из-за предрассудков против них. Да, это так.

Судя по клиническим документам, эта девушка врожденная лесбиянка; по этому поводу ее строго предупредили, и потому она вступала в беспорядочные половые связи с мужчинами, чтобы выяснить, реагирует ли она сексуально на мужчин. «Чувства всегда как-то выходят из равновесия», сказала она. Ее последующая история подтверждает, что лесбийский момент сильнее, чем все остальное.

Здесь еще следует добавить, что в Лос-Анджелесскую группу входили три проститутки, которые полностью были свободны от предрассудков и имели на *F*-шкале более низкое число пунктов. Так как они, вследствие своей профессии, по отношению к сексу имеют склонность к скрытой враждебности и проявляют признак фригидности, то их нельзя, по-видимому, причислять к «импульсивному» синдрому. Только более подробное исследование могло бы определить, является ли структура их характера структурой «импульсивных» или имеет только наслоения вследствие более позднего образования реакций, или низкие показатели объясняются чисто социальными факторами, а именно: общением с бесчисленным количеством людей различного сорта.

4. «Непринужденный», лишенный предрассудков

Этот синдром точно противоположен «манипулятивному» *Н*. Отрицательные признаки — бросающаяся в глаза склонность «оставить все, как есть», решительное нежелание применять насилие к окружающему миру, на первый взгляд почти граничащее с конформизмом, и крайнее нежелание принимать решения, которое подчеркивали многие опрашиваемые сами. Это сопротивление даже отрицательно влияет на их речь: «непринужденных» часто можно узнать по неоконченным предложениям; они производят впечатление, как будто они боятся связать себя словом и поэтому дают лучше слушателям возможность судить о спорном вопросе. В позитивном смысле они хотели бы «жить и давать жить другим», и они сами кажутся свободными от желания обогащаться. Они не завистливы и не проявляют недовольства. Они обладают некоторым внутренним богатством, противоположностью к принуждению, проявляют способность наслаждаться, имеют фантазию и чувство юмора, которое иногда становится самоиронией. Однако их самоирония так же мало деструктивна, как и их обычное поведение. Оно проявляется как готовность тех, которые признаются в своей слабости не из-за невротического принуждения, а сильного чувства внутренней безопасности. Они могут жертвовать собой, не опасаясь потерять себя. Их политические убеждения редко бывают радикальными; они ведут себя так, как будто живут уже не в репрессивном, а в действительно гуманном обществе. Иногда это поведение может ослабить их силу сопротивления. Отсутствуют признаки чисто шизоидных тенденций. Они абсолютно лишены стереотипности и даже не сопротивляются ей, ибо им не известно стремление подчинять.

Причины данного синдрома еще совсем известны. Респондентов, у которых он проявляется, нельзя определить ни по преобладанию психологической инстанции, ни по регрессии на особую инфантильную фазу, хотя у них при поверхностном рассмотрении есть что-то детское. Их нужно скорее понимать, исходя из их динамики как людей, структура характера которых не «закостенела». Ни одна из контрольных инстанций из типологии Фрейда не приняла в их случае прочную форму, они совершенно «открыты» для любого опыта. Это, однако, не означает, что их Я ослаблено, наоборот, у них нет травматических переживаний и дефектов, которые в противном случае привели бы к «опредмечиванию» Я; в этом смысле они «нормальные». Однако как раз эта «нормальность» в нашей цивилизации производит впечатление некоторой незрелости. Не только их детство прошло без серьезных конфликтов, оно, кажется, целиком определялось материнскими и другими женскими образцами²⁵. Может быть, их лучше всего охарактеризовать как людей, которые не боятся женщин. Это объяснило бы отсутствие агрессивности, но одновременно указывало бы на архаическую черту: мир в их глазах регулируется еще законами матриархата. Так,

очень часто они олицетворяют с социологической точки зрения первозданный «народный» элемент в противоположность рациональной цивилизации. Представители данного синдрома нередко относятся к нижнему уровню среднего сословия, несмотря на то, что от них нельзя ожидать «акций», их можно отнести к тем, которые никогда ни при каких обстоятельствах не приспособились бы к политическому или психологическому фашизму.

Уже упомянутый M711

любезен, кроток, приветлив, неопределенен и несколько летаргичен в поведении и речи. Он красноречив, но очень обстоятелен. Все то, что он высказывает, он обычно облекает в форму ограничений, которым он, как правило, уделяет больше внимания, чем самому содержанию заявления. Он, кажется, страдает из-за нерешительности и сомнений, неуверенности, что касается его собственных мыслей, и ему во многих вопросах трудно принять однозначное решение. В общем, он боится связывать себя в духовном и эмоциональном отношении и пытается обычно держаться от всего в стороне.

Выбор своей профессии он считает случайным; показательно, однако, что вначале он был ландшафтным архитектором, причем, у него не было желания господствовать над природой, а было желание ее восстанавливать. Позднее он, работал на государственной службе в качестве интервьюирующего. Эта работа приносила ему удовлетворение, он помогал людям, но он не подчеркивает этот аспект нарциссически. Благосостояние для него не важно, он высказывает желание «безопасности», но к деньгам как таковым он равнодушен. Его отношение к религии, которое было описано в главе V²⁶, с психологической точки зрения, соответствует в деталях структуре синдрома «непринужденного». Однако следовало бы добавить, что он «не верит в непорочное зачатие», считает его «несущественным». На вопрос о наказаниях в детстве он отвечает, что их «практически не было». Он «очень недисциплинирован». Без стеснения подчеркивает сильную привязанность к своей матери: ссоры были в его молодости только тогда, когда его мать хотела иметь его только для себя. «Она не любила девушек, с которыми я ходил». Что ему нравится в женщинах, он описывает следующим образом:

Ужасно трудно сказать, если влюблен в девушку... Кажется, она имеет все, что я люблю — весело быть рядом с ней, она умна, красива. Она меня любит, и это важно. Мы все делаем вместе. (*Что Вы больше всего любите делать вместе?*) Слушать музыку, читать, плавать, танцевать, т.е. то, что не требует много усилий, и делает все приятным.

Несмотря на привязанность к матери, у него отсутствуют следы враждебности по отношению к отцу, которого он очень рано потерял. Но

воспоминания о богатой фантазии отца еще живы:

(*Приятные воспоминания об отце?*) Большое количество приятных воспоминаний, так как он нас баловал, когда был дома, все время он придумывал великолепные вещи, которые мы могли бы предпринять. (*Мать и отец хорошо друг с другом ладили?*) Я думаю, очень хорошо. (В кого из родителей Вы пошли?) Я не знаю, так как я не очень хорошо знал моего отца. (*Ошибки отца?*) Я не знаю.

В высшей степени характерны его высказывания о расовой проблеме:

(*Что Вы думаете о проблемах меньшинств?*) Я хотел бы, чтобы я мог это сказать. Я не знаю. Я считаю, что это — проблема, которой мы все должны заниматься (*Самая большая проблема?*) Негры, по числу их... я не думаю, что мы когда-либо честно относились к данной проблеме... Многие негры пришли к западному побережью. (*У Вас когда-либо были друзья среди негров?*) Да, но не близкие друзья, хотя я многих знал, которые мне нравились и были мне приятны. (*Что Вы думаете о людях?*) Я считаю, это — неправильный вопрос... Нужно было бы спросить: «Что бы было, если бы Ваша сестра вышла замуж за негра?» Честно говоря, я бы не забивал себе этим голову... (*Типичные свойства негров?*) Никаких.

До защиты евреев дело не доходит, но он отрицает, что это «проблема»:

(*Как обстоит дело с еврейской проблемой?*) Я не думаю, что существует еврейская проблема. Я считаю, что это опять была приманка для агитаторов. (*Что Вы имеете в виду?*) Гитлер, Ку-клукс-клан и подобные. (*Еврейские черты?*) Нет, я видел евреев с так называемыми еврейскими чертами, но эти черты имели также и не евреи... (*Испытуемый подчеркивает, что не существует расовых различий.*)

О присущей этому синдрому опасности (отрицание использования силы даже против насилия) свидетельствует следующий пассаж:

(*Нужно ли было останавливать собрание Джеральда К. Смита?*) Я думаю, Джеральд К. Смит должен был иметь возможность высказаться, если уж мы живем в условиях демократии. (*А группа для срыва мероприятия как выражение протеста?*) Если определенная группа этого хочет, то она имеет на это право... я не думаю, что это всегда имеет действие.

То, что тенденция данного испытуемого — не связывать себя никаким «принципом», основывается, собственно говоря, на понимании конкретного, а не является просто лишь обходным маневром, чтобы избежать столкновения, следует из следующего показательного высказывания:

(*Интервьюер зачитывает вопрос о неутомимых вождях и указывает*

на то, что опрашиваемый с этим легко согласился и просит о дальнейших объяснениях.) Я немного с этим согласен, но в противоположность этому Хуэй Лонг был мужественным неустанным вождем... и Гитлер /смеется/. Смотря по обстоятельствам. (Что Вы имеете в виду?) Ну, я восхищен Уиллки; я восхищаюсь Рузвельтом; я восхищаюсь Уоллесом. Но я не считаю, что мы должны иметь вождей, которым народ дарит свое доверие, для того чтобы потом самим ничего не делать. Как кажется, люди ищут вождей, чтобы потом самим не думать.

Интервью заканчивается диалектической констатацией: «Власть почти равна злоупотреблению властью».

5. Врожденный либерал

В отличие от только что описанного, следующий синдром откровенно открыт для реакций и мнений. Опрашиваемые данного типа высоко ставят автономию и независимость. Вмешательство извне в их личные убеждения они не переносят, и сами они не хотят вмешиваться в дела других. У них хорошо развито чувство Я, но не проникнуто либидностью. Они редко настроены нарциссически. Тем не менее, они не без колебания соглашаются с тенденциями Оно и делают из этого выводы — как это наблюдается у «эротического типа» Фрейда.²⁷

Примечательным признаком является гражданский кураж, который часто преодолевает все рациональные сомнения разума. Они не могут «молчать», если происходит несправедливость, даже если это будет связано для них с серьезной опасностью. Так как они сами являются четко выраженными индивидуалистами, то и других они рассматривают как индивидуумов, а не как представителей какого-либо рода. «Врожденный» либерал разделяет некоторые черты с другими синдромами *N*. Как и «импульсивный», он ничуть не стесняется, ему даже трудно держать себя под «контролем». Однако его эмоциональная подчеркнутость не слепа, а направлена на другого в качестве субъекта. Его любовь — это также сопереживание, а не только желание, так что его почти можно было бы назвать «сочувствующим» *N*. Так же как и «протестующий», он энергично идентифицирует себя с обделенными, однако без признаков принуждения и сверхкомпенсации; он не филосемит. Как и «непринужденный», он антитоталитарен, однако более осознанный и без их сомнений и нерешительности.

Скорее эта констелляция является единственной чертой, которая характеризует «врожденного» либерала. Часто, по-видимому, имеются эстетические интересы.

Наш пример являет собой девушку, «врожденная» либеральная структура характера которой выступает более отчетливо, когда она, как говорит интервьюирующей, политически наивна, как и большинство наших студентов, причем не важно, имеют ли они высокое или низкое количество очков.

21-летняя студентка, красивая брюнетка с темными блестящими глазами, излучающая темперамент и живость. У нее ничего нет от низкой женственности, которая часто присуща Н. и она, наверняка, презирала бы женские хитрости и трюки таких дам. Она, напротив, весьма непринужденна и чистосердечна и имеет спортивную фигуру. Она производит впечатление очень страстной натуры, и сам испытываешь сильное желание интенсивно включиться во все ее отношения. Наверное, она с трудом может удержать себя в границах общепринятого.

Кроме своего полупрофессионального интереса к музыке, она находит также удовольствие в рисовании и играет в театре, однако она еще колеблется в отношении своей будущей профессии. У нее образование помощницы медсестры. Ей нравилось помогать людям таким образом.

Это доставляло мне радость. Я чувствовала, что могу позаботиться о больном человеке. Мне ничего не стоило опорожнять судна и бутылки от мочи. Я научилась соприкасаться с телом больного и не испытывать при этом брезгливости. Я научилась быть тактичной в некоторых вещах. Кроме того, это было также и патриотично! /чуть шуточный тон/ Люди меня любили. (Почему они Вас любили?) Так как я улыбалась и все время шутила, как сейчас.

Ее позиция в вопросах меньшинств определяется ее пониманием индивидов:

Меньшинства должны иметь такие же права, как и большинство. Они такие же люди и должны иметь столько же прав, как и большинство. Меньшинств не должно быть. Должны быть только индивиды, и они должны оцениваться как индивиды. Точка. Этого достаточно? (Негры?) Это то же самое! Они также индивиды. Их кожа черная, но они тоже люди. У каждого в отдельности своя жизнь, свои заботы и радости. Я не считаю, что их всех необходимо убить, искоренить или обособить лишь только потому, что они другие. Я бы ни за кого из них не вышла замуж, так как я не хочу ни за кого замуж, у кого во внешности есть то, что мне не нравится, например, большой нос или что-то вроде этого. Я не хочу иметь детей с черной кожей. Я не имею ничего против, когда они живут со мной по соседству. (Раньше она указывала, что работая помощницей медсестры, она ухаживала и за черными пациентами, и ей ничего не стоило даже купать их и т.д.) (Евреи?) То же самое! Да, я легко бы вышла замуж за еврея. Я бы вышла замуж и за негра, если бы его кожа была достаточно светлой. Я больше люблю светлую кожу. Я считаю, что евреи не отличаются от белых, так как тоже имеют белую кожу. Действительно глупость. (Каковы, по Вашему мнению, причины предрассудка?) Ревность. (Вы можете это объяснить?) Так как они намного проворнее и не хотят конкуренции. Мы

же тоже не хотим. Если они ее хотят, они и должны ее иметь. Я не знаю, умнее ли они, но если они таковы, то они и должны быть такими.

Как показывает последнее замечание, она совершенно не испытывает чувства вины перед евреями. Она при этом добавляет в шутку:

Может быть, если евреи придут к власти, они ликвидируют большинство. Это не умно, так как мы нанесем ответный удар.

Ее религиозные убеждения, которые имеют легкий юмористический налет, сводятся к идее утопии. Она сама использует это слово при упоминании Платона, которого она читала. Суть ее религии, содержащаяся в предложении «Может быть, мы все спасемся», следовало бы противопоставить «антиутопическому» взгляду, превалирующему у всех остальных опрошиваемых нами.

В описании своих родителей самым необычным образом звучит ее собственный идеал-Я:

— Отец проработал 25 лет в рекламационном отделе по грузоперевозкам на фирме R.R. Co. В его обязанности входило принимать много людей на работу. У него было 150 подчиненных-служащих.

Опрашиваемая описывает своего отца следующим образом:

— Он мог стать вице-президентом — у него был ум, но не пробивной характер. У него не хватало нужных качеств для политика. Он очень великодушен, сначала всегда выслушает обе стороны, прежде чем составит свое суждение. Поэтому он может хорошо аргументировать. У него есть понимание. Он не позволяет себе руководствоваться чувствами, как моя мать. Мать действует в соответствии с чувством. Отец — деловой, мать хорошая. Она — личность. Она дает нам что-то, нам всем. У нее есть чувство. Она всегда заботилась о том, чтобы отец был доволен.

— В каком отношении?

— Она создавала для него настоящий уют, когда он приходил домой: ему приходилось много работать в своем бюро. Их супружество очень счастливое — каждый это видит. И с детьми тоже добрые отношения — люди это замечают! Мама очень приветливая, отзывчивая. Она сочувствует людям, с ней охотно разговаривают. Кто-то позвонит ей по телефону, и уже дружба на всю жизнь — только лишь благодаря телефонному разговору. Она впечатлительна. Ее можно легко обидеть.

По отношению к сексу она неуверенна и очень сдержанна. Ее друг,

когда они встречаются, каждый раз хочет увлечь ее в постель — да точно так было и даже во время самой первой встречи, а она этого не хочет. Она плачет каждый раз, когда он делает такую попытку, и поэтому она считает, что он не тот, кто ей нужен. Она считает, что сексуальным отношениям должна предшествовать дружба, но она также думает, что

сексуальные отношения — это путь лучше узнать друг друга. Но вот три дня тому назад она с ним порвала. Она говорит это с наигранной печалью. Он предложил остаться друзьями, но она и этого не хотела. Ее беспокоит сексуальная проблема. Когда она танцевала с ним первый раз, он сказал, что у него сложилось впечатление, будто она хотела иметь с ним связь, в то время как она просто хотела быть близкой ему. Она сердится, так как действительно не это имела в виду, однако, может быть, неосознанно все-таки то!

Очевидно, имеется связь между ее эротическими потребностями и не достаточно подавленным чувством к ее отцу «Я хотела бы выйти замуж за того, кто был бы таким же как и мой отец»

Результат опроса интервьюирующей обобщает следующим образом

Наиболее решающими факторами, явившимися причиной в этом случае ни кого количества очков, оказались отзывчивость родителей и их большая любовь, которую мать опрашиваемой проявляла по отношению ко всем детям

Если обобщить данное утверждение и сделать выводы для лиц *H*, то можно сказать, что растущее значение характера фашистского толка во многом обусловлено основополагающими структурными изменениями в семье²⁸

Примечания

¹ Allport, G. W., *Personality: A Psychological Interpretation*, New York 1937

² Masserman, J. H., *Principles of Dynamic Psychiatry*, Philadelphia 1946

³ Anastasi, Anne, *Differential Psychology*, New York 1937

⁴ Allport, G. W., а а О

⁵ Harriman, P. H., ed., *Twentieth Century Psychology*, New York 1946

⁶ Следует вспомнить о том, что противопол Иенша определяется посредством синестезии, т.е. посредством мнимой или действительной способности определенных людей «иметь цветовые ощущения, если они вообще слышат звуки или музыку, и чувство звука, если они смотрят картины или видят цвета» (Бодер в раб. Harriman и др. см. выше). Эта склонность у Иенша интерпретируется как синдром дегенерации, и вероятно, можно предположить, что его толкование основывается скорее на исторических реминисценциях, чем на каких-либо эмпирических психологических данных. Так как культ синестезии играл большую роль в лирике тех же самых французских авторов, которые ввели понятие «декаданса» и прежде всего у Бодлера, в их произведениях синестетические образы несут особую функцию. Затемняя разграничительную линию между разными областями чувственных восприятий, они пытаются одновременно стереть жесткую классификацию различных видов объектов в том виде, в каком она возникла в результате практических требований промышленной цивилизации. Они бунтуют против опредмечивания. В высшей степени характерно, что насквозь административная идеология как заклятый враг, выбирает позицию, являющуюся прежде всего бунтом против стереотипности. Национал-социалист не может переносить ничего, что не подходит для его схемы, а тем более ничего, что не

признает его собственное опредмеченное «стереопатическое» воззрение

⁷ Freud, S., Libidinal types Psychoanalytic Quarterly 1, 1932, S 3-6

⁸ В работе Hunt, J McV., ed., Personality and the Behavior Disorders, New York 1944

⁹ Следует подчеркнуть, что нужно различать два понятия типа во-первых, есть типы в собственном смысле слова — типизированные люди, индивиды, которые глубоко отражают устоявшиеся образцы и социальные механизмы, во-вторых, те, которые могут быть названы типами в формально логическом смысле и которые часто могут характеризоваться как раз отсутствием стандартных качеств. Важно различать действительные, «настоящие» типовые структуры человека и лишь его простую принадлежность к какому-то логическому классу, посредством которого он определяется как бы извне

¹⁰ Ср с гл 2

¹¹ Институт социальных исследований, Работы по философии и социологии, стр 133 и след

¹² См по этому поводу F N 6, стр 102

¹³ См по этому поводу F N 5, стр 174

¹⁴ В Институт социальных исследований, М Хоркхаймер (ed), Studien ueber Autoritaet und Familie, стр 110 и след

¹⁵ Институт социальных исследований, М Хоркхаймер (ed), Studien ueber Autoritaet und Familie, Erikson, E H., Hitlers Imagery and German Youth

¹⁶ Институт социальных исследований, Работы по философии и социологии под ред М Хоркхаймера стр 135 и след

¹⁷ Lindner, R M., Rebel without a Cause, New York 1944

¹⁸ A P., Kap XXI, Criminality and Antidemocratic Trends A Study of Prison Inmates, S 817 и след

¹⁹ Lowenthal, L., und Guterman, N., Prophets of Deceit New York 1949

²⁰ Это конечно только поверхностный аспект Из психоанализа известно, что насекомые и вредители часто используются как символы братьев и сестер Фантазия, которая здесь задействована, могла бы быть признаком детского желания побить младшего брата, пока он не «оставит в покое» Склонность к манипуляции, вероятно, может быть формой, в которой проявляются пожелания смерти братьям и сестрам «Организаторами» часто являются лица, которые хотят деспотически властвовать над теми, которые подобны им — замена для братьев и сестер, над которыми они хотели бы властвовать, как отец над близкими, если они их не могут убить Наш инсектотоксиколог упоминает несколько раз о своих детских ссорах со своей сестрой

²¹ См гл IV, стр 176 и след

²² Это название предложил Д Ф Браун

²³ В главе V указывалось на то, что религия, если она сильно захватила человека, является действенным противоядием против предрассудка и всего фашистского потенциала, несмотря на ее собственные авторитарные аспекты

²⁴ Frenkel-Brunswik, Else, und Sanford, R N., Some personality correlates of anti-Semitism, The Journal of Psychology 20 1945, S 271 291

²⁵ Испытуемое лицо, девушка, была выбрана для объяснения данного типа, выросла в семье без мужчин с матерью и бабушкой

²⁶ Ср выше стр 261 и след

²⁷ Freud, S., Libidinal types, а а О

²⁸ Ср Horkheimer, Max., Authoritarianism and the family today In Anshen, R N., ed., The Family Its Function and Destiny New York 1949

VII. Психологическая техника в речах Мартина Лютера Томаса по радио

1. Личностный элемент — самохарактеристика агитатора

Вводные замечания

Для фашистского фюрера характерна склонность к болтливym заявлениям о собственной персоне. Либеральные и леворадикальные пропагандисты, напротив, склонны к тому, чтобы ради «объективных» интересов, к которым они апеллируют, избегать намеков на частную жизнь: либерал — чтобы продемонстрировать деловитость и компетенцию, левый радикал — чтобы не подвергать сомнению свою коллективистскую позицию. В то время как такая «обезличенность» по праву обоснована в объективных условиях индустриального общества, то в отношении публики оратора она проявляет явные слабости. Отрыв от собственного Я, как того требует любая объективная дискуссия, предполагает наличие интеллектуальной свободы и силы, которые вряд ли имеются среди масс современных людей. Кроме того, «холодность», присущая объективной аргументации, усиливает чувство отчаяния и одиночества, из-за которых страдает в принципе каждый индивид и которых он стремится избежать, когда слушает публичные речи. Фашисты это поняли, их язык личностен. Он не только затрагивает непосредственные интересы своих последователей, но и включает часто персональную сферу оратора, который, как кажется, доверяется своему слушателю и преодолевает пропасть между людьми.

Однако имеются еще более специфические причины для применения этого метода, который, даже если он часто подпитывается тщеславием вождя, хорошо рассчитан и, несмотря на очевидный «субъективизм», является частью весьма объективной системы пропагандистской практики. Чем безличнее наш общественный порядок, тем более значимым становится индивидуализм как идеология. Чем энергичнее отдельный человек низводится до простого колесика в механизме, тем настойчивее должна быть подчеркнута, как компенсация за его бессилие, идея его неповторимости, автономии и значимости. Так как это может произойти не в индивидуальной, а в достаточно общей и абстрактной форме, то оно выполняется заместителем фюрера. В этом часть тайны тотального вождизма, его свиты — создать перед глазами последователей картину независимого характера, иметь который в действительности им не дано.

Далее, самопропаганда вождя фашистов — это своего рода трюк доверия. Хотя иногда он и восхваляет себя, а в решающие моменты может даже обманывать, он предпочитает, особенно пока не достиг решающей власти,

оставлять в стороне тему своей непреодолимой силы. Он заверяет, что он «такой же человек», т.е. такой же слабый, как и его будущие сторонники. Самой по себе идеи силы и авторитета не достаточно, чтобы объяснить силу притяжения фашистских главарей, а скорее важно представление, что слабый может стать сильным, если он пожертвует свою жизнь «движению», «делу», «крестовому походу» или еще чему-то. С амбивалентной ссылкой на собственную личность, как одновременно человеческую и сверхчеловеческую, слабую и сильную, близкую и далекую, он дает модель для установки, которую он хочет закрепить среди своих слушателей.

Признания, правдивые или лицемерные, выполняют, кроме того, цель удовлетворить любопытство публики — универсальный признак сегодняшнего массового общества. Его структура еще недостаточно исследована: частично причина этого состоит в широко распространенном чувстве «быть проинформированным», чтобы поддерживать беседу, частично во мнении, что жизнь других богатая, волнующая и пестрая по сравнению с собственными мучениями. Может быть, в основе его лежит атрибут шпиона, глубоко укоренившийся в подсознании, который требует наслаждения тем, что можно заглянуть в частную жизнь соседа. Такое поведение отвечает сущности фашиста, он знает, что не важно, каким образом это любопытство удовлетворяется. Разоблачения коррупции или краж, в которых замешаны противники, обсуждения болезни его жены или его финансовых трудностей, которые, может быть, даже выдуманы, действуют с одинаковой силой. Как практикующий психолог он разбирается немного в способе функционирования амбивалентных чувств, даже если он объявляет психоанализ еврейской фальшивкой. Если со слушателем обращаются как с посвященным в тайну, то его либидо удовлетворяется, не важно, направляется ли его любопытство на положительные или отрицательные представления. Чтобы навесить на противника ярлык обманщика, достаточно иногда при некоторых обстоятельствах заявить, что он не оплачивает свои счета. Если Томас публично констатирует (как это в действительности было), что он не мог погасить счета за радио, этим он в любом случае завоевывает новых друзей.

В конце концов есть объективная причина недостаточной объективности фашистов: она им помогает скрыть свои собственные цели или замаскировать их. В Америке, где в отличие от Германии, демократическая идея имеет длительную традицию и обладает сильной эмоциональной силой притяжения, было бы в высшей степени неуместным, если бы фашистский главарь стал нападать на саму демократию, как это открыто делают национал-социалистические пропагандисты. Американский фашист в общем согласен принять демократию для сокрытия собственных целей. Однако, если он слишком навязчиво рекламирует себя сам, то надеется по рецепту Хуэй Лонга добиться столько влияния, сколько нужно для создания группы, имеющей достаточно власти, чтобы свернуть демократию во имя

демократии. Расплывчато обещать всем группам все, ничуть не заботясь об их противоречивых интересах, это, помимо всего прочего, является хорошо известным трюком фашистской техники пропаганды. Если фашистский вождь говорит о самом себе, он набирает доверие к авторизации интеграции; однако он должен, с другой стороны, представить свои объективные измерения таким специфическим образом, чтобы не слишком ясно выступали противоречивые черты его программы. Персональный оттенок ему нужен для камуфляжа.

Томасу основательно знакома методика Гитлера благодаря его связям с Десереджем, Генри Алленом и миссис Фрай. Он хорошо осведомлен о манипуляции собственного Я для пропагандистских целей и он ловко приспособил технику разоблачения и признания, используемую Гитлером для американской арены действия и к эмоциональным потребностям своей публики, пожилым и старым гражданам нижнего слоя среднего класса с их сильной верой в Библию и сектантским фоном. Мы приводим несколько примеров его манеры говорить о самом себе.

Трюк «одинокий волк»

Трюк «одинокого волка» идет из арсенала Гитлера, который постоянно похвалялся своими семью одинокими и героическими товарищами по партии, основавшими движение, и который якобы мог рассчитывать только на самого себя, в то время как другие имели в своем распоряжении прессу и радио. Томас несколько умереннее: он бесчисленное количество раз повторяет в разных вариантах уверение: «У меня нет покровителей, и ни один политик никогда не потратил ни одного доллара на это движение»¹. Эта модификация возникает из манипуляции американским недоверием к профессиональным политикам, которые якобы получают личную выгоду от мошеннических махинаций в общественных делах. Так как у Томаса самого, как и у его подобных, имеются все признаки политического афериста, он с большим страхом пытается свалить позорное пятно профессии политика на тех, от которых он притворно дистанцируется. Чем сильнее обман, тем менее вероятно, как он считает, что его примут за обманщика. Одним из самых очевидных признаков фашистских и антисемитских пропагандистов является навязчивое обвинение своих жертв в том, что они сами или делают или намереваются делать. Задача контрпропаганды должна была бы состоять в том, чтобы разоблачить их именно в этом. Нет ни одной категории фашистской агитации, к которой невозможно было бы применить это правило. Оно является образцовым примером механизма «психологической проекции», который ощущается во всей фашистской идеологии.

Наряду с выпячиванием собственной смелости и собственной безупречности, трюк «одинокого волка», чтобы завоевать доверие тех, кто чувствует

себя одиноким и обделенным, таит в себе скрытый расчет успокоить всеобщий и постоянно растущий страх перед манипуляцией. Он возникает как результат сопротивления бойкому продавцу и заключается в полусознательной вере, что каждое публично произнесенное слово не имеет объективного значения, не представляет собой личного убеждения говорящего, а является пропагандой в широком смысле, которая служит интересам какой-то группы, оплачивающей это. Причина этого представления — экономическая централизация и монополизация средств коммуникации. Заявление: «За мной не стоят никакие деньги никакого политика», — сводится к утверждению, что собственные рассуждения спонтанны и ими не управляет какая-либо монополистическая организация. Однако это отношение к манипуляции и психологическую функцию данного трюка нельзя упрощать. В современных социальных условиях люди не только боятся манипуляции, но они, наоборот, ощущают потребность в ней и в руководстве тех, кто считает себя сильными и способными защищать их. Иерархическая природа нашей экономической организации усиливает желание быть объектом манипулирования и самому оставаться бездеятельным. Кроме того, начинает стираться граница между «объективной констатацией» и пропагандистскими трюками. Чем сильнее концентрация власти в интересах групп и индивидов, которые овладели средствами коммуникации, тем в большей степени их пропаганда становится «правдой», поскольку она выражает действительную власть. В высшей степени показательно название министерства Геббельса «Министерством народного просвещения и пропаганды», — объективная правда, которую он якобы хочет дать народу, идентифицируется с пропагандистскими лозунгами партии. Необходимо учитывать эту двусмысленность в отношении людей к манипуляции со стороны агитаторов, которые используют трюк «одинокий волк». Они не ожидают, что их речь будет воспринята серьезно, что, вероятно, никогда не имеет места. Играя с общим недоверием слушателей к манипуляции со стороны современных власть предержащих в сфере коммуникации и в политике партии, они внушают с помощью трюка «одинокий волк», что в действительности за ними стоит очень много, а именно действительные силы, которые работают против власть предержащих. В современной фазе разжигание ненависти к монополизму является одним из средств ускорить победу тоталитаризма. Слушатель, который ежедневно слышит по радио, что оратор один и работает за свой собственный счет, верит, что общественные и официальные организации сегодня не на его стороне, а скорее являются потенциальными силами интегрированного коллектива и «тайным царством, которое должно придти». Гражданами его станут те, которые достаточно рано присоединились к нему. Очернение манипуляции является одним из средств ее. Рафинированным образом людям внушают убеждение, что инициатива в их руках и в руках их образца — оратора. Кажущаяся спонтанность речей агитаторов

поднимается до уровня идеологии, чем в большей степени они ее лишаются.

Трюк «освобождения от чувств»

Оратор подчеркивает симулированную спонтанность и неманипулированную индивидуальность посредством совершенно осознанного и настоятельного подчеркивания чувств. Это становится составной частью его техники и не только выставляется на всеобщий обзор, но также и рекомендуется. Томас при всякой возможности подчеркивает, что он чуть было «не плакал», когда он принимал от бедной старой вдовы пожертвование в размере 50 центов. Хотя все его личное обрамление — это обрамление вождя, он всячески избегает позы «полной достоинства». Именно отказ от достоинства является, очевидно, самым действенным стимулом фашистской пропаганды. Гитлер постоянно прибегал к демонстративным истерическим вспышкам, и одно из его любимых выражений гласило: «Я бы скорее убил себя, чем...». У Томаса его трюк восходит к религиозным, евангелистским позам, к опоре на движение возрождения, которые противопоставляются официальному пресвитерианству. «Вы знаете, я благодарю Бога за то, что я, так сказать, освободил свое сердце за последние три года. Для пресвитерианца, который был воспитан так, чтобы не проявлять своего сердца, это, как известно, великая вещь. Послушайте, пресвитерианцы и англикане и все сторонники стонцизма, освободите ваши сердца! О, я знаю, как это трудно, как Вы себя чувствуете. Вы боитесь фанатизма.² Есть настоящее место, чтобы выразить любовь к Богу. Вам не нужно быть фанатичными, подумайте о том, что однажды сказал Святой Августин: “Если вы, позволите вашему сердцу заговорить, вы придете к Богу”. Похлопайте немного в ладоши. Вспомните о Старом Завете, вспомните то место, где говорится, что деревья от радости хлопали в ладоши. Вся природа восхваляла творца. Тот чудесный цветок, который цвел и склонился под солнцем, ни один человеческий глаз не увидит его никогда больше. Никакое животное его никогда не заметит. Он улыбается в честь Бога. Вся земля полна великолепия. Пророки восклицают, земля полна великолепия, великолепия Господня. Да, это чудесно узнать Бога, не правда ли? Великолепно знать Христа».

В таких тирадах Томас невольно выдает свои действительные намерения. Сентиментальность — это не что иное, как модель поведения, которую его слушатели должны принять и которой они должны подражать. Они не должны себя вести цивилизованным образом, они должны кричать, жестикулировать, дать выход своим чувствам. Под маской христианского экстаза скрывается поощрение геройства, вакхического раскрепощения собственных эмоциональных инстинктов, поощрение регрессии до нечленораздельной природы, что приносило особый успех национал-социалистической пропаганде. Последняя цель трюка «освобождение от чувств» — поощрение и поддержка бесчинств и насилия. Если однажды устранены

барьеры против сетований и жалости к самому себе, то могут беспрепятственно проявляться подавленные чувства ненависти и бешенства, пусть коллективная религиозная разнузданность «Хоули-Роллерс»³, в конце концов, завершится погромом. Чем больше оратор срывает барьеры самообладания со своих слушателей, тем легче они подчиняются его воле, послушно следуя за ним, куда он пожелает.

То, что фашизм живет за счет недостатка эмоционального удовлетворения в промышленном обществе и что он дает людям то иррациональное удовлетворение, которое они не получают из-за сегодняшних социальных и экономических отношений, это часто подчеркивается, и это утверждение прежде всего подтверждается трюком «освобождения чувств». Однако это понятие должно быть охарактеризовано еще и в другом отношении и согласовано с реальностью.

Прежде всего нельзя смешивать идеологию и реальность друг с другом. Предлагаемое фашизмом иррациональное удовлетворение планируется в высшей степени рациональным образом и также применяется и приводит к различного рода психотехникам, которые заимствованы из опыта организации работы современной фабрики и применяются ко всему населению. Она является чрезвычайно прагматической иррациональностью, и характерно, что Томас и немецкие агитаторы агитируют за нее, как будто она нечто вроде таблетки, которая делает жизнь приятнее. Этот рациональный аспект фашистской иррациональной пропаганды, в такой же степени, как и аспект «эскапических» мероприятий современной массовой культуры, заслуживает особого внимания, поскольку он так очевиден, что должен вызывать определенное сопротивление против постоянной лживости. Его может использовать контрпропаганда, вскрывая за опьяненными словами лживую трезвость. Эти фашисты были бы загнаны в безвыходную дилемму, так как их пропаганда в сфере эмоционального освобождения должна прибегать к такому рационализму. Фашистский агитатор должен считаться с тем, что люди трезвы и практичны; он может вызвать их иррациональное поведение только тогда, если он покажется «благоразумным» для их психологического багажа.

Во-вторых, манипулированное иррациональное удовлетворение — это одна видимость. Манипуляция по сути противоположна «освобождению», которое она вызывает. Более того, фашистская пропаганда ради своих собственных целей не доходит до корней эмоционального вытеснения в нашем обществе, а способствует в большей степени смятению чувств посредством слова. Она не дает ни чистого удовольствия, ни чистой радости; она только освобождает от сознания собственного несчастья и способствует регрессивному удовлетворению благодаря растворению Я в обществе. Эмоциональное облегчение, которое дает фашизм, является лишь простой заменой исполнения желаний. Ярким примером этого является трюк «Божественный отец», применение энтузиастского «чуда» ко всем и к

каждому, т.е. ни к чему. Мечтательность Томаса по поводу прекрасной погоды, великолепного южнокалифорнийского ландшафта и цветущих цветов близка к трюку негритянского проповедника, так как прекрасные вещи, которые он безудержно восхваляет как объекты бурных чувств, имеют мало общего с социальным миром его слушателей и в еще меньшей степени с его собственными целями⁴. Напрашивается предположение, что ссылки на эмоциональные вспомогательные источники природы должны отвлечь публику от актуальных проблем.

В-третьих, подключение проявления чувств — это отнюдь не только искусственный прием, рассчитанный на зрителей. Оно предполагает у них определенную склонность, и ловкость, пользующегося успехом агитатора. в действительности же состоит в том, чтобы обнаружить диспозиции, которые он может использовать в качестве приманки для своих целей. Для желая избежать трудности самообладания публика должна иметь сильную «базу», поэтому следует создать о ней соответствующее представление. Она сама по себе является следствием процесса рационализации, от которого люди хотели бы освободиться. Они хотят «перестать сопротивляться», перестать быть индивидами в традиционном смысле, как самосохраняющаяся и самоопределяющаяся единица. Негативные указания Томаса на стоицизм и самоконтроль, как требуют их устоявшиеся деноминации и являющиеся частью поведения независимого индивида в либеральную эру свободной конкуренции, нельзя рассматривать как случайность. Сила держать себя в узде отражает силу конкурировать с другими и определять собственную экономическую и духовную судьбу. Сегодня, когда эта независимость все больше и больше уходит, начинает исчезать и самообладание. Огромные общественные силы, действию которых подчинен каждый индивид, не только вынуждают его подчиниться им экономически, когда он предпочитает лучше стать служащим, чем остаться самосохраняющейся социальной единицей, но и психологически, так как он может переносить их социальное и культурное насилие, если это становится его собственным делом. Он должен поступать скорее адекватно конформистски, чем как единый, закрытый характер. Он становится не только жестче, поскольку он все больше учится думать прагматически, но и становится уступчивее, поскольку уменьшается его сопротивление давлению социального мира и промышленной технологии. Чем больше он перестает быть Я, «самим собой», тем в меньшей степени он готов и способен соответствовать требованиям самообладания. Истерия — это экстремальное выражение психологической структуры, которая быстро распространяется во всем обществе. Это является той особой склонностью, которую имеет в виду трюк «освобождение чувств». Он осмеивает стоицизм, так как люди не могут и не хотят больше быть стойками, так как компенсация за самодисциплину — окрепшее и уверенное существование — более не действует. Эффект трюка — не столько преодолеть выявленные

реакции, сколько сделать их общественно приемлемыми, отменить уже шатающееся табу и дать людям чувство, что они поступают социально правильно, если отбрасывают свое самообладание. «Общественное подтверждение» способов поведения, уже действующих в людях, но еще неясно ощущаемых ими несовместимыми с заветами, которые они заучивали в ранней юности, является существенным элементом фашистской и антисемитской пропаганды.

Трюк «преследуемая невинность»

Выбор личных качеств, которыми, как утверждает оратор, он обладает прямо или косвенно, приобретает значение только благодаря противопоставлению их тем качествам, отсутствие которых бросается в глаза. Например, он подчеркивает по старым шаблонам избирательной пропаганды, свою чистоту и честность, намекает на свое призвание вождя, но никогда не упоминает свои особые таланты для выполнения довольно запутанной задачи, над которой он работает, свое политическое становление, свои знания и какие-либо определенные черты, которые могли бы характеризовать его как политического вождя. Вместо всего этого он ограничивается расплывчатыми ссылками на зов Бога. Сочетание саморекламы и неясных намеков на свою личность имеет особое значение. Пусть даже он рассчитывает на широко распространенную антипатию к профессиональным политикам и экспертам, которая основывается на закоределом, неосознанном сопротивлении имеющемуся разделению труда. Томасу нужна непрозрачность его имиджа, чтобы возбудить фантазию слушателей. Он кажется похожим на пустую раму, которую они должны заполнить самыми противоречивыми представлениями, будь то благожелательный и гуманный священнослужитель, или отважный солдат, или чрезвычайно чувствительное человеческое существо, или лукавый практичный человек, или проникательный наблюдатель, знающий все сомнительные подоплеку конфиденциальных историй, или чистый дух, взывающий в пустыне. Непроницаемость его личности в сочетании с неясностью его политических целей является средством интеграции. Оба эти элемента служат тому, чтобы объединить самых различных слушателей, которые следуют за ним тем более слепо, чем меньше его знают, кто он и за что он выступает. Некоторая абстракция, смешанная с незначительными конкретными отношениями, касающимися ежедневной жизни, относится к модели фашистского агитатора.

Однако вновь и вновь подчеркиваются специфические характеристики, например, уверенность в собственной невиновности. Томас не только безупречный и самоотверженный человек. Благодаря его высоким моральным качествам, он подвергается постоянным преследованиям, угрозам и заговорам со стороны своих врагов, он якобы даже должен

постоянно опасаться, что его отравят или подожгут его церковь, являющуюся, между прочим, его частным владением. «Люди пишут всевозможные вещи, все возможное против меня. Они говорят, что убьют меня». Трюк «преследуемая невинность», встречающийся и у других фашистских агитаторов на западном побережье, например, у Фелпса, разработан национал-социалистами; примечательно, что их чрезвычайно агрессивные элитные войска, из состава которых выбирали членов Гестапо, назывались СС, эшелон защиты. Трюк «преследуемая невинность» выполняет двойную функцию. Во-первых, он должен интерпретировать опасность, угрожающую вождю, как опасность, угрожающую всем, и скрывать агрессивность под маской самозащиты. «Послушайте христиане, подумайте о том, что он сказал: “Если они меня преследуют, они будут преследовать и вас”». Образцовым примером данного трюка является отец Кафлин, который заимствовал у большой политики оправдание гитлеризма во всех его аспектах как «механизм самозащиты». С тех пор как Цезарь напал на полудиких галлов со своей хорошо обученной армией и объявил свою захватническую войну как неизбежную и необходимую меру, военная агрессия постоянно стала называться защитой. Фашизм с его внутренним родством со всеми империалистическими видами поведения впервые приспособил этот прием для внутриполитических целей, даже для создания идеологий отдельных акций. Однако его механизм включает более скрытые психологические побочные явления. Он не назван буквально, более того, он должен быть стимулом к насилию. Как показал психоанализ, агрессивные садистские наклонности, к которым апеллирует фашистская пропаганда, не различают однозначно жертву и нападающего. Оба понятия, которые возникли в фазе развития общества, когда дифференциация субъекта и объекта. Я и внешнего мира еще четко не закрепились, до определенной степени взаимозаменяемы психологически. Значение понятия самопожертвования в фашистской пропаганде делает эту двойственность еще более четкой. В конце концов, такая заменяемость позволяет обвинить намеченную жертву как раз в таком преступлении, которое хотел совершить сам. «Проекция» позволяет процессам, существующим только в подсознании, казаться реальными. Вспомним только о пожаре в рейхстаге. По-видимому, трюк «преследуемой невинности» как в Америке, так и в Германии применяется с некоторым цинизмом и также понимается как таковой; там любили бесчисленные остроты типа «еврейский коробейник кусает немецкую овчарку».

Трюк «неутомимость»

Когда Томас говорит об исповедуемой им честности, самоотверженности, верности любимому делу, он редко забывает упомянуть еще и о своей неутомимости. Он читает сотни писем в день, тратит свою полезную

энергию, из-за постоянного напряжения он рано поседел, он жертвует собой и работает несравнимо больше, чем его слушатели. «Я должен Вам еще раз сказать, что мое дело — это труд, который я охотно на себя возложил. Я прошу вас только принять жертву вместе со мной. Я не жду от вас, что вы будете так же тяжело трудиться, как и я». Неутомимость — странным образом также одна из главных существенных черт, которую Томас приписывает своим противникам: «Большевики никогда не устанут, день и ночь они занимаются своей подрывной деятельностью, подрывают структуру американского общества, в то время как честные граждане спят. У коммунистов нет отпусков: подумайте о том, что дьявол может придти всегда. Вы и я, мы должны работать день и ночь, так как мы просто не имеем права терять время». Ясно видно сходство данного троика с темой «Германия, проснись». Разнообразны и не совсем постоянны его психологические импликации. Сюда относится прежде всего желание «натравить» — исконная форма всякой агрессии и одна из глубинных движущих сил фашизма для действительной и идеологической непрерывной необходимости тяжелой работы, чтобы можно было оправдать «дисциплину» и эксплуатацию. Обоснованная общественно-экономическими тенденциями, она пронизывает всю фашистскую систему вплоть до ее последнего разветвления. Фашизм внушает чувство, что спать не разрешается. Один из видов пыток, предпочитаемый в тоталитарной системе, это прерывать сон человека через каждый час до тех пор, пока его нервы не выдержат. Отрицание фашистами сна, а в более широком смысле злое намерение ничего не оставлять в покое отражается в подчеркивании фашистским главарем своей неутомимости, которая должна стать примером для последователей. Неутомимость — это психологическое выражение тоталитаризма. Спокойствия не может быть, пока все не завоевано, не охвачено и не организовано. А так как этой цели никогда невозможно достичь, то здесь требуются бесконечные усилия сторонников¹.

Призывая к неутомимости, агитатор, однако, не хочет вызвать у сторонников состояние полного «бодрствования», осознанности и ясности. Само собой разумеется, он желает, чтобы они были деятельными и готовыми к действиям, но как бы под чарами. Название «массовый психоз» содержит для фашистов долю этой правды, хотя оно не дооценивает часто в высшей степени рациональный элемент, т.е. надежду последователей на материальную выгоду и улучшение их социального статуса. Достоверно все-таки можно сказать, в большей степени это активность загипнотизированных, являющаяся целью фашистской пропаганды, а не активность осознающих ответственность и думающих индивидов. Поэтому настоящий призыв к неутомимости действует как наркотик. Именно так, так как последователи должны некоторым образом впасть в сон и действовать во сне. Им постоянно приказывают быть бдительными и не спать. Из внешне амбивалентного состояния между сном и неутомимостью агитатор

извлекает пользу. Кто должен спать, в то время как ему внушают, что он должен быть неутомимым, что он и есть неутомимый, тот будет меньше сопротивляться воле вождя. Внушают, что ему сделали прививку против заразной, угрожающей здоровью болезни».

Трюк «посланец»

Особенно характерна для Томаса последняя специфическая особенность, так как она явно не совместима с образом вождя, но наверное, очень соответствует типу вождя фашистов — это идея, что говорящий не сам спаситель, а только его посланник. Трюк посланца у Томаса заимствован из языка теологии, особенно из роли Иоанна Крестителя. «Иоанн был достаточно умен, чтобы знать, что он не полностью соответствует этому другому месту. Он понимал, что у него есть свои собственные таланты, но что он не был избран, чтобы вступить в свет креста Иисуса Христа. Это — чудовищная правда, которую мы осознаем и которой мы должны повиноваться. Если мое сегодняшнее послание хвалит Мартина Лютера Томаса или какое-либо другое человеческое существо, тогда оно совершает ошибку, но если это послание великого христианского американского крестового похода возвышает сына Божьего, то это движение будет иметь успех... Я не знаю, каковы ваши таланты в жизни. Может быть, вы должны быть только посланцем. Быть посланцем сегодня — лучшее задание в мире. Ну вот, теперь я посланец, которого Бог послал в мир. Вы тоже.» Здесь нас интересует не хорошо продуманное смешение светских и духовных вещей, креста Христа с христианским американским крестовым походом, а идея посланца и заявление Томаса, что он пророк, который не сам может исполнить надежды, которые он пробуждает. Это может показаться случайным добавлением агитатора, которое имеет мало общего с главным содержанием фашистской пропаганды, саморекламой вождя. Однако Гитлер также при становлении национал-социализма использовал трюк посланца, когда он сказал о себе: «Я только барабанщик». Явным мотивом является тот факт, что многие фашистские вожди вначале были в большей степени пропагандистами, а не политиками, это — само по себе знаменательное явление нашего общества, в котором все больше стирается граница между рекламой и действительностью. Между тем и этот трюк имеет также психологическую подоплеку, которую, наверное, может прояснить случайное замечание Томаса о его отце: «Мой отец был очень умным человеком. К сожалению, его сын ничего не унаследовал от его ума». Пропагандистская ироническая скромность оратора только слегка маскирует противоположность его отцу, которая проявляется также и в других высказываниях, особенно, когда Томас противопоставляет свое религиозное рвение мнимому «агностицизму» отца. «Моя борьба» Гитлера не оставляет сомнения, что у него с отцом были острые психологические конфликты

и частые столкновения по практическим вопросам. Вероятно, в трюке «барabanщика» или «посланца» выражается желание говорящего считать образ сына тем, кто еще не является самим «ожидаемым»⁷. Эмфатическое противопоставление понятий сына и Бога отцу является, между прочим, одним из центральных пунктов в теологических «вывихах» Томаса. Агитатор, который хочет, чтобы его последователи отождествляли себя с ним, подражали ему, представляется не только как превосходящий их, как сильный человек, но одновременно и как его полная противоположность. Такой же слабый, как и они, он скорее сам нуждается в спасении, а не может быть спасителем. Он сын, подчиняющийся отцовскому авторитету, зависимый человек, и состоит на службе у более старшего, чем он сам⁸, который, однако, уже не отец, а что-то расплывчатое, смутное и весьма неопределенное. Все стимулы позволяют сделать вывод, что это общность «сынов», объединенных в фашистские организации, чья власть является психологической компенсацией слабости отдельного. Образ фашистского диктатора не является больше образом отца. В современной фазе общественного развития, когда семья перестает быть самосохраняющейся, независимой экономической единицей и отец не является больше гарантом жизни своей семьи, он не представляет больше психологически превосходящую общественную инстанцию. Если образу Сталина еще присущи некоторые восточные, патриархальные черты, то у Муссолини имеются только намеки на них, а у чолостяка Гитлера и его коллективного образа они отсутствуют полностью. Гитлер выступает, более того, как бунтующий, невротический слабый сын, которому обеспечивает успех как раз невротическая слабость, так как она позволяет ему раствориться среди себе подобных в движении. Фашистский вождь должен достичь власти путем «самоотдачи», путем передачи себя обществу. От общества он получает обратно свой авторитет, за него он хлопочет во всех своих символических высказываниях. Отсюда идет тенденция подчеркивать, что он уже не спаситель, а его посланец или заместитель. Томас, с точки зрения публики, которая чаще всего состоит из людей среднего возраста со строго христианскими убеждениями, более патриархален, чем современные фашистские типы вождей. Это ни в коей мере не делает его более безвредным, однако его специфические качества позволяют ему оказывать влияние на группы людей, трудно достижимые для пропаганды⁹. Но он не может полностью отказаться от фашистского толкования «сына», которое проявляется в уверениях в его смиренной преданности чему-то большему, чем он сам в своей миссии простой предтечи спасителю. Подлинный психологический трюк фашизма состоит в превращении предшественника посредством определенных неосознанных механизмов в того, кого он должен провозгласить.

«Большой маленький человек»

За исключением его тяжеловесных, неосознанных импликаций трюк «посланца» входит в более общую структуру фашистской пропаганды. Он обозначает констелляцию, которая характеризует общую связь между оратором и слушателями. Как воплощение психологической «интеграции» своей публики в единство, оратор одновременно слаб и силен, слаб, поскольку каждый отдельный человек из толпы считается способным отождествить себя с фюрером, который поэтому не может его слишком превосходить: силен, поскольку он представляет могущественный коллектив, который образовался благодаря единению слушателей. Он создает себе имидж большого маленького человека с оттенком инкогнито того, который идет неузнанным по тому же пути, что и другие, но который в конце должен проявиться как спаситель. Он требует интимной идентификации и поддержания рабелепной дистанции; поэтому его образ намеренно противоречив. Он рассчитывает на слабую память людей и полагается больше на неосознанные потребности, к которым он взывает в различное время как к consistentным рациональным убеждениям.

О трюке «большой маленький человек» есть двоякое суждение. Во-первых, это отношение Томаса к деньгам, или способ, каким он объясняет свои финансовые проблемы. Насколько известно, он не имел существенной финансовой поддержки, хотя его роль в кампании Мерриам-Синклер (предвыборная кампания республиканца Франка Ф. Мерриама против демократа Алтона Синклера в 1935 г. в Калифорнии), как и некоторые другие факторы, позволяют предположить наличие такой поддержки. Однако, если он действительно зависел от небольших взносов своей радиобщины, то его поведение довольно необычно. Никакое уважение собственного достоинства не мешает ему снова и снова кланяться деньгам, никакие благочестивые угрызения совести не запрещают ему смешивать религиозные и финансовые дела в такой форме, которая должна возмущать верующего человека. Все речи наполнены слезливыми, нарочито бесстыдными, умоляющими просьбами о пожертвовании. Нет ни одной речи, в которой он не выступал бы как нищий. В период развития национал-социализма, особенно в 1930–1933 гг., когда партия иногда расходилась во мнении со своими спонсорами, один сбор денег на улице сменял другой. У других американских антисемитских агитаторов такое попрошайничество также стояло на повестке дня. Было бы близоруко недооценивать его психологическое значение. В общем, люди готовы придавать более высокое значение делам, на которые они жертвуют деньги. Деньги действуют, как замазка. Однако это в недостаточной степени объясняет, почему сам будущий фюрер, поразительно противореча идее своего величия, выступает как нищий. Честолюбивые люди, как Томас или Фелпс, наверняка более заинтересованные в своей политической карьере, чем в непосредственной скромной финансовой

прибыли, очевидно, знают, почему они все время крикливо повторяют свои просьбы о долларах и центах. Одной из причин этого могло бы быть универсальное чувство неуверенности масс в современной экономической ситуации. Никто, кроме очень богатых, не чувствует себя господином своей экономической судьбы, а наоборот, большинство людей являются объектом гигантских слепых экономических сил. Каждый чувствует себя в определенной степени во власти общества, за психологическим образом каждого индивида таится призрак нищего. Фашистский агитатор учитывает эту ситуацию. В позе нищего-попрошайки он становится на одну ступень со своими слушателями, он не колеблется сам начать попрошайничать, подвергаться тому же унижению, которого они боятся, он символически освобождает их от стыда быть попрошайкой, он в качестве заместителя исполняет эту функцию и, так сказать, ее благословляет.

Нередко у Томаса техника попрошайничества, похожая на метод индульгенции римско-католической церкви в начале буржуазной эпохи, принимает черты метафизического шантажа. Во всяком случае он дает понять, что тот кто помогает оплатить его счета, может купить царство небесное. «Мы записываем очень точно каждый доллар, который нам дают для движения, мои друзья, так что мы знаем каждый пенни, который нам поступает, и знаем, откуда он пришел и куда пойдет. Я призываю Святой дух, чтобы он говорил вашим сердцам, чтобы вы приняли посильное участие в этом большом движении, которое распространяется по Америке. Подумайте о том, что мы должны оплачивать наши счета, маленькие счета, почтовые сборы, счета за радио и счета из канцелярии». При попытке направить «Божью десятину» в свой собственный карман, Томас явно спекулирует на сложных отношениях большинства людей к деньгам, на чувстве нечистой совести перед лицом того, что они имеют. Кроме того, он апеллирует к американскому чувству хорошей сделки, к пониманию того, что все имеет свою цену и все должно быть выражено в финансовом эквиваленте, причем он следует директиве рекламы, которая надеется, что домохозяйки купят их мыло в качестве платы за их «мыльные оперы». Томас комбинирует это представление с трюком неутомимости: «Я жертвую этому великому делу каждую искру моего разума. Я спрашиваю себя, могу ли я попросить некоторых из вас прислать 10 долларов». Мало того что Томас попрошайничает у своих слушателей, он даже не боится постоянно жаловаться на свои финансовые трудности, упоминать об обязательствах, которые он взял на себя, хотя они слишком большие, чтобы он когда-либо мог их выполнить. Он срочно нуждается в помощи своих последователей, которым маячит огромное вознаграждение, и которые могут считать себя в финансовом плане даже богаче его, если они поддержат великого маленького человека, имеющего такие же заботы, что и у них. Одновременно, признание в такой некорректности может разбудить у слушателей инстинкт хищника.

Для пропаганды Томаса, характеризующейся смесью кичливости

человека, который руководит важным делом, и криком отчаявшегося, показательна следующая цитата: «Я очутился в кризисе относительно моей будущей работы. Мой администратор представил мне от моей типографии счет за май, который составляет 800 долларов. Я заявляю открыто, что я не знал, до какой суммы вырос этот счет. Я установил, что в мае мы разослали сотни тысяч экземпляров всех наших печатных трудов. Только за май наши расходы на печать и почтовые сборы составили 1200 долларов. Я должен теперь решать. Или я должен буду обратиться к вам с решительным призывом помочь мне оплатить этот счет, или я должен немедленно приостановить рассылку. Без сомнения, мне придется полностью прекратить рассылку, пока этот счет не будет оплачен. Я не могу допустить, чтобы он стал еще выше, и я не думаю, что это воля Божья. Я не знал, и я не заметил, что счет из типографии за май самый высокий за всю историю движения, что он так вырос. Конечно, я благодарю Бога за это. Это же показывает только размер нашего движения, но это также и показывает, мои дорогие, что Вы и я сегодня утром упадем на колени и должны поставить этот вопрос на повестку дня». «Я имею больше власти, чем денег», — хочет сказать Томас, когда он, с одной стороны, как менеджер намекает на своего коммерческого директора, а с другой стороны, клянчит 800 долларов.

Не только финансовыми делами ограничивается комбинация мелочности и возвышенности. Вообще поведение Томаса колеблется между незначительными, прозаическими, каждодневными делами и высокопарными рассуждениями, которые объединяются без каких-либо логических переходов и идентифицируются друг с другом, так что даже самый жалкий слушатель может сразу же почувствовать себя «поднятым» из своего низкого положения в царство идей. Ни Томас, ни его слушатели не думают о пути, который ведет из их собственного частного существования в сферу социальных и религиозных абстракций. Чтобы извлечь выгоду из узколобости и лишенной иллюзий трезвости бедных, из старых теологических традиций извлекаются высокопарные идеи и карикатуры, ими манипулируют и переносят в мир их представлений. Речи Томаса изобилуют ничтожными техническими подробностями, которые связываются с «этим великим движением» или с распространением христианской веры в Америке. Так, он однажды описывает, как можно добраться до его церкви, даже упоминает, что «помощники сопровождают посетителей через бульвар» и продолжает: «Неприменно приходите сегодня вечером. Если Вы истинные христиане и настоящие американцы, а я знаю, тысячи среди вас являются таковыми, Вы будете здесь, так что мы сегодня вечером что-то с Божьего благословения сможем предпринять». Эта техника еще применяется к понятию вечной жизни. Переведенная на язык маленького человека, который боится всех земных болезней, она делает вечность, так сказать, страховкой жизни. «Вы знаете теперь, что означает вечная жизнь? Это означает навсегда и вечно. Это означает жизнь без конца. Это означает

жизнь, где нет смерти. Это означает жизнь, где нет болезней. Это означает жизнь, где нет забот».

Если обещания полностью неосуществимы внутри существующего общества, и не поддаются никакому рациональному контролю, они становятся безудержными, как дневной сон детей, в которых он хотел бы превратить своих слушателей. «Вечная жизнь означает, что ты и я, и каждый мужчина, и каждая женщина, которые принимают сына Живого Бога, 10 000 лет, десять миллионов лет, десять миллиардов лет, десять триллионов лет будут жить дальше, и каждую эту цифру вы можете умножить на 10. Это означает всю вечность. Разве это не стоит того?» Гиммлер предсказывал в известной речи, что Третий рейх будет продолжаться от 20 до 30 тысяч лет. Самое совершенное выражение идеи большого маленького человека, в том виде, в каком Томас хотел бы ее высказать, это его хвастовство триллионами лет жизни и одновременно завершающий вопрос «Разве это не стоит того?». Он ассоциирует представление о триллионах лет с солидной инвестицией, располагает вечностью и является надежным маклером.

Трюк «великий маленький человек», в котором трезвость идет рука об руку с великолепием, комбинируется в предложении, которое показывает чрезвычайное пренебрежение пропорциями, опять с трюком неутомимости: «Молитесь, чтобы Бог был в душе и сердце этих больших живых слушателей, чтобы они день и ночь не находили покоя, пока они все не затребуют эту важную литературу, которую мы рассылаем бесплатно». Он устанавливает непосредственное отношение между требованиями незначительных брошюр и религиозным миром души. Спать может только тот, кто непрерывно требует «эту жизненно важную литературу».

Человеческий интерес

Мотивом другой предпочитаемой Томасом позы, трюка «человеческий интерес», является контингент его аудитории, которая большей частью состоит из пожилых, немного одиноких, разочарованных людей, и прежде всего слушательниц женского пола. По хорошо показавшему себя образцу, типа ключевых фигур в женских журналах с их чрезвычайной силой притяжения, он симулирует личное тепло, близость и доверие. Он выступает в некоторой степени как простой философ, по-народному добродушный, скромный человек с золотым сердцем, который, хотя сам и не живет в роскоши, думает прежде всего о своем близком, несет ему облегчение и помогает то в одном, то в другом. Этот трюк у Томаса предназначен для специфической публики, его также можно встретить у Фелпса и у многих других фашистских агитаторов в США, но в немецкой национал-социалистической пропаганде он отсутствовал. Очевидно, чрезмерно высокое давление технологии и высокоцентрализованной деловой культуры в этой стране заставляет тех, кто подвержен этому явлению, требовать «сильных

таблетку». Радиовещание с его фальшивой непосредственностью, которое приносит далекий голос в дом маленького человека, является, конечно, особенно подходящим медиумом для этого трюка.

Как кажется, Томас может совершенно без стеснения говорить постороннему о своих самых интимных вещах, о вещах, обычно умалчиваемых, если кто их действительно пережил. «Бог позвал меня. Он позвал меня только тогда, когда моя маленькая мама лежала на смертном одре, когда она послала за мной и сказала: “Прежде чем ты родился на свет, я обещала тебя Богу, я поклялась, что ты должен стать слугой Сына Божьего”». Это событие, как он сказал, изменило его жизнь до основания и означало Августинский поворот. «Моя жизнь сразу же переменялась. Вещи, которые я любил телесно, я теперь стал ненавидеть.» Его частную жизнь нельзя назвать счастливой: вся семья мобилизуется для целей пропаганды. Если его жена заболела, он просит все общество молиться за нее, но одновременно добавляет, что она чувствует себя не слишком плохо. Если он страдает от кашля, то использует его как средство установить личный контакт, казаться «человечным», в то же самое время старается подчеркнуть свой безграничный дух самопожертвования. «Когда мне сегодня приходится кашлять, я знаю, что вы извините меня за это, и вы увидите, как трудно мне работать, несмотря на тяжелое препятствие.» Соответственно он притворно проявляет «искреннее» участие в домашних делах своих слушателей. Всегда есть больные, страдающие люди и люди, живущие в унижительных условиях: всем им он выражает свою симпатию. «Я надеюсь, что все спокойно провели ночь, что вы свежи и готовы к завтрашнему великому дню, как и сегодня.» Он разделяет их радости не меньше, чем их заботы, и заигрывает с их гордостью по отношению к молодежи. «Мужчины и женщины, которые слушают меня в этот утренний час, и чувства которых в действительности не захватили их, пусть посмотрят в голубые глаза своего ребенка.» Здесь явно виден трюк. У бесчисленного количества детей голубые глаза, однако для большинства матерей они являются личным, специфическим признаком. Когда Томас на них ссылается, он симулирует связь с людьми, которых он никогда не видел, не рискуя быть разоблаченным.

«Доброе старое время»

Особой формой трюка «человеческий интерес» можно назвать трюк «доброе старое время». Он акцентирует старомодное и устаревшее в действиях и в окружении людей. Вероятно, американский культ нового вызывает скрытую враждебность у тех, кто не пользуется плодами технической цивилизации, хотя для других, использующих ее преимущества, жизнь в быстром темпе прогресса становится все холоднее. Томас с избытком компенсирует это чувство, подчеркивая старомодность и домашнее как настоящее, как связанное с традицией, как бы несущее налет

старинны, которого нет у нового, но которое, как и все новшества, само попадает под рекламную схему, под известные методы рекламы. В описании церкви недостаточность блеска в ней становится у Томаса ее достоинством. «У нас здесь мало что есть от церкви. У нас нет пестро разрисованных окон, нет много мрамора и камня. У нас только маленькая старомодная церковь на этой большой центральной улице. Все вместе стоило не больше 3600 долларов, но, друзья мои, здесь мы любим Христа, здесь мы пытаемся служить ему всеми нашими силами. Если ваши силы иссякли и вы устали от жизни, если думаете, что Бога нет, то почему вы не придете сегодня вечером?... Может быть вы возьмете в руки свою старую Библию, которая была любима вами и сохранилась у вас от отца или матери. Идите и возьмите ее в руки.» Из враждебности и разочарования Томас извлекает пользу, выдавая простоту тех, кто не может позволить себе ничего из приятных вещей, за морально более высокий образ жизни. Кроме того, осуждение «пестро разукрашенных окон и мрамора», которые являются здесь религиозной заменой «макияжа» и губной помады, находится в гармонии с его в общем аскетическим, антигедонистическим образом действия, который он практически разделяет со всеми фашистскими агитаторами во всем мире.

Фантастическая картина, скрывающаяся за трюком «человеческий интерес» — это идеал традиционалистических, антилиберальных бедняков, которые, вопреки убогости своего существования, довольны и готовы пожертвовать собой для сохранения именно тех условий, из-за которых они страдают, испытывая в качестве вознаграждения сомнительное удовольствие от неопределенного внутреннего превосходства над богатыми и недовольными. Все сентиментальные призывы Томаса имеют целью поддержание этого отношения, которое он считает особенно многообещающим у специфического слоя своих слушателей. «Я сегодня вижу, что ко мне приходят большие толпы скромных женщин, с шершавыми руками от мытья полов, от работы у корыта. Я вижу большое количество тех, которые никогда в жизни не падали на колени перед коммунизмом. Я вижу это большое войско женщин, многие из них... экономя, молясь, работают, чтобы это прекрасное Евангелие сына Божьего дальше распространялось по земле.» По существу вся наигранная личная поза Томаса состоит в подчеркивании частного элемента, сходства между ним и его слушателями, в подчеркивании всей сферы интересов как своего рода эмоциональной компенсации за холодную, самоотчуждающую жизнь большинства людей и прежде всего бесчисленного количества изолированных индивидов нижнего уровня среднего сословия. Именно благодаря непосредственности и теплоте общения, теплоте его способа приблизиться к людям, усиленной посредством радио, он глубже и прочнее овладевает ими. Не солидарность, а послушание являются заменой их изоляции и одиночества. Устарелые, как бы докапиталистические формы человеческой эйфории он

противопоставляет современным условиям жизни, чтобы препарировать их для трансформации в нечто более прогрессивное, тоталитарное государство фюрера. Фальшивый индивидуализм, который он проповедует, лишь усиливает тенденцию отказаться от индивидуума, в то время как он вливается в коллектив, где может чувствовать себя «защищенным», но не имеет права вообще что-либо сказать.

2. Метод Томаса

Вводные замечания

Изучать методы Томаса необходимо не только потому, что они являются правилами для всех фашистских и антисемитских агитаторов, настоящие учения которых действительно существенно расходятся, но и по особой причине. Для Томаса, как и для большинства его товарищей по интересам, метод (т.е. «как») важнее, чем содержание, (т.е. «что»). Его настоящее дело — манипулировать людьми, сформировать их как сторонников своей организации, и для этой цели в конце концов служит все, что он делает. Идеи и постулаты — это лишь приманка, они имеют лишь незначительный объективный вес. С одной стороны, он слишком осторожен, чтобы раскрыть свои истинные цели, с другой стороны, он, возможно, с полным основанием предполагает, что его слушатели понимают намного лучше, за что он борется: шовинистическое насилие, если он менее эксплицитно занимается политическими целями. Он следует старому шовинистическому практическому правилу кулака: всегда об этом думать, никогда об этом не говорить. Частично сами цели расплывчаты, не выражены и должны быть приспособлены к изменяющейся политической ситуации, как только фашист почувствует себя вправе отдавать приказ; частично слушатели не должны абсолютно точно знать намерения и программу, ведь они могли бы обнаружить вопиющее противоречие между собственным, крайне примитивным интересом и интересами тех, бороться за которые они призваны. Поэтому подчеркивание «что» сдвигается на «как». Томас — специалист по рекламе в очень узкоспециализированной области превращения религиозного ханжества в политическую и расовую ненависть. Он уделяет больше внимания своей технике рекламы, чем идеям, которые он хочет продать. Тщательно продуманы психологические стимулы и ожидаемые механизмы реакции: его политическая позиция, напротив, расплывчата и абстрактна, или наивна и абсурдна. С полным основанием можно поэтому предположить, что он сознательно уделяет больше внимания обдумыванию психологических методов, чем конкретным политическим вопросам, так как, наоборот, последние проявляются только на очень трезвом, псевдотеоретическом уровне, в языке избирательных кампаний и в скандальных слухах, и так мало говорят о его конечных целях.

Совершенно нелогичны по объективным понятиям речи Томаса по радио. Нет ясно отграниченных и прозрачных отношений между посылками и заключениями, причиной и следствием, фактами и понятиями. Между тем, Томас хитер, и было бы неправильно отмечать у него отсутствие дискурсивной и объективной логики, недостаточность умственных способностей. Его логика основывается на чрезвычайно логических рефлексиях о психологии его слушателей и лучшим способом дойти до них. Без сомнения, некоторые по виду весьма нелогичные приемы являются результатом интенсивного обдумывания и длительного опыта, однако нельзя не заметить некоторое сходство между определенно путанным мышлением слушателей и мышлением оратора. В общем, однако, речи Томаса по радио дают отличный пример одной из основополагающих характеристик фашистской и антисемитской пропаганды: до мельчайших подробностей рассчитан ее иррационализм, чрезвычайно рационалистичной природы, не только в отношении иррациональной философии, которую она имплицитно подразумевает, но и ее иррационального эффекта. «Эмоциональное планирование» — таково было бы адекватное название метода Томаса, как это доказывает в первую очередь генеральная тактика его речей, которые делятся на две в корне различные группы: «эзотерические» и «экзотерические»¹⁰. Не распространяемые по радио, эзотерические речи прежде всего обращены к слушателям в Тринити, к ядру его последователей, которым он может сказать, что он думает, и которых мог возбудить до вершины эмоциональной ненависти. Только здесь он не сдерживал в узде свою антисемитскую пропаганду, и здесь находится ключ для определенных пассажей его речей по радио, в которых, из-за того, что они прошли контроль радиостанций и общественного мнения, звучат более мягкие тона и в которых чаще всего избегаются поношения и ругательства. Их функция состоит в том, чтобы привлечь новых членов для своей организации и, само собой разумеется, получить деньги. Экзотерические речи, изучением которых мы здесь ограничимся, должны быть поняты в основном как реклама для необщественных, внутренних происков, они тщательно взвешены. Всегда, когда Томас осмеливался на сильную политическую атаку, он в следующий раз вел себя мягко и безобидно. Очень часто, речи, которые затрагивали частично политические вопросы, сменялись речами на религиозные темы. Намеренно или автоматически он имитирует «волновую технику» Гитлера, как ее описывает Эдуард Тейлор.¹¹ Часто он держал на всякий случай дверь открытой для отхода и мог бы даже компенсировать антисемитские высказывания, следуя манере Кафлина, путем призывов к не евреям как к евреям. Рассматриваемые в целом его речи, вследствие растущего размаха «его крестового похода», могут развивать определенное крещендо по силе и агрессивности, которое однако все время прерывается, если он сталкивается с трудностями из-за общественных организаций, и это нельзя точно измерить. Речи по радио в общем относятся к области косвенной.

полускрытой фашистской и антисемитской пропаганды, и большинство его трюков можно проследить вплоть до стремления разбудить ненависть и насилие, не компрометируя самого себя. В этом отношении он отличается от многих антисемитских агитаторов, таких, как например, Пеллей. Однако, даже тогда, когда он достаточно изощрен, чтобы ни с чем себя не связывать, он использует это как особый вид угрозы; без сомнения, на него оказывает влияние национал-социалистическая пропаганда, которая постоянно звучала самым угрожающим образом, когда она подчеркивала «строгую легальность» своих методов и намерений.

Трюк «движение»

На основе цитат невозможно доказать неопределенность заявлений Томаса о его политической цели, так как они являются отрицательным аспектом его высказываний. Он определяет цель как озабоченность святостью Бога и предстоящей «регенерацией» мира. (Идея регенерации, которая включает ненависть к «дегенерированным», встречается у всех антисемитов с времен Гобино и Чемберлена). Между тем Томас сам хитро использует неопределенность, заменяя намеренно неясно сформулированную цель движения на понятие движения. Пространно и без какой-либо точной связи он описывает приближающееся «пробуждение»: «Мой друг, есть только один путь обновления, и вся Америка должна прийти к этому обновлению. . все церкви. История великого валийского пробуждения была просто такой: люди были в отчаянии по поводу святости Бога в мире, и они стали молиться и стали просить Бога послать пробуждение (!), и куда бы ни шли мужчины и женщины, они чувствовали это пробуждение. Оно не ограничивалось одной церковью, одним районом. Когда мужчины и женщины собирались на улице, их охватывало нечто великое, и они познавали Бога. Они начинали призывать Бога принять их души». Эти описания более ранних встреч с пробуждением, наверное, не являются совершенно неправильными. Хотя они в действительности были не столько торжеством конкретной, специфической идеи, сколько коллективной имитацией, заразительным экстазом. Не случайно, что Томас описывает валийское движение пробуждения не иначе как универсальное желание обновления. Пробуждение не означает пробуждение для чего-то определенного, оно в большей степени цель в себе. Томас переносит желание обновления на свою собственную систему политических трюков. Его движение является целью в себе, как и движение национал-социалистов, которые сделали из слова движение фетиш, но направление марша оставляли в неопределенности. «Это великое движение» — восхваление действия, которое продолжается, стирает и заменяет одновременно свою цель. Томас становится конкретным только тогда, когда речь идет о деньгах или об организационных вопросах, когда он говорит о своих противниках и о якобы

грозящей опасности, но никогда о позитивной идее. Здесь, возможно, имеется связь с некоторыми важными импликациями разработанных для его слушателей стимулов. Томасу важно скорее знать настроение «против», чем «за», и удовлетворение, которое обещает его акция, в конечном итоге едва ли может быть другой целью, кроме погрома. Движение ценно само по себе, ибо оно означает насилие, угнетение слабого и демонстрацию собственной власти. А так как оно стремится к порабощению собственных последователей, оно их отвлекает и концентрирует их честолюбие на приятных сторонах самого движения, а не на идеях, которые оно может быть однажды осуществит. Перемещение акцента с целей и средств — одна из аксиом фашистской логики манипулирования — кончается лозунгом: «Что мы можем продемонстрировать миру, что есть патриоты, богобоязненные, христианские мужчины и женщины, которые готовы пожертвовать свою жизнь делу Бога, Родины и Отечества».

Эта идея звучит как лозунг ку-клукс-клана, нативизма и шовинизма, т.е. слова, подобные этим, несут определенное деструктивное содержание, но остаются, не считая такие ассоциации, расплывчатыми. Нельзя не заметить трансформацию средств — «Свою жизнь пожертвовать на дело Бога» — в цель: тому делу, которое никогда однозначно не называется. Томасу остается только отрицательное понятие жертвы, которую он может предложить в конце. Средствами для совершения этого якобы являются христианский американский крестовый поход, его произведения и памфлеты, а также деньги, которые он требует. Чтобы им содействовать, он использует весь арсенал своей пропаганды. Пропаганда — ее основное содержание.

Техника «бегства от мысли»

По логическому построению речей Томаса становится очевидным отсутствие программы или цели. Так как ему нечего доказывать, не надо стремиться делать настоящие выводы путем анализа подаваемого материала, то и не приводится никакая действительная аргументация. Однако, будучи американцем, Томас учитывает здравый смысл своих слушателей, поэтому он поддерживает форму рационального мышления, подкрепляя тезисы примерами и будто бы применяя метод дедукции. Но как и примеры, так и выводы — это только видимость. Логический трюк состоит в том, что постоянно за данное берутся так называемые «выводы», которые являются с самого начала существующими убеждениями каждого истинного американского христианина. Когда он для вида что-то доказывает, он в действительности хочет только усилить те общие предрассудки, которые удобны для его планов. Все решено еще до того, как начинается аргументация. В его запутанных идеях господствует нечто вроде тоталитарного порядка. Все упорядочено и установлено, что есть зло и добро, каковы силы христианской традиции, семьи, родного дома, каковы силы низкого,

дегенерации и мирового большевизма. Проблем нет, противники не опровергаются, рациональная правильность тезисов не доказывается. Голая идентификация, просто классификация — это и есть логический процесс. Весь ассортимент ценностей, также самых сомнительных, рассматривается как определенный заранее. Оратор направляет все свои усилия на идентификацию группы лиц, рас, деноминаций или, что еще может быть, с помощью застывших понятий своей системы отношений, и даже в этом процессе идентификации он ни разу не старается подтвердить правильность принадлежности какого-либо явления к этим псевдологическим классам. Он подпитывается предрассудками и усиливает их, подводя их под высокопарные категории, такие, как силы зла, фарисеи или битва под Армагеддоном. Аргументация заменяется трюком «name calling-device»*, как этот трюк называется в книге о Кафлине, изданной Институтом анализа пропаганды. Причина — не только слабость самой фашистской аргументации, которая с точки зрения ее потребителя достаточно разумна, но прежде всего циничное презрение к мыслительным способностям последователей, как ее открыто выразил Гитлер. Томас рассчитывает на слушателей, которые не могут думать, не способны обеспечивать длительный процесс дедукции, по-видимому, интеллектуально живут, так сказать, от момента к моменту и реагируют в меньшей степени на консистентные мыслительные структуры, чем на изолированные, логически не связанные рассуждения. Они знают, что хотят и чего не хотят, но не могут освободиться от своих непосредственных и атомистических реакций. Поднять их атомистическое мышление до «разумного» процесса — это один из главных трюков Томаса. Репродуцируя в своих речах расплывчатый процесс мышления, ограниченный голыми ассоциациями, «внутренним» монологом, он дает людям, не способным мыслить, приятную возможность почувствовать себя разумным человеком. Он подсовывает беспочвенные фантазии в качестве рационального процесса.

Наиболее часто применяемая техника в логике манипуляций Томаса — это техника «ассоциирующих переходов». Выбираются ли они намеренно или связаны с ораторской привычкой, ее содержание, разнообразные выражения, идеи можно объединить не посредством логических процессов, а поверхностно посредством каких-либо общих моментов, которые, несмотря на возможную полную логическую несовместимость, создают впечатление связи друг с другом. Типичная, очень часто в разной форме повторяющаяся мысль звучит так: «Христос говорит, по их плодам вы должны их узнавать. Ну, единственный путь проверить, верует ли мужчина или женщина в Бога, можно по их делам. Мой друг, одно из лучших средств на свете, чтобы доказать, что ты дитя Бога, — это повлиять на своего ближнего: затребуй для этого все жизненно важные труды». Трюк состоит здесь в

* Name calling-device — (англ.) устройство вызова имени.

употреблении слова «ближний», которое благодаря своему двойному значению способствует связи мыслей. С одной стороны, это слово играет определенную роль в христианском теологическом языке: идея «по их плодам, вы их узнаете» истолковывается обычно как добро, которое делают своему ближнему: с другой стороны, «ближний» — совершенно реальный человек, т.е. знакомый, которому сторонник Томаса должен передавать дальше эстафетную палочку пропаганды «от дома к дому». Он должен запросить эти «жизненно необходимые произведения», чтобы в соответствии с пресловутым трюком цепного письма, тоже имеющим свое собственное побочное значение, начать цепь, завязать контакт с вашими ближними, чтобы они привлекли еще пять человек и далее поддерживать цепочку в действии. Идею добрых дел Томас связывает с заказом его публикаций, он связывает теологическую и моральную истину со своими памфлетами. Связь, которой совершенно нет, устанавливается им с помощью понятия «ближний».

Еще более произвольна связь в следующем примере: «Сегодня утром я смотрю на пустынный берег Новой Англии и вижу там майские цветы и небольшую группу мужчин и женщин, которые провели три месяца на большом, ни на одной карте не обозначенном море, и вот что они говорили: “Во имя Бога, прислушайтесь к историческому компасу, воплощенному в весеннем цветке”. Вы призываете того же Бога, что и наши отцы, вы просите того же самого Бога, чтобы он повел вас сквозь бури, которые на нас обрушиваются. Подумайте о том, мои друзья, что христианский американский крестовый поход может быть не будет длиться более 48 часов, если Вы не принесете настоящей жертвы силой святого Духа. Я, наверно, не смогу больше работать, если я не получу достаточно денег в течение ближайших 24–38 часов». Здесь переход осуществляется благодаря употреблению одинакового выражения для чего-то реального и чего-то метафорического. Майские цветы были преданы морским бурям. Компания Томаса находится в финансовом кризисе, он называет его бурей, чтобы иметь возможность сравнить свое движение с вознесением майских цветов. Он извлекает выгоду из ореола незабываемой американской легенды и набожности отцов-паллигримов. Набожными являются и его последователи. Быть набожным означает также приносить жертвы, поэтому во имя майских цветов их призывают к пожертвованию денег.

Совершенно формальной является связь идей в последнем примере: «В сознании Христа мы приходим и уходим и находим пастбища. Наш Бог заботится о пастбищах для своих овец. В этом причина, почему послание выходит сегодня — оно является пищей для духовной жизни».

Центральное бюро рассылает один и тот же материал одновременно большому количеству людей. В одном случае, это якобы Бог, питающий своих детей духовной пищей, в другом — это мистер Томас, который вещает по радио. Посредством ассоциативного перехода с помощью языка Библии

Томас, подающий свое послание как послание Бога, достигает глубинного смысла этого трюка. Он близок к так называемому трюку «перехода» (трансфера) в упомянутом исследовании Кафлина, но содержит больше, чем идею о заимствовании престижа у чего-то устоявшегося и переносе его на нечто апокрифическое и даже низменное. Его настоящая цель, наверное, не столько подсластить фальшивую аргументацию, сколько разрушить у слушателей понятие логики, и отнять у них в конце концов любое понятие правды, которое эти люди должны были бы иметь. С опорой на авторитет, включающий в себя поведение любого оратора перед толпой, что одновременно равнозначно команде, они тренируются для восприятия риторического словоизвержения. Они должны отказаться от элемента сопротивления, содержащегося в каждом акте ответственного мышления, и следовать за вождем сначала разумом, а затем лично сквозь огонь и воду. Сотни и сотни раз используемая во всех речах такая техника, как практически и все другие обсуждаемые в этом исследовании, становятся, так сказать, моделью и получают еще больший шанс быть принятыми. У Томаса — такой «стиль мышления», консистенция которого, благодаря постоянным повторениям, скрывает внутреннее противоречие в каждом конкретном случае.

«Слушайте своего вождя»

Азбучная истина, заключающаяся в том, что авторитарная пропаганда делает все, чтобы создавать авторитарные идеи, сама по себе не является признаком фашизма. Другие идеологии, особенно религиозные и феодально-консервативные во все времена превращали понятие авторитета в свою тему. Новым в пропаганде авторитета является то, что антидемократия не может больше ссылаться на авторитеты, которые, как церковь, считаются достоверными благодаря сверхъестественным откровениям, или обоснованными вездесущей традицией, вроде «легитимной» идеи феодального авторитета и до определенной степени даже монархизма. Современный авторитаризм стоит перед проблемой, появившейся впервые еще во времена французской реставрации в произведениях таких реакционеров, как Бональд и де Мейстр. Фашизм должен был бы пытаться оправдать авторитаризм, как одну из присущих современному обществу тенденций, и при этом он должен быть готов к суждению, противоположному идее авторитарности, и должен предстать как раз перед теми массами, которые он хочет подчинить себе посредством авторитета. Эта почти неразрешимая задача, если она вообще должна быть предпринята с какой-либо надеждой на успех, то потребует определенной уловки и искажения фактов.

Большинство видов техники по рациональной и «демократической» защите слепого авторитета, зачастую разоблаченные, избиты. Типичным является описанный в исследовании Кафлина (Институт анализа

пропаганды) трюк «трансфер», переносящий хорошо обоснованный, популярный авторитет веры в идеи или лица на тезис, который фашист хочет переодеть в одежды славы авторитета. В равной степени это относится и к известному трюку «грузовик с оркестром», который должен завлекать людей в движение, обманывая их, что якобы многие уже присоединилось. Мы не хотим снова описывать эти беспрерывно применяемые Томасом приемы¹² и ограничимся лишь описанием недостаточно изученных трюков и исследованием более широкого психологического заднего плана современного псевдоавторитета.

Самое характерное средство обосновать авторитет путем пропаганды квазирациональным путем, не прибегая к традиционно признанным институтам, это подхватить авторитарный термин и сделать его фетишем. А. Сандерс описывает этот трюк под заголовком «магические слова»¹³. Образцом представляется персонификация всех тоталитарных режимов через дуче, фюрера или через лидера, как у Мартина Лютера Томаса¹⁴. Термин «фюрер» действительно является характерным и выражает претензию на непререкаемый авторитет, требование «следовать» фюреру, не ссылаясь на традиционный титул династии. В этом отношении пропагандистский инстинкт Гитлера был настолько ярко выраженным, что он после смерти Гинденбурга даже не принял титул Рейхспрезидента, а назвал себя фюрером всего немецкого народа. Фюрер — это тот, кого нужно слепо слушаться и воле которого надо подчиняться из-за его собственных, всесторонне чтимых заслуг. Его психологический статус парадоксален: иррациональную преданность последователей он связывает с рациональной претензией, что он действительно особенно подходит для этой задачи и должен быть признан ими лучшим. Без сомнения, моделью послужил офицер, который для области политики был лишен всех признаков опыта и организованного контроля. Фюрер сам по себе является офицером, против решения которого не возможно что-то возразить. Его свободу слово «фюрер» выражает тем, что оно становится абсолютном.

Легализованные национал-социалистические конструкции, подобные типу харизмы фюрера, поддерживают распространенное мнение о фашизме, которое согласилось бы с объяснением, что понятие «фюрер», как абсолютное, является совершенно иррациональным и ни в коей мере не отличается от других магических обожествлений человеческих существ. Хотя его экстремальная иррациональность и произвол неоспоримы, этот вопрос был бы очень упрощен и его серьезность недооценена, если непосредственно указать на него, чтобы покончить со всей идеологией вождизма как с чистой бессмыслицей. Нужно принять во внимание два факта. Во-первых, в различных государствах концентрация экономического могущества достигла такой степени, что те, кто обладает этим могуществом, действительно осуществляют то, что в «рациональном» индустриальном обществе сводится к абсолютному авторитету. Тогда потенциальная сила

населения становится заметной, поскольку авторитарные фюреры вынуждены тем, над кем они властвуют, доказывать каким-либо образом свою полезность. Этот факт приводит к парадоксальному в представлении фюрера как абсолютного, но в то же время «ответственного» авторитета. Общественный конфликт, стоящий за этим толкованием, придает принципу фюрера внутреннюю силу, который из-за присущей ей логической непоследовательности является относительно не уязвимым. Хотя авторитет, без сомнения, включает в себя реакционные элементы, идолопоклонство в слове «фюрер» является не просто возвратом к варварским привычкам мышления, но оказывается результатом позднего индустриального общества. на что по крайней мере нужно указать.

Между индустриальной рациональностью и магическим идолопоклонством посредником выступает реклама. Техника конкуренции выработала тенденцию придавать магическую силу рекламным текстам, в сопровождении которых продаются товары, и усиливать эту магию слов благодаря беспрестанному и постоянному, рационально спланированному повторению, притупляющему, однако, осознанную силу суждения будущих клиентов. Важным моментом в этом процессе является то, что покупатели, чувствуящие за постоянно повторяющимися словами сконцентрированную силу, проявляют определенную готовность к послушанию, которое приводит к тому, что разрывается связь между собственными интересами и действительной пользой товара. В конце концов, они придают продукту определенную ценность «самому по себе», волшебную силу фетиша. Этот механизм повсюду в современном процессе торговли настолько автоматизирован, что его можно перенести без труда с помощью простой техники рекламы в область политики. «Методы продажи идеи» не сильно отличаются от методов продажи мыла или какого-либо безалкогольного напитка. При социально-психологическом рассмотрении магический характер слова «фюрер» и вместе с ним харизма фюрера являются ничем иным как очарованием текстами рекламы продаж товаров, которые заимствовали слуги непосредственной политической власти.

Речи Томаса содержат выразительный пример процесса потери связи между понятием «фюрер» и рациональным контекстом, его абсолютизацией, фетишизмом. И неважно, кто фюрер: фюреризм сам по себе идеал, и если говорит человек, пользующийся авторитетом, то за ним следует идти. В одной из своих изоляционистских речей Томас говорит: «Возьмите, например, статьи Харри Карра из лос-анджелесской “Таймс” и прочтите, о чем он сегодня говорит на первой странице... “Мы живем в ужасное время, которое чревато мировой войной. Она здесь”. — говорит он. Он говорит о том, что японцы готовы поглотить Китай и взять его под свою власть. Он говорит, что если Америка только пошевелит пальцем в знак протеста, это будет означать войну, если Великобритания только пошевелит пальцем в знак протеста, это будет означать войну. Он говорит нам, что Япония

захватом Северного Китая обратила внимание мира на то, что Восток близится к концу, имея в виду господство белого человека. «Почему мир не слушает этих людей? Если они уже не слушают Христа и Библию, почему они тогда не слушают своих фюреров?» В последнем предложении в речь Томаса вкралась многозначность. Он молча признает, что религиозный авторитет угас и переносит таким же образом молча авторитет на сегодняшних «вождей», которые рассматриваются, так как они «вожди» и обладают властью, как единственные правомочные наследники божественной и абсолютной авторитарности. В этом решающем пункте, который ярко демонстрирует чрезвычайную иррациональность идеи фюрера, нужно было бы подключить контрпропаганду и подробно изложить, что фашизм оправдывает вождизм ничем иным как вождизмом, что в фашистском обществе восхищение властью важнее всего другого, а именно его мнимого национализма (этот факт ясно выражен в последней цитате), и что в конце концов, можно заменить не только тех, кто выполняет божественные функции вождя, но соответственно также и противников: те же самые изоляционистские группы, за которых выступал Томас в 1935 году, и которые в то время заняли непререкаемо прояпонскую точку зрения, хотели бы сегодня направить все военные усилия против Японии, которая считается теперь заклятым врагом.

Имидж фюрера Томаса, который он иногда показывает более конкретно, очень напоминает нордический, национал-социалистический тип с «выправкой». Хотя имидж должен апеллировать к некоторому роду христианской элиты, используются картины архаической храбрости, дающие возможность сделать вывод об определенных мужских и одновременно героических качествах, прежде всего о недостатке сочувствия и противоречащие идее христианского сострадания. «Я ищу мужчин, которые имеют мужество стоять за свои убеждения. Я ищу женщин, которые действуют по своему убеждению. Я ищу молодую жизнь, молодых американцев, которые слава Богу, имеют острые глаза и ясные принципы, молодых мужчин, храбрых американцев; я ищу молодых женщин, которые смотрят прямо и могут думать последовательно, и которые, слава Богу, готовы действовать, которые не боятся высказывать свое мнение; которые не боятся сказать: "Да, я умру за старое знамя моей отчизны"; которые хотят пойти на линию огня и своей жизнью, если необходимо, защищать эту большую организацию, проливая кровь своего сердца.» Не только фюрер, но и вождь должен быть фюрером, готовым бороться и умереть, и эта готовность вне зависимости от специфического содержания, за которое необходимо умереть, связывается с очень общим понятием «этой большой организации» и превращается в преимущество для себя.

Экскурс в технику «Fait accompli»*

Как нам кажется, такие хорошо известные приемы, как прием снабжать собственную систему трюков идеями устоявшихся авторитетов, или призыв «грузовика с оркестром» («два миллиона покупателей не могут заблуждаться»), или такие определенные понятия, как «вождь», которые делаются фетишем. — это только специальные случаи широко распространенного метода, лежащего в основе любой фашистской пропаганды, по крайней мере, в этой стране. Его можно назвать техникой «fait accompli» и состоит он в том, чтобы рассматривать спорные вопросы как уже решенные. Это предшествующее решение подсовывается массам, защищаящим точку зрения оратора или личного (официального) авторитета, от которого он получает свой престиж, или, по крайней мере, какого-то четко очерченного представителя верхов из области идей, что должно быть переведено в практические, технические термины. Некоторые причины для этой техники ясны. Во-первых, требуется меньше независимости и нравственной смелости, чтобы вступить в партию, которая находится на пути к победе; это преимущество весьма ценно в ситуации, когда агитатор должен считаться с огромным числом людей, которые, живя в условиях, делающих их полностью зависимыми от более сильных, не хотят идти ни на какой риск. С другой стороны, вера, что дело уже решено, заставляет считать любое сопротивление безнадежным предприятием. Терроризирующий эффект усиливается еще и из-за того факта, что фашизм постоянно включает Numerus clausus** и идею элиты, пришедшие позже должны опасаться серьезных потерь, если фашистский режим установится¹⁵. Таким образом, они присоединяются к «грузовику с оркестром», так как они не хотят опоздать.

Само собой разумеется, техника «fait accompli», которая часто принимает бессмысленные и обманчивые формы, едва ли могла бы функционировать, если бы у нее не было базы не только в психологии масс, но и в реальной действительности. Современный экономический порядок имеет действительно широкую тенденцию часто делать людей объектами процессов, которые они часто не понимают и на которые они ни каким образом не влияют. Жизнь, из которой исчезают самостоятельное экономическое предпринимательство и инициатива, является для них в меньшей степени жизнью, определяемой собственной свободной волей, а превращается в нечто, что идет наперекор им, с этого момента их жизнь заранее предрешена. Если появляется организация, которая создает впечатление, что ее постоянно поддерживают определенные силы, и которая что-то обещает своим последователям, то многие охотно и по своей воле поменяли бы неясное

* Fait accompli — (фр.) свершившийся факт.

** Numerus clausus — (лат.) ограниченная толпа.

положение быть просто объектами на членство в таком движении, ведь таким образом они могут поменять проклятую мысль о полной зависимости на активную позицию, на веру в то, что отказом от собственной воли они подключатся к организации, победа которой предрешена. Техника «fait accompli» затрагивает центральный механизм фашистской психологии масс: трансформация чувства бессилия в чувство власти. Чувство бессилия воплощается в подозрении, что исход уже решен, причем ты сам в этом никак не участвовал, однако потом ощущаешь, что таинственным и иррациональным образом появляется чувство силы, когда «перебегаешь» к уже узаконенному победителю. Самой важной задачей контрпропаганды было бы, может быть, вмешаться в этот механизм и решительно объяснить массам, что признание в слабости, полный отказ от себя никогда не приведет к настоящей силе и социальному возрождению. Однако не только фашистская пропаганда манипулирует этим механизмом, он запускается в ход повсюду в современной массовой культуре, прежде всего в кино. Если его использует фашистский агитатор, он может положиться на процессы, которые в определенной степени уже автоматизированы. Даже по виду самый безвредный комик кино в состоянии с этой точки зрения, не осознавая того, содействовать этим пагубным целям господства произвола.

Между тем, этот механизм, как кажется, включает в себя элемент, связанный с еще более глубокими психологическими процессами, и образующий, может быть, платформу осязаемых эффектов. Здесь мы можем намекнуть на это в довольно общем виде: наблюдается весьма распространенная тенденция в современном обществе принимать существующее, то что есть, и даже этим восхищаться. Во времена просвещения дух позитивизма в самом широком смысле разрушил магические и «сверхъестественные» идеи посредством конфронтации с эмпирической действительностью. Прежде всего в США превалирует мнение: истина есть естественно то, что может быть подтверждено фактом. Понятие фактического повсюду в современной истории духа оказалось сильнее, чем какая-либо метафизическая сущность. Однако историческое превосходство является лишь одним из многих других моментов: мы говорим здесь лишь о выживании магических психологических черт после отмены метафизических идей, о чудовищном насилии сегодняшней высокоорганизованной социальной жизни над индивидуумом и непрозрачности, даже иррациональности самого существующего порядка. Все это способствовало тому, что фактическое было окружено как раз тем ореолом, против которого первоначально создавали идею фактического. Даже религия широко и неосознанно была вытеснена очень абстрактным, но сверхмогучим культом существующего. Доказательством того, что что-то существует, считается, что оно сильнее и поэтому лучше чем то, что не существует. Что бы ни называли философским дарвинизмом, он пронизывает каждый уголок современной психологии в такой мере, которая

едва ли может быть переоценена. Техника «fait accompli» эксплуатирует это положение. Придавая всему, что реклама хвалит и что люди желают иметь, качество существующего, она имеет тенденцию делать это объектом восхищения парней-подростков, которые мечтают о машинах и самолетах. Чем упорнее существующее представляется в терминах техники рационального и применяемого, тем сильнее восхищение. Как мы потом увидим, Томас полностью использует понимание этой возможности. Мысль, что существующее широко оправдывает самое себя, ведет назад к исходному пункту наших рассуждений о трюке фюрера, к констатации, что понятие «фюрер», лишенное всякого оправдания, рационально или традиционно принимается и прославляется. Когда Томас задает удивительно общий вопрос, «почему люди не идут вслед за своим вождем?», то его культ фюрера основывается, как мы показали, не только на предпосылке, что власть уполномочивает фюрера, но и, наверно на том, что само существование фюреров, подтвержденное историей, является достаточным основанием для узаконивания их. Здесь фашистская пропаганда глубоко связана с основными чертами современной антропологии культуры. С ней можно более чем с эфемерным успехом бороться только тогда, когда в нашем сегодняшнем порядке окончательно преодолевается очарование существующим в его основе. Иррациональность фашистского воодушевления идеями осуществленных фактов в общем и идеей устойчивого вождизма в частности — это только последнее следствие идеи здравого человеческого смысла, что ничего нет более успешного, чем сам успех. Только если опровергнуто кажущееся благоразумие таких идей, можно опровергнуть также и абсурдность фашизма.

У Томаса техника «fait accompli», не считая неуклюжего использования трюков «грузовик с оркестром», «трансфер» и подобных, больше проявляется в оформлении языка, чем в содержании аргументов. Его организация была слишком ограничена, чтобы расширить пропаганду «fait accompli» в большем объеме, в таком, в каком она велась национал-социалистами в 1930–1933 годах. С другой стороны, по всей видимости, идея «fait accompli» в большей степени выражается только языковыми средствами, а не спорными утверждениями об уже достигнутых успехах: она меньше подвержена национальному контролю и поэтому более эффективна. Мы приведем несколько типичных и все время повторяющихся формулировок «fait accompli» из речи Томаса. Как будто это хорошо известно слушателям, он в основном говорит о своем крестовом походе как «об этом движении», «великом движении», «об этом деле», как будто это является доказанным, прочно устоявшимся, и этим он избегает необходимости все время снова объяснять, чего он собственно хочет. Однако грозный и жуткий подтекст выражения «это движение» — такой устрашающий, что он не может быть даже точно обозначен, однако его нельзя не заметить. В такой же степени Томас ссылается постоянно на свои памфлеты как на «эти жизненно важные

произведения» и называет свою газету «Христианско-американский крестоносец». «Официальный листок» движения, что позволяет делать двусмысленные выводы. С одной стороны, он внушает, очевидное, учитывая коммерческую рекламу, что какие-то не имеющие на то право лица, т.е. «темные силы», например, или другие конкретные группы, могли бы незаконно высказываться за «крестовый поход». в то время как только его газета является настоящей, а все другое — дешевой подделкой. С другой стороны, название «Официальный листок» придает газете и стоящей за ней организации окраску официальности в смысле законного, может быть, даже официального авторитета. другими словами, делается намек на то, что конечная цель — захват власти — почти достигнута. Все фашистские движения стремятся выступать как авторитет, который дополняет существующее правительство и одновременно стоит к нему в оппозиции в качестве полноправной вспомогательной организации еще господствующего общественного порядка, готовый в любое время заменить его. Для выполнения этой техники имеется длинная цепочка идей, начиная от «Официальной газеты», политического шантажа до огромных полувоенных организаций, как например, частных армий национал-социалистов до 1933 года. Метку ее характеризует американское выражение «self-styled»* или «self-appointed authority»**. Однако весьма характерно, что ее пришлось охарактеризовать стандартным выражением, так как трюк — придания партикулярным и частным предприятиям вида общественных и установившихся институтов, сам стал институтом, что является, вероятно, признаком глубоко укоренившегося перехода современного общества к бюрократии.

Трюк единства

Один из самых успешных лозунгов национал-социалистов был направлен против якобы бесчисленных партий в Германии. Отсутствие внутреннего единства они считали причиной кризисов в Веймарской республике, особенно ее неспособность в последние годы создать здоровое большинство в парламенте. Этот немецкий трюк оправдывал себя даже за границей, где часто утверждали, что демократия едва ли могла бы функционировать при наличии 20–30 партий. С самого начала эта идея основывалась на лжи, большинство якобы вредных партий никогда не играли решающей роли и никогда их не было больше 6–7, которые еще имели какое-то значение. Показательно то, что в США, несмотря на их старую и стабильную двухпартийную систему, применяется призыв к единству как прикрытие для тоталитарного репрессивного содержания. Томас применяет его очень часто, не скупясь. Еще больший вес, чем настоящий хаос, имеет предостерегающий призыв к единству. У понятия единства в том смысле, в

* Self-styled — (англ.) самозванный, мнимый.

** Self-appointed authority — (англ.) наделивший сам себя властью.

каком оно здесь применяется, отсутствует какое-либо специфическое содержание. Единство как таковое объявляется идеалом, так как благодаря его формализму оно может быть поставлено на службу самым худшим целям. По всей форме Томас проклинает отсутствие единства в американском обществе, особенно в политической и религиозной жизни, и восхваляет единство как единственную надежду на спасение от постоянно грозящей анархии. С другой стороны, собственная организация якобы олицетворяет такое единство или, по крайней мере, стремится к нему, несмотря на все свои характеристики как партии. Пропаганда Томаса проявляет одну из самых глубоких основных черт фашизма: нечто чрезвычайно ограниченное и частное выдвигать за тотальное (всеобщее), за целостность, общность. Он извлекает выгоду из постоянно присутствующего чувства, что в современном обществе нет настоящей солидарности, направляет его в сферу очень специфических интересов, которые являются антагонистическими по отношению к такой солидарности, т.е. представляет интересы своего шантажа.

Томас специализируется на том, чтобы заклеить недоброжелательство и выступает за единство, но всегда так, что определенные основные формы неравенства, прежде всего существующее различие в собственности и в социальном статусе, оказываются оправданными. «Мои друзья, я хотел бы с помощью силы Святого духа еще раз подчеркнуть, что церковь Божия не является местом зависти и местом разобщения. Вы поставлены на свои места. Вы не можете их выбирать. И не каждый может командовать. Не каждый может, так сказать, возглавлять парад, но это так же почетно (да даже еще почетнее) для мужчины и женщины занимать маленькое место, как для генерала командовать боем. Также важно, мой друг, что Бог сказал, это также почетно, и одинаковое вознаграждение будет для тех, кто руководит делами, так и для тех, кто участвует в битве. Мы должны верно выстоять на нашем месте, на том месте, куда нас поставил Бог.»

Показательно, что клятва единства связывается с клеветой на теологические контрверзы. «Ну, наш Господь ничего не хотел бы иметь общего с недоброжелательством. Он не хотел бы ничего иметь общего с посягательствами на место Иоанна. Вы помните, что фарисеи пытались вбить кол между апостолами, чтобы они поссорились. Ты знаешь, мой друг, это одно из самых любимых орудий, которое дьявол всегда применяет, когда Бог задумал большое дело. Очень часто это бывает между двумя священниками». Атака на американский сектантский дух, исследуемый ниже, должна быть вроде образного выражения для притягательной силы политической «интеграции», которая никогда ясно не выражена.

Иногда в трюке единства звучит также продемократический и более примиримый тон: «Что сегодня должен видеть мир, это — через Бога, Святого духа, вечно живой образ Иисуса Христа, здесь и сегодня, в тот час, который ведет каждого мужчину и каждую женщину вне зависимости от

их принадлежности к группам населения. их цвета кожи или от чего-то другого. Ты и я, мы одинаковые, и мы остаемся одинаковыми, и 6 футов земли делают нас одинаковыми. Ты беден или богат, еврей или христианин — это все равно. Во всем Бог, через все и над всеми». Значение имеет, однако, то, что этот идеал равенства действителен только для сверхъестественных понятий, а именно, для равенства перед лицом Бога или смерти. Вера в такие сущности должна, вероятно, действовать как интегрирующая сила, но мысль реализовать равенство на земле далека пропаганде Томаса. «Мой друг, ты знаешь, что делает христианство. Христианство порывает со всеми расовыми предрассудками. Христианство разрывает все классовые различия: христианство преодолевает все барьеры, создаваемые деньгами. Я говорю о духовных вещах, о духовном деле. Сегодня вечером (!) я не беспокоюсь о том, является ли ваша кожа черной или белой, коричневой или желтой. Если ты принимаешь моего отца через Иисуса Христа, моего господина, то ты — действительно мой брат. Однако это не значит, что я за то, чтобы люди разных рас вступали в брак друг с другом. Нет. Я верю, что для темнокожих лучше, если они женятся на себе подобных. Я считаю, что для белых лучше, если они женятся на людях, принадлежавших собственной расе. Я думаю, что желтая раса остается лучшей среди самой себя, так как Бог нам воздвиг границы на нашей земле. Однако послушайте, если бы мы только когда-нибудь на этом нашем свете имели Христа, то весь вопрос о войне был бы решен: не было бы экономической войны, все проблемы коммунизма были бы в этой нации решены». Чем решительнее основывается идея последнего единства как идеология, тем проще сохранить неравенство любого вида в эмпирическом мире.

По своей эксклюзивности трюк единства легко распознается как обман. Когда Томас говорит высокими словами о единстве, он предполагает всегда существование определенных групп: «те злые силы», коммунисты, радикалы, скептики и, само собой разумеется, евреи, которые априори исключаются из такого единства, которые являются для него только угрозой и должны быть «изгнаны». Ни одно слово не намекает на самую слабую возможность принять их в духовное единство, посредством обращения в христианство или другим путем. Они осуждены и должны оставаться вне единства. Поэтому единство, которое представляет Томас, является ничем иным как фантазией, идеалом обширной организации тех «настоящих людей», которые разделяют его репрессивные интересы.

Демократическая маска

Как авторитаризм большинства фашистских агитаторов в Америке, так и авторитаризм Томаса в одном важном пункте отходит от национал-социалистической пропаганды. Даже если некоторые из национал-социалистов, как например Шахт, имеют обыкновение защищать национал-социализм

иногда как настоящую форму демократии, Гитлер и его сообщники могли все-таки открыто нападать на демократию. В Америке это невозможно вследствие сильной демократической традиции. Знаменитое высказывание Хуэй Лонга о том, что если когда-нибудь в Америке появится фашизм, то он будет называться антифашизмом, можно отнести ко всему ему подобному. В Америке бывают нападки на демократию обычно во имя демократии. Очень часто прогрессивное правительство Рузвельта обвиняется как раз в господстве насилия, к которому стремятся фашисты. Так же, как и Кафлин. Томас говорит, как будто он противник любой формы диктатуры, но если он ее критикует, то слышится по крайней мере нотка восхищения ее успехами. «В Европе народы действительно управляются диктатурой. Так, как это сейчас организовано, в мире не организовывалось уже 2000 лет, со времен Цезаря, и делается это очень успешно (!). Сегодня едва ли есть такой народ на свете, за исключением Британского содружества и Америки, который не имел бы диктатуры, управляющей людьми посредством шпор и кнута. Народы мира сегодня дисциплинируются и удерживаются в узде. Они — закованные в кандалы слуги и рабы господ. Почему это так? Я вам скажу, почему это так. Потому, что нет свободы духа. Ни один мужчина и ни одна женщина сегодня вообще не связаны изнутри до тех пор, пока они не связаны внешне.» По виду это немного комичное описание оплакивает распространение господства насилия, но оно объясняет его достаточно туманной идеей потерянной «свободы духа» и превращает диктатуру из политического и экономического вопроса в одну из внутренних позиций человека. Диктатура, по Томасу, является следствием отрицательного, враждебного типу его религии духа, который национал-социалисты назвали бы «материалистическим». Якобы он является универсальным, и универсальной представляется также склонность к фашизму. Томас оставляет слушателей под общим впечатлением, что движение по направлению к диктатуре является неизбежным, и единственный выход — слушаться своего собственного авторитета. Авторитаризм подчиняется только авторитету.

Настоятельные намеки Томаса на демократию, на демократов, таких как Джексон и Линкольн, и на американскую конституцию чрезвычайно важны для контрпропаганды. Даже когда он утверждает, что его «великое движение»... пытается защитить и сохранить наши старые привилегии, то оказывается, что фашистский агитатор еще должен рассчитывать на демократические представления как живые силы и что он только тогда имеет перспективу на успех, если он их приспособливает для своих целей. Но если он их извращает, он ранит чувства, которые хочет эксплуатировать. Контрпропаганда должна поэтому вскрывать как можно конкретнее каждый отдельный случай, где искажаются демократические идеи во имя демократии. Такие доказательства были бы действенным оружием ее защиты.

Для подобных манипуляций имеется определенный метод, специальная

уловка для превращения в психологическом аспекте образца демократической позиции в идеологическое оружие фашизма. Исследование Кафлина упоминает их под названием трюк «простых людей», однако без подчеркивания, так что они оказываются почти безвредными¹⁶. Трюк «простых людей» близок вышеописанной идее «старые добрые времена», однако он вызывает не только иллюзию близости, теплоты и доверия, для чего Томас хорошо разработал некоторые соответствующие риторические навыки, как обращение «люди» для своих слушателей и их семей, или похвала домашних добродетелей, таких как бережливость. Под маской демократического равенства, за общительностью и скромностью скрывается антиинтеллектуальная позиция в пользу тщательно разработанного имиджа простого, неиспорченного образованием человека с неиспорченным здравым смыслом, о котором фанатически заботятся национал-социалисты, понося образованных людей. Американская традиция, связанная глубоко и нерасторжимо с демократическими идеями и учреждениями, привела к тенденции придать некоторым демократическим элементам почти магический ореол, собственную иррациональную ценность. Будучи полезной в некотором отношении, эта тенденция все же таит в себе определенные опасности, которые может использовать фашистская пропаганда, как она использовала в Германии определенно побочные течения идеи о непосредственной воле народа в противоположность его «чужеродному» выражению через демократическую форму правления. Такая опасность особенно относится к понятию большинства, которое не только выражает форму американской демократии, но и постоянно усиливается универсальным статистическим способом рассмотрения каждой социальной проблемы и практикой рекламы. Хотя и при демократии можно принимать решения на основе большинства, но большинство является не моральной ценностью, а формальным принципом управления. В Америке склонны рассматривать этот принцип скорее как самоцель, а не как средство. Некоторые особенности населения, которые можно приписать общественным недемократическим процессам и которые по своему духу антидемократичны, могут, таким образом, трактоваться и распространяться в демократии как последней аргумент только потому, что они являются характеристиками большинства. Это — одна из слабостей, которые иногда позволяют фашизму мобилизовать массы для репрессивных целей вопреки их действительным интересам.

При поверхностном рассмотрении трюк «простых людей» кажется весьма безвредным: льстить народу, каков он есть, не является признаком фашистских агитаторов. Следовало бы подумать о том, что психологическое обращение, подобное этому, вылечивает маленького человека, простую женщину от комплекса неполноценности и приукрашивает их скромную не по их воле жизнь, и они, как и Томас, делают вывод, что они возложили на себя скромность по христианскому смирению. Однако эта техника

пропаганды имеет злополучные импликации, так как она отражает факт, что большая часть населения — все те, кто исключен из привилегированного воспитания и несет груз цивилизации, занимаясь физическим трудом, — сохраняет некоторые черты грубости и даже варварства, которые могут активизироваться в любой критической ситуации. Если агитатор восхваляет их скромность и их народные особенности, то этим он косвенно восхваляет грубость, одновременно и подавляемую, и порождаемую современной культурой, и побуждает их свободно проявлять ее во имя здоровых, грубых и неиспорченных инстинктов. Когда бы какая-либо группа ни собиралась под лозунгом «быть только простым народом, который выступает против коварства и извращений культурной жизни», она готова напасть на тех, против которых направляют их агрессию.

«Если бы вы только знали»

Следующая группа из пяти трюков относится к «стратегии террора» Томаса. Здесь он охватывает сферу темного, мистического, всего того, что внушает страх и прибегает к методам, в основе которых лежит страх и его амбивалентность. Техника террора применяется в разной степени: от осторожного намека на скрытое зло до угроз грядущих катастроф, психологические импликации которых каждый раз немного варьируются.

В общем методе Томаса следует различать квазирациональные поверхностные стимулы и лежащие в их основе иррациональные психологические механизмы, которые он применяет, и, что особенно бросается в глаза, эти обе точки зрения отличаются друг от друга в технике террора. Четко отрицательными здесь являются сами рассуждения и эмоции, вызываемые ими; одновременно эта техника имеет целью создание в качестве дополнительного эффекта к отрицательным высказываниям определенного неосознанного удовлетворения, или, по крайней мере, обещание его. Так как конечным результатом, по-видимому, является смесь поверхностных реакций и лежащих в глубине психологических импликаций, то мы попытаемся рассмотреть и показать оба эти вида, как они соотносятся друг с другом.

Самая мягкая форма техники террора, которую использует Томас, а также другие фашисты, — это трюк «если бы вы только знали», т.е. внушение таинственных опасностей, о которых знает только оратор, простой же человек почти не может себе и представить их; они слишком неприличны, чтобы их обсуждать публично.

Намеки на будущее, на то время, когда станут известными факты, на которые теперь только намекают, или намеки на конечный день расплаты, вызывают любопытство и искушают толпу примкнуть к движению или, по крайней мере, читать публикации в надежде когда-нибудь быть «посвященными в тайну», если они просто делают то, о чем говорит и пишет агитатор.

Простой интерес к тому, что люди узнают о будущем, создает своего рода эмоциональную связь между агитатором и слушателем. Этот механизм повсюду применяется в рекламе и является невинным поверхностным аспектом техники намека.

Привлекательность намека растет вместе с его неясностью. Она позволяет безудержно разыгрываться фантазии и возбуждает различного рода спекуляции, которые постоянно усиливаются, потому что массы сегодня, так как они чувствуют себя объектом общественного развития, хотели бы охотно знать, что разыгрывается за кулисами. К тому же они склонны превращать анонимные процессы, в которые вовлечены, в личные понятия заговоров и путей злых сил, тайных международных организаций и т.п. Техника намека основывается на распространенном в современной массовой культуре невротическом любопытстве: каждый изолированный индивид мечтает о том, чтобы узнать больше, чем просто о скрытых силах, от которых зависит собственное существование, мрачную и жуткую сторону жизни других, в которой он не участвует. Это положение помогает превратить технику намека в нечто отнюдь не невинное. Ее опасный аспект состоит прежде всего в иррациональном возрастании престижа и авторитета оратора. Чтобы обращать внимание на намеки и с желанием доверять темным, неясным высказываниям, публика нуждается в определенной готовности «верить», так как обширному изложению фактов и дискурсивному обсуждению их взаимных отношений мешает неясность. Как раз этому состоянию слепой веры способствует техника намека Томаса. Конечно, он прибегает к протестантскому понятию веры, утверждающему ее примат, а в действительности Томас усиливает веру в свою персону. Религиозная вера и вера в движение постоянно перемешиваются: «Бог может только благословить мир, поскольку мир подчиняется Христу. Вы должны верить. Вы не думаете, что Бог благословляет нацию через это движение?». Намек представляет фюрера как наследника божественного всезнания. Он знает то, что другие не знают, и он подчеркивает эту разницу, не говоря никогда точно, что он знает и сколько еще он знает. Часто он оставляет для себя запасные знания, которые внушают почтение и к тому же вызывают у публики желание узнать больше. Это — решающий способ воздействия трюка «если бы вы только знали».

Утверждение, что фашистские организации, такие как крестовый поход Томаса, занимаются шантажом, нужно воспринимать серьезно. Оно не только обращает внимание на их жестокую практику террора и на преступников, которых всегда можно найти в подобных движениях, но и обнажает их социологическую структуру, репрессивный, исключительный характер их тайных групп. С полным правом можно предположить, что будущие последователи, если даже и неосознанно понимают этот аспект всех фашистских движений, полны желания относиться к организации, быть членом закрытой группы. Для пробуждения этого желания, делающего

очевидным фактом силу притяжения молодежных банд для подростков и, по-видимому, для взрослых, трюк «если бы вы только знали» является решающим. Намек служит средством внушить людям чувство, как будто они уже являются членами той закрытой группы, которая делает все, чтобы их завлечь к себе. Предположение о том, что ты что-то понимаешь, что не может быть свободно высказано, так сказать подмигивание, предполагает своего рода согласие посвященного, имеющее тенденцию к тому, чтобы сделать оратора и слушателя соучастниками¹⁷. Подтекст этого согласия остается всегда угрожающим. Намеренно невысказанное — это не только знание о чем-то слишком ужасном, чтобы быть высказанным открыто, но и ужасное, которое сам хотел бы совершить, но в этом не признаешься, а выражаешь лишь через намек. Трюк «если бы вы только знали» обещает открыть тайну тем, кто присоединится к шантажу и заплатит свою «десятину», но оратор намекает и на обещание, что вступившие станут однажды участниками ночи длинных ножей, утопии шантажа.

Кроме того, метод намека является угрозой для всех тех, кто исключен из этого «шепота», кто якобы не знает, «что я имею в виду». Ее часто выражают антисемитские листовки, приглашая своих читателей передавать материал «только не евреям».

Характерной для трюка «если бы вы только знали» является следующая цитата: «Бог обращался к этому народу. Он говорил долго, но народ не хотел слушать. Народ его не выслушал. Проповедники отвернулись от Бога. Конечно, я не имею в виду их всех, но я думаю, Вы знаете, кого я имею в виду: масса людей отвернулась от Бога, дельцы отвернулись от Бога. Бог печалился все эти годы об Америке, чтобы она возвратилась, чтобы слушалась. Теперь вот приговор вынесен. Он позволил коммунизму прорваться. Вы его повсюду найдете, мои друзья». Однако, хотя противник везде, он не выделяется, а остается скрытым, так же как и смысл обвинений Томаса скрыт за намеками. Как все фашисты, Томас подчеркивает дихотомию черного и белого между другом и врагом, но разрешает обеим категориям переходить друг в друга. По-видимому, путаница должна стимулировать амбивалентные чувства слушателей. «Дьявол — трус. Он действует скрытно, в темных местах и за закрытыми дверями и толстыми стенами. Но Иисус действует, слава Богу, при дневном свете. Итак, я хотел бы, чтобы Вы запомнили совершенно коварное послание. Бог всегда обнаруживает эти злые силы и заставляет их делать днем то, что они хотели бы делать в полуночные часы, когда все замирает.» Это божественное деяние — собственно то, что Томас все время обещает делать сам: рассказать общественности о злых силах. Но он предпочитает намеки, делает это, так сказать, за «закрытыми дверями и толстыми стенами». «Мой друг, повсюду в США, где бы мужчины и женщины ни проповедовали сегодня Евангелие сына Божьего, и где они всегда предупреждают о грозящей опасности коммунизма, мы находим священника, на которого нападают и вы находите силы,

которые для этого используются, чтобы опорочить фюрера. Как раз теперь Вы видите из вчерашней вечерней газеты, как на юге Калифорнии некоторые власти разрабатывают и финансируют ужасную программу, чтобы опорочить каждого видного священника в южной Калифорнии, и как они финансировали людей, чтобы нападать на выдающихся священников южной Калифорнии». Такое утверждение, которое, конечно, не менее неясное, чем скрытые углы «тех злых сил», дает возможность с уверенностью сделать вывод о том, что согласие между Томасом и его слушателями присутствует всегда там, где он делает намеки и ссылается на евреев, что они являются некоторой силой. Подчеркивается угроза против них уже тем, что он избегает в экзотерических речах слово «еврей», в то время как употребляет слова «коммунисты» и «радикалы», а называет их только «те силь». Он допускает, что каждый знает, что они собой представляют, поэтому о них даже не обязательно упоминать, они являются уже заранее осужденными. Таким образом, даже факт, что при демократии официальное общественное мнение не допускает незамаскированных антисемитских замечаний, превращается в собственно антисемитский инструмент.

Трюк «грязное белье»

Обязательным добавлением к намеку является настоящее или воображаемое разоблачение. Томас часто использовал обещание «если бы вы только знали» в своих речах по радио и объявлял эту историю потом в своей церкви. Здесь ясно проявляется связь трюка с коммерческой рекламой: публика, которой, так сказать, разрешается заглянуть тайно за кулисы и узнать секретные события, по-видимому, разделяет привилегию точно информированных. Эта идея напоминает об упомянутом выше тезисе «быть в группе».

Чтобы понять психологическое значение этой техники, нужно рассмотреть пропагандистские разоблачения в отношении их особого содержания. Оно исходит, в большинстве случаев, из среды болтунов и хулителей и касается обычно растрат, коррупции или секса.

Психологические реакции, вызываемые трюком «грязное белье» можно сравнить с определенным поведением, которое наблюдается у многих людей, когда они ощущают плохой запах. Очень часто они не отверчиваются, а жадно вдыхают испорченный воздух, обнюхивают вонь, и в то время как они жалуются на его спертость, делают вид, что они его идентифицируют. Не обязательно быть психоаналитиком, чтобы предположить, что эти люди неосознанно наслаждаются плохим запахом. Очень похоже обстоит дело с притягательной силой скандальных историй. Негодования по поводу возмутительного события являются в большинстве случаев несобоснованными умствованиями. В действительности, слушатель забавляется их описанием, и по-видимому, таинственные и запрещенные деяния,

разоблачением которых он возмущенно наслаждается, как раз и являются тем, чем бы он сам с удовольствием занимался.

Этот механизм стал в такой степени автоматическим, что лишь из простого акта разоблачения (неважно, что разоблачается) уже возникает удовлетворение. Разоблачение само по себе воспринимается как выполнение обещания и приобретает почти торжественный характер, который может быть окрашен религиозными воспоминаниями.

В этом состоит объяснение одного из самых странных явлений трюка «грязное белье»: удивительное несоответствие между объективным весом сообщенных фактов и психологическим влиянием, которое они приобретают. По крайней мере профашистски настроенный слушатель с готовностью, без проверки принимает любую скандальную историю, даже самую глупейшую, как сказку об ритуальном убийстве. Кроме того, он обобщает случаи, которые могут иметь место при любой политической системе, в то время как рассматривает их как типичные для демократии, особенно из-за ее «плутократической» природы. Он возмущается фактами, при ближайшем рассмотрении оказывающиеся весьма невинными или однозначно относящимися к частной жизни, в которую никто не имеет морального права вмешиваться. Так, в последние годы Веймарской республики огромную роль в нацистской пропаганде сыграла шуба берлинского бургомистра, который получил ее якобы как взятку. Хотя владение шубой едва ли может считаться роскошью, но важным было само разоблачение, а не факт.

Обычно вскрытые скандалы являются совершенно не типичными и ни в коем случае не характеризуют только тех, на которых клеветают. Еще большую пользу извлекли нацисты из случаев коррупции, в которых были замешаны еврейские семьи Барматов, Кутицкер и семья Скларек. В то же самое время как следствие тех же экономических условий имела место еще более худшая коррупция — случаи с Лахузен и афера Нойдека, которая касалась подкупа самого рейхспрезидента Гинденбурга. Но эти факты замолчали, о них было мало известно. Это, возможно, отчасти объясняется тем, что в последние годы Веймарской республики реакция имела в своих руках больше общественных средств коммуникаций. В общем, кажется, любовь к проветриванию «грязного белья» больше характерна для реакционеров, чем для прогрессивных людей. Для этого, вероятно, имеются различные причины: тенденция сваливать социальные проблемы на частную ответственность, общее репрессивное настроение, которое склонно замарать любого, радующегося жизни, вместо того чтобы доказать свою деловитость, а также утонченная спекуляция на определенных инстинктах разочарованных масс. Те, кто не хочет изменения условий, всегда готовы свалить вину за любое зло на тех, кто не придерживается существующих моральных норм. Лицемерие — это привилегия конформизма.

Оно не отсутствует в арсенале Томаса. В его случае, между тем, простой мотив наслаждения, получаемого путем пикантных разоблачений затмевает

все другие. Хотя он особенно любит представить коммунистов как банду разнузданных преступников, его едва ли трогает, кому вредят скандальные истории, распространяемые им — другу или врагу. Иногда он описывает самого себя как жертву злых языков. «Я никогда не забуду мой первый случай, когда я выступал в качестве пастора в Сан Педро, и положение, в котором я оказался, когда прибыл и был вовлечен в ужасный спор о вопросах морали. Обо мне потом писали в бульварной газете, это был мой первый опыт, связанный с моральным положением. Они использовали преступника, который симулировал обращение в христианскую веру, но он был послан этими людьми, чтобы собрать сведения и очернить меня: они опубликовали все возможное обо мне, что только могли выдумать; но в течение года я узнал, что это было. Я установил, что один мужчина, который действительно принадлежал к криминальному миру того города, оплатил все это. Я благодарю Бога, моего господина и спасителя, что он помогал мне во всех битвах, которые я выдержал в моей жизни.» Любопытство, которое Томас вызывает ссылкой на газету, он компенсирует скандальными историями, рассказываемыми о других, среди которых выделяется прежде всего выдуманное распоряжение о всеобщей проституции женщин в России. В своей церкви Томас точно в стиле Штрейхера захлебывался пикантными деталями, в речах по радио он был сдержаннее и ограничивался намеками, которые, может быть, даже более эффективны, чем разоблачения: «Вот что содержит ужасное московское распоряжение об освобождении женщин в России. Разрешите мне, мои друзья, в этой связи только одну минутку зачитать слова выдающейся женщины, жены одного американского инженера, миссис Мак Маррей, которая возвратилась как раз несколько месяцев назад из этой страны. Вот что она говорит о России: “Я никогда туда не возвращусь... Забота, страх и ненависть, связанные с издевательским презрением по отношению к благородным вещам жизни, тяготеет над страной Советов”. Потом она заявила: “Они не соблюдают никаких правил морали. Мужчины и женщины живут вместе, как звери. Они живут, как и где им прикажет правительство. Любая работа — принуждение. Если они не работают там, где прикажет правительство, они не получают продуктовых карточек. Я не смогла ни с кем подружиться. Люди испытывают перед каждым и всем страх. Таков прекрасный рай”». Примечательно, что эта цитата, которую Томас приводит в связи с мнимой проституцией женщин в России, специально не упоминает, а только не одобряет совместную жизнь мужчин и женщин «как зверей», так что это звучит как антиклимакс. Однако ударение падает на акт разоблачения. Посредством трюка «грязное белье» сама пропаганда становится самоцелью. «Не забудьте потребовать как можно быстрее новое издание христианско-американского “Крестоносца” Оно проинформирует вас о нападках коммунистов и радикалов на священников Америки. Едва ли можно себе представить заговоры коммунистов. Я вам дам все подробности, назову

имена, как я это сделал в воскресенье вечером. Между прочим, в следующее воскресенье вечером я сообщу об этом еще кое-что.»

Трюк «содрогание от ужаса»

Трюк «грязное белье» связывается постоянно с тенденцией терроризировать слушателей. если им рассказывают, что женщин в России принуждают к проституции. слушатель должен бояться, что то же самое может случиться с их женами, сестрами, дочерьми. коммунистические ужасы. которые им сообщаются, становятся угрозами того. что с ними самими может произойти завтра. Здесь выступает двойной, почти противоречивый характер техники. Что люди реагируют на страх и объединяются. чтобы встретить опасность, это ее внешний эффект; ее неосознанный, грубо говоря. эффект заключается в том. что описание зверств доставляет им удовольствие. потому что они сами однажды захотят их совершить. Радость от жестокости и радость от грязи тесно связаны друг с другом.

К счастью, Томас был так «любезен», что он сформулировал предложение. которое ясно показывает амбивалентность в отношении истории о зверстве. Так что наша интерпретация едва ли может считаться произвольной спекуляцией. «Итак, заказывайте газету: *Imminent Peril of Communism for this Nation* (Коммунистическая опасность, угрожающая этой стране), и если вы это прочтете и не содрогнетесь. мои друзья. тогда с вами что-то не в порядке». Только тогда обещание может заставить читателя содрогнуться. если накопленное возбуждение чувств является для него в какой-то степени приятным. Томас даже и не старается скрыть этого.

Одна точка зрения пропаганды террора заслуживает особого внимания. Распространенное убеждение. что фашистские агитаторы обещают всем все. становится довольно сомнительным. по крайней мере. когда изучаешь речи Томаса. Именно он обещает очень мало. главным образом награды на том свете. Вместо этого он непрерывно пугает своих слушателей. посылая на них различные угрозы. Томас непрерывно подчеркивает. что теперь уже нет никакой надежды на исполнение их желания счастья и в отношении их страха. что дела могут быть еще хуже. По логике это должно вызвать заботу маленьких людей о собственности и безопасности. однако этот рациональный или полурациональный стимул не является решающим. Обещание. которое имплицитно пропаганда террора, — это скорее обещание разрушения самого по себе. что ведет к некоторой модификации нашего тезиса об амбивалентности. Может. это было бы слишком логично предположить. что ужасы будут обязательно те же. которые ты хотел бы совершить по отношению к слабым. хотя этот импульс. конечно. играет большую роль. Однако не менее садистского развит и мазохистский компонент. Будущий фашист. вероятно. после своего собственного уничтожения будет желать не в меньшей степени и уничтожения противника. так как разрушение —

это эрзац его самых сокровенных и наиболее подавляемых желаний. Постоянные указания фашистов на жертву или некоторые высказывания Гитлера подтверждают это: Раушнинг ссылался на него, когда тот сказал, что если Гитлер потеряет Рагнарек, то наступит гибель Богов. Возможно, здесь неосознанно выражается пронизательность фашистов в отношении окончательной безнадежности предпринятых ими действий. Они видят, что их решение не является решением, что оно в конце концов обречено на гибель. Каждый трезвый наблюдатель мог ощутить это чувство в национал-социалистической Германии, до того как разразилась война. Безнадежность идет путем отчаяния: уничтожение — это психологический эрзац для тысячелетнего рейха в день, когда исчезнет разница между Я и другим, между бедным и богатым, сильным и слабым в большом нерасчленном единстве. Если массам не предложат настоящую надежду на солидарность, они могут ухватиться в своем страхе за этот отрицательный суррогат¹⁸.

Террористическим является призыв Томаса следовать за ним как за вождем. Своим сторонникам он приказывает верить, не различая ясно, должны ли они верить в Бога или в Томаса. Но в любом случае наказаны будут те, кто не верит. «Итак, подумайте о том, что если вы верите, вы можете сделать. Разве это не стоит того? Я говорю вам, вы должны это сделать. Вы должны принять Иисуса Христа, сына живого Бога как вашего личного спасителя до наказания за врожденную власть греха. Если вы этого не сделаете, вы — погибший мужчина или погибшая женщина. Вы погибли не только в этой жизни, но ваша душа погибнет и в том, будущем мире. Я недавно молился, пусть мне Бог даст правильное представление о погибшей душе (!). И я не уверен, что у меня это представление сегодня утром есть. И я не уверен, что у вас оно сегодня утром есть, так как, если я верю в это слово, как я должен был бы в него верить, мне нужно было бы Вам сказать, что я буду молить Бога день и ночь.» Молитва о правильном понимании погибшей души является вынужденным указанием на удовлетворение, которое он получает от мрачной ситуации. Вместо того, чтобы молиться за спасение погибшей души, он хотел бы дать живую картину «погибшего». Ассоциативная последовательность его идей превращает это в средство утешения слушателей.

День и ночь они должны звать к Богу, из их страха и мазохистского удовольствия от представления потерянной души, как он надеется, возникнет готовность следовать за ним. Не случайно попытка терроризировать слушателей связана с понятием веры. Их запугивают, чтобы они верили, т.е. прекратили думать. Если они не способны на ясное рассуждение и сведены к непродуманным реакциям лозунга типа «Спасайся, кто может!», то будут особенно в благоприятном положении сдать на милость фюреру, который, если они ему только доверяют, обещает за них думать и действовать. Чтобы этого достичь, Томас смешивает обычно угрозу вечного наказания с угрозой земных трудностей и приравнивает метафизи-

ческое спасение к принадлежности к христианско-американскому крестовому походу. «Я призываю человека на улице подумать о том, что придет день, друзья мои, когда Бог вас заставит отчитаться за ваши поступки, которые вы совершили в вашей жизни. Ты, американец, мой друг? Ты христианин? Если таковым являешься, ты учтешь ситуацию, перед которой стоит Америка. Но если таковым не являешься, ты трус». Так как пресвитерианский священник не может угрожать концентрационным лагерем, он манипулирует вечностью, поэтому она выполняет точно такую же цель. В современном примере подавления с помощью террора используется самое старое средство господства насилия.

Трюк «последний час»

Очередной формой техники террора Томаса является прямое или косвенное утверждение, что предстоит близкая катастрофа, ситуация безнадежна и достигла критической отметки и что необходимо немедленное изменение. «Думающие мужчины и женщины во всей стране спешно поднялись, так как они знают, что дела не могут идти дальше так, как они шли до того.» В пропаганде Томаса каждый час является последним часом.

На первый взгляд, это напоминает обычные рекламные шаблоны: «Это предложение действует в течение нескольких дней» Публику побуждают действовать быстро, немедленно присоединиться к движению. За этим стоит простое соображение, что люди легко забывают то, что они не сделают тотчас же. Особенно быстро вытесняются террористические стимулы, которые всегда имеют весьма нерадостные побочные значения. Пропаганда террора действует только «немедленно».

Однако это затрагивает феномен только поверхностно. Намек на приближающуюся беду, прежде всего на мировую катастрофу, намного старше, чем индустриальное общество. Ее корни лежат в апокалиптическом аспекте христианской религии. Не без причины Томас часто ссылается, как все сектанты воскресения, на битву Армагеддона, которую он ловко смешивает с происками своей группы.

Кроме того, он часто описывает в кажущемся противоречии со всеми пропагандистскими трюками, которые относятся к технике «fait accompli», свою собственную организацию так, будто над ней разражается кризис, будто она переживает ужасное безденежье, и даже иногда привирает, что она не сможет продержаться более 48 часов. Постоянно в его речах каждая проблема представляется угрозой, что требует немедленных мер. Существенная пропасть существует между мощными призывами к спасению нации в последний час и сравнительно слабыми и случайными ссылками на предстоящий конец света — главным образом жалобы на ослабление христианской веры или распространение атеистических учений в университетах. Типична для смешения незначительных жалоб и апокалиптических

выпадов следующая цитата: «Неспособность и недостаток верности долгу в министерствах, светскость церквей, уменьшение числа членов и дух антихриста, который протягивает свои щупальцы в наши университеты, подрыв нашего государства, нашего правительства — все это указывает на некоторый серьезный кризис, который, в конце концов, над нами разразится». «Серьезный кризис» становится заклинанием: что он существует, подчеркивается любой ценой, даже такими смешными утверждениями, как уменьшающееся количество членов церкви. Томас предполагает, что его слушатели мыслят понятиями своего собственного узкого опыта, и что их интерес концентрируется вокруг церковных дел. Пустая церковь, по-видимому, уже достаточный аргумент, чтобы убедить слушателей в опасности гибели американской нации.

Следующее, вероятно, является попыткой объяснения иррационального привеска, который добавляется к идее кризиса: как все фашисты, Томас рассчитывает на последователей, которые до глубины души недовольны и даже испытывают нужду. Их объективная ситуация может превратить их даже в радикальных революционеров. Предотвратить это и направить революционные течения в собственное мыслительное русло — одна из главных задач фашистского агитатора. Чтобы достичь цели, он крадет, так сказать, понятие революции. Снова привлекается идея катастрофы, используется эрзац судьбоносного момента, предрекаются радикальные перемены. При этом никто не способен заглянуть, что будет после конца света; также и катастрофа — это скорее что-то такое, что случается с людьми и едва ли может быть реализовано посредством их собственной свободной воли. Лишенные своей спонтанности, люди превращаются в свидетелей больших всемирно-исторических событий, которые решаются над их головами, их собственная энергия абсорбируется посредством верности организации и любви к фюреру.

В психоанализе много раз отмечалось, что невротическое чувство слабости часто выражается в своеобразной позиции по отношению к элементу времени. Чем меньше человек способен к действиям по собственной воле, тем вероятнее, что он абстрактно ожидает все от времени. «Не может так долго продолжаться.» Трюк «последний час» основывается на этой диспозиции. Гарантом приближающейся перемены делается время, и «последователь» освобожден от собственной ответственности. Ему нужно только делать то, чего требует «час». Представление этого часа как последнего часа — «коммунизм не придет, он уже пришел» — связывает этот трюк с техникой «fait accompli».

Само собой разумеется, Томас описывает катастрофу в своих речах не как что-то желаемое, а как опасность. Однако это едва ли больше, чем умствование. Наряду с эмоциональным подчеркиванием, придаваемым идее катастрофы, он, по-видимому, считает, что такое представление для слушателей не совсем неприятно, и это дает возможность легко перейти от

предупреждения об опасности к ее объявлению. Когда положение критическое, необходимы отчаянные средства: ответом на «предстоящую коммунистическую опасность» является уничтожение коммунистов, радикалов и тех «злых сил», следовательно — погром. Мысль, что изменения необходимы, абстрактна, однако она связана с таким множеством ассоциаций насилия и варварства, что является неизбежным выводом трюка «последний час». Последний час, которым грозит фашист, это, собственно говоря, путч, им же и организуемый. Чисто негативная акция наказания приходит вместо рационального метода, который мог бы, может быть, улучшить положение. «Я верю, я знаю несколько вещей, которые вы будете делать, так как я знаю материал, из которого вы сделаны, я верю, что вы будете искать истину, я верю, я знаю точно, как вы будете действовать: я верю, что вы подниметесь в вашем гневе, в вашем возмущении, в вашей любви к старому знамени; Вы собираетесь сказать этим силам, которые действительно привели нашу нацию к бездне: так далеко вы пойдете и ни шагу дальше. Да, убежден, что вы это сделаете.»

Интересно, что призыв Томаса к «пробуждению»¹⁹ перед лицом приближающейся катастрофы означает больше «назад», чем «вперед»; он представляет пробуждение Америки как реставрацию чего-то давно прошедшего, и оно, кроме того, понимается не как акт сознательного самоопределения, а как склонение перед авторитетом отца. Оно в действительности является точной противоположностью того, что ожидалось бы от такого возрождения: «Проснись, Америка, назад на колени, назад к предкам твоих отцов, на место, которое тебе указал Бог». Томас здесь приближается, не зная того, к любимому понятию фашистских и антисемитских интеллектуалов, к фикции «консервативной революции».

Трюк «черная рука» (тайное судилище) Feme

Как уже упоминалось, техника намеков связана с идеей закрытой, насильственной, строго управляемой замкнутой группы, с шантажом. В пропаганде террора фашизм ярко проявляет эту связь. Террор применяется не меньше, а может быть даже и больше в отношении неполитических связей своих собственных последователей, чем противников. При национал-социализме этот метод играл значительную роль под названием «Feme». Опаснее всего являются якобы силы, которые действуют изнутри; фашист, который не может не чувствовать себя окруженным предателями, беспрестанно грозит их уничтожением.

Томас использует намеки для того, чтобы призывать крестоносцев к постоянной бдительности среди своих. «Мои друзья, я никогда не боюсь мира. У меня нет никогда страха перед нападением дьявола. Я знаю, каков мир. Я знаю, что ожидать от тех, кто по ту сторону баррикад. Но я говорю тебе, мой друг, ты должен быть наеку внутри движения. Кто-то, кто проданся

дьяволу. проникнет в церковь и попытается уничтожить дело Господа посредством кого-то, кто принадлежит церкви. Если я во все годы подвергался нападению, то всегда из собственных рядов. Вы, мужчины и женщины, можете это подтвердить. Будьте начеку перед нападением изнутри, из своих рядов, кто рядом с вами, из-за зависти или из-за другого, что хочет навлечь на нас Сатана.»

Довольно часто вожди фашистов имели причину для таких предупреждений. Банды гангстеров привлекают гангстеров, преступники присоединяются к организациям хулиганов разного рода и выходят из них по разным причинам, чтобы перейти к другой партии, от которой они ожидают больше. Также фактор тайны порождает то, что присуще всем фашистским заговорам: разглашение тайны и предательство. Террор, направленный против собственных членов организации, усиливает авторитет, который только тогда является абсолютным, когда нетерпимы малейшие нарушения, когда достигается самая строжайшая дисциплина. Чтобы достичь этого, нужно заклеить как предательство даже малейшие отклонения и преследовать за это без всякого снисхождения.

Здесь опять вступают в действие определенные глубинные точки зрения. Как дополнение к трюку «единство» трюк «черная рука» является средством интегрировать различные элементы репрессивной и эксклюзивной организации. Ее исключительность может только сохраняться, когда члены, среди которых все время поддерживается состояние взаимного недоверия, следят и шпионят друг за другом. Угроза Геме, которую фашистский агитатор направляет против собственных сторонников, позволяет предугадать полную атомизацию всего населения, которая имеет место в тоталитарных государствах. Репрессивное единство имеет своим результатом подавление всех непрофессиональных видов деятельности, которые непосредственно контролируют правительство и партия. Если заговорщики стремятся образовать компактную группу, они должны, что касается их убеждений, быть полностью изолированными друг от друга. Фашистский шантаж является чистой пародией на то «народное сообщество», быть которым он так стремится на словах. Фашистские последователи завистливей и недоверчивей, чем другие, и готовы в большей степени даже, чем самые крутые соперники «ликвидировать» друг друга. Разъяснение этого было бы правильным ответом на трюк «человеческий интерес».

Самая роковая импликация трюка «черная рука» касается между тем одной из глубоких внутренних характеристик бандитизма и фашизма. Оба можно определить как тип организаций, из которых нет пути назад. Жертва отдельного для сообщества, как это было уже рассмотрено и как проявляется в постулате невозможности отмены, в клятве, символике крови, ритуалах посвящения и так далее, означает полную отдачу душой и телом, без ограничений и оговорок. Желание выйти из принудительного сообщества — это начальный жест, который выражает стремление к свободе; нет ничего

более ужасного для фашиста, чем такое желание. Кто передумал, кто хочет опять «наружу», рассматривается как «заклятый враг», и неважно, насколько порядочен он и каковы были побудительные причины: перемена убеждения характеризуется как предательство и требует строгого наказания. Психологический эффект идеи Feme так же важен, как и организационный; характер окончательности, приданный этому решению, действует так же, как и эмоциональная привязанность к шантажу, и результатом ни в коем случае не является только страх. Люди имеют склонность любить то, от чего они не могут отказаться, идентифицировать себя еще и со своими тюремными застенками. Фашистская эмфаза Feme постоянно это использует.

Поразительный пример трюка «черная рука» имел место 30 июня 1934 г., когда с учетом пропагандистского воздействия было расстреляно большое количество нацистов, некоторые из которых вовсе и не могли быть заговорщиками. Ментальность Томаса имеет, может быть, не зная того, следы поведения, превращающегося в конце концов в жесточайший террор против собственной организации.

Этот последний поворот террора как раз против сторонников должна использовать контрпропаганда.

«Давайте будем практичными!»

Гитлер часто говорил, следуя традициям Бисмарка, о реальной политике, хотя в этом случае имеется в виду простое право сильного. Однако этот термин имеет более глубокие импликаци, чем простая рационализация цинизма Макиавелли. Несмотря на постоянные призывы к идеализму, героизму, жертвенному духу, фашист никогда не забывает втолковывать своим последователям, что зло не должно исчезнуть из мира по его воле. Его цель — не отменить подавление, а дать узду в руки собственной партии. Он издевается над всевозможными утопиями и наслаждается представлением, что мир не только плох, но и что он должен оставаться таким же плохим, и наказуемое преступление — думать, что он мог бы стать другим. Этот лозунг имел влияние на всех реакционных теоретиков со времен Гоббса. Он следует как тень за всеми высокопарными идеологиями современного века. В полностью выродившейся форме, бросающей свет на ее собственное содержание, этот лозунг вновь появляется у Томаса. Он проповедует высокие религиозные идеалы, большинство которых так сильно проявляет сохранившуюся ортодоксию, что он не может серьезно надеяться на то, что убедит своих последователей, но он проявляет также сильный интерес ко всевозможным практическим делам, к реальной политике в самом мелочном смысле слова. Рационализм, который он выставляет на всеобщий обзор в планах и в организации своей группы, в каждом пункте приходит в противоречие с застывшей иррациональностью

его религиозного учения. Существует бездна между его высказыванием о практическом здравом человеческом разуме и официальной идеологией, которая по крайней мере, показывает неосознанное бессилие его идеалов и их собственную лживость. Идеалы должны завуалировать прежде всего его желание власти и его административные манипуляции и заклеить противников как морально стоящих ниже его. Напротив, высказывания, в которых он говорит о практических и трезвых вещах, доказывают слушателям, что их вождь является человеком со здоровым человеческим умом, таким же как и они сами, но так же и то, что им важно: организация, власть конкуренции и светский успех. Трудно сказать, осознает ли полностью Томас сильное противоречие между высокопарными фразами и реальностью, или его следует отнести к нижнему слою среднего класса. Как бы то ни было, это противоречие едва ли является препятствием для его речей, помогает им обеспечить их воздействие. Чем слабее связь между идеалами, как часто он привык это называть, его «бизнесом», тем публика яснее видит, что идеалы остаются идеалами, но он имеет в виду коммерцию, сделку. Собрание явно непримиримых элементов в речах Томаса никто не может сформулировать яснее, чем он сам: «Мы пытаемся здесь быть практичными, мы пытаемся проповедовать Евангелие нашего Господа со всей страстью, любовью и силой, которые Бог дает нам посредством духа».

Намерение быть практичным относится прежде всего к деньгам; деньгам, которые он хочет получать, к деньгам своих последователей. «Бог всемогущ», и «счет из типографии», — произносится без различия на одном дыхании: «У нас могущественный Бог, если мы его чтим, он позаботится о всех наших нуждах. Мы сегодня должны оплатить несколько счетов — счет за радио и счет из типографии, канцелярский счет и счет за телефон».

Слушайте, будьте благоразумны и помогите нам. Я прошу вас не о чем-то, что я сам не сделаю, моя семья жертвует каждый лишний доллар, так как мы хотим, чтобы это движение распространилось по всей Америке. Есть много людей, которые слушают и молятся и восхваляют Бога».

Еще явственнее Томас интерпретирует мысль, что Бог заботится о каждой потребности, если он, так сказать, рассматривает его как консультанта по капиталовложениям: «Иди и не грешь больше. Очень много людей потеряли свое материальное имущество. Они лишились своего состояния, своих ценных бумаг и других вещей. Я сегодня хочу вам сказать, что еще никогда мужчина или женщина, которые обращались к Богу по поводу вложения денег и которые слушались только Бога, лишались чего-то при этом. Если ты идешь к Богу и полностью отдаешь себя в его руки, ты никогда не потеряешь ни доллара, но если вы это не делаете, вы сразу же потерпите крах». Опять импликация образует нечто вроде мягкого шантажа. Хранить верность Богу идентично «быть добросовестным с божьей десятиной», а десятина Бога интерпретируется Томасом всегда свободно, как пожертвования на «это движение».

Не лучше, чем с религиозным идеалом, обстоит дело и с патриотическим идеалом. Призыв к спасению Америки перемешивается с опасением, что могут упасть котировки акций. Томас настоятельно подчеркивает, что великая борьба против антихриста направлена на нечто практическое, что она служит тому, чтобы защищать частную собственность, так как те «злые силы» хотят отобрать у маленького человека его собственность. «О, мой друг, если ты не хочешь нам помочь искать маленьких детей Бога, пока не пришел антихрист, пока разбойники жизни не захватят их и не разорвут на куски. Ну, ты видишь, я вообще доволен. Почему я должен беспокоиться? Мой друг, слушай, если антихрист захватит власть над Америкой, а скоро она будет под его властью, если ты, я и миллионы нас не способны еще на какое-то время сдерживать те силы, ваши ценные бумаги будут бесполезны, и вы не сможете больше пользоваться своим домом. Мой дорогой брат, моя дорогая сестра, момент гласит — сейчас или никогда. Ты не можешь себе позволить, мой друг, не участвовать в этой великой христианской американской программе. Ты не сможешь себе позволить пропасть этому посланию Бога по радио, так как отсутствует твоя помощь.»

Практический смысл, монетаристские категории применяются даже по отношению к библейским историям, и прежде всего, к жертвам Марии Магдалины и Иисуса. «Тогда были люди как и сегодня, которые делали на этом коммерцию, собирая то чистое масло, малейшая капля которого заставляла благоухать все помещение, так что благоухание держалось часами. Она видела, что приближалось и заранее позаботилась. Она сберегала деньги по крупицам. Но что вы думаете, даже в те времена, она должна была собрать около 300 шиллингов: один шиллинг — это сегодня приблизительно 17 центов. $300 \times 0,17$ и вы получите сумму в приблизительно 51 доллар. Сравните покупательную способность того времени с современной покупательной способностью (разница, может быть, в 100 раз) и вы получите приблизительное представление, что это стоило Марии. Может быть, Мария пожертвовала в действительности все свое состояние. Я верю, что она это сделала. Она пошла и продала, продала, может быть, свой дом и ...» Многочисленны импликации этого высказывания. Да, здесь привносится прежде всего старая техника перевода библейских историй в представления современной повседневной жизни, чтобы сделать их для слушателей более понятными, как пример с мелкими деньгами. Однако это только внешний аспект: при точном рассмотрении слушателю внушается мысль, что даже утонченные библейские истории «практичны», что их можно также выразить в денежном отношении, что деньги — мера всех вещей, даже религиозного экстаза, так что косвенно светские понятия становятся масштабом для якобы самых возвышенных. В то время как Томас восхваляет, по-видимому, величие жертвы Марии, он одновременно принижает ее достоинство, переводя речь на доллары и покупательную способность. Крестоносцу втолковывается, что деньги — именно они важны, а не

религия, которая сначала должна быть переведена, чтобы получился какой-то смысл. С уверенностью можно предположить, что мало трюков из техники Томаса находит большой отклик у слушателей, чем этот жалкий трюк. Его речи в действительности напшигованы намеренно плоскими, светскими и относящимися к обыденной жизни пассажирами, из которых вышеупомянутые являются лишь некоторыми примерами, выхваченными наугад.

Напрашивается возражение, что мы этот трюк раздули. Он может быть понят как простой призыв к уважающим традицию и практический смысл американцам, к которым невозможно достучаться посредством идеалов, если они не переведены непосредственно на «язык практики». Справедливы также указания на проповеднические традиции в американских сектах и институтах, таких как Армия спасения и Христианская наука, которые переиначивают религию в нечто весьма прагматическое, чтобы она была для американского народа вообще приемлемой. Но даже если это следует допускать, едва ли можно отрицать, что «прагматический» трюк получил новое значение в явно идеалистических вопросах. Раньше он, вероятно, был средством для целей религиозного обращения и более или менее истинного воскрешения. Сегодня обращение и воскрешение стали средствами фашистской пропаганды с целью сделать народ практичным, т.е. побудить его к отказу от любой собственной теоретической мысли, объединить его в команды и организации и заставить действовать в соответствии с его коллективными интересами вместо его рациональных убеждений. Существующая необходимость «иллюстрировать» каждое понятие его непосредственным практическим применением, которое часто ведет к выхолащиванию его истинного смысла, неспособность к абстракции, которая в современных условиях, наверное, скорее усилилась, чем ослабла, применяется как рычаг в пропагандистских целях. Идеал, который отождествляется непосредственно и бездумно с какой-либо практической мерой или отношением, теряет свой смысл как идеал и низводится до простого украшения ближайшего практического шага. Однако, это собственно то, к чему стремятся Томас и вся фашистская пропаганда — т.е. превратить сознание в не что иное, как идеологию, придающую привлекательность поступкам ради собственного интереса в чистом виде, которые совершает организация. Когда идеал дискредитируется, когда его превращают в понятие повседневной практической жизни, последователям втолковывают, что важна не идея, даже не намеренно расплывчато представленное дело, за которое она выступает, а в принципе только сама организация, т.е. аппарат власти и тот авторитет, который, в конце концов, решает, какие меры целесообразны.

3. Религия как средство

Вводные замечания

Трюк Томаса — религия. Она придает ему колорит, типичный для его речей. Она — торговый знак, который отличает его от конкурентов. В качестве проповедника он может выступать как консультант, который хлопочет о специфических интересах определенной группы. Его система, сконструированная для сторонников ортодоксального, ханжеского, крайне религиозного мышления преимущественно протестантского направления, имеет целью в принципе преобразовать благочестивое стремление в политическую приверженность партии и политическую подчиненность. Подробного рассмотрения заслуживают процесс превращения и применяемые Томасом теологические манипуляции, в меньшей степени — теологическая доктрина Томаса, которая более или менее устарела. В Германии религия имеет в фашистской пропаганде подчиненное место. Как известно, фашизм (действительное значение которого, видимо, переоценено) занимал там весьма отрицательную позицию в отношении активных протестантов и католиков. Во всяком случае вся национал-социалистическая традиция тесно связана с определенной традицией монистического «свободомышлия», которая во многих отношениях враждебна христианству. В понимании природы как необузданной и слепой силы и одновременной экспансии немецкого империализма имеется существенная разница между американским и немецким фашизмом. Ярко выраженное родство американской фашистской пропаганды с некоторыми церковными движениями подтверждают священники различных конфессий важной функцией, которую они в ней выполняют²⁰.

Прагматическое значение исследования специфических характерных аспектов теологии Томаса состоит прежде всего в возможности осветить закулисные маневры его психологических опытов. Многие из уже обсужденных приемов являются использованием религиозных стимулов, которые, по его предположению, еще действуют в его «общине». О протестантском учении о предназначении напоминает техника «fait accompli»; об апокалиптическом настроении некоторых сект напоминает трюк «последнего часа»; догматическая дихотомия между «теми злыми силами» и «силой Бога» — о христианском дуализме; возвышение униженного народа — о Нагорной проповеди и т.д. Без такой ассоциативной базы и существенного авторитарного веса, который она с собой привносит, весь его пропагандистский аппарат не был бы таким действенным. Подробное рассмотрение религиозных элементов пропаганды Томаса кажется поэтому целесообразным.

Христианские мотивы, заимствованные фашистской пропагандой, большей частью превращаются в свою противоположность. Именно этот

процесс интересует нас здесь прежде всего. Мы хотим раскрыть противоречие между религиозными стимулами, применяемыми Томасом, и его окончательными целями. Что они антирелигиозны, мы это покажем. Томас — хитрый психолог масс, хорошо их понимающий, он точно знает, почему он использует язык Библии: он рассчитывает на благочестивые чувства своих слушателей. Если бы он дал возможность группам, к которым апеллирует, разглядеть однозначное противоречие в отношении выдвинутых христианских идеалов, то религиозные чувства, вероятно, выразились бы в противоположном смысле, чем это имело место в Германии, когда нацисты раскрыли свои карты.

К этому можно добавить и другое положение. Использование религии для фашистских целей и превращение ее в инструмент пропаганды гонения — это ни в коем случае не единственный в своем роде феномен, хотя религия у Томаса выполняет функцию главной притягательной силы и товарного знака. Многочисленные черты современного общества указывают на возникновение нечто вроде тоталитарного режима, и едва ли можно сомневаться, что любой оттенок профашистского мышления, будь то религиозной или атеистической, националистической или пацифистской природы, является ли он теорией элиты или идеологией народа, был бы проглочен, тоталитарным течением, которое мало озабочено внутренними противоречиями. Фашистская рациональность стремится к созданию всемогущей властной системы, а не к обоснованию философии. Значение догматического содержания религиозного медиума нельзя поэтому переоценить. Однако показательно изучение превращения такого конкретного медиума, совершенно далекого с виду от фашистской доктрины в средство для тоталитарных целей. Не внедряясь во всевозможные дивергентные формы жизни, фашизм ничего бы не достиг. В Германии он таким путем проверил свое влияние в молодежных организациях, среди пожилых домовладельцев, неплатежеспособных крестьян и в промышленных крупных компаниях, среди безработных, готовых идти на авантюры, среди армейских офицеров и педантичных государственных служащих. Чтобы полностью понять магнетическую силу тоталитаризма, необходима ясность в отношении всех этих аспектов в их собственной конкретной форме.

Религия как средство для достижения в пропаганде Томаса требует к себе внимания еще и по следующей причине. По нашему убеждению, специфический феномен современного антисемитизма имеет более глубокие корни в христианстве, чем это кажется. Хотя типичный антисемит наших дней — весьма рациональный, безжалостный и циничный, одержимый мышлением чиновника фашист, конечно, верит в Христа так же мало, как и во что-нибудь другое, кроме власти. Но также ясно, что антисемитские идеи, которые повсюду образуют острие нападения фашизма, не могли бы проявлять свою огромную силу притяжения, если бы у них не было сильных корней не только вовне, но и внутри христианской цивилизации. Убийцы

Иисуса, фарисси, менялы денег в Храме, еврей, пренебрегший своим спасением, так как он отрекается от Господа и отказывается от крещения — их роль, которую они играют в представлении народа, едва ли может быть преувеличена. В другом исследовании мы постараемся изложить настоящие теологические причины антисемитизма и их место в обществе и в истории²¹; здесь мы попытаемся показать их в «действии». Критический анализ теологических уверток Томаса может выявить собственные, хотя и частично неосознанные исторические следы воспоминаний, которые возрождает к жизни антисемитский подстрекатель. Им и очевидной пропаганде необходимо противопоставить действенные меры. Перевоспитание должно внедрить в сознание унаследованные церковью и через церковь картины, показывающие антисемитизм. Лишь осознание и разоблачение его в состоянии уничтожить вошедшие в кровь предрассудки и их психологические механизмы, которым она обязана своей упорной живучестью.

Техника «языка»

Лишний любого специфического теологического содержания религиозный медиум пронизывает всю психологическую атмосферу речей Томаса и, по-видимому, с точки зрения пропаганды является более эффективным, чем любой другой способ. Смесь чувствительной лелейной сентиментальности и лицемерного благородства придает каждому его предложению собственную ауру. Простой атрибут позы проповедника может быть елейным, и сам Гитлер, который в последнее время весьма редко упоминал о религии и то общими фразами, выработал похожий елейный язык — способ говорения. Орел «святого», лишенный всякого специфического религиозного содержания, заимствуется от произвольно выбранных понятий, обычно вызывающих оживление, как например, понятие о «предках» или «конец движения». Следствием является общее сентиментальничание. Перед лицом такой сентиментальности, ее бестыдного ханжества и лживости, интеллектуалам становится трудно понять успех фашиствующего демагога. Можно было бы подумать, так звучит аргумент, что простой народ с его чувством правды должен был бы почувствовать отвращение к интонации волка в овечьей шкуре. То, что это предположение, однако, ошибочно поймет тот, кто знаком с народным искусством. Среди народных певцов и артистов особенно проявляется ярко выраженная тенденция к преувеличенной сентиментальности, к «фальшивым нотам», отчасти вызванная любовью масс к «густо нанесенным краскам», что требует преувеличения. Но скрытой причиной является стремление народа к видимости, и это ожидание заставляет артиста в первую очередь казаться человеком, который может ловко притворяться, переодеваться и «влезать в шкуру другого». Народ предпочитает представлению истинного — «театр».

Настоящее наслаждение дают ему, наверное, фальшивые ноты, так как они рассматриваются как признаки «представления», как имитация модели и неважно, известна она или нет. Этому дает объяснение комплекс «подавленный мимезис»²².

Особенно ясна техника «фальшивых нот» в записи речей Томаса на пленку. Но эта техника становится ясной также и из записанных текстов. Типичны пассажи в жаргоне проповеди капуцинов: «Когда я смотрю на нашу великую нацию, чем она была когда-то и чем она является сейчас и будет в будущем, на изменения, которые она претерпела, если я сравниваю ее прошедшее с настоящим, и если я потом сравниваю наших женщин, семью и церковь, то я не прекращаю плакать, так как я думаю о том, чем было мое отечество и чем оно могло бы стать».

Вероятно, сотни и сотни страниц речей Томаса полны чистой бессмыслицы, как нельзя об этом забывать и при чтении неотредактированных речей Гитлера. По крайней мере частично это можно приписать тому, что публика восприимчива к «театру». Здесь опять рука об руку идет в полном согласии личная ущербность с потребностями масс. Оратор типа Томаса, истеричный и лишенный каких-либо интеллектуальных сдерживающих качеств, наверное, вообще не способен построить логическую и осмысленную последовательность предложений. Однако, может быть, как раз способность безудержно говорить, не думая, свойственная издревле определенному типу торговых комиссионеров и рыночных зазывал, и удовлетворяет желание слушателей. Здесь играет роль амбивалентное восхищение, которое испытывает человек, нагруженный комплексом «немоты» перед теми, кто может говорить. Евреи обвиняются в красноречии, но антисемитский подстрекатель хотел бы им обладать, так как его публика определенным образом от него требует, чтобы он умел говорить как «еврей». В его глазах умение болтать является свидетельством мистического таланта говорения. Бессмыслица, которую можно найти во всех фашистских речах, является поэтому не столько препятствием, сколько стимулом. Она служит скорее тому, чтобы выделить «динамику», чем выполнить специальные задачи по программе. Динамика безудержной риторики воспринимается как образ динамики реальных событий.

Слезливый экстаз и бессмысленная болтовня («говорить языком») отчетливо указывают в направлении обращения и вызывания веры (которую мы будем обсуждать позже и в другой связи) и, не важно истинны или подражаемы, именно в них Томас заимствует и копирует образец для своего чувствительного, благочестивого выступления: «О, братья, поищем святого Бога. Если мы это будем делать, наша нация будет спасена. Если мы это будем делать, наша церковь переживет мощное возрождение Бога. И каждый день народ будет видеть святость Бога». Он надеется, что под давлением его политического «крестового похода» наступят великие дни евангелизации: «Разве это не чудо, что коммунизм мог проникнуть к нам,

что он угнездился у нас дома? Где мужчины, которые поднимут наше знамя? Где старые вожди прошлого? Как так происходит, что мы не переживаем большого обновления Евангелия? Вспомните дни Александра Муди, Билли Сандея, что стало из евангельского огня в Америке?»

Подробное изучение литературы о движениях пробуждения (очень показательной является биография Билли Сандея) выявило бы большое количество психологических приемов современной фашистской пропаганды, прежде всего те, которые рассматривают «борьбу против зла» как своего рода публичный спектакль, и такие, которые нацелены на миметическое родство проповедника и общины.

Техника разложения

Модифицировать религиозное содержание для светских политических целей значит его «нейтрализовать». Как бы ни было родственно связано ханжество с реакционными общественными течениями, такими как антисемитизм, содержание религии должно подвергаться определенным изменениям чтобы быть «прочным». Современный фашистский демагог поступает с религиозными мотивами исключительно как с атомизированными остатками прошлых религий, он предполагает разрушение любой консистентной веры. Рассматривая обломки традиционной религии, он собирает то, что подходит для его целей и отбрасывает остаток, несмотря на все благочестивые фразы, он рассматривает религию под совершенно прагматическим углом зрения. Если он даже не занимает определенной теологической позиции, он все же пытается устранить этот недостаток, выдавая свою позицию как возвышающуюся над догматическим диспутом и выступает за религиозное единство. Его учение оказывается последовательным только с одной точки зрения: оно антилиберально. Религиозный антилиберализм служит прикрытием политическому антилиберализму, за который он не осмеливается выступать открыто, так же как и религиозный авторитет психологически выполняет функцию эрзаца будущей авторитарной системы. Однако в рамках общего антилиберализма Томас придерживается ортодоксии, особенно южного фундаментализма, а также евангелизма и пробуждения веры. Так как они имеют много общего между собой, то они сближаются с его теологической позицией; оба «позитивны» в противоположность просвещенной религии или «модернизму» в Америке. Томас так далеко заходит с нейтрализацией религиозных учений, что не говорит ни слова о бросающихся в глаза неуклюжих противоречиях между религиозными тенденциями, которые он эксплуатирует. Иногда он встает в позу защитника церкви, делает вид, как будто отождествляет себя с определенными деноминациями и подстрекает к действию своих крестоносцев посредством боевого клича: «Церковь в опасности!». Иногда он лицемерно показывает экстремальный религиозный субъективизм и не

боится заявлять, что время деноминации прошло, очевидно, бросая боковой взгляд на будущую религиозную «интеграцию», проведенную тоталитарным государством. От фундаментализма мало что остается, кроме авторитарных претензий самих по себе, от сектантства — ничего, кроме революционного жеста ненависти к существующим институтам, государству и церкви — одним словом, выбирается позиция, которая открывает путь фашистской системе. Нейтральность обозначает рамки, в которых Томас манипулирует протестантизмом.

В соответствии с его общим принципом — вызывать всегда скорее отношение «против», чем отношение «за», доминирует сектантский мотив. Но так как в Америке секты сами по себе являются уже традиционными силами, и вся религиозная сфера рассматривается в основном с позиций сектанта, сектантство Томаса также способно на традиционные и ортодоксальные претензии. Остатки религиозного авторитета и живых религиозных чувств, на которые рассчитывает Томас, объясняются, по-видимому, существенным сектантским характером религии в Америке в противоположность прочно обоснованным церквям в Германии, которые являются более или менее государственными учреждениями. Также по другому, чем в Германии, американские секты держат в руках каждого, более доверяя личной вере индивидуума, его эмоциям и привычным особенностям. Выбрать собственную религию, вместо того чтобы присоединиться к уже существующей, эта американская мысль создает более интимные отношения между индивидуумом и религиозным образцом поведения: то же наблюдается и сегодня, когда различия между сектами потеряли значение. В отличие от Германии, где по крайней мере протестантская церковь сведена уже несколько веков к своего рода общественной функции, американская секта имеет большую традиционно сохранившуюся силу притяжения и держит семью своей сильной организаторской хваткой. Фашистский агитатор должен считаться с имеющимся у индивидуума сектантским потенциалом, даже если он формально освобожден от церковного влияния. Агитатор не может просто выступать против него, а должен пытаться направить его в русло своего мышления, что на деле не очень трудно, ведь некоторые радикальные секты имеют опыт подавления в своем собственном сообществе и под покровом апокалиптических тенденций даже деструктивные свойства. Этим они обнаруживают большее родство с фашизмом, чем его имели когда-либо крупные европейские деноминации. Культивируя черты нстерпимости, исключительности и партикуляризма, все фашистские движения имели постоянно в своей основе нечто от секты, и именно этим крепко укоренившимся сходством между политической и религиозной сектой живет фашистская пропаганда в Америке.

Парадоксальным образом сила определенных «ортодоксальных» стимулов имеет корни в этой общей «сектантской» питательной среде. Для «безнадежной» ситуации, которую все время конструирует фашистская

пропаганда, имеется, например, церковная модель. Томас подражает ей в своих жалобах о грозящей дезинтеграции христианства из-за духа рационализма. В этом негативном аспекте мнимой опасности раскола проявляется его родство с фундаментализмом. Церковь, интерпретируемая как микрокосмос нации, в ужасной опасности: предстоящая победа дьявола в коммунизме. «прогрессивный» дух установленных деноминаций и заговор «тех злых сил» — все они действуют в направлении разложения, и ситуация требует «интеграции» в фашистском смысле. «По официальным коммунистическим сообщениям, они завербовали в свои ряды только в течение прошедших трех лет 4 или 5 миллионов наших молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. Они настраивают подрастающее поколение этой страны против христианских институтов, против церкви этой нации, против конституции... Сегодня повсюду господствует свобода совести, так что и не пройдет еще несколько лет, как христианство распадется.» Хотя атака Томаса на «свободу» в церкви звучит также, без всякого сомнения, по-антисектантски, однако она ясно проявляет все-таки то, что стоит за его фразами, когда он в другом месте лживо утверждает, что защищает права, предоставляемые конституцией.

Его поход против мнимого разложения традиционной веры религиозным модернизмом имеет специфический аспект: он нацелен на прогресс и биологический материализм. Хотя за свою пропаганду Томас получил выговор от официального фундаментализма, однако он желал, по-видимому, подружиться с фундаменталистскими баптистами: «Вот письмо от пастора одной баптистской общины в Калифорнии. От человека, который выполняет особую работу: “На меня большое впечатление произвели две вещи: опасность, перед которой мы стоим, и ваша христианская позиция. Я буду стоять с Вами плечо к плечу, чтобы разбить модернизм и коммунизм”. Я благодарю Бога за слова этого выдающегося христианского проповедника, который поддерживает нас в нашей программе». Томас симпатизирует фундаментализму, так как он борется против теории эволюции, которая является для него вершиной подрывного модернизма. «Послушайте, что я вам скажу: был день, когда мы верили, что Библия является словом Бога, а сегодня мы учим прогрессу и органическому развитию. Вы знаете, что некоторые воспитатели смеются над Уильямом Дженингс Брайаном. Но я вам скажу, что Брайан был пророком. У. Дж. Брайан был христианином... Брайан боролся против дарвинизма, он боролся против Ницше. Он боролся против этого, потому что видел, что они подрывали нашу нацию... Уильям Дж. Брайан видел, что через одно или два поколения, если учение о прогрессе, что мы произошли от обезьяны и что мы только результат развития человекообразной обезьяны, мои друзья, если это будет продолжаться, наша нация погибнет со всеми своими учреждениями.» Не оттого, что дарвинизм ошибается. Томас нападает на него, а потому, что дарвинизм якобы оказывает плохое моральное воздействие, т.е. по чисто прагматичес-

ким причинам. Религиозная правоверность, за которую он выступает, он понимает только как средство сохранения дисциплины, что ведет его к странным противоречиям. Как мы позже увидим, он впадает неосознанно в анимизм, придавая явлениям природы, таким как землетрясения, теологическое значение; если он ведет себя осознанно возмущенно, ему указывают на родство между человеком и природой. Ничто не развращает новоязыческих варваров больше, чем представление, что их предки могли быть обезьянами. Контрпропаганда, анализируя идеологию фашистов, должна тщательно изложить ее амбивалентное отношение к природе. Поскольку природа выражает господство и насилие (например, при землетрясении), фашисты восторгаются ею, поскольку она означает разнужданность и наивность, то они ее ненавидят, чувствуют к ней отвращение, другими словам, не любят в ней все, что не является практичным «в указанном выше» смысле. Они любят хищников и презируют испорченное безобидное домашнее животное; они верят в то, что выживают самые приспособленные, верят в естественный отбор природы, но они ненавидят мысль, что их предки могли напоминать обезьян. Противоречия такого рода типичны для всей позиции фашизма.

Трюк «овцы» и «козлища»

Следующий заимствованный Томасом у авторитарной ортодоксии трюк — это сильное проклятие грешника и идея, что границы между грешником и праведником установлены на все времена. Сектант, не говоря уже об еретике, всегда склонен верить в спасение грешника или через обращение, или через мистическое понятие греха как предварительное условие к спасению. Наоборот, ортодоксальная устоявшаяся религия мало занимается грешником, т.е. каждым, кто не отдался полностью институту веры; грешник рассматривается как заклеянный на все времена. Эту тенденцию, когда-то ассоциировавшуюся с организаторской властью церкви, Томас втайне имитирует своей собственной системой. Не столько природа его теологических концепций, которые он вообще и в особенности заимствовал из Нового Завета, сколько их выбор дает возможность увидеть его любовь к роли непогрешимого судьи. Почти все примиряющие признаки христианского учения, включая идею любви к ближнему, он оставил в стороне, но находится подчеркнута на стороне отрицательных элементов, как, например, понятия зла и вечного наказания, поношения интеллекта и исключительности христианства по сравнению с другими направлениями веры, особенно иудизма. Библейские цитаты он заимствует ради создания апокалиптической, мистической атмосферы предпочтительно из Евангелия Иоанна, которое лучше подходит, чем синоптики, для антисемитских маневров.

Эта техника выбора усиливает трюк «овцы» и «козлища» — трюк, который многие анализы фашистской пропаганды, как например, упомя-

нудое выше исследование Кафлина под названием «Name calling» и «Card sticking»*, выдвигают на первый план. Как говорит Гитлер в своей книге «Майн кампф», пропаганда, чтобы иметь успех, должна постоянно изображать противника как заклятого врага, а собственную группу как благородную во всех отношениях и достойную восхищения. Связанная с революционным дуализмом, эта техника получает у Томаса особый оттенок. Он предполагает трансцендентную борьбу между царством Бога и царством зла среди политических властей нашего времени и не признает никакого промежуточного процесса и никакой критики, чтобы иметь возможность осудить противника априори как проклятого и отсечь все аргументы. «Во что я должен верить? Что Иисус победил дьявола?» Эта дихотомия переносится на политическую сцену. Исход, говорит Томас, уже был предрешен в Новом Завете. «Ну, братья, битва в разгаре. Силы господина и американизма, с одной стороны, и силы мрака и коммунизма, с другой стороны. Дьявол приходит сюда и начинает действовать среди людей и учреждений, как никогда прежде в мировой истории. Куда бы вы сегодня ни посмотрели, вы видите приближение темных туч. Куда бы вы сегодня ни посмотрели, вы видите антихриста из пророчеств. Сейчас имеются миллионы и миллионы мужчин и женщин там, внизу в темной России, которыми владеет сущность антихриста, мои друзья. Бог говорит очень ясно.»

Чтобы придать политической борьбе возвышенность конфликта, происходящего внутри абсолютного, Томас привлекает теологический дуализм. То, что коммунисты — дьяволы или что он является партизаном Бога, для этого он не приводит никаких доказательств, кроме того, что у него на устах все время имя Бога. Он полагается просто на различие своей и чужой групп. Хорошими являются те, кого он относит к своей собственной группе, а другие являются детьми дьявола. Аргументация только бы ослабила этот механизм. Вся пренебрежительная теология Томаса, его намеки на «те злые силы» взяты из языка теологического дуализма. Каждый пфенниг, который он собирает на свой крестовый поход, он объявляет снарядом для битвы у горы Армагеддон.

Не следует забывать своеобразную точку зрения трюка «овцы и козлища» Томаса, который придерживается христианских понятий, говорит о силе Бога в смысле внутренней, моральной величины, а не физической силы, но он в своих изотерических речах не может отказаться от того, чтобы временами не похвалить сильного человека (big boy), который обещал свою поддержку. Как он здесь запутывается, показывает следующая цитата: «Они вели свою игру с ревностью Иоанна, однако он был великим человеком не физически, а велик духом». Точно такие же слова употреблял закоренелый антисемит Штрейхер, который был очень маленького роста, чтобы интерпретировать свои представления о национал-социалистической величине.

* Card sticking — (англ.) приклеивание ярлыка.

Не обязательно привлекать психологию Адлера, чтобы найти в таких выражениях четкие симптомы комплекса неполноценности органов, вызванных физической слабостью. В то время как Томас сам является здоровым человеком, он, однако, достаточно хорошо знает своих последователей, чтобы включить в расчет эту сторону их психологии.

Трюк «личный опыт»

Расплывчатая идея «консервативной революции», о которой говорилось в разделе о методе Томаса, довольно конкретно выражается в его теологических спекуляциях. Манипулированная ортодоксия соответствует, как мы видели выше, консервативно-авторитарному элементу. Псевдореволюционный элемент проявляется в его опоре на пробуждение веры и сектанство.

То, что американские секты через неконформизм, от которого они произошли, попали в оппозицию к централизованным организациям, таким как «церковь» и «государство», превосходно подходит к фашистской идеологии. Бунтарство и радикализм, очевидный дух сект, связанный с авторитарными аскетическими и репрессивными тенденциями находят известную параллель в структуре фашистского менталитета. Именно национал-социализм занял «антигосударственную позицию» и предпочитает такие понятия, как «нация», «народ» или «партия». Если государство рассматривается как простой инструмент, чтобы присвоить некоторые властные позиции, оно теряет всякую «объективность», которая могла защищать тех, которые должны быть подавлены²¹. Подхваченная американским фашизмом, из позиции, враждебной государству, возникает позиция, враждебная правительству, позиция, усиливающаяся сопротивлением реакционеров против Нового курса, и здесь возникает старый сектантский антицентралистский дух как прекрасное средство борьбы. Однако, если бы фашисты достигли своей цели, то фактическим последствием этого было бы сильное усиление авторитета государства, что следовало бы разъяснить всем американским партикуляристам.

Такую общую генеральную точку зрения отражает антагонизм нацистов в отношении крупных государственных церквей. В речах Томаса он принимает форму нападок на крупные институциональные деноминации, такие как например, пресвитерианцев, методистов, епископальную церковь, которым он противопоставляет свои «субъективистские», «динамические» понятия пробуждения веры. Он уверяет, что стоит против институциональной религии, за живую веру, точно так, как в противоположность государству восхваляли свое движение нацисты, которые этими стимулами затрагивают глубоко укоренившееся недовольство всеми якобы «объективными» безличными учреждениями нашего общества²⁴. Их объективность кажется тем не менее массам довольно проблематичной; современное возмущение институтами иллюстрирует борьбу против

«бюрократизма». Целью является не столько восстановить справедливость, которая кажется в опасности благодаря институционализму, сколько мобилизовать те пылкие инстинкты, которые, сдерживаемые порядком закона и институтов, становятся, будучи освобожденными, инструментом удовлетворения жажды власти диктатурой клики. Монастырский порядок и секты, как часто утверждают, выражали первоначально еретические устремления и только позже были включены в христианство. Поэтому можно с полным правом предположить, что глубинные течения язычества, нехристианизированной, «естественной» религии составляют существенный элемент всякого сектанства, независимо от того, насколько аскетическим и христианским является его поведение внешне. Во всяком случае, Томас перенял традицию движения пробуждения и так ее преобразовал, что на первый план выдвинулись деструктивные и натуралистические моменты антиинституционализма. Скрывая христианские инстинкты, он посредством своей оппозиции по отношению к институциональной религии обращается в действительности к нехристианским инстинктам. Его религиозные иллюзионистские уловки можно поэтому считать шагом по пути к разложению религии, как неизбежный курс в направлении к тоталитарному режиму и поэтому является не более, чем устарелым способом ловить отсталых людей. За его самодельной теологией таится химера имеющей успех доктрины, в которой во имя «Бога, Родины и Отечества» неуклюже объединены политика и идеология.

Основопологающим для фашистской манипуляции религиозным субъективизмом в политических, а в конце концов, антирелигиозных целях является подчеркивание личного опыта по сравнению с объективированной доктриной, поддерживаемой, вероятно, эмфатическим усилением апокалиптического настроения. Следующие цитаты могут проиллюстрировать способы применения этих фактов Томасом: «Заметьте себе, что Иисус Христос выбирает слова... не в языке Ветхого завета, и не в языке писателей, а свои слова... Ну, теперь я знаю, мой друг, что это правда. Я знаю это по нескольким причинам. Я это знаю из моего личного опыта переживания, который я имел около 20 лет назад с живым человеком, которого мы называем Иисусом Христом. Я знаю это, и я это говорю из личного опыта. Я верю в то, что сказал здесь Иисус Христос, т.е. я верю его словам, когда я жду его слова, которые я имею здесь и теперь в качестве современного достояния, как вечную жизнь. Я это знаю. Потому что моя жизнь сразу же изменилась. Вдруг я возненавидел вещи, которые я любил физически. Другими словами, вся моя жизнь и все мое сердце переменялись до основания». Знаменательно, что подчеркивание личности Христа и последующего изменения индивидуума ясно противопоставляется священному писанию, и Ветхий завет молчаливо осуждается как институциональная застывшая религия. Со времен гностиков через всю христианскую традицию сохранилось это воззрение. Ссылка на непосредственное, личное,

религиозное переживание означает, кроме того, ослабление логического размышления, как его и представляют когерентные теологические учения. Томас упорно указывает на непосредственность своего личного отношения к Богу, чтобы исключить вмешательство извне. «Бог говорит очень ясно, что ни один человек не должен вас учить, так как у вас есть святой дух, чтобы вас учить. Я в своей жизни настаивал на том, чтобы меня вел непосредственно сам Бог.» Здесь ясно показано, как легко религиозная мечтательность сект может превратиться в нападки на церковь и, в конце концов, на каждую организованную объективную религию. Желание быть ведомым «непосредственно самим Богом» можно удобно использовать как оправдание весьма произвольных решений индивида. Так например, Гитлер указывал на свое «озарение», когда он совершил роковую ошибку в военном походе на Россию. Когда Томас приводит пример личного опыта веры, он с этим связывает антисемитские намеки: «Как я вчера утром вам говорил, членство в синагоге было равнозначно определенным общественным правам. Если ты не состоял в синагоге, то ты был никто. Ты был исключен из всего общества. Ты не имел никаких церковных прав, никаких прав веры, никаких гражданских прав и очень мало моральных прав. Вы не видите, что они хотели исключить всех других и что они имели единоличную власть над жизнью и душой человека того времени. Это дьявольщина в мире, если люди, принимая некоторых и исключая других, пытаются намеренно монополизировать власть и слово Бога».

Понятие личного обращения, противопоставленное институциональной религии, усиленное верой индивидуума в предстоящий конец света, в последние дни для церкви становится теологической базой пробуждения «последний час». Перед лицом страшного суда человек должен думать скорее о Боге и о собственном непосредственном отношении к нему, а не о церкви, к которой он относится. То, что Томас не боится цитировать самые примитивные суеверия, является ясным симптомом регрессии его движения пробуждения в сторону мифической естественной религии. «Пророчества исполнились... Я не хочу, чтобы вы беспокоились из-за землетрясения, которое было у нас недавно в Калифорнии (дает объяснения о землетрясениях, которые обычно бывают осенью). Мы всегда думали, что землетрясения ограничиваются югом Калифорнии, но мы видим сегодня землетрясения страшной силы и масштабов повсюду в мире... С 1901 г. погибло только в землетрясениях больше чем миллион людей.» Соединение техники террора и религиозного движения пробуждения у Томаса здесь проявляется весьма ясно. Субъективизм и хилизм (вера в приход тысячелетнего царства) — обе главные составные части пробуждения веры, имеют тенденцию «ослаблять» сопротивление индивида. Ссылка на «личное переживание», отрицающее доктрину церкви, практически сводится к поощрению предаваться собственным эмоциям²². Запуганный представлением приближающегося конца света индивид, чтобы спасти свою душу,

должен делать послушно, не критикуя, все что ему прикажут. Таким образом, дух пробуждения веры, понимаемый первоначально как выражение религиозной свободы, можно без труда поставить на службу фашистскому идеалу слепого послушания.

Антиинституционный трюк

Превращение религиозного субъективизма в приверженность к фашизму происходит не в языке политики. Слишком осторожный, чтобы затрагивать нечто такое, прочное как американские конституционные права, Томас ограничивается своей собственной ограниченной псевдопрофессиональной сферой — церковными вопросами. Его отношение к проблемам церкви, хотя никогда полностью не выраженное и в некоторой степени сбивчивое, является, так сказать, косвенной моделью того, что он хотел бы тайне видеть осуществленным в американском народе. Он сообщает своим слушателям тоталитарные догмы веры, дискутирует с ними о делах церкви и оставляет на их усмотрение их перевод в резкие политические выражения. Его антагонизм по отношению к эстаблированным устоявшимся деноминациям является теологическим средством, которое позволяет ему воздвигнуть свою модель якобы чисто религиозного характера.

Когда Томас атакует «приверженность к партии» и «отсутствие единства» во имя духа деноминаций, тогда превалирует трюк «единство»: «Я верю, что дни деноминации прошли, что не будет никакого дальнейшего прогресса в смысле деноминации, и я напоминаю о баптистах, о конгрегационалистах, пресвитерианцах, но послушайте, сегодня можно наблюдать, как распространяется живое христианство главным образом благодаря радио». Контраст между «жизненностью» и «духом деноминации» не менее характерен, чем утверждение, что оживление приписывается радио, централизованному техническому средству, которое неразрывно связано с современной монополизацией общественных средств коммуникации. Болтовня об «оживлении» соответствует идее, что существующие деноминации якобы перестали быть живыми силами благодаря простой институционализации, другими словами, массы потеряли свою веру в те фундаментальные и рациональные религиозные учения, без которых протестантство не может быть понято. «Ты знаешь, мой друг, организованная религия, которая отрицает сверхъестественную волю, будет постоянно преследовать сверхъестественное, и у тебя там по ту сторону мертвая вера, которая отвергла сверхъестественное в Боге, и так как они это сделали, они преследуют твоего Бога и моего Бога до смерти.» Истолковывать подобное религиозное высказывание в смысле двухпартийной системы и высочайшей идеи о нации, по-видимому, для слушателей Томаса не трудно.

После таких запутанных словоизвержений Томас должен был, если бы он действовал логично, требовать усиленных законных принудительных мер

против анархических измышлений, которые он беспрестанно заклинает. То, что происходит абсолютно противоположное, является характерным для фашистской пропаганды извращением. Если он жалуется на беззаконие, коррупцию и анархию, то он ополчается не только против любого «легалитета», но и нападает на закон вообще и поступает точно как фашисты с тюком «воющего волка», который всегда применяется, когда централизованное демократическое правительство проявляет признаки силы. Их болтовня о диктатуре правительства является лишь поводом для подготовки своей собственной диктатуры. Позиция Томаса по отношению к закону весьма амбивалентна: он протестует против существующего беззакония и против существующих законов, чтобы подготовить психологическую почву для различных «незаконных» предписаний. «Дела идут неправильно в этой стране, потому что мы забыли Бога и его справедливый закон. Мы топтали ногами его заветы и его божью волю и вместо этого мы издали бесчисленное множество человеческих постановлений. Сегодня нет недостатка в законах, мои друзья. Это — величайшая эпоха законодательных постановлений, которая когда-либо была в истории нашей страны, чтобы регулировать поведение людей. Законов, изданных светскими правительствами, насчитывается 32 миллиона. В 1924 году было принято 10 тысяч новых законов в законодательстве отдельных штатов и правительстве США; в 1928 г. их было 13000, а в 1930 г. — 14000, а в последние два года эти цифры увеличились во много раз в результате Нового курса, который властвует над правом. Однако величайшая эпоха законов является также эпохой величайшего беззакония. Статистика преступности показывает, что преступления увеличиваются в размерах, что не может не беспокоить. Непосредственные расходы, вызванные в этой стране преступностью, достигли суммы 15 миллиардов долларов в год.» Эти цифры, конечно, взяты с полочки. Нет ни документов, подтверждающих 32 миллиона законов, изданных «светским правительством» (что бы под этим ни подразумевалось), ни малейшего подтверждения астрономической «суммы расходов на преступность» в Америке. Спекуляция с фантастическими цифрами — распространенная привычка национал-социалистов: якобы научно подтвержденная точность приведенных цифр успокоит недовольство против скрытой за ними лжи. «Точностью заблуждения» можно было бы назвать эту тактику, свойственную всем фашистам. Фелпс, например, оперирует похожими абсурдными числами о притоке беженцев в Америку. Так как они внушают общее чувство грандиозности, которое легко перенести на говорящего, они годятся, кроме того, в качестве психологического стимулятора.

Подчеркивание инстинкта в протовоположность разуму у Томаса идет параллельно с подчеркиванием спонтанной реакции на законы и постановления, чем он способствует духу «дела» против защиты, которой пользуется меньшинство благодаря любому законному порядку. Косвенно его

антилегалистическая и антиинституциональная позиция ясно проявляет себя в экзальтированном восхищении женщинами. Выберем один пример среди многих: он хвалит неконвенциональный дух Марфы, этой святой с практической жилкой, чем молча осуждает сферу конвенции и одобряет позицию, которая в контексте его речей звучит деструктивно, хотя она в своем высшем смысле может быть действительно превосходит конвенционализм. Неконвенциональное поведение, в конце концов, значит у Томаса быть готовым нарушить закон. «Когда она услышала, что пришел Иисус, Марфа пошла, чтобы его увидеть. Не было принято, чтобы женщина шла встречать мужчину, но Марфа, благослови Бог ее дух и ее душу, была неконвенциональной. Она отказалась поддерживать глупый обычай который подавлял проявление ее любви и преданности.» Официально Томас защищает дом и семью и рьяно преследует тех, которые якобы желают «легализовать аборт». Но эти высказывания весьма близки кодексу половой морали, который ввели нацисты. Внешне выступавшие за освященные старые институты этой морали, они тем не менее, поддерживали половые связи с несколькими партнерами, поскольку это вело к увеличению числа «фольксгеноссен». Когда Томас нападает на закон и конвенцию, у него на уме не свобода, а подчинение индивида не независимым законным и моральным постулатам, а прямому приказу тех, кто имеет власть, кто может обойтись без объективных директивных идей. Томас хвалит любовь Марфы, чтобы замаскировать идею следования приказу, который в действительности не привел бы ни к чему другому, кроме как к ненависти.

Антифарисейский трюк

Прославление «духа» посредством пробуждения, между прочим, не следует принимать слишком серьезно. Благодаря повороту, который тесно связан с временно прекращающейся атакой Томаса на устойчивые церкви, благодаря клевете на фарисеев как персонификацию религиозного институционализма и веры в «букву», она значительно затухает. С клеветой на фарисеев Томас переносит ненависть к закону и институтам на интеллект, интеллигенцию и евреев, с которыми он непосредственно отождествляет фарисеев. Чрезвычайно осторожно он избегает конкретного объяснения, что он имеет в виду под духом, однако подразумевает совершенно определенно общий энтузиазм и волю действовать, как специфическую способность духа. Библейское преимущество нищих духом, как оно выражено в выступлении Христа против высокомерных фарисеев, он использует в своих собственных целях, как доказывают бесконечные хулительные речи такого типа: «Мой друг, эта эпоха отвергла учение Иисуса. Церковь, организованная Церковь отвергла учение Иисуса. Церковь, которая приняла учение израильских священников со стороны, возвратилась к интеллекту. Вы знаете теперь и должны все знать, что люди не могут найти Бога, ища его. Ваш

крохотный рассудок не способен найти царство Божье». Или: «Я напоминаю вам, что Иисус никогда не открывал свою подлинную сущность и свою истину мужчинам и женщинам, у которых не было правильного духа. Подумайте об этом вместе со мной одну минутку: “Кому он открыл всемогущую истину?..” Иисус открылся той женщине, потому что она была достаточно проста, чтобы верить, что он мог сказать миру».

Согласно христианской идее, истина является всеобъемлющей, она должна дойти даже до человека, на которого ступают ногами. У Томаса она извращена, обращена лишь к тем, кто «достаточно прост, чтобы верить его рассказам», так как они меньше всего способны на сопротивление против неправды. Только сегодня, когда фашизм приспособливает христианство для своих практических целей, такое извращение выражается так откровенно и цинично, как это не наблюдалось во всей истории христианства.

Родство с Мартином Лютером, существующее в этом пункте, Томас понял очень хорошо: он хвалит своего тезку, потому что он был, как святой Августин, «только известный человек», которого «интеллигентные вожди» никогда не избрали бы. Действительно, очернительство интеллекта идет начиная от Августина и Лютера и отвергается кальвинизмом. То, что Томас склонен принимать сторону Лютера, а не Кальвина, едва ли является случайным. Их интеллектуальная ученость и определенное положение как представителей государственной религии, делает фарисеев особенно подходящим объектом для гравли интеллигенции. Их враждебность по отношению к Христу облегчает ему задачу объявить их авангардом антихриста. Стимулятором здесь является враждебность к интеллигенции. Кому приходится страдать и у кого нет ни силы ни воли изменить ситуацию по собственному почину, тот скорее готов ненавидеть тех, кто вскрывает отрицательные стороны ситуации, а именно, интеллигенцию, как тех, кто ответствен за страдания. То, что интеллигенция отключена от физического труда, не обладает правом приказа, что она поэтому вызывает зависть, не требуя одновременно подчинения, еще более усиливает враждебность. В глазах слушателей Томаса антиинтеллектуализм может рассчитывать на особый успех. Нагорная проповедь подгоняется в качестве идеологии для тех, которые хотя и чувствуют, что их собственное мышление затуманено, однако ожесточенно и восторженно придерживаются этого.

Этот гнев обращается против тех, кто стоит в стороне, и таким образом, подготавливает антисемитизм, ведь евреи в теологическом отношении близки к христианству, не принимая его. «Ну, мои друзья, вы видите, что Иисус Христос был хорошим человеком, что он был высоким раввином евреев своего времени, что он был великим вождем, но вы отказываетесь признать, что он является Богом в человеческом образе. Подумайте о том, что чистота Священного писания устоит или упадет с приведенным доказательством, что все должны чтить Сына, как они чтят Отца. Мой друг,

ты можешь прийти к Богу только через Иисуса Христа, Сына божьего. Я знаю, что это довольно трудно для некоторых из вас, которые учили это по-другому. Нет никакого другого пути спасения для мужчины или женщины, чем посредством Иисуса Христа. Если Вы не чтите Сына, то вы не можете чтить Отца.» Так как призвание Сына является важнейшим различительным признаком между христианством и иудаизмом, эти слова косвенно имеют в виду евреев. В остальном применяемый здесь теологический принцип усиливает значимость трюка «посланника». Конечно, подчеркивание различительного признака было бы само по себе уже антисемитским, оно становится в конце концов таким из-за того, что Томас говорит о связи между Ветхим и Новым заветами редко в позитивном смысле. Идею, что Христос пришел не отменить Завет, а исполнить его, т.е. Ветхий завет, Томас оставляет без внимания. Для него, более того, Новый завет является отрицанием старого, и поэтому Томас, конечно, не относится к фундаменталистам: «После Нового завета, после слова живого Бога, бессмертие человеческой души может осуществляться только через откровение и дело Иисуса Христа из Назарета, совершенное на кресте, на Голгофе и у могилы Иосифа Аримафейского».

Когда Томас взваливает ответственность на тех, кто «близко» к Христу, в действительности не признавая этого, он компрометирует Ветхий завет, вместо того, чтобы его принять, в конце концов, он клеймит евреев. «Сатана постоянно пытается приблизиться к детям Бога через посредника. Он знает, что бесполезно напрямую нападать на дело живого Бога, но он всегда пытается дойти до каждого отдельного индивидуума через кого-нибудь, близкого к нему. Так было в случае с Иудой. Вспомним четвертую главу Евангелия от Матфея, где говорится, что Иисус победил дьявола. Если вы теперь откроете Евангелие от Луки, вы в описании Тайной вечери найдете, что пришел Сатана и был в образе Иуды Искарриота. Он сказал: “Я не могу прямо к нему подступиться, и должен потребовать смерти Иисуса Христа через кого-нибудь, кто близок к нему”». Отождествление евреев с убийцей Христа и особенно через ассоциации слов «Иудея», «Иуда», «еврей», весь этот пассаж изменяется в направлении трюка антифарисеев.

Религиозные отвлекающие маневры в действии

Согласно нашему основному тезису, религия, являясь сетью для ловли определенной группы населения, трансформируется в средство для политических манипуляций. Томас однажды утверждал: «Сатана сегодня не имеет власти над христианином, так как на Голгофе он пережил свое Ватерлоо». Такие языковые образы, подчиняющие спасение души земным событиям, являются символом отношения Томаса к религии. Голгофу он превращает, так сказать, в вечное Ватерлоо, так что его религия низводится до системы метафор для выражения «светских» битв и политической власти. Его ловкое

толкование Библии ради идей, которые в основном не совместимы с духом христианства, доходят часто до карикатуры. Его, в конце концов интересуют только результаты религиозного престижа и религиозного авторитета, что показывает доведенный до совершенства цинизм в обращении с библейскими рассказами. У него нет ни малейшего интереса к конкретной субстанции религии и, само собой разумеется, подчинение религиозных идей и языка религии политическим целям сильно принижает сами религиозные идеи. Голгофа, названная Ватерлоо, теряет свою уникальную значимость, которую вера в распятие толкует как акт спасения. Простая метафора, лишенная каких-либо догматических выводов, звучит для каждого христианина как богохульство. Тем, к кому обращается фашистская пропаганда, нужно было разъяснить, что фашистская манипуляция с догмой весьма кощунственна.

Еще заметнее становится элемент богохульства, когда это касается содержания библейских историй, которые привлекает Томас. Сверхъестественное значение библейского понятия о «насыщении десяти тысяч», например, толкуется в смысле беспощадности и бесчувственности на земле. «Наш господь, Иисус Христос, не является кормильцем, он кормит народ не ради насыщения. Чтобы вы не делали на словах и на деле, делайте это в честь Бога, ты знаешь, мой друг, что ты и я совершаем ужасную ошибку и что мы тому человеку больше вредим, чем приносим пользы, если мы ему что-нибудь даем, что ему не нужно. Не важно, что это, является ли это милостыней или тем, что мы для этих людей делаем, что он сам может для себя сделать. Ты отнимаешь у человека благодеяние жизни, ты лишаешь его радости труда. Мы должны покончить с современной ситуацией... как-нибудь, когда-нибудь. Если мы это не сделаем, то мы и дальше приучим миллионы людей в этой стране принимать милостыню.» Похожим образом он извращает идею Иисуса о хлебе жизни, чтобы использовать ее для клеветы на другие виды происхождения духа, а именно, автономную мысль вообще и идеи реформы в частности. Однако для Томаса характерно, что он, атакуя просвещение, не отваживается в то же самое время нападать и на технику, так как она, в конце концов, является предпосылкой и жизненным элементом его собственного метода пропаганды. «Я желал бы, чтобы мы могли вспомнить о сегодняшней Америке. Многие люди бегают за теми или иными вещами, к тому или другому обманщику, и они ничего не достигают. Здесь настоящий хлеб жизни, я уверен, что наша душа это знает. Сколько людей имеется на свете, которые пытаются найти истину, действительные цели жизни, без Иисуса Христа. Слушайте Бога, кроме, как через него, вы не можете найти никакой великой истины. У меня есть желание к Богу, чтобы мы узнали эту великую истину. Не желайте себе, чтобы мы вернули воспитание. Я благодарю Бога, что мы имеем могущественного Бога, благодарите Бога за печатный станок, поблагодарите Бога за газеты, благодарите Бога сегодня и наберитесь мужества, так как наш Бог еще на своем

троне. И я верю, что мы дадим залп, который услышат во всем мире.» Запутанные предложения, подобные этим, верно отражают запутанные идеи ханжеского фанатика, сторонника двух вещей, «доброе старое время» и «радио», которое дает ему возможность говорить.

Вера для Томаса не только суррогат, чтобы изменить мир, но она и предупредительное средство, чтобы действовать против любого изменения, любых времен, которые и без того автоматически классифицируются как коммунизм. «Вы не видите, что если мы не восхваляем святость Бога, если мы не провозглашаем справедливость Бога в этом мире, если мы не провозглашаем факт неба и ада, если мы не провозглашаем факт, что без спасения и кровопролития нет и прощения греха. Вы не видите, что только Христос и Бог господствуют, и что в конце концов, над нашей нацией разразится революция.» Хуже, чем в этих фразах, не могло произойти превращение христианского учения в лозунги политической власти. Идея таинства, что течет «кровь Христа», истолковывается с задней мыслью о политическом перевороте как раз в смысле общего «кровопролития». Так как кровь Христа якобы спасла мир, Томас и говорит о необходимости кровопролития. Убийство получает ореол таинства, так что в основном от жертвы Христа только и остается, что «кровь евреев должна течь». И распятие низводится до символа погрома. Важные причины говорят о том, что эта абсурдная трансформация играет большую роль в традиционных христианских представлениях, чем это может показаться с виду.

Трюк «вера наших отцов»

Самым действенным связующим звеном между теологией Томаса и его политикой является идея «веры наших отцов». Ее можно назвать в основном антихристианской, так как христианство претендует на истину, и не на принятие ее через традиции: кто верит только потому, что это делали его предки, тот ни в коем случае не является верующим. Идея о предках имеет, кроме того, оттенок культа предков мистической природной религии, которой противоречит собственная сущность христианства. Однако, этот натуралистический элемент христианской веры, где он замещает католическое понятие о живой церкви, присутствует повсюду в христианстве. Даже субъективистские, лютеранские мыслители, как например, Кьеркегор, использовали это. Патерналистский авторитет выполняет всегда свою функцию — не давать уклониться тем, вера которых в истину самой христианской догмы поколеблена. В конце концов, христианская вера насильно достигается светскими внешними средствами, контролем патриархальной семьи, и, в то же время, воспринимается весьма respectfully, смиренно и благочестиво. Томас, этим призывом, основой его ортодоксии, открывает путь для интерпретации, которая может быть легко понята в смысле агрессивного нативизма. «Книга, которая объединила

сердца миллионов людей, мужчин и женщин повсюду, та старая книга, которую любили наши отцы и матери, та древняя книга, которую они берегли и читали, и которую также и мы, настоящее поколение, читаем, — старая книга, святые страницы которой мы листаем сегодня после обеда, напоминает нам о прошлом и дает надежду на будущее и готовит нас к раю на небе, куда отошли наши отцы и матери за все эти долгие годы.» Двусмысленное определение Америки, как «христианской нации», является следующей ступенью. Томас ссылается этим на якобы решение нашего суда и постоянно дает понять, что он при этом думает об исключении евреев из американской общности. «Послушайте, вначале Америка была христианской страной. Что бы ни развивалось в нашей стране во время ее прогресса, является результатом американизма. Когда Вы говорите об Америке, вы должны говорить о христианстве, так как Америка и христианство измеряются одними и теми же мерками.» И здесь раздается его призыв «к настоящему сорту людей», под которым Томас, по-видимому, имеет в виду те же самые типы, которые в Германии проложили дорогу национал-социализму. «Вас, учителей, призываю я сегодня после обеда, чтобы напомнить Вам, чтобы Вы и в будущем держали Америку в своих руках. Как клонится сук, так и растет дерево, и как дерево падает, так оно будет лежать. Нам нужны учителя, чтобы учить великим принципам жизни. Мы должны провозгласить великую истину Бога, нам нужны судьи в наших судах, которые помнят символы наших отцов, которые до сих пор существуют.» Что от этих учителей, судей ожидается строгость, едва ли стоит упоминать. Так силен традиционалистский стимулятор у Томаса, что он, несмотря на свое якобы отвращение к деноминации и конвенции утверждает, что «единственный путь молиться Богу это — идти на то место, которое посвящено молитве». Такие высказывания, которые больше согласуются с римско-католическим учением, чем с протестантской доктриной об общем священнослужительстве, показывают еще раз, что Томас использует христианство, как простую аналогию для всей светской авторитарной системы.

От поклонения предкам и христианской Америке только один шаг до высокомерного патриотизма. «Мы надеемся на Бога и на тех, кто верит в эту страну, в эту Библию и в семью, во флаг и в эти любящие свободу институты, которые достались нам в наследство.» Почти без прикрас выступает основное стремление Томаса к милитаристскому образцу, к авторитарной организации, к «гимну», который поют его парни.

Мы парни старой бригады.

Мы сражались бок о бок, и плечо к плечу, клинок к клинку.

Наши парни сражались, пока не пали и погибли.

Они были так смелы и готовы к бою, так чисты и радостны.

Где парни старой бригады, и где страна, которую мы знали?
Стойко, плечо к плечу и клинок к клинку
Готовые к бою с песней маршируют по нашему пути, парни старой
бригады.

Слава их памяти, где бы они ни были,
Они были незабываемыми товарищами

В то время как при поверхностном рассмотрении милитаристский символизм должен проявить религиозные идеалы, сама религия Томаса служит символом фашизма. Американский христианский крестовый поход обобщает обе вещи: пробуждение веры и ортодоксальное христианство, но их общим знаменателем в пропаганде является фашистская организация.

4. Идеологическая травля

Вводные замечания

По сравнению с методом Томаса, конкретное содержание его речей играет только побочную роль. Психологическое «размягчение» слушателей в смысле фашизма не дает ни единой политической программы, ни единой критики существующего общественно-политического порядка. То, что его выступление насквозь лишено настоящих теоретических положений, объясняется, во-первых, намерением быть «практичным», и, во-вторых, вероятнее всего фактом, что у него нет никакой точной программы. Как большинство фашистских агитаторов, он, разумеется, руководствуется в меньшей степени политическими и социологическими рефлексиями, чем свойственным ему ярко выраженным чувством подражания пресловутым имеющим успех образцам авторитарных систем. Такой псевдотеоретичный подход наблюдается со времен начала режима Муссолини; он, по-видимому, имеет прочное основание в структуре самих авторитарных систем и может объясняться не просто циничным релятивистским презрением стоящего у власти разнузданного политика к истине и ее манифестации в теории. Скорее это можно приписать теории самой по себе, независимо от ее содержания. Даже если она исходит из произвольных домыслов, сам факт последовательного когерентного и консистентного мышления получает определенную собственную значимость, определенную «объективность». Она делает в глазах фашиста из теории проблематичное оружие, так как мышление само по себе отказывается быть только инструментом. Теория как таковая, рассмотрение автономных логических процессов, дает тем, на которых хочет оказать влияние фашист, некое чувство безопасности, разрешает им, так сказать, быть услышанными. Поэтому она, в основном, для фашистов является «табу». Его царство — это область бессвязных, неясных изолированных фактов, или, более того, форма их проявления.

Чем изолированнее они приводятся, чем больше выбранные излюбленные темы привлекают внимание обоих — агитатора и слушателя, тем лучше для фашиста. С полной перспективой на успех он может одновременно, но псевдотеоретично ударить по обоим: по еврейскому банкиру и по еврейскому радикалу. Если бы он попытался объяснить взаимную связь понятий теоретически, то он наткнулся бы на величайшие трудности, был бы вынужден прибегать к несостоятельным, изношенным конструкциям, как это довольно часто происходит в фашистской пропаганде. Между тем Томас, чтобы по-возможности избежать этой опасности, придерживается нескольких опробованных популярных мелодий. Этим, по-видимому, объясняется частично малая сменяемость мотивов не только у него, но и у большинства ему подобных. Специальные контрмеры должны были бы, например, «связать» изолированные темы, чтобы снять их остроту, сконцентрировать спор на опасных пунктах или, может быть, наоборот, поставить на первый план те факты и структуры, которые обычно выпускаются в фашистских аргументах. Что бы Томас ни делал, он преследует цель найти деликатные невралгические пункты политических противоречий, от манипуляции которыми он надеется получить немедленное эмоциональное эхо. Свои политические темы он выбирает с точки зрения их психологической значимости. И, таким образом, он предпочитает темы в большей степени нагруженные аффектом: коммунизм, администрация, особенно обсуждение вопросов безработицы, евреев, определенные аспекты внешней политики.

Имидж коммунизма

Все время подчеркивалось, что кампания против коммунистической опасности и радикализма является одним из краеугольных камней фашистской пропаганды и была на примере Гитлера весьма успешной. Она возвращается со всеми атрибутами травли красных, само собой разумеется, в речах Томаса. Например, техника доносить на каждого, как на коммуниста, идеи которого не согласуются с тем, что он выражает большей частью словом «радикальный». В действительности под этим может подразумеваться каждый, кто следует прогрессивному направлению с революционным, подрывным оттенком, весьма полезным для пропаганды Томаса.

Антикоммунистические аргументы фашистов движутся все в одном направлении: коммунизм является непосредственной опасностью; немедленные контрмеры должны защищать традиционные институты собственности, семьи и религии. Однако, бросается в глаза, что Томас никогда не апеллировал к коммунизму, как таковому. Он не нападает ни на учение диалектического материализма, в котором он, очевидно, ничего не понимает, ни на практическую политику коммунистической партии, ни на

реальные условия в России. Он никогда не затрагивает такие фундаментальные вопросы, как например, возможно ли бесклассовое общество в современных условиях, или улучшилось ли положение масс в России. Он никогда не исследует конкретизированные марксистской теорией идеалы. Вместо этого, он создает о коммунизме картину, как о призраке дьявола, который существует только для того, чтобы пугать людей видением их предстоящего уничтожения. Кроме как в самых туманных обобщениях, например материализма, он не нападает на марксистскую систему. Однако он оглашает «сказки» ужаса весьма фантастического содержания, которые похожи на записки сионских мудрецов. Он борется против «ветряных мельниц», строит параноидную систему, которую сам потом и атакует. Этот механизм имеет особое значение, так как он показывает глубоко укоренившуюся тенденцию в фашизме, скорее выступать против воображаемых картин, чем против действительности, которую они изображают. По двум причинам преследуемые фашизмом большей частью являются фикциями по своей природе. С одной стороны, реальность таких групп, как коммунисты или евреи, не давали бы ему в достаточной степени объекта ненависти, так как Томас должен был бы обсуждать коммунистическую теорию, он бы подвергался опасности заинтересовать ею своих сторонников. С другой стороны, он рассчитывает, сознательно или неосознанно, на «параноидальную склонность» среди них, на нечто вроде мании преследования, которая стремится к подтверждению своих дьявольских призраков. Он знает, что может подчинить своему влиянию слушателей, только удовлетворяя это желание и приспособив свои измышления соответственно их психологическим желаниям. Основная схема — это коммунизм, характеризующийся как заговор, концепция, которая отражает конспиративный характер его собственного шантажа.

Этот аспект является не только образцом травли против красных, но и еще в большей мере образцом антисемитизма. Отвратительные и малопонятные карикатуры в «Штормере» характерны для всех действий фашистов. Психологическая атака относится в меньшей степени к евреям как настоящим людям, а в большей степени к их мифическому образу, который представляет собой смесь из восприятий, остатков архаического представления и проекций психологических инстинктов. В давние времена уничтожали магический образ, чтобы убить изображенного человека; сейчас можно говорить почти о противоположном: евреи уничтожаются, чтобы разрушить их образ. Часто поэтому может быть менее уместно защищать их от критики, которая, в конце концов, нацелена на фетиш, чем излагать фетишистскую природу фашистского понятия «евреи». Важно вскрыть элементы фетиша и их относительную независимость от действительности и проверить его психологическую функцию. Только так может быть эффективно уничтожен имидж. Ожидая защиты евреев, какими они являются по-настоящему, имидж их останется довольно непроницаемым,

антисемитизм ведь базируется меньше на еврейских особенностях, чем на менталитете антисемитов.²⁶

Превращение коммунизма в мрачный заговор совершается с помощью пассажижей, как этот: «Я спрашивал себя, знаете ли Вы, что Сталин, Иосиф Сталин, в последний год, заметьте это себе, опубликовал план уничтожения США, это известие было разослано всем коммунистическим диверсионным организациям и секретарям.²⁷ Вот обдумайте это и поразмышляйте, как обстоят дела и что происходит во все увеличивающемся размере во всей нашей нации. Посмотрите, как поступают некоторые конгрессмены, как поступают некоторые сенаторы, что делают некоторые вожди в нашей стране. Тогда вы сможете сами судить о серьезности момента. Таковы нашептывания дьявола. Я их вам назову, насколько я это могу сделать в течение ближайших минут». (Очевидно, он хочет возбудить аппетит тем, что теперь будет разглашать. Он надется при этом доставить своим слушателям массу острых ощущений.) «Он (Сталин) говорит о религии: “Философией и мистицизмом, развитием либеральных культов, поддержкой атеизма мы должны истребить все христианские вероисповедания”». Эта бессмысленная цитата точно подходит к приведенным выше гротескным утверждениям. Что касается марксистской теории, то Томас прибегает к простому методу — помериться с ней силой. «Послушайте, друзья, что мы можем ожидать, если расскажем нашим детям, что человек не имеет души, если мы им сообщаем такие учения, как манифест Карла Маркса. Он окончательно подготовил мир для коммунизма, мои друзья: мы в этой стране идем навстречу аду, мы позволили этому учению, этому частному учению проникнуть в нашу страну, оно пронизало весь наш дом и семью (!). Оно проникло в школу. Мы допустили, что наш учебный план был построен на этих гипотезах, что человек не имеет души, что человек и вся жизнь появились на земле посредством органического развития или как-то по-другому. Мы должны немедленно отвернуться от этих воззрений, или мы погибли... Это воззрение, которое закладывает основы коммунизма.» Характерно, что при описании коммунистических учений не упоминаются понятия ни классовой борьбы, ни капиталистической экономической системы вообще и подчеркиваются только биологические теории, которые никогда не играли у Маркса решающей роли, или утверждения, которые ему приписывались по ошибке.

Трюк «коммунист и банкир»

Тема важнейших историй ужаса Томаса — это якобы заговор с целью создания финансовых кризисов и банкротств. Когда он обсуждает коммунистическое понимание собственности, он привлекает не понятие социализации, а только понятие манипуляции, которая лишает людей всего их состояния. Из типично фашистского отождествления «коммунистического

заговора» с «заговором банкиров» извлекает выгоду в первую очередь антисемитизм. «Несколько лет назад встретились мужчины. Дайте мне рассказать вам их план и их программу и слушайте, что они сказали: “Мы открыли боевые организации в различных государствах, где имеются восстания и скоро будут беспорядки и банкротства повсюду”. Это было незадолго до 1929 г., когда мы увидели, что к этому идет дело в США. Мои друзья, разваливается одна нация за другой, мы видели столицы мира в смуте, мои друзья. Теперь мы это видели в наших США. Мятеж и банкротство скоро будут повсюду. Слушайте, что они говорят. Мы будем выдавать себя за спасителей рабочих от эксплуатации. Когда мы их будем уговаривать вступить в нашу армию социалистов, анархистов и коммунистов, мы протягиваем им руку всегда под прикрытием господства братства.» Хотя Томас маскирует эти высказывания как цитаты, он никогда не приводит точные источники. Очень вероятно, что он вычитал их из фашистских газет или памфлетов, так как нет ничего смешнее, чем изображение якобы официального коммунистического соединения социалистов, коммунистов и анархистов. Он продолжает: «Разве это не то, что они сделали с нашей нацией? Разве это не то, что заставляет лопаться один банк за другим, пока, мои друзья, не будут разорены тысячи банков в США». По марксистской теории, законы капиталистического производства вызвали кризис. Фашизм наносит ответный удар, приписывая кризис манипуляции коммунистов, однако он не старается вскрыть, как функционируют эти сатанинские махинации или как коммунисты вообще, пока существует капиталистическая система, могли повлиять на экономику Америки. То, что определенная группа капиталистов, а именно, финансистов, в заговоре с коммунистами, остается для слушателей Томаса единственно возможным объяснением, хотя оно и не выражается четким образом. Посредством такой техники, которая имеет различные преимущества, можно дискредитировать в первую очередь коммунизм; он не выступает больше как всеохватывающая общественная система, а как хитрый обман жадных до прибыли рэкетиров. Более того, посредством этой техники можно обвинять специально подобранную капиталистическую группу «непродуктивного капитала» в подрыве основ частной собственности, которую банкиры должны как дельцы представлять. Кто подвергается такой пропаганде, должен был бы, собственно говоря, возразить, что никакая капиталистическая группа не будет интриговать против системы, которой она обязана собственной прибылью. Однако, как абсурдна ни была бы эта техника, фашистская пропаганда все время к ней прибегает. В доверительной речи Томас подогревает, например, старую историю о международных еврейских банкирах, которые финансировали большевистскую революцию. Очевидно, эта формула имеет мощную иррациональную психологическую опору. Комбинировать ненависть к евреям как к капиталистам с проклятиями в их адрес, как к подрывным радикалам — это самый простой

путь. Многие люди, которым довольно непонятны операции на бирже, например, термины. *Hausse* и *Baisse**, не доверяют банкирам. Последствия, которые они часто испытывают на собственной шкуре, заставляют их персонафицировать анонимные причины финансовых потерь и обвинять жадные группы заговорщиков. Хотя свойственный биржевым сделкам этикет далеко идущего «иррационального», непредвиденного, побледнел в эру экономической концентрации, позиция по отношению к финансистам в эпоху, когда «финансовый капитал», кажется, потерял многое от своей власти XIX века, стала привычной. Эта позиция принимает даже угрожающий характер. Причиной для сегодняшней вражды является, по-видимому, как раз чувство, что банкир не имеет больше прежней власти, что его легко устранить. Представление о его всемогуществе только рационализирует проснувшееся чувство его бессилия. Наоборот, представление, что коммунисты являются заговорщиками и преступниками, основывается на их отрицании капиталистической системы, которое навязывает им определенные ограничения при формулировании их целей и тактик и придает им в глазах многих мистический оттенок.

В отношении борьбы против «непродуктивного» капитала, одного из самых действенных стимуляторов антисемитизма, мы ограничиваемся здесь двумя наблюдениями: во-первых, финансист вызывает ненависть, потому что он, по-видимому, наслаждается жизнью и роскошью, не располагая, как промышленник, действительной властью приказа, во-вторых, «могущественный банкир» является только увеличенным символом посредника (дилера из сферы обращения), который несет ответственность за то, чтобы независимое население платило за экономический прогресс, происходящий в области производства. Посредник выполняет функцию психологического и экономического «козла отпущения», и эта функция страстно оберегается благодаря определенным экономическим интересам. Само собой разумеется, что только обоснованная критика экономики может точно изложить эти тезисы о разнице между продуктивным и непродуктивным капиталом. Только здесь она может наглядно показать, почему отождествление банкира с коммунистом, которое кажется разуму столь «абсурдным», имеет такой успех.

Хотя Томас не ввязывается ни в какие экономические спорные вопросы, в одном пункте его позиция становится ясной, именно в этом пункте он извращает собственное содержание марксистского учения, превращая его в противоположность. Маркс требует обобществления средств производства, не выражая мысли об экспроприации маленьких личных владений. Сторонники Томаса, однако, не располагают стоящими упоминания средствами производства и являются только маленькими собственниками, так что идея обобществления их, по-видимому, не очень пугает. Следо-

* *Hausse* и *Baisse* — (*фр.*) повышение, понижение курса биржевых бумаг.

вательно, она должна быть представлена попыткой лишить их в некоторой степени имущества, которое они называют своим собственным, а не стремлением существенно поднять жизненный уровень всего населения. Коммунист приравнивается к разбойнику и вору, к тем грабителям, которые обычно плывут в кильватере фашистских переворотов. «Второе, что коммунисты намереваются: они хотят, по Томасу, общего введения атеизма, отменить всякую частную собственность и право наследства. Они коварно и хитро овладели нашей собственностью. Они говорят, всякая частная собственность и всякое наследство должны быть отменены. Это значит обобществление любого, даже незначительного владения. Это означает конфискацию всего того, что дорого мне и Вам.» По-видимому, этот аргумент — самый убедительный для вербовки маленького человека в ряды фашистов.

Из фашистского арсенала берется последняя стоящая упоминания техника Томаса — «травля красных». «Товарищи, ротфронт и реакция расстреляны», говорится в песне Хорса Весселя; Томас украшает свои тирады против коммунизма враждебными ссылками на «реакцию», хотя она ни в коей мере не имеет такой силы, как подстрекательство против красных. Если бы, однако, только коммунизм был предметом поношений, то немощие, на которых направлена пропаганда, могли бы почувствовать недоверие. Поэтому он маскирует свою цель, внушая своим слушателям, что нужно считать противниками также старомодных реакционеров, группы, которые недостаточно заботятся о массах. С другой стороны, в фашизме есть слабая реальная основа для нападков на реакционеров: антагонизм по отношению к некоторым соперничающим консервативным группам, с которыми ему часто приходится объединяться, но которые он в конце ликвидирует, как это весьма успешно удавалось сделать в Германии. У Томаса антиреакционное оформление травли коммунистов выражается в конкретной политической ситуации. «Возьмите, например, школьное управление. Мне кажется, как будто общественность собирается потерпеть поражение, что бы ни случилось. У нас два списка кандидатов: один обещает нам уверенность с мистером Бекером, мистером Делтоном, миссис Кларк и миссис Роунзавиль; их поддерживает незначительное число старых реакционных групп. Вот я и спрашиваю серьезно, будет ли эта группа действительно иметь власть, чтобы разрешить проблемы школы в этом городе?» Несколько более пространно он выражается относительно другого случая: «Я хотел бы, чтобы вы сегодня весьма прилежно молились, чтобы силам реакции, силам, которые пытаются заставить замолчать Христа, не удалось бы закрыть радио для народа Бога». Чтобы подготовить насильственные меры против коммунистов, которых он хотел бы изгнать из США, Томас хочет по крайней мере перенять их революционную концепцию и их методы. На реакцию он нападает потому, что она действует незаконными средствами, хочет действовать с помощью насилия черни, посредством «спонтанных акций». Даже если массы, к которым обращается фашистский

агитатор, скептически относятся к господствующему классу, который они привыкли рассматривать как господ и эксплуататоров, последние (при этом не важно, являются ли интересы фашистского движения родственными их собственным) все же кажутся неподходящими для грубого ремесла непосредственного угнетения, которое и означает фашистское управление. Культурная традиция, социальный страх, даже снобизм, запрещают высшим классам, по крайней мере до определенной степени, те виды поведения, которыми авторитарная система осуществляет свою власть. Поэтому фашисты временами порочат их как высокомерных и «далеких от народа». Очевидно, что между старыми и новыми «элитами», между элитой, обладающей крупной собственностью, и теми, кто ее охраняет и в значительной степени контролирует с помощью своего аппарата террора, существует соперничество. «Реакция», старый господствующий класс, выполняют, таким образом, пропагандистскую цель — привлечь к себе радикальные массы, не подвергая опасности авторитарный аппарат. Так как фашистская пропаганда против «реакции» в противоположность пропаганде против «еврейского» банкира, остается довольно общей, и приводит, кроме как в экстремально критических ситуациях, очень редко к действительному конфликту, Томас достаточно осторожен, чтобы говорить о старых «реакционных» группах и оставляет открытой дверь для их включения в свою собственную, более актуальную версию.

Нападки на правительство и президента

Богатый материал имеется у фашистов под рукой для нападок на правительство. Демократический режим всегда можно описать как «косвенно» отчужденный от народа, холодный и институциональный. Его централистская природа постоянно дает возможность обвинить его в игнорировании интересов народа и особенно тех, кто живет в отдаленных частях страны. Всегда можно выгадать «пугало» бюрократизма, где централизованный демократический режим должен состязаться с изощренностями закона разума и конституционного права. Его постоянно можно обвинять в дороговизне и коррупции. Маленькому человеку, который платит налоги и не видит, кому непосредственно на пользу идут деньги, каждый расход кажется «расточительством». Психологическими средствами фашистской рекламы являются ментальность налогоплательщика, к которому действительно или якобы предъявляют слишком большие требования, и присущее ему сопротивление против централизованного правительства, так как в анонимном государстве, которое не способно гарантировать жизнь тем, от которых оно берет, сбор налогов имплицитно вызывает чувство несправедливости. В своем желании подражать экономически превосходящим, даже группы, которые, являясь, по-видимому, сторонниками Томаса, платят только незначительные прямые налоги, часто

впадают в ментальность «перегруженного» налогоплательщика. Эта тенденция имеет склонность к тому, чтобы стать собственным «вероисповеданием». В итоге скрытая обида обращается, однако, против правительства, которое только «берет», а не против социальной системы, которая делает налоги неизбежными. Где фашизм приходит в власти, он увеличивает налоги, однако они, по крайней мере вначале, ловче замаскированы чем, например, пожертвования на благо отечества и собратьев по нации. Ссылки на народную идею, сопровождаемые террором, временно прекращают всякую дискуссию по поводу налогов. То же самое относится к коррупции. В странах, где господствуют разнузданные, деспотические группы, без сомнения, имеется больше случаев расточительства и коррупции, чем в демократических государствах, но они держатся в тайне и очень редко эта тема обсуждается, в то время как демократия допускает ее свободное обсуждение, и таким образом создает иллюзию, что она является рассадником коррупции. «Прогрессивное», подчеркнуто демократическое правление при Рузвельте является особенно подходящей целью для враждебного в отношении правительства поведения фашистов, хотя ее оппозиция ни в коем случае не определяется существенно Новым курсом. Однако фашистская пропаганда против Нового курса жива либеральной традицией США, которая рассматривает любое государственное вмешательство в экономические дела как средство для критики существующего.

Томас ненавидит президента и хочет, чтобы его слушатели также его ненавидели. Однако, он всегда называет его «наш президент», молится за него и делает вид, что он хранит традицию терпимости в американской демократии. Но он хочет только одного: «Президент должен покаяться». Христианскую идею покаяния он коварно превращает в средство очернить первого человека исполнительной власти: «Мой друг, я говорю тебе очень серьезно, так серьезно, как только можно говорить человеческому существу; если ты не будешь раскаиваться, если федеральный судья не раскаивается, если члены Сената не раскаиваются, если каждый мужчина или каждая женщина в нашей стране не будут раскаиваться, они не увидят царства Божьего». По-видимому, здесь «каждый мужчина или каждая женщина» являются дополнением, а главной фигурой является президент, который никогда не давал повода сомневаться в своих принципиально либеральных воззрениях.

Намеки связывают президента, его аппарат управления или, по крайней мере, некоторые «вышестоящие органы» с коммунизмом. Этот трюк применяют однако не только фашистские агитаторы, а почти все противники демократического режима. «Почему Америка хочет поддерживать нечто подобное (искусственно организованный экономический кризис)? Разве это возможно, мой друг, чтобы поощрение в высших инстанциях приводило к таким вещам?» Название одной из его речей накладывает на демократическое правительство четкое клеймо коммунизма. «Это правда, что предпо-

лагает Торговая палата, что коммунизм является действительной целью некоторых людей в окружении президента?» В доверительной речи он доходит до утверждения, что хотя писания сионских мудрецов являются, как доказано, фальсификацией, однако их глубинная правда была подтверждена Новым курсом. По-видимому, правительство выполняло шаг за шагом все изложенные в них планы. Точно так аргументировал нацист Розенберг, после того как швейцарский суд вынес свой приговор. Разумные опровержения остаются бессильными против таких легенд или нащепываний, которые позволяет себе Томас в отношении правительства. Как только их нельзя сохранить на объективном уровне, они переделываются с помощью вспомогательных гипотез или путем сдвига с уровня фактов на уровень «глубинной правды».

Нападки на президента ни в коем случае не являются чем-то новым в США. Они всегда были со времен Эндрю Джонсона. Исторический анализ, наверное, раскрыл бы перманентную готовность некоторых политических групп обвинять президента. Это ирония, что мятежники, выступающие против Эндрю Джонсона, называли себя «радикалами». Нехарактерным и слишком простым кажется нам тезис, что позиция населения в отношении президента является амбивалентной, так как он имеет имидж отца. Современные монархии, как например Великобритания, имеют мало аналогичного по сравнению с нападками на президентов в республиках. Скорее эта привычка объясняется проявлением демократии вообще и американской конституции в частности. «Что правительство народа посредством народа и для народа» наделяет отдельного индивидуума значительной властью президентства, масса народа воспринимает, очевидно, как парадокс: это вызывает по крайней мере неосознанно сильное сопротивление. *Prima facie** — высшая исполнительная власть, вызывает возмущение, как монархическая и «недемократическая», и создает, таким образом, постоянную готовность призывать на борьбу против нее систему контроля и равновесия и обвинять ее, высшую власть, в нарушении своих границ и в стремлении к диктатуре. Сегодня старое сопротивление прежней, или «народной демократии», идет вразрез с идеей демократии посредством заместительства, и институт президента служит в первую очередь для того, чтобы поддерживать совершенно другую идеологию. Президента упрекают меньше в «антидемократической власти», чем в том, что она «незаконна», что его авторитет не является естественным выражением современных коренных отношений власти. Поэтому фашист желает их разрушить. Старые реминисценции абсолютистской легитимности были превращены в идею, однажды интерпретированную Геббельсом, что только тот, кто использует власть, ее заслуживает, т.е. кто ее использует в целях беспощадной эксплуатации. Президента, заклеянного как человека, который хотел бы быть

* *Prima facie* — (лат.) с первого взгляда; по первому впечатлению; на первый взгляд

диктатором, по существу презирают, так как он не может и не хочет действовать как диктатор, так как представляет систему и группы, не являющиеся диктаторскими. По существу, хулители президента чувствуют, что легальная власть, которую он воплощает, не полностью покрывается его реальной общественной властью, что решающие экономические силы находятся вне его сферы, в другом лагере. Поэтому его конституционные права воспринимаются как «нелигитимные» по сравнению с крупной промышленностью, которая является выражением сущности деловой культуры. Современные нападки на президента означают конфликт между формальной демократией и экономической концентрацией, который имеет тенденцию расширяться вместе с последней. В высшей степени аналогична ей прежде всего история Третьей Французской Республики; в ней не только аристократия упорно смотрела на официальный демократический режим сверху вниз, но также и самые влиятельные экономические силы. Ненависть к президенту едва ли отличается от ненависти к высшим финансовым группам, с которыми фашисты любят его связывать.

Трюк «возьми свою постель и ходи»*

Наряду с нападками на президента и общим клеветническим утверждением, что режим Рузвельта якобы поощряет атеизм, коммунизм и модернизм, имеется еще один специфический аспект, на который нападает Томас — это тактика Нового курса по вопросу безработных. В этом вопросе у него исключительно отсталые взгляды, он апеллирует к группе мелких собственников. Он недооценивает значение проблемы безработных и влияние давления, которые они могли бы оказать, в то время как более продвинутые фашисты, как например, Фелпс, пытаются привлечь безработных на сторону «движения». Возможно, этот аспект в большей степени является причиной неудачи пропаганды Томаса, хотя, с другой стороны, он привлек также группы, которые по другим пунктам в остальном отрицали бы его позицию. Пропагандистское использование вопроса безработных и фашистская «интеграция» безработных — это две совершенно разные вещи. Томас тщательно маскирует свою позицию, направленную против безработных, посредством языка христианина. Слова «Встань, возьми свою постель и ходи» он толкует в совершенно противоположном библейскому смысле как профессиональную инициативу: «Бог нам приказывает идти. Мы убили дух десятков тысяч человек, расточая любовь к ближнему. Мы никогда не решим проблемы Америки, если помощь получают не те люди, кто действительно испытывает нужду. В определенный день, в определенный час, в определенную минуту и определенную секунду, когда мы скажем, что каждый доллар дает тебе столько-то времени,

* Марк II, 9

и если потом, милостью Бога, не захочешь работать, то и не будешь также и есть. Почти невозможно заставить мужчину или женщину работать. Мы должны покончить с этим состоянием.» Та же самая техника выполнила в Германии свою цель. Само собой разумеется, безработные там тоже должны были быть накормлены, однако их привлекали на короткое время к «работе»: их заставляли делать ненужные и незначительные вещи, а потом вооружаться к захватнической войне. Идея, что никто не должен есть, не работая, если даже его деятельность сама по себе чрезвычайно излишняя, оказалась с точки зрения психологии очень эффективной. Один из парадоксов сегодняшней ситуации состоит в том, что вокруг самой жалкой группы безработных концентрируется зависть, так как они освобождены от тягостного труда. Эта зависть является инструментом, чтобы подчинить их как «солдат армии труда» контролю господствующей группы, в то время как она (зависть) доставляет некоторое удовлетворение тем, кто имеет рабочее место. Отвращение Томаса к правительству возникает в общем и целом из этой интенции. Мысль, что безработных нужно принуждать к работе. Томас иногда выражает в форме вымышленного призыва к аграрной реформе, и этим он проявляет свое родство с идеологией крови и земли. «Правительство должно бы предоставить средства производства и каждому дать десять морген земли, или столько, сколько он вообще может обрабатывать, и его послать и заставить зарабатывать хлеб насущный в поте лица своего.²⁸ Сейчас имеются миллионы людей в этой стране, которые не хотят работать и которые отказались бы от предоставленного места, если бы они имели такую возможность.» Чтобы провозгласить необходимость сильной руки, безработных подозревают в лени и в качестве единственного шанса научить их работать, «интегрировать» их и одновременно наказывать за лень, предполагает исподтишка фашистский режим. На первый взгляд, ожидаешь, что такой цинизм оттолкнет массы и настроит их против Томаса, хотя в отношении некоторых слушателей это имеет место, и было бы слишком рациональным предположить, что это сыграло бы еще большую роль. Томас ловко использует парадоксальное желание сильной руки у тех, которые должны были бы ее испытать на себе. Авторитет им по вкусу не только потому, что он обещает уверенность, но также и потому, что они отождествляют себя в такой сильной степени с системой власти, что они хотят подчиниться любой трудности, как свидетельству власти и силы, посредством которой их собственное унижение, как кажется, их соединяет. В империалистической Германии многие бывшие солдаты, которые при прусском милитаризме терпели самое грубое обращение, позже восхваляли военную службу, как самое прекрасное время их жизни. Это позиция, из которой исходит Томас в своей кампании в отношении безработных. Нет никакого средства, чтобы исследовать этот феномен, но не стоит удивляться, что он завербовал значительное число сторонников из рядов тех, которых он бичевал за их мнимое нежелание работать. Возможно,

это как раз те, которые оказываются быстрее всего готовыми к эксцессам против слабых.

«Евреи идут»

Только замаскированно и побочными путями антисемитизм выступает в речах Томаса по радио. Не только правила радиовещания мешают ему, но прежде всего религиозная среда. Хотя она окружает его нападки ореолом теологического авторитета и служит ему для того, чтобы скрыть свою ненависть под маской христианской любви, она требует все же в некоторой степени уважения к народу Ветхого завета и несовместима со слишком открытой атакой на группы меньшинств. Что Томас является ярким антисемитом или, по крайней мере, был им, доказывают доверительные речи, намеки на это встречаются и в речах по радио. Модуляция речи и ораторская поза указывают на то, что имеются в виду евреи, когда он говорит о «этих силах», и что его слушатели это знают. Вес антисемитской пропаганды в речах Томаса несравнимо больший, чем сумма его неприкрытых враждебных высказываний против евреев.

Мостом между теологическим антииудаизмом и фашистским антисемитизмом является Палестина. И если тема, на первый взгляд кажется взятой довольно издали, сообщения о новых поселениях и экспансии евреев, по-видимому, имеют определенное значение для антисемитов. К их самым главным движущим силам относится жалоба, что евреи «идут». Они должны «уйти, они здесь нежелательны». Они рассматривают их как захватчиков, нарушителей законов и ощущают их существование как угрозу возможности чувствовать себя «дома». В действительности же они не хотят их терпеть на земле ни в каком месте. Они обвиняют их, что они стремятся к мировому господству, а на деле сами желают этого. Евреи для них символ того, что они еще не владеют всем миром. Временами запутанные ссылки Томаса на поселение евреев в Палестине в качестве знака приближающихся дней страшного суда (эти ссылки не дают возможности узнать, принимает ли он их или отвергает), отражают амбивалентность нацистов в отношении сионизма. Они его приветствовали как средство отделаться от евреев и считали его опасным, или по крайней мере об этом заявляли, так как они опасались распространения еврейского национализма за границы страны. За этой амбивалентностью вырисовывается тень смертельной ненависти. В соответствии с фашистским мышлением, евреи не должны ни оставаться там, где они сейчас живут, ни иметь возможности образовывать собственную нацию. Альтернатива — истребление. Их поселения описываются как сообщение о фактах, но простой характер выражения имеет оттенок угрозы. Публика должна ужаснуться при представлении о якобы чрезмерно выросшей власти евреев в Палестине, перед этой вызывающей ужас опасной картиной. И если в сообщениях не называются имена, то это может

распалять даже общество — мы сопровождаем следующую цитату постоянно соответствующими комментариями: «Итак, евреи возвращаются. По последнему сообщению Еврейского телеграфного агентства, недавно в Палестине поселилось больше еврейских фермеров, чем их было 2000 лет назад. Она является сегодня с экономической точки зрения самым многообещающим местом во всем мире. В Палестине нет депрессий. [Имеется в виду то, что евреи энергичны и дела у них идут хорошо.] Естественные источники той нации [говорить о евреях как «той нации» — это одна из стандартных уловок: два по виду, с точки зрения языка, оправданные слова дают картину народа, который каждый знает, но не хочет называть по имени] теперь эксплуатируются и развиваются. Я недавно читал сообщение о химикатах, которые осели на дно Мертвого моря [трюк заговорщика]. Тот химик сказал, что где-то в Мертвом море находятся жизненно важные химикаты стоимостью около 15-25 тысяч миллиардов долларов. [Томас говорит о потенциальной химической ценности источников Мертвого моря. Или, он хочет сказать, что евреи спрятали на его дне ядовитый газ; это он хитро оставляет толковать в двусмысленном смысле в надежде, что его наивные слушатели поверят в последнее, хотя это является выдумкой.] На берегу Иордана сегодня строится больше гидроэлектростанций [кошунственная комбинация святого библейского имени с ультрасовременным термином должна внушить слушателям отвращение]. Университеты растут как грибы из под земли. Друзья, это верный признак, что время христианских народов подходит к концу. Почему? Потому что христианские народы делают точно то же, что делали евреи тысячи лет назад, что вызвало изгнание их из стран и побудило Бога отвергнуть еврейский народ. [На евреев сваливают грехи христиан; ударение в этом непонятном предложении падает на слова: «отвергнуть еврейский народ», возможно, это единственное, что может понять мозг его слушателей.] Итак, они были рассеяны и не имеют родины уже 2000 лет, скитальческий народ, блуждающий по свету. Между тем Бог сказал и дал власть христианским народам. С окончанием христианской веры одновременно возвращаются евреи, многие из них возвращаются к нашему Господу и спасителю Иисусу Христу. [Позитивно звучащее предложение усиливает общее смятение и удивление и намекает, кроме того, на то, что крещенные в Палестине евреи могут быть спасены, но кто останется и придерживается иудаизма — под последними понимают американские евреи — являются самыми недостойными.] Однако, многие возвращаются в Палестину в неверии, но, друзья мои, недалек тот час, когда армии христианства в великой битве у Армагеддона, которая, так я думаю, придет с окончанием следующей большой войны, евреи соберутся в той стране. Они будут окружены со всех сторон и упадут ниц и в час величайшей нужды будут звать Бога, и Бог ответит им с неба, и Иисус Христос, которого они отвергли, их старший брат, придет с мощной силой спасения». Другими словами, в соответствии с большой программой, на

которую надеется Томас фашист, как проповедник же он им предлагает перспективу для спасения. Идея расплаты с евреями после второй мировой войны — является одним из главных антисемитских лозунгов (1943 г.), появилась в речах Томаса восемь лет назад. Без сомнения, ею сознательно манипулируют фашистские агитаторы. Хотя в угрожающем масштабе распространенная среди солдат, она совершенно не зависит от войны и от поведения евреев во время войны. Раздута она искусственно.

Важнейшим шахматным ходом в косвенной антисемитской пропаганде Томаса является намек на библейскую вину евреев. Он полагается на то, что его слушатели перенесут старое осуждение на современность. «Бог предупреждал народ устами его пророков, что, если он не возвратится к нему, и не восстановит в стране справедливость и сострадание, Бог обязательно сделает так, что народ погибнет как нация, попадет в плен и будет побежден соседними народами.» Чтобы внушить слушателям непосредственную связь между Иудеей и Америкой, а именно, виновность сынов Иудеи в «американском кризисе», Томас сравнивает современную Америку с Иудеей времен пророков. Хотя он не высказывает этой мысли, звуковое построение всего пассажа и постоянное повторение имен «еврей» и «иудеи», создает это впечатление. Совершенно очевидной становится его техника манипулирования голосом в следующей цитате: «Коммунизм является ничем иным, как синагогой сатаны, о которой говорил нам наш Господь». Интерпретация коммунизма, как синагоги сатаны, при поверхностном рассмотрении является только библейской метафорой; применяя греческое слово «синагога» в отношении еврейского храма, он связывает, однако, коммунизм с евреями, другими словами, предложение говорит о том, что евреи и коммунисты — одно и то же.

Трюк «проблемы»

Когда Томас отваживается иногда неприкрыто делать антисемитские замечания, он первично делает упор на наличие «еврейской» проблемы в Америке. Но пока в демократии фарса разрешается продолжаться таким «проблемам», антисемитизм завоевал первую, особенно легкую и опасную победу, ибо выражение «проблема», которое кажется нейтральным и научным, ведет в действительности к понятийному обособлению евреев и характеризует их как будущих жертв специальных административных мер.

Трюк «проблема» требует особой техники псевдообъективности. Где Томас становится незамаскированным антисемитом, там он представляется одновременно другом евреев. Эта весьма значимая констелляция звучит следующим образом: «В каждой стране мира имеется сегодня этот огромный конфликт между евреями и правительством, а также людьми, которые воплощают ту нацию. Сегодня нет страны, которая не имела бы еврейской проблемы, ни одной. Я говорю сегодня (!), как друг евреев. Я говорю

сегодня как один из людей, который принесет им Евангелие Иисуса Христа. Я говорю вам без какой-либо боязни противоречия: в настоящий момент имеется еврейская проблема, которая не умрет во всем мире. Это предвестник, предшественник того дня, того часа, когда те люди будут собраны там в большой стране, куда они возвратятся в неверии. Но в один из этих дней они обратятся к Иисусу Христу, чтобы он их освободил, и он придет и потребует назад свой древний народ... Разве это не проступок христиан этого мира, что мы упустили принести тому народу Евангелие Иисуса Христа? Мы собираем плоды того, что сами посеяли». За ханжескими обвинениями христиан, что они не смогли обратить евреев в христианство, за жестом раскаяния и намека на наказание со стороны евреев громоздятся в действительности еврейский призрак и коммунистический мировой заговор, и такая цитата из Библии подстрекает к «акции защиты», так как евреи якобы господствуют в мире, пока христиане не объединятся против них: «Они погибнут от меча, и Иерусалим будет раздавлен, пока не придет время христиан». Следующая цитата порождает настроение паники и еще более усиливает нападки на евреев: «Иерусалим опять в руках евреев, он родина евреев, он опять был для них восстановлен... Евреи в Палестине в соответствии с осуществлением пророчеств Бога, там сейчас больше евреев, чем в какое-либо время в течение двух тысяч лет истории [угроза для христиан]. 1917 год был критическим временем в нашей истории. И как бы это ни казалось странным, вы знаете, что когда генерал Алленби захватил город Иерусалим, он сделал это от имени короля Георга... с этого самого момента Бог отдал его в руки сионистов, с этого часа произошли еще и другие события: коммунисты проникли в Москву как раз в то время, когда была освобождена Палестина. Начался упадок церкви, она ослабла и потеряла жизненность. Что еще случилось? Вы видите, как распространяется по всему миру план антихриста закрепить свою власть на земле во всех христианских домах». Сионисты, коммунисты, британцы замешаны в огромном заговоре. Подобно Фелпсу и другим фашистским агитаторам, Томас тоже включает англичан в свои нападки на евреев и коммунистов; национал-социалистическим правительством британцы даже были названы «белыми евреями».

Обычно Томас начинает с отождествления евреев и дьявола (как убийц Христа), дает их описание в виде дьявольских заговорщиков в течение всей мировой истории, и этот вид нападок он предпочитает описанию их как подражателей и бесхарактерных захватчиков, как нелюдей, он проявляет этим специфическое различие между немецким и американским антисемитизмом, который должна учитывать контрпропаганда. Немецкие евреи, в противоположность американским, укоренившиеся в Германии в большом количестве много веков назад, большей частью ассимилировались; антисемиты должны были нападать как раз как на ассимилированных, и обвиняли их, что еврей хотят слиться с христианами, отравить их «изнутри».

В Америке, где еврейская эмиграция в массовом масштабе началась только в XIX веке, и ассимиляция евреев незначительна, они выделяются яснее как национальное меньшинство; антисемит может их поэтому просто обвинить, что они другие, не как все, и может заподозрить их как закрытую национальную группу в конспирации и в стремлении к захвату политической власти. Антисемитский аргумент представления евреев как более слабых, однако, полностью отсутствует в арсенале Томаса. Возможно, он оказался в Германии самым рискованным. Библейский блеск, который Томас приписывает евреям, является своего рода защитой от презрения и осуждения и делает его специфическую кампанию против евреев относительно безвредной. Однако, может быть, те трюки, которые не направлены косвенно на евреев, являются более сильным психологическим оружием против них, чем его собственные антисемитские выпады.

Позиция Томаса в отношении внешней политики

Обращение Томаса к американизму нельзя сравнивать с нацистской эмфазой идеи об отечестве и германской расе, а является, может быть, учетом чувств его слушателей, только более слабым эхом. Он использует пацифизм в отношении иностранных дел так же, как и антикапиталистические тенденции во внутренних американских делах. В такой стране, которую не затронули войны с другими народами и превосходство которой всегда оставалось неоспоримым, не мог развиваться сильный военный патриотизм. Вследствие этого, несколько отрицательный американизм Томаса ограничивается большей частью обсуждением грозящей стране опасности, ее мнимой изнеженности и декаденства, он игнорирует ее силу и право на господствующее положение в мире. Его внешняя политика состоит в патриотической экзальтации и одновременно в отказе от стремления к власти других народов. Он содействует национализму как таковому, однако симпатизирует, точнее говоря, больше немецкому национализму, модели его фашистских идеалов, чем внешнеполитическим целям американского народа.

Некую амбивалентность в отношении проблемы войны отражает предпочтение Томасом национал-социалистов, в игре которых он также участвует. Несмотря на свой американизм, или, скорее из-за своей фашистской концепции для Америки, он, кажется, действует успокаивающе. Он использует американскую волю к миру в качестве давления направить страну в когти агрессивных наций. Он приводит длинные и запутанные аргументы, которые заканчиваются оправданием германской подготовки к войне. «Нет никакого, абсолютно никакого сравнения с тем, что происходило в мире, и тем, что происходит сейчас. Все государственные деятели в мире дрожат на своих постах от страха перед завтрашним днем. Британские государственные деятели, каждый в отдельности, говорит, что

войну в Европе долго сдерживать не удастся. Франция и Германия, Италия и Англия, Россия и Япония — каждая нация готова. Они вооружены до зубов, они готовы к началу ада на земле. Не из-за того, что одна из этих стран этого желает. Мое мнение таково, что каждый государственный деятель в Европе ненавидит войну, если они знают, что это такое, она им омерзительна. Когда вам что-нибудь рассказывают о том, что кто-то потрясает оружием в мире, о людях, которые хотят войны... Я не верю, что какой-нибудь сумасшедший желает войны, несмотря на факт, что они не хотят никакой войны, их толкают неизбежно, шаг за шагом, дюйм за дюймом к бездне, в следующий большой, убийственный для людей конфликт. Почему так? Почему мы не можем сдерживать войн? Как так получается, что коммунисты в этой стране проповедуют, что Америка должна разоружаться, а России разрешается вооружаться? Нет, я вообще не придаю большого значения этому виду пацифизма, и я не верю, что какой-то человек, к примеру американец, у которого есть голова на плечах и есть глаза, чтобы смотреть, и который имеет достаточно разума, чтобы думать, был бы заинтересован в войне. Но послушайте, как так получается, что мы не можем предотвратить войну? По очень простой причине, что этот мир отверг сына живого Бога. Система мира не основана на христианской вере, мировая система — это система сатаны, которая хочет проглотить, умертвить и погубить человеческую расу. И теперь народы земли к этому готовят. Но будьте внимательны, что я вам скажу. Я знаю, когда придет война, а она придет. Вы знаете, что каждые 20 лет всегда была война... Те мужчины и женщины, которые говорят, что последняя война была только детской игрой по сравнению с будущей, вы можете себе представить сотню самолетов в стратосфере, которыми управляют роботы, с большими бомбами на высоте, где защита посредством других самолетов невозможна, и с точной системой наблюдения, чтобы сбрасывать крупные бомбы с высоты от 2-х до 3-х миль в центр большого города где-то на земле? Ну, мои друзья, вы знаете, что это значит. Это значит уничтожение. Это значит смерть. Это значит разрушение. Вы можете себе представить, какой будет следующая война? Будут пулеметы, которые стреляют со скоростью 600 выстрелов в минуту. Вы можете себе это представить? Итак, слушайте меня. Никто, кто имеет разум, не желает войны. Но что-то есть внутри человеческого рода, что вызывает страх. Германия боится. Это причина, почему Германия вооружается.»

Решительно прогерманским является внешнеполитический курс Томаса: «Вы, по-видимому, заметили, что между Италией, Францией и Англией, с одной стороны, и Германией, с другой стороны, что-то происходит. Я рад, что, по всей видимости, постепенно среди них, или Великобританией, разрабатывается новая программа политики в отношении немецкого народа. Я думаю, что в высших дипломатических кругах признается, что германские и англо-саксонские и скандинавские расы должны теперь

выступать бок о бок против величайшей угрозы, которой когда-либо противостояла западная цивилизация, с тех пор как Чингис Хан послал свои азиатские орды и напал на западный мир. Англия, кажется, стала по отношению к Германии уступчивей. Она точно знает, что Германия, как единственный оплот западной цивилизации, противостоит огромным ордам коммунистов под предводительством оступившихся народов, и что, если немецкая и англо-саксонские нации не будут держаться друг друга, нет надежды сохранить христианскую религию для христианской цивилизации. И если наши собственные чиновники в Вашингтоне имеют ум, то они пойдут националистическим курсом, который объединяет при братском взаимопонимании Великобританию, Германию и скандинавские страны.»

Оступившиеся народы, кто бы они ни были, называются безбожными, нацисты, наоборот, верующими, чтобы они ни делали. «Бог должен признать, что Германия истекала кровью, пока народ не признал, что есть Бог на небе, и что народ, который забывает Бога, погибает. Мои друзья, Германия выучила свой урок, возвратилась и признала то, что провозглашает вера и что Бог должен прославляться. Англия и Америка погибнут.» Авторитарное послушание по виду рассматривается как религиозность *per se*. Проповедование благочестивого покаяния проникает в доктрины пятой колонны и готовит почву для провозглашения «заповеди часа».

Особо следует сказать о технике Томаса, когда он имеет дело с внешней политикой. Он обращается с нациями, как будто они индивиды, и применяет непосредственно в отношении них моральные понятия и использует моральные дихотомии для разъяснения национальных политических вопросов. Эта уловка, уступка способности его последователей думать в безличных терминах, имеет несмотря на пророческое звучание, зловещий оттенок. Чем упорнее рассматриваются нации как индивиды вместо групп народов, тем основательнее превращаются люди в послушных членов своего государства, тем беспощаднее они перед лицом грозящей катастрофы, которую неустанно расписывает Томас, и тем легче их можно склонить к «интеграции». «Библия разъясняет нам, почему погибают мировые царства, мои друзья, моральный закон действует среди наций, так как они состоят только из мужчин и женщин. Что бы человек ни сеял, он пожнет это. Что бы страна ни сеяла, то она и пожнет. Действительно, широко поле наблюдения, если мы начинаем изучать эту истину прошлого и настоящего, ибо народы, наверняка, умирают и исчезают таким образом, как они умирали и исчезали в прошлом. Ибо каждый памятник и каждая книга, каждый мост и каждая куча мусора, каждая одинокая колонна становятся амвоном, с которой мы слышим голос прошлого, который читает великую проповедь национального греха и национального суда.»

Персонафикация нации является, так сказать, негативной тоталитарной интеграцией. Американская нация, по Томасу, — огромный коллективный грешник, который должен сообща раскаяться, т.е. принять фашистский порядок. «Бог

призывает американский народ возвратиться к нему. Он говорит, у меня с вами борьба, потому что вы отвернулись от меня, от союза со мной. Вы нарушили мой закон. Вы и я, мои друзья, являетесь частью великого народа. Наши отцы воздвигли в этой стране великую стройку, они посеяли слово живого Бога в качестве краеугольного камня своей личной жизни, их жизни внутри государства, их национальной жизни, и теперь наступили трудные дни, мои друзья, когда мы пренебрегли старыми символами наших отцов. Мы стали такими разумными, мы стали такими умными. Мы знаем все, но ах, мои друзья, есть вещи, которые мы не знаем, и это то, что мы потеряли знание о живом Боге в этой нашей стране. Америка сегодня — несчастная страна. От Атлантического океана до Тихого, от Канады до Мексиканского залива наш народ находится в хаотическом состоянии беды. Мои друзья, причина проста, вот она: мы затоптали ногами знание о нашем Боге и вытеснили его из наших сердец, наших душ. Мы сегодня приносим много жертв, мы жертвуем фальшивыми вещами, мы жертвуем Богу серебро и золото, мы поклоняемся сему и соломе. Бог тела является сегодня богом многих в нашем народе. Бог имущества занял место послушания; нашего господина Иисуса Христа мы изгнали из наших церквей... Наши отцы хотели поехать туда, где они и их дети могли жить по заветам Бога, и так они переехали через океан, который не был отмечен ни на одной карте, через эти равнины и прерии, и через горы. Они жили в бревенчатых избах, они жили в землянках.» Примечательно, что призыв Томаса к американскому обновлению заканчивается едва прикрытым желанием возвращения к всеобщему стандарту жизни. Изменения, которые он ожидает от тоталитарной регламентации, рассматриваются как божье лекарство против изнеженности и дегенерации.

Заключительные замечания

Конечная цель пропаганды Томаса — власть посредством жестокого, садистского подавления — является центром, объединяющим принципом, который определяет его теологию, политическую тактику, психологию и его моральные принципы. Среди его стимуляторов — понятие строгого наказания на вечные времена, имеет решающее значение. Мучения описываются до мельчайших подробностей, наверняка для особого наслаждения слушателей: «Однажды они развели огонь для него и сказали, Поликарп, если ты не отречешься, если ты не откажешься от Иисуса Христа, тогда ты будешь гореть. Говорится, что он держал свою правую руку в огне и дал эту историческую клятву перед миром. “70 лет я служил Христу, и он мне не сделал ничего плохого, наоборот, только хорошее. Почему я теперь на старости лет должен от него отказаться?” Он отказался отречься от того, что Иисус является сыном Божиим. После того, как Поликарп произнес эти слова, он шагнул в огонь и сгорел, так что от него осталась только кучка

пепла. Это было время, когда десятки тысяч христиан были брошены в тюрьмы, и нам сообщают, что десятки тысяч из этих мужчин и женщин и детей были брошены на растерзание львам, что они с лицами, обращенными к Богу, гордо шли на кровавую арену, там вставали на колени и вручали свою душу Богу, что львы нападали на них прыжками, ломали им кости и ели их мясо. Нам сообщают, что использовались и огонь и вода, и любая, которую только можно себе вообразить, форма преследования, чтобы истребить христианство, но вместо того, чтобы их число уменьшалось, оно росло. Их загоняли в земляные ямы, и еще сегодня мы находим их останки в катакомбах... спрятавшись от солдат, от тайной полиции, от глаз шпионов, эти мужчины и женщины жили и умирали в триумфе верности. Я напоминаю вам о том, что наш Господь Иисус Христос сказал, что придут дни печали. И если ты в своей вере стоишь до смерти, я дам тебе корону жизни». Будущее Америки, о котором предупреждает Томас, описывается похожими красками: «В одно прекрасное утро вы, мужчины и женщины, проснетесь без денег и имущества, без дома и без двора, и вы будете стоять лицом к стене с пулеметной пулей в вашем сердце и в вашей голове». Можно себе представить, с каким наслаждением публика относит эту сцену к своим врагам. Почти откровенно Томас показывает свою амбивалентность по отношению к мерзостям в одной из своих антисоветских пасквильных речей: «Я хотел бы сказать, что вы, мужчины и женщины, вы и я, живем в ужасное время мировой истории, но также в милостливое и прекрасное время». Это — мечта агитатора объединить в одно и ужасное и прекрасное, опьянение уничтожением, которое выдается за спасение.

Примечания

¹ Все цитаты Мартина Лютера Томаса, если они не отмечены специально, взяты из его речей по радио, произнесенных в апреле–июле 1935 г.

² Гитлер часто говорил о «фанатичной любви к Германии».

³ Североамериканская секта, богослужение которой часто приводит к телесному экстазу.

⁴ Некоторые примеры: «Отец наш, мы благодарим тебя сегодня за чудесный день. Мы благодарим тебя за эту великолепную южную страну», «Доброе утро всем вам, где бы вы ни были. Мы счастливы быть с вами в этот чудесный день, когда солнце сияет над нашими дворами и садами».

⁵ Восхваление неумоимости, которое, как известно, возникло в обществе среднего сословия, играло решающую роль, особенно в кальвинизме и в янсенизме. Паскаль толковал христианство даже в смысле неумоимости: предсмертные муки Христа продолжают до конца света, и никто не должен больше спать. Более радикальные, аскетические христианские направления постоянно подчеркивали это понимание, возможно, оно получило в пропаганде Томаса особый вес благодаря базе «повторного пробуждения». Само выражение «повторное пробуждение» включает враждебность по отношению ко всему, что предается покою. Новым в фашистском трюке «неумоимости» является то, что он независим и стал подобен фетишу. Раньше бюргер должен был быть неумоимым, чтобы снискать милость невидимого Бога и чтобы достичь материального благосостояния для семьи, фашист должен был быть

неутомимым ради самой неутомимости. Самоотречение в этом и другом отношении интерпретируется как цель, а не как средство, а именно оно рассматривается как награда, которая самоотречением запрещается. В этой трансформации проявляется одно из самых глубоких психологических изменений нашего времени. Контрпропаганда, которая хочет дойти до корня проблемы, должна обнажить иррациональные, фетишистские и абсурдные признаки всех «жертв», которые требует фашистская пропаганда.

⁶ Нужно, по крайней мере, попытаться ответить на вопрос, как взаимодействуют «гипнотические» и «рациональные» элементы в фашистской пропаганде. Прежде всего по объективным причинам, фашистская пропаганда не может быть полностью рациональной. Фашизм имеет целью репрессивное сохранение антагонистического общества, имеет, следовательно, в глубине иррациональную цель. Рационален он только когда речь идет об интересах отдельных групп или индивидов. Несоответствие между такими интересами и иррациональностью целого становится весьма ощутимым. По-видимому, тайное сознание иррациональности конечных целей («движения») создает что-то вроде нечистой совести у отдельных фашистов, что помогает преодолеть гипнотический элемент. Он перестает думать не потому, что он глуп и не видит собственных интересов, а потому что не хочет признать наличие расхождения между собственными интересами и интересами целого. Он перестает думать, так как это для него «рационально» неудобно. И чтобы не потерять свое псевдодоверие, он должен постоянно включать ненависть, составную часть своей «веры». Фашистский гипноз — это в большей степени самогипноз.

⁷ Эта мысль, разработанная Институтом социологии много лет назад, развита независимо от этого и с отклонениями в исследовании Эрика Гомбюргера Эриксона: *Hitler's Imagery and German Youth* (Образ Гитлера и немецкая молодежь). «Психологи преувеличивают отцовские качества Гитлера. Гитлер — подрастающий молодой человек, который никогда не стремился стать отцом, даже в побочном смысле, кайзером или президентом. Он не повторяет ошибки Наполеона. Он фюрер: прославленный старший брат, который замещает отца, перенимая все его привилегии, но не отождествляя себя с ним слишком отчетливо; он называет своего отца старым и одновременно еще ребенком, и оставляет для себя позицию того, кто молод и продолжает обладать высшей властью. Он несломленный юноша, избравший карьеру по ту сторону счастья и мира, главарь банды, который объединяет своих парней, требуя от них восхищения собой, распространяя террор и хитро вовлекая их в преступления, из которых нет выхода назад. Но он безжалостный эксплуататор родительской несостоятельности». Эриксон, стр.480 и далее.

⁸ Этот мотив, как ни странно, находим в конце Парсифаля Вагнера, который, рассмотренный в целом, представляет собой нечто вроде антисемитской криптограммы. Последние слова оперы звучат так: «Спасение спасителю». Отцовский авторитет, представляемый Титурелем, изображается во всей опере весьма бессильным: Титурель отрекся от престола в пользу своего сына Амфортаса и умирает из-за его грехов.

⁹ И среди немецких фашистских вождей было нечто вроде «психологического разделения труда». Сам Гитлер подчеркивал в своем новогоднем послании 1934 года различия национал-социалистических типов фюрера: наряду с экстремально антипатриархальными и даже гомосексуальными, как Гитлер, Рэм, Ширах и Геббельс, есть более патриархальные, как «чиновник» Фрик. Сила влияния последней группы, однако, кажется, с момента захвата власти уменьшилась.

¹⁰ Та же самая дихотомия относится к речам Гитлера. Между его обращениями к старым членам партии и речами, предназначенными для общественности, существует большая разница. Впрочем, деление на публичные речи и речи для «домашнего пользования» имело общий характер и учитывалось почти официально. Логика манипуляции cynично признает наличие разных «книжек».

¹¹ Taylor, Edouard, *Strategy of Terror*, Boston 1940.

¹² Следует назвать только несколько примеров

«Трансфер»

По всем признакам в этой стране поднимается великий крестовый поход американских христианских крестоносцев, и это означает, что мы в следующие 12 месяцев можем продолжать действовать через эту радиостанцию также когда замкнется кольцо на национальном уровне, и что только это движение спасет Соединенные Штаты Экс-президент Гувер вчера сказал «Америка несет ответственность перед миром, далеко за пределами нашей собственной страны поскольку речь идет о демократии и демократической форме правления и сохранения свободы религии индивида» Мои друзья наш экс-президент прав если наш народ не сохранит свободу, которую дали нам наши предки » Цитата из Гувера об интернациональной ответственности Америки — это общее место, это всегда мог бы высказать любой государственный деятель Томас, однако добавляя уверение, что его организация спасет США, создает впечатление, как будто Гувер одобряет «американский христианский крестовый поход» В действительности согласие относится к такому абстрактному утверждению что практически каждый мог бы его разделить Авторитет Гербера Гувера который не случайно цитируется как экс-президент, Томас переносит на свою группу замалчивая что согласие касается некоторых туманных банальностей Нет никакого обоснованного доказательства того что Гувер симпатизирует пропаганде Томаса

«Грузовик с оркестром»

Томас представляет каждое поступившее письмо как знак лавинообразного характера своего движения «Здесь одно из Огайо, которое показывает размеры движения выходящее за рамки этой станции, другое из Кентукки, в котором заказывается много брошюр, одно из Небраски, одно из Оклахомы другое из Орегона Я это вам рассказываю, чтобы вы знали какие размеры принимают эти дела» В одном характерном примере идея «грузовика с оркестром» комбинируется с картиной разрушительной силы «Я держу в руке 8-10 писем Одно от сестры из Комптона Она говорит “Я рада что Вы произвели выстрел, который слышен повсюду в Америке”»

¹³ Sanders A, Social Ideas in the McCluffey Readers, in Public Opinion Quarterly Vol V Herbst 1941 S 579 f

¹⁴ Все три выражения имеют абсолютно одно значение, у всех, кроме того имеется некоторый мещанский оттенок и нет никаких ассоциаций с дворянством Латинское слово «dux» стало относительно рано употребляться в отношении феодальных полководцев (герцогов) и потеряло поэтому свое первоначальное функциональное отношение к кому-либо, кто тянет за собой других Это феодальное определение некоего dux qua Herzog в итальянском языке выражается словом duca Муссолини, называя себя не duca, а Duce сознательно обращается к первоначально функциональному значению У фюрера ларизма становится профессией, нечто вроде работы, которую нужно сделать

Черты антифеодального мы находим, между прочим у Рихарда Вагнера Его Ринци присваивает себе чрезвычайно значительный титул «трибун», который относится к римскому представителю плебса а Лознгрин называется защитником Брабанта Защитником, или протектором стали титуловаться нацисты и этот титул был присвоен пресловутому Хейдриху Следует отметить родство таких трюков с трюком « посланец»

¹⁵ Сравним с этим роль которую играло в Германии понятие «старый товарищ по партии», и презрение, с которым Геббельс относился ко всем тем кто присоединился к партии после марта 1938 года

¹⁶ Сравните утверждения, что он служит некоторым демократическим и республиканским политиком для обеих целей, социально желательных и не желательных Иногда цели могут быть желательными, однако психологические импликация самого трюка пагубными Он устанавливает конформизм в качестве морального принципа и господина «Посредственность», как лучшего человека, только

потому, что он посредственность Изд-во Альфред Маклаиг Ли и Элизабет Брайнт, The Fine Art of Propaganda New York 1939

¹⁷ Это особенно относится ко всем видам антисемитских замечаний Льюис Браун возвел в символ этот трюк, назвав свою книгу «See what I mean?» («Понимаешь, что я имею в виду?») New York 1943

¹⁸ В Германии тенденция к всеобщему упадку особенно заметна Чувство безнадежности при режиме Гитлера никогда не ослабевало Однако такая всеобщая сила разрушения на американской сцене ни в коем случае не отсутствует Мы напомним только об афере вокруг фильма о Сан-Франциско который смакует детали катастрофы слепых природных сил Жажда разрушения направляется сначала против цивилизации и только потом против определенных групп как чрных, так и евреев Ср Н Cantril, The Invasion from Mars, Princeton 1940

¹⁹ Сравните трюк «неутомимость» стр 320 и след

²⁰ Как например Уинрод, Кафлин, Джефферс и Хаббард

²¹ Сравните Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно, Элементы антисемитизма Диалектика просвещения Амстердам, 1947 г, стр 199 и след

²² См об этом Хоркхаймер и Адорно вышеназванное произведение, стр 212 и послед

²³ Ср Ф Ньюманн, Бихимоуз, Нью-Йорк 1942, например «По новой (национал-социалистической) теории, государство не обладает монополией на принятие политических решений Шмидт делает вывод, что государство больше уже не определяет политический элемент, а определяется им, т.е партией Ньюманн даже оспаривает что немецкая политическая система вообще является «государством» (ср стр 467 и след)

²⁴ Сравни трюк «движение»

²⁵ Сравни трюк «освобождение чувств»

²⁶ Немецкий анекдот, который пользовался большой популярностью до Гитлера, адекватно выражает эту мысль «Евреи несут вину» — «Нет велосипедисты» «Как так велосипедисты?» — «А как так евреи?» За мотивом этого анекдота, который ни в коем случае не является «смешным», но который попадает в суть, должна тщательно проследить контрпропаганда

²⁷ Упоминание «всех организаторов и секретарей» вероятно, является проекцией желания Томаса о бюрократии Он — это тот, кто постоянно хочет что-то организовывать, и мечтает о том, чтобы иметь бесчисленное количество секретарей

²⁸ Лютер использует для этого то же самое выражение в своей книге против евреев, где он выступает за то, чтобы отдать их на принудительные работы Ср Институт социальных исследований Труды по психологии и социальным наукам, исследовательский проект об антисемитизме Том IX, вышеназванной книги, стр 128

Содержание

Теодор Адорно и его концепция авторитарной личности (В.П. Култыгин.)	3
--	---

I. Введение (Т.В. Адорно, Эльза Френкель-Брюнсвик, Даниэл Дж. Левинсон и Р. Невитт Сэнфорд.)

<i>Перевод Л.К. Латышева</i>	15
А. Проблема	15
В. Методология	27
1. Общие характеристики	27
2. Приемы исследования	28
С Сбор данных	35
1. Группы испытуемых	35
2. Распределение и сбор опросных листов	40
3. Отбор испытуемых для интенсивных клинических исследований	42
Примечания	44

II Измерение антидемократических черт в структуре характера (Р. Невитт Сэнфорд, Т.В. Адорно, Эльза Френкель-Брюнсвик и Даниэл Дж. Левинсон.)

<i>Перевод Л.К. Латышева</i>	45
А. Введение	45
В. Конструкция шкалы фашизма (шкалы F)	48
1. Теоретические соображения	48
2. Формулирование шкальных высказываний	66
С. Результаты по различным формам шкалы F	67
1. Статистические свойства первоначальной шкалы (форма 78)	67
2. Анализ высказываний и усовершенствование шкалы	69
3. Второй вариант шкалы F (форма 60)	74
4. Третий вариант шкалы F (форма 45 и 40)	81
Д. Корреляция шкалы F со шкалами E и PEC	91
Е. Различия в средних показателях по шкале F у различных групп	95

Ф. Заключительное замечание	99
-----------------------------------	----

III. Предубеждение в материалах интервью (Т. В. Адорно.)

<i>Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко</i>	103
А. Предисловие	103
В. «Функциональный» характер антисемитизма	107
С. Воображаемый враг	111
Д. Антисемитизм — к чему?	117
Е. Два типа евреев	123
Ф: Дилемма антисемита	129
Г: Обвиняющий в роли судьи	131
Н: Неприспособившийся буржуа	140
Г: Наблюдения над категорией с низким числом баллов	148
Ж: Заключительные замечания	159
Примечания	161

IV. Политика и экономика по материалам интервью

(Т. В. Адорно.) <i>Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко</i>	162
А. Введение	162
В. Формальные элементы политического мышления	165
1. Незнание и непонимание	165
2. «Навешивание ярлыков» и персонификация в политике	171
3. Поверхностная идеология и истинное мнение	180
4. Псевдоконсерватизм	185
Экскурс о значении псевдоконсерватизма	193
5. Комплекс узурпатора	196
6. Ф. Д. Рузвельт	201
7. Бюрократы и политики	205
8. Нет рая на земле	207
9. Нет жалости к бедным	210
10. Воспитание вместо изменения общества	213
С. Несколько политико-экономических тем	215
1. Профсоюзы	215
2. Экономика и государство	227
3. Одиночка и политические будни	231
4. Внешняя политика и Россия	235

5 Коммунизм	241
Примечания	245
V Религиозные представления по материалам интервью	
(Т В Адорно) <i>Перевод М Н Попова и М В Кондратенко</i>	247
А Введение	247
В Общие наблюдения	250
С Специфические выводы	253
1 Функции религии у людей с предрассудками и без них	253
2 Вера в Бога, но не в бессмертие	256
3 Нерелигиозные и лишенные предубеждений	259
4 Религиозные и лишенные предубеждений	263
Примечания	264
VI Типы и синдромы (Т В Адорно)	
<i>Перевод М Н Попова и М В Кондратенко</i>	265
А Исходные данные	265
В Синдром лиц с предрассудками	274
1 Поверхностное неприязненное чувство	275
2 Конвенциональный синдром	278
3 Авторитарный синдром	281
4 Бунтовщик и психопат	285
5 «Фантазер»	288
6 «Манипулятивный тип»	291
С Синдромы свободных от предрассудков	295
1 «Закостенелый» свободный от предрассудков	296
2 «Протестующий» свободный от предрассудка	298
3 «Импульсивный» свободный от предрассудков	301
4 «Непринужденный», лишенный предрассудков	304
5 Врожденный либерал	307
Примечания	310
VII Психологическая техника в речах Мартина Лютера	
Томаса по радио (Т В Адорно)	
<i>Перевод М Н Попова и М В Кондратенко</i>	312
1 Личностный элемент — самохарактеристика агитатора	312

Вводные замечания	312
Трюк «одиноким волком»	314
Трюк «освобождения от чувств»	316
Трюк «преследуемая невинность»	319
Трюк «неутомимость»	320
Трюк «посланец»	322
«Большой маленький человек»	324
Человеческий интерес	327
«Доброе старое время»	328
2 Метод Томаса	330
Вводные замечания	330
Трюк «движение»	332
Техника «бегства от мысли»	333
«Слушайте своего вождя»	336
Экскурс в технику «Fait accompli»	340
Трюк единства	343
Демократическая маска	345
«Если бы вы только знали»	348
Трюк «грязное белье»	351
Трюк «содрогание от ужаса»	354
Трюк «последний час»	356
Трюк «черная рука» (тайное судилище) Feine	358
«Давайте будем практичными!»	360
3 Религия как средство	364
Вводные замечания	364
Техника «языка»	366
Техника разложения	368
Трюк «овцы» и «козлища»	371
Трюк «личный опыт»	373
Антиинституционный трюк	376
Антифарисейский трюк	378
Религиозные отвлекающие маневры в действии	380
Трюк «вера наших отцов»	382
4 Идеологическая травля	384
Вводные замечания	384
Имидж коммуниста	385

Трюк «коммунист и банкир»	387
Нападки на правительство и президента	391
Трюк «возьми свою постель и ходи»	394
«Евреи идут»	396
Трюк «проблема»	398
Позиция Томаса в отношении внешней политики	400
Заключительные замечания	403
Примечания	404

Теодор Адорно

Р. Невитт Сэнфорд, Эльза Френкель-Брюнсвик,

Даниэл Дж. Левинсон

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ

Редактор: И. Н. Лаурльшгайн

Худ. редактор: И. Н. Щербатов

Корректор: И. Н. Лорелия

Компьютерная верстка: И. Н. Сиренко

**Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры**

Лицензия ИД № 03600 от 19.12.00

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.12.00

Формат 60×88 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26. Тираж 2000 экз. Зак. № 4022

**АНО «Академия исследований культуры»
123056, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 60, стр. 1**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д 12**

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
